РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВ им. Г.Цадасы
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й

К У М Ы К С К И Й Я З Ы К

Махачкала 2014

ББК 811.351
УДК 81.2
А-13

Ответственный редактор -

доктор филологических наук,
профессор **Н.Э.Гаджиахмедов**

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор **Н.Х. Ольмесов**,
кандидат филологических наук **Ф.А. Муратчаева**

Абдуллаева А.З., Гаджиахмедов Н.Э., Кадыраджиев К.С., Керимов И.А., Ольмесов Н.Х., Хангишиев Д.М.

А-13 Современный кумыкский язык. - Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. - 557 с.

ISBN 978-5-91431-113-8

В монографии дано систематическое описание грамматического строя современного кумыкского литературного языка – его фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. Грамматика носит нормативный характер.
Книга предназначена для широкого круга читателей: студентов аспирантов, преподавателей, специалистов-тюркологов.

ISBN 978-5-91431-113-8

© Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, 2014
© А.З. Абдуллаева, Н.Э. Гаджиахмедов,
К.С. Кадыраджиев, И.А. Керимов,
Н.Х. Ольмесов, Д.М. Хангишиев, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой описание грамматического строя современного кумыкского литературного языка. Задача создания данной грамматики назрела давно и становится все более актуальной по мере развития кумыкского и тюркского языкознания. Со времени публикации широко известной первой академической «Грамматики кумыкского языка»

чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева (М.; Л., 1940), давно ставшей библиографической редкостью, прошло уже более 65 лет. За это время были пересмотрены многие освещенные традицией решения, накоплены новые материалы. Все это сделало актуальной задачу такого описания кумыкской грамматической системы, которое бы отразило развитие теоретических поисков и собственно исследовательской работы за истекшие годы. Кроме того, необходимо было удовлетворить давно назревшую потребность в относительно компактном описании грамматического строя кумыкского языка в его современном состоянии.

В трудах кумыкских ученых получили дальнейшее развитие плодотворные идеи Н. К. Дмитриева о звуковом и грамматическом строе кумыкского языка, впервые были отмечены и описаны многие явления кумыкской фонетики, фонологии и грамматики, ранее остававшиеся незамеченными. Кроме того, за истекшие годы, особенно за последние десятилетия, расширились и углубились наши общетюркологические познания в области грамматики, фонологии и лексикологии. Появились новые разделы тюркского языкознания: фонология, фономорфология, стилистика, актуальное членение предложения и др., достижения, которые побуждают по-новому взглянуть на многие явления кумыкской фонологии и грамматики. Накопилось значительное число работ, посвященных общим вопросам теории тюркского слова и синтаксиса. Выявлены новые фактические материалы, идущие в разрез с существующим толкованием ряда словоизменительных категорий, способов формального выражения грамматических значений и многие другие. В их свете с полным основанием пересматриваются многие традиционные положения, предлагаются новые решения.

Авторы стремились к наибольшей полноте охвата всех уровней языка, к точности его грамматической характеристики на уровне достижений тюркской лингвистической мысли. Замысел этот удался, к сожалению, далеко не во всем. Это объясняется главным образом неравномерной изученностью многих разделов грамматики и отсутствием единства в теоретическом осмыслении и лингвистической квалификации ряда явлений фонетики, синтаксиса и морфологии не только в кумыкском, но и в тюркском языкознании. Отсутствие однозначного решения многих сложных вопросов грамматического строя тюркских языков, естественно, не могло не отразиться в настоящей грамматике.

Грамматический строй кумыкского языка изучен неравномерно. Поэтому перед авторами во многих случаях вставали задачи большой исследовательской работы.

Эта книга не может служить всеобъемлющим грамматическим справочником. Ее цель не в том, чтобы дать исчерпывающий свод действующих грамматических правил (хотя во многих главах читатели смогут заметить стремление к полноте описания), а в том, чтобы показать языковые явления в системе, последовательно разделяя аспекты формы и ее функции. При этом в самом описании функциональный аспект подчинен аспекту формальному.

Везде, где это было возможно, авторы старались избежать сугубо специальных обозначений и не перегружать книгу малопонятными терминами. Все введенные в текст необходимые специальные обозначения объясняются.

Результаты теоретических поисков и многочисленных специальных исследований в области кумыкского и тюркского языкознания, выполненных за истекшие годы, настолько значительны, что их использование при создании академической грамматики составляет самостоятельную задачу, без осуществления которой уже невозможно создать такой труд на подлинно научной основе. Обилие разных систем и концепций, конечно, осложняло задачу. Однако здесь есть и другая сторона. В последние годы появилось много ценных конкретных исследований в области тюркской морфологии, синтаксиса, словообразования, морфонологии, фонетики. Эти исследования — пусть опирающиеся на разные, часто взаимоисключающие теории — в значительной степени облегчили работу над «Грамматикой». Здесь прежде всего следует назвать труды чл.-корр. АН СССР Н.К.Дмитриева, акад. АН СССР А.Н.Кононова, Н.А.Баскакова, Б.А.Серебренникова, Э.Р.Тенишева, А.Н.Баскакова, К.М.Мусаева, А.М.Щербака, С.Н.Иванова, В.Г.Гузева и ряд других работ. Естественно также то, что авторы широко пользовались материалами и выводами других исследователей: вышедшими грамматиками по другим тюркским языкам, сравнительно-историческими грамматиками тюркских языков, статьями и исследованиями, посвященными отдельным грамматическим явлениям.

Грамматика рассчитана на широкий круг специалистов не только по кумыкскому, но и по другим тюркским языкам, а также для аспирантов и студентов профилирующих кафедр вузов тюркоязычных республик.

Она составлена коллективом специалистов по кумыкскому языку Института языка, литературы и искусства им. Г.Цадасы Дагестанского научного центра РАН, Дагестанского государственного университета и Дагестанского государственного педагогического университета.

Авторами разделов предлагаемой грамматики являются:

Абдуллаева А.З. – Сложное предложение; **Гаджиахмедов Н.Э.** – Введение. Фонетика. Кумыкский алфавит и орфография. Морфология. Вводые замечания. Имя существительное. Имя прилагательное, Имя числительное. Местоимение. Наречие. Уступительное наклонение. Должествовательное наклонение. Виды синтаксической связи. Словосочетание. Порядок слов в предложении. Сравнительное сложноподчиненное предложение. Инфинитивно-модальные предложения. Периоды. Прямая речь. Косвенная речь; **Кадырраджиев К.С.** – Лексика; **Керимов И.А.** – Простое предложение; **Ольмесов Н.Х.** – Сведения по фономорфологии. **Хангишиев Д.М.** – Глагол. (кроме уступительного и долженствовательного наклонений). Служебные части речи.

ВВЕДЕНИЕ

К характеристике современного кумыкского языка. Кумыкский язык, являясь в своей основе кыпчакским языком, прошел исторически длительный путь своего формирования. Все исторические и лингвистические данные со всей очевидностью указывают на то, что кумыки являются ближайшими наследниками кыпчаков (половцев), а кумыкский язык, несмотря на некоторые его специфические черты, полученные им в процессе своего развития и связи с родственными (огузским и булгарским) и неродственными (кавказскими) языками, в полной степени сохранил свою кыпчакскую основу, что позво-

ляет отнести его к группе кыпчакских языков, внутри которых он вместе со старым кыпчакским (половецким) и с современными карачаево-балкарским, караимским и крымско-татарским, составляет особую кыпчако-половецкую подгруппу. В научных трудах конца XVIII — первой половины XIX вв. иногда назывался кавказским наречием (диалектом) татарского (по тогдашней терминологии), т.е. тюркского, языка.

Происхождение этнонима «кумык» пока не установлено; многие исследователи отождествляют его с термином «кимак» — названием объединения тюркских племен, оформившегося ко второй половине IX в.

Кумыки живут в Республике Дагестан (365804 тыс. человек). Число говорящих в России по переписи 2002 года составляет 422409 человек. Анализ размещения отдельных дагестанских национальностей, проживающих за пределами Республики Дагестан, показывает, что наибольшее число кумыков проживает: в Республике Северная Осетия – Алания (12659 человек), Тюменской области (12343 человек), Чеченской Республике (8883 человек), Ставропольском крае (5744 человек).

Кумыкский язык в соответствие с Конституцией Республики Дагестан 1994 г. признан государственным языком наряду с русским и некоторыми другими языками Дагестана. Он используется в качестве средства обучения в начальной школе и преподается как предмет в средней школе, средних специальных учебных заведениях и вузах. На кумыкском языке издается учебная, художественная и публицистическая литература, выходят газеты и журналы, осуществляется радио- и телевещание, функционирует театр. Центрами научного изучения языка являются Институт языка, литературы и искусств им. Г.Цадасы Дагестанского научного центра РАН, факультет дагестанской филологии Дагестанского государственного университета, факультет дагестанской филологии Дагестанского государственного педагогического университета.

Кумыкский литературный язык, в основу которого легли буйнакский и хасавюртовский диалекты, сформировался в начале 19-го столетия. Бессистемная аджамская письменность кумыков, основанная на арабской графике, после установления Советской власти была упорядочена и приняла общую для всех

кумыков форму. В 1928 г. письменность была переведена на основу латинизированного алфавита. С 1938 года кумыки пользуются русской графикой.

Современный кумыкский национальный язык представлен двумя основными формами — литературной и народно-разговорной.

Общность буйнакского и хасавюртовского диалектов, носители которых и составляют основную массу кумыкского народа, при определенных различиях этих диалектов в области фонетики, морфологии и лексики всегда была и остается главным фактором в развитии единого разговорного общенародного кумыкского языка, а различительные черты диалектов служили и могут служить в дальнейшем базой обогащения национальных основ и выразительных средств всех форм кумыкского языка. Литературный язык, вбирая в себя все накопленное богатство существующих разновидностей народно-разговорной формы языка, должен был упрочить и расширить свой общенародный фонд за счет ресурсов именно этих двух диалектов, на которые и стало всецело ориентироваться языковое строительство, начиная с 1940 г.

Сама нормализация литературного кумыкского языка и пополнение его необходимой лексикой за счет ресурсов кумыкских диалектов и других источников практически протекала в сфере массовой коммуникации, по мере развития национальной публицистики и многожанровой художественной литературы. Они постепенно вбирали в себя накопленное богатство кумыкской народной лексики, все более расширяя ее состав за счет устоявшихся популярных лексических ресурсов прежней литературной традиции, заимствований из русского языка и новой терминологии, более или менее активно применяемой до этого лишь в учебной и специальной литературе, предназначенной для ограниченного круга читателей. Литературный язык постепенно включал в себя общую лексику местных диалектов и говоров и незначительную часть специфических кумыкских слов, в том числе и диалектизмов.

Письменный литературный язык в начальный период своего формирования наряду с названным основным источником — народно-разговорным языком и диалектами — широко пользовался также и традиционной лексикой, которая ранее не входила в активный запас слов даже грамотного слоя кумыкского населения. Большую часть этого лексического наследия, бытовавшего в то

время в печати, составляли заимствованные в свое время слова арабского и персидского происхождения, недоступные для массового читателя. Такова была, в частности, общественно-политическая, научно-техническая и учебная терминология, без которой невозможно обойтись и которая из-за отсутствия ее эквивалентов в народном кумыкском языке использовалась почти неограниченно.

Сравнительно быстро сформировались и устоялись нормы кумыкской фонетики и орфоэпии. Вполне закономерно, что столь большая общность кумыкских диалектов и говоров в области фонетики послужила централизующей основой при становлении нормативной фонетики, учитывающей те черты, по которым опорные кумыкские диалекты и их говоры отличаются друг от друга. Но нормирование фонетики требовало сознательного вмешательства: отбора фонетических диалектизмов, представленных в опорных диалектах.

Становление и стабилизация единых литературных норм фонетики, грамматики и лексики явились необходимыми факторами для дальнейшего успешного развития современного кумыкского национального языка. Нормы эти определили основу его единства, создали условия для интенсивного взаимодействия и обогащения всех его разновидностей, для их постепенной унификации под возрастающим влиянием литературного языка, который ныне благодаря густой сети школ, культурно-просветительских учреждений, осуществлению всеобщего среднего образования, развитию науки, национальной литературы и искусства, радиовещания и телевидения и т. п. проникает во все сферы общения на родном языке и вызывает существенные сдвиги в развитии разговорного кумыкского языка и всех его территориальных диалектов и говоров.

Заметное благотворное влияние литературного языка претерпевают ныне все диалекты и говоры кумыкского языка.

По мере того, как нормализованный литературный язык становится достоянием всего кумыкского населения, пользующегося родным языком, он сам в своем дальнейшем развитии испытывает по-прежнему благотворное влияние разговорного языка кумыков, все более широко вбирая в себя его богатейшие ресурсы в области лексики и синтаксиса и тем самым обогащая свои выразительные возможности и их стилистическое развитие. Значительным источни-

ком обогащения и укрепления жизнеспособности современного кумыкского литературного языка служат родственные тюркские языки и стимулирующее влияние русского языка, через посредство которого широким потоком вливаются международная терминология и устоявшиеся во многих языках мира синтаксические и терминологические кальки с латинского, французского, английского, немецкого и других индоевропейских языков, а также прямые лексические заимствования из самого русского языка.

После перехода письменности на новый латинский алфавит постепенно начали вырабатываться правила кумыкской орфографии. Однако элементарные правила появились еще в первых школьных грамматиках кумыкского языка. Значительным толчком к разработке вопросов орфографии послужило создание учебников родного языка для V—VII классов кумыкской школы. Однако в течение ряда лет не было создано достаточно развернутого свода правил орфографии. В написании слов продолжал господствовать большой разнобой.

С ростом культуры и повышением образовательного уровня населения все больше возрастала потребность в знании русского языка. Русский язык открывал кумыкам доступ к высшим ступеням образования, к овладению специальными знаниями в области науки, техники, экономики и вообще к овладению мировой культурой во всем ее многообразии. Такая глубокая потребность в знании русского языка, являющегося языком межнационального общения, наблюдается не только среди кумыкского народа. Она представляет собою общую закономерность в культурном развитии всех многочисленных народов бывшего Советского Союза. В силу этой закономерности во второй половине 30-х годов среди всех тюркоязычных народов началось движение за переход с латинского алфавита на русский алфавит, что благоприятствовало сближению языков этих народов с русским языком. Это движение было поддержано руководящими союзными организациями.

Специфические звуки кумыкского языка предполагалось обозначать сочетанием соответствующих букв или диакритическими знаками. Это мотивировалось упрощением техники печатания (любую тюркоязычную книгу можно было издать в любом городе).

Непосредственной опорой и орудием в развитии литературного языка послужила национальная кумыкская письменность, зачатки которой возникли еще в дореволюционное время.

Как язык младописьменный, кумыкский литературный язык и в настоящее время во многом еще находится на стадии своего первоначального формирования и становления. Основными источниками его развития являются: 1) живой разговорный язык кумыкского народа; 2) язык устного народного творчества; 3) литературный язык русского народа.

Литературный язык должен быть общим языком всего народа, близким и понятным для широких масс населения, для представителей большинства диалектов данного языка. В языках, имеющих крупные диалектные расхождения, обычно за основу литературного языка приходится принимать диалект или группу диалектов, представляющих большинство населения или играющих более значительную роль в общественном развитии народа. В кумыкском языке, как говорилось выше, нет больших диалектных различий, затрудняющих взаимное понимание при пользовании общим языком, поэтому кумыкский литературный язык может опираться почти в равной мере на все местные говоры кумыкского языка, особенно в области грамматики и лексики.

В произведениях устного творчества кумыкский народ веками концентрировал богатство и силу своего языка. В разнообразных жанрах фольклора представлены различные стили языка. Особенно красочным и богатым изобразительными средствами является язык народной поэзии, представленный в произведениях героического эпоса и в народных песнях. Необычайная яркость и красочность изобразительных средств языка народных песен издавна приводила в восхищение исследователей кумыкского языка и фольклора. Образцом стиля повествовательной речи и описания можно считать язык народных сказок, легенд и преданий. Чрезвычайной лаконичностью отличается язык пословиц и поговорок. Таким образом, можно полностью согласиться с теми, кто утверждает, что кумыкский народ, как и другие народы, еще в бесписьменный период своего развития имел хорошо слаженный и отточенный народный литературный язык. Этот язык является неисчерпаемым источником обогащения

современного литературного языка. Особенно тесную связь с устным народным творчеством имеет кумыкская поэзия и художественная проза.

Русский литературный язык является неисчерпаемым источником развития кумыкского литературного языка не только в смысле заимствования слов и обогащения лексических средств. Неоценимую помощь оказывает также весь богатейший многовековой опыт формирования и развития самого русского литературного языка в целом. Этот многогранный опыт во многом служит для кумыкского языка образцом и примером творческого применения и подражания. Сюда относится, например, опыт дифференциации жанров, стилей и различных сфер функционирования литературного языка, образцы художественной литературы различных жанров, опыт разработки норм литературного языка и т. п.

Исторически сложившиеся условия и окружение кумыкского народа таковы, что другим источником заимствования слов для него являются кавказские языки - чеченский, аварский и даргинский, издавна оказывающие на него непосредственное культурное влияние.

К вопросу о происхождении кумыкского языка. Вопрос о происхождении кумыков и кумыкского языка издавна привлекал к себе внимание ученых. Начиная с конца XVII в. по вопросу о происхождении кумыков возникла обширная литература. В разное время были высказаны самые различные догадки, предположения и гипотезы, но ни одна из них не получила общего признания. В настоящее время в основном доминируют теории о местном кавказском, булгарском, кумано-половецком, золотоордынском, кыпчакском происхождении кумыков. Несовпадение мнений объясняется особой трудностью и сложностью данного вопроса, обусловленной прежде всего отсутствием письменных памятников, отражающих раннюю историю кумыкского народа.

В научных кругах идет полемика по поводу того, какой из существующих теорий о происхождении кумыков, соответственно, и их языка следует отдавать приоритет. Традиционно усилия ученых в исследовании этнолингвогенеза направляются по какому-то одному руслу – на поиски единого и единственного исторического предка языка и его носителя – народа. Формирование кумыкского народа происходило непосредственно в предгорьях и отрогах Кав-

каза под непосредственным влиянием собственно кавказского субстрата. На самом деле, история не знает чистых этносов. Практически все современные этносы мира сложились в результате самых разнообразных и многократных перекрещиваний, слияний, контактов различного характера со многими родственными и неродственными народами, с которыми их сводила общность исторической судьбы. Воздействие кавказского субстрата, безусловно, имеет место в кумыкском языке. Однако оно в общей сложности было относительно незначительным и не затронуло структуры кумыкского языка в целом.

Тюркская компаративистика достигла такого уровня развития, что она уже не только дает историкам лингвистический материал о дописьменных периодах истории носителей отдельных языков, но наряду с археологией, этнографией выступает одной из равноправных компонентов истории этноса. Сравнительно-исторические наблюдения говорят о формировании диалектной системы кумыкского языка (кумыкского народно-разговорного языка) в постзолотоордынский период. Если смотреть с вершин тюркской компаративистики самый архаический уровень кумыкского языка теряется в глубинах истории за тем условным диахроническим срезом, который принято называть прототюркским состоянием. Соответственно и история кумыкского народа в конечном итоге восходит к прототюркам. Однако это ни в коей мере не означает, что современные кумыки имеют своим предком только прототюрков. На своем долгом историческом пути предки кумыков приняли в свой состав многие и многие безвестные и известные племена, постепенно ассимилировали их, освоили и усвоили, сделали своими и, наконец, превратили в самих себя - кумыков.

Таким образом, предполагается, что процесс формирования современного кумыкского народа совершался на протяжении длительного времени и происходил на базе смешения и слияния разнородных этнических элементов.

В приведенной гипотезе имеется еще много неясного, предположительного и недостаточно убедительного. Возможно, что с дальнейшим развитием исторической науки, археологии, лингвистики и других смежных областей знания многое в ней получит более убедительное подтверждение и уточнение, а кое-что может быть и отвергнуто.

Историография изучения кумыкского языка. Едва ли нужно доказывать, что для глубокого изучения кумыкского языка совершенно необходимо подвести точные итоги тому, что в этой области уже сделано, т. е. произвести тщательный учет всей предшествующей литературы по кумыкскому языку как части литературы по кумыковедению вообще (Н.К.Дмитриев).

Первые сведения о кумыках и их языке стали достоянием науки уже в начале Х1Х века в трудах известного немецкого путешественника и исследователя Г.Ю. Клапрота. Его перу принадлежит первый список племен и народов Кавказа и первый глоссарий кумыкского языка. Кумыкская лексика в сопоставлении с рядом других тюркских слов приводится в известном труде Г. Ю. Клапрота «Reise in den Kaukasus und nach Georgien (in den Jahren 1807 und 1808)» (Bd. 1-2. Halle-Berlin, 1814). Французский перевод: Voyage au Caucas et en Georgie. Paris, 1832.

Первые записи образцов кумыкского языка относятся к 70-м годам XVIII в. Сюда относятся лингвистические материалы, собранные Бакмейстером, и некоторая часть материалов П.С. Палласа, позднее переданные Федору Павловичу (Фридриху) Аделунгу (1768—1843), почетному члену Академии наук. Большая часть словарных материалов П.С.Палласа впоследствии поступила в распоряжение академика А. М. Шёгрена (1794— 1855). Тюркские словарные материалы из архивов Бакмейстера, Аделунга и Палласа, особенно «Сравнительный словарь всех языков и наречий» (СПб., 1787-1789) могут с пользою служить целям сравнительно-исторической лексикографии. В этой связи акад. А.Н.Кононов отмечает еще следующие работы: «Dialectus linguae tataricae qua Kumiki utuntur» (10 стр.). — Русские числительные (стр. 1—2); фразы в переводе на кумыкский язык в трех начертаниях: арабскими, русскими и латинскими буквами (стр. 2-10). В подстрочных примечаниях приводятся сведения о произношении отдельных кумыкских гласных и согласных. На последней ненумерованной странице написано: «Reçû par Mr. le Professeur Güldenschtädt, le 18 Sept, 1775». 2. «Dialectus linguae tartaricae qua Kumiki utuntur in loquendo ex traductione Studiosi Krascheninnikow» (7 стр.). Русские числительные и фразы в переводе на кумыкский язык, русскими и ла-

тинскими буквами. В верхнем левом углу помета Аделунга: «Aus Hrn. Gtildenstadtschen Papieren im Archiv der Academie der Wissenschaften».

А. А. Шифнер, научные интересы которого простирались от палеоазиатских до кавказских языков, составил (или, может быть, получил от кого-нибудь уже готовый) русско-кумыкский разговорник, дошедший до нас в копии, снятой К. Г. Залеманом (Qumiqische Gesprache. Nach einer vom Akademiker Schiefner mitgeteilten Handschrift abgeschrieben von C. Salemann. Reval, 1871) и исследованный Н. К. Дмитриевым в статье «Материалы по истории кумыкского языка» (В сб.: Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. II, М,—Л., 1949, стр. 183—247). О давнем интересе К.Г. Залемана к кумыкскому языку свидетельствует также составленный им в студенческие годы (1867— 1871) «Русско-кумыкский словарь».

Некоторые сведения о кумыках и об их языке содержатся в работах известного тюрколога И.Н.Березина «Путешествие по Дагестану и Закавказью» (Казань, 1849) и Н.А.Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» («Живая старина». Вып. 4. СПб, 1996).

Конец первой половины X1X века знаменателен тем, что в этот период наряду с зарубежными и русскими исследователями языков народов Кавказа появляются и местные лингвисты, этнографы, писавшие на русском языке. Первым по времени лингвистом, этнографом и историком из кумыков был Д.М. Шихалиев, автор обширного очерка «Рассказ кумыка о кумыках» [1848].

Работа Т.Макарова «Татарская грамматика кавказского наречия» [Тифлис, 1948], несмотря на некоторые неточности в описании кумыкского языка, впервые дала науке довольно полные сведения о характере кумыкского языка, его диалектах, фонетической структуре, грамматическом строе и словарном составе. Сведения эти теперь широко используются тюркологами для различного рода выводов и обобщений.

В конце XIX в. опубликован ряд интересных материалов по кумыкскому языку: «Кумыкские тексты. Шікестелер, записанные в ауле Аксае учителем Цаллаговым» и «Кумыкские песни, записанные заведующим Костековским училищем М. Афанасьевым». В приложении приведены «Русско-

кумыкский словарь М. Г. Афанасьева» и «Кумыкско-русский словарь М. В. Мохира».

Вышедшие в начале XX века статьи Чобан-заде [«Предварительное сообщение о кумыкском наречии» // Известия Общества обследования Азербайджана, 1906); «Заметки по языку и словесности кумыков» // Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного университета, 1926, т. I (на русском и азербайджанском языках)] написаны слишком общо и далеки от точной характеристики кумыкского языка.

В 1911 году венгерский тюрколог Ю.Немет (Kumikisches und balkarisches Worterverzeihniss («Keleti Szemle», 1911—1912); G. Nemeth, Proben der kiimiikischen Volksdichtung. («Keleti Szemle», 1911—1912, S. 1274—1308) выпустил сравнительное исследование кумыкской и карачаево-балкарской лексики, где он пришел к выводу о ближайшем родстве между ними и, в свою очередь, о родстве этих языков с кыпчакским.

Первым собирателем кумыкского фольклора был кумыкский поэт и ученый, преподаватель Факультета восточных языков С.-Петербургского университета Магомед-Апенди Османов, собравший ногайские и кумыкские тексты, напечатанные [С.-Петербург, 1883]. В 1926 году М. Алибеков издал его «Сборник стихов», напечатанный арабским шрифтом. В специальной литературе обычно упоминается как «Ногайские и кумыкские тексты». На первой странице написано: «Нагайское наречие. Dialecte de Nahai». Начиная со стр. 106 приводится материал по кумыкскому языку — «Кумыкское наречие. Dialecte de Koumiks»: I. Пословицы и поговорки (стр. 106—122); II. Современные песни кумыков (стр. 123—142); III. Исторические песни кумыков (стр. 143— 160); IV. Дополнения к современным кумыкским песням (стр. 161-174).

Важное место в истории изучения кумыкского языка занимает кумыкский просветитель Абусуфьян Акаев, приспособивший к его фонетике арабский алфавит, составивший и издавший в 1915 г. четырехъязычный — арабско-кумыкско-аварско-русский — словарь (арабским шрифтом) под названием «Суллам ли лисан» (Лестница языков). Он же составил «Словарь иноязычных заимствований кумыкского языка».

Значительные материалы по лексике кумыкского языка содержатся в «Кумыкско-русском словаре» (от П до Т включительно), без имени автора, места и даты, хранящемся в научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского университета. Интересные материалы по кумыкскому и ногайскому языкам содержатся в «Этимологическом очерке кавказского диалекта тюркского языка, Рассуждение студента восточной словесности И.Адамова» (Казань, 1951).

В 1936 году А.А.Сатыбалов защищает кандидатскую диссертацию по лексике кумыкского языка. Он же опубликовал ряд статей по ономастике (1938) и по диалектологии (1937) кумыкского языка

В 1939 году выходят статьи профессора Ростовского университета М.К.Милых, посвященные вопросам диалектологии и грамматики кумыкского языка.

Сведения о кумыкском языке и его месте в системе тюркской группы языков содержатся в сравнительно-исторических обобщающих исследованиях А. Н. Самойловича, А. Е Крымского, В. А. Богородицкого, Г.И.Рамстедта, М.Рясянена, В.Котвича, Н. А. Баскакова, А.Н.Кононова, Л.С.Левитской и др.

Основы научного изучения фонетического и грамматического строя кумыкского языка заложены членом-корреспондентом АН СССР проф. Н. К. Дмитриевым, которым была составлена первая и пока единственная научная грамматика кумыкского языка (1940). В грамматике Н. К. Дмитриева дается характеристика диалектов кумыкского языка, описан его фонетический строй, рассмотрены вопросы морфологии и синтаксиса. Природу кумыкского языка как одного из самостоятельных и равноправных тюркских языков на убедительном материале наиболее полно и ясно впервые охарактеризовал Н. К. Дмитриев, которому кумыкское языкознание обязано своим становлением, успешным развитием и наиболее значительными достижениями. Части речи, грамматические категории имени существительного и глагола, разряды местоимений и числительных, основные словообразовательные формы знаменательных частей речи, наиболее употребительные структурные типы простых и сложных предложений и их членов и т. п. — свою первую полную и четкую

характеристику на надлежащем научном уровне кумыки получили в «Грамматике кумыкского языка» Н. К. Дмитриева.

В 1949 году А.Т.Базиев защищает в Москве кандидатскую диссертацию на тему «Система спряжения в кумыкском и ногайском языках. Это первое сравнительное монографическое исследование в кумыкском языкознании.

Современная разговорная речь кумыков все еще характеризуется диалектной пестротой, поэтому внимание к диалектологии не ослабевает. Специальное изучение диалектных особенностей кумыкского языка началось сравнительно недавно. За последние годы вышли монографические исследования, защищены кандидатские и докторские диссертации [Керимов 1953, 1967; Шахманова-Гарданова 1954; Ольмесов 1994, 1997; Хангишиев 1989; Гаджиахмедов 2006 и др.]. На данном этапе изучения еще рано делать широкие обобщения и окончательные выводы о диалектной дифференциации кумыкского языка на всей территории распространения кумыкского языка. Однако общая картина и теперь представляется более или менее ясной. Несмотря на отсутствие в кумыкском языке крупных диалектных различий, можно думать, что при детальном изучении и обобщении собранного материала все же обнаружится много интересного и ценного для освещения истории языка и самого народа, а также для дальнейшей разработки и корректирования норм литературного языка.

Однако данные по диалектологии и описательной диалектографии слабо используются для исследований по исторической грамматике кумыкского языка, чрезвычайно важной не только для изучения общих вопросов языка, но имеющей и практическое назначение. Еще большее значение данные диалектологии имеют для построения исторической грамматики, которая может быть создана только на основе живых современных диалектов кумыкского языка при отсутствии старых письменных памятников. Существующие диалектологические и диалектографические исследования не всегда отвечают этим задачам. Каждый диалект и говор должны быть представлены в исследованиях в полном системном виде, включая: описание их фонетической структуры с фонологическими обобщениями, полное изложение всех средств словообразования и категорий словоизменения, полную характеристику основного лексического фонда, в особенности той его части, где лексика диалекта или говора

расходится с литературным языком и другими диалектами.

Дальнейшую углубленную разработку основных вопросов кумыкской фонетики представляют работы А.А.Моллаева (1967), Ю.Д.Джанмавова (1968); Н.Х.Ольмесова (1987, К.С.Кадыраджиева (1999). Их основная заслуга состоит в монографическом описании артикуляционно-акустических свойств кумыкских гласных и согласных, в более полном рассмотрении кумыкской акцентологии и позиционных изменений фонем в зависимости от типичных условий их употребления и основанном на этом выяснении состава аллофонов гласных и некоторых согласных, в выявлении соотношения ряда согласных и некоторых гласных по их распределению в той или иной позиции и т.д.

Одним из самых плодотворных направлений в разработке вопросов кумыкской фонетики является выяснение соотношения звуковой системы литературной формы кумыкского языка и его диалектов и говоров. Можно с удовлетворением отметить, что благодаря трудам Н.Х.Ольмесова в настоящее время уже зафиксированы все основные расхождения между литературным языком и кумыкскими говорами и диалектами на уровне фонетики как по составу фонем, так и, в особенности, по их распределению в корнях и аффиксах.

Все эти работы выполнены на основе традиционных слуховых методов. От общего описания фонетического строя необходимо перейти к системным исследованиям фонетических подсистем, отдельных фонетико-фонологических процессов, структуры слога и слова, акцентуации, интонации и исторической фонетики. До сих пор нет ни одного экспериментального исследования по фонетике и фонологии кумыкского языка.

Особое направление в изучении кумыкской фонетики составляет ее сопоставление с русским языком, начатое З.З.Бамматовым [1952] и значительно более обстоятельно выполненное в первой «Сопоставительной грамматике кумыкского и русского языков» Н.Х.Ольмесовым [1982].

Первостепенное теоретическое и практическое значение имеют грамматические исследования. В аспекте формального изучения наметился интерес к особенностям функционирования различных частей речи, грамматических категорий, уточнению парадигматических рядов. В этой связи можно особо отметить разработки падежей Ю.П.Долининой [1956], послелогов

А.Г.Магомедовым [1966], деепричастий Ю.Д. Джанмавовым [1965; 1967], залогов В.Н.Джанаевой [1972], причастий, именных форм глагола, частей речи Д.М.Хангишиевым [1966; 1985, 1995; 1997], индикативных форм З.А.Магдиевой [1975], грамматических категорий имени и глагола Н.Э. Гаджиахмедовым [1981; 2000], словообразования Х.А.Махтиевым [2000].

Предметом специальных монографических исследований стал и синтаксис кумыкского языка [Абдуллаева: 1974]. А.З.Абдуллаева заметно расширила и углубила характеристику ранее зафиксированных структурно-семантических типов сложноподчиненных предложений в семантико-синтаксическом плане.

Из большого числа кандидатских диссертаций по различным аспектам грамматического строя кумыкского языка отметим исследования Ф.А. Муратчаевой [1999], А.М. Султанмурадова [1997], Э.Н. Гаджиева [2002], Б.К Османовой. [2005] по проблемам модальности и аспектуальности. Из более поздних работ заслуживают внимания диссертационные исследования А.С. Казаковой по императиву [2003], З.М. Чамсутдиновой по прилагательному [2003], А.Ш. Исмаиловой по категории принадлежности [2004], Р.М Зубаиловой по сложным словам [2005], А.К. Мусалаева по стилистике [2005].

Заметных успехов достигла кумыкская лексикология, лексикография и фразеология. Появился целый ряд работ по исторической лексикологии [Кадыраджиев 1981; 1998; 1999], ономастике [Гаджиахмедов, Гусейнов 2004]. Необходимо заметить, что докторская диссертация К.С. Кадыраджиева «Историческая морфология имени в кумыкском языке» [1999] заполняет существовавший до недавнего времени пробел в области исторического языкознания. Данное исследование может рождать споры, вызывать сомнения в трактовке отдельных моментов или возражения против некоторых положений (возможно), однако, одновременно оно будит новые мысли, открывает новые возможности в исследовании исторической морфологии кумыкского языка.

В 2005 году П.Д.Абдурахманова защищает докторскую диссертацию на тему «Основные вопросы исторической морфологии кумыкского языка (морфемика, именные и глагольные категории)». В работах П.Д. Абдурахмановой [1999; 2005] мы видим продолжение тех продуктивных идей историко-лингвистического исследования, которые выдвигались и разрабатывались К.С.

Кадыраджиевым. Однако ее работы носят чисто описательный характер, в них мало теоретических обобщений, нет научной новизны и оригинальных идей.

Совершенно не исследованной остается такая область, как историческое словообразование и историческая фразеология кумыкского языка. Специальные исследования в данной области не дали ощутимого прогресса в этом направлении [Бекмурзаева 1981; Махтиев 2002].

Заслуживает внимания труды Ф.Б.Астемировой [1963; 1970; 1974] по проблемам русских заимствований в кумыкском языке, в которых определяется роль русского языка в развитии и обогащении кумыкского языка, в формировании лингвистической и литературоведческой терминологий и т.д.

Исследование тюркских заимствований в дагестанских языках позволяет понять историю, процесс обмена духовными богатствами носителями этих двух групп языков. В работах Н.С.Джидалаева [1990] проводится всесторонний анализ семантического и структурного освоения тюркизмов в дагестанских языках.

По фразеологии кумыкского языка защищены кандидатская и докторская диссертации [Даибова 1973; Абдуллаева 2002], изданы двуязычные словари [Даибова 1981]. Фразеологам следовало бы вникнуть в глубинные свойства фразеологических единиц, в этно-культурологические особенности функционирования фразеологизмов в речи и т.д.

Большим событием явилось издание в 1960 году «Русско-кумыкского словаря» под редакцией 3. 3. Бамматова. В словаре представлено около 30 000 слов. Первоначальный вариант словаря был составлен А. Г. Магомедовым, являвшимся научным сотрудником Института ИЯЛИ Дагестанского ФАН СССР. В сборе лексического материала и составлении картотеки принимала участие сотрудник Института Т. Таймасханова. Редакционную обработку рукописи словаря провел научный сотрудник Института 3. 3. Бамматов, который не только переработал большую часть статей словаря, но и значительно его пополнил. В данном словаре впервые собрана и систематизирована наиболее употребительная лексика кумыкского языка.

В 1969 году выходит «Кумыкско-русский словарь» под ред. З.З.Бамматова. Словарь включает 13 000 слов.

В 1999 году вышел «Русско-кумыкский словарь» коллектива авторов под ред. Б.Г.Бамматова, который включает более 40 000 слов. Следует отметить живой непринужденный характер языка переводов, его соответствие современному узусу. Этим словарь выгодно отличается от предыдущего издания.

В Институте ЯЛИ ДНЦ РАН завершена работа по подготовке нового «Кумыкско-русского словаря».

Обязательное изучение русского-языка в кумыкской школе обусловило создание «Школьного русско-кумыкского словаря» [1989 г.; составители: Гаджиахмедов Н.Э. И Астемирова Ф.Б.]. В 1991 г. вышел «Карманный русско-кумыкский словарь» Н.Э.Гаджиахмедова.

Всякий литературный язык вырабатывает определенные нормы, без которых невозможно установить единство общего языка народа. Единство языка — главное условие, облегчающее взаимное понимание людей, пользующихся данным языком. Нормы кумыкского литературного языка вырабатываются в процессе языковой практики, по мере формирования и развития самого литературного языка. Первоочередными и наиболее актуальными были вопросы орфографии и терминологии. Другие вопросы нормализации языка возникали гораздо позднее. А по ряду вопросов в языке еще нет достаточно устоявшегося и проверенного опыта.

Первый сравнительно развернутый официальный свод правил орфографии был опубликован в 1941 г. А.Н.Батырмурзаевым - «Къумукъ тилни орфографиясы ва орфография сёзлюгю», который был переиздан в 1951 году. В 1965 году З.З.Бамматов и А.Г.Магомедов издают «Орфографический словарь кумыкского языка». В дальнейшем «Орфографический словарь кумыкского языка» переиздавался в 1970, 1978 годах. В 1989 году З.З.Бамматов, А.Г.Магомедов и Ж.М.Хангишиев издают «Орфографию и орфографический словарь кумыкского языка».

Действующие правила кумыкской орфографии разработаны довольно детально в последнем «Орфографическом словаре кумыкского языка Б.Г.Бамматова (Махачкала, 2005).

С возможно полным учетом достижений в разработке грамматики кумыкского языка составлены действующие учебники по морфологии и синтак-

сису для средней кумыкской школы, которые выходили начиная с 40-х годов [Батырмурзаев 1933; 1949 и др.] и два издания учебника для педагогических училищ [И.А.Керимов, А.Б.Ахмедов 1965] и педагогических колледжей [И.А.Керимов, Ж.М.Хангишиев 1999].

В последние 5 лет защищено много кандидатских диссертаций. Однако подавляющее большинство исследований разрабатывается в традиционном плане. Современная структура и общая архитектоника и композиция исследований в значительной степени остаются общими с соответствующими образцами грамматик индоевропейских языков, и в частности русского, при наличии некоторых элементов старых традиционных образцов, с сохранением некоторых традиционных терминов. Вместе с тем специфический грамматический строй кумыкского языка требует более точного отражения всех его особенностей, а, следовательно, и иной методики разработки как структуры исследования, так и структуры изложения грамматического материала. Что же касается весьма популярных исследований по частным вопросам грамматики, отдельных грамматических категорий и форм, близких в большинстве тюркских языков и достаточно изученных в отдельных из этих языков, то такие повторяющие друг друга диссертации не отличаются научной новизной и оригинальностью. Поэтому эти работы здесь не названы.

Исследования в области кумыкского языкознания нуждаются в интенсификации и притоке свежих идей и сил. Исследовательская деятельность кумыковедов заслуживает объективной критической оценки, которая позволила бы рельефно представить достижения, выявить узкие места и недостатки. Все это, с учетом успешной подготовки научных кадров, позволяет надеяться, что кумыкские языковеды выполнят большие задачи, которые самой жизнью выдвигаются по мере развития отечественного языкознания.

ФОНЕТИКА

Вводные замечания

Описание звуковых единиц должно учитывать роль этих единиц в образовании языковых значений (функциональный, или фонологический, подход), а также их основные материальные, фонетические, свойства: как они производятся (артикуляторный аспект), как звучат (акустический аспект) и как воспринимаются (перцептивный аспект). Между всеми свойствами звуковых единиц существует очень тесная связь: с одной стороны, нельзя говорить о функции звуковых единиц, не зная, какова их материальная реализация; с другой стороны, сами материальные, фонетические, свойства определяются фонемными, функциональными, отношениями.

При изучении фонетических характеристик необходимо иметь в виду, что их нельзя противопоставлять друг другу: от характера артикуляции зависят акустические свойства звуковых единиц, а их восприятие связано с умением человека сопоставить с определенным звучанием необходимую артикуляцию. Это умение, в свою очередь, определяется функциональными свойствами звуковых единиц.

Поскольку язык существует для передачи значения, основной единицей является высказывание, характеризующееся определенным значением, а элементы этого высказывания — синтагмы, слова, слоги, фонемы — выступают как языковые единицы, выявляемые в результате специального лингвистического анализа. В данной работе нами намеренно расширено употребление фонетического принципа с целью точнее и полнее передать особенности произношения фонем в зависимости от фонетических и комбинаторных условий, что крайне необходимо в исследовательских целях.

Предлагаемые сведения по фонологии, акцентологии, слогоделению и фономорфологии ориентированы, естественно, на стабилизовавшиеся нормы звукового строя кумыкского литературного языка и в основном почерпнуты из существующих лингвистических источников. В то же время часть их представляет собой результат новых наблюдений в этой области.

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Число гласных фонем, различаемых в начальном слоге, колеблется в разных тюркских языках от 8 до 16. В современном кумыкском языке в позиции

максимальной дифференциации гласных звуков и их наименьшей позиционной обусловленности, т.е. в начальных слогах, количество гласных фонем сходится с «классической восьмеркой» тюркских гласных.

Гласные современного кумыкского языка классифицируются исходя из трех основных физиологических признаков:

а) по месту подъема языка;

б) по степени подъема языка;

в) по участию или неучастию губ.

По месту подъема языка, т.е. в зависимости от движения языка по горизонтали, различаются: гласные переднего ряда и гласные заднего ряда. Во многих тюркских языках наблюдается строгая симметрия в противопоставлениях фонем по основным артикуляционным свойствам звуков. Такая строгая симметрия в противопоставлениях заднерядных и переднерядных фонем наблюдается и в кумыкском литературном языке, в котором каждой гласной фонеме заднего ряда соответствует гласная фонема переднего ряда:

а) гласные заднего ряда - /*а*/ /*о*/ /*у*/ /*ы*/,

б) гласные переднего ряда - /*э*/ /*оь*/ /*уь*/ /*и*/ .

Другим важным различительным признаком фонем является степень подъема языка. По степени подъема языка, т.е. в зависимости от движения языка по вертикали, гласные подразделяются: а) на гласные верхнего подъема, б) на гласные среднего подъема и в) на гласные нижнего подъема. По этому признаку, как и в большинстве тюркских языков гласные в кумыкском литературном языке образуют трехступенчатую оппозицию: широкие (компактные), средние и узкие (диффузные) гласные:

а) узкие гласные - /*и*/ /*ы*/ /*у*/ /*уь*/,

б) средние гласные - /*э*/ /*о*/ /*оь*/,

в) широкие гласные - /*а*/ .

Третий различительный признак, характерный для всех тюркских языков, - отсутствие или наличие огубленности. По участию или неучастию губ гласные делятся на губные (лабиальные, лабиализованные) и негубные (нелабиальные, нелабиализованные). В кумыкском литературном языке каждому неогубленному гласному соответствует огубленный:

а) неогубленные - /*а*/ /*ы*/ /*и*/ /*э*/,

б) огубленные - /*о*/ /*у*/ /*уь*/ /*оь*/.

Таким образом, фонематическое противопоставление гласных осуществляется по трем вокалическим признакам: а) передние – задние: *тиш* «зуб» - *тыш* «сторона», *тюз* «правда» - *туз* «соль», *сёз* «слово» - *соз* «тянуть», *беш* «пять» - *баш* «голова»; б) узкие – средние – широкие: *къуш* «птица» - *къыш* «зима» - *къаш* «бровь», *къуй* «наливать» - *къой* «оставить», *сюз* «процедить» - *сёз* «слово» – *саз* «глина».

Нелабиализованные – лабиализованные: *бир* «один» - *бюр* «почка», *тэл* «проволока» - *тоьл* «наполниться», *къыш* «зима» - *къуш* «птица», *бал* «мед» - *бол* «будь».

Некоторым говорам и диалектам кумыкского языка, в частности, кайтакскому диалекту, такая строгая симметрия в противопоставлениях фонем по их основным артикуляционным свойствам не свойственна, так как в них отсутствуют гласные /*ы, оь, уь*/. По этому признаку кайтакский диалект близок к узбекскому языку, где вокализм состоит из гласных фонем /*а, э, а^{о}, у, э, и*/.

Таким образом, структура гласных современного кумыкского литературного языка отличается строго выдержанной симметричностью, чего нельзя говорить о кайтакском диалекте кумыкского языка. В общих чертах любая из восьми гласных фонем исследуемого языка характеризуется комплексом трех вокалических признаков: ряда, раствора и огубленности.

В исследованиях по фонетике тюркских языков для графического изображения системы гласных звуков используются различные геометрические фигуры, в частности, квадрат (В.Радлов), треугольник (И.А.Батманов) и куб (М.А.Черкасский, Г.П.Мельников). Для графического изображения основных признаков гласных в современном кумыкском литературном языке наиболее подходит куб. На восьми вершинах куба размещаются символы гласных современного кумыкского языка, и каждое из трех взаимно перпендикулярных ребер куба соответствует одному из признаков оппозиции. При этом члены оппозиции по одному признаку находятся на вершинах, примыкающих к одному и тому же ребру куба, напр.:

[а] - [э] - оппозиция по ряду;

[а] - [о] - оппозиция по огубленности;

[а] - [у] - оппозиция по раствору и т.д.

Члены оппозиции по двум признакам располагаются на концах диагоналей граней куба, напр.:

[э] - [у] - оппозиция по ряду и раствору;

[а] - [оь] - оппозиция по ряду и огубленности;

[и] - [оь] - оппозиция по раствору и огубленности и т.д.

Члены оппозиций по трем признакам размещаются на концах диагоналей куба, напр.:

[а] - [уь] - оппозиция по ряду, раствору и огубленности;

[у] - [оь] - оппозиция по ряду, раствору и огубленности;

[у] - [э] - оппозиция по ряду, раствору и огубленности и т.д.

Гласные звуки кумыкского языка имеют следующие характеристики:

[а] - широкий заднерядный неогубленный;

[э] - средний переднерядный неогубленный;

[о] – средний заднерядный огубленный;

[оь] - средний переднерядный огубленный;

[у] - узкий заднерядный неогубленный;

[и] - узкий переднерядный неогубленный;

[у] - узкий заднерядный огубленный;

[уь] - узкий переднерядный огубленный.

В непервых слогах могут встречаться все гласные за исключением средних губных лабиализованных [*о*], [*оь*].

Закономерным для литературного языка является соблюдение сингармонизма по ряду и лабиальности. После лабиальных гласных первого слога последующие узкие гласные также, как правило, бывают губными. Исключения очень редки.

Гласные непервых слогов обладают минимальной дифференциацией. Из трех дифференциальных признаков гласных начального слога здесь фонематическое значение имеет только признак раствора, остальные признаки несущественны и зависят от гласных предыдущего слога в силу гармонии гласных. Поэтому в неначальных слогах современного кумыкского языка насчитывается

две вокалические единицы: одна «широкая» и одна «узкая» гласные фонемы. Аффиксальные гласные, отличаясь от гласных начальных слогов фонематически, в каждом конкретном случае материально совпадают с одним из гласных звуков начального слога. Поэтому при дальнейшем описании фонетической системы можно ограничиться рассмотрением восьми гласных начального слога и отметить особенности развития аффиксальных гласных лишь в необходимых случаях.

В современном кумыкском языке нет количественного противопоставления гласных, характерное пратюркскому языку. Исходная система вокализма, состоявшая из 16 членов, после совпадения долгих и кратких трансформировалась в систему «стандартного» типа из восьми членов, представленную в современном кумыкском языке и ряде тюркских языков. Во многих языках эта «стандартная» система вокализма видоизменялась под влиянием позднейших фонетических процессов, вызванных внутренними и внешними языковыми и неязыковыми факторами. В современном кумыкском языке практически без изменения сохранилась система вокализма, сложившаяся в позднепратюркский период после совпадения долгих гласных с их соответствиями нормальной длительности.

В кумыкском языке нет и дифтонгов как особых фонем, противопоставленных простым гласным. Поэтому при описании гласных проблемы количественного противопоставления гласных и вопросы развития дифтонгоидных сочетаний звуков будут рассматриваться лишь в необходимых случаях.

Любой словоизменительный или словообразующий аффикс в обязательном порядке выступает в четырех (или в двух) вариантах по составу гласного, в чем, собственно, и заключается сущность гармонии гласных. Таким образом, вокализм аффиксов по отношению к вокализму корня является зависимым, подчиненным.

Гласные переднего ряда

Фонема /*и*/ является самой передней из всех передних и наиболее узкой среди узких гласных по подъему и ряду. Из всех передних гласных она ближе всего стоит к /э/ и чаще всего сочетается с ней, находясь в коррелятивном противопоставлении главным образом по подъему и отчасти по ряду: *ил «*вешай*»* –

*эл «*родина*», тил «*язык*» – тэл «*проволока*», бил* «знай» – *бэл* «лопата» и др.

При артикуляции /*и*/ кончик языка касается нижних зубов. Язык в целом продвинут вперед, средняя часть спинки языка максимально поднимается к середине твердого нёба, а задняя часть и корень языка продвигаются вперед. Спинка языка может даже частично касаться верхней области нёба.

Фонема /*и*/ в исконно кумыкских словах более или менее широко представлена в анлауте и инлауте, в частности, во всех типах первого слога, составляющего в том числе и корневую морфему: *иш* «работа», *тиш* «зуб», *белги* «метка».

Узкий нелабиализованный гласный переднего ряда в позиции между сонорными, между сонорными и смычными согласными, между звонкими и глухими в многосложных словах часто подвергается количественной редукции: *гелин* «невеста» – *гелним* «моя невеста», *юзюк* «кольцо» – *юзгюм* «моё кольцо», *къозу* «ягненок» – *къозсуз* «без ягненка». Редукция узких гласных имеет универсальный типологический характер и охватывает ряд современных языков: чувашский, татарский, башкирский, хакасский, казахский и каракалпакский. В кумыкском языке, как и в соседнем карачаево-балкарском языке, процесс редукции узкого нелабиализованного гласного переднего ряда носит позиционно обусловленный спорадический характер.

Фонема /э/ — гласный переднего ряда среднего подъема нелабиализованный.

При артикуляции [э] кончик языка находится непосредственно за передними нижними зубами. Углы губ при [э] раздвигаются больше, чем при других гласных. Переднюю границу ротового резонатора образуют зубы.

Фонема /э/ шире /*и*/, но уже всех остальных передних гласных. По ряду она занимает, в отличие от /*и*/, устойчивое положение. Характеризуется, как и /*ы*/, акустической неопределенностью, невнятностью, вызванной ее звучанием одновременно в полости рта и в надгортанном резонаторе. Этим она резко отличается от сравнительно чистой фонемы /*и*/, пользующейся в основном ротовым резонатором, направленным не столько в надгортанную полость, сколько наружу. Различие между /э/ и /*и*/, которые по сравнению с остальными передними гласными довольно близко стоят друг к другу, углубляет отсутствие вся-

кого напряжения при произношении */э/*, чего нельзя сказать относительно артикуляции /*и*/.

В отличие от остальных гласных переднего ряда, фонема /э/ не имеет позиционных, морфонологических и дистрибутивных ограничений и употребляется в целом необычайно широко во всех позициях слова: *эртэн* «утром // утро», *гэчэ* «ночь // ночью», *тэз* «ранний //рано».

Фонема */оь/* - гласный переднего ряда среднего подъема, лабиализованный.

Фонема /*оь*/, как и все губные гласные, позиционно и морфонологически ограничена в своем употреблении. Она представлена главным образом в анлауте и инлауте односложных корней и в первом слоге двусложных и многосложных исконно тюркских слов (*оьрдек* «утка», *оьзен* «река», *гоьз* «глаз», *коьп* «много»). В непервом слоге, в том числе в аффиксах, в открытом конечном слоге, а также в соседстве с заднеязычными /*къ*/ и /*гъ*/ фонема /*оь*/ не встречается, она не может быть употреблена в слове дважды и не допускает после себя /*и*/ и /*оь*/. С ней в последующих слогах сочетаются в исконно тюркских словах лишь /э/ и /*уь*/: *соьзлэр «*слова*»*, *оьгуьз* «бык», *гоьзлэр* «глаза».

Фонема /*уь*/ — самая передняя из всех губных гласных; она шире /*и*/, но значительно уже всех остальных гласных, по ряду занимает промежуточное положение между /*и*/ и /э/. По совокупности своих различительных признаков /*уь*/ резко противопоставлена всем гласным переднего ряда, в том числе и /э/, от которой отличается главным образом своей узостью и значительно более заметным огублением.

Фонема /*уь*/ — гласный переднего ряда верхнего подъема лабиализованный. При артикуляции [*уь*] кончик языка, так же как при [*и*], почти не отходит от нижних передних резцов. Наибольший подъем языка наблюдается против той же части нёба, как и при [*и*], но степень подъема незначительно ниже. Соответственно корень языка незначительно отодвигается назад, иногда несколько опускается.

Фонема /*уь*/ реализуется без позиционных ограничений: [*уьлкуь*] «кустарник», [*боьлуьк*] «раздел», [*соьзлуьк*] «словарь». Однако она не употребляется после заднеязычных согласных [*къ*], [*гъ*], [*х*].

В русском языке нет звука, соответствующего кумыкскому гласному [*уь*]. На слух несколько напоминает русский [*у*] после мягкого согласного или между мягкими. В еще большей степени походит на кумыкский [*уь*] русский [*у*] в первом предударном слоге после мягкого согласного перед твердым или между мягкими, например, в словах типа *крюка, сюда, любить, людей, тюфяк* и др.

Гласные заднего ряда

Гласные заднего ряда, хотя и выделяются как самостоятельные фонемы, акустически противостоят соответствующим гласным переднего ряда, образуя с ними коррелятивные сингармонические пары, один компонент которой отличается от другого главным образом полярной противопоставленностью по ряду: ср. *тыш* «наружная сторона» — *тиш* «зуб», *ол* «он» – *оьл* «умереть», *уч* «конец, кончик» - *уьч* «три».

Фонема /*а*/ — гласный заднего ряда нижнего подъема нелабиализованный.

Фонема /*а*/ противопоставлена остальным гласным заднего ряда как самая широкая и наиболее задняя гласная, полярная по отношению к узкой и относительно передней /*у*/. По подъему к ней ближе всего стоит из гласных заднего ряда только /*о*/, а по ряду — /*ы*/. Несмотря на широкий раствор рта при произношении, звучание /*а*/ не отличается открытостью. В наиболее чистом виде (т. е. как ротовая гласная, звучание которой направлено наружу, а не в надгортанный резонатор) фонема /*а*/ реализуется в ауслауте под ударением: ср. *гьава* «воздух», *къала* «крепость», *пастан* «дыня», *авлакъ* «поле» и т.д.

При произнесении /*а*/ кончик языка отходит от нижних резцов и касается их альвеол или отходит от альвеол незначительно, а тело языка немного отодвинуто назад; задняя часть спинки языка приподнята, но ниже, чем при /*о*/.

По сравнению с русским ударным /*а*/ между твердыми согласными кумыкский /*а*/ является гласным более задней артикуляции. Русский /*а*/ после мягкого согласного или между мягкими является гласным ярко выраженного переднего ряда и не может сопоставляться с кумыкским /*а*/.

Фонема /*а*/ обладает очень высокой употребительностью, независимо от позиций, характера соседних согласных и гласных и фономорфологических ус-

ловий: *ай* «месяц», *ант* «клятва», *бар* «есть», *къарт* «старик», *шарт* «условие», *халкъ* «народ», *ала* «пестрый», *бала* «ребенок», *балта* «топор». В многосложных словах после /*а*/ чаще всего следуют /*а*/ и /*ы*/: *къала* «крепость», *бала* «ребенок», *янгы* «новый», *чалгъы* «коса». С губными гласными /*а*/ сочетается в исконно тюркских словах лишь постпозитивно: *чоргъа «*желоб*», турнама «*бинокль*», тумав* «насморк». Широко употребляется она также и после /*ы*/ в первом слоге: *тырнакъ* «ноготь», *чыракъ* «свеча», *йыракъ* «далеко».

Фонема /*а*/ имеет вариант [*аь*], являющийся гласным переднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованным. В литературном языке встречается редко в заимствованиях из арабского и персидского языков. Он напоминает немецкий *ä-умлаут*: *Каьмил, каьма* «сливочное масло» и др. Широкий негубной гласный звук переднего ряда [аь] чаще всего встречается в подгорном и кайтакском диалектах.

Фонема /*ы*/ — гласный заднего ряда верхнего подъема негубной.

Фонема /*ы*/ уже /*о*/, но шире /*у*/, по ряду стоит ближе к /*о*/, чем к /*а*/. Из задних гласных она более или менее близка к /*о*/, резко противостоящей ей своей лабиализованностью и относительно широким подъемом.

При артикуляции /*ы*/ кончик языка немного отходит от нижних резцов. Наибольший подъем средней части языка наблюдается близко от границы твердого нёба с мягким нёбом. Язык поднят максимально, вследствие чего, а также в результате сильной воздушности гласный /*ы*/ произносится с довольно заметным шумом. Губы при /*ы*/ пассивны и открывают зубы, которые и являются передней границей ротового резонатора.

Кумыкский /*ы*/ на слух близок к русскому /*ы*/, однако в их артикуляции имеется заметная разница. Русский /*ы*/ является гласным смешанного ряда, при его образовании язык не собран в комок, а распластан, т. е. спинка языка имеет уплощенную форму.

Среди гласных заднего ряда /*ы*/ обладает высокой употребительностью: *къыш* «зима», *къыркъ* «сорок», *яхшы* «хороший». Однако в инициальной позиции фонема /*ы*/ не встречается.

Фонема /*о*/ — гласный заднего ряда среднего подъема лабиализованный.

При артикуляции [*о*] язык сильно оттянут назад, образуя широкий резо-

натор в передней части полости рта. Губы вытянуты так же, как при артикуляции [*у*], и образуют широкую плоскую щель: *от* «трава», *тон* «бурка, *он* «десять».

Имеет позиционные ограничения: употребляется только в первом слоге исконно-тюркских слов. В непервом слоге фонема /о/ употребляется в сложных словах (*гийигот* «мята», *къушкъонмас* «держидерево») и в словах с аффиксами –*окъ* (*эртенокъ* «рано утром», *алданокъ* «заранее»), -*докъ* (*гелгендокъ* «как только пришел», *айтгъандокъ* «как только сказал»).

В некоторых словах, заимствованных из русского языка, /*о*/ сохраняется и в непервых слогах: *кампот* «компот», *парахот* «пароход», *кило* «кило».

Фонема /*у*/ — гласный звук заднего ряда верхнего подъема лабиализованный.

Фонема /*у*/ - самая узкая и передняя из всех гласных заднего ряда, по подъему полярно противостоящая широкой фонеме /*а*/.

При артикуляции [*у*] кончик языка сильно оттянут назад, язык весь собран и своей задней частью поднят к мягкому нёбу, образуя широкий резонатор в передней части ротовой полости. Губы при [*у*] выпячиваются вперед и образуют узкую плоскую щель. При энергичном произношении губы могут вытянуться больше и образовать круглую щель.

Артикуляция кумыкского [*у*] почти совпадает с артикуляцией русского ударного [*у*] между твердыми согласными или после твердого на абсолютном исходе слова. Ср.: рус. *туз* — кум. *туз* «соль», рус. *тур* – кум. *тур* «встань».

Артикуляционно-акустическая модификация фонемы /*у*/ в зависимости от характера соседних гласных, места ударения в слове и структуры слога в целом не имеет существенных отклонений от ее основной разновидности.

СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Общая характеристика согласных

В современном кумыкском языке различается 25 согласных фонем /б, в, г, гъ, гь, д, дж, з, й, к, къ, л, м, н, нг, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, ъ/.

Согласные кумыкского языка классифицируются по трем физиолого-акустическим характеристикам:

1) по месту образования шума,

2) по способу образования шума и

3) по участию голоса и шума.

По месту образования шума, т.е. по артикуляции активных органов звукообразования - губ и языка, согласные подразделяются на губные (лабиальные) и язычные (лингвальные). В свою очередь губные согласные подразделяются на губно-губные (билабиальные), которые образуются смыканием губ: /*б, п, м, в*/ и губно-зубные (лабиодентальные), которые образуются смыканием нижней губы к верхним зубам: [*в1*], /*ф*/.

Язычные согласные также подразделяются на переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные. **Переднеязычные** /*т, д, с, з, ш, дж,н, ц, ч, л, р*/, которые образуются смыканием или сближением кончика и передней части спинки языка с верхними зубами. **Среднеязычные** /*г, к, й*/ образуются движением средней части спинки языка к средней части верхнего нёба. **Заднеязычные** /*гъ, х, къ, нг*/ образуются движением задней части языка к задней части неба.

По способу образования шума согласные подразделяются на щелевые, смычные, смычно-щелевые, смычно-проходные и дрожащие.

Щелевые согласные /*в (в1), ф, ж, ш, з, с, гъ, гь, й, х (хь)*/ образуются в результате сближения активных и пассивных органов образования звуков.

Смычные согласные /*б, п, г, к, д, т, къ, ъ, м, н, нг*/ образуются при полном смыкании органов произношения.

Смычно-щелевые (или аффрикаты) /*ц, ч, дж*/ образуются в результате скользящей артикуляции, когда смычка органов звукообразования переходит в щель.

Смычно-прходные согласные образуются при полном смыкании или затворе органов произношения, когда часть воздуха проходит через полость носа и образуются носовые (- назальные) /*н, нг, м*/, или же через полость рта и образуется боковой (латеральный) /*л* /.

Дрожащий (вибрант) /*р*/ образуется, когда поднятый к альвеолам и слегка загнутый кончик языка при прохождении выдыхаемого воздуха дрожит, последовательно размыкаясь и смыкаясь.

Смычные и смычно-щелевые согласные произносятся мгновенно. Щеле-

вые, смычно-проходные и дрожащий произносятся более протяжно.

По участию голоса и шума согласные подразделяются на **глухие** [*гь, к, къ, п, с, т, ф, х (х), ц, ч, ш, ъ*], которые образуются без участия голоса; **звонкие** [*б, в (в1), г, гъ, д, ж (ж1), з*], которые образуются при незначительном участии голоса, и **сонорные** [*л, м, н, нг, р, й*], которые образуются при помощи голоса и незначительного шума.

Губные

Фонема /*б*/ произносится без напряжения плавным размыканием сомкнутых губ с приподнятым мягким нёбом и во всех отношениях ближе всего стоит к /*м*/, отличаясь от нее только отсутствием назализации. Значительно более существенно /*б*/ отличается от своего глухого коррелята /*п*/ с четко выраженной мгновенной смычкой, граничащей с собственно взрывными смычными, но совпадает с ним по месту образования и звучания.

Ассимиляторная (позиционно-комбинаторная) характеристика: а) артикуляторная – в начале слова артикулируется как смычный, в интервокальной позиции – как билабиально-щелевой или с оттенком щелинности; б) акустическая – при произнесении смычного варианта (в анлауте) в голосе присутствует больше шума, при щелевом варианте преобладает звонкость или оттенок сонорности.

Фонема /*б*/ представлена в анлауте и инлауте (*бек* «очень», *бар* «есть», *абай* «бабушка, бабка», *чаба* «бежит, *жибин* «муха»), но чаще она встречается в анлауте, где характеризуется устойчивостью и артикуляционно-акустическим единством. В ауслауте фонема /*б*/ не употребляется. В заимствованиях [*б*] переходит в [*п*]: *топ* «мяч» < перс. *тоб, китап* «книга» < ар. *китаб, клуп* «клуб» и т.д., но в интервокальном положении при прибавлении аффиксов, начинающихся с гласных звуков, реализуется в звонком варианте /*б*/*: топ* > *тобум* «мой мяч», *китап* >*китабым* «моя книга» и др.

Фонема /*б*/ употребляется в непосредственном соседстве со всеми гласными. В непосредственном соседстве перед согласными фонема /*б*/ в исконных словах не употребляется.

Палатальный сингармонический вариант фонемы /*б*/, как и всех губно-губных, характеризуется усилением смычки и значительно более опереднен-

ным фокусом: ср. *бар* «иди» и *бер* «дай», *бар* «иди» и *бир* «один». Смычка при произнесении палатального и велярного вариантов /*б*/ заметно усиливается перед губными гласными /*у*/ и /*уь*/. В данном случае изменяется также и конфигурация фокуса. На этом основании в позиции перед /*у*/ и /*уь*/ можно выделить аллофон фонемы /*б*/, при произнесении которого размыкания губ, характерного для основной ее разновидности, не происходит: ср. *бугъа* «бык», *будай* «пшеница», *буз* «лед».

Фонема /*п*/ отличается от своей звонкой пары /*б*/ не только фонологически релевантным признаком глухости, сводимой к возобладанию шума над голосом, но и артикуляционно-акустическим своеобразием: образуется путем энергичного мгновенного размыкания сомкнутых губ при значительном мышечном их напряжении, при этом воздушная струя с силой вырывается наружу, создавая взрывоподобный шум, который, как и при /*б*/, образуется над зубами и одновременно в надгортанном резонаторе, вернее — в наиболее передней его части, без носовой окраски.

Фонема /*п*/ представлена в современном языке во всех позициях (анлауте, инлауте и ауслауте). Исторически она была характерна главным образом для ауслаута: *йип* «нитка», *чёп* «мусор», *къап* «мешок». В анлауте она встречается в редких словах типа *пус* «пар», *пурх* «сажа». В остальных случаях анлаутный этимологический /*п*/, как и в иноязычных прежних заимствованиях, последовательно представлял собой оглушенный /*б*/. Ныне же в иноязычных заимствованиях /*п*/ со всеми характерными для него различительными признаками употребляется в начале слова: *пальто, папирос, парикмахер, паркет, пароход* и т. п.

Велярный вариант фонемы /*п*/ по месту образования и звучанию близко стоит к палато-альвеолярным согласным и имеет значительно ослабленную смычку, тогда как палатальный ее вариант, подобно палатальным вариантам всех губных, сосредоточен по месту образования и звучания над зубами, но может быть и перемещен в переднюю часть неба в зависимости от характера последующего гласного: ср., с одной стороны, *паспорт, план, посылка, почта*, *апсун* «жены родных братьев», с другой, — *пери* «фея», *перде* «занавес», *пил* «слон». В обоих своих вариантах фонема /*п*/ характеризуется в целом артику-

ляционно-акустическим единством.

В ауслауте фонема /*п*/ перед аффиксами с начальным гласным, попадая в интервокальную позицию, реализуется в озвонченном варианте: *кёп* «много» — *кубюсю* «многие», *къап* «мешок» - *къабы* «его мешок». Это правило распространяется также и на иноязычные заимствования: *китап* «книга» — *китаб-ым* «моя книга», исключение составляют лишь отдельные односложные сравнительно новые слова: *темп* — *темп-и* «его темп».

В соответствии с этой закономерностью конечный *п* озвончается также и в потоке речи, оказавшись в интервокальном положении перед гласным последующего слова, интонационно объединенного с предыдущим словом: *кёб (кёп) эди* «было много», *наб (нап) экен* «оказывается, керосин». Это явление на стыке сложных слов носит регулярный характер. Соответственно здесь на общих основаниях выделяется озвонченный аллофон фонемы /*п*/: *сатыб (сатып) ал-* «купить», *къычырыб (къычырып) айт* «говори громко».

Фонема /*м*/ — билабиальный смычный носовой сонант, образуемый размыканием свободно сомкнутых губ, обусловливающим ее шумность, которая, как и непосредственно следующая за шумом ее вокалическая рекурсия, неизменно имеет носовой резонанс. Вокальная рекурсия фонемы /*м*/ сливается с экскурсией последующего гласного: *орман* «лес», *гюмюш* «серебро», *мююз* «рог. Сонантную ее природу несколько скрадывает лишь ауслаут: *ем* «корм», *агъым* «течение», *там* «стена».

В современном кумыкском языке фонема /*м*/ встречается во всех позициях в слове без каких бы то ни было фонетических и морфонологических ограничений, ср.: в анлауте *(мийи* «мозг», *мал* «скот»), в инлауте *(геме* «корабль», *гьюрмет* «уважение», *тамаша* «удивительно») и в ауслауте *(адам* «человек», *гьамам* «баня», *ким* «кто»). Фонема /*м*/ сочетается со всеми гласными без исключения. Нет ограничений и в комбинаторике фонемы /*м*/ с другими согласными.

В исконно тюркских словах она всюду обнаруживает устойчивость, исключая лишь лексикализованное ее чередование с /*б*/ и отчасти *п* в анлауте и инлауте отдельных слов типа *мунна – бунна* «здесь», *муну – буну* «его».

Велярная и палатальная разновидности фонемы /*м*/, как и других сонан-

тов, по месту своего образования весьма далеки друг от друга, поскольку этот разряд согласных произносится с более заметным участием голоса, чем остальные согласные. Вокалический элемент, естественно, здесь более четко распадается на переднерядный и заднерядный варианты. Это особенно заметно при ее произнесении перед узкими /*у*/ и /*и*/, где с полным основанием можно выделить узкий аллофон фонемы /*м*/, вызывающий мышечное напряжение губ: ср. *муна* «вот», *мин* «садись», *минг* «тысячи». После гласных и в конце слога преобладает воздушность: *там* «стена», *таман* «хватит», *заман* «время».

В остальных случаях позиционные модификации фонемы /*м*/ значительных отклонений от описанной ее основной разновидности не имеют. Этим, очевидно, и объясняется ее этимологическая сохранность не только в корневых морфемах, но и в аффиксах, где она видоизменяется в рамках одного звука.

Фонема /*в*/ — билабиальная сонантизированная согласная, образуемая плавным размыканием губ. Во всех комбинаторных позициях артикулируется как билабиальный щелевой. Акустически в интервокальной позиции произносится как типичный сонант, после гласных в конце слога преобладает воздушность: *жувун* «умойся», *ув* «яд», *тав* «гора».

Фонема /*в*/ представлена во всех позициях обязательно в соседстве с гласным: *бав* «сад», *ватан* «родина», *авара* «беспокойство».

Позиционные модификации фонемы /*в*/, исключая ее видоизменение по сингармонизму, особых отклонений от артикуляционно-акустических свойств основной ее разновидности не имеют. В целом эта фонема в современном языке единообразна и устойчива.

Фонема /*в*/ достаточно широко представлена в середине и в конце исконных слов, ср.: *авур* «тяжелый», *авул* «село», *тавукъ* «курица», *сув* «вода», *тав* «гора» и т.д.

Фонема /*в*/ оказывает ассимиляторное огубление на смежные и узкие негубные гласные как в препозиции, так и в постпозиции. Поэтому орфографические /*ы*/ и /*и*/ в современном кумыкском языке рядом с /*в*/ произносятся соответственно как губные /*у*/ и /*уь*/, ср. орфогр. *барыв* - орфоэп. *барув* «хождение», орфогр. *айтыв* - орфоэп. *айтув* «его высказывание», орфогр. *гелив* – орфоэп. *гелуьв* .

Фонема /*в*/ способна сочетаться со всеми гласными кумыкского языка за исключением /*о*/. Фонема /*о*/ после согласного /*в*/ встречается только в заимствованных словах и междометиях: *вольт, вожатый, волород, вогьа.*

Фонема /*в*/ в непосредственном соседстве с предыдущим согласным не встречается.

Данная фонема имеет аллофон [*в1*]. Это губно-зубной звонкий щелевой согласный, артикуляционно и акустически отличающийся от своего русского соответствия ослаблением смычки и плавным звучанием, очень близким к /*в*/. Она освоена лишь в немногих заимствованиях типа *велосипед*, *витамин*, *пиво*.

Фонема /*ф*/ — губно-зубная глухая щелевая согласная, сравнительно недавно освоенная благодаря иноязычным заимствованиям, прочно вошедшим в стабильный фонд общенародной лексики: *февраль, физика, фильм фокус, футбол*. В исконно кумыкских словах фонема /*ф*/ встречается лишь в междометиях *уф* «ох!», *уффей* «уф» и т. п.

При образовании данной фонемы нижняя губа сближается с верхними зубами, образуя щель. Воздушная струя проходит через щель с силой и не сопровождается голосом. Представленная во всех позициях фонема /*ф*/, помимо ее модификации по сингармонизму, имеет два основных аллофона: 1) в составе сравнительно новых заимствований из русского языка типа *фронт, фабрика*; 2) в прочих условиях реализуется в губно-губной разновидности с еле заметным озвончением, особенно в интервокальном положении: *уффей*, *уфукъ* «горизонт», *фосфорлу* «фосфорный», *уьфюрме* «дуть», *Уфа*.

Для кумыкского языка фонема /*ф*/ является новой и встречается только в составе заимствованных слов, например, *факт, формат, фонема, фонетика* и т.д.

Особенно в живой речи старшего поколения фонема /*ф*/ относится к числу малоупотребительных и чаще заменяется на /*п*/, ср. *панар* «фонарь», *перма* «ферма», *пайда* «польза», *пайхамар* «пророк» и т.д.

В постпозиции непосредственно за предыдущими согласными фонема /*ф*/ не встречается. На стыке основы и аффиксальных морфем непосредственно после /*ф*/ могут встречаться согласные /*д, л, т, н, с, х*/, ср.: *тифден* «от тифа», *телеграфму*? «телеграф ли?», *телеграфдан* «из телеграфа» и т.д.

Переднеязычные

Фонема /*д*/, выступающая как звонкий коррелят фонемы /*т*/, — переднеязычная апикальная смычная. Образуется она плавным размыканием слабо выраженной смычки, создаваемой прижиманием кончика языка вместе с передней его частью к задней стороне основания передних верхних зубов. Во всех комбинаторных позициях артикулируется как смычный.

Фонема /*д*/ в исконно кумыкских корневых морфемах представлена в анлауте: *дав* «война», *дёрт* «четыре», *дым* «влага». В инлауте она встречается лишь в немногих исконных производных словах типа *гёдек* «буйволенок», в заимствованиях из восточных языков (*адат* «обычай», *адабият* «литература», *адам* «человек» и в новых заимствованиях из русского языка (*ударник, сода*).

В ауслауте фонема */д/* практически не допустима. Она представлена лишь в составе вновь освоенных иноязычных заимствований, да и то, как правило, в оглушенном варианте: *экскурсовод, электрод, завод*. В этой позиции она в старых иноязычных заимствованиях последовательно оглушается, что отражает также их правописание: *Магьаммат, Агьмат*.

В соседстве с /*и*/ и губными /*у*/ и /*уь*/, фонема /*д*/ неизменно приобретает дорсальный характер, свойственный русской фонеме /*д*/, которая произносится значительно более напряженно, чем кумыкский *д*: *дин* «религия», *дуа* «молитва», *дюнья* «мир, вселенная». При этом в анлауте она теряет плавность и заметно оглушается (в инлауте иноязычных слов, в интервокальном положении, напротив, ее звонкость усиливается: ср. *идара* «правление, управление», *одеколон, градус*).

Фонема /*д*/ имеет в целом сравнительно ограниченную употребительность, вызванную ее эволюцией в инлауте и ауслауте исконно тюркских слов.

Чаще всего фонема /*д*/ встречается на стыке основы и аффиксальной морфемы в начале аффикса, ср.: *яй – да* «летом», *гюз - де* «осенью», *бер - ди* «(он) отдал» и т.д.

Фонема /*т*/, представляющая собой глухой коррелят смычной звонкой фонемы /*д*/, отличается от нее не только последовательно выраженной глухостью, но и своим дорсальным характером и широкой употребительностью во всех позициях слова: *той* «свадьба, пиршество», *тер* «пот», *отуз* «тридцать»,

эт «мясо». Образуется мгновенным ненапряженным устранением смычки, которую создает передняя часть или кончик языка, прижатый к задней стороне передних верхних зубов. Во всех комбинаторных позициях артикулируется как смычный. Акустическая характеристика – перед гласными и в конце слова произносится с сильным придыхательным взрывом, а перед согласными произносится как имплозивный.

Фонема /*т*/ имеет лишь один основной аллофон — апикальный, который регулярно возникает в соседстве с /*а*/ и /*о*/, а также после /*ы*/, /*у*/, /*е*/: *ата* «самец, отец», *ат* «лошадь», *тут-* «ловить, держать», *хурт* «червь», *айт-* «сказать». Остальные позиционные модификации этой фонемы заметных артикуляционно-акустических отклонений от основной ее разновидности не обнаруживают.

Употребляется во всех позициях в слове без ограничений: в анлауте *(тамакъ* «горло», *тёк* «лить»); инлауте *(ата* «отец», *ята* “лежит”) и ауслауте *(ат* «лошадь», *къарт* «старик»). Фонема /*т*/ встречается в непосредственном соседстве со всеми гласными, причем в интервокальной позиции не переходит в соответствующую звонкую пару /*д*/. Может стоять непосредственно перед согласными /*м, д, т, с, н, л, гъ*/ и главным образом на стыке корня и аффиксов, ср.: *атма* «не бросай», *етмиш* «семьдесят», *атдан* «с лошади», *батдырма* «топить», *питне* «интрига», *атса* «если бросит», *атлы* «всадник», *ятгъан* «лег» и т.п.

В постпозиции чаще всего используется после согласных непосредственно за звуками /*т, с, н, л, р, й, къ, п, с, х, ч*/: *ант* клятва», *балта* «топор», *алтун* «золото», *алты* «шесть», *арты* “задняя часть”, *къайтукъ* «кривой», *акъ-туякъ* «белоногий», *къаст* «старание», *ихтияр* «разрешение» и др.

Фонема /з/ — переднеязычный дорсальный звонкий щелевой согласный, представляющий коррелят глухой аналогичной фонемы /*с*/. При произношении данного звука кончик языка упирается в нижние зубы и струя воздуха, проходя через узкую щель, образованную передней частью языка и твердым небом, создает резкий свистящий шум. Во всех комбинакторных позициях артикулируется как щелевой. Акустическая характеристика: в начале и середине слова перед звонкими и сонорными, а также в интервокальной позиции произносится

как звонкий, перед глухими согласными оглушается, в конце слова возможно оглушение.

Фонема /*з*/ представлена лишь в редких исконно кумыкских словах. Сфера ее употребления расширилась за счет иноязычных заимствований типа *заман* «время», *риза* «согласен», *завод, зал, газ*. Благодаря тому, что количество таких заимствований довольно-таки велико, фонема /*з*/ в литературном языке освоена достаточно широко. Не употребляется она в аффиксальных морфемах.

В современном кумыкском языке фонема /*з*/ встречается во всех позициях - в абсолютном начале слова *(заман* «время», *зат* «вещь»), в середине слова *(къазыкъ* «кол», *языкъ* «несчастный») и в абсолютном конце основ *(аз* «мало», *къыз* «девушка»). Однако в праязыке в анлаутной позиции фонема /*з*/ была запрещена, не встречается она и в начале аффиксальных морфем. В современном кумыкском языке начальный /з/ является индикатором заимствованных слов.

Фонема /*з*/ сочетается со всеми гласными. Она может стоять в непосредственном соседстве с согласными на стыке морфем: *азбыз* «нас мало», *къазсыз* «без гуся», *къызлар* «девушки» и т.д.

Фонема /*с*/ — переднеязычная щелевая согласная, составляющая глухой коррелят фонемы /*з*/. Во всех комбинаторных позициях данная фонема обнаруживает артикуляционно-акустическое единообразие: артикулируется как щелевой, акустически всегда глухой.

В современном кумыкском языке фонема /*с*/ встречается в любой позиции слова - в анлауте (*сегиз* «восемь», *сен* «ты», *семиз* «жирный»), в инлауте (*арслан* «лев», *гесек* «кусок», *басма* «печать») и в ауслауте (*бас* «дави», *гес* «реж», *ас* «вешать»). В конце слова употребляется весьма часто.

В конце аффиксальных морфем фонема /*с*/ не встречается. Данная фонема сочетается со всеми гласными, встречается в непосредственном соседстве с последующими согласными: *басма* «печать»; *асмакъ* «виселица»; *аслу* «основной».

В позиции после согласных фонема /*с*/ может сочетаться с любыми согласными за исключением только /*б, ж, з*/. Непосредственное соседство данной фонемы с другими согласными имеет главным образом место на стыке основы

и аффиксальных морфем: *гел - се* «если придет», *биз – сиз «*без нас», *ал-сын* «пусть берет» и т.д.

Фонема /*ж*/ — двухфокусная щелевая звонкая согласная, произносимая плавно, без напряжения. По артикуляции и активному произносительному органу приближается к /*ш*/. Различие между /*ж*/ и /*ш*/ заключается лишь в том, что первый - звонкий, а второй - глухой.

В анлауте данная фонема, как правило, реализуется как переднеязычная смычнопроходная звонкая аффриката /*дж*/: *джан* «душа», *джиелек* «земляника», *джавап* «ответ» и др. В инлауте и ауслауте представлена в немногих исконно кумыкских словах и реализуется как щелевой переднеязычный звонкий согласный /*ж*/: *Алжанат* «женское имя», *бажа* «свояк», *харж* «расход». Фонема /*ж*/ характеризуется ясной опознаваемостью и очень ограниченной употребительностью.

Сфера ее функционирования расширилась за счет освоения иноязычных заимствований из арабского и русского языков: *таж* «корона», *журнал*, *дежурный*.

Фонема /*ш*/ - переднеязычный щелевой глухой согласный. При произношении этого звука кончик языка поднимается и заворачивается немного назад, образуя щель с альвеолами и началом зубной части неба. При этом одновременно поднимается к мягкому небу и задняя часть спинки языка, поэтому его называют двухфокусным. По артикуляционно-акустическим свойствам она ближе всего к /*ж*/, отличаясь от нее главным образом своей глухостью и несколько опередненным фокусом. Во всех комбинаторных позициях артикулируется как щелевой. Акустическая характеристика – всегда глухой. Фонема /*ш*/ относится к числу немногих широкоупотребительных и устойчивых согласных, наиболее полно сохранивших свое первоначальное распределение в исконно тюркских корневых морфемах и аффиксах.

Фонема /*ш*/ широко представлена во всех позициях и независимо от характера звукового окружения и других условий своей реализации всюду сохраняет четкую фонологическую опознаваемость: *шарт* «условие», *таш* «камень», *гиши* «человек».

Обычно фонема /*ш*/ сочетается с согласными на морфемных стыках.

Палатальный вариант фонемы /*ш*/ относится к разряду апикальных согласных: *беш* «пять», *тёш* «грудь». Велярный же вариант в зависимости от звукового окружения по месту образования обнаруживает довольно значительную подвижность: в соседстве с узким гласным /*у*/ и губными согласными он мало отличается от палатального варианта (ср. *къуш* «птица», *шынжыр* «цепь»), а рядом с *а* и *о* приближается к среднеязычным, особенно под влиянием предыдущего или последующего увулярного согласного (ср. *къаш* «бровь», *къуш* «птица», *ашхана* «столовая», *яхшы* «хороший»). В остальном модификация фонемы /*ш*/ зависит от условий ее употребления, носит частный характер и не имеет заметных отклонений от ее основных характеристик.

Фонема /*р*/ - переднеязычный дрожащий сонорный согласный, произносимый без напряжения, при сближении слегка приподнятого кончика языка с альвеолами и передней частью твердого нёба благодаря еле уловимому колебанию кончика языка под давлением воздушной струи. Артикуляторная характеристика: в интервокальной позиции артикулируется как одноударный (одна смычка), перед согласными и в конце слова – как многоударный (две и более смычек). Акустическая характеристика: всегда сонорный, не происходит оглушения.

В исконно тюркских корневых морфемах фонема /*р*/, сохраняя свое первоначальное распределение, представлена в ауслауте и инлауте: *бар* «есть», *къара* «черный», *яра* «рана», *бир* «один». В иноязычных заимствованиях и производных словах, образованных на их основе, она, кроме того, может быть также и в анлауте: ср. *рази* «согласен», *рагьат* «спокойствие», *рус* «русский», *революция.* В современном кумыкском языке фонема /*р*/, как и в праязыке, в ауслаутной позиции в составе исконных слов не употребляется.

Во всех позициях /*р*/ — полнозвонкая фонема, за исключением ауслаута, где она заметно оглушается: *къар* «снег», *тар* «узкий». Фонема /*р*/ характеризуется устойчивостью не только в корневых, но и в аффиксальных морфемах.

При употреблении с предыдущим согласным последний и /р/ выступают как граница слогораздела: *къуй-рукъ* «хвост», *бай-ракъ* «флаг», *сий-рек* «редко».

Фонема /*р*/ сочетается практически со всеми гласными, а также в препо-

зиции встречается в непосредственном соседстве с большинством согласных.

Палатальный вариант фонемы /*р*/ после губных согласных и в соседстве с /*уь*/ и /*и*/ относится к разряду надзубных, в остальных случаях имеет апикальный характер: ср., с одной стороны, *бир* «один», *бери* «сюда», *бёрю* «волк», с другой, — *юрю*- «ходить», *ер* «земля».

Велярный же ее вариант образуется в области твердого нёба или его передней части в зависимости от характера соседнего гласного: в соседстве с /*а*/ и /*о*/ является средненёбным, рядом с /*у*/ — передненёбным, при /*ы*/ занимает промежуточное положение. Ср. *ара* «промежуток», *орман* «лес», *ругь* «дух», *рызкъы* «пропитание, хлеб насущный».

Фонема /*л*/ - переднеязычный смычнопроходной сонорный согласный. При произношении этого звука задняя часть спинки языка и его кончик поднимаются кверху, образуя специфическую ложкообразную форму. Выдыхаемый воздух проходит по бокам языка и создает слабый шум, сопровождаемый голосом. Артикуляторная характеристика: во всех комбинаторных позициях артикулируется как боковой щелевой. Акустическая характеристика: в интервокальной позиции произносится как типичный сонант, после гласных в конце слога преобладает воздушность.

Палатальный ее вариант является апикальным и переднеязычным: *эл* «страна», *ил*- «вешать», *кюл* «зола», *кёл* «озеро». Велярный же вариант относится к разряду среднеязычных согласных: *бала* «ребенок», *уллу* «большой», *къол* «рука», *йыл* «год». При всех своих артикуляционных расхождениях палатальный и велярный варианты фонемы /*л*/ акустически отличаются друг от друга мало, поскольку первый из них характеризуется не столько собственно палатальностью, сколько опередненностью по сравнению со вторым. Только в соседстве с губными согласными и гласными /*и*/ и /*у*/ палатализация усиливается, однако, не достигая степени мягкости русского /*л*/, ср. *бел* «поясница», *бёл*- «делить». Артикуляционно и акустически заметную веляризацию претерпевает /*л*/ под влиянием увулярных /*къ*/, /*х*/, /*гь*/ после /*а*/ и /*о*/: ср. *къул* «раб», *халкъ* «народ», *гьал* «положение».

Эти две крайние разновидности фонемы /*л*/ с основанием могут быть квалифицированы как ее аллофоны. Исключая их, фонема /*л*/ имеет в целом

единообразное звучание.

Фонема /*л*/ характеризуется четкой фонологической различимостью во всех позициях и вызванной этим устойчивостью своего распределения в исконно тюркских корневых морфемах (но в инициале аффиксальных морфем она претерпевает самые радикальные модификации. Она изменилась и в некоторых словах при их агглютинации выпала в ауслауте (ср. *ол* «он, она», — *огъар* «ему, ей», *шо* «тот» — *шондан* «оттуда» и т. п.).

В исконно кумыкских словах фонема /*л*/ представлена главным образом в инлауте и ауслауте, значительно реже встречается в анлауте: *бал* «мед», *тал* «сосна», *ала* «пестрый», *къала* «крепость», *лабар* «якорь». В современном кумыкском языке фонема /*л*/ встречается в любой позиции в слове, как в корневых, так и в аффиксальных морфемах без особых ограничений, ср.: *леген* «тазик», *леззет* «удовольствие», *алтын* «золото», *къол* «рука», *сакъал* «борода» и т.д.

В современном кумыкском языке в анлаутной позиции фонема /*л*/ встречается в основном в составе заимствованной лексики: *леген* «тазик», *лакълакъ* «аист», *лак, лекция*).

Фонема /*л*/ встречается в непосредственном соседстве со всеми гласными. Не встречается звук /*л*/ после /*б, ж*/, ибо эти звуки в конце кумыкских слов запрещены. В препозиции фонема /*л*/ способна сочетаться с широким спектром согласных, притом, как в составе корней, так и на морфемном стыке.

Фонема /*л*/ в современном кумыкском языке иногда выпадает, ср. *босун* < *болсун* «пусть будет», *буса* < *болса* «если будет».

Фонема /*н*/ — смычно-щелевой альвеолярно-нёбный носовой сонант, произносимый без напряжения, плавно. При произношении звука [*н*] затвор, образованный передней частью языка и верхними зубами, размыкается силой выдыхаемого воздуха, образуя слабый шум. При этом часть воздушной струи, попадает в полость носа, придает ей носовую окраску. Во всех комбинаторных позициях артикулируется как смычный. Акустическая характеристика: в начале слова и в интервокальной позиции произносится как типичный сонант, после гласных в конце слога преобладает воздушность.

В современном кумыкском языке фонема [*н*] употребляется без ограни-

чений во всех положениях в слове: в анлауте (*назик* «тонкий», *неге* «почему», *нюр* «свет»), в инлауте (*ана* «мать», *ини* «младший брат», *манат* «рубль») и в ауслауте (*боран* «пурга», *жан* «душа», *къан* «кровь»). Она может сочетаться со всеми гласными без исключения.

В палатальном варианте она представляет переднеязычный апикальный согласный, особенно в соседстве с узкими гласными переднего ряда /*и*/ и /*уь*/: *не* «что», *неге* «почему», *гюн* «день». Ее велярный вариант образуется в области среднего нёба и примыкает к среднеязычным, в окружении же широкого /*а*/ и среднего /*о*/, особенно под влиянием заднеязычных согласных /*къ*/, /*гъ*/, /*х*/ и увулярного /*гь*/ относится к среднеязычным согласным: *гьона* «вот, вон», *къан* «кровь», *хан* «хан», *ана* «мать».

Во всех своих разновидностях фонема /*н*/ обнаруживает четкую фонологическую опознаваемость и устойчивость. Она в исконно тюркских словах сохранилась в тех же позициях, что и в большинстве тюркских языков.

Фонема /*н*/ в непосредственном соседстве встречается после всех согласных за исключением /*й, ж*/ и /*г*/ главным образом на стыке основы и аффикса.

Фонема /*ч*/ - переднеязычная глухая аффриката. При произношении этой фонемы самая передняя часть спинки языка смыкается с зубами и при последующем переходе этого смыкания в щель, воздушная струя проходит через эту щель спокойно, голосовые связки не напряжены и не колеблются. Звук /*ч*/ содержит элементы /*т*/ и /*ш*/, которые произносятся слитно, единым артикуляционным усилием. Характеризуется он отсутствием сильной смычки, свойственной русской фонеме /*ч*/. Во всех комбинаторных позициях артикулируется как смычно-щелевой, Акустически всегда щелевой.

Употребление [*ч*] в кумыкском языке позиционно не ограничено. Оно встречается в анлауте (*чыкъ*- «выходить», *чита* «морковь», *чанг* «пыль») и ауслауте (*ач*- «открывать», *чач* «коса», *ич*- «пить»). В инлауте [*ч*] употребляется, как правило, в интервокальной позиции и является конечным звуком производящей основы: в словах *ач-ыкъ* «открытый», *геч-ик* «опаздывать» выделенные части являются словообразовательными аффиксами.

В соответствии с законом сингармонизма фонема /*ч*/ распадается на палатальный и велярный варианты. Из них первый является переднеязычным и

апикальным: *чиш* «вилка», *чечек* «цветок», *чёкюч* «молоток». Второй образуется в области твердого неба при участии средней части спинки языка: *чанг* «пыль», *чыкъ* «роса», *чуду* «чуду».

Фонема /*ц*/ - переднеязычная зубная глухая аффриката. Фонема /*ц*/ образуется путем смыкания самой передней части спинки языка с верхними зубами и при последующем переходе образовавшейся смычки в щель. Воздушная струя при произношении данной фонемы спокойно проходит через образовавшуюся щель, голосовые связки не напрягаются и не колеблются. Звук [*ц*] содержит артикуляционные особенности фонем /*т*/ и /*с*/, однако при произношении этого звука специфические характеристики /*т*/ и /*с*/ сливаются воедино и выступают как одна цельная артикуляторная единица.

В современном кумыкском литературном языке фонема /*ц*/ является новоприобретением и встречается только в составе заимствований из русского, а также из дагестанских языков. В живой речи кумыков, особенно в устах старшего поколения, фонема /*ц*/ часто трансформируется в /*с*/ *(сирк* < *цирк* «цирк», *семент* < *цемент* «цемент»).

Среднеязычные

Фонема /*г*/ — среднеязычная звонкая смычная согласная, характеризующаяся крайне слабо выраженной смычкой и плавным произношением без напряжения. Артикуляторная характеристика: в начале слова артикулируется как смычный, в интервокальной позиции – как щелевой. Акустическая характеристика: при произнесении смычного варианта (в начале слова и слога) в голосе присутствует больше шума, при щелевом варианте преобладает звонкость (оттенок сонорности).

За исключением названных двух своих поляризованных разновидностей фонема /*г*/ имеет в целом единообразное звучание. Она характеризуется последовательной противопоставленностью заднеязычной звонкой /*г*/ по месту и отчасти способу образования и своему глухому корреляту /*к*/ по признаку звонкости.

Употребляется в палатальном варианте, т. е. в соседстве с гласным переднего ряда, и только в анлауте и инлауте: *гел* «приходи», *гюл* «цветок», *оьгей* «неродной». В соседстве с узкими гласными /*уь*/ и /*и*/ фонема /*г*/ реализуется в

предельно опередненном и суженном аллофоне. По мере освоения иноязычных заимствований фонема /*г*/ стала употребляться и в велярном варианте: ср. *газ, гараж, гарнизон, гастроном* (в соседстве с /*а*/ она реализуется в заднеязычном аллофоне).

Имеет позиционные ограничения: данная фонема употребляется в начале *(гелин* “невеста”, *герек* «надо», *гюндюз* «днем»), и в середине слова *(егил*- «запрягаться», *юген* «узда», *неге* «почему»). Однако в абсолютном конце исконных тюркских слов фонема /*г*/ в современном кумыкском языке запрещена и вследствие этого подвергается оглушению, хотя при наращивании аффикса, начинающегося с гласного звука, оказавшись в интервокальном положении, ауслаутный /*к*/ озвончается и реализуется как /*г*/, ср. *гёлек* - но: *гёлеги* «его рубашка», *билек – билеги* «его рука», *юрек* «сердце» – *юреги* «его сердце». Таким образом, данная фонема может сочетаться непосредственно с предстоящими согласными главным образом на стыке основы и аффиксальной морфемы и в зависимости от характера предшествующего гласного реализуется в звонком или глухом вариантах.

Фонема /*г*/ сочетается со всеми гласными, но в исконных словах главным образом с переднерядными. Непосредственно перед согласными и заднерядными гласными она в исконных словах не встречается.

Фонема /*к*/ — глухая среднеязычная смычная согласная, произносимая плавно, без взрыва и напряжения. Во всех позициях артикулируется как смычный.

В исконно кумыкских словах она представлена лишь в сочетании с гласными переднего ряда. Широко употребляется не только в анлауте и инлауте, но и в ауслауте: *эки* «два», *эчки* «коза», *кёк* «небо», *тёк* «наливай». Как и /*г*/, фонема /*к*/ характеризуется устойчивостью распределения в исконно тюркских корнях. Непосредственно перед заднерядными гласными [*о*], [*у*] она в исконных словах не встречается.

Велярный вариант фонемы /*к*/, отличающийся от палатального варианта главным образом отодвинутостью назад, представлен во всех позициях только в иноязычных заимствованиях: *кампот, капот, касс, каска*. В соседстве с широкой /*а*/ он приобретает заднеязычную окраску: *кассет, Кавказ, кактус.*

Фонема /*к*/ в ауслауте при присоединении к слову аффикса с начальным гласным реализуется в звонком аллофоне: *гёк* «синий, голубой» — *гёгер-* «синеть, посинеть, плесневеть», *тёк-* «вылить» — *тёгюл-* «вылиться», *срок* — *срог-у* «его срок».

Сочетается практически со всеми гласными, но в исконных словах употребляется главным образом с гласными переднего ряда.

После согласных звуков фонема /*к*/ встречается очень редко: *уьлкю* «куст», *эркек* «самец», *бёрк* «шапка» и др.

Фонема /*й*/ - среднеязычный щелевой сонорный согласный. При произношении звука /*й*/ средняя часть спинки языка поднимается высоко к твердому нёбу, но не касается его, оставляя узкую щель, а кончик языка упирается в нижние зубы. Выдыхаемый воздух проходит через эту узкую щель и образует шум, сопровождаемый голосом.

Фонема /*й*/ в современном кумыкском языке встречается во всех позициях слова, ср.: *йылан* «змея, *йымышакъ* «мягкий», *айтыв* «предание», *айыр* «стыд», *гийим* «одежда», *ай* «месяц», *бий* «князь», *къой* «овца» и др.

Звук [*й*] сочетается со всеми гласными, за исключением губного /*о*/ и /*и*/.

В палатальном варианте, произносимом при более узкой щели и продвинутой значительно вперед спинки языка, она тяготеет к шумным, ее сонорность в этом случае исчезает, особенно в соседстве с узкой гласной /у/ и полуузким /уь/: *йотэл* (орф. *ётэл*) «кашель», *йем* (орф. *ем*) «корм», *кюй* «мотив», *яй* «лето». В велярном варианте щель заметно расширяется и отодвигается назад, произношение становится плавным и соответственно значительно более ясно проступает сонорность фонемы /*й*/: *йар* (орф. *яр*) «гора», *юн* «шерсть», *йол* (орф. *ёл*) «дорога». Сонорность наиболее четко проявляется в интервокальном положении: *айакъ* (орф. *аякъ*) «нога», *къую* «колодец», *оюн* «игра». Только в ауслауте фонема /*й*/ резко сокращается и приобретает шумный характер, лишаясь сонорности: *бай* «богатый», *ой* «мысль», *той-* «лить».

В постпозиции непосредственно после согласных фонема /*й*/ в кумыкском языке запрещена.

В препозиции фонема /*й*/ сочетается с большинством согласных как в составе основ, так и на стыке морфем, ср.: *айт-* «говорить», *айгьай* «конечно»,

айгъыр «жеребец», *айлан-* «ходить», *айны-* «поправляться», *байракъ* «флаг», *бийке* «княгиня» и т.д.

К среднеязычным относится согласный [*хь*] - вариант заднеязычной фонемы /*х*/. Звук [*хь*] – среднеязычный щелевой глухой согласный, произносимый с сильной фрикацией (трением): *Нёхей* (жен. имя), *маьхьи* «хутор».

Заднеязычные

Фонема /*гъ*/ - щелевая заднеязычная звонкая согласная, которая образуется путем взрыва преграды, создаваемой полным смыканием задней части спинки языка и задней части мягкого неба; при этом голосовые связки напрягаются и начинают колебаться. При ее артикуляции задняя часть спинки языка и язычок смыкаются и размыкаются, создавая конусообразную восходящую щель.

Фонема /*гъ*/ в современном кумыкском языке встречается главным образом в инлауте и ауслауте исконно кумыкских слов в соседстве с гласными только заднего ряда, в анлауте она встречается очень редко. В абсолютном начале слова фонема /*гъ*/ отмечается только в составе некоторых специфических звукоподражательных слов (в основном перед гласным /*у*/), ср.: *гъургъур* - подражание звуку; *гъурулла-* «скрипеть, тарахтеть». Лишь в ауслауте по нормам кумыкского консонантизма она не допустима. В конце слова фонема /*гъ*/ реализуется в глухом варианте /*къ*/; но озвончается при присоединении аффиксов, начинающихся с гласного звука, *ср.: багьалыкъ* «дороговизна», но *багьалыгъы* «его ценность»; *тавукъ* «курица», но *тавугъу* «его курица»; *къулакъ* «ухо», но *къулагъы* «его ухо» и т.д.

Фонема /*гъ*/ в современном кумыкском языке употребляется только в составе заднерядных согласных, причем она запрещена в позиции непосредственно перед последующими согласными. В постпозиции фонема /*гъ*/ может стоять непосредственно после согласных /*з, й, г, л, р, в*/: *айгъа* «луне», *къаргъа* «ворона», *къургъа* “точило” и т.д.

Фонема /*къ*/ - заднеязычный глухой смычный согласный. Фонема /къ/ — коррелят звонкой фонемы /гъ/, отличающийся от нее слабо выраженной смычностью и последовательной глухостью. Это особенно заметно в инлауте в интервокальном положении, где смычка может быть предельно ослаблена. Отме-

чено даже озвончание /*къ*/ в слове *ягъа* «воротник». За исключением этого случая фонема /*къ*/ обнаруживает в корневых морфемах большую устойчивость во всех позициях: *къыш* «зима», *акъ* «белый», *бакъа* «лягушка», *сакъал* «борода».

В современном кумыкском языке фонема /*къ*/ встречается во всех позициях заднерядных гласных без ограничения - в абсолютном начале слова (*къара* «черный», *къыш* «зима», *къуш* «птица)), в середине слова (*якъла-* «защищать», *сакъал* «борода», *токъта* «остановись») и в абсолютном конце (*булакъ* «родник», *окъ* «стрела», *акъ* «белый»). Данная фонема употребляется только в словах с гласными заднего ряда, она может выступать непосредственно на стыке корня и аффиксов, ср.: *къонакъман* «я гость», *акъмы* «белый ли», *бакъмас* «не посмотрит».

Данная фонема может употребляться в постконсонантной позиции после сонорных ср: *халкъ* «народ», *къоркъ-* «бояться»; *танкъ* «стук» и т.п.

Перед начальным аффиксальным гласным фонема /*къ*/ в ауслауте при агглютинации регулярно озвончается: *ёкъ* «нет» — *ёгъу* «то, чего нет», *къонакъ* «гость» — *къонагъ-ым* «мой гость». Это, как и озвончение конечного /*к*/ в той же позиции, отражается на письме.

В потоке речи при отсутствии паузы в рамках интонационно объединенной синтагмы /*къ*/ и /*к*/ спорадически озвончаются на стыке слов в соседстве с гласным: *къонагъуй* «горница», *ёгъэт* «уничтожить». Применительно к этому случаю правомерно выделять озвонченный аллофон обеих фонем, который регулярен в ауслауте при наличии последующего аффикса с начальным гласным.

Фонема /*къ*/, как правило, употребляется в исконно кумыкских словах только в сочетании с гласными заднего ряда.

Сфера употребления фонемы /*къ*/ расширилась за счет прочно вошедших в обиход арабизмов и фарсизмов типа *къалам* «карандаш», *къабур* «могила». В других иноязычных заимствованиях, в частности русизмах и заимствованиях через русский язык, фонема /*къ*/ не употребляется.

В исконно тюркских корневых морфемах ее распределение в целом стабильно. Можно отметить лишь случаи озвончения на стыке компонентов сложных слов вроде *къарагъуш* (орф. *къаракъуш*) «орел», *къарагъаш* (орф. *къара къаш*) «чернобровая».

Фонема /*х*/ — щелевая глухая заднеязычная увулярная согласная, употребляется преимущественно в анлауте и ауслауте, а в инлауте встречается редко: *халкъ* «народ», *хап* «укуси», *хабар* «новость», *юхла «*спи*», юху* «сон», *тарих «*история», *тах* «престол».

В исконно кумыкских словах фонема /*х*/ преимущественно выступает в велярном варианте (т. е. в сочетании с гласными заднего ряда), характеризующемся ясно выраженной увулярной окраской. В этом варианте она широко освоена и в иноязычных заимствованиях: *хабар* «весть», *ашхана* «столовая», *характер, хор, колхоз*. В велярном варианте увулярный оттенок фонемы /*х*/ сглаживается или даже исчезает лишь в сочетании с губным /*у*/, когда благодаря его влиянию ее звучание намного опередняется: *хум* «песок», *хурт* «червь», *худур* «грязь».

В палатальном варианте фонема /*х*/ чаще всего встречается в иноязычных заимствованиях, особенно в русизмах перед узким гласным /*и*/: *химия, хирург*. Этот вариант /*х*/ произносится при сильном дополнительном подъеме средней части спинки языка и при очень узкой щели, образуемой между всей задней частью спинки языка и твердого нёба. Хотя и в этом случае /*х*/ имеет заднеязычное образование, он получает как бы дополнительную артикуляцию в области средней части спинки языка, во всяком случае — очень опередненное звучание.

Согласный /*х*/ относится к числу сравнительно устойчивых фонем. Данная фонема /*х*/ не употребляется в аффиксах.

Фонема /*нг*/ — заднеязычный носовой смычный сонант, характеризующийся слабой напряженностью и очень незначительной шумностью. Образуется смыканием задней части спинки языка с мягким нёбом в момент его опущения путем его краткой вибрации. Встречается только в середине (*тангала* «завтра», *англа* «пойми») и конце (*танг* «заря», *зенг* «звонок») слова.

Велярный вариант фонемы /*нг*/ имеет обычно ослабленную смычку. *онг* «правый», *танг* «рассвет». Исключение составляет вариант /*нг*/ в положении рядом с узкой лабиализованной /*уь*/, где он и по звучанию приближается к среднеязычным: *гёнгюл* «душа, сердце», *сёнген* «потух». В соседстве с /*а*/ велярный вариант *нг* реализуется в увулярном аллофоне: *анг* «сознание», *занг*

«звонок», *чанг* «пыль» и др. Этот аллофон встречается также после /*ы*/: *къынгыр* «кривой», *жынгыр* «дребезжание».

Палатальный вариант фонемы /*нг*/ образуется при более ясно выраженной смычке, переходящей перед гласными в щель. Он выделяется опередненностью своего звучания, а при узких передних гласных, кроме того, — значительной напряженностью артикуляции и усилением шумности, особенно в ауслауте и перед последующим согласным: ср. *генг* «широкий», *тенг* «равный», *минг* «родинка», где фактически представлен апикальный от среднеязычного до заднеязычного аллофон фонемы /*нг*/.

Во всех своих разновидностях фонема /*нг*/ обнаруживает четкую фонологическую опознаваемость и устойчивость. Она в исконно тюркских словах сохранилась в тех же позициях, что и в большинстве тюркских языков. Сфера ее употребления значительно расширилась в результате фонемизации фонетически сходного с ней аллофона фонемы /*нг*/, широко употребляемого перед /*к, къ, г* и *гъ*/: *эртэнги* «утренний», *бырынгы* «древний».

В аффиксальных морфемах фонема /*нг*/ тоже характеризуется устойчивостью: *иш – иш-инг* «твоя работа», *баш – баш-ынг* «твоя голова».

Гортанные

В начале слова, как и в конце его, /*гь*/ — глухая согласная фонема.

Фонема /*гь*/ - гортанный щелевой глухой согласный. Она образуется при трении выдыхаемого воздуха о щель, образованную поднятием задней спинки языка к мягкому небу. Фонема /*гь*/ произносится без всякого напряжения и на слух воспринимается как легкий непроизвольный выдох через суженную глотку с еле заметным участием голоса, непосредственно переходящим в экскурсию последующего гласного.

Велярный и палатальный варианты фонемы /*гь*/ довольно четко отличаются друг от друга и артикуляционно, и акустически. В велярном варианте она представляет плавный гортанный спирант, легко образуемый глубоко в глотке или даже ниже ее: *гьакъыл* «ум», *гьава* «воздух», *гьыз* «линия». Только перед губно-губным /*у*/ гортанный оттенок несколько сглаживается, поскольку в этом случае и сам звук образуется выше глотки: *гьужум* «атака». *гьукумат* «государство», *гьукму* «решение; указ».

В палатальном варианте /*гь*/ произносится также плавно в виде непроизвольного выдоха перед произнесением последующего гласного, образуется над гортанью при суженном резонаторе в полости рта. Сужение его, производимое поднятием средней или передней части спинки языка, зависит от характера последующего гласного. Например, при широком /*а*/ сужение резонатора происходит минимально, при /*о*/ — больше, а при узком /*и*/ — максимально: ср. *гьал* «положение» - *гьол* «вон» - *гьис* «чувство» - *гьюрмет* «уважение». Соответственно происходит и опереднение /*гь*/: перед узкими /*уь*/ и /*оь*/ локализуется примерно в области передней части твердого нёба, перед /э/ — в задней его части, перед /*о*/ — в средней, перед /э/ — между передней и средней его частью.

В палатальном варианте к основной артикуляции присоединяется, таким образом, дополнительная артикуляция средней или передней части спинки языка. Это значительно меняет и акустический эффект — в данном случае заметно увеличивается шумность /*гь*/, тогда как во всех остальных условиях /*гь*/ характеризуется придыханием, в том числе и в анлауте. В известной мере меняется также степень напряженности произносительных органов — она более заметна перед узкими /*оь*/ и /*уь*/ и в нисходящем порядке убывает при /*э, и, ы, у, о, а*/.

Фонема /*гь*/ в современном кумыкском языке встречается во всех позициях слова без ограничений: в анлауте (*гьюнер* «дар», *гьармут* «груша»), в инлауте *(агьвалат* «событие», *агьмакъ* «дурной») и в ауслауте *(пачагь* «царь», *шагь* «король»). Сочетается как с гласными заднего, так и с гласными переднего ряда.

Фонема /*гь*/ относится к числу самых устойчивых и широкоупотребительных согласных, составляющих национальную специфику кумыкского консонантизма. Лишь в некоторых говорах она выпадает в анлауте: *гьав – ав* “охота”, *гьармут – армут* “груша”. Это объясняется упомянутой ее легкостью, плавностью, граничащей с обычным непроизвольным выдохом почти без участия голоса перед произношением последующего гласного, на артикуляцию которого настроены произносительные органы при его образовании.

Фонема /ъ/ - гортанный смычный глухой согласный, который употребля-

ется только в середине слова. В кумыкский язык проник с арабо-персидскими заимствованиями: *таъсир* «влияние», *маъна* «смысл», *маълумат* «сведения». При образовании гортанного /ъ/ смыкаются голосовые связки и артикуляционный взрыв смычки осуществляется тем запасом воздуха, который содержится в промежутке между гортанной и артикуляционной смычек.

СИНГАРМОНИЗМ

Слово является комплексной фонологической единицей, в которой проявляются закономерности гармонии звуков. Оно фрагмент потока речи, а не изолированный элемент. Звуки единого слова — звукового комплекса — по законам тюркской речи должны состоять из звуков максимально близких в отношении артикуляции. Не имеет значения, корень это или производная основа, важно то, что слоги в потоке речи между собой вступают во взаимодействие.

Таким образом, сингармонизм слога и слова проявляется в трех видах: 1) гармония гласных, 2) гармония гласных и согласных, 3) гармония согласных.

Экспериментальное исследование взаимоотношения гласных и согласных тюркологами показало сингармонистическое единство гласных и согласных. Гласные в сочетании с согласными получают роль индикатора согласных по палатальности/велярности, огубленности/неогубленности; а ин-дикатором характеристики согласных по способу и месту образования выступают сами согласные. Например, согласный [*къ*] в слове [*къол*] — велярный и огубленный, индикатором чего выступает гласный [*о*], сам по себе звук [*къ*] характеризуется тем, что он является заднеязычным по месту образования и смычным по способу образования.

Гармония звуков осуществляется в слове как в сочетании гласных с гласными, так и в их сочетании с согласными. Например, согласный звук [*л*] в сочетании с гласными разного ряда и разной степени огубленности в словах *ал* «бери», *эл* «страна», *ол* «он», *оьл* «умри» произносится по-разному, имея разные аллофоны, соответственно как: твердый неогубленный, мягкий неогубленный, твердый огубленный, мягкий огубленный. Таким образом, [*л*] в приведенных словах — разные звуки.

Поскольку гласные имеют четко выраженную сингармоническую сис-

темную структуру, гармонию звуков целесообразно рассматривать, базируясь на классификации гласных. Классическая тюркская система восьми («кратких») гласных — /*а, э, и, ы, у, уь, о, оь*/ — с признаками велярности, палатальности, огубленности и неогубленности идеально отражает закон сингармонизма.

Междометия, как относящиеся к наиболее древним слоям лексики, оказались хранителями системы восьми гласных: *ай, эй, ой, ий, ый, уй* и т.д.

Классическая система восьмерки пракыпчакского вокализма, зафиксированная в древних тюркских памятниках, сохранилась не во всех современных кыпчакских языках, в большинстве из них она нарушена в разной степени. Кумыкский язык сохранил классическую восьмерку пракыпчакского вокализма.

Кумыкский сингармонизм гласных базируется на указанных 8 гласных звуках-фонемах.

Гармония звуков является и свойством согласных. Согласные по закону сингармонизма имеют переднерядный, заднерядный, лабиализованный и нелабиализованный варианты, что гармонирует с системой как вокализма, так и с системой консонантизма, что, однако, не всегда отражается на письме. Теоретически это вызывает споры о выделении, например, мягких и противопоставлении их твердым и т.д. Гармония согласных между собой выражается также в их сочетаемости по признаку глухости-неглухости (звонкости, сонорности), что принято отражать в письме в большинстве случаев.

Гармония звуков в кумыкском языке происходит по определенным признакам — по двум типам противопоставления гласных: по ряду — велярности-палатальности: *а—э, ы—и, о—-оь, у—уь*; по участию губ — неогубленности-огубленности: *а—о, е—оь, ы—у, и—уь*.

По ряду — *палатально-велярная* гармония, которую также называют «нёбной». По этому закону вместе с заднерядными гласными в слове или в слоге употребляются велярные или твердые гласные и согласные, а вместе с гласными переднерядными — соответственно гласные переднего ряда и переднеязычные, мягкие согласные. Например, в слове *тала* все гласные заднерядные, в слове *бал* гласный [*а*] является заднерядным, соответственно согласные [*б*] и [*л*] являются твердыми; в слове *бел* гласный [э] является передне-

рядным, а согласные [*б*] и [*л*] — мягкими.

По активному участию губ представлена *губная-негубная* гармония. Вместе с губным гласным выступают огубленные гласные и согласные, а с гласным негубным — неогубленные гласные и согласные. В слове *болду* все гласные огубленные, в слове *бол-* «быть» гласный [*о*] — огубленный, соответственно согласные [*б*] и [*л*] также являются огубленными. В слове *тала* «поле, степь» гласные [*а*] — неогубленные, соответственно согласные [*т*] и [*л*] — тоже неогубленные. В одном и том же слове параллельно могут существовать и нёбная, и губная гармония, например, в слове *болду* все гласные заднерядные и губные и т.д.

При рассмотрении вопросов сингармонизма практически удобно оперировать характерными признаками гласных как индикаторами, что общепринято в тюркологии.

В гармонии согласных с согласными и гласными индикаторами выступают согласные — их уподобление по глухости-неглухости, по месту образования — «ассимиляция», обычно это явление происходит на стыке основы и аффикса или на стыке двух основ, а не в составе корня или непроизводной основы. Уподобление происходит по следующим параметрам:

1) по глухости — после конечного глухого основы употребляется аффикс или другая морфема с глухим начальным звуком: *айт-ты* «сказал», *яз* > *ясса*. Это явление отмечено также в древнетюркских памятниках (А.Н.Кононов);

2) по неглухости — после неглухого (гласного, звонкого и сонорного) звука употребляется неглухой (звонкий, сонорный): *ата-лар* «отцы», *тон-лар* «шубы», *яз-да* «весной»;

3) по месту образования — последующий или предыдущий звук должен быть по месту образования ближе к соседнему звуку, например, *яман пача* «плохой царь», где последующий губно-губной согласный [*п*] превращает [*н*] в [*м*]. Подобная гармония происходит как в прогрессивном (когда предыдущий звук влияет на последующий согласный: *айт-ты* «сказал»), так и регрессивном (когда последующий звук уподобляет себе предыдущий: *тав+у* > *тав-у* «его гора», *герек + и* > *гереги* «его нужда»). В этом одно из отличий гармонии со-

гласных от гармонии гласных, в последней гармония происходит в прогрессивном направлении.

Гармония звуков происходит независимо от количества слогов в слове. Она соблюдается как в односложных словах и внутри слога, так и в дву- и многосложных основах. Это характерно для большинства современных кыпчакских языков.

Гармония звуков в односложных словах (корнях) и слогах

На уровне односложного корня и слога последовательно соблюдается как палатальная, так и губная гармония.

Непоследовательность гармонии звуков начинается, как правило, в сложных основах, звуки компонентов которых принадлежат к противопоставленным рядам, а также в производных и словоизменительных формах слова с заимствованными или поздно возникшими аффиксами. Наличие в слове гласных разных рядов может быть одновременно индикатором нетюркского происхождения формы или слова.

Согласно закону палатально-велярной гармонии в одной односложной структуре по правилам сингармонизма могут соседствовать:

а) при велярной гармонии соседствуют велярный (твердый) гласный и твердый согласный. Например, в структуре ГС: *ал* «возьми», *ол* «он»; *ат* «лошадь», *ут* «выиграй», *от* «трава»; в структуре СГ: *бу* «это», *ма* «на», *шо*/*шу* «это, тот» и т.д.;

б) при палатальной гармонии соседствуют палатальный (мягкий) гласный и мягкий согласный. Например, в структуре ГС: *ел* «ветер», *ил* «вешай», *ет* «дойди», *ит* «собака», *оьт* «пройди»; в структуре СГ: *не* «что», *де* «скажи», *тёш* «грудь» и т.д..

Таким образом, противопоставляются по велярности-палатальности слова и слоги из двух фонем — ГС: *ал – эл, ол – оьл; ат – ет, къыт – ит, оьт – от*; СГ: *да – де, не – но* и т.д.; слова и слоги из трех фонем - СГС: *тал – тэл, къыл – тил, къол – коьл, къул – кюл* и т.д. ГСС: *арт – элт, ирк – уьрк* и т.д.; слова и слоги из четырех фонем — СГСС*: къарт – кэрт, чорт – ёрт, сюрт – хурт* и т.д.

2) Согласно закону губно-негубной гармонии:

а) в одном слоге/слове соседствуют губной гласный и губной или огубленный согласный: *ол* «он», *бу* «это», *соьз* «слово», *туьз* «правильно» и т.д.;

б) в одном слоге соседствуют негубной гласный и негубные или неогубленные согласные: *ат* «лошадь», *эт* «мясо», *ит* «собака», *йыл* «год», *бил* «знай» (здесь губной согласный — по смычке губ, а не по их округлению, поэтому он может соседствовать с негубным гласным).

На примерах из кумыкского языка можно продемонстрировать, как слова различаются по комбинациям противопоставлений сингармонических признаков:

1) твердый негубной — мягкий негубной: *тыш – тиш, таш - тэш*;

2) твердый губной — мягкий губной: *туз – тюз, тор - тоьр*;

3) твердый губной — твердый негубной: *къош – къаш, къул - къыл*;

4) твердый губной — мягкий негубной: *бут – бэт, бош - биш*;

5) мягкий губной — мягкий негубной: *он - ин, тур - тэр*;

6) мягкий губной — твердый негубной: *туьш – таш, оьл - ал*.

Варианты палатального и лабиального сингармонизма ведут себя как равноправные единицы языка, наделены одинаковой словоразличительной функцией.

Гармония звуков в двусложных структурах

Она имеет место а) в первичных основах: *ата* «отец», *бала* «ребенок», *гиши* «человек», *уллу* «большой», *сегиз* «восемь», *юрек* «сердце» и т.д.; б) при аффиксации в производных основах: *ат–лы* «всадник», *къой–чу* «чабан» и в) при присоединении словоизменительных аффиксов: *яш-гъа* «ребенку», *ит-ни* «собаку».

Палатально-велярная гармония в двухсложных структурах имеет два вида: а) велярная, или заднерядная, гармония, б) палатальная, или переднерядная, гармония. В палатально-велярной гармонии участвуют как негубные, так и губные гласные.

Гармония по ряду/мягкости-твердости в кумыкском языке в тюркских словах и освоенных заимствованиях соблюдается регулярно.

Негубные: а) велярная (заднерядная): *а-а, а-у, у-у, у-а*;

б) палатальная: *е-е, е-и; и-и, и-е*.

Губные: а): велярная*: о-о, о-у, у-у, у-о*; б) *палатальная оь-оь, оь-уь, уь-уь, уь-оь*.

Смешанные сочетания, когда губной соседствует с негубным, представляет собой нарушение губной гармонии: а) велярная гармония: *о-а, и-а, и-у, о-у*; б) палатальная гармония: *оь-е, уь-и, оь-и, и-е*. В этом случае велярная гармония соблюдается, однако губная гармония нарушается: *жорап* «носок», *оймакъ* «наперсток», *соьйлэ* «говори», *токъта* «остановись», *тийэ* «касается» и т.п.

Последовательная палатальная и губная гармония: *къолу* «его рука», *отла-* «пастись», *коьлгэ* «на озеро, к озеру», *болгъан* «случившееся».

Палатальная гармония, так же как велярная, в особенности — негубная, сохраняется в современном кумыкском языке: *негубные* сочетания: *е-е, е-и, и-и, и-е, е-аь, аь-и, и-аь*; *губные*: *оь-оь, оь-уь, уь-уь, уь-оь*; *смешанные*: *оь-е, оь-и, уь-и, уь-е* и т.д. Примеры: *эрлер* «мужчины», *гелдигиз* «вы пришли», *билимлери* «их знания», *етти* «семь», *сегиз* «восемь».

Гармония звуков в трех- и многосложных словах

Структуры, включающие в себя три слога и более, представляют собой:

1) производные слова: а) аффиксального образования (*сабан-чы* «крестьянин»), б) аналитические образования — сложные слова (*къолкъотур* «гриб»);

2) слова со словоизменительными аффиксами (*бав-чу-лукъ* «садоводство»). В этих случаях последний слог основы оказывает влияние на последующий аффиксальный слог. Таким образом, последовательность звукового комплекса частей звуковой структуры вполне предсказуема. При этом функция предсказательности, не ограничиваясь предсказательностью дальнейшей звуковой последовательности, распространяется и на семантико-грамматический аспект морфем и слова в целом;

3) заимствованные из нетюркских языков слова (*гьайбат-лы-лыкъ* «величавость»).

Гармония трехсложных структур с негубными гласными. Велярно-палатальная гармония. Велярные: 1) *а-а-а, а-а-ы, а-ы-ы, а-ы-а*; 2) *ы-а-а, ы-ы-а, ы-а-ы,ы-ы-ы*. Примеры: *къалыгъыз* «оставайтесь», *сабанчы* «пахарь; крестьянин», *барсагъыз* «если пойдете».

Палатальные: 3) *е-е-е, е-е-и, е-и-и, е-и-е*; 4) *и-е-е, и-и-е, и-е-и, и-и-и*; 5) *аь-*

и-е, и-е-аь и т.д. Примеры: *женгертги* «кузнечик», *гелигиз* «приходите», *денгизни* «море (в вин. пад.)».

Губная гармония. Велярная губная гармония: 1) *о-о-у, о-у-у*; 2) *у-у-у; у-о-у: къолумну* «мою руку», *донгузну* «свинью».

Палатальная губная гармония: 3) *оь-уь-уь, оь-оь-уь*; 4) *уь-уь-уь, уь-оь-уь*; *гёзюмню* «мой глаз», *сёзюмню* «мое слово», *сюючю* «радостная весть», *юзюмчю* «виноградарь».

Наблюдается процесс ослабления и нарушения гармонии звуков. Этому способствуют в большинстве случаев определенные явления, которые одновременно служат своеобразным показателем: а) сложного слова, состоящего из нескольких слов (*белбав* «ремень», *ташкёмюр* «уголь», *бугюн* «сегодня»); б) заимствованного слова или аффикса: ар. *сабур* «спокойный», ар. *гьалива* «халва», перс. *гьармут* «груша», рус. *машин.*

В сохранении или ослаблении гармонии гласных и согласных письменность, используемая для данного языка, играет определенную роль. Здесь также вступает в силу противопоставление: письменный язык — разговорный язык. В языках народов, имевших раннюю и используемую широкой массой письменность, имеется больше нарушений гармонии звуков. Традиции руническо́й, арабской, латинской, русской письменностей оказали свое влияние на развитие фонетической системы кумыкского языка — на ослабление и нарушение первоначальной идеальной гармонии звуков устно-разговорного языка.

Однако надо учесть, что письмо, строго подчиненное своим правилам, весьма часто не отражает и не может отражать закономерности устной речи. Это явление наблюдается и в современном кумыкском языке. Например, в письменной форме слов *айтды* «он сказал», *алды* «он взял» сингармонизм согласных не соблюдается. Однако здесь сингармонизм согласных не соблюдается в письменной речи, но последовательно соблюдается в устной речи, указанные слова соответственно произносятся *айтты, аллы*.

Обозначаемые на письме согласные звуки [*къ*], [*гъ*]— всегда твердые и по закону сингармонизма сочетаются только с заднерядными гласными, а их антиподы [*к*], [*г*] — всегда мягкие и сочетаются с переднерядными гласными, и т.д. Эти согласные оказывают соответствующее влияние на слоговую гармо-

нию: *къызыл* «красный», *къыргъый* «ястреб», *кирит* «замок», *гидив* «козленок».

Некоторые аффиксы, в основном позднего происхождения, по ряду причин не подчиняются гармонии и этим также способствуют ослаблению сингармонизма. К таким относятся, например, современные кумыкские исконные аффиксы *–ныки, -сув, -шылт*, которые не подчиняются ни палатально-велярной, ни губной гармонии.

Помимо сказанного выше, одно и то же слово может иметь до известной степени различную звуковую структуру в разных «стилях произношения», выходящую за пределы сингармонизма.

В результате воздействия указанных факторов процесс ослабления и нарушения сингармонизма в современных языках развивается дальше.

Нарушение губной гармонии — это и нарушение негубной гармонии в исконных несложных словах: *о-а*: *къойлар* (не *къойлор*) «овцы»; *о-у*: тогъуз «девять»; *гёзлер* (не *гёзлёр*)».

Одной из важнейших фонетических особенностей кумыкского языка, как и других тюркских языков, является сингармонизм, который распадается на гармонию гласных и на гармонию согласных.

Гармония гласных

Традиционно различают д в а вида гармонии гласных: н ё б н у ю и г у б н у ю, хотя их роль в языке неодинакова.

Нёбная гармония гласных, т. е. дистанционное уподобление гласных звуков по нёбному притяжению, заключается в том, что в составе одного слова выступают либо гласные заднего ряда *[а], [о], [у], [ы],* либо гласные переднего ряда *[э], [и], [оь], [уь]*. Например: *тамаша* «удивительно», *ойлаша* «думает», *соьйлэшэ* «договаривается», *билдире* «сообщает» *и др.*

При губной гармонии гласных в составе одного слова вслед за губной гласной первого слога выступают губные гласные *[о], [оь], [у], [уь]* других слогов и, наоборот, за негубными *[а], [э], [ы], [и]* — слоги с негубными гласными. Например: *тырнакъ* «ноготь»; *эки* «два»; *къозу* «ягненок»; *толкъун* «волна», *къарангы* «темно» и др.

В кумыкском языке в одном и том же слове могут сосуществовать и нёбная, и губная гармония гласных. Например, в слове *гоьгуьрчуьн* «голубь»

все гласные губные и составляют губную гармонию, но в то же время все эти гласные являются передними и подчиняются закону нёбной гармонии гласных. В слове *ишлерим* «мои дела» все гласные нёбные и негубные, поэтому они подчиняются как закону нёбной, так и закону губной гармонии гласных.

В отличие от некоторых тюркских языков, в кумыкском языке имеет место слабое проявление губной гармонии и четкое проявление нёбной гармонии.

Гармония гласных как одна из особенностей сингармонизма не ограничивается одними корнями, а распространяется и на аффиксы. Гласные аффиксов в зависимости от их смыслоразличительных функций и артикуляционных норм, имеют тенденцию к созвучию с гласными корня. Согласование вокализма аффиксов с вокализмом корня носит, как и внутри корня, последовательный характер, т. е. ряд гласного корня определяет собой переднерядность или заднерядность соседнего аффикса, равно как первый гласный корня определяет ряд последующих гласных; переднерядность (или заднерядность) гласного первого после корня аффикса, в свою очередь, обусловливает ряд гласного следующего за ним аффикса и т. д. Например: *мал + чы + ла + гъа* «скотоводам»; *иш + чи + лер + ибиз* «наши рабочие».

Как видно, в данном случае мы имеем дело с последовательным созвучием гласных не только последнего гласного корня и аффиксов, но и всего слова. Определяющим фактором такого согласования гласных всего слова является первый гласный корня вообще, но для аффиксов таким начальным определяющим выступает последний гласный корня, который и сам подвергается влиянию предшествующих гласных.

Однако последний гласный основы не всегда может выступать независимым определяющим дальнейшее созвучие гласных аффиксов, когда в нарушение сингармонизма в одном слове встречаются как гласные переднего, так и гласные заднего ряда. Нарушение закона гармонии гласных в кумыкском языке имеет место в отдельных исконно кумыкских словах и в некоторых арабских, персидских, иберийско-кавказских, русских и других заимствованиях, сохранивших свою звуковую оболочку. Например: *буламукъ* «похлебка»; *тиштайпа* «женщина»; *низам* «порядок»; *баъли* «вишня`; *машин,*

пионер, директор, бухгалтер.

Также следует отметить, что последний гласный корня не всегда имеет решающее влияние на гласные аффикса. Дело в том, что последний гласный корня не всегда устойчив, чтобы оказать какое-либо постоянное влияние на последующие гласные аффикса. В результате аффиксации корня, когда создаются определенные фонетические условия, допускающие разумную фонетическую экономию, без ущерба для смысла слова, конечный гласный корня не только не оказывает влияния на гласные аффиксов, а, наоборот, сам выпадает.

В кумыкском языке наблюдаются случаи, когда аффиксы независимы от гласных корня. Такое нарушение гармонии гласных в словах встречается в том случае, если к корню приписывается двухвариантные аффиксы*: къумукъ* «кумык» - *къумукъча* «по-кумыкски»*, орус* «русский» - *орусча* «по-русски»*, уьй* «дом» - *уьйде* «дома» и др.

Губная гармония гласных в аффиксах имеет более широкое распространение, чем в корнях. Так, узкие губные гласные как в корнях, так и в аффиксах реализуются свободно: *къозу + ну* «ягненка»; *тюлкю + ню* «лисенка»; *гёгюрчюн + юбюз* «наша голубка». Однако распространение губной гармонии, как и нёбной, имеет свои границы. Определяющее влияние корневых губных гласных, как и негубных, зависит от смыслоразличительных функций аффикса, поэтому к корню с губными гласными могут присоединяться и негубные гласные, например: *къозу + лар + ыбыз* «наши ягнята»; *тюлкю + лер + ибиз + ден* «от наших лисиц»; *гёгюрчюн + лер + ибиз + ден* «от наших голубей».

Наряду с губными гласными в губной гармонии аффиксов определенную роль играет губно-губной согласный *[в],* который комбинаторно влияет как на предшествующие, так и на последующие гласные, лабиализуя их, например: *бар + ыв ~ бар + ув* «хождение»; *яз + ыв – яз + ув* «письмо» *и т.п.*

Узкие гласные аффиксов после губно-губного согласного [*в*] также лабиализуются: *тав + убуз + ну* «нашей горы»; *тилев + юбюз + ню* «нашу просьбу».

Таким образом, нарушение гармонии гласных вообще и убывание

губной гармонии, в частности, в кумыкском языке связано, как было отмечено выше, со спецификой его внутреннего развития, с арабо-персидскими, иберийско-кавказскими и русскими заимствованиями.

Обобщая рассмотренные факты гармонии гласных, для основного словарного фонда кумыкского языка можно указать такое общее фонетическое свойство: в одном и том же слове либо в одной и той же словоформе гласные переднего ряда употребляются тогда и только тогда, когда не употребляются гласные заднего ряда, или же, наоборот, в одном и том же слове или словоформе гласные заднего ряда употребляются тогда и только тогда, когда не употребляются гласные переднего ряда.

Гармония гласных и согласных

В современном кумыкском языке гармония согласных является только следствием гармонии гласных и выражена в том, что гласные и согласные слова взаимно гармонируют и в зависимости от характера гласных все согласные слова бывают то твердыми, то смягченными, огубленными и неогубленными (за исключением велярных [*къ*] и [*гъ*], о которых будет сказано ниже). Например: *эт* «мясо»; *ат* «лошадь»; *гирдик* «мы вошли».

Как видно, в зависимости от характера гласных одни и те же согласные могут быть то смягченными, то твердыми. Это связано с делением гласных на гласные переднего и гласные заднего ряда. Согласные в сочетании с гласными заднего ряда выступают как велярные, а в сочетании с гласными переднего ряда — как палатальные.

Однако следует отметить, что сказанное выше охватывает не все согласные кумыкского языка. Так, заднеязычные [*къ*] и [*гъ*] принимают ограниченное участие в сингармонизме. Как пишет А. П. Поцелуевский, «согласные, имеющие два варианта своего произношения (*к—къ, г—гъ*), тоже принимают участие в сингармонизме, а именно средненёбные [*к*] и [*г*] встречаются в словах с гласными переднего ряда, а задненёбные [*къ*] и [*гъ*] слышатся в словах с гласными заднего и среднего ряда».

Данное явление имеет место и в других тюркских языках, но для кумыкского языка такое положение характерно, как было указано выше, только для заднеязычных *[къ]* и *[гъ]* и это связано со спецификой самого языка.

Заднеязычные [*къ*] и [*гъ*] в современном кумыкском языке являются не только комбинаторными вариантами среднеязычных [*к*] и [*г*], но выступают и как самостоятельные фонемы. При этом среднеязычные [*к*] и [*г*] гармонируют как с гласными переднего, так и с гласными заднего ряда: *гебен* «стог»; *леген* «медный кувшин»; *юген* «уздечка»; *гёлек* «рубашка; *гинник* «пупок»; *челек* «ведро». Распространение сингармонизма и на среднеязычные [*к*] и [*г*] в кумыкском языке является результатом влияния соседних языков и внутреннего развития самого кумыкского языка. Однако следы былого ограничения употребления их с задними гласными пока еще имеют место в языке.

В отличие от среднеязычных, заднеязычные [*къ*] и [*гъ*] употребляются, как было отмечено выше, только с гласными заднего ряда и всегда бывают велярными: *къонакъ* «гость»; *къырдыкъ* «мы уничтожили»; *токъмакъ* «колотушка»; *багъыр* «медь»; *чагъыр* «вино».

Следует отметить, что заднеязычные [*къ*] и [*гъ*] и среднеязычные [*к*] и [*г*] в одном корне не встречаются.

Таким образом, в звуковом строе кумыкского языка можно отметить еще один фонетический закон: в одном и том же слове или словоформе заднеязычные согласные [*къ*] и [*гъ*] употребляются только тогда, когда сочетаются с гласными заднего ряда: *къаргъа* «ворона», *къургъа* «точила (брусок)», *чоргъа* «желоб» и др.

По сравнению с гармонией согласных по твердости и мягкости, взаимодействие согласных по звонкости и глухости представляет собой более сложное явление и выражает то фонетическое свойство согласных корня и аффиксов, что принято называть ассимиляцией и диссимиляцией. Поэтому для удобства рассмотрим их в отдельности.

ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ В ПОТОКЕ РЕЧИ

Ассимиляция

В тюркологии этим термином чаще всего обозначается изменение согласных в речевом потоке. Согласные могут уподобляться полностью или частично. Подвергаются изменению последующие или предыдущие согласные,

происходит также взаимовлияние согласных. В соответствии с этим различают следующие виды ассимиляции: полную, частичную, прогрессивную, регрессивную, взаимную.

Прогрессивная ассимиляция

При прогрессивной ассимиляции последующий звук подвергается воздействию предыдущего.

Прогрессивная ассимиляция согласных по глухости — звонкости бывает контактная, т. е. ассимиляции подвергается согласный, который непосредственно соприкасается с другим согласным, и дистактная, когда ассимилируются согласные, находящиеся на расстоянии.

В кумыкском языке в устной речи полной прогрессивной ассимиляции по глухости—звонкости подвергаются только четыре пары: [*п*]—[*б*], [*к*]—[*г*], [*къ*]—[*гъ*], [*т*]—[*д*]. Например: *айтып + бол- > айтып пол* «попробуй скажи»; *кёк + ге > кёкке* «в небо»; *къонакъ + гъа > къонакъкъа* «гостю»; *гет + ди > гетти* «он ушел»; *элт + ди > элтти* «он унес».

В устной речи полной прогрессивной ассимиляции подвергается начальный звонкий согласный [*д*] аффиксов, следующих за носовыми конечными согласными [*н*], [*нг*], корня: *мен + ден > меннен* «от меня»; *тюкен + ден > тюкеннен* «из магазина»; *атанг + дан > атангнан* «от твоего отца», *орам + да > орамна* «на улице», *ким + дир > кимнир* «кто?».

Билабиальный смычный [*б*] после носовых согласных [*нг*], [*м*] в результате прогрессивной ассимиляции произносится как билабиальный сонорный [*м*]*: он бир > ом мир* «одиннадцать», *он беш > ом меш* «пятьнадцать», *танг булан > танг мулан* «ранним утром» и др.

После бокового согласного [*л*] согласный [*д*] в результате прогрессивной ассимиляции превращается в боковой [*л*]*: алды > аллы* «он взял», *билдирив > биллирив* «сообщение», *ёлдаш > ёллаш* «товарищ».

Согласные [*г*], [*гъ*] после носовых смычных [*н*], [*нг*], [*м*] в результате прогрессивной ассимиляции произносятся как заднеязычный носовой [*нг*]. Согласный [*н*], употребленный перед [*г*], [*гъ*], подвергается прогрессивной ассимиляции и произносится как [*нг*]. Например: *танггъа > тангнга* «к утру», *тамгъа > тамнга* «пятно», *гийингинче > гийингнгинче* «пока оденется» и др.

После аффрикаты [*ц*] согласные [*з*], [*с*] подвергаются прогрессивной ассимиляции и произносятся как [*цц*]*: ханц сал > ханц цал* «положи уксус», *кюцсюз > кюццюз* «без облика, без лица».

Начальный согласный [*д*] аффикса исходного падежа *-дан*/*-ден* подвергается полной ассимиляции предыдущими согласными [*н*], [*нг*] как корня, так и аффикса. Причину этого можно объяснить не только фонетической позицией звука [*д*], но и тем, что данный случай ассимиляции соответствует условиям фонетической экономии и, не нарушая смысла слова, при наименьшем усилии обеспечивает речи тембр, соответствующий обстановке. Например: *сенден > сеннен* «от тебя», *тангдан > тангнан* «с утра», *эменден > эменнен* «из дуба» и т.д.

Частичная прогрессивная ассимиляция начального согласного [*д*] аффикса исходного падежа *-дан*/*-ден* имеет место в устной речи и тогда, когда данному аффиксу предшествует конечный согласный [*м*] корня: *хум + дан > хумнан* «из песка»; *анам + дан > анамнан* «от матери», *юзюм + ден > юзюмнен* «из винограда».

Прогрессивная ассимиляция может быть 1) полной или 2) частичной, например: 1) *къайтды > къайтты* «он вернулся», *алды > аллы* «он взял»; 2) *япды > япты* «закрыл», *башда > башта* «на голове», *тамды > тамны* «капнул».

Согласный [*д*] после всех глухих согласных в результате регрессивной ассимиляции произносится как глухой согласный [*т*]: *ятдыр > яттыр* «уложи», *къысдыр > къыстыр* «засунь», *уьлешдик > уьлештик* «мы раздали».

Регрессивная ассимиляция согласных

В кумыкском языке наряду с прогрессивной ассимиляцией имеет место и регрессивная ассимиляция согласных, когда качество начального звука аффикса определяет качество последнего звука основы и, таким образом, основа подвергается деформации. Указанное явление — обычный тип ассимиляции для кумыкского языка, причем она происходит не только на стыке основы и аффикса, но и на стыке двух аффиксов.

Полная регрессивная ассимиляция имеет место в устной речи, когда к основе с исходным [*н*] прибавляются аффиксы с начальным [*л*] или [*м*]:

нл > **лл**: *къоян* + *лар* > *къояллар* «кролики»; *бичен* + *лик* > *бичеллик* «луг для покоса»; *улан* + *лар* > *улаллар* «сыновья»;

нм > **мм**: *гюн* + *мю* > *гюммю* «солнце ли?», *билген* + *мен* > *билгеммен* «я узнал»; *ишлеген* + *мен* > *ишлегеммен* «я работал».

В устной речи предыдущие [*н*], [*нг*], т. е. конечный согласный основы, также подвергается полной ассимиляции, если последующий аффикс начинается с согласного [*нг*]: **нг > нгнг**: *тирмен* + *ге* > *тирменгнге* «на мельницу»; *ининг* + *ге* > *инингнге* «твоему брату», *ишингге* > *ишингнге* «твоей работе».

В произношении конечный звонкий согласный основы подвергается полной регрессивной ассимиляции тогда, когда приписываемый к нему аффикс начинается с парного глухого согласного [*с*]: **зс>сс**: *яз* + *сын* > *яссын* «пусть напишет», *яз* + *са* > *ясса* «если напишет» *къаз* + *сакъ* > *къассакъ* «если выкопаем», *туз* + *суз* > *туссуз* «без соли» и др.

Конечный согласный [*з*] первого слова также подвергается полной регрессивной ассимиляции, когда последующее слово начинается с глухого согласного: *туз салды* > *тус салды* «положил соль»; *газ толду* > *гас толду* «газ наполнился», *учуз тор* > *учус тор* «дешевая занавеска».

Рассмотренные выше случаи полной регрессивной ассимиляции связаны с морфологической значимостью аффиксов и той различительной функцией, которую несут на себе первые согласные аффиксов.

Известно, что согласные при непосредственном соседстве тяготеют к взаимной ассимиляции, но при этом обычно побеждает тот согласный, который занимает более сильную позицию. В рассмотренных выше случаях начальные согласные аффиксов занимают сильную позицию ввиду того, что при малейшей попытке к обратной ассимиляции слово теряет нужное значение или же становится непонятным, тогда как регрессивная ассимиляция их удовлетворяет условиям речи и обеспечивает понятие и соответствующий тембр при минимальной трате усилий к воспроизведению данного слова.

Таким образом, полная регрессивная ассимиляция согласных в названных выше фонетических позициях связана с морфологической функцией аффиксов, обеспечивающих сильную позицию начальных согласных.

В устной речи частичная регрессивная ассимиляция встречается как на стыке основ и аффиксов, так и на стыке частей сложного слова и двух самостоятельных слов. Когда к основе с исходным согласным [*н*] присоединяется аффикс с начальным небно-зубным [*б*], последний уподобляет себе конечный [*н*] основы по признаку «губной — негубной», например: **нб > мм**: *ишлеген + биз > ишлегеммиз* «мы работали»; *болгъан + быз > болгъаммыз* «мы были»; *он + бир > оммир* «одиннадцать»; *ом + беш > оммеш* «пятнадцать»; *улуйгъан бёрю > улуйгъам мёрю* «воющий волк»; *арыгъан болур > арыгъам молур* «наверное, устал».

В произношении конечный [*н*] слова подвергается частичной регрессивной ассимиляции и переходит в согласный [*нг*], когда последующее слово начинается на [*к*], [*къ*], [*г*], [*х*], например: **нкъ > нгнг**: *терен къол > теренгнгол* «глубокое ущелье»; *ириген къар > иригенгнгар* «растаявший снег»; *он къой > онгнгой* «десять баранов»; **нг > нгнг**: *айрылгъан гюн > айрылгъангнгюн* «день расставания», *он гюн > онгнгюн* «десять дней», *эртен гел > эртенгнгел* «приходи утром».

Конечная аффриката [*ч*] корня под влиянием последующих глухих согласных [*с*], [*ч*] теряет свою смычку, например: **чс > цц**: *ач + са > ацца* «если откроет»; *агъач + сыз > агъаццыз* «некачественный», без леса»; *къач + са > къацца* «если убежит»; *гюч + сюз > гюццюз* «без силы, бессильный».

Данное явление сохраняет свою силу и на стыке двух слов: *агъач сап > агъацца*п «деревянная ручка», *агъач сал > агъацца*л «положи дрова».

Как видно, природа частичной регрессивной ассимиляции такая же, что и у полной регрессивной ассимиляции, и зависит от фонетических условий сочетаемых звуков и их фонематических функций.

Диссимиляция

Диссимиляция (расподобление) согласных представляет собой явление, противоположное ассимиляции. Если ассимиляция приводит к уподоблению сочетаемых согласных, то диссимиляция приводит к их расподоблению.

Диссимиляция, так же, как и ассимиляция, бывает как регрессивной (когда изменяется первый из взаимодействующих согласных), так и прогрессивной (когда изменяется последующий согласный). Для современного кумыкско-

го языка характерна регрессивная диссимиляция.

В устной речи диссимилятивному воздействию последующих переднеязычных [*д*], [*т*], [*дж*], [*н*], [*л*], [*ч*] подвергается аффриката [*ч*], которая при контакте с указанными звуками теряет свою смычку, например:

чд > шд: *ач + ды > ашты* «открыл»; *къач + ды > къашды* «убежал»; *ач + дан > аштан* «с голоду»; *гюч + ден > гюштен* «с трудом»;

чл > шл: *агъачлыкъ > агъашлыкъ* «лес»; *гючлю > гюшлю* «сильный», *ичлик > ишлик* «прокладка».

Явление диссимиляции, надо полагать, связано с усложнением артикуляции при контакте аффрикаты [*ч*] с переднеязычными смычными, следовательно, при тенденции к фонетической экономии без ущерба для смысла слова упрощается артикуляция предыдущего [*ч*], как занимающего слабую позицию по сравнению с последующими переднеязычными, которые несут с собой смыслоразличительную функцию.

Диссимиляция чаще всего наблюдается среди сонорных согласных: *зарар – зарал* «вред», достаточно», *коридор – калидор, бензин – билизин*.

Удвоенные согласные (геминаты)

По мнению языковедов, геминированные согласные в тюркских языках появились сравнительно поздно. По этому поводу М. Рясянен писал: «В древнетюркском языке удвоенных согласных, по-видимому, не было, однако, теперь они встречаются более или менее часто во всех языках».

Одной из специфических особенностей кумыкского языка является широкое употребление геминированных согласных. Немалый интерес с морфонологической точки зрения представляют слова, в которых геминаты выполняют функции выражения высокой степени качества, несут на себе экспрессивно-усилительную нагрузку: *исси* «тепло, жарко». Ср.: *исин* «согревайся», *исий* «греется», *исив* «теплота»; *аччы* «горький» (ср. *ачы* «кисни», *ачый* «киснет»); *къатты* «твердый», «крепкий» (ср. *къатгъакъ* «застывшая грязь», *къатгъылыкъ* «грубые остатки корма»); *гиччи* «маленький» (ср. *гичгине* «малость»).

Геминированные согласные обнаруживаются в интенсивных формах прилагательных, у которых обычная форма образуется прибавлением *-п-* к первому слогу: *бо-пп-бош* «очень пустой», *а-пп-акъ* «очень белый», *са-ппа-сав*

«весьма здоров». Удваиваются согласные на стыке сложных слов: *буссагьат* < *бу сагьат* «сейчас», *шоссагьат* < *шо сагьат* «моментально». Согласные интенсивно удваиваются при выражении высокой степени качества и экспрессии, дифференциации качества.

Наличие в кумыкском языке удвоенных согласных Н. К. Дмитриев рассматривает как влияние соседних кавказских языков. Материалы кумыкского языка показывают, что большинство геминат кумыкского языка, которые встречаются в так называемых непроизводных основах, исторически восходят к ассимилятивным образованиям или представляют собой морфонологическое явление. Об этом наглядно свидетельствуют факты терского и частично хасавюртовского диалектов, в которых значительная часть слов литературного языка с геминированными согласными употребляются с одним согласным.

Таким образом, возникновение ряда геминат объясняется фонетическими процессами, часть геминат представляет собой явление функционального характера, иначе говоря, явление морфонологическое, происходящие в кумыкском языке без воздействия иносистемных языков. Итак, геминированные согласные имеют три источника появления: ассимиляция, интонационная выделенность, заимствование слов с геминированными согласными из арабского языка.

Фонетическое чередование согласных

В кумыкском языке, как и в других тюркских языках, отдельные морфемы, в зависимости от их звукового взаимодействия, выступают в различных звуковых видоизменениях, в которых те или иные звуки, занимающие одно и то же место в звуковой оболочке слова, чередуются, но при этом несут одну и ту же фонологическую нагрузку.

Такое позиционно обусловленное чередование звуков касается глухих согласных [*к*], [*къ*], [*п*], которые, попадая в интервокальное положение, в некоторых случаях подвергаются фрикатизации и озвончению.

В отличие от некоторых тюркских языков, в кумыкском комбинаторное чередование глухих согласных [*к*], [*къ*], [*п*] с соответствующими интервокальными парными звонкими [*г*], [*гъ*], [*б*] встречается только в абсолютном конце слова. Конечные [*к*], [*къ*], [*п*] слова, следуя за последним гласным и попадая в

интервокальное положение на стыке слова и аффикса с начальным гласным, соответственно чередуются со звонкими [*г*], [*гъ*], [*б*]: *челек* «ведро» — *челег+и* «его ведро»; *гёлек* «рубашка» — *гёлег+и* «его рубашка»; *къулакъ* «ухо» — *къулагъ+ынг* «твое ухо»; *чарыкъ* «сапог» — *чарыгъ+ынг* «твой сапог»; *къонакъ* «гость» — *къонагъ + ым* «мой гость»; *китап* «книга» — *китаб+ым* «моя книга»; *топ* «мяч» — *тоб+у* «его мяч»; *къап* «мешок» — *къаб+ы* «его мешок».

Конечные [*к*], [*къ*], [*п*] кумыкского языка, следуя за последним гласным слова и попадая в интервокальное положение на стыке двух слов, при отсутствии паузы между ними, также чередуются со звонкими [*г*], [*гъ*], [*б*]: *юрек аврув > юрег аврув* «болезнь сердца»; *гёк ат > гёг ат* «серая лошадь»; *къабакъ эшик > къабагъ эшик* «ворота»; *къонакъ уьй > къонагъ уьй* «гостиница»; *чёп атдылар > чёб атдылар* «бросили жребий»; *кёп адам > кёб адам* «много людей»; *сорап ал > сораб ал* «бери спрашивая».

Такое чередование согласных обязательно только в интервокальном положении, в прочих сочетаниях глухие согласные остаются без изменения. Чередование конечных согласных перед словами с начальным гласным на письме не отражается. Следовательно, если глухие [*к*], [*къ*], [*п*] неустойчивы в интервокальном положении, то их звонкие парные [*г*], [*гъ*], [*б*] неустойчивы как после согласных корня, так и перед гласными аффикса или последующего слова: *мюлк уьлешив* «разделение имущества»; *халкъ айтгъан* «то, что говорит народ»; *алп адам* «могучий человек»; *бёрк ал* «бери папаху».

Выпадение гласных

Исконно кумыкской лексике чуждо стечение гласных вообще. Стечение гласных недопустимо не только в словах, но и в словоформах, а иногда и на стыке двух слов. В связи с этим в указанных фонетических условиях один из гласных выпадает.

Выпадение гласных на стыке двух слов имеет место, когда за словом, оканчивающимся на открытый слог, следует слово с начальным гласным: *къара ат > къарат* «вороной конь»; *сары алма > саралма* «желтое яблоко», *уллу от > уллот* «большой костер». Как видно, если смысл словосочетания без одного из этих гласных не нарушается, то, как правило, менее устойчивым оказывается конечный гласный предыдущего слова (т. е. ударный), он выпадает, а

начальный неударный гласный следующего слова сохраняется. Выпадение начального гласного второго слова в данном случае привело бы к искажению смысла словосочетания.

При присоединении к корню с конечным закрытым гласным притяжательных аффиксов, когда создаются определенные фонетические условия, допускающие разумную фонетическую экономию без ущерба для смысла слова, последний узкий гласный корня выпадает. Например: *боюн* «шея», но *бой + нум* «моя шея»; *бурун* «нос» — *бур + ну* «его нос»; *къыйын* «трудно» — *къый+на* «мучить»; *къарын* «живот» — *къар + ны* «его живот».

Выпадение гласных в конце слова наблюдается в заимствованиях: *машин – машина, аптек – аптека* и др.

Выпадение согласных

Согласные, как и гласные, в зависимости от фонетических условий выпадают как в середине, так и в конце слова. Выпадению в середине слова подвергаются сонорные [*л*], [*р*], а в конце слова — [*н*], [*л*], [*р*].

Если к глагольной основе *бол* «быть» присоединяются аффиксы, начинающиеся с несонорных согласных, то звук [*л*] выпадает, например: *босун* < *болсун* «пусть будет»; *буса* < *болса* «если будет».

Когда к глаголам будущего времени, содержащим аффиксы, начинающиеся с узкого гласного *(-ыр -ир, -ур -юр),* присоединяются личные аффиксы 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч., то конечный согласный [*р*] глагольной основы в устной речи выпадает: *салыман* < *салырман* «я положу»; *салысан* < *салырсан* «ты положишь»; *салыбыз* < *салырбыз* «мы положим»; *салысыз* < *салырсыз* «вы положите».

Как видно, во всех этих случаях выпадение [*р*] на смысл слова не влияет, так как предшествующие узкие гласные несут на себе основную смыслоразличительную нагрузку аффиксов основы. При наличии широких гласных выпадение [*р*] не происходит. Выпадение согласных [*н*], [*л*], [*р*] в конечной позиции также связано с узкими гласными аффиксов.

Метатеза

Для кумыкского языка характерна также перестановка смежных звуков. Такой перестановке подвергаются как соседствующие согласные, так и соглас-

ные и гласные. Метатеза чаще всего встречается в устной речи, а также в диалектах.

Из соседствующих согласных переставляются главным образом переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные:

чгъ > **къч***: ачгъыч* > *акъчыч* «ключ»;

сх > **хс**: *акъсакъ* > *аскъакъ* «хромой»;

шгъ > **хш**: *башгъа* > *бахша* «другой»;

сг > **кс***: эсги* > *экси* «старый»;

бз > **зб**: *абзар* > *азбар* «двор»;

лр > **рл**: *шалбар*> *шарбал* «штаны»;

йм >**мй**: *йимик* >*мийик* «подобно»;

рн > **нр**: *хуржун* > *хунжур* «мешок»;

нй>**йн**: *дуьнйа* > *дуьйна* «вселенная, мир, человечество».

Протеза, эпентеза, эпитеза, апокопа

Иноязычные заимствования по своей звуковой структуре большей частью не соответствуют законам кумыкской фонетики, поэтому такие слова, проникая в основной словарный фонд данного языка, в живой речи подвергаются изменениям, соответствующим законам кумыкской фонетики. Эти фонетические изменения выражаются в проявлении таких явлений, как протеза, эпентеза, эпитеза и апокопа.

Как известно, кумыкскому языку, как и другим тюркским языкам, чуждо стечение согласных в начале слога. Поэтому иноязычные заимствования со стечением согласных в начале слога (первый из которых является щелевым) подвергаются протезированию, т. е. к началу слова прибавляется гласный, при этом характер протетического гласного зависит от гласных слова по закону регрессивной ассимиляции гласных. Например: *стакан* > *истакан; справка* > *исправка; штап* > *иштап; штраф* > *иштырап; шкаф* > *ишкап; школа* > *ушкола; стол* > *устул.*

Протетические гласные появляются и перед словами, начинающимися на плавные согласные [*р*], [*л*]: *русь* > *орус* «русский», *рушбат* > *урушбат* «взятка». В данном случае появление протетических гласных объясняется тем, что в

кумыкском языке, как и в других тюркских языках, сонорные [*р*], [*л*] обычно не начинают слово.

Эпентеза, т. е. вставка гласного между смежными согласными, имеет место как в начале, так и в середине слова.

Вставка гласного между смежными согласными в начале слова проявляется главным образом, когда второй из смежных согласных является сонорным: *план > пулан; кровать > каравaт; трактор > тырактыр; бригадир > биргадир; клуб > кулуп; крупа > курупа.*

Вставка гласного между согласными в середине слова встречается, когда к русским географическим названиям, завершаемым стечением трех согласных, присоединяется кумыкский аффикс с начальным согласным: *Буйнакск*, но *Буйнакскиде* «в Буйнакске», *Смоленск,* но *Смоленскиде* «в Смоленске»; *Курск — Курскиде* «в Курске». Данная вставка гласного связана с недопустимостью в кумыкском языке стечения более двух согласных.

Эпитеза, т. е. прибавление гласного в конце слова, имеет место в русских заимствованиях, завершаемых стечением согласных: *танк < танка; отпуск < отпуска; продукт < продукта; пропуск < пропуска.*

Апокопа, т. е. выпадение последнего гласного, встречается в русских заимствованиях и имеет морфологическое значение, т. е. отбрасывается окончание: *фабрика > фабрик; банка > банк; газета > газет; анкета > анкет.*

СЛОГ И СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Слово распадается на столько слогов, сколько гласных звуков в нем представлено. Каждый слог включает в себя один гласный. Являясь обязательным конституирующим элементом слога, гласный звук составляет его вершину независимо от состава и качества входящих в него согласных и своего местоположения в слоге.

Слог может состоять и из одного гласного. Но чаще всего он включает в себя, кроме гласного, от одного до четырех согласных, расположенных в строго определенной последовательности, обусловленной правилами сочетаемости согласных в пределах слога.

По фонемному составу различаются следующие структурные типы слогов, характерные для кумыкского и других тюркских языков.

1. Одна гласная (Г): *а-якъ* «нога», *э-лек* «сито», *о-рам* «улица», *и-не* «иголка», *у-я* «гнездо», *оь-зен* «река». Этот тип слога, представленный восьмью исконными кумыкскими гласными, чаще всего наблюдается в начале двусложных и многосложных кумыкских слов. В кумыкском языке гласный [*ы*] не образует данного типа слова. Самостоятельную морфему представляет собой данный тип слога лишь в междометиях *э! а!* (первое означает догадку, второе — удивление, изумление). Кроме того, в качестве условной корневой морфемы данный тип слога используется в названиях гласных букв.

2. Согласная и гласная (СГ): *ба-ла* «ребенок», *гэ-мэ* «лодка», *къу-ру* «сухой», *ги-ши* «человек», *бу-гъа* «бык», *тоь-бэ* «вершина, холм». Это один из наиболее распространенных типов слогов, характеризующийся прежде всего позиционной незакрепленностью и стабильностью своей структуры, исключая конечную позицию в немногих корневых морфемах и некоторых словоформ, где он деформируется при их наращении аффиксом (ср. *къа-ра-* «смотри», *къа-ра-й* «смотрит», *бар-ма* > *бар-ма-й* «не ходит»).

Данный структурный тип слога, как и предыдущий, крайне редко совпадает со структурой корневой морфемы; *дэ-* «сказать», *ма* «на!» *бу* «это», *шо* «тот, то, та». Зато он часто представляет собой аффиксальную морфему: *ал-ма* «не бери», *ал-ды* «взял», *биз-гэ* «нам», *и-ни* «младший брат». Тем не менее, чаще всего он встречается не в конце, а в начале и середине словоформы, в том числе в начале неодносложных корней. Согласные в интервокальном положении, представляющем наиболее типичные условия их реализации в инлауте тюркского слова, при слогоделении обязательно тяготеют к последующему гласному. Этим объясняется высокая употребительность описанного типа слога в середине слова, тем более, что в кумыкском языке исключено непосредственное сочетание двух гласных подряд не только в пределах слога, но и на стыке слогов.

Как и в остальных тюркских языках, оба рассмотренных типа открытого слога широко представлены в начале исконно тюркских слов, в том числе и в корневых морфемах.

3. Гласная и согласная (ГС) — кратчайший тип закрытого слога, характеризующийся позиционной закрепленностью, представлен значительным чис-

лом односложных исконных корней типа *акъ* «белый», *ай* «луна», *ал-* «брать», *ой* «сознание», *эт* «мясо», *эл* «страна», *уьй* «дом», *от* «огонь», *оьп-* «целовать», и в начале многих двусложных и многосложных слов типа *энни* «теперь», *орта* «середина», *эртэ* «рано», *эркэ* «изнеженный».

В остальных позициях этот тип слога не может быть представлен. К тому же он, как и всякий закрытый слог, в односложных корнях при их осложнении аффиксом с начальным гласным неизбежно деформируется — конечная согласная переходит в состав последующего слога, превращая тем самым закрытый слог в открытый: *ат* «лошадь», — *а-ты* «его, ее лошадь», *ал-* «брать» — *а-ла* «берет», *акъ* «белый» — *а-гъы* «белый».

4. Гласная, сонант и шумная глухая согласная (ГСС) — сравнительно редкий морфонологически строго ограниченный тип закрытого слога (предполагает сочетаемость исключительно названных двух типов согласных), закрепленный за немногими корневыми морфемами типа *арт* «задний, тыл, задняя сторона», *ант* «клятва», *айт-* «сказать», *элт-* «доставить (туда)», при осложнении которых соответствующими аффиксами деформируется, превращаясь в предыдущий тип закрытого слога (ср. *арт* «задняя сторона» — *ар-ты* «его, ее задняя сторона», *айт* «скажи» - *ай-та* «он говорит», *элт-* «доставлять» — *эл-тип бер* «доставь туда и вручи»).

5. Согласная, гласная, согласная (СГС) — один из наиболее распространенных типов закрытого слога, структурно совпадающий с самым значительным числом корневых морфем типа *баш* «голова», *бар* «есть», *бер-* «дай», *бир* «один». Характеризуется позиционной незакрепленностью. В конце слова при его осложнении аффиксом с начальным гласным деформируется: *беш* «пять» — *бе-шин-чи* «пятый», *гэл-* «приходить» — *гэ-лэ* «он, она приходит», *бар-макъ* «палец» — *бар-ма-гъым* «мой палец».

6. Согласная, гласная, сонант и глухая согласная (СГСС) — один из редко встречающихся типов закрытого слога, в котором представлены немногие корни: *бёрк* «шапка», *дёрт* «четыре», *дерт* «горе», *къарт* «старый», *къурт* «червь, пчела», *къыркъ* «сорок», *тарт* «тяни». Включая в себя конечные согласные строго определенного характера, этот тип слога позиционно закреплен в корневых морфемах. При их осложнении аффиксом с начальным гласным он дефор-

мируется — замыкающая его согласная переходит в последующий слог: *тарт-* «тянуть» - *тар-та* «тянет», *тюрт-* «толкать; тыкать» - *тюр-те* «толкает; тыкает», *юрт* «село – *юр-ту* «его село».

Таким образом, структурной устойчивостью характеризуются в кумыкском языке лишь открытые слоги. Все типы закрытых слогов в процессе агглютинации преобразуют свою структуру как в односложных корнях, так и в конце двусложных и многосложных слов. Они стабильны лишь в составе морфологически неизменяемых слов, в частности, в междометиях, звукоподражаниях, образоподражаниях и служебных частях речи, частицах, послелогах, союзах, модальных словах. Таких слов со стабильным составом слоговой структуры в целом не очень много. И, напротив, слова с подвижным слогоделением занимают доминирующее положение. Соответственно возрастает удельный вес производных слогов, возникающих на стыке корневой морфемы и аффикса в результате перехода замыкающего ее согласного в последующий вновь образуемый слог во главе с инициальным аффиксальным гласным. Это касается особенно открытого слога типа СГ (за счет преобразования закрытых слогов типа ГС, ГСС и СГС), получившего в речи самое широкое распространение. По употребительности за ним следует закрытый слог типа СГС. Самую меньшую сферу распространения имеет закрытый слог типа ГСС. Предпоследнее место по употребительности занимает закрытый слог типа СГСС.

В конце слога допускается сочетаемость двух согласных лишь в случае, если первый из них является сонантом, а второй глухим согласным: *къарт* «старый», *айт-* «сказать», *чалт* «быстро». Во всех остальных случаях смежные согласные внутри слова распределяются по разным слогам: *ал-ма* «яблоко», *къыр-гъын* «мор», *токъ-сан* «девяносто».

При стечении трех согласных на стыке слова и аффикса слоговая граница проходит перед конечным из них: *къарт-лар* «старики», *айт-дыкъ* «мы сказали».

В начале слога не допускается стечение двух согласных.

За последние десятилетия в связи с неуклонным расширением состава заимствований из русского языка по мере массового их освоения в условиях возрастающего двуязычия постепенно стали осваиваться новые структурные

типы слогов, ранее подвергавшиеся адаптации в соответствии с описанными основными нормами кумыкского слогоделения:

1) согласная, согласная и гласная (ССГ): *шпа-гат, шпи-он, ста-нок*;

2) согласная, согласная, гласная и согласная (ССГС): *шкаф, срок, стаж, трак-тор, трам-вай, шнур, шлак, клуб*;

3) согласная, согласная, согласная, гласная, согласная (СССГС): *шпрот, штраф*.

4) в иноязычных заимствованиях в конце слога может быть две согласных фонемы, независимо от их качества (ССГСС): *спирт, штурм*.

5) согласная, согласная, согласная, гласная, согласная: *строй, структура*.

6) согласная, гласная, согласная, согласная, согласная: *текст, Смо-ленск, Буй-накск, пункт*.

Из указанных 12 типов слогов для исконно кумыкской лексики характерны только первые шесть типов, остальные шесть типов принадлежат в основном лексике, заимствованной из русского языка. В устной речи звуковая структура этих слогов не соблюдается, т. е. все они сводятся к обычным кумыкским слоговым типам путем протезирования, однако тенденция к двуязычию и задачи школы постепенно проводят линию соблюдения слоговой структуры заимствований.

Корни преимущественно односложны. Но из них лишь очень немногие функционируют вне сочетания с аффиксами как на уровне лексическом, так и, в особенности, на уровне словоизменительной морфологии. Соответственно даже лексические основы кумыкских слов в целом характеризуются многосложностью, не говоря уже об их грамматических формах, особенно глаголы и имена существительные, из которых первые при словоизменении могут получить до одиннадцати дополнительных слогов (ср. *уьйдегилеригиздегилерденмисиз*? «вы из тех, кто из вашего дома?).

Особенной многосложностью отличаются, естественно, сложные слова, занимающие в кумыкской лексике значительное место (*оьгюзьемиш* «мушмула», *къозукъулакъ* «щавель», *такъалыбакъа* «черепаха»), а также производные лексические единицы, созданные способом редупликации (*эсги-пусгъу* «старье,

рухлядь, ветошь, хлам», *къап-къара* «черный-пречерный», *тешик-тешик* «изрешеченный дырами»).

Многосложностью характеризуются также и некоторые производные слова аффиксального происхождения: ср. *юзюм-чю-люк* «виноградарство», где производящая основа обрастает рядом слогов, из односложной лексемы превращается сразу в трехсложное слово (*къой–чу–лукъ* «овцеводство»).

Слоговая структура слова, обусловленная составом гласных в нем, находится в тесном взаимодействии с акцентно-ритмическим его строением.

Виды слогов

По структурно-звуковому строю кумыкские слоги подразделяются на открытые, закрытые и замкнутые.

Слоги, состоящие из одного гласного или же из сочетания согласного и гласного, называются *открытыми*. Слоги, состоящие из одного гласного, встречаются обычно в начале слова: *а-та* «отец»; *а-на* «мать»; *и-ни* «младший брат»; *о-ракъ* «серп», *у-ра* «бьет», *э-ле-* «просеивать». Слоги, состоящие из согласного и гласного, выступают и как самостоятельное слово, и как части многосложного слова, позиционного ограничения не имеют — встречаются в начале, середине и в конце слова: *та-ла* «поляна»; *са-ри* «желтый»; *ма* «на»; *та-ла-лар* «поляны».

Слоги, состоящие из сочетания предшествующего гласного и последующих одного или двух согласных, называются *закрытыми*: *ал* «бери»; *эт* «мясо»; *ун* «мука»; *ал-ма* «яблоко»; *ун-суз* «без муки»; *ол-тур* «садись»; *ант* «клятва». Такие слоги также не имеют ограниченного употребления — выступают как самостоятельные слова или же встречаются, как и открытые слоги, из одного гласного, обычно в начале слова. В закрытых слогах со стечением двух согласных первый, как правило, является сонорным, а второй — глухим: *элт-* «отнести», *айт-* «сказать», *ирк* «баран», *уьст* «верх, верхняя часть».

Слоги, состоящие из сочетания согласного, гласного и согласного или же согласного гласного и двух согласных, называются замкнутыми: *къаз* «гусь»; *къыз* «девушка»; *мал* «скот»; *бар* «иди»; *беш* «пять»; *къарт-лыкъ* «старость». Как видно, замкнутые слоги выступают как самостоятельные слова и встреча-

ются еще во всех позициях многосложных слов. В замкнутых слогах со стечением согласных в конце, как и в аналогичных закрытых слогах, конечный согласный обычно бывает глухим, а предшествующий — сонорным.

Слоговой состав слова и сочетаемость слогов

Исконно кумыкские непроизводные корни обычно бывают одно- или двусложными. Трехсложные корни встречаются относительно редко. Однако в силу агглютинативного характера кумыкского словообразования число слогов в слове колеблется от одного до четырнадцати.

Односложные слова состоят главным образом из двух или трехфонемных [ГС, ГСС] закрытых и из трех или четырехфонемных [СГС, СГСС] замкнутых слогов, например: *ат* «лошадь», *от* «огонь», *ол* «он», *ур* «бей», *ант* «клятва», *арт* «зад», *таш* «камень», *мен* «я», *юрт* «село».

Для односложных слов более характерны двухфонемные [ГС] закрытые и трехфонемные [СГС] замкнутые слоги.

Двух- трех- и многосложные слова бывают корневыми и производными и образуются путем различных комбинаций открытых, закрытых и замкнутых слогов. Двухсложные слова: *а-на* «мать», *а-та* «отец», *ат-лы* «всадник», *тат-лы* «сладкий», *ал-ты* «шесть», *ал-гъа* «вперед», *а-зыкъ* «пища», *къа-зыкъ* «кол», *къоркъ-мас* «не испугается». Трехсложные слова: *а-ла-ша* «мерин», *а-дам-сыз* «без человека», *тарт-ма-гъыз* «не тяните», *къур-гъакъ-дан* «от сухости». Многосложные слова: *хон-шу-ла-рым* «мои соседи», *къо-накъ-лар-дан* «от гостей», *къур-даш-лар-ыбыз-дан* «от наших друзей».

Из приведенных примеров видно, что слоговая структура слова и сочетаемость различных типов слогов в слове тесно связаны с вопросами взаимодействия и взаимосочетаемости звуков.

Если в корневых словах границы слогов постоянны, то о производных словах говорить этого нельзя. В двух- трех- и многосложных производных словах слогораздел не всегда совпадает с морфологическим членением их. В таких словах, в зависимости от характера последнего слога изменяемого слова и последующего аффикса, слогораздел может быть непереходным и переходным.

Линия слогораздела бывает непереходной в том случае, когда предыдущий слог, т. е. конечный слог изменяемого слова, является одним из трех видов

слогов: открытым, закрытым или замкнутым, а последующий аффикс начинается с согласного. Например: *а-та+лар = а-та-лар* «отцы», *а-та + быз = а-та-быз* «наш отец», *а-на+гъыз = а-на-гъыз* «ваша мать», *ур+сакъ=ур-сакъ* «если ударим», *таш+лар = таш-ла* «камни».

Линия слогораздела перемещается в том случае, когда конечный слог изменяемого слова является одним из типов закрытого или замкнутого слогов, а последующий аффикс начинается с гласного. Например: *ит-и = и-ти* «его собака», *айт-а = ай-та* «говорит», *ант-ы = ан-ты* «его клятва», *ант + ынг = ан-тынг* «твоя клятва», *бар + а = ба-ра* «идя», *къарт+ым = къар-тым* «мой старик».

Слияние линии слогораздела имеет место, когда за двухфонемным открытым слогом следует закрытый слог: *етти + ев = ет-тев* «семеро», *алты+ав = ал-тав* «шестеро». Как видно, при стечении гласных на стыке морфем конечный гласный корневой морфемы выпадает, а согласный, начинающий конечный слог ее, присоединяется к последующему слогу — аффиксу, т. е. происходит поглощение предыдущего слога. Такое же явление имеет место при сочетании открытого слога с закрытым на стыке двух слов *къара +ат=къа-рат* «вороной конь»; *сары+ алма = са-рал-ма* «желтое яблоко».

УДАРЕНИЕ

Обычно в потоке речи один из слогов слова или слово речевого такта выделяется теми или иными фонетическими средствами среди других. Такое выделение слога или слова называется ударением, которое тесно связано с интонацией голосового тона.

Обычно выделение слога в слове принято считать словесным ударением, а выделение какого-либо слова в предложении — фразовым.

Словесное ударение в современном кумыкском языке является динамико-музыкальным и проявляется в усилении голоса и заметном повышении тона. При этом усиление гласного связано с увеличением напряженности голосовых связок, которое вызывает сужение голосовой щели и уменьшает поток воздуха.

В кумыкском языке как в двусложных, так и в многосложных словах ударные гласные обычно отличаются большей высотой основного тона по

сравнению с неударными: *ата* «отец»; *атгъа* «коню»; *атыбызны* «нашего коня».

Ударение падает на последний слог слова и характеризуется подвижностью — при аффиксации последовательно переходит на вновь образуемый слог, замыкающий словоформу: *бала* «ребенок», *балалар* «дети», *балалагъа* «детям».

Однако имеются исключения из этого правила.

1. Неподвижное ударение на первом слоге имеют морфологически неизменяемые слова следующего рода:

1) вопросительные местоимения *кимдир*? «кто?», *недир*? «что?», союзы *амма* «но», *яда* «или», частица *гьатта* «даже» и др.;

2) неподвижное ударение на втором слоге имеет частица *айрокъда* «особенно», модальные слова *озокъда* «конечно», *айгьай да* «безусловно».

2. На первый слог ударение ставится для придания слову большей выразительности:

1) для усиления значения формы 2-го лица повелительного наклонения: *олтуругъуз!* «садитесь!», *ташлагъыз!* «бросьте!», *айтыгъыз*! «скажите!»;

2) для усиления значения кратности или длительности действия при повторении спрягаемых форм глагола: *Изледим, изледим, тек табып болмадым* «Я искал, искал, но не нашел».

К словам с ударением не на последнем слоге относятся междометия, обращения, звукоподражательные и служебные слова и некоторые знаменательные слова. Междометия, выражая различные эмоции, большей частью передают разнообразные оттенки чувств. Например: *гьай аман* (выражение сожаления), *вёре* (выражение предостережения), *вогьа* «возглас, которым останавливают волов», *савбол* «спасибо», *иншалла* «если Аллах даст» и т. д.

В повторяющихся двусложных звукоподражательных словах ударение падает обычно на последний слог первого компонента звукоподражательного слова: *дагъыр-дугъур, такъыр-тукъур*.

Всегда безударны: 1) аффиксы сказуемости, при наличии которых имя сохраняет свое исходное ударение: *язывчуман* «я писатель», *насиплисен* «ты счастлив», *муаллимлербиз* «мы учителя»; 2) аффиксы категории лица при спрягаемых формах глагола, замыкающие его словоформу и занимающие заударное

положение: *баргъансан* «ты ходил», *охугъансыз* «вы читали», *баражакъсыз* «вы пойдете», *барырман* «я пойду»; 3) заударный отрицательный аффикс *-ма/-ме,* после которого могут быть аффиксы с гласными, в других случаях несущие с собой ударение: *охума* «не читай», *охумагъанбыз* «мы не читали», *тынгламагъансыз* «вы не слушали», *гёрмегенмен* «я не видел».

В сложных глагольных формах с раздельным написанием компонентов наблюдается такое же акцентно-ритмическое строение: *бара эдим* «я шел; пошел бы», *геле эдим* «я возвращался», *айта эдим* «я говорил».

Как было отмечено выше, многосложные слова в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, образуются путем аффиксации, следовательно, подвижность ударения в сложных словах зависит от характера этих аффиксов. Из большого числа аффиксов в кумыкском языке не принимают ударения аффиксы: *-ма/-ме* (аффиксы отрицания), *-мы, -ми, -му, -мю* (аффиксы вопроса), *-чы, -чи, -чу, -чю* (частица с оттенком просьбы), *–быз, -биз, -буз, -бюз, -сыз, -сиз, -суз, -сюз, -дыр, -дир, -дур, -дюр* (аффиксы сказуемости). Например: *барды* «пошел», *бармады* «не пошел», *гелди* «пришел»; *гелмеди* «не пришел»; *атмы*? «лошадь ли?»; *агъачмы*? «дерево ли?»; *баргъанмы*? «пошел ли?»; *гелгенми*? «пришел ли?», *охувчуман* «я ученик».

Причина неударности таких аффиксов, видимо, кроется в необходимости соблюдения грамматико-фонетической дифференциации омонимических аффиксов. Для убедительности рассмотрим следующие примеры: *бизин хоншубуз* «наш сосед» (*-буз* — притяжательный аффикс) и *биз хоншубуз,* «мы соседи» (*-буз* — аффикс сказуемости).

При частичной редупликации прилагательных ударение падает на первый компонент: *сап-сары* «совсем желтый» *къып-къызыл* «совершенно красный»; *зыл-къара* «совершенно черный»; *тюппе-тюз* «совершенно верно».

В словах с ударением на первом слоге высота основного тона ударного гласного выше высоты основного тона последующих - гласных: *турма* «не вставай»; *бар чы* «иди-ка»; *къойма* «не оставляй».

Ударный гласный в большинстве случаев имеет и большую длительность, чем неударный. Однако в отличие от русского языка, в кумыкском длительность ударного гласного может быть и не постоянной: *барэди* «он шел»;

айтэди «он говорил»; или же *бузукъ* «испорченный»; *бичакъ* «нож». В первых двух примерах ударные гласные произносятся со значительной долготой, тогда как в двух последующих примерах ударные гласные произносятся кратко. Следовательно, количественная сторона ударения не играет особой роли.

Словесное ударение кумыкского языка, вопреки существующему мнению о его только связанном характере, фактически в некоторой степени является разноместным и подвижным и играет смыслоразличительную функцию.

Как известно, связное ударение указывает на то, каким слогом начинается или кончается слово, и место такого ударения не может дифференцировать значения слов. В отличие от него свободному ударению свойственна, в первую очередь, различительная функция. Роль его сходна с ролью отдельной фонемы. Так, в созвучных словах для различения их по смыслу достаточно различения в месте ударения *тюйме* «пуговица» и *тюйме* «не бей»; *алма* «яблоко» и *алма* «не бери», *къойчу* «чабан» и *къой чу* «оставь-ка»; *адамсыз* «вы (настоящий) человек» и *адамсыз* «без человека»; *язда* «летом» — *яз да* «и лето», *башда* «наверху» - *баш да* «и голова».

Словесное ударение в кумыкском языке выражает индивидуальный признак отдельно взятого слова. В именах существительных, прилагательных, числительных и местоимениях ударение падает на последний слог, в некоторых же случаях в зависимости от ударения созвучные слова дают различные понятия, например, слово *сюрме* с ударением на последнем слоге является существительным, а с ударением на первом слоге — глаголом.

В кумыкском языке все гласные в неударных позициях большей частью произносятся отчетливо. Поэтому безударные гласные в кумыкском языке подвергаются редукции в меньшей мере, нежели в русском.

На наш взгляд, сохранение отчетливого произношения неударных гласных в кумыкском языке объясняется наличием побочного ударения в многосложных словах, а в двусложных и трехсложных словах — необходимостью сохранения значения слова. В отдельных случаях, когда создаются такие фонетические условия, при которых выпадение или же редукция предударного гласного не нарушает смысла слова, он подвергается редукции или же совсем выпадает, например: *топуракъ* «земля, почва» > *топракъ*; такое же явление наблюда-

ется и при передвижении ударения - *боюн* «шея» — *бойну* «его шея»; *къоюн* «пазуха» — *къойну* «его пазуха».

Таким образом, в кумыкском языке наряду с отчетливым произношением неударного гласного допускается его редукция и выпадение. Редукцию и выпадение предударных гласных в данном случае можно объяснить условиями, допускающими фонетическую экономию, и характером ударения, т. е. степенью участия в данном ударном слоге составляющих его компонентов.

Служебные слова, примыкая к предыдущему слову, обычно принимают одно общее ударение с ним, но при этом ударение падает на предшествующие слова. Например: *айтгъан учун* «от того, что сказал»; *гюн сайын* «ежедневно». Но в тех случаях, когда служебное слово принимает аффикс, ударение падает на этот аффикс: *сени булангъы* «то, что с тобой»; *сени учунгъу* «то, что для тебя».

Такой переход ударения от основного слова к аффиксу служебного слова объясняется необходимостью подчеркнуть то новое содержание, которое приобретается благодаря этому новому аффиксу.

Кумыкский язык, как и все языки, постоянно обогащается за счет иноязычных заимствований. В связи с этим лексическими заимствованиями происходят и некоторые фонетические явления, оказывающие определенные изменения в структуре кумыкской фонетики. Это касается и ударения.

Основную массу иноязычных заимствований в кумыкском языке представляют слова, вошедшие в данный язык из русского, которые в основном и повлияли на характер кумыкского ударения.

Арабские, персидские и другие заимствования употребляются по законам кумыкского ударения: *хабар* «рассказ», *аппасы* «двадцать копеек», *намаз* «моление» и др. Этот же закон распространяется на собственные имена: *Ибрагьим*, *Агьмат*, *Магьаммат* и др. То же самое наблюдается и на ударении русских заимствований дореволюционного периода: *чайник*, *лампа, капот* и др.

Но при наращивании к заимствованному слову кумыкских аффиксов наблюдается следующее:

а) в словах с ударением не на последнем слоге основы сталкиваются законы двух языков и при сохранении ударения в основе в конечных аффик-

сах возникает новое кумыкское ударение. Эти два ударения по силе различны. Собственное ударение заимствованного слова выделяется сильнее, чем конечное ударение, которое представляет собой рассмотренное нами выше второстепенное ударение. Например: *партия — партияны*; *политика — политикадан*; *трактор — тракторлар*; *автобус — автдбуслар — автобуслардан* и др.;

б) в словах с ударением на последнем слоге основы передвижение ударения происходит по законам кумыкского языка, т. е. оно переходит на последний слог аффикса. Например: *конфет — кампетлер — кампетлерден — кампетлерибизге*.

Послелоги всегда образуют единый акцентуальный комплекс с управляемым словом: *сени учун* «ради тебя»; *арслан йимик* «как лев»; *сен саялы* «из-за тебя»; *гюн сайын* «каждый день».

Из вышеизложенных примеров видно, что одновременное увеличение силы и длительности ударного слога или же увеличение только его силы и высоты является наиболее характерным свойством кумыкского словесного ударения.

Таким образом, называя кумыкское ударение динамико-музыкальным, мы придаем ему такое понятие, по которому музыкальность ударения не противопоставляется динамике, а охватывает все компоненты ударного звука. Такую оценку ударения некоторых тюркских языков мы встречаем и у других авторов (В. А. Богородицкий, А. Н. Кононов, Т. Шараф и др.)

Итак, структура кумыкского слова характеризуется следующими особенностями: 1) из односложных корней самое большое распространение получил структурный тип СГС; 2) корневые морфемы выступают восьмеричной системой вокализма, аффиксальные морфемы выступают шестью гласными. Аффиксальные морфемы присоединяются к корневым, согласуясь в вокализме и консонантизме с корнем; 3) в кумыкском языке как таковое представлено не словесное ударение, а скорее всего ритмично-синтагматическая экспрессивная выделенность того или иного слога в составе слова или фразы, которая в зависимости от характера (повествовательность, императивность) речи или же вы-

сказывание может менять свое место, не нанося при этом ущерба семантике данной лексемы. Выпадение гласных связано не с ударением, а с фонологической природой кумыкского слова. Агглютинация растягивает слово. Интонационно выделенными оказываются первый и последний слоги, серединный слог как бы «утопает». Это явление никак невозможно рассматривать вне истории корня.

КУМЫКСКИЙ АЛФАВИТ И ОРФОГРАФИЯ

Особенности кумыкского алфавита

Кумыки, как и многие тюркоязычные народы, принявшие ислам, до 1928 года пользовались арабским алфавитом, который был весьма мало пригоден для передачи звукового строя кумыкского языка. В 1920 году были сделаны первые попытки реформировать кумыкский алфавит на арабской графической основе и приспособить его к фонетическим и морфологическим особенностям кумыкского языка. Основные изменения, внесенные в алфавит, сводились к применению некоторых дополнительных значков для облегчения чтения гласных и т.д. Однако никакие реформы не могли устранить недостатки и чрезмерную сложность алфавита на арабской графической основе. Поэтому в начале 20-х годов в Советском Союзе начинается активная деятельность по замене арабской графики более простым и более пригодным для тюркских языков алфавитом. В 1928 году арабский алфавит был заменен латинским. Однако латинизированный алфавит и латинизированная письменность не объединяли народы СССР, а разобщали их, изолировали от русского языка, русской культуры, русского народа. В целях сближения национальных культур был поднят вопрос о необходимости перехода письменности с латинизированного на русский алфавит. В 1938 году был принят новый кумыкский алфавит на основе русской графики.

СОВРЕМЕННЫЙ КУМЫКСКИЙ АЛФАВИТ

Буквы	Названия букв	Буквы	Название букв	Буквы	Название букв
Аа	а	**Кк**	кы	**Уьуь**	уь
Бб	бы	**Къкъ**	къы	**фф**	фы
В в	вы	**Лл**	лы	**Хх**	хы
Гг	гы	**Мм**	мы	**Цц**	цы

Гъ	гъы	**Нн**	ны	**Чч**	чы
Гь	гьы	**Нгнг**	нгы	**Шш**	шы
Дд	ды	**Оо**	о	**Ыы**	ы
Ее	е	**Оьоь**	оь	**Ъъ**	айырыв белги
Её	ё	**Пп**	пы	**Ьь**	айырыв белги
Жж	жы	**Рр**	ры	**Ээ**	э
Зз	зы	**Сс**	сы	**Юю**	ю
Ии	и	**Тт**	ты	**Яя**	я
Й й	ий	**Уу**	у		

Действующая кумыкская графика не располагает таким алфавитом, в котором для каждой отдельной фонемы была бы особая буква. В связи с этим кумыкский алфавит имеет свои особенности, заключающиеся в многофункциональности отдельных букв в обозначении некоторых фонем сочетанием двух букв, в наличии букв, лишенных звукового значения. К таким особым буквам алфавита относятся *е, ё, ю, я, гъ, гь, къ, нг, оь, уь, ж, ъ, ь*.

В кумыкском алфавите буквы *гъ, гь, къ, нг, оь, уь, ъ* и частично *ж* обозначают специфические звуки кумыкского языка.

Буквы *ф, ц, щ* употребляются лишь в словах заимствованных из других языков. Остальные буквы алфавита отражают на письме исконно кумыкские фонемы.

Буквами *а, р, з, и, й, к, л, м, н, нг, ц, п, р, с, д, т, ф, х, гь, ч, ш, э* обозначаются строго определенные отдельные фонемы. В этом случае в основе правописания лежит последовательно проводимый фонологический принцип написания. Буквы *б, г, гъ, д* также соотносятся с определенными фонемами: *бар* «иди», *гир* «войти», *къаргъа* «ворона», *таж* «корона». Но они используются и для обозначения звонких аллофонов соответствующих конечных корневых глухих согласных: *къап* «мешок – *къабы* «его мешок», *акъ*- «течь» - *агъа* «течет» , *тёк*- «литься – *тёгюл* «*страд*. литься», *мурат* «цель» - *мурады* «его цель» и т.д.. Отражая, таким образом, фонетическое совпадение фонемы с аллофоном

другой фонемы, правописание в данном случае строится на чисто фонетическом принципе — за буквой в конечном итоге оказывается закрепленным определенный звук, а не фонема. Буква оказывается однозначной лишь на фонетическом уровне и двузначной на фонологическом.

Буквами *в, е, ё, э, ю, я, ж* обозначаются разные звуки, отнюдь не совпадающие также и на фонетическом уровне.

В в исконно кумыкских словах обозначает губно-губной щелевой звонкий согласный, а в заимствованиях из русского языка губно-зубной щелевой звонкий, передаваемый одной и той же буквой *в*. Ср.: *васият* «завещание», *аваз* «звук», *Венгрия, вертолет*.

Гъ обозначает заднеязычную звонкую согласную фонему: *къавгъа* «шум», *багъыр* «медь», *чагъыр* «вино».

Гь обозначает гортанную щелевую глухую фонему: *гьармут* «груша, *агьамият* «значение», *сагьат* «часы».

Къ обозначает заднеязычную глухую согласную фонему: *къаргъа* «ворона», *аркъа* «спина», *къонакъ* «гость».

Нг обозначает заднеязычную глухую согласную фонему: *зенг* «звонок», *денгиз* «море», *къарангы* «темный, темно».

Е в анлауте исконно кумыкских слов, после гласных и после разделительного **ь** обозначает йотированное сочетание *йе* (*ел* «ветер», *ер* «земля», *сюек* «кость», *оьгюзьемиш* «мушмула»), в остальных позициях — узкий передний неогубленный гласный [э] (*гэл* «приходи», *гэт* «уходи»).

Ё в анлауте, после гласных, а также после разделительного **ъ** обозначает йотированное сочетание *йо, йоь* (*ёл* «дорога», *ёммакъ* «сказка», *ётел* «кашель», *заём, атъёкъ* «кукушка»), а в остальных позициях – лабиализованный гласный переднего ряда [*оь*]: *гёз* «глаз», *бёрю* «волк», *кёл* «озеро».

Э в анлауте исконно кумыкских слов обозначает негубной узкий гласный переднего ряда, который в середине и конце слова после согласных передается буквой *е* (*эшек* «осел», *геле* «идет», *эт* «делай»).

Ю в зависимости от сингармонизма в начале слова и слога обозначает либо *йу* (*ювукъ* «близко», *юрт* «село», *буюр* «прикажи»), либо *йуь* (*юзе* «плавает», *юрек* «сердце»).

Я обычно обозначает йотированное сочетание *йа* в анлауте, в начале слова и слога, а также после разделительных ъ и ь знаков (*ял* «грива», *таякъ* «палка», *яман* «плохо, плохой», *къолъявлукъ* «платок», *таякъ* «палка»).

Не однозначны по своему употреблению разделительные ***ь ъ*** знаки. Они выполняют ряд функций: 1) в заимствованиях из русского языка используются по своему исконному назначению в соответствии с нормами русского правописания в словах, оканчивающихся на **л**: *учитель, апрель, председатель*; 2) в заимствованиях из русского языка, оканчивающихся на согласные *д, н, р, с, т, ч, ш* буква ь не пишется: *тетрад, печат, январ*; 3) после конечного согласного первого компонента сложного слова перед йотированным гласным *я* второго его компонента выполняют разделительную функцию — отграничивают чаще всего сингармонически разные компоненты друг от друга: *атъялман* «белка» *къолъязма* «рукопись», *коньяк*; 4) в арабизмах типа *таъмин* «снабжение», *Муъминат* (жен. имя) буква ъ обозначает гортанную смычку-отступ (хамзу) после первого открытого слога, четко отграничивая его от последующего слога.; 5) буква ъ употребляется в качестве разделительного знака после непалатализованных согласных в заимствованиях из русского языка или через него: *съезд, объект*.

Ж в начале слова обозначает переднеязычную аффрикату *дж* (*жан* «душа», *жагьаннем* «ад»), а в середине и в конце слова щелевой звонкий согласный [*ж*] (*Ажай* «женское имя», *бажа* «свояк»).

Переход кумыкской письменности на новый алфавит способствовал выработке кодифицированных норм литературного языка во всех сферах его функционирования. После принятия нового алфавита одним из основных и неотложных вопросов нормализации кумыкского литературного языка явилось установление и уточнение орфографических правил.

Характер и основные принципы письма

Современная кумыкская орфография в целом основана за небольшим исключением на фонетическом принципе, максимально сближающем ее с давно установившимися нормами литературного произношения. Каждая фонема (основной тип звука) обозначается самостоятельной буквой: *адамлыкъ* «человечность», *игит* «герой», *тавукълар* «куры». Это обеспечивает сравнительно точ-

ное и легко доступное усвоению отражение фонематической системы кумыкского языка, поскольку почти за каждой фонемой закреплена отдельная буква, последовательно выражающая все разновидности ее реализации.

Отклонений от фонетического принципа письма в целом немного, и они касаются главным образом вновь освоенного большого пласта заимствований из русского языка, которые, в отличие от старых заимствований, претерпевших фонетическую адаптацию, пишутся в соответствии с нормами русской орфографии. Исключения же применительно к исконно кумыкским словам сводятся в основном к следующему.

1. Прогрессивная и регрессивная ассимиляция согласных, довольно часто наблюдаемая в потоке речи на стыке двух слов в рамках одной синтагмы, на письме не отражается: *он беш* [*оммеш*] «пятнадцать», *язса* [*ясса*] «если напишет», *алды* [*аллы*] «он взял».

2. Элизия гласных на стыке слов в потоке речи, объединенных интонационно в одну синтагму-словосочетание, на письме тоже не обозначается: *уллу адам* [*улладам*] «взрослый человек», *къара ат* [*къарат*] «вороной конь», *къуру агъач* [*къурагъач*] «сухие дрова» и т.п. На стыке компонентов сложных слов, где элизия носит необратимый характер, она обозначается по фонетическому (а не фонологическому) принципу: *уьягьлю* (от *уьй* + *агьлю*) «семья», *уллана* (от *уллу* + *ана*) «бабушка», *уллата* (от *уллу* + *ата*) «дедушка».

3. Позиционные модификации фонем /в/, /б/, /*г*/, /*дж*/ и др., граничащие с переходом в другие звуки (ср. *арба* [*арва*] «арба», *абзар* [*авзар*] «двор», *уьйге* [*уьйуе*] «к дому», [*джан*] «душа» - [*бажа*] «свояк» в правописании не отражаются.

Во всех перечисленных случаях правописание строится на фонологическом принципе.

Правописание гласных производится в соответствии с законами сингармонизма, исключая лишь иноязычные и сложные слова типа *китап* «книга», *белбав* «ремень», в которых этот закон не соблюдается. Аффиксальные гласные в этом последнем случае уподобляются конечному гласному основы: *китабым* «моя книга», *белбавум* «мой ремень».

В односложных иноязычных словах типа *литр* с гласным переднего ряда характер аффиксального гласного обусловливается природой конечного согласного по признаку твердости/мягкости.

Как и в русских заимствованиях, фонема /*й*/ в сочетании с последующим гласными *у, уь, э, о, оь* и *а* в кумыкских словах и производных словоформах передается соответственно через *ю, е, ё* и *я*: *юзе* «плавает», *таякъ* «палка», *ел* «ветер, *тюе* «верблюд», *ябалакъ* «сова».

Иноязычные заимствования, освоенные в общенародном языке до установления современной литературной нормы, пишутся в адаптированной форме, характерной для разговорного языка. В соответствии с установившимся в целом единообразным произношением правописание старых заимствований из русского языка не отражает, в частности: 1) нарушение слоговой структуры слова: а) добавление протетического гласного перед звукосочетаниями *ск, ст, шт, см, шк* в начале слова: *уступ* «стол», *иштан* «штаны», *искамейка* «скамейка»; б) вставку протетического гласного между звукосочетаниями *бр, тр* в начале слова: *бурак* «брак», *тыракътыр*. Правописание отражает отпадение конечного неударного [*а*]: *минут* «минута», *секунд* «секунда», *машин* «машина».

Русские заимствования послеоктябрьского периода, мощным потоком влившиеся в кумыкскую лексику, в большинстве случаев осели, не подвергаясь столь значительным фонетическим преобразованиям, нередко входят в обиход в звуковом оформлении, не свойственном артикуляционным навыкам носителей кумыкского языка. В связи с этим данный пласт заимствований пишется в исходной форме согласно нормам русского правописания: *автомашина, коммунист, орден*.

Когда в заимствованиях при их агглютинации на стыке основы и аффикса возникает звукосочетание, непривычное для кумыкского языка, в правописании допускаются известные отклонения от этого общего правила. Так, обозначается озвончение конечных [*п*] и [*к*] в положении между гласными: *принцип - принциб-и* «его принцип», *ток – тог-у* «его свет».

Частицы пишутся раздельно, кроме гипотетической частицы *дыр*, выражающей неуверенное предположение, вопросительной частицы *мы*, которые

наравне с аффиксами пишутся слитно, замыкая словоформу: *гедими*? «пришел ли он?», *алгъандыр* «наверное, он взял».

Сложные слова пишутся слитно, полуслитно (через дефис) и раздельно.

Практика слитного и раздельного их написания не отличается последовательностью, носит в целом традиционный характер, очень трудно поддается по этой причине научному обоснованию и обобщению в виде определенных правил. Более или менее ясно вырисовываются здесь лишь немногие правила.

Последовательно проводится полуслитное написание сложных слов. Полуслитно пишутся все так называемые парные слова: 1) копулятивное сочетание семантически близких или синонимичных компонентов: *дос-ювукъ* «друзья-приятели», *арымай-талмай* «неустанно», *агъа-ини* «братья», 2) копулятивное сочетание семантически контрастирующих или противопоставленных компонентов: *ата-ана* «родители», *агъа-ини* «родня», *къатын-къыз* «женщины, представительницы женского пола», *алыш-бериш* «торговля».

Полуслитно пишутся, кроме того, все повторы: 1) слова, образованные способом полной редупликации: *бурма-бурма* «изгибистый, изгибами», *айырым-айырым* «врозь, порознь», *чалт-чалт* «спешно, торопливо», 2) повторы с самыми различными фономорфологическими изменениями редупликата - второго компонента: *аз-маз* «понемногу, мало-помалу, немного», *темир-тумур* «железо всякое, железные изделия вообще», 3) форма превосходной степени прилагательных и наречий, представляющая повторение первого слога или части основы: *къып-къызыл* «красный-красный», *къап-къара* «черный-пречерный», *тюп-тюз* «правильно», 4) повторы, представляющие две различные аффиксальные словоформы слова, объединение грамматически противопоставленных парадигм: *тойар-тоймас* «ни сыт, ни голоден, недоедая», *биле-билмей* «зная-незная».

Слитно пишется значительная часть сложных существительных: 1) сложные слова, один из компонентов которых ныне не имеет в кумыкском языке самостоятельного употребления: *алабота* «лебеда», *алатолпан* «ураган»; 2) сложные слова, составные части которых в данном случае не имеют своего прямого значения: *къозукъулакъ* «щавель» (букв. ухо ягненка»), *итбурун* «шиповник» (букв. «собачий нос»), *Акъташ* — название реки (букв, «белый ка-

мень»); 3) сложные слова, компоненты которых необратимо скреплены фонетическим или фономорфологическим преобразованием одного из них: а) видоизменением по закону сингармонизма: *бюгюн* (*бу* «этот» + *гюн* «день») «сегодня», б) элизией на стыке компонентов: *къайнана* «теща», *къайната* «тест», в) ассимиляцией согласных на стыке компонентов: *къатынгиши* «женщина», *эргиши* «мужчина», 4) сложные слова, где первый компонент указывает на цель, которой служит второй: *ашхана* «столовая», *китапхана* «библиотека», *белбав* «пояс, кушак», 5) сложные слова, состоящие из названия производителя действия (агенса) и зависящего от него прямого дополнения: *орунбасар* «заместитель», *ёлбасар* «разбойник».

По традиции слитно пишется, кроме того, значительная часть копулятивных сложных существительных типа *итбурун* «шиповник», *инбаш* «плечо», *такъалыбакъа* «черепаха» и многие детерминативные существительные типа *акъсакал* «аксакал», *уьчгюл* «треугольник», *гюнбатыш* «запад».

Сложные прилагательные и наречия пишутся раздельно, исключая перечисленные случаи их полуслитного написания и некоторые композиты типа *яланаякъ* «босиком», *баштёбен* «вниз головой», которые имеют слитное написание по традиции.

Все сложные числительные пишутся раздельно: *он эки* «двенадцать», *йигирма беш* «двадцать пять», юз йигирма беш «сто двадцать пять».

Раздельно пишутся все спрягаемые сложные глаголы (1) и аналитические формы глагола (2): 1) а) глаголы, образованные за счет имен и других частей речи *ял ал-* «отдыхать», *юхусу гел-* «хотеть спать», б) многочисленный пласт сложных глаголов внутриглагольного происхождения, именуемых обычно способами глагольного действия (*охуп чыкъ-* «прочитать», *язып къой-* «записать), в) сложные глаголы, первый компонент которых представляет форму инфинитива, заимствованную из русского языка: *буксовать эт* «буксовать», *заправить эт-* «заправить», г) формы модальности, граничащие с категорией наклонения типа *оьле къалдым* «я чуть не умер», *ишлеген бол-* «делать вид, что работаешь», 2) сложные формы: а) формы прошедшего времени изъявительного наклонения типа *бара эдим* «я шел», *бара турайыкъ* «мы будем ходить», *айтагъаным бар* «у меня есть что сказать», б) формы условного наклонения (*баргъан болса* «ес-

ли ходил и т. п.), сослагательного наклонения *барар эди* «пошел бы, поехал бы» и т. п.

Из всех сложных глаголов пишутся не раздельно, а через дефис только парные слова типа *терлеп-бишип* «обливаясь потом», *биле-билмей* «зная-не зная», бытующие лишь в форме деепричастия.

В целом в кумыкском языке преобладающее большинство сложных слов пишется раздельно.

Действующие правила кумыкского правописания близки к нормам литературного произношения, хорошо и полно отражают специфику национальной фонетики и легко доступны как пониманию, так и усвоению. Они, следовательно, вполне удовлетворяют необходимым требованиям письма. Вместе с тем существующая практика кумыкского правописания во многом нуждается в улучшении: она могла бы быть более единообразной и последовательной. С этой точки зрения необходимо, например, упорядочить правила относительно слитного и раздельного написания частиц (одни из них (например, *-дыр*) пишутся слитно, наравне с аффиксами, а другие (в частности *да* и т. п.) — раздельно, на правах полнозначного слова) и сложных слов с одинаковым строением (типа *уьчмююш* мат. «треугольник», *къыркъаякъ* зоол. «сороконожка»).

В исконно кумыкских сложных словах типа *атъялман* «белка» без всякой нужды пишется по традиции твердый знак. Его употребление могло быть ограничено в соответствии с нормами русского правописания только иноязычными заимствованиями типа *адъютант*.

Насущную задачу составляет обобщение сложившейся практики письма на предмет расширения и улучшения существующего свода правил кумыкской орфоэпии. В прямой связи с этим стоит давно назревшая задача составления возможно полного орфографического словаря кумыкского языка включающего в себя и ономастику.

Современное кумыкское письмо сложилось на основе следующих принципов: фонематического, фонетического, дифференцированного, историко-традиционного, графического.

Ведущим принципом кумыкской орфографии является фонематический. Сущность фонематического принципа правописания заключается том, что бук-

вами обозначаются не звуки речи вообще, а фонемы. Это значит, что бесконечное разнообразие звуков речи встречающееся в составе слова и морфем, на письме сводится к небольшому числу звуковых типов — фонем, обозначаемых соответствующим буквами. Так, качественно различные звуки [*з*] и [*с*] в одной и той же морфеме — *яз* «пиши» и *яс+са* «если напишет» — объединяются в один звуковой тип [*з*], т. е. в фонему [*з*], которая на письме обозначается буквой *з*: *яз* и *язса*. Качественно различные звуки [*д*], [*т*], [*н*] в одной и той же аффиксальной морфеме — *тал + дан* «из вербы», *ат-тан* «с лошади» *отун+нан* «из дров» — объединяется в один звуковой тип [*д*], т.е. в фонему [*д*], которая на письме обозначается одной буквой *д*: *талдан*, *атдан*, *отундан*. Такая буквенная передача звукотипов фонем создает единый графический образ морфем, передающих одно значение без воспроизведения их конкретного звукового состава, связанных с фонетическими условиями, но не отражающихся на присущем морфеме значении.

Вне зависимости от произношения фонематический принцип правописания в кумыкском языке, за редкими исключениями, соблюдается в написании всех корнеслов: *къазан* «кострюля», *къыйын* «трудно», *этик* «сапог».

Однако специфика звукового строя кумыкского языка, в частности, заключающаяся в неидентичности фонемного состава корневых и аффиксальных морфем, наряду с фонематическим принципом в отдельных случаях требует применения и фонетического принципа правописания, т. е. звуки речи в составе морфемы по мере необходимости пишутся так, как произносятся. Это касается главным образом позиционных изменений звуков, явлений ассимиляции и диссимиляции. Так, качественно различные гласные звуки [*ы*], [*и*], [*у*] и [*ю*] в одной и той же аффиксальной морфеме — *бар + ды* «он пошел»; *гел + ди* «он пришел»; *ур-ду* «он ударил» — представляют одну фонему с единственным дифференциальным признаком узости, так как аффиксальные различия этих гласных не изменяют значения аффикса прошедшего времени, единственного числа *-ды/-ди, -ду/-дю*. Однако, ввиду отсутствия специального знака для обозначения этой аффиксальной гласной архифонемы, звуковые варианты ее в каждом конкретном случае обозначаются соответствующими буквами [*ы*], [*и*], [*у*],

[*ю*], употребляемыми для обозначения этих звуков в сильной позиции, т. е, в первом слоге корня.

Таким образом, правописание гласных по сути является фонетико-фонематическим, так как корневые гласные фонемы и варианты гласных в аффиксах фонетически совпадают и, за редким исключением, обозначаются одними и теми же буквами.

При этом в основу орфографического отрегулирования правописания гласных положена гармония гласных: а) если гласный начального слога слова — переднего ряда, то и все гласные последующих слогов будут того же ряда, т. е. переднего, или же, если гласный первого слога слова — заднего ряда, то и все гласные последующих слогов будут заднего ряда, например: *геле эди* «он шел»; *дёртюнчю* «четвертый»; *гёзлерибиз* «наши глаза»; *таналарыбыз* «наши бычки».

Наряду с этими фактами встречаются еще случаи комбинированного написания аффиксальных согласных. Так, качественно различные согласные звуки [*к*], [*г*], [*къ*], [*гъ*], [*нг*], возглавляющие аффикс дательного падежа, варьируют в зависимости от предшествующих согласных и, несмотря на то, что в функциональном отношении они представляют одну фонему, пишутся различн: *сюек-ке* «к костю», *тел-ге* «к проволоке», *аякъ-къа* «ноге», *ёл-гъа* «к дороге», *гелин-нге* «невесте». Как видно, пять различных согласных звуков, представляющие одну аффиксальную архифонему, орфографически выражены четырьмя различными буквами: [*г*], [*гъ*], [*къ*], [*нг*]. При этом учитывается факт нейтрализации глухости парных ее гласных [*к*] и [*къ*], которая не отражена на письме.

Морфологический принцип основывается на том, что каждая морфема (корень, основа, аффикс) четко выделяется при написании: *тон – тон-лар* [*толлар*] «шубы», *юз – юз-сюз* [*юссюз*] «без ста», *ал – ал-ды* [*аллы*] «он язял», *къонакъ – къонакъ-гъа* [*къонакъкъа*] «гостю».

В соответствии с морфологическим принципом пишутся все вспомогательные глаголы и послелоги: *бара эди* [*бареди*] «он шел», *биле экен* [*билекен*], *анам булан* [*анаммулан*] «с моей матерью».

В правописании сложных слов широко применяется дифференцирующий принцип: если какой-либо компонент сложного слова или оба его компо-

нента потеряли свое прямое значение, то данное слово пишется слитно. Несмотря на то, что основная масса слов кумыкского языка представляется ее носителям вполне отчетливыми языковыми единицами, на практике не всегда легко определить, имеем ли мы дело с одним или двумя словами: *акъ сакъал* «белая борода» или *акъсакъал* «белобородый, почтенный старец»; *уьч мююш* «три угла» — *уьчмююш* «треугольник»; *къара къаш* «черная бровь» — *къаракъаш* «чернобровый (ая)». В таких случаях на основе смысловых отношений применяется так называемый принцип дифференцированного написания слов. Так, когда соседствующие слова — *къара чач* «черные волосы; *гёк гёз* «голубой глаз» — сохраняют свою самостоятельность, они пишутся раздельно, но когда они утрачивают свою самостоятельность и полностью сливаясь, выражают новое понятие, то пишутся слитно: *къаракъаш* «чернобровый»; *гёкгёз* «голубоглазый»; *уьчмююш* «треугольник» *акъсакъал* «белобородый, почтенный старец».

В том случае, когда смысловая спаянность компонентов сложного слова до некоторой степени затемняется, и отношения между этими компонентами выражаются как бы нанизыванием значений их, применяется дефисное написание: *орусча-къумукъча сёзлюк* «русско-кумыкский словарь».

Для разграничения собственных и нарицательных имен в кумыкской орфографии, как и в орфографиях других языков, пользуются особым графическим приемом — употреблением заглавных букв: *алтын* «золото» - *Алтын* «личное имя», *темир* «железо» - *Темир* «личное имя», *гюллю* «цветочный» - *Гюллю* («личное имя). При этом в собственные имена условно включаются почетные должности, звания, ордена и другие знаки различия: *профессор Керимов, врач Алиев.*

Вместо строчных букв используются прописные и при написании некоторых типов аббревиатур: *РД, РФ, США*.

С прописной буквы пишутся также и отдельные нарицательные имена, когда они бывают в особом стилистическом употреблении: *Ватан* «Отечество, Родина», *Адам* «Человек».

Правописание заимствованных слов базируется на двух принципах: историко-традиционном и графическом. Иноязычные заимствования, вошедшие в лексический фонд кумыкского языка в дореволюционный период, подчинены

законам кумыкского и, несмотря на расхождения в их написании в языке-основе и в кумыкском, в новой орфографии они сохраняют традиционное кумыкское написание. К таким словам относятся арабо-персидские, русские и другие заимствования: *картоп, машин, кепек, ферма, колхоз* и др.

Слова, заимствованные из русского языка через письменную речь в форме именительного, падежа, пишутся по правилам русской орфографии, т. е. сохраняют свою графическую форму независимо от законов кумыкского языка: *партия, колхоз, коммунист, пролетариат, демонстрация, сочинение, телевидение, бригадир, тракторист, клуб, отряд, председатель, секретарь,* и др.

Отдельные заимствованные прилагательные сохраняют графическое написание только основы и пишутся без аффиксов: *коммунистический— коммунист*, *советский — совет*, *автономная — автоном* и т. д.

Правила переноса базируются на фонетическом принципе, т. е. слова в кумыкском языке переносятся строго по слогам, и это правило ограничивается лишь запрещением переносить слоги, состоящие из одного звука (буквы).

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Исконная лексика

Исконная лексика – наиболее архаичные слова кумыкского языка, противопоставляемые заимствованиям и субстрату. Исконная лексика имеет несколько пластов.

Алтайский пласт. При выявлении алтайских параллелей необходимо строго придерживаться принципа корневой корреляции. При этом нужно учесть, что в алтайских языках нет и не может быть генетически общих основ. Именно эта лексико-морфологическая особенность алтайских языков и является одним из главных препятствий для окончательного разрешения проблемы их общности. Следует исходить из того положения, что общим в алтайских параллелях всегда является корневой компонент, но не вся основа в целом. С этой точки зрения все алтаизмы подразделяются на следующие подгруппы.

Корневые алтаизмы – соответствия, не осложненные деривационными формантами, ср.: кум. *мен* «я» - монг. *би* «я». Корневые алтаизмы в тюркских и алтайских языках представлены сравнительно ограниченным количеством слов, что находится в полном соответствии с развитием исторической деривации в каждом из этих языков.

Связанные алтаизмы – генетические параллели с общим корневым компонентом, но с различным морфологическим оформлением. Подавляющее большинство алтаизмов относится именно к этому разряду.

В качестве примера связанного алтаизма можно привести кум.: *авуз* «рот», исторический корень которого *ав-* соответствует корневому компоненту *аг-//анг- в-* в следующих параллелях: тур. *аг-ыз,* япон. *ан-ури* «рот; отверстие».

Общетюркско-межтюркская лексика

В составе общетюркской лексики содержится группа слов, которую можно условно выделить в межтюркскую, т.е. характерную не для всех тюркских языков, а для их большинства.

Исторически межтюркская лексика также является общетюркской, которая в процессе развития сузила ареал своего распространения.

Термины родства и свойства: *аба* «бабушка», *агъа* «старший брат», *бажа* «свояк», *гиев* «зять», *ини* «младший брат», *къардаш* «брат; родственник».

Названия животных и птиц: *айгъыр* «жеребец», *байтал* «кобыла», *арслан* «лев», *ас* «ласка», *ат* «конь», *аюв* «медведь», *бугъа* «вол», *бузав* «теленок», *донгуз* «свинья», *дувадакъ* «дрофа», *ит* «собака» и т. д.

Названия растений: *агъач* «дерево», *алма* «яблоко», *арпа* «ячмень», *будай* «пшеница», *бурчакъ* «фасоль», *къабакъ* «тыква», *къоз* «грецкий орех», *орман* «лес», *от* «трава», *согъан* «лук», *тари* «просо», *эрик* «слива», *ювшан* «полынь» и т.д.

Среди этих названий интерес вызывает основа *бурчакъ* «фасоль», которая имеет соответствие в письменно-монгольском языке в форме *бугурцаг.* Наличие долготы в киргизском варианте *буурчак* позволяет предположить, что эта тюркская основа восходит к праформе *богурчак* и образована от базового ком-

понента *богур* «зерно» при помощи уменьшительно-расширительного форманта -*чак*.

Названия частей тела: *авуз* «рот», *азув* «коренной зуб», *аркъа* «спина», *ая* «ладонь», *бавур* «печень», *бел* «поясница», *боюн* «шея», *бурун* «нос», *гёз* «глаз», *елин* «вымя», *елке* «затылок», *къаш* «бровь», *къол* «рука», *къуйрукъ* хвост», *къулакъ* «ухо», *мююз* «рог», *оьпке* «легкие», *тиш* «зуб», *сюек* «кость», *уча* «крестец», *юрек* «сердце» и т. д. Ряд тюркских названий частей тела (соматонимов) образовался в процессе стяжения основы. Сюда можно отнести термин *уча* «крестец», более архаичная форма которого сохранилась в письменно-монгольском языке в виде *угуча*.

Многие прилагательные кумыкского языка – результат различных фонетических и лексико-семантических изменений. Например, прилагательное *берк* «крепкий» дает в кумыкском языке вариант *бек*, а *тирик* «живой» - *тири* и т. д. В аналогичных случаях мы имеем утрату корневого или аффиксального компонента.

Общетюркскими являются прилагательные, обозначающие цвет: *гёк* «синий», *къара* «черный», *ал* «алый», *къызыл* «красный», *яшыл* «зеленый», *боз* «серый», *акъ* «белый».

Общетюркско-межтюркские глаголы подразделяются на две большие группы: а) односложные основы – *сал*- «класть», *ал*- «брать», *бер*- «давать», *чыкъ*- «выходить», *гир*- «войти», *ур*- «бить», *бур*- «вертеть», *ой*- «долбить», *эт*- «делать», *эш*- «грести»; б) многосложные основы – *къайт*- «вернуться», *айт*- «сказать», *чыгъар*- «вынуть», *бурул*- «повернуться», *йырла*- «петь», *ойлаш*- «думать».

Глаголы *айт*- «сказать», *къайт*- «вернуться» образованы от исходных корней *ай*- «сказать», *къай*- «идти назад» при помощи аффикса понудительного залога на -*т*, который уже не осознается, но имеется в составе других кумыкских глаголов – *йыла*- «плакать», но *йыла-т*- «заставить плакать» и т. д.

Глагол *болмакъ* «быть» также является общетюркским, но в этой форме он является характерной в основном для кыпчакских и карлукских языков. В огузских языках употребляется фонетически более архаичная форма *олмаг*

«быть». Видимо, в истории кыпчакских языков был период замещения нуль звука перед губными гласными согласными [*в, б*] т. е. *олмак* > *волмак* > *болмак.*

Кыпчакская лексика кумыкского языка

Отличие кумыкской лексики от лексики остальных кыпчакских языков незначительно. Все кыпчакские языки, в том числе и кумыкский, сохраняют общий тюркский лексический фонд и относительно единый фонетико-морфологический строй.

Кыпчакская лексика подразделяется на две группы: а) *кыпчакско-ареальные* лексемы, т.е. слова, встречающиеся и за пределами кыпчакских языков: ср. кум. *апсын* «старшая невестка» – монг. *авьсан*; б) *межкыпчакские* термины, т.е. основы, распространенные в двух или нескольких кыпчакских языках: кум. *дигиза* – к.-балк. *дигиза* «няня».

Названия животных и птиц: *алаша* «конь», *гёбен* «дворняжка», *гьанкъут* «род диких уток», *ебе* «скакун», *гийик* «олень», *къоян* «заяц», *був* «лань; лось», *силевсин* «рысь», *сыйыр* «корова» и т. д.

Из ареально ограниченных терминов можно отметить кумыкский орнитоним *бабиш* «утка», имеющий параллели в карачаево-балкарском и ногайском языках в форме *бабуш.* Эта основа проникла и в соседние нетюркские языки: кабард. *бабиш,* чеч. *бабушк,* инг. *боабашк,* осет. *бабуз*.

Названия растений: *алысын* «отава», *бёлек* «кустарник», *бётеке* «ковыль», *бийдаякъ* «овсюг», *жие* «вишня», *кокан* «слива», *манналакъ* «бутень», *терек* «дерево», *уьрге* «клен», *чертлевюк* «лесной орех», *элме* «вяз», *зерге* «калина» и т. д.

Собственно кыпчакским является и фитоним *яшылча* «зелень; овощи», ср. татар. *яшелчэ* в том же значении. Основа образована от общетюркского прилагательного *яшыл* «зеленый» при помощи аффикса собирательности -*ча,* ср. кирг. *кызыл* «красный» > *кызылча* «свекла».

Названия частей тела: *ашыкъ* анат. «бабка», *борбай* «икры ног», *бугъакъ* «второй подбородок»; *инбаш* «плечо», *къуймуч* «крестец», *лепеке* «челка», *мунна* «холка», *сан* «часть тела», *сыйракъ* «голень», *танав* «ноздря», *танглав* «нёбо», *мангалай* «лоб», *чандыр* «сухожилие», *чырай* «лицо», *эрин* «губа», *чарх* «тело», *ашкъазан* «желудок».

Основа *чарх*, хотя и представлена в соседнем ногайском языке в виде *шарк*, является собственно кумыкским названием и вместе с более архаичным вариантом *чорк* «тело» восходит к хазарскому субстрату кумыкского языка.

Среди кыпчакских прилагательных кумыкского языка наибольший интерес представляет слово *кютсюз* «невзрачный», имеющее и твердорядный вариант *къутсуз,* который имеет несомненную связь с татарским *котсыз* и ногайским *кунтсыз*. Поскольку кумыкский вариант *кютсюз* связан и с более распространенным прилагательным *кюцсюз* в том же значении, то остается предположить, что исходная база *кюц* «вид, облик» имеет в конечном счете тюркское происхождение.

Развитие кумыкского прилагательного *шаншакъ* «болтливый» в некоторой степени проясняется, если учесть его карачаево-балкарские параллели *заншакъ* // *жаншакъ* «болтун». Древнетюркский глагол *янгша* «болтать языком» свидетельствует в пользу того, что кыпчакская основа образовалась от базы *янша*- «болтать» при помощи афф. -*къ*.

Среди кыпчакских глаголов кумыкского языка можно отметить следующие: *иермек* «следовать», *бюркемек* «покрывать», *алмашдырмакъ* «менять», *толгъумакъ* «говорить речитативом», *бырыкъмакъ* «портиться», *базламакъ* «плесневеть», *къаврамакъ* «сохнуть», *къавжамакъ* «дряхлеть», *абдырамакъ* «растеряться» и т. д.

Представляет интерес основа *базламакъ* «плесневеть», восходящая к существительному *баз* «плесень; пушок», который сохраняется в кумыкских диалектах, ср. дарг. *баз* «пух». Кумыкский глагол *базламакъ* имеет параллель в казахском языке.

Собственно кумыкская лексика

В составе собственно кумыкской лексики можно выделить две группы слов:

а) деривационные кумыкизмы, т.е. основы, разные по форме в кумыкском и тюркских языках: ног. *бий* - кум. *мийама* «паук»;

б) семантические кумыкизмы, т.е. основы, отличающиеся спецификой семантики: ног. *олжа* «пленный» - кум. *олжа* «жена».

С тематической точки зрения в составе собственно кумыкской лексики можно выделить ряд семантических групп.

1. Названия животных и птиц: *азгъансар* «коршун»; *асбийчи* «ласка», *балив* «буйвол», *варканат* «летучая мышь», *гьама* «осел», *жыргъыт* «грач», *кулай* «собачка», *къалав* «гусь», *лобай* «крыса», *хортма* «кит», *батагъа* «уточка».

2. Названия растений: *айлангюл* «мальва», *бакъайибек* «водоросль», *гезеген* «белена», *гийигот* «чабрец», *гьарача* «азалия», *гьюрбеч* «лён-кудряш», *ётелбалам* «клюква», *жыгъана* «дикая маслина», *чадур* «ежевика», *заан* «мята», *зымых* «алча», *карзама* «щирица», *иткъычыв* «гриб», *магьар* «голый ячмень», *халта* «зелень».

Здесь представляет определенный интерес основа *чадур* «ежевика», восходящая к хазарскому субстрату, ср. к-балк. *джӱдӱр,* осет. *дзедыр,* венг. *сётёр* и т. д. Из хазаро-кумыкского источника основа была заимствована дагестанскими языками: дарг. *чадура*, андийск. *чату*, лакск. *чадур*.

3. Соматонимы: *какич* «нога», *къама* «висок», *теке* «темя», *къаншав* «переносица», *къаркъара* «тело», *кюц* «лицо», *созмай* «внутренний жир», *хонта* «хобот», *бишалакъ* «глазной гной», *сайгъакъ* «плавник», *гюкюрюз* «птичий хохолок» и т. д.

Некоторые кумыкские соматонимы имеют при себе так называемые дублетонимы, т.е. паралельные основы с тем же корнем или с той же базой, но оформленные другими показателями: *как-ич* «нога» – *как-аз // как-ас* «ходули», *гюкюр-юк – гюкюр-юз* «птичий хохолок».

Заимствованная лексика

Кумыкский язык в течение ряда столетий контактировал со многими ареальными языками, в результате чего в современном кумыкском языке можно выделить несколько пластов заимствованной лексики.

1. Нахско-дагестанизмы: *шичи* «двоюродный брат», *ухьи* «фундамент», *увши* «основа» и т. д. Эти основы представлены большей частью в диалектах кумыкского языка. Литературный кумыкский язык почти не испытал влияния нахско-дагестанских языков.

2. Монголизмы: *хонажин* «тёлка», *тулан* «пятилетний конь», *дёнен* «четырехлетний конь» и т. д. Монголизмы проникали в кумыкский язык через посредство других тюркских языков.

3. Китаизмы: *топан* «ураган», *кишмен* «позолота».

4. Древнеиндийские заимствования. Заимствования из языков древней Индии проникли в кумыкский язык через посредство древнебулгарских, хазарского и кыпчакских языков. Сюда могут быть отнесены термины типа *бурч* «перец». Кумыкский гидроним *Эршен-булакъ* содержит в первой части древнеиндийское слово *эршен // аршан* «минеральный источник; нектар».

5. Арабизмы. Слова арабского происхождения занимают в кумыкской лексике значительное место, что обусловлено длительным влиянием арабского языка и арабской культуры.

Особенностью большинства арабских слов в языке-источнике является их полисемантичность. При заимствовании в кумыкском языке происходит утрата ряда второстепенных значений при сохранении основного, т.е. полисемия разрушается и заменяется моносемией, в редких случаях дисемией: ар. *асил* «благородный», «подлинный», «врожденный» > кум. *асыл* «благородный»; ар. *аманат* «надежность», «гарантия», «заклад», «дар» > кум. *аманат* «гарантия»; ар. *таржумат* «перевод», «биография» > кум. *таржума* «перевод».

Арабизмы образуют в кумыкском языке синонимические ряды, где один из компонентов является тюркизмом: ар. *таржума* - кум. *гёчюрюв* «перевод», *маърифат* - *билим* «знание», *шаркъ* - *гюнчыгъыш* «восток».

Арабские термины вступают в синонимические отношения и с заимствованиями из русского языка: *маъдан* - *минерал*, *масъала* - *проблема*, *макъала* - *статья*, *мухбир* - *корреспондент*, *тарих* - *история*.

Некоторые формы мн. числа арабских существительных в кумыкском языке осмысливаются как существительные ед. числа: ар. *авлад* «дети» > кум. *авлет* «ребенок; дитя»; *таварих* «истории» > кум. *таварих* «история»; *ахвалат* «события» > кум. *агьвалат* «событие»; ар. *авлия* «святые» > кум. *авлия* «помешанный; глупый».

6. Персизмы. История ирано-кумыкских отношений начинается с XII-XIV вв. Проникновение персизмов в кумыкский язык продолжалось вплоть до XIV в.

Персизмы по своей лексико-грамматической принадлежности могут быть объединены в несколько групп: а) существительные: *гьавенк* «ступа»; *леген* «таз»; *ахур*» кормушка»; *земгил*// диал. *зембил* «корзина»; *зер* «золото»; *кагьраба* «янтарь»; *камал* «женский пояс» и др.; б) прилагательные: *азат* «свободный»; *биябур* «позорный»; *жигер* «проворный»; *дамагькар* «алчный»; *назик* «тонкий», *жут* «парный» и др.; в) наречия: *авадан* «больше»; *аста* «тихо» и др.; *союзы: гьам* «еще»; *эгер* «если»; г) частица *гьеч* «ничего; вовсе».

7. Русизмы и интернационализмы. Русизмы начали проникать в кумыкскую лексику еще до революции. Эти первые заимствования проникали через разговорную лексику и поэтому имели тенденцию подчиняться фонетическим особенностям кумыкского языка. Например, в кумыкском языке нет в анлауте [*в*] и потому он замещался ранее другими согласными: *вожжа* > *гожа* «вожжи»; *ведро* > *педре; ватага* > *батагъа* «промысел» и т. д.

Заимствования же советского периода изменяются в меньшей степени, потому что входят в кумыкский язык через посредство русского литературного языка. Через посредство русского языка в кумыкский язык широко проникла интернациональная лексика, представленная в различных его сферах.

Семантическое освоение русизмов идет в направлении сужения семантики полисемичных заимствований.

При образовании кумыкских существительных от заимствований некоторые аффиксы русского происхождения замещаются кумыкскими: *консервативность* - *консерватившлик; авторство* - *авторлукъ* и др.

Русские основы участвуют и в кумыкском глаголообразовании: *автоматлашдырмакъ* «автоматизировать», *активлешмек* «активизироваться», *газламакъ* «газировать» и др.

Аффикс -*ный* в составе русских прилагательных при заимствовании кумыкским языком утрачивается: *аграрный* - *аграр, автономный* - *автоном, активный* - *актив, пассивный* - *пассив* и др.

Фонетическое освоение заимствований

Фонетическое освоение арабизмов

В области консонантизма. В ауслауте арабская билабиальная звонкая фонема [*б*] в кумыкском языке последовательно оглушается: ар. *тартиб* > кум. *тартип* «порядок»; *насиб* > *насип* «счастье»; *сабаб* > *себеп* «причина».

Лабиодентальный согласный [*ф*] арабского языка замещается губным глухим [*п*]: ар. *фард* > кум. *парз* «обязанность»; *фасих* > *пасигь* «красноречивый»; *фасад* >*пасат* «порочность».

В ауслауте арабский звонкий согласный [*д*] закономерно оглушается: ар. *джилд* > кум. *жылт* «переплет»; *танкид* > *танкъыт* «критика»; *авлад* > *авлет* «дитя».

Арабский согласный [*с*] отражается в кумыкских заимствованиях в двух фонетических вариантах: сохранение [*с*]: ар. *исбат* > кум. *исбат* «доказательство»; замещение согласным [*т*]: ар. *салат* > кум. *талат (гюн)* «вторник»; *исна-* >*итни (гюн)* «понедельник».

В ряде отдельных случаев возможны и сложные фонетические изменения, вызываемые стремлением языка к замещению анлаута [*н*], который в исконно кумыкских словах встречается относительно редко: ар. *насаф* > кум. *месеп* «совесть». Фонетическое замещение *н* > *б* представлено в кумыкском слове *бузна* «головная боль», которое восходит к арабскому *нузла* «грипп». Промежуточная форма представлена в азербайджанском варианте *музула* «зубная боль».

Эмфатический согласный [*д*] арабского языка замещается в кумыкском языке звонким [*з*]: ар. *дарар* > кум. *зарал* «вред»; *дарбу* > *зарбу* «клеймо»; *дарф* > *зайып* «слабый».

Арабские геминаты частично монофтонгизируются: ар. *хасс* > кум. *хас* «особый»; *сирр* > *сыр* «тайна»; *даллал* > *делел* «маклер».

В области вокализма. Арабский заднерядный гласный [*а*] переходит в кумыкский переднерядный [э]: ар. *давлат* > кум. *девлет* «богатство»; *баракат* > *берекет* «благодать»; *джаннат* > *женнет* «рай».

Арабский переднерядный [*и*] замещается заднерядным [*ы*]: ар. *ахир* > кум. *ахыр* «последний»; *ризк* > *рызкъы* «пропитание»; *кибла* > *къыбла* «юг».

Танвинное окончание арабских слов в кумыкском варианте отпадает: ар. *авамун* > кум. *авам* «невежда»; *иблисун* > *иблис* «дьявол».

Фонетическое освоение персизмов

В персидских словах, имеющих в ауслауте сочетание согласных [*ст*], последний звук *-т* отпадает: перс. *дуст* > кум. *дос* «друг»; *раст* > кум. *рас* «встреча».

Персидский звонкий [*д*] частично сохраняет свою звонкость, частично оглушается: перс. *дастар* > кум. *тастар* «женский головной платок»; *дастумал* > *тастымал* «салфетка»; *дард* > *дерт* «горе»; *намард* > *намарт* «вероломный». Персидский [*ф*] замещается глухим [*п*]: *кафтар* > *каптар* «гиена»; *шафталу* > *шаптал* «персик»; *фариште* > *периште* «ангел».

Придыхательный [*гь*] персидского языка в позиции между гласными переходит в [*й*]: перс. *шагьи* > кум. *шайы* «пятикопеечная монета»; *сипагьи* кум. *испайы* «изящный».

В области вокализма можно отметить следующие особенности: переход персидского [*у*] в [*а*]: перс. *бустан* > кум. *пастан* «дыня»; *хоруз* > кум. *хораз* «петух»; переход [*а*] > [э]: перс. *кашиш* > кум. *кешиш* «священник»; *калле* > *келле* «череп»; *шакар* > *шекер* «сахар»; конечный гласный [э] персидского языка замещается гласным *а: диване* > *дувана* «юродивый»; *хорде* > *хорда* «карлик»; *багьане* > *багьана* «причина».

Фонетическое освоение русизмов и интернационализмов

Отпадение конечного гласного [*а*]: *анкета* > *анкет, аптека* > *аптек, контора* > *контор, лента* > *лент, машина* > *машин.* В настоящее время усиливается тенденция к сохранению конечного [*а*] в заимствованных основах, ср. *эстрада, экспертиза, школа* и др.

Кумыкский язык осваивает употребление согласного [*г*] с гласными заднего ряда: *газ, газет, галстук* и др.

Увеличивается количество слов с начальным звонким дентальным [*д*]: *декрет, декан, декабрь, делегат* и др.

В кумыкском языке русские заимствования претерпели следующие изменения: а) вставка гласных: *венгр* > *венгер, кровать* > *каравaт;* б) выравнивание основы и метатеза: *канцелярия* > *кансарал;* в) утрата конечного слога:

картофель > картоп; г) опереднение гласных заднего ряда и утрата комплекса *нд: мундштук > мюштюк*; д) дифтонгизация*: фаэтон > пайтон;* е) озвончение глухого анлаута*: паром > бурам*; ж) переход согласного [*х*] в [*к*]: *хутор>кютюр*; з) озвончение конечного глухого [*с*]: *поднос > паннуз;*и) замещение сонорных: *петля > петне*; к) дезаффрикатизация: *цепь > сеп*; л) переход [*о, а*] в [э]: *бочка > бочке; ведро > педире* и др.

Лексика современного кумыкского языка, как и словарь других языков, кроме слов собственного (тюркского) корня содержит еще и иноязычные слова.

Экспрессивно-стилистические пласты лексики

Словарный состав кумыкского языка располагает большим количеством синонимов, что дает возможность придавать речи различную эмоционально-экспрессивную и стилистическую окраску в зависимости от стиля языка. Основой словарного состава общенародного языка является межстилевая (нейтральная) лексика: *баш* «голова», *ат* «конь», *чакъ* «погода» и др.

Стилистически ограниченная книжная лексика прежде всего характерна для письменной речи. Подавляющее большинство книжных слов составляют арабские и персидские заимствования (*гьурият* «свобода», *инкъилап* «революция», *бахча* «сад»), научная терминология (*жумла* «предложение», *атлыкъ* «существительное»), официально-деловая лексика (*къарар* «указ», *къарав* «мировоззрение»).

Разговорно-бытовые слова характерны для обиходной речи и включают в себя: а) собственно разговорные слова, употребляющиеся при общении с близкими людьми, например, слово *сююв* «любовь», *бирден* «вдруг», *кемчилик* «недостаток» и др.; б) фамильярно-ласкательные слова: *къызаш* «девчонка», *уланпав* «паренек»; в) просторечные слова: *манг болмакъ* «обалдеть», *къабакъ-баш* «остолоп» и др.

Активный и пассивный состав лексики

Язык как система находится в непрерывном движении, обновлении и развитии. В каждом языке всегда функционируют слова, относящиеся к активному запасу, постоянно используемые в повседневной речи, и слова, вышедшие из каждодневного употребления и поэтому приобретшие архаическую окраску.

Среди устаревших слов выделяют историзмы и архаизмы.

К *историзмам* относятся названия предметов, вещей, исторических явлений, которые постепенно исчезают из употребления: *сабанчы* «крестьянин», *ясакъ* «дань», *чарыкъ* «сыромятная мужская обувь», *ялчы* «работник» и др.

Слова, сравнительно недавно перешедшие в пассивный запас, называют *архаизмами*. В разряд архаизмов входит большое количество арабо-персидских заимствований, которые заменены собственно-кумыкскими новообразованиями или словами, вошедшими из русского языка или через него: *мактап – школа, мюгьюр – печать, шимал – темиркъазыкъ* «север» и т.п.

Многие слова и выражения, которые совсем недавно в учебниках рассматривались как новые слова – советизмы, в одночасье стали историзмами: *колхоз, совхоз, политбюро, генсек, партконтроль* и многие другие.

Неологизмами считаются вновь образованные лексические единицы, еще не успевшие войти в активный словарь. В состав новейшей лексики кумыкского языка вошло немало еще не зарегистрированных кумыкскими словарями общественно-политических, торгово-экономических и других терминов, представляющих собой прямые заимствования из русского языка: *приватизация, презентация, менеджер, киллер, бриффинг, менталитет, экология* и др.

Полисемия

Лексическое значение слова соотносится не с одним, а с несколькими рядами предметов и явлений. Это служит источником многозначности слова, основной базой для последующего развития и становления в языке различных синонимичных и антонимичных отношений между словами и в известной мере способствует обогащению языка.

В зависимости от того, сколько значений имеет то или иное слово, можно различать *однозначные* и *многозначные* слова. Такие слова как *мен* «я», *тал* «ива», *итив* «утюг» употребляются в кумыкском языке в одном значении. Но подавляющее большинство слов имеет два и более значений, а у некоторых имен существительных и глаголов насчитывается десятки значений. В качестве примера можно привести слова *баш* «голова», *алма* «брать», *бет* «лицо» и др. В таких словах одно значение выступает как основное (доминанта), первичное, а остальные – как вторичные, производные.

Многозначность лексики проявляется более рельефно в словообразовании, где появление новых именных и глагольных форм связано с семантической дифференциацией исходной основы.

Многозначные слова вербализуются не во всех своих семемах. Так, прилагательное *акъ* имеет более восьми значений: 1) белый, 2) седой, 3) седина, 4) бельмо, 5) белок, 6) полотно, 7) бельевая ткань, 8) бледный. Из этих семем вербализуются только три: *акъ* «белый» > *агъармакъ* «белеть»; *акъ* «седой» > *агъармакъ* «седеть»; *акъ* «бледный» > *агъармакъ* «бледнеть». В таких случаях именная полисемия способствует развитию глагольного состава лексики.

Каждое конкретное значение полисемичного элемента может оформляться в отдельное самостоятельное слово и, следовательно, может служить в определенной степени базой для образования нового слова или же для развития новой семантики.

Иногда переносное значение многозначного слова может вытеснить основное. Так, например, слово *бет* имеет ряд взаимосвязанных значений: 1) лицо; 2) сторона; 3) склон. По степени употребляемости первое место здесь занимает семема «лицо», хотя по происхождению первичной является семема «сторона».

Особенно интересны те многозначные слова, которые проникли в кумыкский язык через восточные языки – персидский или арабский, так как это проникновение связано и с процессами семантической дифференциации определенных лексических единиц.

При этом заимствованное слово подвергается семантическому расширению или сужению, вступает в различные взаимоотношения с исконным термином. Так, например, персидский термин *гюл* «роза», вступая в связь с кумыкским эквивалентом *чечек* «цветок», стремится вытеснить его именно в этом значении.

Омонимы

Омонимами являются слова, одинаково звучащие, но имеющие различные, не выводимые в данное время одно из другого значения. Омонимы представляют собой слова одного грамматического класса.

Появление омонимов обусловлено следующими факторами:

а) образованием новых слов и форм: *тувма* «рождающийся» – *тувма* «естественный»;

б) пополнением словаря за счет заимствований: *салам* «солома» (рус.) – *салам* «привет» (араб.);

в) совпадением форм исконного и заимствованного слов: *тон* «шуба» – *тон* «тонна» (рус.);

г) путем переноса значения по смежности: *ожакъ* «жилище» – *ожакъ* «семья»;

д) путем переноса значений по времени: *гюн* «солнце» – *гюн* «день»;

е) по признаку логического вывода: *гёнгюллю* «имеющий душу» – *гёнгюллю* «доброволец»;

ж) по признаку процесса: *оьсмек* «расти» – *оьсмек* «развиваться».

Результат перехода одной части речи в другую необходимо рассматривать как омонимию, так как в этом случае образуются два самостоятельных слова, различных по своим функциональным признакам. Следовательно, слова типа *бек* «крепкий» и *бек* «крепко» следует рассматривать как омонимы.

Омоформы, в отличие от полных омонимов, – слова как одного и того же класса, так и разных грамматических классов, совпадающие в звучании всего лишь в отдельных формах: *тувра* «прямой» – *тувра* «разруби», *ат* «лошадь» – *ат* «бросай», *ал* «алый» – *ал* «бери». Омоформы – это результат фонетического соотношения между глагольными и именными корнями:

1) глагольный корень или основа имеет форму 2-го л. повелительного наклонения и имя: *ач* «открой» – *ач* «голодный»; *ат* «кидай» – *ат* «конь» – *ат* «имя»;

2) омоминия может образоваться и за счет соответствия исходных имен основам в том или ином падеже – это окказиональные омонимы: *башгъа* «другой» – *башгъа* «к голове», *алгъа* «отгороженное место для ягнят в общем хлеву или загоне» – *алгъа* «вперед»;

3) имя действия на *-макъ // -мек* в тех случаях, когда оно уже потеряло свою словоизменительную функцию, также участвует в образовании ряда омонимичных форм: *батмакъ* «болото» – *батмакъ* «вязнуть», *сытмакъ* «петля» – *сытмакъ* «сдавить»;

4) омонимия образуется в результате сочетания некоторых имен с глаголами в отрицательной форме; при этом образуются омонимы, отличающиеся лишь местом ударения, т.е. омографы: *алма* «не бери» – *алма* «яблоко», *къазма* «не копай» – *къазма* «землянка»; *бурма* «не крути» – *бурма* «кучерявый»;

5) большинство омонимов образуется в процессе словообразования: *атлы* «всадник» – *атлы* «именуемый», *яшлы* «возрастной» – *яшлы* «влажный», *бошлукъ* «пустота» – *бошлукъ* «слабость», *аталыкъ* «отцовство» – *аталыкъ* «тычинка»; *атсыз* «безлошадный» – *атсыз* «безымянный»;

6) омонимия образуется при помощи аффикса *-ыв*: *къатыв* «отвердение» – *къатыв* «мозоль», *къурув* «высыхание» – *къурув* «построение», *санав* «счет» – *санав* «числительное».

В плане происхождения необходимо отметить, что часть омонимов образуется не только в процессе наращения аффиксов, но и в результате утраты последних, ср. омонимы *чал* «ограда, плетень» – *чал* «сивый», где первый компонент восходит к праформе *чали.*

В качестве омонимов могут выступать не только имена существительные, прилагательные, глаголы, но и местоимения и послелоги: *биз* «мы» – *биз* «шило», *таба* (послелог со значением «до») – *таба* «обнаруживает, находит».

Целый ряд слов и словосочетаний кумыкского языка совпадает лишь по звучанию (произношению), а по написанию отличается друг от друга. Такие параллели принято называть омофонами: *ат ала* «покупает коня» – *атала* «мешай», *къалсын* «пусть останется» – *Къалсын* (имя собственное).

Синонимы

В синонимические гнезда входят слова различные по звучанию, но выражающие одинаковые или близкие понятия.

Синонимические параллели в языке возникают по мере осмысления явлений, предметов окружающей действительности. Синонимы в кумыкском языке встречаются как среди существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, так и среди служебных слов.

Синонимы-существительные: *пайда – асув* «польза», *батырлыкъ – игитлик – къоччакълыкъ* «мужество, героизм», *къавгъа – эришив* «ссора», *агъачлыкъ – орман* «лес».

Синонимы-прилагательные: *чарс – чарчымлы* «ловкий», *гёзел – арив* «красивый», *ахыргъы – артдагъы* «последний», *четим – къыйын* «сложный», *къызгъанч – ачгёз* «жадный».

Синонимы-местоимения: *не – неме* «что», *бютюн – бары* «все».

Синонимы-глаголы: *гечинме – оьлме* «умереть», *етишме – бишме* «сореть».

Синонимы-наречия: *тез – чалт* «быстро», *аста – юваш* «медленно».

В языке могут сосуществовать и абсолютные синонимы: *адабият – литература, дептер – тетрадь*.

Большинство синонимов различается между собой. Во-первых, в синонимических рядах одни слова принадлежат к межстилевой или нейтральной лексике, для других характерна просторечно-неодобрительная или разговорно-бытовая окраска: *урламакъ – зыпыртмакъ* «украсть», *тас этмек – ёкъ этмек* «утратить». Во-вторых, синонимические ряды составляют слова, различающиеся по активности употребления, т.е. одни слова постоянно архаизируются, а другие принимают общеупотребительный характер: *маданият – культура, туснакъ – зиндан* «тюрьма». В-третьих, многие диалектные слова входят в синонимическую связь со словами литературного языка: *нарат – къарагъай* (диал.) «сосна», *макъарагъач – къайынагъач* (диал.) «береза».

В кумыкском языке имеются также стилистические и контекстуальные синонимы, которые, в отличие от постоянных, входят в синонимическую связь лишь в определенной ситуации, в определенном контексте.

Основные пути происхождения синонимов

Можно отметить следующие основные пути происхождения синонимов кумыкского языка:

I. *Появление синонимов как результат развития многозначности слов.* Многозначность является постоянным источником появления различных синонимов в языке. Так, например, слово *гёз* «глаз» благодаря своей многозначности может быть синонимом к целому ряду слов: *гёз – къараш* «взгляд» – *гёз* «конфорка».

II. *Лексико-синтаксический способ образования синонимов*. К синонимам, образованным лексико-синтаксическим способом, относятся слова, кото-

рые образованы в процессе слияния двух самостоятельных слов: *бала-чагъа - яш-юш* «детвора», *чубар-ала – ала-къула* «пестрый».

III. *Синонимы, образованные в процессе заимствования.* В кумыкском языке имеется большое количество заимствований из других языков, как родственных, так и неродственных. В процессе их контактирования с исконной лексикой образуются новые синонимические ряды:

а) синонимы, образованные в процессе проникновения арабизмов: *ихтибар – абур* «авторитет», *гьужум – чапгъын* «атака», *аслу – кюрчю* «основа»;

б) синонимы, образованные в результате проникновения иранизмов: *азат – эркин* «свободный», *мых – чюй* «гвоздь»;

в) синонимы, образованные в результате проникновения русизмов и интернационализмов: *литература – адабият, педире – челек.*

Одной из особенностей кумыкского языка является пополнение лексики литературного языка за счет диалектизмов: лит. *къаз* – диал. *къалав* «гусь», лит. *гючюк* – диал. *кулай* «щенок», лит. *бюрлюген* – диал. *чадур* «ежевика».

Поскольку фразеологический оборот функционирует в языке на правах отдельного слова, то мы имеем право рассматривать его в качестве синонима по отношению к отдельным лексемам. В зависимости от того, к какой части речи относятся идиоматические синонимы, они подразделяются на идиоматические вербальные: *гьарзи салмакъ – дамгъаламакъ* «клеймить», *пайда алмакъ – къазанмакъ* «получить пользу» и именные: *къара гюн – балагь* «горе».

Антонимы

В кумыкском языке антонимия представлена достаточно широко. Одной из характерных черт ее является образование при помощи привативного аффикса *-сыз/-сиз/-суз/-сюз*: *четим – четимсиз* «несложный – простой», *къыйын* «трудный» – *къыйынсыз* «нетрудный».

Антонимы бывают непроизводные и производные.

Непроизводные основы делятся на две группы: односложные и многосложные. Односложные основы состоят из одного определенного слога: *бек* «крепкий» – *бош* «слабый», *оьр* «верх» – *тюп* «низ». Многосложные основы ныне являются непроизводными корнями, но в плане диахронии были когда-то

производными: *буваз* «стельная» – *къысыр* «яловая», *герти* «правдивый» – *ялгъан* «ложный».

Производные антонимы делятся на несколько подгрупп:

а) антонимы, один из которых образован от непроизводной, другой от производной основы: *гьай* «забота» – *тергевсюзлюк* «невнимание», *гьалим* «кроткий» – *хырлы* «упрямый»;

б) антонимы, образованные от двух производных основ: *давлу* «спорный» – *эришивсюз* «бесспорный»;

в) антонимы, образованные от одного аффикса: *есирлик* «плен» – *азатлыкъ* «свободно», *зараллы* «вредный» – *пайдалы* «полезный»;

г) антонимы, образованные из заимствованных основ: *мурдар* «подлый» – *асил* «благородный», *насип* «счастье» – *балагь* «беда»;

д) антонимы, образованные в процессе словообразования: *къоркъутмакъ* «испугать» – *баздырмакъ* «заставить дерзить», *къоччакълыкъ* «мужество» – *кукайлыкъ* «трусость»;

е) антонимы, образованные частично из простых (частично из сложных или составных) форм: *яш* «молодой человек» – *къарт гиши* «старец», *разилешмек* «согласиться» – *къаршы болмакъ* «быть против».

Отношение антонимов к полисемии и омонимии заключается отчасти в том, что каждое значение многозначного слова может иметь при себе свое соответствие с полярным значением, например, глагол *авланма* имеет два различных антонимических соответствия: *авланма* «ворочаться» – *тербенме* «быть неподвижным»; *авланма* «согласиться, уступить» – *къаршы болма* «быть против».

Подобные отношения характерны и для многих других кумыкских основ: *авур* «тяжелый» – *енгил* «легкий»; *авур* «трудный» – *четимсиз* «легкий»; *авур* «безрадостный» – *сююнчлю* «радостный».

По принципу антонимичности построены некоторые сложные слова: *агъа-ини* «братья», *аз-кёп* «более или менее», *ари-бери* «туда-сюда», *онда-мунда* «там и сям».

Слова, составляющие антонимические пары, широко употребляются в литературе как художественный троп – антитеза. Для этой цели используются как абсолютные, так и контекстуальные антонимы.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

По своей структуре фразеологические единицы кумыкского языка делятся на следующие типы: а) фразеологизмы, состоящие из двух неоформленных лексических компонентов, ср. *гёз тиймек* «сглазить»; б) фразеологизмы, состоящие из двух оформленных компонентов, ср. *гьакъылдан тайышмакъ* «сойти с ума»; в) фразеологизмы, состоящие из трех лексических компонентов, ср. *насиби алчы турмакъ* «повезло» (о человеке); г) фразеологизмы, состоящие из четырех и более компонентов, ср. *гюндюз чыракъ булан да тапмас* «днем с огнем не найти».

На основе лексико-семантических связей компонентов фразеологические единицы подразделяются на несколько групп:

1. *Фразеологические сращения.* Смысловое содержание фразеологических сращений не связано со значениями их компонентов. Мотивированность значения подобных фразеологизмов не всегда зависит от лексического значения конкретных элементов фразеологизма. Общее значение фразеологического сращения является результатом абстрагирования переносного значения составляющих его компонентов. С точки зрения грамматического оформления для компонентов фразеологического сращения характерны следующие особенности: а) оформление первого компонента показателем дательного падежа: *жибине урмакъ* «положить в кубышку»; б) оформление второго компонента показателем местного падежа: *жарлы жагьаннемде* «у черта на куличках»; в) оформление второго компонента показателем деепричастия на *-дай*: *сулагь ютгъандай* «исчезнуть»; г) оформление первого компонента показателем принадлежности: *къолу бар* «нечистый на руку».

2.*Фразеологические единства.* Эта группа является самой значительной по количеству среди фразеологических единиц. Отличительной особенностью фразеологических единств является наличие в них связи с прямым значением составляющих его компонентов. Если фразеологическое сращение обладает немотивированным значением, то фразеологическое единство, наоборот, имеет

мотивированное значение: *гёз юммакъ* «не замечать», *тилин чыгъармакъ* «болтать лишнее», *чырагъы сёнмек* «вырождаться».

3. *Фразеологические сочетания.* Данная группа также подразделяется на несколько подгрупп: а) фразеологические сочетания, где общее значение соотносится с переносными значениями всех его компонентов: *къара юрек* «жестокий человек», *къоян юрекли* «трусливый», *таш юрекли* «жестокосердный»; б) фразеологические сочетания, где общее значение соотносится с прямым значением одного из его компонентов: *ойгъа батмакъ* «задуматься», *сёз къайтармакъ* «противоречить» и т. д.

В оформлении фразеологической единицы участвуют самые разные части речи. В зависимости от этого различаются: *а) субстантивные модели фразеологизмов: от гесек* «шустрый», *бош авуз* «болтун», *энем къыз* «всезнайка»; *б) адъективные модели: таза юрекли* «открытая душа», *ачыкъ юзлю* «приветливый», *«эки юзлю* «двуличный»; *в) местоименные модели: шо мезгил* «в тот час», *сен сав, мен саламат* «давай закончим по-хорошему»; *г) глагольные модели: абатын алмасын* «чтоб ноги ее не было», *абурдан тюшмек* «выйти из доверия», *орам оьлчемек* «бить баклуши».

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОМОРФОЛОГИИ

Морфонология является сравнительно молодой и поэтому малоисследованной областью кумыкского языкознания. В кумыкском языке до настоящего времени некоторые морфонологические явления рассматривались в разделе «Фонетика» и «Морфология» как разновидности фонологических или морфологических правил. Морфонология является промежуточным, связывающим уровнем языковой структуры: фонологии и морфологии. Для полного и научного описания морфонологических явлений необходимо комплексное исследование ее с использованием фонологической и морфологической информации. Сюда относятся и фонологические процессы, которые невозможно описать без морфологического контекста, и фонологические изменения. Происходящие при сочетании морфем, если они носят не фонетический характер и не привносят дополнительного грамматического значения.

К морфонологическим явлениям относятся такие изменения, которые сопровождают грамматические процессы, но сами не служат средством выражения грамматических значений. Она является избыточным, можно сказать, «выравнивающим» явлением. Морфонология имеет дело с вариантами одной морфемы, которые выражают одно и то же, то есть изучает фонологические различия в строении морфем разных типов и в составе морфов одной морфемы и использование этих различий в функциональных целях, на всех уровнях. В объект изучения морфонологии входят чередование, если оно является сопутствующим, а также такие явления как элизия, метатеза и другие структурные изменения морфем, не связанных с грамматическим значением.

Таким образом, в морфонологии анализируются все случаи функционального употребления вариантов морфем, фонологические изменения на стыке морфем, преобразования при сложении основ и аналитическом формообразовании, при редупликации, изучаются сингармонизм и связанные с ним преобразования акустико-ритмической и слоговой структуры слова, звуковые изменения функционального характера при агглютинации.

Для морфонологической характеристики корней и основ, в морфологической структуре которых с точки зрения современного кумыкского языка не осознаются морфемы (корень и аффикс), необходимо раскрыть природу так называемых «слов с омертвелыми формами». Как считают тюркологи, слова с «омертвелыми формами» имеют древнюю историю образования, когда некоторые аффиксы еще не потеряли своей словообразовательной функции, а корни не потеряли изначального значения.

Историческое развитие слова со сложным морфологическим составом привело к тому, что исторически однокоренные, т. е. родственные, слова потеряли генетическое родство, а словообразующие аффиксы, утратив свое значение, слились с корнем, и слова стали неразложимыми. Однако не все аффиксы в одинаковой степени срослись с корнем. Это связано с грамматической природой каждого аффикса. Ныне «омертвелые» морфемы в древности обладали неодинаковой продуктивностью.

В современном кумыкском языке количество словообразующих аффиксов сравнительно невелико. В старокумыкском языке, видимо, их было гораздо

больше, аффиксы обладали большей вариантностью. В современном кумыкском языке так называемые «омертвелые формы» с инициальными широкими гласными, иногда с опущенным начальным гласным встречаются гораздо больше, чем с узкими гласными. Это, безусловно, расширяет сферу действия палатального сингармонизма.

Как древнее наследие символично можно выделить двувариантные аффиксы: *-акъ/-эк (-къ, -к), -ан/-эн, -макъ/-мек, -мач/-меч, -гъан/-ган, -гъакъ/-гек, -ай/-эй, -ча/-чэ, -ал/-эл, -а/-э, -ма/-мэ, -чакъ/чек, -сакъ/-сек, -та/-те, -гъа/-ге, -ракъ/-рек, -накъ/-нек* и др. , а также четырех-, шести-, восьми-, десятивариантные аффиксы: *-ыкъ/-ик/-укъ/ -юкъ[уьк]; -ыр/-ир/-ур/-юр [уьр]; -чыкъ/-чик/-чукъ/-чюк [чуьк]; -гъы/-ги/-гъу/-гю[гуь]; -къы/ки/-къу/-кю [куь]; -мыш/-миш/-муш/-мюш [муьш]; -тыкъ/-тик/-тукъ/-тюк [туьк]; -гъын/-гин/-гъун/-гюн [гуьн]; -тыр/-тир/-тур/-тюр [туьр]; -ым/-им/-ум/-юм[уьм]; -ын/-ин/-ун/-юн[уьн]; акъ/-эк/-ыкъ/-ик/-укъ/-юк[уьк]/-къ/-к; -ан/-эн/-ын/-ин/н/-юн[уьн]; -такъ/-тек/-тыкъ/-тик/тукъ/-тукъ/-тюк[туьк]; аш/-эш/-ыш/-иш/-уш/-юш [уьш].*

Таким образом, в старокумыкском языке большинство аффиксов было представлено двумя, четырьмя, а в некоторых случаях шестью, восемью, десятью вариантами. Вариантность вызвана спецификой звукового строя тюркского слова и, видимо, это генетически нужно связать с историей образования аффиксов в тюркских языках.

Наличие двух, четырех, а также шести вариантов аффиксов (с их морфонологическими разновидностями), которые выступают двумя последовательно противопоставленными универсальными вариантами – переднерядными и заднерядными (согласные, соответственно, мягкие и твердые), позволило сохранить в словах больше палатальный сингармонизм, чем лабиальный. Примеры на палатальный сингармонизм:

а-а: *тамакъ* «горло», *къармакъ* «крюк», *аркъан* «веревка», *къаснакъ* «окурок», *къабакъ* «тыква», *акъча* «деньги»;

а-ы-а: *самырсакъ* «чеснок», *къайырчакъ* «песчаный», *салынчакъ* «висячий», *сангырав* «глухой»;

а-а-ы: *къарангы* «темно, темный», *ашамчыкъ* «обжора», *къабарчыкъ*

«волдырь»;

а-ы-ы: *къакъырыкъ* «мокрота», *янгырыкъ* «пенек», *ажырыкъ* «свинорой»;

о-у-а: *оюнчакъ* «игрушка», *къонгузакъ* «жук», *орнуна* «взамен»;

у-у-а: *ювушан* «полынь», *къувурма* «мясной суп»;

а-ы-у: *чачывул* «посев», *батывул* «болотистый», *чабывул* «беготня»;

а-у-у: *къамучу* «кнут», *ямучу* «бурка»;

а-а-у: *къаравул* «охрана», *талавур* «грабеж», *татавул* «канава;

а-у-а: *савусгъан* «сорока», *ябушгъан* «боярышник», *къабургъа* «ребро»;

ы-ы-а: *къычыткъан* «крапива», *жыгъыржакъ* «погремушка»;

о-а-ы: *боямыш* «коричневый», *ёрамыш* «подозрительно, наугад»;

у-а-ы: *къумартгъы* «предсмертный глоток», *булгъанчыкъ* «мутный»;

у-а-а: *сувалчан* «глист», *уялчан* «стыдливый, застенчивый»;

ы-ы-ы: *сыйырткъыч* «скворец», *тыгъырыкъ* «улица»;

э-э-э: *гесмече* «дубина», *гезеген* «белена», *тегенек* «колючка»;

и-и-э: *писирев* «мольба», *титирев* «дрожь; трепет», «испуг»;

э-и-э: *гелинчек* «невестушка», *терсине* «наоборот»;

и-и-и: *сибиртки* «веник», *тийишли* «нужный, подходящий»;

и-э-и: *жиргенчик* «брезгливый», *жигерли* «проворный, быстрый»;

э-э-и: *гесертки* «ящерица», *ченгертки* «саранча»;

и-э-э: *гилевке* «фунт», *силегей* «слюна»;

уь-э-э: *сютеген* «молочай», *сюйреме* «глиняный сосуд для молока»;

оь-э-э: *оьрмеке* «кольцо», *гётерме* «навес», *бётеке* «ковыль»;

и-э-уь: *тиревюл* «подставка», *тиркевлю* «нормальный, достаточный»;

оь-э-и: *гёлентки* «тень», *гёрмемиш* «показуха», *дёгерчик* «колесо», *оьзенги* «стремя».

Итак, правила сингармонизма универсальны для признака ряда, но не универсальны для признака огубленности.

В древних словообразовательных аффиксах наблюдаются те же созвучия, что и в корнях. Однородный тембр сохраняют, как правило, двусложные слова. По признаку ряда единую тембровую окраску сохраняют больше корни на: *а-а, ы-а, а-ы, ы-ы, у-а, о-а, а-у; и-и, уь-э, э-и, и-э, оь-э.*

Если корни трехсложные и более, то сингармонизм проводится строго в корнях на *а-а-а, а-ы-а, а-а-ы, а-ы-ы, а-у-а, а-ы-у, э-э-э, э-и-э, оь-э-э.*

Если корни трехсложные с разнородными гласными (неделимые в данном случае основы – корни образованы в основном двумя аффиксами), то каждый слог созвучен со вторым слогом: *о-а-а, а-у-у, оь-э-э, оь-э-и, у-э-э.*

Примеры на лабиальный сингармонизм: у-у: *къумукъ* «кумык», *къувукъ* «мякина», *бурун* «нос»; о-у: *тобукъ* «колено», *сокъур* «слепой», *къолтукъ* «подмышка»; оь-уь: *гёбюк* «пена», *бёлюк* «группа», *кёрюк* «большая печь»; уь-уь: *юзюк* «кольцо», *дюдюк* «трубка для дутья», *гюзгю* «зеркало»; уь-уь-уь: *тюкюрюк* «слюна», *уьтюргю* «стамеска», *тюнгюлюк* «дымоход»; у-у-у: *уютгъуч* «закваска», *учурум* запускание, полет»; о-у-у: *тобургъу* «таволга», *сонгулукъ* «послед»; оь-уь-уь: *гючювюл* «переход», *оьсюмлюк* «растение».

В древних так называемых словообразовательных аффиксах губное созвучие то же, что и в корнях. Однородный тембр сохраняют в основном те слова, к которым присоединены четырехвариантные аффиксы.

Губная гармония устойчива в двухсложных словах с узкими гласными. В современном кумыкском языке в непроизводных основах сочетаются в основном гласные *у-у, о-у, оь-уь, уь-уь, у-у-у, о-у-у, уь-уь-уь, оь-уь-уь.*

При палатальном и лабиальном сингармонизме фонемы аффиксов варьируют в зависимости от фонологических характеристик корня, то есть фонологический рисунок слова в целом подчинен единому созвучию.

Анализируя состав звуков корня (непроизводных основ), можно наблюдать варьирование, которое составляет больше область морфонологии, чем фонетики.

В интервональном положении, а также в зависимости от характера соседнего согласного глухие [*к, къ, п*] варьируют по признаку звонкости и глухости: *тагъым* < *такъ «подвеска», тигим* < *тик* «шитье», *тобукъ* < *топ* колено». Ср.: *такъа* «яма», *тюкюрюк* «слюна», *топуракъ* «земля».

Глухие [*къ, к, п*] в основном следуют за сонорными [*л, р, й, н*]: *къалкъы* «крыша», *толкъун* «волна», *елкен* «парусная лодка», *аркъан* «канат», *аркъа* «спина, вершина», *арпа* «ячмень», *бийке* «княгиня»; после *в, п*: *тюпкюч* «пень», *гилевке* «фунт». Ср.: *солгъу* «обруч», *чылгъав* «кусок ткани», *айгъыз*

«плетень», *быргъы* «труба».

Этимологический [*д*] после сонорных переходит в сонорный [*н*], и тем самым согласные удваиваются: *къандала* > *къаннала* «клоп», *гиндик* > *гинник* «ппок», *гюлмелди* > *гюлмелли* «тонкий шелковый платок».

После сонорного [*м*] наблюдается вариативность: *къумман* «кувшин», *йумгъакъ, къамгъакъ*, а также *къувгъан, къуман*. В ряде случаев перед «омертвелыми» аффиксами на гласные после исторического корня появляется дополнительный согласный: *исси* «тепло, теплый», ср. *исине* «греется», *исив* «потепление», *аччы* «горько, горький», ср. *ачый* «киснет», *юкъкъа* «тонкий», ср. *юкъ* «след, пятно», диал. *юкъа* тонкий», *гиччи* «маленький», ср. диал. *гичгине* «очень маленький», *гиджи, гичи* «маленький».

Четырем, шести морфонологическим вариантам аффиксов в некоторых случаях противостоит вариант, содержащий всего один согласный. Он варьирует лишь по сингармонизму, сохраняя свои различительные признаки, т. е. выступает либо в велярной, либо в палатальной разновидности: *ара-къ* «стог», *эле-к* «сито», *тырна-къ* «ноготь».

Отдельную группу составляют слова, образованные из двух аффиксов: *багъ-ын-чакъ* «щиколотка», *макъта-н-чыкъ* «самохвал», *аша-м-чыкъ* «обжора», *бокъ-а-ча* «болота, каша, неразбериха», *чач-ыв-ул* «посев».

Варьирование гласного первого аффикса подобных образований происходит по характеру корневого гласного, а второго – по характеру первого аффиксального гласного.

Сингармонизм производных основ представлен словообразующими аффиксами, которые варьируют в зависимости от условий реализации. Согласно законам сингармонизма, из нескольких вариантов выбирается тот, который не противоречит фонологическому облику слова (словоформы) в целом.

Не все аффиксы многовариантны. Аффиксы имеют в основном два, четыре варианта. Имеются шести-, восьмивариантные аффиксы. Число вариантов увеличивается также за счет одновременного варьирования согласных и уменьшается вплоть до неварьируемости аффикса в виде исключения.

Часть словообразовательных аффиксов (имеется в виду аффиксы, которые встречаются в отглагольных корнях), кроме некоторых изолированных

случаев, стали малоупотребительными или неупотребительными («омертвелыми»).

По закону палатального и губного сингармонизма наличие четырехвариантных аффиксов дает возможность в зависимости от основы автоматически выбирать тот или иной их вариант: *тувар-чы* «пастух», *къой-чу* «чабан», *этик-чи* «сапожник», *гюн-чю* «завистник», *яш-сыз* «бездетный», *уьй-сюз* «бездомный», *иш-сиз* «безработный», *туз-суз* «без соли», *сын-ыкъ* «шифер», *теш-ик* «дыра», *буз-укъ* «испорченный», *тюкюр-юк* «плевок» (*-ыкъ*/*-ик*/*-укъ*/*-юк* «омертвелый» аффикс).

В целом этот тип фонологических (морфонологических) правил характеризуется именно автоматичностью, но иногда применимость правила зависит от индивидуальности корня или аффикса, правило перестает быть автоматическим. Правило перестает быть автоматическим, когда корень кончается на губной согласный [*в*]: *бав-чу* (вм. ожидаемого *бав-чы*) «садовод», *тав-лу* (вм. ожидаемого *тав-лы*) «горец», *сав-суз* (вм. ожидаемого *сав-сыз*) «нездоровый», *бав-укъ* (вм. ожидаемого *бав-ыкъ*).

Афф. *-ма, -дырыкъ, -даш, -вуч* имеют лишь два варианта: *къар-даш* «родственник», *гюн-деш* «соперница», *къыс-ма* «телогрейка», *тюй-ме* «пуговица», *тырна-вуч* «грабли», *тирне-вюч* «булавка», *ал-дырыкъ* «передник, фартук», *гёзел-дирик* «очки».

Имеется двенадцать вариантов афф. *-гъыч,* образующих имена в основном от глаголов со значением орудия действия *-гъыч* / *-гич* / *-гъуч* / *-кю ч*/ *-къыч* / *-кич* / *-къуч* / *-кюч* / *-къач* / *-ке ч*/ *-гьач* / *-геч*. Однако не все варианты одинаково продуктивны. Например, афф. *-гъыч* / *-гич* / *-гъуч* / *-гюч* / *-къыч* / *-кич* / *-къуч*/ *-кюч* являются продуктивными, афф. *-къач*/ *-кеч*/ *-гъач*/ *-геч* являются малопродуктивными: *ач-гьыч* «ключ», *буз-гъуч* «разрушитель», *сюз-гюч* «цедилка, сито», *гес-гич* «зубило», *яр-къыч* «щепка», *уют-гъуч* «закваска», *тюп-гюч* «пень», *къап-гъач* «крышка», *эр-кеч* «козел».

Четырехвариантные аффиксы в зависимости от основы автоматически варьируются, а двувариантные («омертвелые») употребляются с основами, имеющими гласные переднего и заднего ряда, независимо от того губные они или негубные.

Афф. *-ча, -са* выступают в двух вариантах. Они являются непродуктивными: *чома-ча* «затычка», *гесме-че* «дубина», *боюн-са* «ярмо», *тюп-се* «коротыш». *-Ча* встречается в составе непроизводных слов: *бах-ча* «бахча», *акъ-ча* «деньги», *бокъ-ча* «конверт», *мин-ча* «большое блюдо», *сюл-че* «штык», *бюр-че* «клоп», *кел-че* «годовалый буйволенок», *ин-че* «тонкий», *хыр-ча* «скандалист».

Шестью вариантами функционирует афф. *-ав* (*-эв*), *-ыв* (*-ив*), *-ув* (*-уьв*): *бур-ав* «винт», *согъ-ув* «тканье», *агъ-ыв* «течение», *гю-юв* «сжение», *тиле-в* «просьба», сана-в «число», *биле-в* «точило».

Встречается афф. *-в* как остаточная форма старого звательного падежа: *ана-в* (обращение к матери), *агъа-в* (обращение к старшему брату).

Двухвариантными являются афф. *-ла, -ар, -гъар, -сыра: баш-ла* «начинай», *бет-ле* «упрекать», *агъ-ар* «болеть», *гёг-ер* «синеть», *яш-гъар* «зеленеть», *юху-сыра* «засыпать», *кюлем-сире* «улыбнись».В слове *кюлемсире* между корнем и аффиксом появляется звук *м*, в слове *сув-гъар* > *сугъар* «поливай» выпадает звук *в*.

Четырьмя вариантами представлен словообразовательный афф. *-ыкъ* / *-ик* / *-укъ* / *-уьк*, образующий глаголы от имен: *бир-ик* «объединяйся», *ёл-укъ «*встречайся», *гёз-юк* «покажись».

Среди словообразовательных аффиксов небольшую часть составляют сложные аффиксы, которые образованы от двух аффиксов путем сложения: *къош-ум-лукъ* «приложение», *оху-в-чу* «ученик», *гьакъыл-сыз-лыкъ* «безрассудство», *баш-чы-лыкъ* «главенство, руководство», *гъакъыл-лы-лыкъ* «умно».

Первые аффиксы варьируют по характеру корня, вторые – по характеру первого аффикса. Наличие звука в первом аффиксе лишает морфонологическое правило автоматичности: вместо ожидаемых негубных во втором аффиксе встречаются губные гласные.

Итак, большинство словообразовательных аффиксов двувариантны. Четырехвариантные аффиксы представлены узкими гласными [*ы, и, у, уь*]. Аффиксы более четырех вариантов представлены гласными [*ы, и, у, уь, а, э*]. Варианты с широкими губными гласными [*о, оь*] отсутствуют.

В производных основах наиболее последовательно прослеживается палатальный сингармонизм. Что касается губного сингармонизма, выражающегося

в употреблении узких губных гласных в словообразующих аффиксах, то он проводится менее последовательно. Аффиксы с узкими гласными присоединяются к основам с узкими и широкими губными гласными. Губной сингармонизм в производных основах по мере удаления от производящей основы с губными (а также с огубленными согласными) утрачивается.

В производных основах сингармонизм обусловлен не только законами фонетики, но и морфологии. Как и в старом, в современном кумыкском языке установился определенный состав словообразующих аффиксов, в котором представлены варианты с негубными, а также узкими губными гласными. К основам с широкими и узкими губными гласными присоединяются аффиксы с узкими губными. Чем дальше от корня, тем вероятнее утрата губности в аффиксе, в нем губный звук заменяется негубным. При этом палатальный сингармонизм сохраняется.

Таким образом, сингармонизм из чисто фонетического явления переходит в фономорфологическое.

Морфонологические явления при словоизменении

В кумыкском языке имена и глаголы обладают наибольшим количеством словоизменительных аффиксов, представленных множеством вариаций. Подавляющее большинство их составляет двувариантные и четырехвариантные аффиксы.

Число вариантов увеличивается также за счет одновременного варьирования согласных, фонетических вариантов, образованных ассимилятивным путем и за счет так называемого варианта на согласный. Чтобы проиллюстрировать общие и различительные моменты в палатальном и губном сингармонизме и показать проявление других морфонологических явлений, представим словоизменительные аффиксы с их вариациями.

Двувариантные аффиксы: *-лар / -лер, -гъа / -ге, -а / -э, -на / -не, -дан / -ден, -ман / -мен, -сан / -сен, -гъан / -ген, -ажакъ / -эжек, -ма / -ме, -гъай / -гей, -са / -се, -макъ / -мек, -магъа / -меге, -аргъа / -ирге, -майлы / -мейли, -гъанлы / -генли, -ракъ / -рек, -ав / -ев, -лап / -леп, -ар / -эр, -шар / -шер, -лай / -лей, -гъар / -гер, -ча / -че, -дай / -дей, -мас / -мэс.*

Четырехвариантные аффиксы: *-ны / -ни / -ну / -ню, -ым / -им / -ум / -уьм*

(после гласных *-м*), *-ынг* / *-инг* / *-унг* / *-уьнг* (после гласных *-нг), -ы* / *-и* / *-у* / *уь, -ыбыз* / *ибиз* / *-убуз* / *-уьбюз, -сы* / *-си* / *-су* /*-суь, -быз* / *-биз* / *-буз* / *-бюз, -гъыз* / *-гиз, -гъуз* / *-гюз, -ыкъ* / *ик* / *-укъ* / *-уьк, -дыр* / *-дир* / *-дур* / *-дюр* (после глухих согласных *-тыр), -тир* / *-тур* / *-тюр* (после сонорных *м, н* - *-ныр*), *-нир* / *-нур* / *-нюр, -сын* / *-син* / *-сун* / *-сюн, -гъын* / *-гин* / *-гъун* / *гюн, -ыл* / *-ил* / *-ул* / *-уьл, -ын* / *-ин* / *-ун* / *-уьн* (после гласных *-н*), *-ыш* / *-иш* / *-уш* / *-уьш* (после гласных *-ш), -ыт* / *-ит* / *-ут* / *-уьт* (после гласных *-т), -ыр* / *-ир* / *-ур* / *-уьр, -ыз* / *-из* / *-уз* / *-уьз, -ып* / *-ип* / *-уп* / *-уьп* (после гласных *-п*).

Шестивариантные аффиксы: *-гъанча* / *-генче* / *-гъынча* / *-гинче* / *-гъунча* / *-гюнче, -ар* / *-эр* / *-ыр* / *-ир* / *-ур* / *-уьр* (после гласных *-р*).

Восемь вариантов имеет афф. *-нчы* / *-нчи* / *-нчу* / *-нчю* (после гласных), *-ынчы* / *-инчи* / *-унчу* / *-уьнчю* (после согласных).

С ассимилятивными вариантами афф. *-дыр* имеет двенадцать вариантов.

Помимо указанных аффиксов с различными вариантами, функционируют и разовые, то есть неварьирующие, аффиксы: *-окъ, -сув, -ки, -шылт, -гъылт, -лдын, -явуз, -т.*

Проявление морфонологических особенностей легко представить при прибавлении аффиксов к словам разных структур. Примеры на слова с широкими негубными и губными гласными заднего ряда, не согласные и гласные, за которым идут заднерядные варианты двувариантных аффиксов: ***ат*** «лошадь», *ат-гъа* [*аткъа*] «к лошади», *ат-ым-а* «моей лошади», *ат-ы-на* «его лошади», *ат-ы-н* «его лошади», *ат-да* [*атта*] «на лошади», *ат-дан* [*аттан*] «от лошади», *ат-ы-нда* «на его лошади», *ат-лар* [*аълар*] «лошади», *ат-дай* [*аттай*] «как лошадь», *ат-ча* [*ачча*] «по-лошадиному»;

къой «овец», *къой-гъа, къой-ум-а* (графич. *къоюма*), *къой-у-на* (графич. *къоюна*) , *къой-у-н* (графич. *къоюн*), *къой-да, къой-дан, къой-у-нда* (графич. *къоюнда*), *къой-у-ндан* (граф. къоюндан), *къой-лар*, *къой-дай, къой-ча;*

сат «продай», *сат-а* «продает», *сат-а-ман* «продают», *сат-гъан* [*саткъан*] «продал», *сат-са* [*сацца*] «если продаст», *сат-ма* [*саъма*] «не продавай», *сат-магъа* «продать», *сат-май* «не продает», *сат-гъанлы* [*саткъаллы*] «с тех пор как продал», *сат-майлы* «не продав», *сат-ажакъ* «продаст», *сат-мас* «не продаст»;

тана «бычок», *тана-гъа* «бычку», *тана-м-а* «моему бычку», *тана-сы-на* «его бычку», *тана-сы-н* «его бычка», *тана-да* «в бычке», *тана-дан* «от бычка», *тана-сы-нда* «в его бычке», *тана-сы-ндан* «от его бычка», *тана-лар* «бычки», *тана-дай* «как бычок», *тана-ча* «как бычок»;

къара «смотри», *къара-й* «смотрит», *къара-й-ман* «смотрю», *къара-гъан* «смотрел», *къара-са* «если посмотрит», *къара-ма* «не смотри», *къара-макъ* «смотреть», *къара-магъа* «смотреть», *къара-май* «не смотрит», *къара-гъанлы* «пока смотрит, с тех пор, как посмотрел», *къара-майлы* «пока не посмотрит», *къара-жакъ* «посмотрит», *къара-мас* «не посмотрит»;

солу «дыши», *солу-й* «дышит», *солу-й-ман* «дышу», *солу-са* «если подышит», *солу-ма* «не дыши», *солу-макъ* «дышать», *солу-магъа* «дышать», *солу-май* «не дышит», *солу-гъанлы* «пока дышал», *солу-майлы* «пока не дышит», *солу-жакъ* «будет дышать», *солу-мас* «не будет дышать»;

алты-лап «по шесть», *алт-маш* «шестьдесят», *тогъуз-ар* «по девять»; *алаша-ракъ* «невысокий».

Примеры на слова с широким негубным и губным, с узким негубным и губным, гласным переднего ряда, на согласные и гласные, за которыми идут переднерядные варианты двухвариантных аффиксов:

ит «собака», *ит-ге* [*итке*] «собаке», *ит-им-е* «моей собаке», *ит-и-не* «его собаке», *ит-и-нден* «от его собаки», *ит-лер* [*иълер*] «собаки», *ит-дей* [*ит-тей*] «как собака», *ит-че* [*ичче*] «по-собачьи»;

ини «младший брат», *ини-ге, ини-м-е, ини-си-не, ини-си-н, ини-де, ини-ден, ини-си-нде, ини-си-нден, ини-лер, ини-дей, ини-че;*

эт «делай», *эт-е, эт-е-мен, эт-ген* [*эткен*], *эт-се* [*эцце*], *эт-ме, эт-меге, эт-мей, эт-генли, эт-мейли, эт-ежек, эт-мес;*

тиле «проси», *тиле-й, тиле-й-мен, тиле-ген, тиле-се, тиле-ме, тиле-мек, тиле-меге, тиле-мей, тиле-генли, тиле-мейли, тиле-жек, тиле-мес;*

уьй «дом», *уьй-ге, уьй-уьм-е* (графич. *уьюме*), *уьй-уь-не (*графич. *уьюне*), *уьй-уь-н* (графич. *уьюн*), *уьй-де, уьй-ден, уьй-уь-нде* (графич. *уьюнде*), *уьй-уь-нден* (графич. *уьюнден*), *уьй-лер, уьй-дей;*

сюнкю «корыто», *сюн-кю-ге, сюн-кю-ме, сюн-кю-сю-н, сюнкю-де, сюнкю-ден, сюнкю-сю-нде, сюнкю-сю-нден, сюнкю-дей;*

сюй «люби», *суьй-э* (графич. *сюе*), *суьй-э-мэн* (графич. *сюемен*), *сюй-ген, сюй-се, сюй-ме, сюй-меге, сюй-мей, сюй-мейли, сюй-генли, суьй-э-гэнли* (графич. *сюегенли*), *суьй-эжэк* (графич. *сюежек*), *сюй-мес;*

юрю «иди», *юрю-й, юрю-й-мен, юрю-ген, юрю-се, юрю-мей, юрю-мейли, юрю-генли, юрю-й-генли, юрю-жек, юрю-мес;*

бир «один», *бир-ер* «по одному», *эки-шер* «по два», *эки-леп* «по два», *гиччи-рек* «меньший, поменьше».

Примеры на слова с классической восьмеркой гласных, за которыми идут варианты аффиксов с узкими гласными: *аран* «сарай», *аран-ны* «сарая», *аран-ым* «мой сарай», *аран-ынг* «твой сарай», *аран-ы* «его сарай», *аран-ыбыз* «наш сарай», *аран-ыгъыз* «ваш сарай»; *сув* «вода», *сув-ну*, *сув-ум*, *сув-унг*, *сув-у*, *сув-убуз*, *сув-угъуз*; *ит* «собака», *ит-ни*, *ит-им*, *ит-инг*,*ит-и*, *ит-ибиз*, *ит-игиз*; *уьй* «дом», *уьй-ню*, *уьй-уьм* (графич. *уьюм*), *уьй-уьнг* (графич. *уьюнг*), *уьй-уьйуь* (графич. *уью*), *уьй-уьбуьз* (графич.*уьюбюз*), *уьй-уьгуьз* (графич. *уьюгюз).*

Примеры на слова с классическолй восьмеркой гласных, за которыми идут шестивариантные аффиксы: *бар-гъанча, гел-генче, гёр-генче, тур-гъанча, бар-гъынча, гел-гинче, сюй-гюнче, къоркъ-гъунча; бар-ар, гел-ер, гёр-юр, тур-ур.*

Примеры на восьмивариантные аффиксы: *алты-нчы, этти-нчи, сегиз-инчи, тогъуз-унчу, он-унчу, бир-инчи, уьч-юнчю, дерт-юнчю, эки-нчи.*

Аффикс дательного падежа выступает в следующих вариантах: *-гъары* / *-гери* / *-гъар* / *-гер* / *-гъа* / *-ге* / *-а* / *-э* / *-на* / *-не.* Варианты *гъары, -гери* встречаются в застывших формах: *ичгери* «внутренний», *тышгъары* «наружный». Варианты *гъар* / *-гер* встречаются в местоименных формах: *огъар* «ему», *бугъар* «этому», *оьзю-гер* (диал.) «самому».

Неварьируемые аффиксы: *окъ, -сув, -ки, -лдын, -явуз, -шылт, -гъылт: тез-окъ* «давно», *назик-сув* «тонковатый», *къара-лдын* «черноватый», *къара-явуз* «смуглый», *акъ-шылт* «беловатый», *къыз-гъылт* «красноватый», *сар-гъылт* «желтоватый».

Палатальный сингармонизм проводится последовательно с двухвариантными аффиксами.

Губной сингармонизм нарушается, когда к основам с широкими и узки-

ми губными гласными присоединяются двухвариантные аффиксы с негубными широкими гласными.

С четырехвариантными, шестьювариантными аффиксами последовательно проводится палатальный и губной сингармонизм. В словах с неварьируемыми аффиксами нарушается или палатальный, или губной сингармонизм.

В кумыкском языке функционирует довольно много четырехвариантных аффиксов, которые обеспечивают последовательное проведение губного сингармонизма. Отсутствие вариантов аффиксов с широкими губными, несомненно, приводит к нарушению сингармонизма по признаку огубления.

После основы с конечным гласным двувариантный афф. *-а* / -э имеет вариант *-й*: *къара-й* «смотрит», *тиле-й* «просит».

Начальный [*г, гъ, д*] в аффиксах в зависимости от характера конечного звука корня, помимо сингармонизма, варьируют по признаку звонкости и глухости: *ат-гъа* [*аткъа*], *ат-дан* [*аттан*] «лошади», *ит-ге* [*итке*] «собаке».

Конечные корневые согласные [*к, къ, п*] перед аффиксами на гласный переходит в звонкие пары: *терек-им* > *терегим* «мое дерево», *топ-ум* >*тобум* «мой мяч», *аракъ-ым* > *арагъым* «мой стог».

Начальные этимологические [*л, н*] в аффиксах сохраняются: *ат-ны* «лошади», *ат-лар, ит-лер* «собаки», *къоз-лар* «орехи», *тон-лар* [*толлар*] «шубы», *таш-лы* «каменистый», *там-ны* «стены».

К четырем, шести, восьми вариантам аффиксов в некоторых случаях прибавляется вариант на согласный, который также варьирует в своем велярном или палатальном разновидностях. Вариант, состоящий из одного согласного, следует рассматривать как вариант, утративший гласный звук ввиду несовместимости двух гласных подряд: *сюй-ме-с* «не полюбит», *гёр-ме-й* «не видит», *ата-м* «мой отец», *ана-нг* «твоя мать», *бар-д-ым* «я сходил», *гел-д-инг* «ты пришел», *ишле-р* «будет работать».

При сочетании двух гласных на стыке основы и аффикса между ними появляется эпентетический согласный *-й-*, который выступает фонологическим вариантом морфем: *къара-й-ыкъ* «посмотрим», *къара-й-ым* «я посмотрю», *бар-а-й-ыкъ* «давайте пойдем», *бар-ма-й-ым* «давайте не пойду».

Таким же образом, видимо, появляется *-ш-* в словах: *эки-шер* «по два»,

алты-шар «по шесть». Ср.: *бир-ер* «по одному».

Кумыкский язык неодинаково реагирует на сочетание двух согласных на стыке основы и аффикса: *иш-де* «на работе», *аран-да* «в хлеву», *гел-тир* «принеси», *ат-гъа* [*аткъа*] «на лошади», *гел-ер-биз* «придем», *китаб-ы-гъыз* «ваша книга», *тур-у-гъуз* «вставайте», *бар-а-быз* «идем», *уьч-ю-нчю* «третий». Ср.: *алты-нчы* «шестой».

Как видно из примеров, аффиксы принадлежности, повелительного наклонения, настоящего времени после основы на согласный употребляются с соединительными гласными, согласно закону сингармонизма.

Вариативностью падежных аффиксов отличаются существительные, употребленные с аффиксами принадлежности. В дательном падеже наряду с аффиксом -*гъа* / -*ге* после аффикса принадлежности на согласный употребляется -*а*/ -э на гласный – -*на* / -*не, -н*- перед аффиксом падежа, по-видимому, является также эпентезой, как -*й*-. Как эпентеза -*н* появляется после аффикса принадлежности в формах местного и исходного падежей существительных и местоимений: *баш-ы-нда* «не голове», *баш-ы-ндан* «с головы», *о-нда* «там», *о-ндан* «оттуда», *му-нда* «здесь», *шу-нда* «вот здесь». Личные местоимения *мен, сен* в форме дат. падежа выступают в формах *ма-гъа, са-гъа.* Наряду с этим в разговорной речи, в устойчивых выражениях обнаруживаются формы *мен-ге, сен-ге: Олар менге-сенге чыкъды* «Они сильно поссорились».

Невыясненной остается причина функционирования шести вариантов аффиксов тогда, когда при наличии четырех вариантов последовательно проводится и палатальный и лабиальный сингармонизм. Очевидно, варианты с широкими гласными являются древним наследием: *бар-ар* «пойдет», *гел-ер* «придет», *гёр-ер* «увидит», *тур-ар* «встанет», *бар-ыр* «пойдет», *тий-ир* «тронет», *тир-ир* «тронет», *бёл-юр* «разделит», *тол-ур* «пополнится», -*ар*/-*эр* часто употребляется после основ с негубным гласным, -*ур*/-*уьр* – после основ с губным гласным.

Варианты с узкими и широкими гласными часто употребляются безразлично или вытесняют друг друга.

Древние варианты аффикса дат. падежа -*гъары* / -*гери* в ходе исторического развития упрощались: *гъары > гъар >гъа>а, гери > гер> ге > е.*

Так же варьируют частицы по сингармонизму и начальному согласному: *айтды чы* «сказал же», *гелди чи* «пришел же», *гёрдю чю* «видел же», *турду чу* «встал же», *атдыр* [*аттыр*] «наверное, лошадь», *итдир* [*иттир*] «наверное, собака», *бёрюдюр* «наверное, волк».

При прибавлении аффикса к основе происходит изменение слоговой структуры основы, заключающееся в том, что замыкающий основу согласный переходит в состав производного слога: *бар-ып* > *ба-рып* «идя», *гет-ип* > *ге-тип* «уходя», *ат-ым* > *а-тым* «моя лошадь».

Аффиксация вызывает также изменение фонемного состава основы: *са-ри-гъылт* > *саргъылт* «желтоватый», *яшыл-гъылт* > *яшгъылт* «зеленоватый», *мен-ге* > *магъа* «мне», *бурун-у* > *бурну* «его нос», *эр-кен* > *экен, эр-ди* > *эди, акъ-ар* > *агъар* «побелеть».

Морфонологические явления наблюдаются при склонении личных местоимений, *сен-и, мен-и* (вм. ожидаемого *сен-ни, мен-ни*), *биз-ин, сиз-ин* (вм. ожидаемого *биз-ни, сиз-ни*), *о-ну* (вм. ожиджаемого *ол-ну*).

В кумыкском языке палатальная гармония нарушается в следующих случаях: в словах с аффиксами *-окъ, -сув, -ки: гелгендокъ* «с приходом», *тезокъ* «издавна», *назилсув* «тонковатый», *онуки* «его»; в сложных словах: *белбав* «ремень», *итбурун* «шиповник». Палатальная гармония нарушается в словах со звуком и в анлауте: *илыгъыв* стыд», *инчырланыв* «стон», *ишылыв* «приоснове-ние», *инныр* «гумно»; палатальная гармония нарушается также в топонимах, антропонимах, этнонимах, гидронимах: *Ишарты, Буглен, Доргели*, *Темиркъую, Агьматнаби, Арслангерей, Шуракьзен*; в заимствованных словах: *машин, музей, минут.*

Морфонологические изменения при словосложении и редупликации

При образовании сложных слов на стыке компонентов могут оказаться такие сочетания звуков, которые не соответствуют нормам фонемного и слогового строя кумыкского языка. При этом меняется слоговая и звуковая структура сложного слова.

В наиболее ранних и часто употребляющихся сложных словах исчезла пауза между компонентами. Они отличаются также цельностью акцентно-ритмической структуры: *къызардаш* < *къыз къардаш* «сестра», *гёчерагъач* <

гёчер агъач «ось», *къайнана* < *къайын ана* «теща».

Компоненты некоторых сложных слов в современном кумыкском языке потеряли свое лексическое значение: *къашкъаралмакъ* < *къаш къаралмакъ* «вечереть», *гюнжувакъ* < *гюн жувакъ* «солнцепек», *бийдаякъ* < *бий даякъ* «овсюг, жар-птица».

Оказавшиеся в интервокальном положении и в соседстве с гласным и сонорным, гласным и щелевым глухие согласные [*къ, к*] переходят в звонкие [*гъ, г*]: *къолгъотур* < *къол къотур* «гриб», *къарагъуш* < *къара къуш* «орел», *къушгъонмас* < *къуш къонмас* «держи-дерево», *гийигот* < *гийик от* «тмин, чебрец».

На стыке компонентов и внутри слов происходит опущение фонем и целых слогов, тем самым устраняется фонологическая несовместимость двух гласных рядом: *уллана* < *уллу ана* «бабушка», *къайнана* < *къайын ана* «теща», *авзачыкъ* < *авзу ачыкъ* «ротозей».

Наблюдается также сингармоническое выравнивание первого компонента по фонемному строению второго и наоборот: *бёттёбен* < *бет тёбен* «лицом вниз», *тюнегюн* < *тунну гюн* «вчера».

На стыке компонентов сочетание двух согласных в одних случаях совместимо, в других подвержено фонетическим изменениям: *аювчач* «ковыль», *къаткъарын* «потроха», *кюлтюс* «серый». Ср.: *мэнмэнлик* [*мэммэллик*] «зазнайство, заносчивость», *итбурун* [*итпурун*] «шиповник», *ичсалмакъ* [*иццалмакъ*] «выкидыш» (у животных), *гюнбет* [*гуьммэт*] «солнечная сторона поля».

Итак, сочетание согласных, один из которых сонорный, губно-губной [*в*], или оба глухие смычные, не подвержены звуковым изменениям. И, наоборот, фонетическим изменениям подвержены сочетания согласных, состоящих из двух сонорных, глухого и звонкого, щелевого и смычного, сонорного и звонкого.

Несовместимость сочетания двух согласных, из которых второй является сонорным [*й*], устраняется паузой. На письме пауза обозначается *ъ, ь* знаками в соответствии с сингармонизмом: *къызъяш* «девочка», *атъялман* «белка», *гёзьяш* «слеза», *оьгюьзьемиш* «мушмула».

Если один из компонентов сложного слова кончается на гласный, а дру-

гой начинается с согласного или наоборот, особых звуковых изменений не происходит. В этом случае наблюдается акустико-ритмическое единство слова: *алатолпан* «буран», *бакъаяпыракъ* «подорожник», *оьгейана* «мачеха».

Слоговая структура меняется, когда второй компонент сложного слова начинается с гласного звука.

Встречаются случаи удвоения одного из согласных на стыке компонентов: *буссагьат* < *бу сагьат* «сейчас», *шоссагьат* < *шо сагьат* «тот же час».

Морфонологические изменения претерпевают препозитивный редупликат, представляющий форму интенсива прилагательных, наречий; повторяется первый слог, к нему прибавляется морфема -*п*- и ее алломорфы (-*пп-, -ппа-,* -*ппе*-): *къара* «черный», – *къа-п-къара* «черный-пречерный», *сав* «здоровый» - *са-ппа-сав* «очень здоров», «очень здоровый», *акъ* «белый», *тюз* «правильно, ровно (правильный, ровный)» - *тю-пп-тюз* «очень правильно, очень ровно» («очень правильный, очень ровный»).

Морфонологическим изменениям подвергается постпозитивный редупликат: а) вставляется перед ним согласный звук -*м*-: *аш* «хлеб», *аш-м-аш* «всякий хлеб», *аз* «мало» – *аз-м-аз* «немножко»; б) заменяется инициальный согласный звуков -*м-: къурдаш* «друг» – *къурдаш-мурдаш* «всякие друзья», *гиши* «человек» – *гиши-миши* «всякий»; в) заменяются гласные, при этом в постпозитивном редупликате употребляются гласные того же ряда, что и в препозитивном, а также сингармонически противоположного по лабиальности: *къалды* «остался» – *къалды-къулду* «остатки», *къарт* «старый» – *къарт-къурт* «всякие старики», *яш* «ребенок» – *яш-юш (йаш-йуш)* «дети»; г) прибавляется инициальный согласный, негубные гласные первого слога заменяются губными гласными: *акъсакъ* «хромой» – *акъсакъ-т-окъсакъ* «всякий неполноценный», *аркъа* «холмик» – *аркъа-т-оркъа* «холмистое, бугристое место»; д) прибавляется инициальный согласный или заменяется другим согласным: *элеке-с-елеке* [*элэкэ-с-элэкэ*] (*этмек*) «растревожить, растормошить», *эсер-м-есер* [*эсер-м-эсэер*] (*болмакъ*) «растеряться, испугаться»; е) в первом слоге негубные гласные заменяются губными: *хапта* «порванный» – *хапта-хупта* «тряпье», *халта* «зелень» – *халта-хулта* «всякая зелень»; и) в постпозитивном редупликате происходит ряд преобразований звукового строя исходного слова: *эсги* «старый» –

эсги-пусху «старье», *увакъ* «маленький, мелкий» – *увакъ-тюек* [*увакъ-туьйэк*] «пожитки, скарб», *паса-кюсе* [*паса-куьса*] (*болмакъ*) «разорваться, растроиться».

МОРФОЛОГИЯ

Вводные замечания

Системы словообразования и словоизменения формируют части речи. Каждая часть речи выражает то или иное понятие. Вопрос о составе и принципах классификации частей речи в конкретных языках, в том числе и в кумыкском, остается пока не вполне разрешенным, но существуют определенные традиции в определении состава частей речи и их критериев.

Учитывая своеобразие отдельных разрядов частей речи кумыкского языка, их семантику, морфологическую структуру и синтаксическую функцию, можно выделить среди них следующие группы.

I. Знаменательные части речи, куда относятся: а) слова-названия: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, наречие, категория состояния, изобразительные слова; б) местоимения.

II. Служебные части речи, куда относятся послелоги, союзы, частицы.

III. Модальные слова, не являющиеся членами предложения и связанные с предложением в целом.

IV. Междометия, так же не являющиеся членами предложения и выражающие эмоции и побуждения.

Эта классификация частей речи разработана акад. В.В.Виноградовым и она помогает лучше раскрыть место отдельных частей речи, нежели обычное их рассмотрение без выделения этих своеобразных объединений. Исследование

частей речи кумыкского языка в предлагаемой работе производится по этой схеме.

Все слова как грамматические единицы по своей структуре делятся на два морфологических разряда: 1) морфологически изменяемые слова, представленные более чем одной формой при одном и том же лексическом значении, закрепленном за их лексической основой — словарной формой, 2) морфологически неизменяемые слова.

В морфологически неизменяемом слове, словарная форма которого представляет его единственную словоформу как единицу морфологии, морфемное членение производится, естественно, на общих основаниях лишь на уровне словообразовательной морфологии.

В морфологически изменяемом слове словарная форма, независимо от своей структуры, представляет лишь одну из возможных его словоформ, именуемую обычно нулевой, как это имеет место, например, при склонении имени существительного или при его изменении по числам. И то не всегда: ни одна из словоформ глагола, в том числе и форма 2-го лица ед. числа императива, представляющая собственно лексическую основу, которая обязательно сопровождается соответствующей модальной интонацией, полностью не совпадает с глаголом как с лексической единицей. Глагол как лексема в так называемой нулевой форме выделяется поэтому весьма условно. Фактически эта его форма представляет отнюдь не словоформу — парадигму, а всего лишь лексическую основу, от которой образуются соответствующие глагольные словоформы. Говоря иными словами, все словоформы глагола по своему характеру являются производными от его лексической основы, тогда как одна из словоформ других изменяемых частей речи, в частности существительного, прилагательного и наречия, является исходной, полностью совпадающей со словом как с лексемой, а все остальные — фактически производными от нее, хотя в их составе она и выделяется отнюдь не как словоформа, а лишь в качестве их лексической основы.

Производные словоформы образуются от лексической основы слова независимо от ее морфологической структуры тремя способами формального вы-

ражения: 1) с помощью аффиксов или их сочетаний, 2) аналитическим путем, 3) редупликацией.

Аффиксация была и остается основным средством образования грамматических форм слова, особенно в создании словоформ имен существительных. Существует строгая последовательность расположения аффиксов в рамках словоформы, обусловленная главным образом степенью абстрагированности грамматической категории, которую представляет тот или иной аффикс. Так, аффиксы лица в глагольных словоформах всегда замыкают их, аффиксы же наклонения и времени неизменно становятся перед ними. Аффиксы падежей тоже неизменно замыкают словоформу существительного, которая может содержать аффиксы категории принадлежности, занимающие в ней предпоследнее место, и аффикс множественности, обязательно расположенный перед аффиксом принадлежности.

Аффиксация как способ формального выражения широко применяется в образовании аналитических форм и отчасти при редупликации. Большинство их исторически представляет сложение соответствующей аффиксальной формы слова, в частности деепричастия, со служебным словом, которое, семантически сливаясь с предыдущим аффиксом, замыкающим лексическую основу (ядро) данного слова, выделяется и существует вместе с ним как одна сложная морфема аффиксального характера, регулярно прибавляемая к основе слова в одном и том же значении: ср. *бара эдик* «мы шли», *бара тура* «(он) идет», где выделяются сложные аффиксоподобные формативы *–а эди, –а тура* как устойчивые показатели соответствующей грамматической категории (первый формператив выражает прошедшее длительное время индикатива, второй — аспектуальное значение длительности).

Аналитические формы в целом особенно большое место занимают в системе глагола, где они прочно стали в одном ряду со словообразовательными собственно грамматическими аффиксальными формами.

Редупликация, необычайно широко используемая как продуктивный способ создания эмоционально-экспрессивной лексики, в частности, звукоподражаний, образоподражаний, существительных и отчасти наречий представлена двумя разновидностями: полной и частичной редупликацией.

Среди знаменательных частей речи по своей грамматической значимости наделяются две поляризованные части речи — существительное и глагол, составляющие основу грамматического строя тюркских языков. Из всех частей речи и существительное и глагол обладают самой многочисленной системой словоформ, которые и представляют их грамматические категории. Четко распределены роли существительного и глагола в синтаксисе, где они в своих основных словоформах, составляющих их сущность как части речи (основной падеж существительного и личные формы глагола), противопоставлены друг другу по выполняемой синтаксической функции, исключая функцию сказуемого, где существительное выравнивается по аналогии с глаголом, принимая формы сказуемости. Глагол неизменно управляет существительным и в предложении выступает, будучи сказуемым, ведущим конституирующим структурным элементом всего предложения, соотносящимся с подлежащим-существительным.

Существительное генерализует все остальные именные части речи, послелоги и частицы. Прилагательное, послелоги и частицы взаимодействуют с ним на разных началах как зависимые, подчиненные ему слова, предназначенные для уточнения его содержания, а местоимения и числительные по существу распадаются на лексико-семантические разновидности существительного (личные местоимения, часть всех остальных разрядов местоимений; количественные и собирательные числительные) и прилагательного (часть указательных, вопросительных, определительных и неопределенных местоимений, порядковые, разделительные, приблизительные числительные), которые по морфологической изменяемости, синтаксическим функциям и категориальному значению мало чем отличаются от собственно существительных и прилагательных, по аналогии с которыми они выравниваются в каждом данном своем употреблении.

Кумыкских наречий в количественном отношении меньше, чем в русском языке, ибо слова, выступая конкретазаторами при глаголе, во многих случаях не превращаются в наречия. Например, в словосочетании арив къыз «красивая девушка» прилагательное *арив* остается прилагательным в словосочетании *арив яза* «красиво пишет» несмотря на то, что оно конкретизирует глагол.

По категориальному значению к наречию сравнительно близко стоит большинство модальных слов. Но они, в отличие от наречий и прилагательных, не связаны с определенной частью речи и характеризуют обычно не столько определенный член предложения, сколько все предложение или его часть. Более того, многие модальные слова имеют преимущественно предикативное употребление и в этом отношении сближаются с глаголом. Некоторые же модальные слова функционально весьма близки к частицам. Будучи в целом разнородными семасиологически и синтаксически, модальные слова тем не менее не совпадают полностью ни с одним другим классом слов. Это и позволяет выделить их как самостоятельную часть речи.

По сравнению с остальными частями речи особняком стоят междометия, которые на синтаксическом уровне тоже характеризуются обособленностью: находятся, по существу, вне структурной схемы предложения, появляются в нем лишь сообразно с коммуникативными запросами; нередко выступают и как самостоятельное высказывание, особенно в диалогической речи.

В разряд знаменательных слов, выражающих определенные понятия, из которых слагается мысль, мы относим и подражательные слова. Несмотря на то, что эти слова обладают многими специфическими особенностями, они, как и другие знаменательные слова, предназначены для выражения понятий, являющихся отражением реальной действительности в сознании человека. В отличие от остальных знаменательных слов подражательные слова по своему звуковому составу приближаются к акустическим или иным проявлениям обозначаемых ими явлений. По теории имитации подражательные слова когдато легли в основу многих частей речи.

Одни звукоподражания и образоподражания имеют устойчивое фонемное строение и обладают регулярной воспроизводимостью в одном и том же значении во всех нужных случаях, т. е. наделены всеми необходимыми признаками полнозначного слова, а другие в определенных пределах и случаях допускают без ущерба для их значения замену одного звука другим и к тому же нередко создаются непосредственно в момент речи для данного высказывания по определенным типовым образцам и после их единичного употребления как бы «рассыпаются» и в качестве готовой стабильной лексической единицы

больше не существуют. В словарях регистрируются, естественно, лишь регулярно воссоздаваемые более или менее стабильные звукоподражания и образоподражания. Мобильный состав звукоподражательных слов большей частью представляет предмет специальных морфологических описаний, где и дано их строение по выработанным типовым моделям.

Другую характерную особенность звукоподражаний и образоподражаний составляет их преимущественно связанное употребление с глаголом эт- «делать» или в составе производной глагольной основы, образованной с помощью деривационного аффикса. Свободным же употреблением обладает в целом лишь часть звукоподражательных и образоподражательных слов.

Среди служебных частей речи высокой развитостью и большей значимостью на грамматическом уровне выделяются послелоги, предназначенные главным образом для выражения синтаксических отношений при имени. Послелоги весьма разнородны по сфере своего употребления, значениям и функциям, а также по управлению падежами. Подавляющее же большинство послелогов выступает преимущественно при имени и отчасти при разных формах глагола, как правило, в одном и том же значении. Отдельные послелоги при имени обнаруживают одно значение, при глаголе — другое. Таков, например, послелог *булан,* который при существительном имеет орудное или совместное значение, а при имени действия выражает ограничительно-временное значение.

Самый малочисленный, но очень разнородный класс слов составляют частицы, большинство из которых функционирует на правах аффиксов, хотя за небольшим исключением и имеет раздельное написание, отражающее возможность интонационного выделения частиц. Одни из них по назначению близки к модальным словам (таковы все модальные частицы, например частица *-дыр,* выражающая неуверенное предположение), другие — к наречиям, третьи мало чем отличаются от аффиксов (например, вопросительная частица *мы*. Большинство частиц в одинаковом значении употребляется и при именах и при глаголе. Однако отдельные частицы по значению в этих двух случаях не совпадают.

Предикативные слова включаются в разряд знаменательных пюлнозначных слов. Предикативные слова, выступая в большинстве случаев сказуемыми,

выражают также и модальные значения, свойственные любому сказуемому. Но это еще не является основанием для включения их в разряд модальных служебных слов. По значению они больше тяготеют к знаменательным словам.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Значение и грамматические признаки существительного

Грамматическим ядром имени является существительное. Основным категориальным признаком существительного как части речи является его семасиологическое свойство обозначать субстанции. Им обозначаются живые существа, предметы, явления реальной действительности, их отношения и состояния, абстрактные понятия. К существительным относятся все те слова, которые могут отвечать на вопросы *ким*? «кто?» и *не*? «что?» Первый вопрос относится только к людям, а второй – ко всем остальным субстанциям, включая и одушевленные предметы (кроме людей).

Существительное – самая полифункциональная часть речи: оно может выступать в функции любого члена предложения, не переходя морфологически в иную часть речи. Самая характерная синтаксическая функция имени существительного – позиция подлежащего и дополнения, значительно реже существительные выступают в роли сказуемого, определения и обстоятельства.

По семантическим (и отчасти формально-грамматическим) признакам существительные делятся на несколько лексико-грамматических разрядов. Прежде всего, выделяются существительные *нарицательные* и *собственные*. Нарицательные существительные представляют собой обобщенные названия однородных предметов. Собственные же имена существительные не имеют обобщающего понятийного содержания, они представляют собой наименования единичных в своем роде субстанций.

К нарицательным существительным относятся названия:

а) лиц: *охувчу* «ученик», *ишчи* «рабочий», *ата* «отец», *агъай* «старший брат», «дядя», *гелин* «невеста» и др.;

б) животных: *къоян* «заяц», *сыйыр* «корова», *бёрю* «волк», *ат* «лошадь», *тавукъ* «курица», *тюлкю* «лиса» и др.;

в) явлений природы: *янгур* «дождь», *оьзен* «река», *къар* «снег», *денгиз* «море», *сув* «вода», *ел* «ветер» и др.;

г) явлений общественной жизни: *байрам* «праздник», *къурум* «организация», *комитет* «комитет», *жыйын* «собрание» и др.;

д) вещей (предметов): *китап* «книга», *къалам* «карандаш», *балта* «топор», *топ* «мяч», *гюл* «роза» и др.;

е) абстрактных понятий: *аривлюк* «красота», *байлыкъ* «богатство», *игитлик* «геройство», *яшлыкъ* «детство», *савлукъ* «здоровье» и др.

К собственным именам существительным относятся:

а) имена, фамилии, отчества людей: *Агьмат* «Ахмед», *Гьажи* «Гаджи», *Орусбиева* «Орусбиева», *Эльдарович* «Эльдарович» и др.;

б) географические названия: *Дагъыстан* «Дагестан», *Азия* «Азия», *Европа* «Европа», *Къырым* «Крым» и др.;

в) клички животных: *Тарзан, Бойнакъ* (клички собак), *Къашгъа* «Белолобая» (кличка коровы), *Гюрен* (кличка лошади) и др.;

г) астрономические названия: *Гюн* «Солнце», *Ай* «Луна», *Ер* «Земля», *Юлдуз* «Звезда», *Тангчолпан* «Венера» и др.;

д) названия государств: *Туркменистан, Азербайжан, Татаристан* и др.;

е) названия организаций, праздников, исторических событий: *1-нчи Май* «1-е Мая», *Уьстюнлюкню гюню* «День Победы», *Ватанны якъчыларыны гюню* «День защитников Отечества» и др.

К собственным существительным относятся и названия типов и марок изделий: *«Жигули»* (марка автомобиля), «*Союз-Т»* (тип космического корабля), *«Урал»* (марка мотоцикла); названия спектаклей, картин, книг, газет, журналов, кинофильмов: «*Айгъази»* «Айгази», *Ялгъан той* «Ложная свадьба» (названия спектаклей); «*Бизге оьлме чола ёкъ»* «Нам некогда умереть», «*Дагъыстан намус»* «Дагестанский намус», «*Уьч гюнеш»* «Три солнца» (названия книг); «*Тангчолпан»* «Утренняя звезда», *«Къарчыгъа»* «Соколенок»; названия магазинов, кафе, ресторанов, театров, кинотеатров: *«Антика», «Алмаз»* (названия магазинов); *«Салам», «Яхшы ёл»* (названия кафе) и т. д.

Как видно из приведенных выше примеров, для имен собственных наименований используются как собственные, так и нарицательные существительные или сочетания слов. При этом нарицательное существительное не утрачивает своего лексического значения, а лишь изменяет свою функцию.

Семантическим своеобразием имен собственных следует считать их морфологическое свойство: эти существительные соотносятся с единственным референтом, поэтому им не свойственно употребление в формах мн. числа. Однако форма мн. числа употребляется иногда для обозначения разных лиц, имеющих родственные отношения. Например: *Агьматлагъа бараман* «Я иду к Ахмедам» (к Ахмеду и его семье, родственникам).

Нарицательные существительные имеют как ед., так и мн. число: *шагьар* «город» – *шагьарлар* «города», *юрт* «село» – *юртлар* «сёла», *чечек* «цветок» – *чечеклер* «цветы».

Таким образом, деление существительных на собственные и нарицательные имеют не только лексическое, но и грамматическое основание: в силу своей единичности имена собственные не обладают всеми характеристиками, свойственными нарицательным именам, что проявляется в особенности употребления категории числа.

Граница между именами собственными и нарицательными подвижна: имена нарицательные легко становятся именами собственными: *ата* «отец» – *Ата* «собственное имя», *темир* «железо» – *Темир* «собственное имя», *болат* «сталь» – *Болат* «собственное имя» и т. д. Переход нарицательных имен в собственные связан с сужением лексической семантики: название класса предметов становится названием единственного референта.

В формально-грамматическом плане имена собственные отличаются от нарицательных тем, что обычно употребляются в форме какого-то одного числа — единственного *(Рашит, Марьям, Аида)* или множественного *(Тюменлер, Гёчгенлер),* тогда как для большинства имен нарицательных характерно изменение по числам *(тав – тавлар, бав – бавлар).* Однако это формальное различие не является четким и последовательным, потому что, с одной стороны, далеко не все имена нарицательные имеют обе числовые формы, с другой стороны, от некоторых имен собственных в случае необходимости возможно образовать форму множественного числа.

Собственные имена не имеют особой грамматической формы выражения. На письме они обозначаются с прописной буквы. Поэтому их следует считать не особой грамматической категорией, а лишь особым семантическим раз-

рядом существительных.

Нарицательные существительные бывают четырех типов: конкретные, отвлеченные, вещественные и собирательные.

1. *Конкретные* существительные — это разряд существительных, наиболее четко и полно раскрывающих грамматические свойства данной части речи. Этими существительными называют конкретные предметы (в том числе и одушевленные) и явления действительности (*чечек* «цветок», *терек* «дерево», *китап* «книга»). От других видов нарицательных существительных конкретные существительные отличаются сочетаемостью с количественными числительными (*уьч чечек* «три цветка», *эки терек* «два дерева», *етти китап* «семь книг»), а также возможностью изменения по числам (.

Разновидностями конкретных существительных являются существительные: а) личные (*охувчу* «ученик», *къаравулчу* «сторож», *къыз* «девушка»); б) предметные (*таш* «камень», *алма* «яблоко»); в) событийные (*янгур* «дождь», *инкъылап* «революция»).

2. *Отвлеченные* (абстрактные) существительные обозначают действие или признак в отвлечении от производителя действия или носителя признака (*чабыв* «бег», *охув* «учёба», *аривлюк* «красота»).

3. *Вещественные* существительные обозначают вещества (в широком смысле): химические элементы и соединения, пищевые продукты, стройматериалы и т. п. (*сув* «вода», *буз* «лёд», *темир* «железо»).

Отвлеченные и вещественные существительные чаще всего с количественными числительными не сочетаются. Противопоставление же разных числовых форм у подобных слов встречается редко и связано с существенным изменением семантики формы множественного числа по сравнению с соответствующей формой единственного числа (ср.: *сув* «вода» — *сувлар* «воды»).

Средством выражения грамматической предметности являются морфологические категории имени существительного.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

КАТЕГОРИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Основным назначением категории числа имен существительных является количественная актуализация обозначаемого именем понятия.

Большинство тюркологов представляет категориальное значение числа в виде бинарной оппозиции: форма множественного числа с показателем *-лар* противопоставляется форме без этого показателя, которая рассматривается как форма с нулевым показателем: *чечек* «цветок» - *чечеклер* «цветы», *къуш* «птица» - *къушлар* «птицы», *къыз* «девушка» - *къызлар* «девушки».

Индифферентность основной формы имени к количеству называемых именем денотатов отмечают многие тюркологи. Хотя материал кумыкского языка подтверждает данное предположение (*Ит адамгъа кёмек эте туруп гелген жан* «Собака - животное, которое всегда помогало человеку»), тем не менее из способности формы без показателя множественности соотноситься как с одним, так и с множеством денотатов нельзя сделать вывод о том, что нулевая форма тюркских существительных не есть форма единственного числа. И в примерах типа *къойчуну хабары* «рассказ чабана» некий неиндивидуализированный, идеальный элемент множества (класса), обозначаемого именем в форме единственного числа, представляется как символ всего множества. Однако, с общепознавательной точки зрения, идеальный «эталонный объект» всегда соотносится с классом реальных объектов. Именно поэтому он является эталонным и воплощает в себе существенные признаки класса.

Говоря о грамматической индифферентности немаркированного имени, особо важно отметить его безотносительность к субстантивности/несубстантивности, то есть употребление и в субстантивной функции - как существительное - и в несубстантивных функциях - адъективной или адвербиальной. Ср. *Алтын гюмюшден багьа* «Золото дороже серебра». *Ол тюкенден алтын сагьат алды* «Он купил в магазине золотые часы».

Имена, обозначающие лица, в отличие от предметных имен, свободно выражают значение единичности, которое является для них главным. *Анварны уллу агъасы огъар Владивостокдан бир бичакъ алып гелген* (И.Керимов) «Старший брат Анвара принес ему из Владивостока нож». *Комендант не этегенин билмей айлана эди* (И.Керимов) «Комендант ходил, не зная, что делать».

Для понимания формальной организации категории числа представляются существенными факты, связанные с экспрессивным выражением множественности. Тюркологи выделяют два типа экспрессивного выражения множест-

венности: 1) повтор одинаковых слов и 2) сочетание двух слов с близкими друг другу значениями. Полная редупликация как средство выражения множественности наблюдается в словах типа *жут-жут* «парами», *сирив-сирив* «стадами», *табун-табун* «стаями»: *Абзар кёл-кёл...* (К.Абуков) «Во дворе лужи».

Второй тип экспрессивного выражения множественности в современном кумыкском языке встречается довольно-таки часто. Поскольку идея множественности в данном случае выражается композитами, в состав которых входят слова с разнообразными коррелятивными отношениями, мы можем говорить, что им свойственно выражение представлений о множественном неоднородном, как, например, в классическом случае передачи понятия «родители» путем сочетания слов «мать» и «отец» и т.п. *Къыз ...атасына-анасына ялбарса да, Ярашлар мадарлы яшай* (А. Мамаев) «Несмотря на то, что девушка жалуется на своих родителей, Яраш со своей семьей живет неплохо». *Сонг ана-бала бирче шат кюйде школадан чыкъды* (И.Керимов) «После мать с ребенком радостные вышли из школы».

По характеру семантико-лексических отношений между коррелятивными словами, образующими композиты со значением неоднородного множественного, выделяются члены композиты, находящиеся в синонимичных и антонимичных отношениях. Синонимические парные сочетания охватывают самые разнообразные семантические пласты: *дос-ювукъ* «друзья» (друг + близкий), *таныш-билиш* «знакомые» (знакомый + знание), *тюбек-савут* «оружие» (ружьё + оружие), *хадира-хума* «миски» (тарелка + большая глиняная чаша) и т.д. Антонимичные сочетания широко представлены среди терминов родства и свойства, где выражение неоднородного множества свойственно композитам, у которых в коррелятивных отношениях находятся слова с оппозицией значений по полу или по возрасту. Сюда же относятся композиты: *ата-ана* «родители» (мать + отец), *агъа-ини* «братья» (старший брат + младший брат), *эр-кьатын* «супруги» (муж + жена) и др. Помимо терминов родства и свойства к группе композит, компоненты которых являются по отношению друг к другу антонимами, может быть отнесено еще несколько примеров со значением неоднородного множества: *гече-гюн* «сутки» (ночь + день), *къол-аякъ* «конечности» (рука + нога), *улан-къыз* «дети» (мальчик + девочка).

В кумыкском языке ведущим, как правило, является компонент, который в семантико-лексическом отношении выражает представление о более значимом (в социальном или ином плане), - это первый компонент композиты.

Для усиления идеи членимой множественности, обилия чего-либо композиты могут оформляться аффиксом множественности. В кумыкском языке аффикс множественности может присоединяться или к обоим компонентам сложного слова, или ко второму компоненту. *Онг якъда къатын-кьызланы къувунлу тавушлары чалынды* (А.Мамаев). «С правой стороны послышались взволнованные женские голоса». *Уьч ягъындан бавлар-бахчалар, дёртюнчюсюнден де къарлы тавлар булан къуршалгъан* (И.Керимов). «С трех сторон окружают сады, бахчи, а с четвертой стороны - снежные горы».

Похожий способ выражения множественности реализуется сочетанием слова с фонетически похожим на него словом-призвуком, словом-отзвуком («эхом», самостоятельно не употребляющимся). Например: *яш-юш* «дети», *зат-мат* «вещи», *къарт-къурт* «старики», *хапта-хупта* «тряпье», *етим-ютум* «сироты» и др.

В группе примеров типа *ата-ана* экспрессивное значение множества создается объединением различных, но в чем-то сходных предметов. Различие единиц при несомненном сходстве их, ибо это последнее является условием их объединения, и представляет собой одно из значений формы множественного числа в кумыкском языке. В группе примеров типа *яш-юш* «дети» указанное свойство экспрессивного выражения множественности проступает еще нагляднее: *юш*, например, в кумыкском языке не существует отдельно от слова *яш*. Это что-то похожее на слово *яш*, но вместе с тем и отличное от него.

Помимо количественной актуализации денотатов существительные типа *яш-юш* «дети» передают оттенки пренебрежительности, уничижительности. Ср.: татар. *китап-митап* «книги», *кыз-мыз* «девочки», *аракы-моракы* «водка» и т.д.

Другим важным средством экспрессивного выражения множественности является сочетание имен существительных, имеющих форму единственного числа, с послелогом *булан* «с». *Бир хыянат чы болуп чыгъа къозу булан улакъгъа, бузав булан гёдекге* (И.Ибрагьимов) «Какая-нибудь беда обязательно слу-

чится с ягнятами и козлятами, с телятами и буйволятами». *Гъали бизге бал булан чайдан яхшы зат ёкъ* (М.Ягьияев) «Сейчас для нас лучше, чем чай с сахаром, ничего нет».

Разные падежные формы имен существительных в составе композит *(исх. + дат.; осн.+ исх., осн. + дат.)* также являются средством выражения множественности: *Базардан-базаргъа чаба туруп амал эте* (К.Абуков) «Выкручивается, бегая с базара на базар». *Жумагюн геч болгъунча тюкен-тюкенден айлана къалдым* (И.Керимов) «В пятницу допоздна бегал по магазинам».

Интересна и такая форма экспрессивного выражения множественности: *...Айсени деп, къол силлеп, уьйлю-уьюне гетип къалды* (И.Керимов). «Сказав «да ну тебя» и махнув рукой, все ушли по домам». *Библиотекадагъы бары да китапланы ерли-ерине салдым* (З.Атаева) «Я расставил все книги в библиотеке по местам». Специфическим оттенком рассматриваемой экспрессивной формы является обозначение распределенной множественности денотатов.

Широкое употребление парных сочетаний для выражения множественности в кумыкском языке можно рассматривать как реликт более древнего состояния тюркских языков, когда сфера употребления аффикса *-лар* была ограничена. В связи с универсализацией использования *-лар* необходимость в парных сочетаниях отпала.

Многообразие содержательных функций категории числа, прихотливая дистрибуция форм единственного и множественного числа в пределах некатегориальных значений создают сложную для исследователя картину. Тем не менее, характер интерпретации категории числа зависит, в первую очередь, от установления семантического объема данной категории, выяснения категориальных и некатегориальных значений, анализа их связи и взаимодействия с лексикой, выявления различных факторов, определяющих формальное выражение этих функций.

В лингвистической литературе отмечается, что имя существительное может не только обозначать конкретный, реально воспринимаемый предмет, имеющий пространственно-временные характеристики, но и называть этот предмет абстрактно, выражать идею, понятие предмета или указывать на его

качественные характеристики. Данное значение имени считают основным в семантической сущности единственного числа почти все тюркологи. Ср.: кум. *Ит адамгъа аз къуллукъ этгенми?* (М.Абуков). «Собака разве мало пользы приносила человеку?»; др.-тюрк. *Кудук сувында балык йок* «В колодезной воде рыбы не бывает»; тур. *Ат чок файдалы бир гьайвандыр* «Лошадь очень полезное животное». В приведенных примерах некий индивидуализированный, идеальный элемент множества (класса), обозначаемого именем в форме единственного числа, представляется как символ всего множества.

Анализ фактического материала современного кумыкского языка позволяет прийти к следующему выводу: кумыкское единственное число в одних контекстуально-ситуативных условиях указывает на единичность предмета (а), в других случаях существительное без показателя множественности приобретает собирательно-обобщенное значение и обозначает инвариантный образ целого класса или рода предметов (б):

а) *Агъмат уьйге шат къайтды* (И.Керимов) «Ахмед вернулся домой радостный». *Сен мени оьлтюрюп боласан. Къолунгда тапанча* (М.Ягьияев) «Ты можешь убить меня. У тебя в руках пистолет». *Картоп арчыллап турагъан Мадина чакъда-чакъда уланына къарай* (Ш.Альбериев) «Мадина, которая чистит картошку, временами поглядывает на сына»;

б) *Тюбек атылгъан сонг, ...шып болуп къалды* (М.Абуков) «После того, как ружье выстрелило, наступила тишина...». *Баласы бар бёрю ювукъ арадагъы къотанлагъа тиймей* (М.Абуков) «Волчица, если у нее есть волчата, в ближайшие кутаны не заходит». *Капитангъа инамлы ёлдашлар да тарыкъ* (Ш.Альбериев) «Капитану нужны и надежные друзья».

Несомненно, единичность предмета в тюркских языках конкретизируется сочетанием существительного с количественными определителями *бир* «один» или *биргине-бир* «единственный»: *Бир къартыкъ артыкъ къала* (М.Ягьияев) «Одна кукуруза остается лишней». *Арабызда биргине-бир математик...* (И.Керимов) «Среди нас только один математик».

Функционирование формы единственного числа с обобщенно-номинативным значением характерно для лексем, которые выступают родовыми понятиями по отношению к видовым понятиям - как одушевленным, так и

неодушевленным существительным. Например: *Гьайвангъа бизде яман тюгюл* (М.Абуков) «Животному у нас неплохо». *Емишни къайда йибере эдигиз?* (И.Керимов) «Куда вы отправляли фрукты?»

Исследование материала кумыкского языка показывает, что обобщенно-собирательная семантика свойственна определенным лексико-грамматическим разрядам существительных. Рассматриваемое значение выражают следующие разряды конкретных имен:

1. Названия растений (деревьев, кустов, цветов и др.), которые в определенных контекстуально-ситуативных условиях могут передавать различные оттенки обобщенности и собирательности: *...Бу ерлерде чум оьсмей. Гертиден де булай кана ерде чум оьсеми? Чум гюн тиеген ерни сюе чи* (М.Ягьияев) «В этих местах кизил не растет. Действительно, в такой тени разве кизил растет? Кизил любит солнечное место».

2. Названия плодов растений, овощей: *Бавларда аслу гьалда юзюм оьсдюрюле эди* (М.Абуков) «В садах в основном выращивали виноград». *Гьабижайы, бурчагъы, къабагъы, картобу, согъаны, самырсагъы да бола эди* (М.Абуков) «У них бывала кукуруза, фасоль, тыква, картошка, лук, чеснок».

3. Значение реальной единичности может отсутствовать и в формах без показателя *-лар* семантической группы существительных, обозначающих названия мелких считаемых предметов: *керпич* «кирпич», *йымырткъа* «яйцо», *шекер* «сахар», *къоз* «орех» и т.д. «*Картоп къызартайыммы*?» - *деп сорады* (Гь.Давудов) «Пожарить картошку?» - спросила она». *Стройкагъа керпич гелтирген* «На стройку привезли кирпич».

Рассмотренный материал показывает, что обобщенное единственное число обладает развитой системой значений, которые семантически в большей или меньшей степени отдалены от основного значения единственного числа («один исчисляемый объект»). Исследование данных значений позволяет уточнить описание многих смысловых явлений, связанных с числом, а также получить дополнительное утверждение тезиса о немаркированности единственного числа как члена грамматической оппозиции по числу в кумыкском языке.

Наиболее ярко индифферентность имени существительного к количественной характеристике предметов проявляется в тех случаях, когда количество

(множество) прямо выражается лексическим способом, т.е. с помощью числительных или слов-кванторов типа *кёп* «много», *бираз* «немного», *янгыз* «только», *бир-эки* «несколько», *биргине бир* «единственный». В этом случае существительное, занимающее постпозицию по отношению к квантору или количественному числительному, обычно не принимает показателя множественности: *отуз яш* «тридцать ребят», *кёп адам* «много людей», *бир-нече китап* «несколько книг». *Айтыгъыз да бизге бир-эки хабар* (М.Ягьияев) «Расскажите-ка нам несколько историй». *Уьч-дёрт жумадан къайтарбыз* (И.Керимов) «Через три-четыре недели вернемся».

Подобное явление присуще и другим тюркским языкам, и некоторые исследователи из этого делают вывод, что значение формы множественного числа основано на считаемости предметов, т.е. носит раздельный счетно-количественный характер. Поэтому если количество предметов указано числительным, то употребление формы множественного числа становится излишним.

В позиции прямого объекта функция имени существительного заключается в качественном определении самого процесса. Здесь квантитативная актуализация имени не важна. *Мени анам хыяр чёплей* (Гь.Давудов) «Моя мать собирает огурцы». *Бары ерни къой таптагъан* (М.Абуков) «Бараны растоптали все». *Шо ерге гьабижай чача* (И.Керимов) «На то место сеют кукурузу».

Такое же значение обнаруживаем в конструкциях с целевым инфинитивом или целевым обстоятельством: *Агъачгъа барма эринип, анагъыз чалыгъызны ягъып битдире тура* (Гь.Давудов) «Разленившись идти за дровами, ваша мать истопила весь ваш плетень». *Анабыз уьйде ёкъ: сувгъа гетген* (З.Атаева) «Нашей мамы дома нет: она ушла за водой».

Колебания в употреблении числовых форм указывают на характер восприятия говорящим денотата той или иной формы. Если предмет воспринимается как единое целое, то в большинстве случаев употребляется форма единственного числа. Ср.: *Гюзню баш айында гьабижайлар орулма башланды. Алихан да оьзюню гьабижайын оруп, еринде тёбе этди* (И.Керимов) «В начале осени начали убирать кукурузу. Алихан тоже убрал свою кукурузу и там же сложил». *Ахшам диктантланы тергедим. Диктантны гьасиллери бу гезик де сююндюр-*

меди (И.Керимов) «Вечером я проверил диктанты. Результаты диктанта и на этот раз не обрадовали меня».

Коротко охарактеризуем так называемое «дистрибутивное единственное число» - еще один тип единственного числа, не выражающего значение единичности отдельного предмета. К дистрибутивному единственному числу относятся примеры типа *Рази бусагъыз, къол гётеригиз* (У.Мантаева) «Если вы согласны, то поднимите руку». Подобные формы не выражают оценочного смысла и по значению близки к множественному числу. Основной же их функцией является снятие неопределенности, указание на то, что каждому из некоего множества объектов соответствует лишь один объект другого множества (обозначаемого именем в форме единственного числа). Так, при употреблении в приведенном предложении формы *къолларыгъыз* «руки (ваши)» подразумеваемый жест приобрел бы другой смысл.

Видимо, с дистрибутивным единственным числом мы имеем дело и в примерах типа *Яшлар бир-бир стакан тюгюл чай да ичмеди* (М.Ягьияев) «Ребята выпили только по стаканчику *чая». Анасы яшларына бирер кампет берди* «Мать раздала детям по одной конфете».

В кумыкском языке, как и в некоторых других тюркских языках, например, в турецком, распространены сочетания имени существительного с показателем -*лар* в форме родительного падежа с последующими количественными числительными в форме принадлежности: *Аркадий Павлович инг де абурлу къурувчуланы бири экенни унутмагъа ярамас* (И.Керимов) «То, что Аркадий Павлович один из уважаемых строителей, нельзя забывать». *Савунчу къызланы бириси башгъа юртгъа эрге чыкъгъан* (Ш.Альбериев) «Одна из доярок вышла замуж в другое село». Здесь реализуется выделительная функция категории числа.

Кроме своего основного значения форма множественного числа выражает ряд окказиональных значений, выяснение которых необходимо для осознания функционально-семантической сущности данной категории в кумыкском языке.

Помимо значений простой множественности, словоформа множественного числа может обозначать обилие, распределенность в пространстве. В по-

добных случаях в форме множественности обычно употребляется существительное, обозначающее фактически единственный «уникальный предмет, обладающий пространственной протяженностью, в результате чего возникает значение тотального охвата большого пространства. Например: *Еллер уьфюре, толкъунлар къайнаша* (И.Ибрагьимов) «Дуют ветры, бушуют волны». *Таптаза кёклер* (И.Ибрагьимов) «Чистейшие небеса...» Понятия, выраженные именами существительными *еллер*, *толкъунлар*, *кёклер*, как бы глубже раскрываются благодаря употреблению их во множественном числе.

Множественное число при именах собственных также выступает в одном из своих «других» значений. В этом случае имена собственные выражают множество не тех предметов, которые обозначены словом, имеющим форму множественного числа, а предметов смежных, связанных какими-либо отношениями с аффиксируемым словом. Так, имена собственные с показателем -*лар* могут обозначать лиц, сравниваемых с лицом, которое называется основой: *Батырмурзаевлер* «такие люди, как Батырмурзаевы», *Уллубийлер* «такие люди, как Уллубии».

Аффикс множественного числа сохранился лишь в отдельных названиях населенных пунктов, местностей, которые имеют этнонимическое происхождение и сейчас воспринимаются в значении единственного числа как цельные названия, а не расчлененные множества: *Тюменлер* (название села в Кайтагском районе), *Гёчгенлер*, *Мачакълар* (названия местностей) и т.д. Сюда же можно отнести название семи звезд «*Етеменлер*». *Ондан солдагъысы - Етеменлер*. *Етти юлдуз* (М.Ягьияев) «Левее того - Етемены. Семь звезд».

Аффикс множественного числа при словах со значением времени обозначает распределенность, рассредоточенность во времени, отсутствие «точечности». Например: *Айлар, йыллар, жумалар, сонг чарс гюнлер* (Й.Къазакъ) «Месяцы, годы, недели, а затем ненастные дни».

Раздельное, распределенное множество выражают и дискретные имена существительные. В этом случае множество представляется как бы разделенным на части: *Мен буссагъат отрядлар булан гетемен* (И.Керимов) «Я сейчас же уезжаю с отрядами». *Чечеклер онча да кёп, вазалагъа, чайниклеге де салынгъан* (У.Мантаева) «Цветов настолько много, что их положили и в вазы, и в

чайники».

Форма множественности в кумыкском языке может выражать и меньшее количество денотатов по сравнению с единственным числом той же основы. Ср. *Мен базардан алма алдым* (букв.) «Я купил на базаре яблоки (килограмм, мешок и т.д.)». *Мен базардан алмалар алдым* «Я купил на базаре яблоки (полкилограмма, несколько штук, но не мешок)».

Рассмотрим случаи эмфатического употребления множественного числа. Форма множественного числа вносит экспрессию, поэтическую яркость (или трагическую напряженность), гротеск, т.е. придает фразе эмфатический характер:

Айлар, йыллар, жумалар, сонг чарс гюнлер
Айланып тез къолдан чыкъды харс гюнлер.
Дидарлар тизге, тиз гёзге,
Табушармы йыллар етмей минг юзге (Й.Къазакъ).

Безусловно, в подобных случаях множественное число употребляется для расширения пространственных и временных рамок понятий, в «расширительном смысле». Такое употребление формы множественного числа встречается в таких наречеобразных формах, как *бугюнлерде* (тур. *бугюнлерде*) «на днях», *не ерлерде* (тур. *нерелерде*) «где», *бу ерлерде* (тур. *бураларда*) «здесь» и т.д. *Юртлу юз йыллыкъ тамаза бугюнлерде сынны сырын магъа... хабарлады* (И.Керимов) «На днях столетний старик рассказал мне тайну этого надгробного памятника.

Образование соотносительных числовых корреляций можно наблюдать и у отглагольных имен, но в этом случае оно связано с осознанием действия как единичного акта, а формы множественного числа - как некоторого числа подобных актов. Например: *атышыв* «стрельба» - *атышывлар* «стрельбы», *гёрюшюв* «встреча» - *гёрюшювлер* «встречи», *билдирив* «сообщение» - *билдиривлер* «сообщения» и др. Безусловно, наличие соотносительных числовых корреляций рассматриваемого разряда имен существительных зависит от лексико-семантической природы глагола, от которого образовано имя существительное. Например, в случаях типа *охув* «чтение» - *охувлар* «учеба» -*лар* выполняет скорее всего деривационную функцию.

Сказанное подтверждает полифункциональность грамматического показателя при обслуживании смысловых заданий из разных функционально-семантических полей. Множественность здесь, как нам кажется, пересекается с полем залоговости, в частности, с семантикой взаимно-совместного залога.

В тюркских языках трудно найти достаточно четкие и устойчивые языковые признаки, по которым можно было бы установить разряд слов, употребляемых только в форме единственного или, наоборот, только в форме множественного числа, как это происходит, например, в славянских языках. В зависимости от особых условий контекста и переосмысления слова (особенно в языке поэзии) форма числа может получить необычное применение.

В кумыкском языке, как и во многих других языках мира, представлены вещественные существительные, которые, будучи названиями жидкостей, газов, металлов, разного рода материалов и других объектов реальной действительности, поддаются измерению, но не счету, обычно употребляются в единственном числе. Некоторым из них, как и отдельным абстрактным именам существительным, множественное число вообще чуждо. Например: *Мен де цемент тилеме гелгенмен* (Гь.Давудов) «Я тоже пришел просить цемент». *«Буса ярты челек цемент алайым», - деди ол* (Гь.Давудов) «В таком случае возьму полведра цемента»,- сказал он». Но большинство существительных довольно легко облекается в форму множественного числа и перестают обозначать вещество как таковое, транспонируясь в подкласс конкретных. Вполне понятно поэтому, что существительное с вещественным значением в единственном числе и соответствующее ему имя с конкретным значением (*сув* «вода» - *сувлар* «воды», *май* «масло» - *майлар* «масла») не составляют коррелирующей пары и не должны рассматриваться как формы одного и того же слова. Форма множественного числа указывает или на несколько видов, сортов того или иного вещества (*Тамаша ашлар ашай, дагьнили сувлар иче, тюрлю морожналаны татывлай* (И.Ибрагьимов) букв. «Едят различные блюда, пьют вкусные воды, пробуют различное мороженое»), или на то, что имеется несколько его кусков (*шекер* «сахар» - *шекерлер* «несколько кусков сахара»), или на то, что данное вещество заключено в нескольких сосудах *(«Юрю энни, аш да хабайыкъ, чайлар да ичейик»,- деди ол* (Гь.Давудов) «Теперь пойдем закусим и выпьем чаю»,

- сказал он»), или на несколько предметов, состоящих из данного вещества (*алтын* «золото» - *алтынлар* «несколько изделий из золота»).

Итак, хотя вещественные имена существительные допускают косвенное счисление (путем связывания этих предметов в вязанки, раскладки в кучи, взвешивания, измерения и т.д.), форма множественного числа в них может быть использована в других целях. Но тем не менее необходимо заметить, что современному кумыкскому языку свойственно образование на основе деривационных отношений реляционных, соотносительных существительных, имеющих количественное значение форм числа. Эти факты наблюдаются у имен вещественных в определенных контекстуально-ситуативных условиях. Например: *Нас сувларда неге ойнайсан*? (Гь.Давудов) «Зачем ты играешь в грязной воде?» Здесь соотношение форм *сув* - *сувлар* имеет количественное значение, эта форма реляционно-коррелирующая.

Отвлеченные (абстрактные) имена существительные, будучи названиями признаков, свойств, как бы отчуждаемых от конкретных предметов реальной действительности, в кумыкском языке образуют формы сингуляриа при помощи аффикса -*лыкъ*: *тазалыкъ* «чистота», *дослукъ* «дружба», *байлыкъ* «богатство» и др. В кумыкском языке ряд отвлеченных имен с аффиксом -*лыкъ* вообще не принимает показателя множественности -*лар*: *Бу шыплыкъ, рагьатлыкь - алдатыв, ялгъан* (М.Ягьияев). «Эти тишина, спокойствие - обман». *Дербентде гьакимлик большевиклени къолунда* (М.Ягьияев) «В Дербенте власть в руках большевиков». Некоторые из рассматриваемых имен в кумыкском языке могут приобрести конкретно-предметное значение, тогда они могут оформляться аффиксом множественности: *Яхшылыкълар кёп болсун, яманлыкълар ёкъ болсун* (И.Ибрагьимов) «Пусть будет больше хорошего, плохое пусть исчезнет».

Существительные, обозначающие общественное явление, или отношение к определенной профессиональной группе, или само наименование данной социальной или профессиональной группы, также относятся к сингуляриа. В кумыкском языке эти существительные образуются главным образом с помощью аффикса -*чы-лыкъ*: *малчылыкъ* «животноводство», *миллетчилик* «национализм», *ёлбашчылыкъ* «руководство», *депутатлыкъ* «депутатство», *къардашлыкъ* «братство». Все они являются собирательными существительными.

Некоторые отглагольные имена с аффиксом *-ыв* также относятся к сингуляриа: *гёрюв* «видение», *гиришив* «вступление», *бишив* «поспевание», *сюрюв* «пахота», *кюйлев* «настройка» и др. *Мен ону китабына уллу гиришив яздым* «Я написал на его книгу большое вступление».

Во всех тюркских языках так называемые «уника», т.е. предметы, существующие в единственном экземпляре, относятся к сингуляриа тантум: *ай* «луна», *гюн* «солнце», *Тангчолпан* «Венера», *Аллагь* «Аллах», *женнет* «рай».

Собственные имена в силу определенности своего значения не нуждаются в квантитативной актуализации, но иногда все-таки оформляются аффиксом *-лар* и в этих случаях обнаруживают смещение лексического значения. *Оьзю буса Ажавлагъа барма алгъасады* (М.Ягьияев) «Сам же поспешил к Ажав» (*Ажав - Ажав + ее родственники*). *Османлар къош да этип бичен чала туруп гёрюндюлер. Осман чала. Гюлайбат биченни жыйып юрюй. Ювукъда отлап турагъан ону байталы да гёрюне* (Гь.Давудов). (*букв.*) «Османовых я застал на сенокосе. Осман косит. Гюлайбат собирает. Недалеко пасется и его лошадь» (Османлар - *Осман + Гюлайбат + лошадь*). *Халкъ: «Тарыкъ тюгюл бизге Гоцинскийлер, Узун-Гьажилер!»- деп къычыра эди* (М.Ягьияев) «Не нужны нам ни Гоцинские, ни Узун-Гаджи!»- кричал народ». *(Гоцинскийлер - Гоцинский + его сторонники. Узун-Гьажилер - Узун-Гаджи + его сторонники).*

Названия месяцев, наук, учебных дисциплин используются только в форме единственного числа*: январь, февраль, март; биология, история, археология, математика* и т.д., а также отглагольные имена, образованные в основном при помощи аффикса *-лыкъ*: *билмейгенлик* «незнание», *гёрсетмеклик* «показ, показание».

Таким образом, кумыкскому языку не чужды имена существительные, имеющие только форму единственного числа.

Многие исследователи отмечают, что число существительных относится к категориям, обслуживающим не слово в целом, а его отдельные лексико-семантические варианты. В кумыкском языке также представлены субстантивы, лексико-семантические варианты которых по отношению к формам числа являются или гомогенными (все одинаково ведут себя по отношению к формам числа) или гетерогенными (лексико-семантические варианты которых по-

разному ведут себя по отношению к формам числа). У гомогенных слов все лексико-семантические варианты либо коррелируют по числу, либо одинаково не коррелируют. В кумыкском языке гомогенным является, например, существительное *тил* «язык», оба лексико-семантических варианта которого - «орган в полости рта» и «система словесного выражения мыслей» - имеют соотносительные формы единственного и множественного числа. Гомогенным является и существительное *аврув* «болезнь, заболевание, недуг» и «больной».

Гетерогенным в кумыкском языке является существительное *тавуш*, один лексико-семантический вариант которого значит «голос» и имеет соотносительные формы числа (*тавуш* - *тавушлар*), а второй - «голосование» - имеет форму только единственного числа (*тавушгъа салмакъ* «поставить на голосование»). Гетерогенными являются и субстантивы *ай*, *гюн*, один из лексико-семантических вариантов которых («небесное светило») не имеет формы множественного числа.

Дефектность парадигмы гетерогенных имен существительных по числу лексико-семантических вариантов следует объяснить морфологической связанностью значений слова. Морфологическая связанность сопровождается фразеологической и синтаксической связанностью значения. Например, существительные *сёз* «слово» - *сёзлер* «слова», *къол* «рука» - *къоллар* «руки» и т.д. имеют свободные значения, а в составе сочетаний *сёз бермек* «предоставить слово», *салам бермек* «приветствовать», *къол ялгъамакъ* «протянуть руку помощи» эти же слова обладают фразеологически связанным значением. Дефектность парадигмы, выступающая в большинстве приведенных примеров, вызвана семантическими причинами и потому носит закономерный характер.

Аффикс множественности, присоединяясь к основам отдельных прилагательных, образует новые имена - имена существительные: *жагьил* «молодой» - *жагьиллер* «молодые», *уллу* «старший» - *уллулар* «старшие», *гиччи* «молодой, юный» - *гиччилер* «юные, молодые».

Субстантивирующую функцию аффикс *-лар* выполняет, присоединяясь не только к первообразным прилагательным, но и к прилагательным с пространственным значением, образованным при помощи суффикса *-гъы, -ги* от субстантивов в местном падеже: *юртугъуздагъы* «находящийся в вашем селе-

нии» - *юртугъуздагъылар* «находящиеся в вашем селении (люди)», *уьйдеги* «находящийся дома» - *уьйдегилер* «находящиеся дома (люди) и т.д.

Грамматико-словообразовательная функция показателя множественности *-лар* реализуется и при присоединении его к глагольным основам: *Къалгъанлар да шолай ойлай буса ярай* (З.Атаева) «Остальные, возможно, тоже так думают». *Олтургъанлар кюледилер* (З.Атаева) «Сидящие засмеялись».

Присоединяясь к числительным, аффикс множественности также образует новые субстантивы: *Мен яш заманда бир классда биринчилер де, уьчюнчюлер де олтура эдик* (К.Абуков) «Когда я был маленьким, в одном классе сидели первоклассники и третьеклассники».

Употребляясь в названиях республик, населенных пунктов, районов и т.д., аффикс множественного числа обозначает коллектив людей, жителей, население данной местности. *Къызлар эрменилеге кёп керенлер помидор сатгъан* (А.Мамаев) «Девочки много раз продавали помидоры армянам». Такие образования могут иметь параллельные формы: *янгыгентлер - янгыгентлилер* «янгикентские», *бойнакълар - бойнакълылар* «уллубийаульские», *хасавюртлар - хасавюртлулар* «хасавюртовские» и т.д.

Показатель множественности присоединяется и к предикативам *бар* «есть» и *ёкъ* «нет»: *Барлар чы алыр, ёкълар не этсин*? (И.Ибрагьимов) «У кого есть возьмут, а что делать тем, у кого нет?»

Словообразовательную функцию *-лар* отмечают и исследователи других тюркских языков.

Описание категории числа имен существительных в кумыкском языке будет неполным, если не рассмотреть соотношение значений определенности и неопределенности. Тесная связь значений определенности-неопределенности с категорией числа проявляется в том, что имя существительное без показателей определенности-неопределенности представляет собой родовое название данного класса предметов, тогда как показатели определенности-неопределенности вычленяют некий предмет из массы неоднородных.

Факты современного кумыкского языка показывают, что раздвоение значений по линии определенности-неопределенности наблюдается не только у существительных с имплицитным показателем числа, но и у существительных

с показателем -*лар*. Определенность существительного в кумыкском языке обозначается следующими средствами: а) указательными местоимениями: *Шо гюн сиз отпускагъа гетме герек эдигиз* (У.Мантаева). «В тот день вы должны были уйти в отпуск»; б) другими разрядами местоимений, используемыми в определительной функции: *Саят олай узакъ ёлгъа бир де чыкъмагъан эди* (У.Мантаева) «Саят никогда не отправлялась в такую дальнюю дорогу»; в) при помощи аффиксов родительного и винительного падежей: *Душманны танклары сирив болуп геле, бомбалар атыла, шагьарны от ялын алгъан* (У.Мантаева) «Подходят вражеские танки, взрываются бомбы, город охвачен пламенем»; г) одновременным употреблением аффиксов родительного и винительного падежей и указательного местоимения: *Завур бу кагъызны уьч керен* охуду (Ш.Альбериев) «Завур прочитал это письмо три раза».

Неопределенность имен существительных обозначается: а) при помощи конституента *бир* в значении «некий, какой-то»: *Бир адам сени гёрме сюе* (М.Ягьияев) «Какой-то человек хочет тебя видеть»; б) опусканием аффикса винительного падежа: *Акъмурза папирос къабуздурду* (Ш.Альбериев) «Акмурза прикурил папиросу»; в) одновременным употреблением показателя *бир* и опусканием аффикса винительного падежа: *Мен орамдан бир ачгъыч тапдым* «Я нашел на улице какой-то ключ». Неопределенная единичность, выраженная немаркированным именем с уточнителем *бир* «один», «некий», является актуализованной. Признак неопределенности, накладываясь на значение единичности, заостряет это значение, делая его информативно выделенным, то есть актуализованным.

Имена собственные и существительные с аффиксами принадлежности всегда имеют значение актуализованной определенности, поэтому они не употребляются без аффиксов родительного и винительного падежей: *Оьмюрюмде янгыз бир Саниятны сюйгенмен деп эсиме геле* (У.Мантаева) «Думаю, что в своей жизни я любил только Саният».

Иногда рядом могут употребляться как показатель определенности, так и показатель неопределенности: *Ол къолтугъуна бир китапланы къысдырып айлана* (З.Атаева) «Он ходит, держа под мышкой какие-то книги». *Халкъ да бар ерде ол бир тарыкъсыз затланы сёйлей эди* (М.Ягьияев) «При людях он гово-

рил о каких-то неприличных вещах». В таких случаях существительное имеет значение неопределенности.

Итак, категория множественности в кумыкском языке конституируется бинарным противопоставлением числовых форм: немаркированной формы единственного числа (не «нулевой»), соответствующей основной форме имени существительного, и формы множественного числа с показателем *-лар*.

Немаркированная форма выражает единичное (один исчисляемый объект) или единое в противопоставлении значениям многого или различного у другой формы числа, что и лежит в основе коммуникативного предназначения данной категории - передавать всевозможные количественные отношения между предметами объективной действительности, поддающиеся истолкованию сознанием носителя кумыкского языка как количественные.

Таким образом, мы имеем выражение двух типов единичности: актуализованной и неактуализованной. Четко актуализованная единичность всегда связана с выражением определенности / неопределенности. Соответственно, единичность неактуализованная нейтральна в отношении определенности / неопределенности. Уточнитель «указательное местоимение» выражает только актуализованную (определенную) единичность. Уточнитель *бир* «один» может выражать как актуализованную единичность, так и единичность неактуализованную.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Одной из удивительных черт категории принадлежности в тюркских языках является то, что внутри нее «сферы влияния» распределяются по участникам акта речи. Иначе говоря, в мире есть то, что определяется как принадлежащее говорящему (или говорящим), слушающему (слушающим) и всем остальным.

Принадлежность (посессивность) понимается нами как такое отношение между объектами внешнего мира, при котором один из них (объект обладания, обладаемое) «включается» в другой (обладатель, посессор), составляя с ним единое физическое или функциональное целое. Это отношение разнообразных предметных связей осознается тюркским языковым менталитетом и выражается специальными языковыми единицами.

В современном кумыкском языке, как и в других тюркских языках, представлены морфологический, морфолого-синтаксический и синтаксический способы выражения посессивности. Посессивная форма имени существительного состоит из двух компонентов: предмета обладания (лица), выраженного основой имени существительного (обладаемое), и показателя обладателя (субъекта обладания), выраженного аффиксом принадлежности. Оба компонента - и обладаемое и обладатель - могут иметь по две числовые формы.

Морфологический способ (аффиксация) является основным для выражения посессивных отношений. Он конституируется шестичленным рядом финитных форм, которые распределяются в зависимости от абсолютного конца слова и огласовки слова в целом. Рассмотрим формальную организацию данной категории.

Принадлежность предмета в единственном числе первому лицу выражается при помощи афф. *–ым*: *китабым* «моя книга», *бавум* «мой сад», *гелиним* «моя невеста».

Принадлежность предмета второму лицу реализуется при помощи аффикса *–ынг*: *китабынг* «твоя книга», *бавунг* «твой сад», *гелининг* «твоя невеста».

Принадлежность предмета третьему лицу выражается аффиксом *–ы (=сы)*: *китабы* «его книга», *баву* «его сад», *анасы* «его мать».

Для выражения первого лица множественного числа используется два варианта аффикса: *–быз* (после гласных) и *–ыбыз* (после согласных): *анабыз* «наша мать», *бавубуз* «наш сад».

Морфологическими показателями 2-го лица мн.ч. являются следующие монемы: *-гъыз* (после гласных), *-ыгъыз* (после согласных): *анагъыз* «ваша мать», *китабыгъыз* «ваша книга».

3-е лицо мн.ч. конституируется теми же аффиксами, что и 3-е лицо единственного числа.

Если слова имеют форму множественного числа, аффикс принадлежности присоединяется после показателя множественности: *китапларым* «мои книги», *чечеклеринг* «твои цветы», *бавларыгъыз* «ваши сады» и др.

Хотя традиционно категория принадлежности относится к числу катего-

рий существительного, в ее формах выступают не только существительные или подвергшиеся субстантивации слова иных частей речи, но и числительные, местоимения, именные формы глагола. Отмеченная способность категории принадлежности передавать широкий спектр предметных связей в сфере функционирования количественных числительных проявляется в том, что ее формы способны передавать значения партитивности (1) и собирательности (2):

1) *Оланы беш-алтысы тар сокъмакъгъа раслаша* (Б.Атаев) «Из них пятеро-шестеро попадают на узкую тропинку». *Оланы экиси терек арагъа гире* (Б.Атаев) (*букв.*) «Двое из них заходят между деревьями»;

2) *Уьчюбюз де ёлгъа тюшдюк* (М.Ягьияев) «Все мы втроем отправи лись в путь». *Мени двойкаларым ёкъ сагъа бермеге* (М.Ягьияев) (*букв.*) «Тебе давать у меня нет двоек».

Формы принадлежности порядковых числительных всегда имеют выделительный смысл: *Бир самолет шоссагьат яллады, экинчиси ёлдан тайышма бажарды* (И.Керимов) «Один самолет сгорел сразу, второй смог уйти с пути». *Биринчисини (диктантны) гьасиллери мени залим ойлашдырды…* (И.Керимов) «Результаты первого диктанта меня заставили задуматься…».

Собирательное местоимение *бары* «все» и определительное местоимение *гьар* «каждый», получая аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица мн.ч. и аффикс 3-го лица, используются как существительные в следующих формах:

барыбыз да	«мы все»	*гьарибиз*	«каждый из нас»
барыгъыз да	«вы все»	*гьаригиз*	«каждый из вас»
барысы да	«они все»	*гьариси*	«каждый из них».

Барыгъызны да яхшы гёремен (М.Ягьияев) «Вижу всех вас хорошо».

Возвратное местоимение *оьз* «сам» также субстантивируется, но в отличие от предыдущих местоимений имеет полную парадигму:

оьзюм	«я сам»	*оьзюбюз*	«мы сами»
оьзюнг	«ты сам»	*оьзюгюз*	«вы сами»
оьзю	«он сам»	*оьзлер*	«они сами».

Биз оьзюбюз сав экенге шюкюрлюк этейик (Б.Атаев) «Давайте благодарить (бога) за то, что мы остались живы».

Формы принадлежности субстантивированных прилагательных обозна-

чают субъект как носителя данного признака: *Вая, ону исбайысы* (И.Керимов) «Вая, ее красота!» *Къызланы уллусу Катя уянды* (И.Керимов) «Проснулась старшая из девочек Катя». *Бир къайгъыны уьстюне бирдагъысы, лап гючлюсю* (Б.Атаев) «На одно горе другое - еще тяжелее».

В формах категории принадлежности выступают также глагольные именные формы, выражающие «опредмеченные» действия, представленные как предмет: *гелгеним* «мой приход», *гёргенинг* «то, что ты видел», *айтгъаны* «то, что он говорил». *«Недир айтагъанынг?» - деп, тамаша болду къатыны* (И.Керимов) «О чем ты говоришь?» - удивилась его жена». *Сени булан ёлугъ-ажагъымны билмей эдим* (М.Абуков). «Я не знал о встрече с тобой».

В формах категории принадлежности могут выступать и аналитические глагольные образования с модификатором квантитативности *-тур-*: *Гючюм битип, йыгъыла турагъанымны гьис этип, гьавузну таш хырында астаракъ олтуруп къалдым* (И.Керимов) «Обессилев, почувствовав, что падаю, я тихонько присел на край бассейна». *Не заман болгъунча шулай яныр, гююп тура-жагъымны билмей, сагъа шу кагъызны яздым* (Н.Батырмурзаев) «Не зная, сколько времени я буду так пылать, гореть, я написал тебе это письмо».

В формах посессивности выступают и именные аналитические образования с *бол-*, *экен*: *Мени насипли болмакълыгъым сени къолунгда* (Н.Батырмурзаев) «Моё счастье в твоих руках». *Эргиши Атайны зукъариси, къатынгиши де ону уьягьлюсю экен* (И.Керимов) «Мужчина - двоюродный брат Атая, а женщина, оказывается, его жена».

Кумыкскому языку свойственны и адвербиализованные формы слов с «угасшим» аффиксом принадлежности 3-го лица: *гечеси-гюню* «днем и ночью», *эртенинде* «утром», *гечесинде* «ночью» и т.д. *Эртенинде мен Магьачкъалагъа ёлгъа тюшдюм* (К.Абуков) «Утром я отправился в Махачкалу». *Набият, гьаманда йимик, эрини къаршысында олтургъан* (М.Абуков) «Набият, как всегда, села напротив своего мужа».

Дистрибуция показателей принадлежности, можно сказать, не имеет ограничений. Она охватывает и служебные части речи, в частности, послелоги и модальные слова: *Къарны тюбюнде кёпюрню нечик этербиз?* (М.Абуков) «Как будем строить мост под снегом?» *Энни не этме гереги гъакъда ойлаша туруп,*

арып, бир тюпгючде олтурду (М.Абуков) «Думая, что теперь делать, и устав, он присел на какой-то пенек».

О тотальном охвате категорией принадлежности всей системы языка говорит использование показателей принадлежности в конструкциях с именным отрицанием, осложненным модальным оттенком предположительности (а), а также в аналитических конструкциях, где «отмеченное» качество относится к плоскости прошедшего (б):

а) *Сен де, мен де олайлардан тюгюл экэнибиз яхши...* (Б.Атаев) «Хорошо, что мы с тобой не из тех». *Осаллардан тюгюлюбюз белгили* (У.Мантаева) «То, что мы не из слабых, это известно»;

б) *...Бираз жыйып къарасанг, яхшы эди, - деп айтагъаным эди* (Н.Батырмурзаев) «Говорю, что тебе следует немного экономить». *Къайтгъаны алты ай бола* (У.Мантаева) «Прошло полгода как он вернулся».

В кумыкском языке в функции вокатива, помимо форм уменьшительности-ласкательности, используются формы принадлежности: *абиси* «отец», *бажиси* «тетя», *нюрю* «невеста» (досл. «его (ее) свет, луч»), *амалы* «брат». Большинство терминов родства и свойства в кумыкском языке оформляются показателями принадлежности. Некоторые из них без аффиксов принадлежности в качестве терминов родства не используются. Таковы, например, вокативные термины *жаным, сюйгеним, салкъыным*, используемые для обозначения понятия «заловка»: *ханым, алтыным* - для обозначения понятия «деверь» и т.д.

Особый интерес представляет удвоение аффикса принадлежности. Примечательно, что одни слова оформляются преимущественно или только удвоенным аффиксом, а для других двойное оформление факультативно: *онусу* «десять из них», *дёртюсю* «четверо из них», *барысы да* «все», *бириси* «один из них», *гьариси* «каждый из них», *биревюсю* «другой», *ессиси* «хозяин» и т.д. *Жыйылгъанланы гьариси чыгъып сёйледи* (И.Керимов) «Выступил каждый из присутствующих».

Среди аффиксов принадлежности своеобразный характер отмечается у аффикса третьего лица. В словах типа *уьйлери, китаплары*, когда лицо не выражено дополнительно местоимением, аффикс мн.ч. *-лар, -лер* обозначает обычно не мн.ч. категории лица, а множественность предметов, к которым от-

носится аффикс лица: «его дома», «его книги». При необходимости уточнения числа обладателей форма принадлежности сочетается с местоимением 3-го лица: *ону уьйлери* «его дома», *оланы уьйлери* «их дома».

На особый характер 3-го лица в категории принадлежности указывает и существование словосочетаний, где 3-е лицо уже не соотносится с другими лицами: *юрт клубу* «сельский клуб», *маданият къаласы* «культурный центр», *Дагъыстан пачалыкъ университети* «Дагестанский государственный университет».

Специфическим проявлением категории принадлежности в грамматическом строе кумыкского и других тюркских языков является наличие определительных словосочетаний особого типа. Это сложные определения, в которых один из членов связан аффиксом принадлежности (как правило, аффиксом 3-го лица) с определяемым словом. Это типичные определения целого по его части: *къапусу ачыкъ уьй* «дом с открытыми воротами», *къолу енгил адам* «человек с легкой рукой», *хасияты яхшы адам* «человек с хорошим характером». В конструкциях рассматриваемого типа (*къапусу ачыкъ уьй* «дом с открытыми воротами») реальные отношения принадлежности как бы отступают на второй план, в результате чего значение партитивности переросло в значение относительности.

Употребительны в кумыкском языке и лексикализовавшиеся сочетания, построенные по этой модели: *авзачыкъ* «ротозей, зевака», *башыбузукъ* «дурак, ненормальный», *бурнупокъ* «сопляк» и др.

Существующие определения категории принадлежности как совокупности аффиксов, выражающих отношение обладаемого к обладателю, неправомерно акцентируют значение реальной принадлежности, которое в действительности является лишь одним из многих значений данной категории. В кумыкской лингвистической традиции исследователи также ограничивались категориальным значением форм принадлежности, а некатегориальным значениям не уделялось достаточного внимания при грамматическом истолковании и обобщенной характеристике данной категории.

Именные конструкции, безусловно, выражают «обладание по функции», где соответствующие предметы являются объектом обладания по функции

субъекта. Конструкции, выражающие обладание по функции, разнообразны. Любые предметы, если они связаны с посессором, функциональны, могут оформляться аффиксами принадлежности. Например, в предложениях *Къачан битер школанг*? (К.Абуков) «Когда закончатся твои занятия?» (*букв*. твоя школа) *Конторума неге гелмединг*? (М.Абуков) «Почему ты не пришел в мою контору?» *школа* и *контора* не являются владельческой собственностью субъекта, он находится в определенных функциональных отношениях с данными предметами (например, или строит школу или контору, или работает в них). При этом одни и те же объекты внешнего мира могут восприниматься и как окказионально неотчуждаемые (собственно принадлежащие) в зависимости от ситуации.

При сочетании аффикса принадлежности с именами существительными, имеющими абстрактное значение, особенно с именами действия и послелогами, реальная семантика принадлежности утрачивается и категория принадлежности указывает только на отношение к лицу: *Тек чыдамлыгъым етишмеди* (К.Абуков) «Однако у меня не хватило терпения». *Оланы оьзлени уллу бавлары* бар (М.Абуков) «У них есть свои большие сады».

Для усиления значения принадлежности перед словом с аффиксом принадлежности в тюркских языках ставится слово *оьз* «свой, собственный». Слово *оьз* «сам» может повторяться дважды. При этом субъектно-объектные отношения еще более усиливаются: *Гьар заманда да яшавгъа оьзюню оьз хожайыны еслик этсе, яхшы болур* (М.Абуков) «В жизни всегда хорошо, когда тебе диктует твой собственный хозяин».

Слова с аффиксом принадлежности могут непосредственно следовать за субъектом принадлежности (а) или быть отдалены от него другими словами (б):

а) *Мен уланымны ягъындан янгы гелип тура эдим* (У.Мантаева) «Я только что пришел от сына». *Тангаласындан тутуп Насур артелни ишине юрюме башлады* (М.Абуков) «Со следующего дня Насур начал ходить на работу в артель»;

б) *Кёк денгизни саргъылт ягъасына тие-тиймей оьте* (Б.Атаев) «Небо чуть-чуть касается желтого берега моря». *Давут оьзюню буларда нечик ту-*

рагъанын айтды (Н.Батырмурзаев) «Давут рассказал о том, как он живет у них».

Для передачи атрибутивных отношений употребляется имя в основном и родительном падежах. Ср. *юрт клуб* «сельский клуб» - *юрт клубу* «клуб села», *гамиш сют* «буйволиное молоко» - *гамишни сютю* «молоко буйвола» и т.д. Хотя обе формы функционально близки, однако их следует различать. Безусловно, основным в функционально-семантической сущности родительного падежа является функция атрибута. Дополнительным свидетельством в пользу данного предположения является наличие двух показателей в изафете 3 (показателя родительного падежа и аффикса принадлежности), выражающих значение притяжательности.

Представляется, что функцией родительного падежа является не только обозначение предикативного признака предмета, но и отношение определителя к некоторому классу предметов, то есть кроме атрибутивной функции он выполняет классифицирующую функцию. В примерах типа *гамиш сют* «буйволиное молоко» определитель семантического актанта обозначает предмет, не являющийся субъектом обладания (посессором) определяемого предмета. Здесь имеет место отношение предмета и источника. В примерах же типа *гамишни сютю* «молоко буйвола» определитель семантического актанта обозначает предмет, являющийся субъектом обладания (посессором определяемого предмета).

Семантическое различие определителей в сопоставляемых примерах выражается вхождением их в различные ряды парадигм притяжательного склонения:

1) *гамиш сютюм* «(мое) буйволиное молоко»
   гамиш сютюнг «(твое) буйволиное молоко»
   гамиш сютю «(его) буйволиное молоко»;
2) *гамишимни сютю* «(моего) буйвола молоко»
   гамишингни сютю «(твоего) буйвола молоко»
   гамишини сютю «(его) буйвола молоко».

В первом типе парадигмы выражено отношение между материалом и источником. Формальный показатель принадлежности присоединяется к имени,

обозначающему объект владения, а не к имени - определителю объекта владения, то есть здесь отсутствует отношение обладания.

Во втором типе парадигмы выражено отношение обладания. Формальные средства служат для указания на то, что определитель семантического актанта является посессором определяемого предмета.

При морфолого-синтаксическом способе идея принадлежности передается сочетанием имени существительного, обозначающего предмет обладания и оформленного соответствующим аффиксом принадлежности, с родительным падежом личных местоимений. Рассмотрим примеры: *Сени арбангда не эте дагъы мени къоюм?* (Б.Атаев) «А что делает в твоей арбе моя овца?» *Мен сени сёзюнгню бёлюп къойдум* (И.Керимов) «Я взял да прервал твое слово».

Употребление личных местоимений в форме родительного падежа в сочетании с существительными, оформленными аффиксами принадлежности, придает контексту особую эмоциональность и насыщенность, подчеркивая принадлежность предмета именно тому лицу, о котором идет речь. Данный способ образования посессивных форм в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, встречается довольно часто.

Все способы выражения посессивности могут быть представлены в одном высказывании: *Мени атамны атасыны атасы Муталим мисгинни къабуру* (К.Абуков) « Могила моего прадеда Муталима».

Формы 1-го и 2-го лица ед.ч. допускают инверсию в местоположении членов притяжательной конструкции. Тем самым выражается эмоциональность, усиливается интонационное выделение группы принадлежности (Дмитриев 1948, 58): *Аявлум мени, азизим мени... (из песни)* «Дорогая моя, милая моя»...

Притяжательная конструкция может остаться грамматически незавершенной, если второй его член не будет оформлен лично-притяжательным аффиксом, несмотря на то, что исчерпывающие сведения о нем в этом случае сообщаются первым членом конструкции. Это синтаксический способ выражения категории принадлежности, который реализуется с помощью формы родительного падежа соответствующего местоимения, стоящего в препозиции к слову, обозначающему предмет обладания. Этот способ выражения категории

принадлежности касается 1-го и 2-го лица множественного числа. Причины этого еще не выяснены. *Бизин участка Камилге болсун* (З.Атаева) «Наш участок пусть достается Камилю». *Бу чу Гъажи, бизин Гъажи!* (М.Ягьияев) «Это же Гаджи, наш Гаджи!»

В 3-м лице ед. и мн.ч. в отличие от форм 1-го и 2-го лица существительное оформляется аффиксом принадлежности, независимо от наличия или отсутствия имени обладателя: *Набини де, Бурлиятны да тою юрт клубда болажакъ* (З.Атаева) «Свадьба Наби и Бурлият состоится в сельском клубе». *Лайланы уланы геле деген хабар юртгъа яйылды* (У.Мантаева) «В селе распространилась весть о том, что приезжает сын Лейли».

Принадлежность в кумыкском языке оформляется еще при помощи специфического аффикса -*ныки*, который не содержит указания на сам предмет обладания: *Атлылар Дагъыстан полкнуки экени опурагъындан билине* (М.Ягьияев) «То, что всадники из дагестанского полка, видно по их форме». *Алайса къызныкилер онча негер пашмандыр дагъы* (И.Керимов) «В таком случае отчего все со стороны девушки так печальны».

Аффикс принадлежности -*ныки* используется в структуре составного именного сказуемого: *Башлапгъы уьч де дарс меники эди* (И.Керимов) «Первые три урока были мои». *Терек тюпде ятгъан къара къозу Жансуратныки эди* (Къ.Шамсутдинов) «Черный ягненок, лежавший под деревом, принадлежал Жансурат».

Отличие данной формы от других форм принадлежности заключается не только в том, что предмет обладания выражается здесь лексически, но и в синтаксической позиции лица обладателя. Форма принадлежности на -*ныки* всегда находится в постпозиции по отношению к предмету обладания и выполняет роль сказуемого: *Бала бизинки* (И.Керимов) «Ребенок наш». *Русия сизин йимик боярланыки* (Б.Атаев) «Русь принадлежит таким как вы боярам».

На наш взгляд, и форме на -*ныки* свойственна партитивная функция: *Сегизинчи классда меники биринчи дарс* (И.Керимов) «В восьмом классе у меня первый урок». *Сени каза урагъан еринг оьзгеленикинден башгъа артда къалмагъан* (И.Керимов) «То место, где ты пропалываешь, не хуже других».

Кроме того, форма на -*ныки* характеризуется нисходящей интонацией,

тогда как формы с показателем -*ым* имеют восходящую интонацию.

Возможно и совместное употребление обеих форм принадлежности (особенно часто в терминах родства и свойства). При этом достигается акцентированное выражение идеи принадлежности: *Бу машин инимники*. «Эта машина моего младшего брата». *Шо гелеген яш агъабызники* «Ребенок, который идет, моего старшего брата»

В кайтагском и терском диалектах обнаружены топонимы, в которых второй компонент не снабжен аффиксом принадлежности: в кайтагском диалекте - *Алимирзаны бучен* «сенокосный участок, принадлежащий Алимирзе», *Къазмаланы сырт* «горка, где (находились) казармы», в терском диалекте - *Мартны сын* «памятник Марту», *Бийлени къол* «балка, принадлежащая биям». Видимо, это свидетельствует о том, что в кумыкском языке когда-то был представлен еще четвертый тип изафета.

Таким образом, категория принадлежности - это словоизменительная категория, которая конституируется по модели: *основа* + *личный аффикс*. Значение данной категории составляет сложный образ двух предметов, связанных отношением принадлежности.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА (СКЛОНЕНИЕ)

Общая характеристика склонения

Изучение падежных форм представляет значительные трудности, так как употребление падежей дает пеструю картину эмпирического многообразия значений. Основная задача изучения падежей в кумыкском языке - это сведение многообразного к единству, теоретическое осмысление эмпирического многообразия падежных значений.

В системе тюркского склонения выделяют «простое» и «притяжательное» склонения как две структурные разновидности тюркского склонения. Иначе называют их именной и посессивно-именной парадигмой.

Противопоставление по наличию или отсутствию перекрещивающихся категорий принадлежности и падежа лежит в основе соотношений посессивно-именной и именной парадигм в каждом конкретном тюркском языке. Именно взаимоотношения этих двух парадигм образуют структурную основу тюркско-

го склонения. Как и в других тюркских языках, в кумыкском языке выделяются консонантическая и вокалическая серии падежных формативов. Консонантическая серия характеризует именную парадигму в целом, независимо от согласного или гласного исхода окончания склоняемого имени. Именная парадигма, таким образом, не подчиняется здесь действию фонетических правил, фактически она единообразна в использовании падежных формативов консонантной серии.

Посессивно-именная парадигма в разных своих частях оформляется по-разному. Целиком по образцу именной парадигмы оформляется посессивно-именная парадигма 1 и 2-го лица единственного числа в кумыкском языке. В большинстве кыпчакских языков наблюдается вокалический форматив дательного падежа -*а* при консонантных формативах родительного и винительного падежей. Из кыпчакских языков только в кумыкском и карачаево-балкарском в этой парадигме родительный и винительный падежи имеют форматив -*и, -ин*. Своеобразна и посессивно-именная парадигма 3-го лица: в локальных падежах здесь обязателен инфикс -*н*-, в дательном он сопрягается с вокалическим формативом -*а*, винительный падеж имеет форматив -*н*.

Что касается внутрипарадигмных соотношений, можно говорить об их структурной выдержанности для именной парадигмы кумыкского языка. Для посессивно-именной парадигмы характерна внутрипарадигмная оппозиция по линии единственное число - множественное число первых двух лиц категории принадлежности. Посессивно-именная парадигма 1-3-го лица единственного числа (и 3-е лицо множественного числа), вычленяемая некоторыми специфическими грамматическими признаками, противопоставляется посессивно-именной парадигме 1-2-го лица множественного числа, которая строится целиком по образцу именной парадигмы.

Итак, в кумыкском типе склонения собственно различительным признаком обладает не только каждая из падежных парадигм, но и каждая из частей посессивно-именной парадигмы. Этим кыпчакский тип склонения отличается от огузского типа, где одним таким признаком располагает только посессивно-именная парадигма 3-го лица. Таким образом, как внутрипарадигмные, так и межпарадигмные соотношения в кыпчакском типе склонения характеризуются

асимметричностью.

В кумыкском языке категория падежа представлена шестью соотносительными формами со следующими формальными показателями:

именная парадигма	посессивно-именная парадигма
осн. - *имплицитный показатель*	осн. - *имплицитный показатель*
род. *-ны, -ни, -ну, -ню*	род. *-ны, -ни, -ну, -ню*
вин. *-ны, -ни, -ну, -ню*	вин. *-ны, -ни, -ну, -ню, -н*
дат. *-гъа, -ге*	дат. *-а, -е, -на, -не*
мест. *-да, -де*	мест. *-нда, -нде*
исх. *-дан, -ден*	исх. *-ндан, -нден*

На соотношение категорий принадлежности и падежа не раз указывали тюркологи. Сопряженность этих двух категорий имеет место не только в семантическом и синтаксическом планах, но и в плане парадигматическом: это так называемый «вставочный» *-н-*, который появляется при склонении имен с аффиксом принадлежности 3-го лица в локальных падежах (дательном, местном, исходном). Таким образом, перекрещивание категорий принадлежности и падежа имеет собственный морфологический показатель. Следует обратить внимание на неизменность позиции *-н* между предшествующим ему аффиксом принадлежности 3-го лица и последующим падежным формативом.

Посессивно-именная парадигма противопоставляется именной не только интерфиксом *-н-* (для 3-го лица), но и формативом дательного падежа *-а* (для 1-3-го лица ед.ч. и 3-го лица мн.ч.). В силу этого своего назначения вокалический форматив *-а* в кумыкском языке должен рассматриваться не как фонетический вариант, а как морфологический показатель.

Падежные показатели в слове занимают место, как правило, после аффиксов словообразования, числа и принадлежности, но не всегда находятся в абсолютном конце слова, как это принято считать. Существительные в форме дательного, исходного и местного падежей способны принимать аффиксы именной категории сказуемости: *Агьматгъаман* «я (говорю, обращаюсь) Ахмеду», *юртданман* «я из села», *шагьардаман* «я (нахожусь) в городе».

Основной падеж

Форма имени, не имеющая материального падежного показателя, в соот-

ветствии с укоренившейся в тюркологии традицией единодушно трактуется кумыковедами как «основной падеж». Имя существительное в именительном падеже может выступать в функции всех членов предложения. Многообразие синтаксического использования основного падежа ставит перед необходимостью выяснить, каковы те значения имени существительного в основном падеже, которые позволяют ему выступать именно в данных функциях.

Широта синтаксического использования основного падежа и трудности, связанные с установлением грамматических значений, служат причиной того, что основной падеж в тюркских языках трактуется часто лишь в синтаксическом плане, т.е. путем перечисления его функций в предложении. Тем не менее, синтаксическое использование основного падежа показывает, что этому падежу свойственны различные значения. Эти значения падежей оказываются своеобразно разделенными между его функциями. Различные функции и значения основного падежа находятся в сложных отношениях как между собой, так и с функциями и значениями других падежей. Так, в кумыкском языке основной падеж в функции подлежащего имеет конкретно-предметное (1) и отвлеченно-предметное (2) значения:

1) *Ёлдашларым бири-бирине къарады* (И.Керимов) «Друзья мои посмотрели друг на друга». *Генерал гьали айтма зат тапмады* (М.Ягьияев) «Генерал теперь не знал, что говорить».

2) *Бу ерлерде чум оьсмей* (М.Ягьияев) «В этих местах кизил не растет». *Юрт ягъада юз гектардан да артыкъ ерде помидор-хыярыбыз бар* (И.Керимов) «На краю села мы имеем более ста гектаров помидоров и огурцов».

В функции же сказуемого основной падеж не имеет конкретно-предметного значения. В данном случае именное сказуемое выражает родовое понятие. Здесь активизированы качественные потенции имени существительного: *Маржанат уланъяш йимик къайыр къыз* (М.Ягьияев) «Маржанат - девушка, шустрая, как парень». *Ол бир заманда да ата-анасына къаршы чыгъагъан яш тюгюл* (М.Ягьияев) «Он не такой мальчик, который выступает против родителей».

Основной падеж является также формой определения в одном из двух

типов притяжательно оформленных словосочетаний (изафет). Здесь наиболее наглядно проявляется предметно-качественное значение имени существительного в основном падеже. Например: *Бу йыракъ тавлар элине олар биринчилей гелген* (И.Керимов) «В этот далекий горный край они приехали впервые»; *Къумукъ театр геле деген хабар юртгъа яйылгъаны эки гюн бола* (М.Ягьияев) «Вот уже второй день как по селу распространилась весть о том, что приезжает кумыкский театр». Здесь имя существительное, выступающее в функции определения, имеет значение обобщенного родового названия данного класса предметов, тождественных друг другу по своим основным качественным характеристикам.

Основной падеж выступает в обстоятельственной функции в составе пословиц, поговорок и устойчивых сочетаний слов: *Юз сугъарма, гюз сугъар* (поговорка) «Сто раз не поливай, осенью поливай». Это типичный случай употребления одной падежной формы вместо другой, отражающий собой периферийный синтаксис семантически ограниченной группы имен. В данном случае конкретно-предметное значение имени существительного оказывается полностью растворенным в качественных значениях, близких к семантике наречия.

Одно из отличий основного падежа от подлежащего в других языках (например в славянских) состоит в его способности сочетаться со служебными словами - послелогами. Сочетания основного падежа имени существительного или местоимения с послелогами выступает в предложении в функциях косвенного дополнения или обстоятельства.

Из всех послелогов, употребляемых с основным падежом, послелог *булан* «с, вместе с» обладает наибольшим разнообразием значений. Как отмечают многие тюркологи, этот послелог имеет значение совместности, которое признается первичным его значением. *Уллубий Смирнов булан янаша пайтонда олтургъан* (М.Ягьияев) «Уллубий сидит рядом со Смирновым в фаэтоне». *Я Хайрутдин булан болма герексен, я бизин булан* (М.Хангишиев) «Ты должен быть или с Хайрутдином, или с нами».

Среди прочих близко к отмеченному значению послелога *булан* совместно-сопроводительное значение. Здесь второй член совместности не выражен именем существительным, стоящим вслед за послелогом, а выявляется контек-

стом. Связь с этим вторым компонентом совместности существует только в структуре предложения и носит синтаксический характер, грамматически же имя существительное с послелогом связано с последующим глаголом. Предмет, обозначенный именем существительным при послелоге, является в данном случае не равным соучастником в рамках совместности, а предметом, сопутствующим какому-либо другому предмету, сопровождающим его. *Къалкъыны бир кепек де чыгъармай, оьзюбюзню гючюбюз булан ярашдырдыкъ* (З.Атаева) «Крышу починили своими собственными силами, не потратив при этом ни копейки». *Тек нап булан масхара этмеге болмайлар* (И.Ибрагьимов) «Однако они не могут шутить с керосином».

Модификацией совместно-сопроводительного значения является сопроводительно-наделительное значение, содержащее сему «быть наделенным чем-либо»: *Мадина оьзюню айтма сюеген затын мисал булан башлады* (Ш.Альбериев) «То, что хотела сказать, Мадина начала с примера». *Мен шо ишлени кёп сююнч булан этемен.* (З.Атаева) «Я делаю эти работы с большой радостью».

Основному падежу с послелогом *булан* «с» свойственно уравнительно-совместительное значение: *Бомбалар юртну ер булан тюз этди* (Р.Расулов) «Бомбы сравняли село с землей». *Бугюн усталар ал чырны арт чыр булан тенг этди* (З.Атаева) «Сегодня мастера сравнили переднюю стену с задней стеной».

Богато представлено инструментальное значение основного падежа: *Бел булангъы, оракъ булангъы ишлер де иш тюгюлмю*? (М.Абуков) «Разве работа с лопатой, с серпом не работа?» *Уллубий атны ялына къолуну аясы булан урду* (М.Ягьияев) «Уллубий ударил ладонью о бок лошади».

Если при совместно-сопроводительном значении объект, выраженный именем существительным с послелогом *булан*, является соучастником действия, то при орудийном значении объект представляет средство действия, направленное вовне. Орудийное значение связано с более отвлеченным значением средства осуществления действия: *Оьгюз арбалар булан гелгенлер де бар* (М.Ягьияев) «Есть и такие, которые приехали на арбах». *Арап языв булан онда булай языльгъан эди* (М.Ягьияев) «Арабским шрифтом там было написано следующее».

В отличие от других грамматических средств обозначения места, например местного падежа, в основном падеже наличествует семема использования места в качестве средства совершения действия. *Ёл булан барагъанлар ял алмагъа токъташдылар* (Ш.Альбериев) «Идущие по дороге остановились на отдых». *Чкаловну самолёту кёпюр тюп булан чыгъып гетди* (Р.Расулов) «Самолет Чкалова вылетел из-под моста».

Временное значение послелога *булан* связано с семантикой совмещения во времени, приурочения действия к определенному промежутку времени. *Авчулар танг булан ёлгъа тюшдюлер* (М.Абуков) «Охотники ранним утром отправились в путь»; *...Гъар ёлукъгъанда шо гьакъда сагьатлар булан эрише эдик* (И.Керимов) «При каждой встрече об этом мы спорили часами».

С семантикой сопроводительности и орудийности связаны такие случаи употребления послелога *булан*, когда он вместе с предшествующим именем существительным обозначает объект, выражающий основание, при посредстве которого совершается действие: *Къыз гьакимге герти юреги булан гьашыкъ* (З.Атаева) «Девушка серьезно влюблена в руководителя»; *Гьакимни тапшурувларын агитбригаданы ортакъчылары иштагьлыкъ булан кютелер* (З.Атаева) «Поручения руководителя участники агитбригады выполняют с радостью».

В послелоге *учун* совмещены противоположные значения цели (1) и причины (2):

1) *Мен колхозну авлакъларында ишлемек учун гелгенмен* (М.Абуков) «Я приехал, чтобы работать на полях колхоза». *Биз чи шону тизмек учун гелгенбиз, къыдырма гелмегенбиз чи* (И.Ибрагьимов) «Мы же приехали, чтобы строить, не гулять же приехали»;

2) *Халкъым учун темир ёллар, вокзаллар, кёпюрлер къурар эдим...* (И.Керимов) «Ради моего народа я построил бы железные дороги, вокзалы, мосты». *Озокъда, боламан школа учун бина къурмагъа* (З.Атаева) «Конечно, могу для школы построить здание».

Распределение действия во времени обозначается послелогом *сайын*: *Бюрону ортакъчыларыны санаву гюн сайын арта* (М.Ягьияев) «С каждым днем растет количество членов бюро». *Амма боецлер гюн сайын чыныгъа бара*

(И.Ибрагьимов) «Однако бойцы с каждым днем все больше закаляются».

Послелог *йимик* обозначает вместе с предшествующим ему именем существительным сравнение по качеству: *Уллулар йимик ойлашып юрю дагъы* (М.Хангишиев) «Ходи с умом, как старшие». *Бир жуманы узагъында тиленчилер йимик оланы артындан юрюдюк* (М.Ягьияев) «В течение недели мы ходили за ними как просители».

Послелоги *саялы, себепли* имеют причинное значение, что определяется семантикой слов, от которых они образованы: *Бары да зат сен саялы болду* (А.Сулейманов) «Все получилось из-за тебя». *Дав себепли бузулгъан... колхозлар* (Аткъай) «Колхозы, разрушенные войной»...

Сравнительное значение выражает послелог *чакъы*: *Айтыв чакъы да иш болмас, аюв чакъы баш да болмас* (пословица) «Как в пословице работы не бывает, размером с медведя головы не бывает».

Итак, кумыкский основной падеж выражает отношение данного имени к нему же самому, а не к другим именам или действиям. Основной падеж в функции подлежащего есть выражение предмета именно как данного предмета, а не как чего-то другого и не как воздействующего на что-то другое. В различных отношениях по-разному присутствуют момент предметного соотношения и момент называния.

Родительный падеж

В кумыкском языке, как и в других тюркских языках, он выступает как форма имени существительного, относимого к другому имени существительному как определение последнего. Это другое имя существительное (определяемое) снабжается показателем принадлежности 3-го лица: *яшны оюнчагъы* «игрушка ребенка»; *къурдашымны китабы* «книга моего друга» и др. Таким образом, основной сферой употребления родительного падежа является изафет 3. Функционируя в составе изафета 3 в качестве его первого компонента, обсуждаемая форма проявляет свои специфические свойства: если второй компонент изафетной конструкции более самостоятелен, т.е. может получать форму других падежей, то первый компонент «жестко» привязан ко второму формой родительного падежа. Этими свойствами родительного падежа обусловлено его своеобразное положение в системе склонения: родительный падеж - един-

ственный из падежей, не управляемый глаголами. Показатель родительного падежа в каждом конкретном случае добавляет к значению основы служебную информацию: предмет, называемый основой, следует воспринимать как обладателя какого-либо другого предмета. Иными словами, падежный показатель сигнализирует о том, что предмет связан с другим предметом отношением, которое коммуникант, производящий высказывание, счел возможным истолковать как отношение принадлежности.

Сформулированное значение родительного падежа, безусловно, содержит в себе обобщенное языковое представление о принадлежности, которое есть в значении каждой из форм категории принадлежности. Такая сопряженность этих двух категорий, видимо, и является причиной смешения некоторыми тюркологами значений форм принадлежности и падежных форм в составе изафетной конструкции. Однако падежное значение представляет собой обобщение другого полюса этого отношения: если форма категории принадлежности сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, есть объект обладания, то форма родительного падежа указывает на субъект обладания. Примеры: *Къаракъушну саркъар ери бийик кёк, Акъ шаршарны агъар ери яр ягъа...* (Анвар) «Место, где парит орел, - это высокое небо; место, где падает белый водопад, - это скалы»; *Аривлюкню де, яхшылыкъны да оьмюрю къысгъа бола* (М.Абуков) «У красоты и доброты жизнь короткая бывает».

Таким образом, родительный падеж как форма определения с конкретно-предметным значением, соотносимого с определяемым на основе категории принадлежности, противостоит основному падежу, который также может употребляться в качестве определения при определяемом, относимом к нему на основе категории принадлежности, но имеет в этом случае не конкретно-предметное, а отвлеченно-предметное, предметно-качественное значение. Безусловно, в речи родительный падеж и формы категории принадлежности часто взаимодействуют. Несмотря на общность значений, выражаемых рассматриваемыми формами, необходимо четко разграничивать значения падежной и посессивной форм в составе изафетной конструкции. Так, тюркологи отмечают «выделительное» значение родительного падежа в примерах типа башк. *матурзарзын матуры* «красивейший из красивых», узб. *укувчиларнинг яхшиси*

«лучший из учеников», кум. *яшланы гиччиси* «младший из детей».

На наш взгляд, в подобных случаях средством вычленения предмета из ряда ему подобных является не форма родительного падежа, а форма категории принадлежности, оторванная от сферы продуктивного функционирования категории посессивности. В том, что именно морфологическая форма посессивности, а не форма родительного падежа является выразителем актуализированного, выделительного значения в рассматриваемых конструкциях, можно убедиться, употребив эти словоформы вне сопряжения с формой родительного падежа: *гиччиси* «который младше; младший», *гьакъыллысы* «который умнее», *уллусу* «который больше; то, что больше» и т.д.

Мы не можем согласиться с еще одним значением, приписываемым исследователями родительному падежу. Это выражение родительным падежом значения «части целого» в примерах типа *башк. коззон башы* «начало осени», *кум. эшикни къулагъы* «ручка двери». Сформулированное значение родительного падежа, как нам кажется, не представляет собой служебную информацию данного падежа, а является семантемой всей изафетной конструкции, где существительное в форме принадлежности относится к определению в родительном падеже как часть к целому.

Следует отметить значение контекстуальной и ситуативной определенности в семантической сущности родительного падежа, отождествленность с реальными предметами в обстановке речи. *Полковникни анасы шо заман уланыны гёзлерине иржайып къарады* (М.Ягьияев) «В это время мать полковника с улыбкой посмотрела в глаза сыну»; *Лётчикни гёзлери ачувундан къайнай эди* (И.Керимов) «Глаза лётчика кипели от злости».

Существенным отличием определения в родительном падеже от определения в основном падеже является то, что он может, как известно, употребляться в позиции отстоящего определения: *Тюнегюн мен Валяны бираз хатирин къалдырдым* (М.Ягьияев) «Вчера я немного огорчил Валю». Это сближает родительный падеж с винительным падежом как специальной формой отстоящего дополнения.

Вместе с тем у родительного падежа имеется сфера употребления, не соотносимая непосредственно с основным падежом. Это предикативное исполь-

зование данного падежа в значении констатации принадлежности: *Сиривдеги 150 къой Жаппарны, 100 - Тулпарны, 120 къой Гьажи Ясулнуки* (А.Къурбанов) «В стаде 150 баранов принадлежит Жаппару, 100 - Тулпару, 120 баранов - Гаджи Ясулу». *...О савлай Магьамматны оьзюнюки* (И.Керимов) «Это все Магомеда (принадлежит Магомеду)».

Винительный падеж

Этот падеж выступает как морфологическое средство указания на то, что предмет, называемый исходной основой, воспринимается автором высказывания как объект прямого непосредственного воздействия. *Рашит шо ерде агъасы Атайны ойлады* (М.Ягьияев) «Рашит в это время вспомнил своего старшего брата Атая».

Винительный падеж может управляться и субстантивированными глагольными формами. *Атасын оьлтюргенни уланы унутмас* (Пословица) «Сын не забывает того, кто убил отца». *Шагьарда биринчилей болгъанымны бир де унутмайман* (И.Ибрагьимов) «Я никогда не забываю день, когда я первый раз был в городе».

Винительный падеж, наряду с основным падежом, является формой прямого дополнения. В отличие от основного падежа, используемого только в позиции прилегающего дополнения, винительный падеж употребляется как в прилегающей, так и в отстоящей позиции.

Различия в значениях прилегающих прямых дополнений, выражаемых винительным и основным падежами, наглядно выступают при употреблении обоих падежей в одной и той же синтаксической позиции в одном контексте и сводятся к различению определенности и неопределенности. *Машинлер индыргъа будай ташыйлар. Онда комбайндан чыкъгъан будайны тазалай* (М.Ягьияев) «Машины возят на ток пшеницу. Там чистят пшеницу, выданную комбайном».

Таким образом, общие контуры различий в значениях прилегающих дополнений при употреблении их в одном и том же контексте в обоих падежах от одного и того же слова предстают как различия в рамках противопоставления значений определенности и неопределенности. Когда имеется в виду неопределенный предмет, соответствующее ему слово лишается падежного окончания и

примыкает к сказуемому, образуя при нем объектную группу. Когда речь идет об определенном предмете, он получает падежную форму и становится в предложении на самостоятельное место. При нем в этой позиции может образоваться атрибутивная группа. Примыкающее к глаголу имя существительное в основном падеже передает в этом предложении неуточненный объект.

Такое примыкание глагола к объекту нарушается, когда предмет направленности действия становится определенным. В этом случае выступает прямое дополнение, оформленное винительным падежом. Уточняемый объект, занимая в предложении самостоятельную позицию, может сопровождаться определением, образуя атрибутивную группу при прямом дополнении: *Яшланы бирдагъы бир группасы шо кюрчюдеги ташны чыгъара* (З.Атаева) «Еще одна группа детей вытаскивает камни из того фундамента». Подобное атрибутивное построение, как общее правило, в тюркских языках не может иметь места при дополнении, примыкающем к сказуемому и выраженном основным падежом, так как, получая определение, объект уже становится определенным. Тем самым нарушается построение объектной группы.

Совершенно автономную сферу составляет использование винительного падежа в позициях, где основной падеж в функции прямого дополнения употребляться не может: в отстоящей позиции (а) и при инверсии (б):

а) *Эльдар булутну юртуна багъып бурду* (Гь.Давудов) «Эльдар повернул облако в сторону своего села»... *Ол газетни столгъа яйды* (М.Ягьияев) «Он постелил газету на стол». *Пиратны Вова къапу артда салам тёшеп этген ерге ятдырды* (М.Ягьияев) «Пирата Вова уложил за воротами, постелив солому».

б) *Мен де беремен шо дарсланы (И.Ибрагьимов)* «Я тоже преподаю те же дисциплины». *«Ким къура шо школаны?» - деп сорады Зайнап (З.Атаева)* «Кто строит ту школу?»- спросила Зайнап». *Пакъыр, нече де кёп сюе эди кюрзени (М.Ягьияев)* «Бедняга, как он любил кюрзе (пельмени)».

Дательный падеж

Форма дательного падежа передает смыслы, относящиеся к широкому диапазону различных ступеней абстракции. Данный падеж, как и исходный, представляет собой наиболее полисемичную единицу тюркской морфологии.

Во взаимодействии с глаголами движения дательный падеж сигнализи-

рует о том, что обозначенный именем предмет может быть объектом, в направлении которого совершается (или совершалось, будет совершаться) действие (1) или которого достигает (2) осуществляющееся в направлении к нему действие:

1) *Бугюнлерде Торкъалиге бараман* (М.Ягьияев) «В эти дни собираюсь в Торкали». *Олар бары да бирче къыргъа чыкъды* (М.Ягьияев) «Все они вместе вышли на улицу».

2) *Халкъны арасындан сыпгъырылып, трибунагъа бирев чыкъды* (М.Ягьияев) «Кто-то, вырвавшись от народа, поднялся на трибуну». *Мени артымдан гьатта Ташкъалагъа да гирген* (И.Керимов) «За мной он заехал даже в Ташкалу».

Как можно заключить из приведенных примеров, падежное значение способно сигнализировать о том, что предмет есть объект, в направлении к которому совершается движение. Действительно, в первой группе примеров представлены глаголы, обозначающие действия, которые могут осуществляться как в направлении к предмету, так и в направлении от предмета. Значит, в подобных случаях показатель дательного падежа функционирует как полноценный сигнал, и его значение проявляет себя наиболее непосредственно, независимо от глагольных значений.

Отмеченное качество падежного значения проявляет себя и в тех случаях, когда падежная форма используется с глаголами, которые не могут быть признаны глаголами движения, поскольку обозначают различные действия, лишь сопряженные с движением, перемещением в пространстве. Это такие значения дательного падежа, как объект, по которому ударяют (1), на который что-либо кладут (2), на который садятся (3), которому что-либо дают (4):

1) *Панасгъа урмаса да, къалгъанлагъа урду. «Тез, тез!» - деп акъыра туруп, гьар кимни сыртына бир салышдырды* (И.Керимов) «Хотя Панаса не ударил, других ударил. Крича: «Быстрее, быстрее!» - он ударил каждого из нас по голове»;

2) *Генг столгъа тепси булан арив ийис гелеген чишлик сала* (М.Ягьияев) «На широкий стол кладет шашлык с приятным запахом». *Чечеклер онча да кёп, гьатта вазалагъа, чайниклеге де салынгъан* (У.Мантаева) «Цветов так много,

что их поставили и в вазы, и в чайники»;

3) *Атгъа да минип, бары авлакъланы айланып турма сюесен* (М.Хангишиев) «Сидя на коне, ты хочешь обойти все поля». *Бизин вагонгъа бир къатынгиши минди* (У.Мантаева) «В наш вагон села какая-то женщина»;

4) *Ол бизге язып бир кагъыз да берди* (М.Ягьияев) «Он написал и дал нам еще какое-то письмо». *«Мен сени элтейим, тек бил, сагъа бичакъны бермежекмен»,- деди Дадайым* (М.Ягьияев) «Я тебя возьму с собой, но ты знай: ножа я тебе не дам»,- сказал (мой) Дадай.

Смыслы, передаваемые с помощью дательного падежа в приведенной группе примеров, легко объединяются абстракцией «объект физического воздействия». Едва ли можно сомневаться в том, что она родственна сформулированной выше абстракции «объект, в направлении к которому совершается движение». Это основное значение дательного падежа в тюркских языках.

Перечислим другие наиболее типичные значения дательного падежа в кумыкском языке:

Объект со значением адресата, по отношению к которому совершается действие: *Гъарунгъа кёмек этме болмай* (М.Ягьияев) «Гаруну нельзя помочь». *Къонакъланы «Волгагъа» миндирдилер* (М.Ягьияев) «Гостей посадили в «Волгу».

Объект предназначения: *Аня, клубгъа гюллер аз болмасму?* (М.Ягьияев) «Аня, для клуба не мало ли цветов»? *Гелтирген малыны аслу яны къызгъа алынгъан затлар* (Ш.Альбериев) «Большая часть привезенного товара предназначена девушке».

Объект-цель: *Давутну оьзюню тюкенине приказчикликге алгъан эди* (Н.Батырмурзаев) «Он принял Давуда в свой магазин приказчиком». *Салибий Яхсайгъа алгьамгъа гетген эди* (Ш.Альбериев) «Салибий выезжал в Аксай на соболезнование».

Объект-причина: *Балики, олардан чагъы гиччиге болма ярай* (М.Ягьияев) «Возможно, потому, что она моложе их». *Сизге ачувгъа да барарман* (Ш.Альбериев) «Вам назло пойду».

Объект, вызывающий предметное возмещение: *Айтывум 140 манат, сизге юз манатгъа берейим* (И.Керимов) « Говорю 140 рублей, вам отдам за сто

рублей». *Магъыз, юз манатгъа алыгъыз* (И.Керимов) «Нате, возьмите за сто рублей».

Все приведенные выше значения объединяет то, что они обозначают объект, по отношению к которому, в отношении которого что-либо имеет место.

Разновидностями косвенного отношения предмета к каким-либо явлениям предстают и такие связи, как объект подобия: *Камилге игитге йимик къарай эди* (Ш.Альбериев) «Он смотрел на Камиля как на героя». *Оьзюнгню ювукъ адамынга йимик сёйле* (Аткъай) «Говори с ним как со своим близким человеком».

Эта же падежная форма у числительных или имен, обозначающих время, передает значение предела: *Къыркъгъа ювукъ арза берип колхоз къургъан* (Ш.Альбериев) «Написали около сорока заявлений и построили колхоз». *Геч заман, танга аз къалгъан* (М.Ягьияев) «Позднее время, до рассвета осталось мало».

В определенных контекстуально-ситуативных условиях дательный падеж выражает семему заинтересованной направленности действия, расположенности субъекта этого действия: *Бизин юртдагъы авчулар тавлагъа къабангъа юрюй болгъан деп эшитгенмен* (К.Абуков) «Я слышал, что наши сельчане охотились в горах на кабанов».

Возможны случаи использования дательного падежа в значении объекта ответного действия: *Йиберген адамларыбызны ташгъа тутгъан* (М.Ягьияев) «Людей, посланных нами, они закидали камнями». *Къайтып гелегенде янгургъа тюшдюм* (У.Мантаева) «На обратном пути я попал под дождь».

Послелоги, управляющие дательным падежом (*къаршы* «против», *таба* «через», *ерли* «до», *багъып* «в сторону»), связаны с пространственными значениями - направительным, достигательным или предельным. *Дагъы сёйлемей ол тувра ингилислени штабына багъып тербеди* (М.Ягьияев) «Больше не разговаривая, он направился к штабу англичан». *Гъазирлик ишлер танга таба битди* (М.Абуков) «Подготовительные работы закончились к утру».

Дательный падеж с послелогом *гёре* «по» образует продуктивный тип вставных синтагм со значением «воспроизводимое высказывание приписыва-

ется говорящим другому лицу». *Сизин приказыгъызгъа гёре мен генерал Ляхов булан Грозныйда дав этдим* (М.Ягьияев) «По вашему приказу я с генералом Ляховым воевал в Грозном». *Сизге гёре болсакъ, бизге шо тойгъа барма тюшмей* (И.Керимов) «Если нам поступить по-вашему, нам не следует идти на ту свадьбу».

Многообразие предметных связей, передаваемых посредством формы дательного падежа, весьма велико, и все они не могут быть перечислены. Все-таки названные значения дательного падежа можно свести к абстракции: предмет есть объект, находящийся с каким-либо явлением в таком косвенном отношении, которое характеризуется направленностью к этому объекту. Эту абстракцию и следует признать основным грамматическим значением формы дательного падежа.

Исходный падеж

Исходный падеж отличается наибольшей многозначностью среди всех других падежей. Основными в семантической сущности рассматриваемого падежа, безусловно, являются пространственные значения. В случае передачи пространственных отношений эта форма сигнализирует о двух разнородных типах связей:

1. Предмет, называемый именем, есть объект, из или от которого осуществляется движение, т.е. передаются отношения, противоположные тем, которые в таких случаях выражаются дательным падежом. *Москвадан гелгени бираз бола* (М.Ягьияев) «Прошло немного времени, как он приехал из Москвы». *Ону тезде Музафарны атасы Персиядан гелтирген* (Ибрагьимов-Къызларлы) «Его давно отец Музафара привез из Персии».

2. Предмет есть объект, по которому, сквозь (через) который совершается движение. *Юртдан чыкъды, кёпюрлерден оьтдю* (И.Ибрагьимов) «Он вышел из села, прошел через мосты». *Шо кёпюрден агъач къаравулчу оьзю де аз оьтмеген* (М.Абуков) «Через этот мост и сам лесник не раз проходил».

Приведенные примеры говорят о том, что отложительные и трансгрессивные значения в семантике исходного падежа ассоциируются с разными языковыми значениями.

Родственные отложительные отношения могут выражаться следующими

значениями:

1. Источник выделения: *Къарт къатынлардан инг де бек сюегени Ханум эди* (Ш.Альбериев) «Из пожилых женщин самой любимой была Ханум». *Сабанчылардан алай асгер къурма гьали къыйын* (М.Ягьияев) «Из крестьян создать такую армию теперь трудно».

2. Источник узнавания (знания): *Бир яман иш болгъаны оланы сыпатындан билине эди* (М.Ягьияев) «То, что случилось что-то нехорошее, видно было по их лицам». *Райгьан уланкъардашындан Аминатны гьалын сорады* (М.Ягьияев) «Райхан у своего брата спросила об Аминат».

3. Источник чего-либо, что от предмета ожидается и спрашивается, получается: *Мен сенден бир затны тилемеге сюемен* (З.Атаева) «Я хочу просить тебя об одном». *Директордан кёмек этигиз деп тиледим* (И.Керимов) «Я попросил директора помочь». *Заводда помидордан томат эте* (З.Атаева) «На заводе из помидоров делают томат».

4. Источник происхождения: *Биз сабанчы агьлюлерден чыкъгъан сабанчы уланларбыз* (М.Хангишиев) «Мы сыновья из крестьянских семей». *Бизин тайпадан бир заманда да осал адам чыкъмагъан* (Х.Арсланбеков) «Из нашего рода еще не было слабохарактерного человека».

Источник-причина: *Къабунмакъдан Абуш олтуруп йылады* (И.Керимов) «От возбуждения Абуш сел и заплакал». *Татув сююнмекден къычырып йиберди* (М.Ягьияев) «Татув заплакала от радости».

Объект-материал, из которого изготовлен другой предмет: *Бу варенье чумдан этилген* (М.Ягьияев) «Это варенье из кизила». *Абзарында агьлюсюне такътадан заманлыкъгъа уьй ишлей* (З.Атаева) «Во дворе для своей семьи на время строит из досок дом».

7. Объект, частично участвующий в ситуации (партитивность): *Мен хабадагъы сютден ичдим* (Ш.Альбериев) «Я выпил молока из кувшина». *Бираз динден, къылыкъдан уьйретмеге къарайгъан кюю бола эди* (Н.Батырмурзаев) «Бывало, он пытался учить религии, морали».

8. Объект отличия, сравнения: *Бир де башгъа тюгюл аждагьадан* (У.Мантаева) «Ничем не отличается от дракона». *Тек билигиз, биз къоркъагъанлардан тюгюлбюз* (М.Хангишиев) «Но знайте, мы не из трусливых».

9. Объект лишения, депривации: *Агълюнгден, яшларынгдан айырды* (У.Мантаева) «Тебя лишили семьи, детей». *Къачакълардан да экев оьле* (Б.Атаев) «Из дезертиров тоже умирают двое».

10. Объект, от которого что-либо ограждается, защищается: *Намуссуз-лукъдан чы аллагь сакъласын* (Н.Батырмурзаев) «От бессовестных боже упаси». *Душмандан сакъланма оланы дагъы гючю ёкъ* (М.Ягьияев) «Защищаться от врага больше сил нет».

11. Объект приложения действия: *Къарсалап къолундан тутдум* (И.Керимов) «Волнуясь, взял его руку». *«Алексей! Алеша!» - деп къычырып, жагьил уланыны бойнундан къучакълай* (У.Мантаева) «Вскрикнув: «Алексей, Алеша!» - она обнимает за шею молодого сына».

12. Источник получения, изъятия, требования: *Бирлери район культура уьюнден алынгъан* (З.Атаева) «Кое-что взято из районного дома культуры». *Исполкомдан талап этген* (М.Ягьияев) «Он потребовал от исполкома».

13. Место приложения действия (разновидность объектов трансгрессии): *Къара Мурза бир гюн арба булан тегенекден геле* (И.Ибрагьимов) «Однажды Кара Мурза возвращается с рубки колючего кустарника на арбе». *Уллу чалт-лыкъ булан бийикден учуп, Либавагъа етишдилер* (И.Керимов) «На большой скорости и на большой высоте они долетели до Либавы».

14. Родственным трансгрессивным отношениям является и такое, которое мыслится как орудие: *Юсуп пулеметдан узун-узун очередь бере* (И.Керимов) «Юсуп дает из пулемета длинную-длинную очередь». *Гьар геме-ден... токътавсуз атыша эдилер* (И.Керимов) «С каждого корабля стреляли без остановки».

15. Объект, выражающий совокупность однородных предметов, от которых берется некоторая часть: *Мени гентлеримден Абсиягь деген бир гентим бар...* (Ибрагьимов-Къызларлы) «Из всех моих сел есть одно, которое называется Абсиях». При этом слово, обозначающее часть, оформляется аффиксом принадлежности третьего лица -*(с)и*, если часть целого выражается числительным, прилагательным, местоимением, т.е. несубстантивированными частями речи. *Гьайванчылыкъ - колхозну аслу тармакъларындан бириси* (Ш.Альбериев) «Животноводство - одна из ведущих отраслей колхоза».

16. Объект-материал, которым заполняют что-либо: *Четенлени балдан толтура тура* (Ш.Альбериев) «Корзины заполняют медом». *Биз гесген кирпичлерден орам толуп къала тура* (З.Атаева) «Улицы заполняются кирпичом, изготовленным нами».

17. Способ, образ действия: *Эришивлер бизин теренден ойлашдыра* (М.Абуков) «Споры заставляют нас глубоко задуматься». *Мен сагъа шу савгъатны гьакъ юрекден беремен* (З.Атаева) «Я дарю тебе этот подарок от всей души».

18. В сочетании с числительными выражает стоимость: *Килосун он манатдан алдым* «Я купил килограмм за десять рублей». *Килосун минг манатдан сатмакъ* «Продавать килограмм за тысячу рублей».

19. Имя в исходном падеже является компонентом устойчивых сочетаний, выражающих часть целого (дробные числа) *бешден бир* «одна пятая», *уьчден бир* «одна третья»: *Къызланы уьчден бири бизин классдан, къалгъанлары оьрдеги класслардан эди* (А.Устарханов) «Из девочек одна треть из нашего класса, остальные были из старших классов».

Одним из древних значений исходного падежа в тюркских языках исследователи считают значение, связанное с понятием «бояться, остерегаться чего-либо или кого-либо», так как оно основано на анимистических представлениях первобытного человека (Гаджиева, 139). *Атынг югюрюк буса, борандан къоркъма* (Пословица) «Если конь твой быстроногий, не бойся вьюги». *Ярадан къоркъгъан явгъа гирмес* (Поговорка) «Тот, кто боится раны, воевать не будет».

Исходный времени обозначает временной отрезок, начиная с которого или после которого совершается действие: *Алгьам сагьатдан уьч де къоянны союп ташлады* (М.Ягьияев) «Альгам в течение часа зарезал всех трех зайцев». *Эки сагьатдан битсе ярай* (И.Керимов) «Возможно, закончится через два часа».

Употребление послелогов с исходным падежом связано с его отделительными и отделительно-привативными значениями.

Исходно-предельное, отделительное значение выражает послелог *берли* «с тех пор, начиная с»: *Ондан берли де бола уьч йыл* (М.Ягьияев) «С тех пор

тоже прошло три года». *Экзаменлеге охувну биринчи гюнюнден берли гьазирлене гелебиз* (И.Керимов) «С первых дней учебы готовимся к экзаменам».

Отделительно-привативное значение выражается исходным падежом с послелогами *башгъа, къайры* «кроме, за вычетом»: *Магьачдан да, Къоркъмасовдан да къайрысын я Уллубий яда Гьарун танымай* (М.Ягьияев) «Кроме Махача и Коркмасова, ни Уллубий, ни Гарун никого не знают».

Начальный предел в пространстве и времени обозначает исходный падеж с послелогом *башлап* «начиная с»: *Шо гюнден башлап ону булан охотгъа юрюйген болдум* (М.Ягьияев) «С того дня я начал ходить с ним на охоту». *Тангаладан башлап чачывгъа чыгъабыз* (З.Атаева) «С завтрашнего дня начинаем посевы».

Ограничительно-временное значение выражает исходный падеж с послелогом *сонг* «потом, после» (предшествование как исходный момент, за которым следует действие, названное глаголом): *Дарай Москвадан бир жумалардан сонг къайтды* (Ш.Альбериев) «Дарай вернулась из Москвы через неделю». *Жыйындан сонг къызлар бири-биринден айрылмай хыйлы къалдылар* (З.Атаева) «После собрания, не расходясь, девочки долго оставались вместе».

Послелог *таба* «через, по» в сочетании с исходным падежом выражает значение «по поверхности чего-либо, через что-либо»: *Уллубий пенснелерини тюбюнден таба алда олтургъан къызлагъа къарады* (М.Ягьияев) «Уллубий из-под пенсне посмотрел на девушек, сидящих впереди».

Важной функцией исходного падежа в тюркских языках является словообразовательная функция: он служит для образования наречий, например: *янгыдан* «сначала», *бирден* «вдруг», *гючден* «насильно», *тезден* «давно» и др.

Таким образом, содержание исходного падежа сводится к следующему: предмет есть объект косвенного отношения, характеризующегося направленностью от него. Кроме того, использование исходного падежа для передачи трансгрессивных отношений предполагает наличие у него второго значения со следующим содержанием: предмет есть объект косвенного трансгрессивного отношения. Третье значение в содержательном потенциале формы *-дан* связано с временным пределом, начиная с которого или после которого совершается действие.

Местный падеж

В тюркских языках он отличается единством грамматических (формальных) показателей и выражаемых ими значений.

Имя в форме местного падежа означает предмет, являющийся местом, точкой или пространством, в котором имеет место какое-либо событие (1), моментом или временным отрезком, в котором или в течение которого событие происходит (2):

1) *Зарипат школада ёкъ эди* (И.Керимов) «Зарипат не было в школе». *Талада гьабижай чачгъан эдим* (К.Абуков) «Я посеял кукурузу на поляне».

2) *Язда о да къыйынлы иш* (М.Абуков) «Летом та работа тоже трудная». *Гечортада Баташ бирев чайкъап уянды* (И.Керимов) «В середине ночи Баташ проснулся оттого, что его кто-то потряс».

В местных, пространственных значениях исследуемый падеж соотносителен с дательным и исходным падежом как падеж со статическим значением местонахождения, противостоящим значениям направленности действия к объекту (дательный падеж) или от объекта (исходный падеж). *Ср.: Ёл уьстде уьйге гирмеге хыялым бар* (З.Атаева) «По пути намерен зайти домой». *Шо уьйлерде 12 агьлю яшай* (З.Атаева) «В этих домах живут 12 семей».

Пространственно-временные отношения в содержании обсуждаемой падежной формы особенно наглядны при одновременном использовании говорящим в одном и том же высказывании как пространственных, так и временных значений: *Шо вакътиде тюпден яман къычырыкълар эшитилди* (И.Керимов) «В это время снизу раздались страшные крики». *Шо вакътиде дозорда токътагъан Исмайыл чаба гелди* (М.Ягьияев) «В это время прибежал Исмаил, стоявший в дозоре».

В порядке следования пространственно-временных значений в одном и том же высказывании предпочтение отдается временному значению.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что сам по себе падежный показатель не сигнализирует о каком-либо конкретном пространственном соотношении предмета, называемого исходной основой, и другого предмета или действия, называемых в высказывании, которые локализованы относительно первого предмета (*авзунгда* «у тебя во рту»), на поверхности предмета (*Арт*

тамында уьйренмеген яшны къолу, такътаны яман тырнап язгъан «а» гьарп бар эди (И.Керимов) «На задней стене была буква «а», которая соскоблена рукой дошкольника (досл. «необученного мальчика»), рядом с предметом (*Ол темир ёлну ягъында янгы къурулуп турагъан завотгъа къарады* (М.Абуков) «Он посмотрел на завод, который строился около железной дороги» и т.д.).

При определенных контекстуально-ситуативных условиях обстоятельственное значение местного падежа преобразуется в объектное, сохраняющее, однако, связь с семантикой местонахождения, средоточия, приурочения и т.д. *Завур Анварларда тура* (З.Атаева) «Завур у Анвара (букв. у Анваров)». *Мени гьайым Жаминатда* (К.Абуков) «Я думаю только о Жаминат».

Отличие от собственно-обстоятельственных значений здесь состоит в большей зависимости падежа от сочетающегося с ним главного слова.

Временные значения местного падежа не ограничиваются обозначением собственно времени и могут выражать определенный временной промежуток через действие, состояние или событие, протекающее во времени: *Бир станцияда гелегенде шоланы берип, эки кило аш алдым* (И.Керимов) «На одной из станций, когда возвращался, я отдал эти вещи и взял два килограмма хлеба».

В своем предикативном использовании исходный падеж обозначает местопребывание, местонахождение, приурочение к определенной части пространства: *Тамаша халкъ бар бу шагьардагъылар* (И.Керимов) «Удивительный это народ - городские люди». *Валя мени янымда* (М.Ягьияев) «Валя (находится) возле меня».

Местный падеж в некоторых тюркских языках может иметь орудийно-инструментальное значение или близкое к нему значение способа осуществления действия: *Оьз тилибизде лакъыр этдик эретургъан ерде* (М.Ягьияев) «Мы побеседовали на своем языке, стоя на том же месте». *Оланы бириси гитарада ойнай, бириси де къомузда* «Один из них играет на гитаре, а другой - на кумузе».

Отношения, противоречащие основному значению местного падежа, выражают обстоятельственные местоимения. Речь идет о таких случаях, когда эта форма употребляется для указания на объект, к которому направлено движение. *Абай гёрюп: «Мунда гел»,- деди* (М.Ягьияев) «Абай, увидев, сказала:

«Иди сюда!» *Къайда бара буса, мени де ала* (М.Ягьияев) «Куда бы он ни шел, меня тоже берет».

Имя в местном падеже является компонентом устойчивых сочетаний, выражающих часть целого (дробные числа): *Бешде экиге бешде уьчню къошса, сав бир бола* «Две пятых плюс три пятых получится одно целое».

Показатель местного падежа *-да* в сочетании с *-макъ* приобретает формообразовательную функцию, которая усматривается, например, в образовании настоящего длительного времени. Глагольное имя на *-макъ* в форме местного падежа используется главным образом в огузских и карлукско-уйгурских языках и функционирует как финитная форма глагола, передавая непрерывное длительное действие-состояние. *Досларым тююнмекде, душманларым кёп болуп* (Й.Къазакъ) «Друзья мои в печали оттого, что у меня врагов стало больше».

Пространственное значение местного падежа часто способствует процессу адвербиализации. Адвербиализации в форме местного падежа обычно подвергаются слова с временным значением (*язда* «летом», *къышда* «зимой») и местным значением (*онда* «там», *мунда* «здесь» и др.).

Анализ фактического материала позволяет полагать, что основным в семантической сущности местного падежа является предмет в функции объекта, с которым каким-либо образом (статически) сопряжен другой объект.

ИМЕННАЯ КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ

Указание на лицо производится с помощью личных аффиксов, входящих в состав этих форм. В кумыкском языке это следующие аффиксы:

единственное число

1 лицо	*-ман, -мен*	*охувчуман, ишчимен*	«я учащийся, рабочий»
2 лицо	*-сан, -сен*	*охувчусан, ишчисен*	«ты учащийся, рабочий»
3 лицо	Ø	*охувчу, ишчи*	«он (она) учащийся, рабочий»

множественное число

1 лицо	*-быз, -биз*	*охувчубуз, ишчибиз*	«мы учащиеся, рабочие»
	-буз, -бюз		
2 лицо	*-сыз, -сиз*	*охувчусуз, ишчисиз*	«вы учащиеся, рабочие»
	-суз, -сюз		

3 лицо Ø *охувчулар, ишчилер* «они учащиеся, рабочие».

В третьем лице аффикс сказуемости, как и в других тюркских языках, нулевой, и форма третьего лица совпадает с формой основы существительного. Основная форма все же репрезентирует значение сказуемости по смыслу контекста и структуре предложения.

Материал кумыкского языка свидетельствует о том, что предикативное высказывание возможно и без личных аффиксов, даже в первом и во втором лице единственного и множественного числа (не говоря о третьем лице). Так, в примере *Мен терекмен, дослар, сиз - тамурлары* (вместо *сиз - тамурларысыз*) аффикс *-сыз* не используется и остается основная форма с притяжательным аффиксом *тамурлары* «его корни». Все же и это имя, лишенное показателя второго лица множественного числа, выступает в функции предиката 2-го лица множественного числа «вы - корни», так как имя воспринимается в его реальном бытии и выражает состояние предмета, представленного значением второго лица.

В двусоставных предложениях возможно сочетание морфологически выраженной сказуемости с личными местоимениями в одной категории, тем самым еще раз подчеркивается субъект (предмет мысли). Например: *Мен Къагьирмен, Къагьир* (И.Ибрагьимов) «Я Кагир, Кагир». *Мен дохтурман, сен буса муаллимсен* «Я доктор, а ты учитель».

Носитель признака, представленного в качестве предиката, в еще большей степени подчеркивается при редупликации личного местоимения: *Менмен Магьач* (А.Къурбанов) «Я Махач». *«Менмен Баташ», - деди гелген гиши русча* (И.Керимов) «Я Баташ», - сказал пришедший по-русски».

Субъект мысли может подчеркиваться в структуре предложения трижды: аффиксом сказуемости, личным местоимением и обращением: *Бир тамаша адамсан сен, Керим* (А.Къурбанов) «Удивительный ты человек, Керим». *Тюзлюкню якълайгъан адамларсыз сиз, юристлер* (И.Ибрагьимов) «Вы, юристы, люди, защищающие правду».

Разумеется, предложения с именным сказуемым могут быть утвердительными (см. приведенные примеры) или вопросительными: *Сен мундамысан, Керим?* (А.Къурбанов) «Здесь ли ты, Керим?» *«Ненг бар ашама?» - деди Сай-*

ит (М.Ягьияев) «Что есть у тебя покушать?» - спросил Саид».

Показатель именного отрицания *тюгюл* «не», принимая аффиксы сказуемости, способен сочетаться с именами: *яш тюгюлмен* «я не маленький», *къарт тюгюл* «он не старый», *таныш тюгюлмен* «не знаком». *Мен къыйналагъангъа сен гюнагьлы тюгюлсен* (Ш.Альбериев) «В том, что я переживаю, ты не виноват». *Мени юрегим таш тюгюл* (Ш.Альбериев) «Мое сердце не камень».

Встречается в тюркских языках и вопросительно-отрицательная форма исследуемой категории: *Сиз учитель сама тюгюлмюсюз?* (И.Керимов) «Вы, случайно, не учитель?» Ср. *с узб. Укитувчу эмасми эдинг?* «Разве ты не был учителем?».

Как и во многих тюркских языках, аффикс сказуемости всегда находится в абсолютном конце слова и не имеет ударения. Имена, безотносительные к лицу, не оформляются аффиксами сказуемости. Так, собственные названия местностей не охватываются категорией сказуемости, в то время как имена людей пользуются этой категорией в полной мере. Это, видимо, обусловлено тем, что категория сказуемости имеет отношение прежде всего к лицу, т.е. связана с одушевленными именами. Содержание предиката раскрывается с помощью присвязочной части, т.е. того конкретного слова, которое выступает в финитной форме.

Категорией сказуемости охватываются не только имена существительные, но и ряд других частей речи, в том числе и некоторые служебные части речи.

В прилагательных, оформленных показателями сказуемости, предмет, воспринятый как субъект, выступает носителем признака, представленного в качестве предиката: *юртлуман* «я сельский», *насиплисен* «ты счастливый», *гючлюбюз* «мы сильные». *«Гьали чи гиччиневсен», - деди ол* (З.Атаева) «Сейчас ты слишком маленький», - сказал он». *Сен яшланы арасында уллусусан* (И.Ибрагьимов) «Ты среди детей старший».

Аффиксы сказуемости присоединяются также к числительным, местоимениям, наречиям, предикативам:

Сиз мингсиз, дослар, мен буса бирмен,

Сиз тирмен татавул, мен буса - тирмен,

Мен терекмен, дослар, сиз - тамурлары,

Сизсиз мен магьрюммен чечекден, бюрден. (Гь.Анвар)

«Вас тысячи, друзья, а я - один,

Вы канава мельницы, а я - мельница,

Я дерево, друзья, вы его корни,

Без вас лишен я цветения (досл. «цветков, почек»)».

Санайым демеге, санавгъа кёпсюз (Гь.Анвар) «Сказать «посчитаю», - слишком вас много». *Ёкъсан, гёрюнмейсен. Барман чы* (И.Ибрагьимов) «Тебя нет, не видно. Есть же». *Дюрмен чи дагъы* (М.Ягьияев) «На самом деле я».

Личные аффиксы употребляются и с послелогами: *Мен буса сени булан-ман* (И.Керимов) «А я с тобой». *Мен де сени йимикмен, не башгъа* (И.Ибрагьимов) «Я же тоже такой, как ты, какая разница».

В послеложных конструкциях, имеющих форму прошедшего времени, личные аффиксы присоединяются к показателю *эди*: *Тюнегюн сен Даниял Денгизов булан эдинг* (И.Ибрагьимов) «Вчера ты был с Даниялом Денгизовым». *Мен чи шо гюн сени булан эдим* (И.Ибрагьимов) «В тот же день я был вместе с тобой».

Категория сказуемости охватывает и модальные слова. Имена существительные в сочетании с модальным словом *экен* «оказывается» (в других тюркских языках *икэн, икен* и т.д.) выражают значение сказуемости с модальным оттенком опосредованного узнавания, догадки: *Сен уьйде экенсен* (А.Къурбанов) «Ты, оказывается, дома». *Ол юзюм бавларда къаравулчу экен* (И.Ибрагьимов) «Он, оказывается, работает сторожем на виноградниках».

Для выражения различных модальных значений именные финитные формы кумыкского языка очень часто используются с модальной частицей -*дыр*. Модальная форма с аффиксом -*дыр* служит для выражения двух диаметрально противоположных значений: 1) осложняет значение именной финитной формы оттенками сомнения, предположительности, неуверенности: *Къарт бусанг да, нартсандыр* (Ш.Альбериев) «Хотя ты и старый, но ты, наверное, нарт»; 2) осложняет исходное значение именной (или глагольной) основы модально-утвердительными оттенками в зависимости от общей установки выска-

зывания:

Тереклени чайкъалмагъы елдендир,

Бийлени бий болмагъы элдендир (Из народной песни)

«То, что деревья качаются, - это от ветра,

То, что богатые появляются, - это (зависит) от страны».

Для выражения предположительного, сомнительного значения используются также модальные сочетания *болма ярай* «возможно, быть может» или модальное слово *бугъай* «возможно, наверное»: *Шо гелеген Ата болма ярай // Шо гелеген Ата бугъай* «Тот идущий, возможно, Ата».

В функции предиката имена выступают не только в форме основного падежа, но и в формах других падежей - чаще всего пространственных: местного (*юртдаман* «я (нахожусь) в селении»), исходного (*шагьарданман* «я (родом) из города»), дательного (*Агьматгъаман* «я (говорю, обращаюсь) к Ахмеду»), реже - родительного (*Маликнимен* «я (принадлежу) Малика»). *Мен сагъа айтдым чы, булар Россиядан* (И.Керимов) «Я же тебе говорил: они из России». *Я мунда, я Россияда* (А.Къурбанов) «Или здесь, или в России».

Имена существительные в форме сказуемости сочетаются также с аффиксами принадлежности, при этом показатели принадлежности занимают препозицию по отношению к аффиксам сказуемости: *гелинингмен* «я твоя невеста» (2-е лицо принадлежности, 1-е лицо сказуемости), *гелинисен* «ты его невеста» (3-е лицо принадлежности, 2-е лицо сказуемости), *гелинимсен* «ты моя невеста» (1-е лицо принадлежности, 2-е лицо сказуемости). *Къоччагъымсан, Гъасан* (А.Къурбанов) «Мужчина ты, Гасан». *Сен мени юлдузумсан, Неге шавла бермейсен?* (Из песни) «Ты же моя звезда, но отчего ты не светишь?»

Помимо синтетического (морфологического выражения сказуемости) в современном кумыкском языке существует еще синтаксический способ. При этом способе выражения сказуемости имя существительное сочетается со служебным глаголом *бол-*, констатирующим состояние предиката в различных временных аспектах: *мен сагъа къардаш боламан* «я тебе родственник», *сен мени гелиним боласан* «ты мне невеста», *мен сени ининг боламан* «я тебе младший брат». *Огъар чы сен ата болурсан, тек сеникилеге ким болур* (Ш.Альбериев) «Ты то им будешь отцом, но твоим (детям) кто будет (отцом)».

Мен огъар оьз атасындан кем болман (Ш.Альбериев) «Я не буду значить для него меньше, чем его собственный отец».

Значение сказуемости может соотноситься с планом прошедшего. При этом оно выражается сочетанием существительного с «недостаточным» глаголом *эди*: *студент эдим* «я был студентом», *тюкенчи эдинг* «ты был(а) продавцом», *къойчу эди* «он был пастухом». *Катя асил хасиятлы терен гьакъыллы къатын эди* (Ш.Альбериев) «Катя была благородная, очень умная женщина».

«Недостаточный» глагол *эди* присоединяется к существительным в форме не только основного, но и местного падежа, образуя предикативную группу: *Ярым сагьатдан шагьарда эдим* «Через полчаса я был в городе». Сравнение форм типа *студентмен* - *студент эдим* убеждает нас в том, что они выражают одну и ту же - изъявительную - модальность, но разные временные характеристики. Первые относят содержание предиката к настоящему времени, вторые - к прошедшему.

Категория сказуемости в кумыкском языке обнаруживает полный изоморфизм с категорией времени, наклонения, лица и числа глагола, поскольку позиция сказуемого закреплена за глаголом как за частью речи, поэтому она представлена не только морфологическим и синтаксическим индикативом, но и аналитическими сослагательным, желательным, уступительным и долженствовательным наклонениями. Сказанное подтверждают следующие примеры: *инженер буса* эдим «был бы я инженером», *яш бусам да* «хотя я и молодой», *сен къатты болма герексен* «ты должен стать жестким». *Ярлы буса не бола, акъсакъ, сокъур тюгюл чю* (Н.Батырмурзаев) «Ну и что, если бедный, не хромой же и не слепой».

При изучении данной категории кумыкского языка мы принимаем во внимание тот факт, что именная категория сказуемости включает в себя более частные категории: 1) совокупность форм изъявительной модальности, которая в свою очередь распадается на две микрокатегории - настоящего и прошедшего времени; 2) совокупность форм субъективной модальности; 3) совокупность форм условной модальности. Сравнение форм типа *къойчуман* «я чабан» - *къойчу эдим* «я был чабаном» убеждает в том, что они выражают одну и ту же модальность - изъявительную, но разные временные характеристики.

Настоящее время изъявительной модальности передается формами, образуемыми с помощью личных аффиксов:

	единственное число	*множественное число*
1-е лицо	*-ман, -мен*	*-быз, -биз, -буз, -бюз*
2-е лицо	*-сан, -сен*	*-сыз, -сиз, -суз, -сюз*
3-е лицо	Ø	Ø

Прошедшее время изъявительной модальности передается формами, образуемыми с помощью «недостаточного» глагола *эди*:

	единственное число	*множественное число*
1-е лицо	*эдим*	*эдик*
2-е лицо	*эдинг*	*эдигиз*
3-е лицо	*эди*	*эди (лер)*.

Для выражения плана будущего изъявительной модальности в кумыкском языке используется глагольное сказуемое: *учитель болажакъман* «я стану учителем», *летчик болажакъман* «я стану летчиком». *Мен уллу болгъанда инженер болажакъман* «Когда я повзрослею, я стану инженером».

В ирреальную модальность мы включаем условно-сослагательную, уступительную и долженствовательную модальности, которыми характеризуются именные финитные формы в кумыкском языке. Она обозначают то состояние субъекта в его ирреальной действительности, которое имеется в виду говорящим лицом.

Форма условной модальности образуется с помощью показателя *буса*, который имеет следующие формы:

единственное число

1-е лицо	*бусам*	*къонакъ бусам*	«если я гость»
2-е лицо	*бусанг*	*къонакъ бусанг*	«если ты гость»
3-е лицо	*буса*	*къонакъ буса*	«если он гость»

множественное число

1-е лицо	*бусакъ*	*къонакъ буса*	«если мы гости»
2-е лицо	*бусагъыз*	*къонакъ буса*	«если вы гости»
3-е лицо	*буса(лар)*	*къонакъ буса*	«если они гости».

Прошедшее время сослагательной модальности образуется с помощью

показателя *эди*:

единственное число

1-е л. *буса эдим* *къарт буса эдим* «если бы я был старый»

2-е л. *буса эдинг* *къарт буса эдинг* «если бы ты был старый»

3-е л. *буса эди* *къарт буса эди* «если бы он был старый».

множественное число

1-е л. *буса эдик* *къарт буса эдик* «если бы мы были старые»

2-е л. *буса эдигиз* *къарт буса эдигиз* «если бы вы были старые»

3-е л. *буса эди(лер)* *къарт буса эди(лер)* «если бы они были старые».

Довольно часто в кумыкском языке встречаются и аналитические формы условной и сослагательной модальности, состоящие из четырех элементов: *студент болгъан буса эдим* «если бы я был студентом», *студент болгъан буса эдинг* «если бы ты был студентом» и т.д. *Биз бай болгъан буса эдик, бизге ол шолай сёзлени айтармы эди* (Н.Батырмурзаев) «Если бы мы были богатые, разве он нам говорил бы такие слова».

Модальная функция *буса* реализуется и в формах уступительной модальности на *буса да*:

единственное число

1-е лицо *бусам да* *къарт бусам да* «хотя (я) и старый»

2-е лицо *бусанг да* *къарт бусанг да* «хотя (ты) и старый»

3-е лицо *буса да* *къарт буса да* «хотя (он) и старый»

множественное число

1-е лицо *бусакъ да* *къарт бусакъ да* «хотя (мы) и старые»

2-е лицо *бусагъыз да* *къарт бусагъыз да* «хотя (вы) и старые»

3-е лицо *буса да* *къарт буса да* «хотя (они) и старые».

Довольно часто используются сложные конструкции, образуемые одновременным употреблением «недостаточного» глагола *эди* и служебного слова *буса*: *Жагьил заманынгда сен бир къызгъа гьашыкъ болгъан эдинг буса, къыз да сени сюе де болгъан буса... не этер эдинг?* (Ш.Альбериев) «Если бы ты в молодости влюбился в одну девушку, если бы и девушка тебя любила, что бы ты сделал?»

Долженствовательная модальность образуется с помощью модификатора

герек или *тарыкъ* «должен»: *къатты болма герексен* «ты должен быть строгим», *ишчи болма герек* «он должен стать рабочим». *Гьали сен бек сакъ болмагъа герексен* (З.Атаева) «Сейчас ты должен быть очень осторожным».

Повелительная модальность образуется с помощью вспомогательного глагола *болсун* «пусть будет» (*болмасын* «пусть не будет»): *Мурадыгъызгъа етишмеге насип болсун!* (З.Атаева) «Дай счастья вам достигнуть поставленной цели!»

Формы субъективной модальности образуются с помощью модального показателя *экен*: *Арпа, будай - аш экен, алтын, гюмюш - таш экен* (Поговорка) «Ячмень, пшеница, оказывается, хлеб, а золото, серебро, оказывается, камень». *Сен къоччакъ улан экенсен* (И.Ибрагьимов) «Ты, оказывается, сильный парень». В приведенных примерах либо говорящий сообщает о факте, о котором он узнал от другого лица, либо сообщение является результатом неожиданного узнавания, внезапного умозаключения.

Формы субъективной модальности не могут представлять выражаемое ими суждение в плоскости прошедшего и будущего.

Аналитические конструкции с показателями *эди, буса* и *экен* образуются и на базе прилагательных, числительных, местоимений, наречий, предикативов: *гиччи эди* «он был маленьким (она была маленькой)», *экев бусакъ* «если нас двое», *сен экенсен* «оказывается, ты», *ёкъ экен* «оказывается, нет», *бар буса* «если есть». Это положение подтверждает универсальный характер именной категории сказуемости в кумыкском языке.

Функции модальных слов и сочетаний в составе именной и глагольной категорий сказуемости совпадают.

Таким образом, именные финитные формы, как и глагольные, выступают только в функции сказуемого. Данные кумыкского языка показывают, что с коммуникативной точки зрения каждая грамматическая форма сказуемости «всегда участвует в передаче мысли, имеющей субъектно-предикатную структуру: субъект (предмет мысли) - предикат (сообщение о предмете мысли)» (В.Г.Гузев).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Словообразовательный аппарат имен существительных в кумыкском языке весьма богат. Это следующие способы словопроизводства: аффиксация, субстантивация, словосложение, калькирование. Словообразующие аффиксы не поддаются четкой дифференциации по частям речи. В лингвистической литературе выделяют 2 основные группы этих формантов: аффиксы именного и аффиксы глагольного словопроизводства. Другой классификационный признак этих формантов связывается с лексико-грамматической характеристикой исходной основы: различают отыменные и отглагольные образования.

АФФИКСАЦИЯ

Под этим способом словообразования понимается образование новых слов от именных и глагольных основ посредством присоединения к основе образующего слова специальных словообразовательных аффиксов. Некоторые аффиксы продуктивны, другие непродуктивны. Одни же аффиксы можно определить только путем этимологических разысканий, привлекая сравнительно-исторический материал других тюркских языков.

Аффиксы отыменного словообразования

Самым продуктивным аффиксом отыменного словообразования для кумыкского языка является общетюркский афф. *-лыкъ*. Существительные, образованные этим аффиксом, выражают главным образом семантику абстрактности-обобщенности:

а) место концентрации предметов и сами предметы: *агъачлыкъ* «лес», *ташлыкъ* «каменистое место», *хумлукъ* «песчаник», *ашлыкъ* «зерно», *юзюмлюк* «виноградник», *тузлукъ* «солонка»;

б) названия абстрактных понятий, явлений, состояний: *гёзеллик* «красота», *дослукъ* «дружба», *ачлыкъ* «голод», *тазалыкъ* «чистота», *байлыкъ* «богатство», *бирлик* «единство», *теренлик* «глубина».

в) наименования физических свойств материальных предметов, отвлеченных наименований определенного качества: *акълыкъ* «белизна», *къаралыкъ* «чернота», *йылылыкъ* «теплота», *сарилик* «желтуха» и т. д.;

г) наименования качеств, присущих людям: *адамлыкъ* «человечность», *батырлыкъ* «героизм», *яхшылыкъ* «доброта», *душманлыкъ* «вражда»;

д) названия, обозначающие общественное положение, занятие, должность: *директорлукъ* «директорство», *авторлукъ* «авторство», *бригадирлик* «бригадирство»;

Присоединяясь к производным основам на *–чы, -лыкъ,* образует новые имена: *сабанчылыкъ* «хлебопашество», *малчылыкъ* «животноводство», *бахчачылыкъ* «огородничество».

Аффикс *–лыкъ*, присоединяясь к основе на *–лы, -сыз,* образует абстрактные имена существительные: *гьакъыллылыкъ* «разумность», *гьакъылсызлыкъ* «неразумность», «глупость», *татлилик* «сладость, пряность», *татывсузлукъ* «неприятность».

Изредка существительные с рассматриваемым аффиксом обозначают орудия действия, различные приспособления или просто предметы: *тёшлюк* «телогрейка», *башлыкъ* «башлык, наголовник», *авузлукъ* «крышка», *гёлеклик* «отрез для рубашки», *бёрклюк* «шкурка для шапки» и т.п.

От качественных и относительных имен прилагательных *-лыкъ* образует опредмеченное качество: *бийик* «высота» – *бийиклик* «величие», *терен* «глубокий» – *теренлик* «глубина», *къарангы* «темный» – *къарангылыкъ* «темнота».

От имен числительных с помощью афф. *-лыкъ* образовано небольшое количество слов: *бирлик* «единство», *биринчилик* «первенство», *онлукъ* «десятка».

Афф. *-лыкъ* сочетается и с заимствованными основами: *авторлукъ* «авторство», *сабурлукъ* «терпение», *азатлыкъ* «свобода».

Другим продуктивным аффиксом отыменного словообразования является общетюркский афф. *-чы.* В кумыкском языке данный аффикс образует имена существительные со значением лица по характеру, роду занятий, действий или привычек: *авчу* «охотник», *тепчи* «барабанщик», *тирменчи* «мельник», *юхучу* «соня», *бавчу* «садовник», *ишчи* «рабочий», *этикчи* «сапожник», *къойчу* «чабан».

Сочетанием афф. *-чы* и афф. *-лыкъ* (*-чылыкъ*) передается также значение абстрактности и обобщенности, связанное со значением профессии, рода занятий, склонности к чему-либо: *гьайванчылыкъ* «животноводство», *бавчулукъ* «садоводство», *сабанчылыкъ* «хлебопашество, крестьянство», *юзюмчюлюк* «виноградарство», *къойчулукъ* «овцеводство».

Менее продуктивными являются аффиксы:

-*даш*, который образует имена существительные со значением соучастия, содружества, общности жизни: *ёлдаш* «спутник», «товарищ», *ватандаш* «соотечественник», *къардаш* «родственник», «брат», *сырдаш* «верный друг»;

-*лы,* который характеризует субъект по его национальной и территориальной принадлежности: *юрт – юртлу* «сельский, сельчанин», *шагьар – шагьарлы* «городской, горожанин», *тав – тавлу* «горец», *авар – аварлы* «аварец», *дарги – даргили* «даргинец», *Яхсай – яхсайлы* «аксаевский» и т. д.

Следующие непродуктивные аффиксы образуют новые имена с конкретным предметным значением:

-*са: боюн – боюнса* «ярмо», *тамакъ – тамакъса* «нижняя планка в ярме»;

-*тыкъ (-тик, -тукъ, -тюк): къол – къолтукъ* «под мышкой», *ян – янтыкъ* «косой»;

-*дан (-ден): хыр – хырдан* «горло», *шекер – шекерден* «сахарница»;

-*чыкъ (-чек): оюн – оюнчакъ* «игрушка», *къур – къурчакъ* «кукла»;

-*чик, -чукъ: тил – тилчик* «язычок», *къол – къолчукъ* «лощина; балка»*;*

-*чакъ: тагъым – тагъымчакъ* «украшения»*;*

-*лакъ: бар – барлакъ* «целина», *сув - сувлакъ* «влага»*;*

-*дырыкъ: ал – алдырыкъ* «передник, фартук», *гёзел – гёзелдирик* «очки»*;*

-*мар: токъ – токъмар* «колотушка», *чокъ – чокъмар* «булава, палица»*;*

-*сар: сув – сувсар* 1. «куница»; 2. бот. «артишок».

Афф. -*лав (-лев)* образует имена существительные с абстрактным значением: *къыш – къышлав* «зимовка», *от – отлав* «пастбище», *сый – сыйлав* «уважение», *ой – ойлав* «обдумывание», *йыр – йырлав* «пение» и др.

Афф. -*сызлыкъ* (-*сизлик, -сузлукъ, -сюзлюк*) образует отвлеченное имя, показывающее отсутствие данного качества: *пайда – пайдасызлыкъ* «бесполезность», *маъна – маънасызлыкъ* «бессмыслица», *тюзлюк – тюзсюзлюк* «неверность, неправда».

Аффиксы отглагольного образования

В кумыкском языке немало аффиксов, при помощи которых образуются имена существительные от глагольных основ. По активности эти аффиксы

также делятся на продуктивные и непродуктивные. Ниже они расположены по степени продуктивности.

Самым продуктивным следует признать афф. *-ыв* (*-ив, -ув, -юв, -в*), который образует имена существительные со значением действия, процесса, результата действия: *къайт – къайтыв* «возвращение», *тиле - тилев* «просьба», *терге - тергев* «проверка», *сайла - сайлав* «выборы», *оьлче - оьлчев* «мера».

Отглагольное имя на *-ыш* (*-иш, -уш, -уьш, -ш*) также обозначает имя действия, процесс, результат действия и в семантическом плане сближается с масдаром на *-ыв: айлан – айланыш* «движение», «ходьба, хлопоты», *тербен – тербениш* «движение, шевеление», *гёр– гёрюнюш* «вид, облик», *юрю – юрюш* «ход, ходьба, хождение», *ал – алыш* «взятие». Однако не следует отождествлять эти два аффикса в кумыкском языке с другими тюркскими языками. От некоторых глагольных форм отглагольные имена при помощи афф. *-ыш* не образуются. Например, от глаголов *терге* «проверь», *сайла* «выбирай», *тиле* «попроси», *бил* «знай», т.е. от так называемых транзитивных глаголов.

Аффикс *-ым* (*-им, -ум, -уьм, -м*) также образует имена существительные со значением действия, процесса и результата действия: *бил – билим* «знание», *бич – бичим* «покрой платья», *оьл – оьлюм* «смерть», *бёл – бёлюм* «раздел», *гел – гелим* «урожай». В отличие от масдарных существительных на *-ыш* и *-ыв* данная форма может образовать существительные, называющие предметы: *байла – байлам* «связка», *гий – гийим* «одежда», *такъ – тагъым* «связка».

Аффикс *-вуч* (*-вюч*) образует существительные со следующими значениями:

а) орудия действия: *тырна – тырнавуч* «грабли», *тюйре – тюйревюч* «булавка», *авла – авлавуч* «веник»;

б) качественной характеристики субъекта: *йыла – йылавуч* «плакса», *урла – урлавуч* «вор»;

в) объекта или субъекта действия: *кюйле – кюйлевюч* «удобрение», *байла – байлавуч* «связка», *белгиле – белгилевюч* «определение».

Афф. *-чы,* присоединяясь к основе на *–ыв,* образует имя действующего лица: *язывчу* «писатель», *охувчу* «читатель, ученик», *сатывчу* «продавец».

Афф. *-ма* (*-ме*) образует существительное со значением результата дей-

ствия, названий предметов и орудия: *яр – ярма* «сечка», *айлан – айланма* «поворот», *тик – тикме* «вышивка», *бёл – бёлме* «деление, перегородка, отдел, секция».

Афф. *-к, -ыкъ* (*-ик, -укъ,-уьк*) образует существительное со значением орудия действия и результата действия: *бёл – бёлюк* «раздел», *арт – артыкъ* «излишки», *къаз – къазыкъ* «клин», *учур – учурукъ* «веретено», *къычыр – къычырыкъ* «крик», *теш – тешик* «дыра», *йырт – йыртыкъ* «рваное место», *элек* «сито» и т. п.

Афф. *-ч* образует существительное, выражающее душевное состояние, часто обозначает и действия или состояния: *къуван – къуванч* «радость», *сююн – сююнч* «радость», *къазан – къазанч* «заработок», *къызгъан – къызгъанч* «жадина».

Афф. *-гъыч* (*-гич, -гъуч, -гюч*) образует существительные:

а) с инструментальным значением: *ач – ачгъыч* «ключ», *бур – бургъуч* «закрутка», *ил – илгич* «вешалка», *къыр – къыргъыч* «савок»;

б) со значением субъекта – носителя процессуального признака: *йырт – йыртгъыч* «хищник, зверь», *буз – бузгъуч* «разрушитель».

Афф. *-гъы* (*-ги, -гъу, -гю*) образует существительное:

а) с инструментальным значением: *бич – бичгъы* «пила», *сибирт – сибиртки* (*сибиртги*) «веник», *чал – чалгъы* «коса», *сюр – сюргю* «рубанок», *чап – чапгъы* «секира»;

б) со значением действия или его результата: *ур – ургъу* «ударение», *ич – ички* «спиртной напиток».

Афф. *-гъын* образует существительные со значением действия и результата действия: *чап – чапгъын* «набег».

Афф. *-ын (-ин, -ун, -уьн*) образует существительное со значением результата действия: *сав – савун* «дойка», *яв – явун* «дождь», *жый – жыйын* «собрание».

Афф. *-макъ (-мек)* образует существительное со значением орудия, предмета или результата действия: *ил – илмек* «петля», *сокъ – сокъмакъ* «тропа», *къармакъ* «крючок» (в современном языке слово *къар* самостоятельно не функционирует).

Афф. *-акъ (-ек, -къ, -к)* образует существительное со значением результата действия: *къач – къачакъ* «абрек», *тёше - тёшек* «матрас», *тара – таракъ* «расческа», *юрю – юрек* «сердце».

Афф. *-вукъ (-вюк)* образует существительные со значением предмета действия: *чырма – чырмавукъ* «вьюнок», *сызла – сызлавукъ* «чирей».

Следующие аффиксы являются малопродуктивными:

-мач (-меч): къувур – къувурмач «жареная кукуруза», *тюй – тюймеч* «нутряное сало, сушеное в форме круга»;

-вур: *тала – талавур* «грабеж, разбой», *булгъа – булгъавур* «неразбериха»;

-ин: гел – гелин «невестка», *ел – елин* «вымя»;

-чыкъ (-чик): дегере – дегёрчик «колесо», *айлан – айланчыкъ* «волчок»;

-мукъ: къызамукъ (от *къызар* «краснеть») «корь»;

-гъач: къыс – къысгъач «тиски»;

-чан (-чен): иерчен «придаток», *къошулчан* «смесь» и др.

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

После аффиксации словосложение является наиболее продуктивным способом образования новых слов в кумыкском языке. Словосложение происходит по определенным моделям, имеющим свою семантическую, морфологическую и фонетическую характеристику.

В составе сложных существительных могут быть слова из различных частей речи, которые в предложении не разделяются на самостоятельные члены.

Парные имена

В современном кумыкском языке наблюдаются следующие типы образования парных существительных, каждый из которых имеет свои модели:

1. Модель «существительное в основной форме + существительное в основной форме»: *дос-ювукъ* (*дос* «друг» + *ювукъ* «близкий») «родственники», *абур-сый* (*абур* «уважение» + *сый* «уважение») «уважение», *ата-ана* (ата «отец» + *ана* «мать») «родители». Компонентами данной модели парных суще-

ствительных могут быть корневые и суффиксальные слова. Они образуют существительное со значением собирательности, обобщения.

2. Модель «притяжательная форма существительного на *-ы* (*-сы*) + существительное на *-ы (-сы)*»: *яшы–къарты* «стар и млад», *яшы-юшу* "детвора", *уланы-къызы* "мальчики и девочки". Они также выражают значение собирательной множественности.

3. Модель «существительное + слово–эхо»: *китап-митап* «книги», *зат-мат*, "вещи", *такси-макси* "такси". Второй компонент сложного слова может принимать словоизменительные аффиксы. У этой модели свои и очень четкие правила образования. Рифмующийся компонент в кумыкском языке чаще принимает фонему «м», если слово начинается на гласный: *акъча-макъча* «всякие деньги», *зат-мат* "вещи", *эт-мет* «мясо». Если слово начинается на согласный, то фонема «м» заменяет первую букву рифмующегося элемента: *зат-мат* "вещи", *китап-митап* «всякие книги», *гиши-миши* «всякие люди», *сют-мют* «всякое молоко». Они используются для придания речи эмоциональной окраски.

4. Парные имена существительные, ни один компонент которых самостоятельно не употребляется, в сложении чаще обозначают названия действия, акты действия в их конкретном проявлении или указывает на результат действия: *зангур-зунгур* «звонок»; *шибир-гюбюр* "сплетни", *талам-такъыш* «беспорядок». Значения некоторых компонентов этимологически восходят к самостоятельным словам или может быть установлено по данным других родственных языков. В таких случаях сохранились следы взаимодействия различных племен в далеком прошлом, а возможно, что они составляют собственно кумыкские слова, вышедшие в настоящее время из самостоятельного употребления.

Два имени, объединенные в одно слово, могут относиться друг к другу как синонимы (*къатын-къыз* «женщины», *тарыкъ-герек* «нужда», *таныш-билиш* «знакомые», *бою-сою* «вид», *сав-саламатлыкъ* «здоровье», *тюбю-орну* «низ, фундамент»), или же находиться в антонимичных отношениях (*ата-ана* «родители», *алыш-бериш* «торговля», *улан-къыз* «молодежь», *барыв-гелив* «хождение», *сатыв-алыв* «купля-продажа».

Особую разновидность парных слов составляют существительные с собирательным значением, компоненты которых семантически близки по тематике, разряду, классу, роду и т. п., но не имеют синонимических отношений: *къол-аякъ* «конечности», *къой-къозу* (букв. коза-овца) «мелкий скот», *сый-гьюрмет* «уважение и почет» и др.

Существует твердый порядок расположения компонентов у преобладающего большинства парных имен существительных, образованных из двух самостоятельных основ. Они исключительно редко допускают вариативность расположения компонентов.

Собственно сложные имена существительные

Характерной особенностью слитных слов является то, что в процессе тесного взаимодействия компоненты слились в лексическую единицу с новым понятием и общим ударением. Они не называют, а поясняют, поэтому передаваемое ими лексическое значение расходится с первоначальным значением членов сочетания. Компоненты слитных слов имеют равное самостоятельное значение. Один компонент может указывать на признак того, что выражено в другом, или выделить его, а сумма значений дает новое понятие. Например: *къара* «черный» + *къуш* «птица» > *къаракъуш* «орел»; *гёз* «глаз» + *яш* «ребенок» > *гёзьяш* «слеза», *бу* «этот» + *гюн* «день» > *бугюн* «сегодня».

Компонентами слитных слов могут быть существительные, прилагательные, числительные, наречия, глагольные формы.

По способу образования слитные слова подчинительной модели делятся на слитные слова, образованные сложением двух существительных способом примыкания, т.е. простое сложение двух имен, и слитные слова, образованные сложением имен способом управления.

Слитные слова подчинительной модели, образованные способом примыкания, представляют собой сращение изафетной конструкции, каждый компонент которого сохраняет самостоятельное значение с ударением на вторую основу. Такие слитные слова в свою очередь подразделяются на несколько групп:

1. Слитные слова, состоящие из компонентов существительных, где: а) первый компонент указывает на вещество, материал, из которого состоит предмет, выраженный вторым компонентом: *таш* «камень» + *къурчакъ* «кук-

ла» > *ташкъурчакъ* «каменная кукла», *хум* «песок» + *таш* «камень» > *хумташ* « песчаник», *май* «масло» + *чабакъ* «рыба» > *майчабакъ* «сельдь»; б) первый компонент указывает на видовое определение второго: *арба* «подвода» + *баш* «голова» > *арбабаш* «войлочный ковер», *яз* «лето» + *баш* «голова» > *язбаш* «весна», *къатын* «женщина» + *гиши* «человек» > *къатынгиши* «женский пол»; в) первый компонент обозначает место, с которым связывается второй компонент: *сувжымчыкъ* «водяная птица», *къыржан* «дикое животное», *сюйрюжибин* «комар», *тавмичари* «тмин»; г) первый компонент называет животного, второй – обычно растения: *гийигот* «чабрец», *донгузтегенек* «чертополох», *оьгюзьемиш* «мушмула», *къозукъулакъ* «щавель», *тавукъбалам* «клюква».

Часто способом примыкания образуются слова, которые используются в ономастике, топонимике.

2. Слитные слова, образованные сложением разных частей речи, - это наиболее продуктивный тип аналитического словообразования. Такие слитные слова имеют различный состав компонентов:

а) соединение прилагательного, указывающего на качество и свойство, со вторым компонентом — существительным: *акъ* «белый» + *сакъал* «борода» > *акъсакъал* «аксакал», *акъ* «белый» + *терек* «дерево» > *акътерек* «осина». Подобные сложные имена часто встречаются в топонимике и антропонимике: *Янгыкент, Янгыюрт, Акъсув, Аривжан*;

б) соединение местоимения или наречия с существительным: *бириси* «другой» + *гюн* «день» > *бирисигюн* «послезавтра», *бу* "этот" + *гюн* «день» > *бугюн* «сегодня»; *шо* «тот» + *сагьат* «час» > *шоссагьат* «в тот же час»;

в) в качестве первого компонента выступает глагол, второго — существительное и наоборот: *айлан* «поворачивать» + *гюл* «цветок» > *айлангюл* «мальва», бет «лицо» + гёрдю «увидел» > *бетгёрдю* «лицемер», *къуш* «птица» + *къонмас* «не сядет (о птице) > *къушкъонмас* «держидерево»;

г) соединения числительного, являющегося количественным определением, со вторым компонентом - существительным: *беш* «пять» + *йыллыкъ* «годовшина» > *бешйыллыкъ* «пятилетка», *къыркъ* «сорок» + *аякъ* «нога» > *къыркъаякъ* «сороконожка».

Реже один из компонентов может иметь грамматическое оформление: *от* «огонь» + *лукъ* (словообразующий аффик) + *таш* «камень» — *отлукъташ* «кремень».

Все эти имена состоят из 2-х компонентов, относящихся друг к другу как определение и определяемое, но представляющие в современном языке единое лексическое целое.

Очень часто компоненты сложных имен существительных теряют и свой прямой смысл, т.е. новое понятие, выраженное сложным именем существительным, не является простой суммой значений компонентов: *итбурун* (букв. собачий нос) «шиповник», *къозукъулакъ* (букв. *къозу* «ягненок» + *къулакъ* «ухо»), «щавель», *оьгюзьемиш* (букв. *оьгюз* «вол» + *емиш* «фрукт») «мушмула».

Субстантивация

Субстантивация является одним из самых распространенных способов словообразования. Практически субстантивироваться может любая часть речи.

Наиболее часто транспонируются в разряд существительных прилагательные. Переход других частей речи в разряд имен существительных в тюркских языках осуществляется лексико-синтаксическим способом. В современном кумыкском языке наблюдается главным образом окказиональная, или контекстуальная субстантивация. При этом слово в определенных контекстуальных условиях приобретает предметное значение, т.е. слово непредметного значения приобретает грамматические категории имени существительного (категории числа, принадлежности, падежа). Например, в предложении *Уллулар тёр якъгъа чыгъып алтурдулар* «Старшие сели на почетном месте» опознавательным признаком субстантивации прилагательного *уллу* «большой, старший, взрослый» является аффикс множественности -*лар*. Кроме того, данное слово в этом предложении выступает в функции подлежащего, а это основная функция имени существительного.

В словообразовательной системе кумыкского языка значительное место занимают субстантивированные прилагательные. Следует выделить две категории субстантивированных прилагательных:

1. Существительные, возникшие в результате субстантивации первооб-

разных прилагательных: *бай* «богач», *кёк* «небо» (от *гёк* «синий»), *къарт* «старик» (от *къарт* «старый»), *игит* «герой, смельчак» (от *игит* «смелый») и др.

2. Существительные, возникшие в результате субстантивации отдельных аффиксальных форм прилагательных: *гьакъыллы* «умница», *къарангы* «темнота», *намуссуз* «бесстыдник», *гьакъылсыз* «глупец» и др.

3. Субстантивируются не только прилагательные, но и глаголы: *гележек* «будущее, будущность», *тартыш* «ссора, спор», *оьбюш* «поцелуй», *чачма* «дробь», *бёлме* «перегородка» и т.д.

Субстантивируются имена действия: *билдирив* «объявление», *яйлав* «летняя стоянка (для скота)», *къышлав* «зимовка», *сайлав* «выборы», *чечив* «решение» и др.

Имя действия на *–макъ* дал в современном кумыкском языке немногочисленные существительные конкретного и отвлеченного значения: *илмек* «петля», *чакъмакъ* «курок», *такъмакъ* «частушка».

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Общей семантической характеристикой прилагательных при всем разнообразии их значений является признаковость, суть которой состоит в том, что при помощи прилагательного предмету приписывается какой-либо признак. Поскольку семантическая сущность прилагательного заключается в выражении признака субстанции, первичной синтаксической функцией ее является определение. Прилагательное по отношению к существительному обычно занимает препозицию: *къызыл карандаш* «красный карандаш», *бийик тав* «высокая гора», *яхшы адам* «хороший человек».

Близость прилагательных к существительным проявляется в том, что они легко субстантивируются. В отличие от существительного прилагательные не имеют собственной предметной отнесенности и в силу этого грамматически могут быть соотнесены с существительными: *тав* «гора» - *тав оьзен* «горная река».

По своим лексико-грамматическим значениям прилагательные в современном кумыкском языке делятся на качественные и относительные. Имея много общего, каждый разряд имен прилагательных обладает рядом специфи-

ческих особенностей, отличающих их друг от друга.

Качественные прилагательные

Качественные прилагательные отражают в своих значениях качества, свойства, присущие объекту, характеризуют его по внутренним и внешним признакам:

а) по форме: *къынгыр* «кривой», *тюз* «правильный», «верный», *дёгерек* «круглый», *къайтыкъ* «кривой»;

б) по цвету: *акъ* «белый», *ала* «пестрый», *къызыл* «красный», *яшыл* «зеленый», *гёк* «синий», *къара* «черный», *яшгъылт* «зеленоватый»;

в) по величине, размеру, объему, внешнему виду: *къысгъа* «короткий», *узун* «длинный», *уллу* «большой», *терен* «глубокий», *тар* «узкий», *бош* «пустой», *ялпакъ* «сплюснутый», «плоский», *тегиш* «гладкий», *генг* «широкий»;

г) по температуре: *исси* «жаркий», *йылы* «теплый», *сувукъ* «холодный», *салкъын* «прохладный»;

д) по вкусу, запаху: *татлы* «сладкий», *аччы* «горький», *гююк* «горелый», *туршу* «кислый»;

е) по физическим качествам: *арыкъ* «худой», *семиз* «полный», *яш* «молодой», *сокъур* «слепой», *акъсакъ* «хромой»;

ж) по возрасту: *къарт* «старый», *жагьил* «молодой», *яш* «молодой», «малый», *уллу* «старший», *гиччи* «молодой», «меньший»;

з) по внутреннему состоянию человека: *гьалек* «беспокойный», *чыдамлы* «терпеливый», *чыдамсыз* «нетерпеливый», *сабур* «спокойный», *аста* «медлительный», *юваш* «тихий», *къарсалав* «торопливый», *талчыкъ* «волнующийся»;

и) по вкусовым качествам предметов: *татли* «сладкий», *аччы* «горький», *туршу* «кислый», *ачкъыл* «горьковатый», *тузлу* «солёный», *тузсуз* «несолёный», *ханцсыз* «без уксуса», *татывлу* «вкусный», *татывсуз* «невкусный».

Отношения антонимии характерны в основном для качественных прилагательных: *узун* «длинный» - *къысгъа* «короткий», *яхшы* «хороший» - *яман* «плохой», *терен* «глубокий» - *сай* «неглубокий» и др.

Качественные прилагательные, составляющие многочисленную группу данной части речи, характеризуют признаки, присущие самой природе предметов, явлений, живых существ и т.д. Они могут быть корневыми: *къызыл бай-*

ракъ «красное знамя», *арив къыз* «красивая девушка», *сувукъ чакъ* «холодная погода», *исси сув* «теплая вода» и производными: *татывлу аш* «вкусная еда», *тайгъакъ ёл* «скользкая дорога», *тузлу сув* «соленая вода», *яллав чакъ* «жаркая погода» и т.д.

Степени качества прилагательных

С формальной стороны положительная степень характеризуется отсутствием какого-либо грамматического показателя степени: *арив* «красивый», *къызыл* «красный», *яшыл* «зеленый», *уллу* «большой» и т. д.

Формы абстрактного сравнения. Ослабление качества по отношению к тому, что обозначается положительной степенью прилагательного, обозначается при помощи следующих аффиксов:

-*шылт: акъ – акъышылт* «беловатый», *гёк – гёкшылт* «синеватый»;

-*явуз: къара – къараявуз* «черноватый»;

-*лдын: къара – къаралдын* «черноватый»;

-*ракъ, -рек: къысгъа* «короткий» - *къысгъаракъ* «коротковатый», *алаша* «низкий» - *алашаракъ* «низковатый», *гиччи* «маленький» - *гиччирек* «маловат», «маловатый», *аста* «тихий» - *астаракъ* «тишайший»;

-*гъылт* употребляется только в трёх прилагательных: *къызыл* «красный» - *къызгъылт* «красноватый», *яшыл* «зелёный» - *яшгъылт* «зеленоватый», *сари* «желтый» - *саргъылт* «желтоватый», *аччы* «горький» - *ачгъылт* «горьковатый» (здесь выпал целый слог основы чы).

Недостаточность качества в предметах может быть представлена в разной степени.

Сравнительно более низкая степень качества предметов передается присоединением к этим словам ещё аффикса -*тым*. При этом конечный согласный корня **т** опускается: *къызыл* «красный» - *къызгъылт* «красноватый», *къызгъылтым* «чуть красноватый», *яшыл* «зелёный» - *яшгъылт* «зеленоватый» - *яшгъылтым* «чуть зеленоватый», *сари* «желтый» - *саргъылт* «желтоватый» - *саргъылтым* «чуть желтоватый».

Аффикс -*тым* встречается ещё в одном слове: *йылы* «тёплый» - *йылтым* «чуть тепловатый» (опущен конечный гласный основы **ы**).

К прилагательному *ачгъылт* тоже может быть присоединён аффикс –*тым*

(тогда также выпадает последний его согласный **т**): *аччы* «горький» - *ачгъылт* «горьковатый» - *ачгъылтым* «чуть горьковатый».

Аффикс *–сув* встречается в нескольких словах: *узун* «длинный» - *узунсув* «длинноватый», *бийик* «высокий» - *бийиксув* «высоковатый», *назик* «тонкий» - *назиксув* «тонковатый», *базыкъ* «толстый» - *базыкъсув* «толстоватый», *арыкъ* «худой» - *арыкъсув* «худощавый», *токъ* «полный» - *токъсув* «полноватый», *начар* «низкорослый», «худой» - *начарсув* «худощавый», «какой-то низкорослый», *онгайлы* «удобный» - *онгайлысув* «вроде удобный».

Аффикс *–шумал* употребляется только в двух прилагательных: *акъ* «белый» - *акъшумал* «беловатый», *гёк* «синий» - *гёкшумал* «синеватый».

Аффикс *-ша* встречается только в одном слове: *гёк* «синий» - *гёкша* «синеватый». *Гетгенибиз гёкша марал гюз эди* (Йырчы Къазакъ) «Уехали (мы) синеватой от мороза осенью».

Аффикс *-чек* также употребляется со словом только *гёк* «синий»: *гёк* «синий» - *гёкчек* «синеватый».

Гёзел гёкчек тавларым,
Этеклери - бавларым. (Сарындан)

«Прекрасные синеватые (мои) горы,
Их подошвы - мои сады».

Аффиксы *–явуз, -ек, -инк, -алакъ, -гер, -нев, -лдын, -мты* непродуктивны, они встречаются в единичных случаях: *къара* «чёрный» - *къараявуз* «смуглый». (*къараявуз улан* «смуглый парень», *къараявуз къыз* «смуглая девушка»); *сари* «жёлтый» - *сариек* «желтоватый»; *гётеринк (гётеринки)* «приподнятый», *гёгер* - «стать синим», *бозалакъ* «буроватый», *гиччинев* «малюсенький», *къаралдын (къаралдым)* «черноватый», «черненький», *йылымты* «тёпловатый».

Синтаксическим путём недостаточная степень прилагательных образуется сочетанием наречий меры и степени *аз* «мало», «немного», *бираз* «немного», *аз-маз* «немного», «маловато», *аз-аз* «чуть - чуть» с некоторыми прилагательными положительной степени: *яшыл* «зелёный» - *аз яшыл* «немного зелёный», *уллу* «большой» - *бираз уллу* «немножко большой», *узун* «длинный» - *аз-маз узун* «немного длинный», «маловато длинный», *аз-аз къысгъа* «чуть-чуть короткий».

Все перечисленные выше аффиксы в современном кумыкском языке непродуктивны.

Усиление качества по отношению к положительной степени прилагательного обозначается немаркированными формами. В кумыкском языке нет специальных аффиксов, выражающих значения усиления качества. Здесь используются аналитические средства: наречия *инг, чинк де, лап, оьтесиз, бек, ажайып* и частица *не*, передающие абсолютное превосходство: *уллу – инг уллу* «самый большой», *арив – чинк де арив* «самый красивый», *тизив – ажайып тизив* «очень хороший», *не арив адамдыр!* «какой красивый человек!»

Усиление степени качества, признака может выражаться путем простого повтора, удвоения основы прилагательного: *арив-арив* «красивый-красивый (очень красивый)», *бийик-бийик* «высокий-высокий (очень высокий)», *уллу-уллу* «большой-пребольшой (очень большой)».

Высокая степень концентрации признака обозначается и путем частичной редупликации основы. Суть ее заключается в том, что от основы отделяется первый слог. Если он закрытый, то закрывающий согласный отбрасывается, и к гласному присоединяется *-п* или *-м.* Получившийся таким образом новый закрытый слог присоединяется к основе прилагательного в качестве препозитивной частицы: *бош – боп-бош* «пустой-пустой», *сари – сап-сари* «желтый-желтый», *къара - къап-къара* «черный-черный», *таза – тап таза* «чистый-чистый, чистейший» и т.п. Иногда звук [*п*] повторяется и к нему присоединяются гласные [*о, е, а*]: *яппа-яш* «молодой-молодой», *боппо-бош* «пустой-пустой», *теппе-тенг* «равный-равный», *тюппе-тюз* «ровный-ровный», *аппа-ачыкъ* «открытый-открытый».

Формы конкретного сравнения – формы, которые показывают различие в степени одного и того же качества, по-разному проявляющегося в разных предметах. Конкретное сравнение в кумыкском языке, как и абстрактное, выражается синтаксическим путем – употреблением 2-х имен существительных, обозначающих сравниваемые предметы, причем сравниваемое имя состоит в форме осн. падежа, а имя, с которым сравнивают, ставится в форме исх. падежа: *гюлден арив гёзелим* «моя любимая, которая краше цветка», *бу тав о тавдан бийик* «эта гора выше той», *Волга Терикден генг* «Волга шире Терека»,

Каспий Байкалдан уллу «Каспий больше Байкала», *о сенден токъ* «он полнее тебя» и т.п.

Относительные прилагательные

Общее семасиологическое значение относительного прилагательного может быть определено как значение отношения данного объекта к другим субстанциям, действиям, обстоятельствам, а всякое отношение и действие может быть представлено в виде признака.

Относительные прилагательные обычно выражают следующее содержание:

а) отношение обладания чем-либо: *къарлы тав* «снежные горы», *емишли бав* «фруктовый сад», *янгурлу йыл* «дождливый год»;

б) отношение к действию: *ёргъа ат* «быстроходный конь», *йылавуч яш* «плаксивый ребенок», *ябукъ эшик* «закрытая дверь», *ачыкъ къапулар* «открытые ворота»;

в) отношение ко времени: *язгъы емиш* «весенний плод», *гьалиги заман* «нынешнее время», *тезги хабар* «давнишняя весть», *бырынгы адам* «древний человек»;

г) отношение происхождения: *яхсайлы къыз* «девушка из Аксая», *тюменлердеги яш* «парень из Тюменлера», *юртлу адам* «сельский человек», *тавлу къатын* «горянка»;

д) отношение пространственные: *уьйдеги яшлар* «дети, находящиеся в комнате», *авлакъдагъы ишчилер* «рабочие, находящиеся в поле», *алдагъы машин* «передняя машина», *тавдагъы бичен* «сено, находящееся в горах».

Различительные признаки качественных и относительных прилагательных проявляются в их грамматических и словообразовательных свойствах.

1. В отличие от качественных, относительные прилагательные не связаны с выражением степени качества и интенсивности. Так, нельзя образовать формы степеней сравнения от прилагательных *яхсайлы* «аксайская», *чечекли* «цветистая», *атлы* «верховой», *юртлу* «сельский» и т.п.

2. Качественные и относительные прилагательные образуются с помощью различных аффиксов. Аффиксы, образующие относительные прилагательные, являются продуктивными, тогда как аффиксы, служащие для образо-

вания качественных прилагательных, являются непродуктивными.

3. Как правило, относительные прилагательные не имеют отношений антонимичности, за исключением выражения обладания. Исключение составляют лишь прилагательные, образованные при помощи антонимических аффиксов -*лы, -сыз: тузлу* «соленый» – *тузсуз* «без соли», *гючлю* «сильный» - *гючсюз* «бессильный» и др. Однако следует отметить, что и эти прилагательные не выражают такого семантического контраста, какой наблюдается у антонимов качественных прилагательных.

Словообразование прилагательных

В отличие от существительных прилагательные не располагают столь разнообразным репертуаром аффиксов. Самыми древними основами прилагательных являются непроизводные основы качественных прилагательных, которые выражают качественный признак, форму, размер, цвет, масть и т.п. Таких основ в современном кумыкском языке относительно мало. Гораздо больше прилагательных, образованных аффиксальным и другими способами. В современном кумыкском языке словообразование прилагательных происходит: а) морфологически, б) синтаксически и в) морфолого-синтаксически.

Морфологический способ

Прилагательные, образованные этим способом, делятся на отыменные и отглагольные.

Из аффиксов, образующих отыменные прилагательные, наиболее продуктивным является афф. -*лы (-ли, -лу, -лю*). Адъективы, образованные при помощи этого аффикса, в основном выражают обладание тем предметом или качеством, названием которого служит имя, от которого они образованы: *гючлю* «сильный» (от *гюч* «сила»), *тузлу* «соленый» (от *туз* «соль»), *сувлу* «водянистый» (от *сув* «вода»), *къайгъылы* «озабоченный» (от *къайгъы* «забота»), *атлы* «конный» (от *ат* «конь»).

Кроме того, прилагательные с афф. -*лы* (-*ли, -лу, -лю*) указывают на локальную принадлежность субъекта: *яхсайлы* «аксаевская» (от *Яхсай* «Аксай»), *таргъулу* «таркинский», (от *Таргъу* «Тарки»), *дагъыстанлы* «дагестанец» (от *Дагъыстан* «Дагестан»), *юртлу* «сельский» (от *юрт* «село»).

Однако, афф. -*лы* (-*ли, -лу, -лю*) образует не только относительные прила-

гательные, но и качественные. Последние образуются от абстрактных имен существительных: *гьюрметли* (от *гьюрмет* «уважение»), *гьакъыллы* «умный» (от *гьакъыл* «ум»), *янгурлу* «дождливый» (от *янгур* «дождь»).

Афф. –лы присоединяется к именам действия на –*ыв*. Возникающие при этом производные сохраняют в своём значении оттенок глагольности, не распространяющейся в общей семантике статической качественности, что сближает их с причастиями[1]: *макътав* «хвала, восхваление» - *макътавлу* «почётный», *байлав* «связка» - *байлавлу* «связанный».

Другим продуктивным аффиксом отыменного словообразования прилагательных является афф. -*сыз* (-*сиз*, -*суз*, -*сюз*). Этот аффикс по своей функции антонимичен афф. -*лы:* (-*ли,* -*лу* -*лю*). С помощью -*сыз (-сиз*, -*суз, -сюз)* образуются имена прилагательные, которые указывают на отсутствие того или иного предмета или качества, названием которого служит имя, от которого они образованы: *айсыз гече* «безлунная ночь», *намуссуз адам* «бессовестный человек», *къайгъысыз адам* «беззаботный человек», *пайдасыз аваралар* «напрасные хлопоты».

Афф. -*сыз* (-*сиз,* -*суз,* -*сюз*) от имен существительных с конкретным значением, так же как и афф. -*лы* (-*ли,* -*лу,* -*лю*), образует относительные прилагательные, от абстрактных же имен существительных – качественные прилагательные: *кюйсюз адам* «больной, нездоровый человек», *рагьмусуз адам* «беспощадный человек», *сюйкюмсюз яш* «несимпатичный мальчик», *къайгъысыз адам* «беззаботный человек», *сувсуз чёллер* «безводные степи».

Прилагательные, образованные при помощи афф. -*лы* (-*ли,* -*лу,* -*лю*), не всегда противопоставляются прилагательным с аффиксом -*сыз*: (-*сиз*, -*суз*, -*сюз*): *ерли халкъ* «местное население», *ерсиз халкъ* «безземельный народ».

Очень продуктивным аффиксом, выражающим локальную и временную характеристики, является афф. -*гъы* (-*ги*, -*гъу,* -*гю*): *язгъы янгур* «летний дождь», *гюзгю жюжек* «осенний цыпленок», *язгъы чакъ* «весенняя погода», *гечеги поезд* «ночной поезд».

Этот аффикс образует и относительные прилагательные. Употребляясь с существительными в форме мест. падежа, прилагательные с афф. -*гъы* (-*ги,* -*гьу,* -*гю*) обозначают локальную принадлежность: *шагьардагъы халкъ* «город-

ское население», *тавдагъы бичен* «сено, находящееся в горах», *бавдагъы ящиклер* «ящики, находящиеся в саду», *уьйдеги шкаф* «шкаф, находящийся в доме». Афф. *-гъы* (*-ги, -гъу, -гю*) прибавляется не только к именам существительным, но и к наречиям: *ахшамгъы вакъти* «вечернее время», *эртенги чакъ* «утреннее время», *гьалиги заман*» «настоящее время».

Из аффиксов, образующих отглагольные прилагательные, кумыкскому языку наиболее свойственны следующие.

1. Афф. *-ыкъ, -ик, -укъ, -юк, -къ, -к* является самым продуктивным аффиксом, образующим прилагательные от глаголов: *йырт* - «порвать» *йыртыкъ* «порванный», *биш* - «варить» - *бишик* «вареный (наполовину)», *буз* - «испортить», «рушить» - *бузукъ* «разрушенный», «испорченный», *сюз* - «просеять» - *сюзюк* «просеянный», «прозрачный», *къор* - «беречь», «скрыть», «укрыть» - *къорукъ* «укрытое (место)», *чири* - «тухнуть» - *чирик* «тухлый». Присоединяясь к глагольным основам этот аффикс обозначает результат действия, выраженного основой. По мнению А.Н.Кононова, возможно, в данном случае мы имеем дело с поздней контаминацией двух различных по происхождению аффиксов. *Мурапа этеген биширик алманы ийиси абзардан оьтюп, орамгъа да яйыла бара эди* (Керимов) «Запах полуваренных яблок, из которых делали варенье, распространялся не только на двор, но и на улицу»; *Мавла залим бек алгъасап барса да, канторну эшиклери ябукъ табулду* (М. Абуков) «Хотя Мавла и пошёл очень быстро, двери конторы оказались закрытыми»;

2. Аффикс *-гъакъ, -гек* (*-гик*): *тай* - «скользнуть» - *тайгъакъ* «скользкий», *кьур*- «сушить» - *къургъакъ* «сухой», *тур*- «стоять - *тургъакъ* «стоящий (на часах)», «часовой», *ил* - «вешать» - *илгек (илгик)* «подвешенный», «прилипчивый».

3. Аффикс *-пакъ*: *къыр* - «скребить» - *къырпакъ* «скребучий», «редкий», «неглубокий», *йыр* - «рвать» - *йырпакь* «порванный», *чир* - «преть», испортиться», «гнить» - *чирпакъ* «прелый», «гнилой», «ветхий», «опалённый».

Аффикс *-чыкъ* (*-чик, -чек*) образует качественные прилагательные со значением обычности признака, склонности к чему-нибудь: *макътанчыкъ яш* «хвастливый мальчик», *эринчек адам* «ленивый человек», *уьйренчик* «привычный».

Аффикс -*ын* (-*ин, -ун, -уьн*) указывает на размер, объем: *узун* «длинный», *къалын* «толстый», *тегин* «бесплатный».

Кроме рассмотренных выше аффиксов, имеются еще малопродуктивные аффиксы: -*ч: къызгъанч* «жадный», -*гъакъ: тайгъакъ* «скользкий», -*чан*: *уялчан* «стеснительный», -*гъач: ялангъач* «голый», -*ач: къоркъач* «трусливый», -*инки*: *гётеринки* «приподнятый», -*накъ: жыйнакъ* «живой», -*чан*: *уял* - «стесняться» - *уялчан* «стеснительный», *къош* «добавить», «мешать» - *къошулчан* «смешанный»; -*р*: *къайна* - «кипеть» - *къайнар* «горячий», «кипящий»; -*ч*: *айлан* - «крутиться» - *айланч* «кружный», *къазан* - «добиваться» - *къазанч* «добитый», «заработанный», *къызгъан* - «жалеть» - *къызгъанч* «жадный», «скупой»; -*унч,-уьнч*: *юкъ* - «питать» - *югъунч (югъунчлу)* «питательный», «вкусный», *сюй* - «любить» - *сюунч (сюй + уьнч)* «радостный», «приятный»; *–ма* обозначает признак процесса или результата действия: *був* - «душить» - *бувма* «удушливый», *айлан* - «крутиться» - *айланма (айланмалы)* «кружный», *къавра* - «сохнуть» - *къаврама* «высохший», *бур*- «крутить», «закручивать», «вертеть» - *бурма* «кучерявый», «кудрявый», *тув* - «рождаться», «родиться» - *тувма* «с рождения», «рождённый так»; -*чыкъ, -чик*: *макътан* - «хвастать» - *макътанчыкъ гиши* «хвастающий человек», *булгъан* - «стать мутным» - *булгъанчыкъ сув* «мутная вода», *уьйрен* - «научиться» - *уьйренчик иш* «привычное дело»; -*чек*: *эрин* - «лениться» - *эринчек къатын* «ленивая женщина»; -*ив*: *тиз* - «встраивать в ряд», «привести в порядок» - *тизив гиши* «порядочный человек», *тизив уьйлер* «замечательный дом»; -*ш*: *таны* - «узнать» - *таныш гиши* «знакомый человек» -*гъын*: *къыз* - «накаляться» - *къызгъын иш* «срочное дело»; -*гъыч* (-*къыч*): *йырт* - «рвать» - *йыртгъыч гьайванлар* «хищные животные»; -*гъа*: *къыс* - «жать», «теснить» - *къысгъа сёз* «короткое слово».

Как видно из вышеизложенного, хотя аффиксы, образующие прилагательные от глаголов многочисленны, в большинстве своем они малопродуктивны: они образуют только одно–два новых слова.

Хотя и редко, прилагательные образуются и от самих прилагательных.

1. Аффикс *–гери*: *ич* «внутренний» - *ичгери уьй* «внутренняя комната», «чулан».

2. Аффикс *–гъач*: *ялан* «босой» - *ялангач (ялан +гъач): ялангач яш* «голый ребенок».

От наречий образуются прилагательные в основном с пространственным и временным значением. Аффикс *–гъы, -ги* присоединяется к наречиям, имеющим аффикс местного падежа *-да, -де*: *ичинде* «внутри» - *ичиндеги уьй* «внутренняя комната», «комната, что внутри». Основным значением этого аффикса является обозначение местонахождения лица или предмета, а потому такие прилагательные иногда называют локативными.

Синтаксический способ

Парные прилагательные образуются путем соединения двух самостоятельных прилагательных, которые в большинстве случаев имеют свои аффиксы. Парные прилагательные обозначают признак, который выражен их составными частями: *алаша–бийик тереклер* «низкие - высокие деревья», *уллу-гиччи яшлар* «большие - маленькие дети», *яхшы-яман хабарлар* «хорошие - плохие вести».

Парные прилагательные образуются из парных существительных путем аффиксации: *ата-аналы яшлар* «дети, имеющие родителей», *атасыз-анасыз* яшлар «дети без родителей» и др.

Большую группу сложных прилагательных представляют составные прилагательные, которые образуются сочетанием прилагательного с прилагательным или с другими частями речи - существительным, местоимением, числительным, наречием и причастием.

По составу такие прилагательные обычно бывают двусловными, но встречаются и трёхсловные составные прилагательные.

Составные прилагательные образуются сочетанием двух корневых прилагательных: *ачыкъ гёк тюс* «светло-голубой цвет», *авур къызыл ат* «тёмно-красный конь», «вороной конь», *яхшы яшыл тала* «очень зелёная поляна», *саргъылт - кюлтюс кьумач* «желто-серая ткань».

К этой же группе относятся прилагательные, выражающие превосходную или недостаточную степень: *зыл къара тай* «иссиня – чёрный жеребёнок», *саргъылт къызыл сыр* «желтовато-красная краска»

Составные прилагательные образуются сочетанием корневых прилагательных с прилагательными на *-лы, -ли, -лу, -лю*: *акъ сакъаллы къарт* «старик с белой бородой», *ачыкъ юрекли къыз* «девушка с добрым сердцем», *уллу къоллу гиши* «человек с большими руками», *артыкъ гючлю улан* «непомерно сильный парень».

Составные прилагательные образуются сочетанием прилагательных на *-лы, -ли, -лу, -лю* с существительными в основном падеже: *агъач саплы бичакъ* «нож с деревянной ручкой», *кетен гёлекли улан* «парень в полотняной рубашке», *темир ломлу ишчи* «рабочий с железным ломом», *шиша гёзлю гиши* «человек со стеклянным глазом».

Составные прилагательные образуются сочетанием прилагательных на *–лы, -ли, -лу, -лю* с числительными, простыми и составными: *эки агъымлы оьзен* «река с двумя течениями», «река с двумя руслами», *алты терезели уьйлер* «дом с шестью окнами», *йигирма беш градуслу (градус) иссилик* «двадцатипятиградусная жара», *дёрт гёзлю терезе* «окно с четырьмя окошечками».

Составные прилагательные образуются сочетанием прилагательных на *-гъы, -ги* с другими прилагательными: *ортакъ бавдагъы алма* «яблоко в общем саду», *бийик бетдеги уьйлер* «дома на высоком склоне», *тунукъ кёкдеги ай* «луна на тёмном небе», *янгы юртдагъы ожакълар* «хозяйства в новом селении».

Данный аффикс образует прилагательные, обозначающие пространственные и временные признаки предмета и встречается во многих тюркских языках.

Прилагательные-повторы употребляются для усиления значения передаваемого и образуются различными морфолого-синтаксическими способами.

Прилагательные-повторы образуются простым повторением корневых прилагательных: *гиччи-гиччи яшлар* «маленькие-маленькие дети», *узун-узун ёл* «длинная-длинная дорога», *базыкъ-базыкь терек* «толстое-толстое дерево», *яшыл-яшыл авлакъ* «зелёное-зелёное поле».

Повторяющиеся прилагательные могут иметь свои аффиксы: *багъалы-багъалы къумачлар* «дорогие-дорогие ткани», *къужурлу-къужурлу кинолар* «интересные-интересные фильмы», *айланчыкъ-айланчыкъ сокъмакълар* «тро-

пинки с бесконечными поворотами», *иссилей-иссилей аш* «горячая-горячая пища».

Из двух повторяющихся прилагательных только второе принимает аффикс, а первое по форме является существительным, хотя аффикс второго прилагательного в равной мере касается и его: *тешик-тешикли къап* «мешок со сплошными дырочками», *чор-чорлу бутакъ* «ветка со сплошными сучками», *гёз-гёзлю къумач* «ткань с кружочками».

Из двух повторяющихся прилагательных второе бывает несколько измененным морфологическим вариантом первого и, как правило, ничего не обозначает и поэтому самостоятельно не употребляется: *ярты-юрту ишлер* «дела, выполненные наполовину». Первое прилагательное *ярты* имеет значение - «наполовину», «половинчато» и может употребляться самостоятельно, а второе слово *юрту* ничего не обозначает и самостоятельно не употребляется. Оно является звукоподражательным вариантом первого слова *ярты* и встречается только в этом словосочетании - *ярты-юрту*.

То же самое можно сказать о вторых компонентах следующих повторяющихся прилагательных: *аркъа-торкъа ер* «местность с холмиками» (*аркъа* «холмик», *торкъа* ничего не обозначает), *палас-къулас опуракълар* «старые, поношенные одежды» (*палас* «порванный», а *къулас* ничего не обозначает), къ*атты-къутту ашлар* «твёрдые (куски) хлеба», «твердые чуреки» (*къатты* «твердый», а *къутту* ничего не обозначает), *артыкъ-мартыкъ зат* «лишняя вещь» (*артыкъ* «лишний», *мартыкъ* же ничего не обозначает).

Оба прилагательных бывают звукоподражательными словами, и если первое из них именно по звукоподражательности что-то напоминает, то второе является набором звуков: *зангыр-зунгур аваз* «звон», «отзываться эхом» (*занг* «звон», а *зунгур* ничего не выражает), *шакъыр-шукъур аваз* «звук треска», «треск» (*шакъыр* «треск», а *шукъур* ничего не выражает), *тах-тух авазлар* «звуки выстрела», «стрельба» (*тах* обозначает звук выстрела, а *тух* ничего не выражает).

Каждое из двух прилагательных ничего не обозначает и самостоятельно не употребляется, вместе же они выражают какое-то понятие: *дагъыр-дугъур* «шум звона вещей (мебели)», «шум от беготни», *такъыр-тукъур* «шум прохо-

дящего фургона или арбы», *соп-соп* «шум проходящего мимо человека», *гьоп-гьоп* «покушал», «слопал», *зып-зып* «потихонечку».

Морфолого-синтаксический способ

Этот способ представлен двумя типами.

Существительное + существительное (оба компонента снабжены афф. *-сыз* (*сиз, -суз, -сюз*): *учсуз-къырыйсыз* «без края и начала», *алсыз-артсыз* «без начала и конца», *уьйсюз-эшиксиз* «бездомный».

Прилагательное + существительное с афф. *-лы:* (*-ли, -лу, -лю*): *ачыкъ юз-лю* «приветливый», *къара гёзлю* «черноглазая», *татли сёзлю* «сладко говорящий», *бийик бойлу* «высокий, стройный», *къара чачлы* «черноволосая».

Адъективация частей речи

Переход других частей речи в прилагательные мы считаем частью словообразовательного процесса прилагательных и поэтому этот раздел включаем в данную главу диссертации.

Адъективация оказалась более богатым процессом по охвату частей речи, за счёт которой пополняется словарный фонд прилагательных. Адъективации, хотя и частично, подвергаются почти все глагольные формы, наречия, местоимения, имена действия. По активности в процессе адъективации на первом месте стоят причастия как слова по функциям близкие прилагательным. Причастия, перешедшие в прилагательные, теряют определенное временное значение и обозначают постоянное качество предмета, не связанное с конкретным временем.

В выражении *къурулушда ишлейген гиши* «человек, работающий на стройке», слово *ишлейген* «работающий» имеет конкретное временное значение - является причастием, в выражении же *ол ишлейген адам, ятып турагъан гиши тюгюл* «он работающий (работящий) человек, а не лежебока» слово *ишлейген* «работающий» потеряло конкретное временное значение, обозначает постоянный признак предмета и поэтому является прилагательным.

В основном переходят в прилагательные причастия прошедшего времени на *–гъан, -ген,* сравнительно редко переходят в прилагательные причастия настоящего времени на *-агъан, -еген, -йгъан, -йген*, поскольку они обозначают более конкретное время, еще реже переходят в прилагательные причастия бу-

дущего времени, но по другой еще причине – редкой употребляемостью в языке.

В установлении конкретной принадлежности слов на *–гъан, -ген* к определённой части речи часто решающую роль играет их окружение: *алдыбыздан оьтеген охувчу* «ученик, проходящий перед нами», *оьтеген* «проходящий» - причастие настоящего времени - *оьтеген бичакъ* «острый нож», *оьтеген* «острый» - прилагательное. *Жувгъанда узакъ къалмай къуругъан опуракъ* «одежда, высохшая вскоре после стирки», - *къуругъан* «высохшая» – причастие прошедшего времени, в выражении же *къуругъан булакъ* «высохший родник» *къуругъан* «высохший» - прилагательное. В последнем выражении значение времени как бы затеряно, и слово *къуругъан* «высохший» обозначает уже постоянный признак предмета.

Вот несколько причастий на *–гъан, -ген*, которые перешли в прилагательные: *тотлангъан темир* «поржавевшее железо», *гетген йыл* «прошлый год», *оьтген заман* «прошедшее время», *къуругъан балыкъ* «сушеная рыба», *адашгъан адам* «человек, который лишился рассудка», *яралангъан солдат* «раненый солдат».

Некоторые причастия прошедшего времени, перешедшие в прилагательные, потеряв определяемые слова, стали существительными: *ябушгъан терек – ябушгъан* «боярышник», *къычытъьан от - къычытгъан* «крапива», *гезеген тамур - гезеген* «белена», *йылангъа сув береген жан – йылангъа сув береген* «насекомое, которое дает воду змею» и т.д.

Сложные прилагательные, образованные сочетанием слов, передают обычно различные цветовые и иные оттенки значений*: ачыкъ къызыл* «ярко-красный», *акъ сакъаллы* «белобородый», *кёп миллетли* «многонациональный», *къара къашлы* «чернобровая».

Довольно часто встречается еще один способ, когда прилагательные образуются путем соединения существительного, имеющего форму принадлежности 3 л. с производным или непроизводным прилагательным: *чачы къара гиши* «черноволосый человек», *бети акъ къыз* «белолицая девушка», *гёзлери уллу адам* «человек с большими глазами», *хасияты яхшы адам* «человек с хорошим характером».

Субстантивация прилагательных

Некоторые прилагательные перешли в разряд существительных со своими аффиксами: *гъакъыллы* «умница» и «умный», *уятсыз* «бесстыдник», «бесстыжий», *партиялы* «партиец» и «партийный», *яманлы* «злодей» и «вредный», «плохой», *ярлы* «бедняк» и «бедный», *атлы* «конник», «всадник» и «верховой», *гючлю* «силач» и «сильный» и др.

Субстантивированные прилагательные принимают категориальные признаки существительного: изменяются по падежам, принимают аффиксы множественности и аффиксы принадлежности, выполняя все синтаксические функции существительного.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное, как часть речи, характеризуется особой семантикой: оно обозначает количество предметов (*эки уьй* «два дома», количественный признак предметов (*экинчи уьй* «второй дом») и действий (*бир айтдым, эки айтдым* «раз сказал, два сказал») или выступает как отдельное, самостоятельное понятие (экев «*двое*). В первом случае числительное, обозначая количество предметов, употребляется в сочетании с именем существительным, приближаясь по своей синтаксической роли к имени прилагательному. Во втором случае числительное, обозначая количественный признак, выступает в сочетании с существительным и глаголом, приближаясь по своей синтаксической роли к имени прилагательному и наречию. В последнем случае числительное выступает в значении субстанции и приобретает грамматические свойства имени существительного.

По структуре числительные делятся на простые (*бир* «один», *он* «десять», *юз* «сто») и сложные (*он беш* «пятнадцать», *юз йигирма беш* «сто двадцать пять»).

Среди числительных насчитывается немногим более 20 базовых слов: а) названия единиц: *бир* «один», э*ки* «два», *уьч* «три», *дёрт* «четыре», *беш* «пять», *алты* «шесть», *етти* «семь», *сегиз* «восемь», *тогъуз* «девять»; б) названия десятков: *он* «десять», *йигирма* «двадцать», *отуз* «тридцать», *къыркъ* «сорок», *элли* «пятьдесят», *алтмыш* «шестьдесят», *етмиш* «семьдесят», *сексен* «восемьдесят», *токъсан* «девяносто»; в) название сотни и тысячи: *юз* «сто», *минг* «ты-

сяча» и др. Они служат основой для образования сложных количественных числительных и производных разрядов числительных.

Числительные, начиная с двух, выступают в качестве своеобразного средства точного определения того недифференцированного понятия множественности, которое свойственно именам существительным во мн. числе: *яшлар ойнай* «дети играют», и *беш яш ойнай* «пятеро мальчиков играют», *уьйлер гёрюне* «виднеются дома» и *он уьй гёрюне* «видно десять домов» и т.п. Этим и следует объяснить употребление числительных (если они не использованы самостоятельно) в сочетании с именами существительными: последние в данном случае указывают на те однородные предметы, количество которых обозначается соответствующими числительными.

Имя числительное, выражая количественный признак предмета, являясь определением при существительном, по морфологическим категориям не изменяется: *уьч китап* «три книги», *уьч китапны* «трех книг», *уьч китапгъа* «трем книгам» и т.д.

В атрибутивно-определительной функции не употребляется только собирательная форма числительного. В кумыкском языке нельзя образовать сочетание типа *экев гиши* «двое мужчин», *уьчев яш* «трое мальчиков» и т. д. Выражениям *семеро солдат, пятеро юношей* и т. д. русского языка в кумыкском соответствует *етти солдат* «семь солдат», *беш улан* «пять юношей».

При самостоятельном, независимом от других слов употреблении, числительные приобретают все те признаки, которые свойственны именам существительным: изменяются по падежам, принимают показатели принадлежности и сказуемости, выступают в роли различных членов предложения. Однако субстантивированные числительные при изменении по морфологическим категориям имеют и свои особенности, отличающие их от имен существительных.

Категория принадлежности в системе (в 3 лицах, единственном и множественном числах) проявляется не во всех семантико-морфологических группах (разрядах) числительного. Полную систему форм принадлежности числительные не имеют: *уьчюнчюгюз* «третий из вас», *уьчюнчюсю* «третий из них» и т.п.

Количественные и собирательные числительные принимают аффикс принадлежности в основном множественного числа: *уьчюбюз* «трое из нас»,

уьчюгюз «трое из вас», *уьчюсю* «трое из них». Употребление форм 1 и 2 лица единственного числа не характерно.

В современном языке семантика форм принадлежности количественных и собирательных числительных одинакова: обе эти формы числительных используются для выражения совокупности или выделения из совокупности определенного количества. Эта семантика усиливается еще и частицей *да/де*, сопровождающей числительные: *Муна гьали экибиз де университетге охума тюшдюк* «Вот и мы вдвоем поступили учиться в университет».

Аффиксы принадлежности з-го лица могут принимать также и числительные приблизительного счета: *бир-экиси* «несколько из них», *беш-алтысы* «пять-шесть из них».

Собирательные числительные могут принимать аффикс принадлежности лишь 3 лица, например: *яшланы экевю* «двое из ребят», *охувчуланы уьчевю* «трое из учеников».

Таким образом, числительные показатели принадлежности принимают избирательно. При количественных числительных аффикс принадлежности множественного числа не выражает отношения собственно принадлежности, а образует числительные с новым (собирательным и собирательно-выделительным) значением.

Склонение числительных также имеет свою специфику. Полную систему падежных аффиксов принимают в основном количественные и порядковые числительные.

1. Примеры на склонение количественных числительных:

Осн. *он беш* «пятнадцать»

Род. *он бешни* «пятнадцати»

Дат. *он бешге* «пятнадцати»

Вин. *он беш* «пятнадцать»

Мест. *он бешде* «в пятнадцати»

Исх. *он бешден* «от пятнадцати»

2. Примеры на склонение порядковых числительных:

Осн. *он беш* «пятнадцать»

Род. *он бешни* «пятнадцати»

Дат. *он бешге* «пятнадцати»

Вин. *он беш* «пятнадцать»

Мест. *он бешде* «в пятнадцати»

Исх. *он бешден* «от пятнадцати»

Субстантивированные разделительные числительные употребляются чаще всего в формах винительного, направительного и исходного падежей: *бирерлеп ал* «бери по одному», *экишер тюшдю* «досталось по три».

В современном кумыкском языке в функции сказуемого выступают в основном собирательные, порядковые и количественные числительные. При этом они обычно не оформляются аффиксами сказуемости.

Категория числа для имен числительных не характерна. Показатель множественного числа *-лар/-лер*, присоединяясь к количественным и порядковым числительным, привносит разные оттенки значения:

1) чаще всего - оттенок приблизительности: *сагьат бирлерде* «около часу, *сексенинчи йылларда* «в восьмидесятые годы»;

2) образует новые слова с обобщенным значением: *биревлер* «одни» и т. д.

Определяемое существительное при числительном, как уже было отмечено, употребляется обычно в форме единственного числа: *бир китап* «одна книга», *беш китап* «пять книг», *он китап* «десять книг», *юз китап* «сто книг» и т. д.

Имена числительные, выступающие в предложении в качестве определения, часто сопровождаются пояснительными словами - так называемыми счетными словами или нумеративами. Эти слова вставляются между числительными и названием исчисляемого предмета. Нумеративные слова сообразуются с качеством исчисляемого предмета и, таким образом, для отдельных категорий слов употребляются только им одним свойственные нумеративные обозначения (Н. К. Дмитриев). Кумыкский язык располагает большим количеством счетных слов. Наиболее употребительные из них следующие:

а) *баш* «голова». Употребляется при счете животных и некоторых видов растений: *юз баш сыйыр* «сто голов коров», *уьч баш согъан* «три головки лука» и т. д.;

б) *гийим* «пара» - при обозначении парных предметов: *беш гийим этик* «пять пар сапог», *эки гийим опуракъ* «две пары одежды». В разговорном языке в этом значении используется также заимствованное слово *пара* (рус. «пара»): *уьч пара жорап* «три пары чулок», *эки пара аякъгийим* «две пары обуви» и т. д.;

в) *бюртюк* «крупинка, зернышко» употребляются при счете штучных и мелких предметов: *эки бюртюк ярма* «два зернышка крупы», *бир бюртюк* спичка «одна спичинка» и т. д.;

г) *айлыкъ* «месячный», *йыллыкъ* «годичный» употребляются при определении возраста людей, животных и др. предметов: *уьч айлыкъ бузав* «трехмесячный теленок», *он сегиз йыллыкъ къыз* «восемнадцатилетняя девушка».

Нумератив *йыллыкъ* употребляется главным образом для определения возраста одушевленных предметов: *эки йыллыкъ яш* «двухлетний ребенок», *къыркъ беш йыллыкъ гиши* «сорокапятилетний человек» и т. д. Слово же *йыллыкъ* обычно ставится перед названиями неодушевленных предметов: *уьч йыллыкъ терек* «трехлетнее дерево», *эки йыллыкъ гьармут* «двухлетняя груша» и т. д.

В кумыкском языке значительную группу составляют нумеративы, обозначающие меры длины, веса, объема, площади и др. В современном языке некоторые из этих слов уже устарели, превратились в архаизмы или сохранились лишь в диалектах. Уточнение сферы употребления и семантики этих слов представляет интерес особенно с исторической точки зрения. Ибо среди них отчетливо выделяются такие лексические единицы, которые появились в языке в определенные исторические периоды жизни народа, например, до введения метрической системы мер, до или после присоединения края к русскому государству и др. Счетные слова для обозначения:

а) меры длины: *метр, километр*; *аршын* «аршин (= 0,711 м)», *къарыш* «пять, около 1/4 аршина»; *абат* «шаг», *сажин* «сажень (=3 аршина)»; *чакъырым* «верста»; *къулач* «маховая сажень» и др.;

б) меры веса: *грамм, кило, центнер, тонна;* наряду с ними в быту употребляются *гилевке* «фунт (400 гр.)», *пут* «пуд»;

в) меры объема: *увуч* «ладонь», *ютум* «глоток» (*эки ютум сув* «два глотка воды»), *тилим* «ломтик» (*эки тилим аш* «два ломтика хлеба»), *увуч* «горсть» (*эки увуч туз* «две горсти соли»);

г) меры объема жидкости: *литр, ярты литр* «половина литра», *къашыкъ* «ложка» (*эки къашыкъ аш* «две ложки супа»);

д) меры земельного участка: в современном языке употребительны слова *гектар, сотый* (русск, *сотый*).

Нумеративы, сопровождающие числительные, так же, как и определяемое слово, по морфологическим категориям не изменяются, не принимают и аффикса множественности. В кумыкском литературном языке нельзя сказать, например, *уьч гийимлер этик, эки увучлар туз* и т.д., а можно только *эки гийим этик* «две пары сапог», *эки увуч туз* «две горсти соли».

При отсутствии определяемого существительного нумеративы изменяются по морфологическим категориям принадлежности и падежей: *он чакъырым ёл* «десять вёрст дороги», *уьч чакъырымдан артыкъ* «больше десяти верст» и т. д.

Имена числительные, как уже отмечалось выше, не образуются от других частей речи. Однако они сами свободно участвуют в словообразовании существительных, прилагательных, наречий, глаголов и др. частей речи.

Некоторые числительные, кроме своего основного значения выражают и другие значения. Среди них особо выделяется универсальностью значений и функций числительное *бир* «один». Количественное числительное *бир* «один» употребляется еще в следующих значениях:

1) *бир* - неопределенное местоимение: *бир яш* «какой-то мальчик», *бир адам* «какой-то человек»;

2) *бир* – союз: *Бир ол айта, бир мен айтаман* «То он говорит, то я говорю»;

3) *бир* - в сочетании с частицей *де* - отрицательное наречие: *Сен магъа бир де шекленме* «Ты никогда не сомневайся во мне»;

4) *бир* – усилительная частица: *Бизин муаллимибиз бир яхшы адам* «Наш учитель – очень хороший человек»;

5) *бир* участвует в образовании сложных местоимений (*бир нече* «несколько») и наречий (*бираз* «немного») и т. д.

Числительное *бирев* «один» не выражает значения собирательности. В кумыкском языке оно употребляется:

1) как неопределенное местоимение, например: *Уьйге бирев гирди* «В комнату вошел кто-то»;

2) в сочетании с частицей *де* как отрицательное местоимение, например: *Бирев де гелмеди* «Никто не пришел».

Многие числительные имеют ударение на конце слова. У основ числительных ударение на последнем слоге: *алты* «шесть», *сегиз* «восемь», *къыркъ*- «сорок» и т. п. При присоединении аффиксов, образующих разряды числительных (кроме дробных), ударение падает на этот конечный аффикс: *онунчу* «десятый», *алтав* «вшестером», *алтышар* «по шесть».

При образовании сложных числительных, первый компонент которых односложен, или при наличии у односложных числительных вспомогательных слов-энклитик, ударение оказывается в начале фонетического слова: *беш юз* «пятьсот», *он минг* «десять тысяч», *юз керен* «сто раз», *он экен* «оказывается, десять» и т. п.

У субстантивированных окказиональных числительных ударение “останавливается” перед аффиксами сказуемости, перед вопросительными и собственно-модальными частицами (аффиксами). Например: *бешми*? «пять что ли?», ондур «наверное, десять», *йигирмамы?* «двадцать что ли? Аффиксы сказуемости к количественным числительным, как правило, не присоединяются.

Числительные изменяются по падежам. Склонение числительных имеет единый образец в противоположность склонению числительных в русском языке.

По составу имена числительные бывают простыми (непроизводными) и составными. К простым относятся числительные *бир* «один», *эки* «два», *уьч* «три», *он* «десять», *йигирма* «двадцать», *отуз* «тридцать», *юз* «сто», *минг* «тысяча», *миллион* «миллион», *миллиард* «миллиард» и т.п. Составные образуются согласно правилу: меньшее число, стоящее справа, выступает как множитель, а большее, стоящее слева, - как слагаемое: *йигирма дёрт* «двадцать четыре»,

отуз беш «тридцать пять», *юз йигирма* «сто двадцать».

В синтаксическом отношении числительные характеризуются прежде всего свойством выступать только в сочетании с существительными: *беш къыз* «пятеро девушек», *етти карандаш* «семь карандашей», *юз къой* «сто баранов», *он яш* «десять мальчиков» и др. Они выступают в качестве количественного определения и никогда не могут иметь определения качественного характера.

В кумыкском языке различаются следующие разряды числительных: количественные, порядковые, разделительные, приблизительные, собирательные, дробные.

Числительное как самостоятельная часть речи характеризуется еще специфичностью словарного состава и словообразования. Имена числительные представляют собой замкнутую, не пополняемую группу слов. Они образуются только от собственных основ. Другие части речи не могут быть словообразовательной базой для них. Даже такие слова, как *аз* «мало», *кёп* «много», *жут* «пара», *бир нече* «несколько» и др., близкие по семантике к числительным, не выступают в этой роли.

Основной словарный фонд числительных небольшой, он состоит всего из 20 слов (не включая сюда международных названий *миллион*, *миллиард* и выше). Это следующие слова: единицы: *бир* «один», *эки* «два», *уьч* «три», *дёрт* «четыре» *беш* «пять», *алты* «шесть», *етти* «семь», *сегиз* «восемь», *тогъуз* «девять»; десятки: *он* «десять», *йигирма* «двадцать», *отуз* «тридцать», *къыркъ* «сорок», *элли* «пятьдесят», *алтмыш* «шестьдесят», *етмиш* «семьдесят», *сексен* «восемьдесят», *токъсан* «девяносто»; сотни и тысячи: *юз* «сто», *минг* «тысяча».

В старокумыкском литературном языке употреблялось еще слово *тюмен* (монг.) в значениях 'десять тысяч' и 'бесконечное множество'. Однако в современном языке слово *тюмен* в качестве названия конкретного числа не сохранилось.

Количественные числительные

Наиболее типичной “тематической” группой, которая традиционно сочетается только с числительными (и количественными наречиями) являются существительные - единицы меры, так как они служат для обозначения измерения недискретных величин.

Количественные числительные по своей структуре и значению служат исходной для образования других разрядов числительных.

Количественные числительные кумыкского языка в основном совпадают с соответствующими числительными других тюркских языков, представляя лишь незначительные отклонения, преимущественно фонетического характера. Они обозначают количество предметов и отвечает на вопросы *нече? нечакъы?* «сколько?»

Имя существительное, определяемое количественным числительным, всегда имеет форму ед. числа: *он карандаш* «десять карандашей», *юз йыл* «сто лет», *уьч юз манат* «триста рублей». Числительное в сочетании с существительным употребляется обычно препозитивно и указывает на количественный признак предмета.

Они могут указывать также на предикативный признак существительного и служить сказуемым предложения. В этом случае количественные числительные принимают форму сказуемости: *Сиз мингсиз, къурдашлар, мен буса бирмен* (Анвар) «Вас тысячи, друзья, а я ведь один».

В состав количественных входят определенно-количественные и неопределенно-количественные числительные. Первые указывают на определенное количество: *бир* «один», *беш* «пять», *юз* «сто», вторые – на неопределенное количество единиц: *аз* «мало», *кёп* «много», *бираз* «немного», *бир-нече* «несколько», *шунчакъы, шончакъы* «столько». Как определенно-количественные, так и неопределенно-количественные числительные имеют количественно числовое значение, представленное двумя частными значениями: а) количественным: *5 китап* «пять книг», *10 адам* «десять человек», *бир нече йыл* «несколько лет»; б) числовым (отвлеченное количество или число): *дёрт уьчге гесексиз пайланмай* «четыре на три не делится целым числом», *бир нече – кёп санав тюгюл* «несколько – небольшое число», *бешден алтыны тайдырып болмай* «от пяти нельзя отнять шесть».

При словоизменении составных числительных изменяется последний компонент: *йигирма беш* «двадцать пять», *йигирма бешни* «двадцати пяти», *йигирма бешге* «к двадцати пяти», *йигирма бешден* «от двадцати пяти».

Порядок следования одних элементов составных числительных за дру-

гими четкий и закрепленный: обозначение единиц является в них конечными словами, которым предшествуют обозначения десятков, сотен, тысяч и т.д.

В кумыкском языке, как и в некоторых других тюркских языках, между числительным и определяемым им словом может употребляться поясняющее слово, так называемый нумератив: *беш баш гьайван* «пять голов животных», *уьч баш согъан* «три головки лука», *уьч байлам самырсакъ* «три связки чеснока».

При определении времени в часах само слово «час» может опускаться: *дарслар сегизде башлана* «занятия начинаются в восемь часов», *поезд эртен сегизде гете* «поезд отходит в восемь утра», *тангала алтыда тураман* «завтра встаю в шесть часов».

Функциональной многозначностью характеризуется числительное *бир* «один». Оно может выступать в качестве количественного определителя: *бир китаб* «одна книга», *бир яш* «один мальчик», в роли неопределенного артикля: *бир китап* «некая книга», *бир яш* «некий мальчик», *бир ерлер* «какие-то места», в функции союза: *Бир мен айта, бир ол айта…* «То я говорил, то он говорил…», а также в роли частицы: *Мени къурдашым бир яхшы яш дагъы* «Мой друг очень хороший парень».

Количественные числиительные могут принимать аффиксы числа: *онлар* «десятки», *юзлер* «сотни», *минглер* «тысячи»; аффиксы сказуемости: *мен бирмен* «я один», *сиз бешсиз* «вас пятеро», аффиксы принадлежности: *дневнигимдеги бешимни гёрдюнгмю?* «ты видел пятерку в моем дневнике?». Принимая падежные аффиксы, количественные числительные приобретают свойства существительного.

Порядковые числительные

В кумыкском языке порядковые числительные выражают порядок предметов по счету, последовательность предметов (существительных), расположенных в естественном числовом порядке.

Порядковые числительные оформляются афф. *-ынчи* (*-инчи, -унчу, -юнчю), -нчы,* (*-нчи, -нчу, -нчю*) и отвечают на вопрос *неченчи* «который?».

Порядковые числительные в составе предложения обычно выступают в качестве определения к существительным: *уьчюнчю яш* «третий мальчик», *се-*

гизинчи къыз «восьмая девушка», *онунчу сентябрь* «десятое сентября». Порядковые числительные, выступающие в роли определения, не изменяются.

При самостоятельном употреблении (без определяемого слова) порядковые числительные субстантивируются, и в этом случае они принимают аффиксы числа, падежа, сказуемости: *Бешинчилер тюшден сонг охуй* «Пятый класс (учащиеся пятого класса) учится после обеда»; *Мен бешинчимен* «Я пятый».

Однако эти числительные свойства существительных принимают вообще довольно редко, лишь в особых условиях контекста. В данном отношении они намного уступают количественным числительным.

У составных числительных изменяется последний компонент: *он биринчи* «одиннадцатый», *он биринчини* «одиннадцатого», *он биринчиге* «одиннадцатому, *он биринчиде* «в одиннадцатом», *он биринчиден* «от одиннадцатого» и т. д.

От порядковых числительных образуются наречия посредством афф. -*лай*, -*лайын*, а также аналитическим способом при помощи вспомогательного слова *керен*. Эти наречия по значению совпадают с наречиями от количественных, тоже указывая на количество повторений действия: *экинчилей* «вторично, второй раз», *уьчюнчюлей* «третий раз, в третий раз», *дёртюнчю керен* «четвертый раз, в (на) четвертый раз» и др.

Порядковые числиительные чаще всего выполняют функцию определения, но они могут служить и сказуемыми, и обстоятельствами: *Мен очередде он бешинчимен* «Я в очереди пятнадцатый»; *Бу тавгъа мен биринчи керен мингенмен* «На эту гору я поднялся впервые».

Собирательные числительные

Рассматриваемый разряд числительных представляет собой небольшую группу слов, образованных от соответствующих количественных числительных. Собирательные числительные представляют определенное количество лиц как их совокупность: *алтав* «шестеро», *бешев* «пятеро», *юзев* «сто человек».

Собирательные числительные образуются при помощи афф. -*ав* (-*ев*), -*ар* (-*ер*). Они не употребляются в сочетании с существительными.

Собирательные числительные с афф. -*ар* (-*ер*) принимают афф. -*лап* (-

леп), при этом они, сохраняя свое узуальное значение, приобретают новые семантические и стилистические окраски: прибавляется оттенок взаимности, совместности: *Уьчерлеп гелдилер* «(Они) пришли по трое».

Собирательное числительное *бирев* вместе с частицей *де* и в формах *бирев де* «никто», *биревге де* «никому» и др. может быть использовано в качестве местоимения: *Оларда мен биревню де тапмадым* «Я не нашел у них никого».

Довольно активно употребляются в значении собирательности, совокупности количественные числительные, снабженные аффиксами принадлежности множественного числа *–быз/-ыбыз*: *биз уьчюбюз де* «мы втроем»: *сиз уьчюгюз де* «вы втроем»; *уьчюсю де* «они втроем» и т.д.

Собирательные числительные в предложении не могут выступать в роли определения, так как само числительное имплицитно содержит в себе определяемый предмет: *экев* «двое» значит *эки адам* «два человека», *уьчев* «трое» значит *уьч адам* «три человека». В предложении собирательные числительные обычно выступают в роли подлежащего: *Тюнегюн бизге уьчев гелген эди* «Вчера к нам приходили трое».

Приблизительные числительные

Приблизительные числительные обозначают приблизительное или неточное количество предметов: *уьч-дёрт* «три-четыре», *беш-алты* «пять-шесть».

Приблизительные числительные образуются различными способами.

В кумыкском языке редко встречается морфологический способ выражения приблизительности, который образуется при помощи афф. *-ча*: *Гечелер гетсе, юзлер, минглерче, Гёрген сайын гёрме сюемен* (А. Сулейманов) «Несмотря на то, что пролетели сотни, тысячи ночей, я все больше и больше жду встреч».

Лексико-синтаксический способ образования приблизительных числительных сводится к парному сочетанию количественных числительных, при котором наименование меньшего числа ставится перед наименованием большего числа: *беш-алты гиши* «пять-шесть» человек», *он-он беш манат* «десять-пятнадцать рублей», *юз-юз элли къой* «сто-сто пятьдесят баранов». С увеличением чисел, составлящих парные сочетания, разница между ними резко увели-

чивается.

Довольно часто наблюдается лексико-грамматический способ образования приблизительных числительных, который сводится к сочетанию количественных числительных в форме исходного или дательного падежа со словами типа *ювукъ* «около», *къолай* «более», *артыкъ* «больше» и т.д.: *онгъа ювукъ* «около десяти», *юзден къолай* «более ста», *юз эллиден артыкъ* «более ста пятидесяти».

Приблизительные числительные в предложении чаще всего выступают в роли определения и предшествуют определяемым именам существительным: *Майданда эки мингге ювукъ адам жыйылгъан* «На площади собрались около 200 человек».

Дробные числительные

Дробные числительные представляют собой частный случай количественных числительных. Данный разряд числительных является названием части целого числа или предмета. Дробные числительные образуются различными способами. Основным способом является синтаксический способ.

Сначала называется знаменатель, который имеет форму род. падежа, затем – цифра числителя, имеющая форму им. падежа с аффиксом принадлежности; *экини бири* «одна вторая», *уьчню экиси* «два третьих».

Сначала называется знаменатель, имеющий форму местн. падежа, затем – числитель, имеющий форму им. падежа: *экиде бир* «одна вторых», *уьчде эки* «два третьих», *алтыда беш* «пять шестых».

Таким же образом, выражаются и смешанные дроби, с той лишь разницей, что сначала ставится название целого числа со словом *сав* «целый», затем дробное число: *эки сав онда бир* «два целых одна десятых», *уьч сав бешде эки* «три целых два пятых», *эки сав уьчде эки* «две целых две третьих» и т.п.

К разряду дробных следует отнести и числительные со словом *ярым*: *эки ярым* «два с половиной», *беш ярым* «пять с половиной».

Слово *ярты* «половина» также образует дробные числительные: *экини яртысы* «половина второго», *уьчню яртысы* «половина третьего».

Ярты отличается от *ярым* тем, что обозначает предметы, делимые на две части: *ярты алма* «половина яблока», *ярты пастан* «половина дыни». *Ярым*

обозначает предметы, которые нельзя делить на части: *ярым сагьат* «полчаса», *ярым йыл* «полгода».

Дробное значение выражает и слово черек «четверть». В современном кумыкском языке используется редко: *бир черек чай* «четверть чая».

В предложении дробные числительные часто выступают в роли подлежащего или дополнения: *Юртумну къап яртысы шо давда къалгъан* (М.-С. Ягъияев) «Половина жителей моего села погибли на той войне». *Огородну яртысына помидор, яртысына хыяр салдым* (И.Ибрагьимов) «На одну половину огорода я посадил помидоры, на другую половину огурцы».

Разделительные числительные

Разделительные числительные представляют собой атрибутивно-обстоятельственные формы числительных, употребляющиеся для разбивки предметов по однородным группам. Они образуются от количественных числительных посредством афф. *-ар* (*-ер*), *-шар* (*-шер*): *бешер этип сал* «расставь по пять», *уьчер кампет бер* «дай по три конфеты». В составных числительных этот аффикс присоединяется к последнему компоненту: *он бешер* «по пятнадцать», *он уьчер* «по тринадцать», *он бирер* «по одиннадцать».

В разделительных числительных, обозначающих сотни итысячи разделительный аффикс присоединяется к предыдущему слову: *бирер юз* «по сто», *бирер минг* «по тысяча».

Разделительные числительные образуются и при помощи аффикса *–лап, -леп*: *онлап* «по десять», *бешлеп* «по пять», *дёртлеп* «по четыре».

Разделительные числительные могут принимать афф. *-лап* (*-леп*): *бешерлеп гелдилер* «они пришли по пятеро», *бирерлеп оьтгере* «пропускает по одному».

В предложении разделительные числительные могут служить определением: *Учитель яшлагъа экишер китап берди* «Учитель дал ученикам по две книги». Довольно часто эти числительные употребляются и в роли обстоятельства, по значению приближаясь к наречиям: *Олар уьйге бирерлеп гирдилер* «Они вошли в дом по-одному».

МЕСТОИМЕНИЯ

Местоимение - это часть речи, характеризующаяся тем, что в отличие от других оно не называет явления объективной действительности, а лишь указывает на них.

В кумыкском языкознании местоименные слова по давней традиции рассматриваются как особая часть речи. Местоимения, в отличие от слов-наименований, сами по себе конкретного лексического содержания не имеют: их соотнесенность с тем или иным определенным явлением реальной действительности раскрывается в речевой ситуации, контексте. Использование местоимений, способных заменять слова других частей речи, а также словосочетания, целые предложения и даже сочетания предложений, позволяет избегать ненужных повторений, делает речь краткой, сжатой, лаконичной.

Формально-грамматическая классификация

В семантическом и грамматическом отношениях местоимения разнородны. Поэтому их можно классифицировать, с одной стороны, имея в виду семантический критерий, с другой стороны – формально-грамматический критерий.

Сущность формально-грамматической классификации местоимений сводится к сопоставлению местоимений с другими именами. В зависимости от соотнесенности местоимений с другими частями речи выделяются следующие его разряды: местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоимения-наречия, местоимения-союзы, местоимения-частицы.

Местоимения-существительные. Местоимения-существительные по своим категориальным признакам близки к именам существительным, так как они указывают на предметность. К ним относятся: личные местоимения: *мен* «я», *сен* «ты», *ол* «он, она, оно», *биз* «мы», *сиз* «вы», *олар* «они»; вопросительные: *ким*? «кто?», *не*? «что?»; отрицательные: *бирев де* «никто», *гьеч бирев* «никто»; неопределенные: *бирев* «кто-то», *бир зат* «что-то», *не буса да* «что-то», «что-нибудь», *гьеч ким* «никто»; определительные: *бары да* «все», *оьз* «сам».

Местоимения-существительные указывают на лицо или предмет в широком смысле слова (предметно представленные свойства, качества, действия,

явления) и, подобно именам существительным, характеризуются, хотя и не всегда последовательно, морфологическими категориями падежа (*мен, мени, магъа, менде, менден*), числа (*ким - кимлер, бирев – биревлер*) и принадлежности (*кимим, биревюм, оьзю*).

В плане синтаксическом местоимения-существительные связь с другими словами осуществляют в основном с помощью тех же средств, что и имена сущствительные, - с помощью аффиксов: *ону (къызны) гёрме* «увидеть его (девочку)», *огъар (охувчугъа) сорама* "спрашивать его (ученика)"; с помощью послелогов и послеложных слов*: огъар (душмангъа) къаршы гётерилме* "подняться против него (врага)" *ондан (Агьматдан) сонг гирме* «зайти после него (Ахмеда)». Некоторое своеобразие имеют они лишь в сочетании с послелогами и послеложными словами, требующими основного или винительного падежа имен существительных: *ону (къызардашы булан) булан ишлеме* «работать с ней//ним (с сестрой)», *сен саялы (уланы саялы) къаст этме* «стараться ради тебя (сына)».

В предложении местоимения выполняют те же синтаксические функции, что и имена существительные. Основными из них являются функции подлежащего и дополнения: *Ол рус тилни сув йимик биле* (И. Ибрагьимов) «Он свободно владеет русским языком»; *Тек мен шо ахшам уьйге етишмедим* (К.Абуков) «Однако в ту ночь я не добрался до дома»; *Биревден де артда къалман* (И.Ибрагьимов) «Я ни от кого не отстану».

Местоимения-прилагательные. К ним относятся указательные (*бу/шу* «этот», *о/шо* «тот»), вопросительные (*нечик* «какой» *къайсы* «который»), определительные (*олай, шулай, булай* «так, такой», *бары* «все», *гьар бир* «каждый», *мундагъы* «сдешний», *ондагъы* «тамошний, находящийся там»), отрицательные (*гьеч ким, гьеч бирев* «никто») и количественные местоимения. Они выражают категориальное значение признака предмета, не называя этот признак непосредственно, а указывая на него. Они отвечают на вопрос *нечик*? «какой?», *къайсы*? «который?»

Местоимения-прилагательные указывают на признак лиц и предметов и, подобно именам прилагательным, примыкают к имени существительному (*шо иш* «та работа», *бир адам* «какой-то человек», *гьар адам* «каждый человек») В

предложении они выполняют в основном функцию определения или сказуемого: *Бу хабарны ол анасына айтды* (Ш.Альбериев) «Эту весть он рассказал своей маме». *Сени атынг кимдир?* «Как тебя зовут?»

Субстантивированные местоимения-прилагательные могут выполнять функции и других элементов предложения (подлежащего, дополнения и др.: *Муну адамлар гьайванлагъа ичмеге иш этип этген* (М.Ягьияев) «Люди это специально придумали, чтобы животные могли напиться»

Местоимения-наречия. К ним относятся: *нечик* «как», *булай, шулай, шолай* «так», *къайда* «где», *къачан* «когда», *къайдан* «откуда», *къайда* «куда»; *къачан эсе* «когда-то», *къайдан эсе* «откуда-то», *бизинче* «по-нашему», *сизинче* «по-вашему», *онда* «там», *мунда//шунда* «здесь», *ари* «туда», *бери* «сюда», *гьали* «только что, сейчас», *сонг* «затем» и др. Местоимения-наречия указывают на признак действия или признак признака и, как и наречия, примыкают к глаголу, имени прилагательному, другому наречию или предикативу: *шулай яшама* «жить так», *нечик арив* «как красиво", *къайда бар* "где есть". Типичная синтаксическая функция местоимений-наречий - обстоятельство и сказуемое. Например: *Бу сырланы нечик ачмагьа, къайда ва къачан ачмагьа герек билмеймен* (А.Салаватов) «Каким образом, где и когда раскрыть эти тайны, я не знаю». *Сен ондасан, мен мунда, къачан болур тоюбуз*? (из песни) «Ты там, а я здесь, когда же наступит наша свадьба*?» Къайда аталар, аталар къайда, къайда оланы къабуру сама?* (М.Атабаев) «Где отцы, отцы где, где же их, хотя бы могилы?»

Местоимения-числительные указывают на количество и порядок по счету лиц и предметов, в основном, примыкают, подобно числительным, к имени существительному (*нече гюнлер* "сколько дней", *бир къадар заман* "некоторое время») и, хотя и непоследовательно, приобретают аффиксы разрядов числительных (*нече, нечакъы* "сколько", *неченчи* "который", *нечешер, нечелеп* "по скольку". К ним относятся: *нече, нечакъы, не къадар* "сколько", *бир нече* "несколько", *шончакъы, шунчакъы, мунчакъы, ончакъы* «столько». Они отвечают на вопросы *нечакъы*? «сколько?», *не къадарда*? «в какой степени?», *не оьлчевде*? «в какой мере?»

В предложении эти местоимения выполняют функции, тех же членов, предложения, что и числительные (определения, сказуемого, обстоятельства и др.). Например: *Сувсар эсиме тюшсе, шунчакъы арив бавну, йыбавну татывун тапмайман* (А.Салаватов) «Когда вспоминаю Сувсара, я забываю прелесть этого сада, этого веселья». *Дюньяда нече де арив ерлер бола экен* (А.Салаватов) «В мире, оказывается, столько красивых мест». *Муна, арадан нечакъы заманлар оьтген* (М.Абуков) «Вот, сколько времени прошло с тех пор».

Местоимениями-союзами с определенными оговорками можно назвать местоимения, выполняющие функции средств связи предикативных частей сложных предложений и сложных синтаксических целых. Местоимения-союзы устанавливают между частями сложных предложений всевозможные смысловые отношения. В синтаксисе они называются относительными словами. Как местоимения-союзы функционируют в основном вопросительные местоимения. Например: *Ким хали яйса, оьзю олтурур* (погов.) «Кто постелит ковер, тот и сядет на него». *Не чачсанг, шону ашарсан* (погов.) «Что посеешь, то и пожнешь».

Местоимения-союзы, в отличие от собственно союзов, устанавливая синтаксические отношения между частями сложных предложений, одновременно функционируют и как члены предложения.

Местоимения-частицы. К ним относятся *муна* «вот», *не* «что», *нечик* «какой». Они так же, как и частицы, придают словам дополнительный оттенок - значение указания, ограничения и др. В отличие от омонимичных местоимений-наречий и местоимений-прилагательных употребляются они не самостоятельно, выступают лишь при словах других, знаменательных частей речи: *Муна мени хабарым* «Вот и мой рассказ». *Не адамсан сен?* «Что за ты человек?»

Семантическая классификация местоимений

По значению кумыкские местоимения делятся на следующие разряды: личные, указательные, вопросительные, неопределенные, отрицательные и определительные.

Личные местоимения

К личным местоимениям относятся слова *мен* «я», *сен* «ты», *ол* (*о*) «он», *биз* «мы», *сиз* «вы», *олар* «они». На обособленное положение разряда личных

местоимений указывает несколько признаков, среди которых главными являются наличие категорий лица и числа, своеобразие склонения.

Личные местоимения соотносятся с именами существительными и характеризуются, хотя и непоследовательно и своеобразно, категориями этой части речи - числом, падежом, категорией принадлежности.

Местоимение *мен* «я» указывает на говорящего, *сен* «ты» - на лицо, к которому обращается говорящий, *ол* «он» - на лицо, которое не участвует в речи или вообще отсутствует в момент речевой ситуации, а также на предмет, о котором идет речь. Местоимение *биз* «мы» обозначает говорящего и других лиц, объединяемых говорящим в одну группу по какому-либо общему признаку, при этом последние могут и не участвовать в речи или вообще отсутствовать в момент речи. Местоимение *сиз* «вы» обозначает лица, к которым обращается говорящий, или лицо, к которому обращена речь, и других лиц, не участвующих в речи или даже отсутствующих в этот момент, также объединяемых говорящим в одну группу по их общему признаку. *Олар* «они» указывает на лица, не участвующие в речи, и на предметы, о которых речь идет. Например: *Тек биз огъар башгъа ягъындан барма да къоркъдукъ* (М.Абуков) «Однако мы испугались подойти к нему и с другой стороны». *О эки йылны ичинде юртгъа сув чыгъаргъан, орамларына асфальт тутдургъан* (У.Мантаева) «В течение двух лет он провел воду в аул, асфальтировал улицы». *Сапарынгны вакътисинде сен кимни гёрдюнг*? (У.Мантаева) «Во время путешествия ты кого встретил?».

Таким образом, категория числа у личных местоимений несколько отличается от таковой у имен существительных: *биз, сиз* не выражают и не могут выражать, как существительные, простого множества лиц, обозначенных местоимениями *мен* и *сен*, ибо последние указывают на сугубо индивидуальные, неповторимые, единственные в своем роде человеческие личности. Местоимения *биз, сиз* выражают множество различных лиц. Местоимение *ол* указывает на любой предмет и любое лицо, не участвующее в речевой ситуации, и местоимение *олар* противопоставляется ему как выражение простого множества этих лиц и предметов, т. е. как форма множественного числа этого слова. Таким образом, лишь в данном случае можно говорить о грамматической категории числа.

Личные местоимения склоняются по падежам:

	ед.ч.			мн.ч.		
Осн.	*мен*	*сен*	*о, ол*	*биз*	*сиз*	*олар*
Род.	*мени*	*сени*	*ону*	*бизин*	*сизин*	*оланы*
Дат.	*магъа*	*сагъа*	*огъар*	*бизге*	*сизге*	*олагъа*
Вин.	*мени*	*сени*	*ону*	*бизин*	*сизин*	*оланы*
Местн.	*менде*	*сенде*	*онда*	*бизде*	*сизде*	*оларда*
Исх.	*менден*	*сенден*	*ондан*	*бизден*	*сизден*	*олардан.*

Как видно из парадигмы, склонение личных местоимений имеет некоторые особенности:

Основы 1-го и 2-го л. ед.ч. во всех падежах сохраняются в виде *мен*, *сен*, за исключением дательного падежа, в котором кумыки употребляют основу *ман, сан.* Это результат обратной ассимиляции: *менгъа, сенгъа* > *мангъа, сангъа* > *магъа, сагъа*.

В 1-м и во 2-м лицах единственного числа в родительном и винительном падежах используются формы *мени*, *сени* (вм. *мен-ни, сен-ни*).

Вместо конечного [*н*] основ *мен, сен (ман, сан*) произносится [*гъ*] в результате взаимодействия конечного –[*н*] основы и –[*гъ*] аффикса дательного падежа: *магъа, сагъа.*

Формы косвенных падежей личного местоимения 3-го лица единственного числа образуются от другой основы: *о*//*ол* «он, она, оно»; *ону*, *огъар*, *онда*, *ондан*.

Родительный падеж личных местоимений как единственного, так и множественного числа, совпал с винительным падежом.

В 1-м и 2-м лице мн. ч. в род. и вин. п. используется форма на –*ин*, которая сближает кумыкский язык с огузскими языками.

В 3-м лице ед.ч. местоимение *о* может указывать как на предметы, так и на людей. *Мен шагьарда яшайман, о буса юртда яшай* «Я живу в городе, а он в селе». *О китап мени инимни китабы* «Это книга моего младшего брата».

В целом склонение личных местоимений аналогично склонению имен существительных. Своеобразие заключается лишь в том, что некоторые падеж-

ные аффиксы в личных местоимениях подвергались фонетическим изменениям.

Категория принадлежности в личных местоимениях не находит свое отражение ввиду сопротивления лексического содержания языкового материала. Однако, принимая аффикс родительного падежа и *-ныки* они участвуют в выражении понятия принадлежности: *мени китабым* «моя книга», *сени къызардашынг* «твоя сестра», *ону сююнчю* «его радость».

В синтаксическом отношении личные местоимения функционируют подобно именам существительным. С другими словами вступают в синтаксическую связь с помощью падежных аффиксов (*огъар билдирме* «сообщить ему», *ондан гёзлеме* «ждать от него»), словосвязывающих аффиксов *-сыз*/*-сиз*, *-дагъы/деги, -ча/-че, -дай/-дей, -ныки* (*менсиз оьтген гюнлер* «дни, прошедшие без меня», *сендеги китап* «книга, которая у тебя», *сендей арив* «красивая как ты», *сёз мени*ки «мое слово», послелогов и послеложных слов (*ону булан гелме* «прийти с ним», *ондан алгъа чыкъма* «обойти его».

Типичная синтаксическая функция личных местоимений - подлежащее и дополнение. Однако они могут выступать и в функции любого другого члена предложения. Например: *Олар Татарханны сарайын да бузар* (Ибрагьимов-Къызларлы) «Они разрушат и крепость Татархана». *Бу мени къызардашым, олар да Бектемир агъавумну яшлары* (А.Салаватов) «Это моя сестра, а эти – дети моего дяди Бектемира».

Некоторые из личных местоимений в стилистических целях могут употребляться и в других значениях. Так, местоимение *биз* «мы» может употребляться также для указания на единичное лицо. *Биз* «мы» в значении ед. числа употребляется обычно в следующих случаях: 1) во вводных сочетаниях: *биз ойлашагъан кюйде* «как нам кажется, как мы думаем», *бизин оюбузгъа гёре* «на наш взгляд» и т.д.; 2) в авторской речи (так называемая «формула скромности»): *Гьюрметли охувчу*! *Шу бизин китапны ачып олтурдунг буса, охуп артына чыкъмай токътаман деген хыялынг да бар буса, Къагьирден де, менден де сагъа уллу разилик* (И.Ибрагьимов) «Дорогой читатель! Если ты раскрыл эту нашу книгу, если у тебя есть желание прочитать его до конца, я и Кагир будем тебе признательны».

В тех же значениях употребляется и местоимение *сиз* «вы». Под влиянием русского языка местоимение 2-го лица мн. числа *сиз* употребляется вместо ед. числа, при этом выражается вежливость и уважение к собеседнику: *Сиз эшитгендир деп тура эдим* (И.Ибрагьимов) «Я то думал, что Вы слышали»; *Сизге йигирма кепек тарыкъмы*? (И.Ибрагьимов) «Зачем Вам двадцать копеек?».

Личные местоимения в своем функционировании могут конкретизироваться в последующем контексте: *Биз, большивиклер, юрютежекбиз* (М.Ягьияев) «Мы, большевики, будем вести».

Категория числа у личных местоимений *мен, сен, биз, сиз* – это несловоизменительная морфологическая категория, выражающаяся в противопоставлении двух оппозитивных рядов, организуемых морфологическими формами разных основ. Категория числа у личного местоимения *о, ол*, в отличие от местоимений *мен, сен, биз, сиз*, - это словоизменительная морфологическая категория, выражающаяся в системе противопоставленных рядов форм со словоформой *о* в качестве исходной – в ед. числе и со словоформой *олар* в качестве исходной – во мн. числе. Значение местоимений 3-го л. отражает экстралингвистические различия единичности // множественности тех предметов (лиц и не лиц), на которые это местоимение указывает.

Личные местоимения в языке по своим лексико-грамматическим особенностям далеко не равны. Так, местоимения 1-го и 2-го л. ничего не замещают сами, тогда как местоимение 3-го л. является заместителем существительных и других субстантивированных частей речи, может указывать на любой предмет или лицо. Например: *Камил бары да халкъдан геч гелди. Ол эки яшик тапды* (З.Атаева) «Камиль вернулся позже всех. Он нашел два ящика». *Гьамит районгъа лекциялар охума гелген эди. Ол уьч-дёрт гюнню ичинде бир нече юртда болуп битген* (К.Абуков) «Гамид приезжал в район читать лекции. В течение трех-четырех дней он побывал в нескольких селах». В приведенных примерах местоимение *о, ол* «он» условно передает лексическое содержание упомянутого ранее названия предмета или описания ситуации.

В определенных контекстуально-ситуативных условиях значения местоимений могут быть конкретизированы. Так, значения личных местоимений в

кумыкском языке конкретизируются использованием указательного жеста. При этом собеседники видят друг друга и все предметы, находящиеся в обстановке речи: *О сизге ёлну гёрсетежек* «Он вам покажет дорогу». *Тангала ишге мен де, сен де, о да баражакъбыз* (И.Ибрагьимов) «Завтра на работу пойдем я, ты и он».

Указательные местоимения

К ним относятся *бу* «этот», *шу, шо* «тот»; *олай, булай, шулай* «такой»; *ондагъы* «находящийся там»; *мундагъы* «находящийся здесь»; *булай, шулай* «так»; *гьоввуна* «вон»; *онда, шунда* «там»; *мунда* «здесь»; *шунчакъы, ончакъы, мунчакъы* «столько, настолько». Они указывают на признаки предметов, действий, других признаков и соотносятся с именами прилагательными, наречиями и частицами.

Местоимения *бу, шу шо* соотносятся с именами прилагательными и, примыкая к существительному, выступают в предложении в функции определения.

При самостоятельном употреблении указательные местоимения-прилагательные приобретают грамматические признаки имен существительных и начинают изменяться по категориям падежа, числа и принадлежности (*бу – муну, бугъар, мунда, мундан* и т. д.). При этом у местоимения *бу* в косвенных падежах наблюдается супплетивизм. При склонении наблюдается некоторое своеобразие форм косвенных падежей (родительный падеж - *муну*, дательный - *бугъар*; исходный - *мундан*, местный - *мунда*).

Указательные местоимения *булай, шулай* соотносятся с наречиями, поясняют глагольное слово, имя прилагательное, наречие, а также другие части речи в функции предикативного центра предложения и являются в предложении обстоятельствами и сказуемыми. Например: *Булай олтуругъуз* (А.Салаватов) «Садитесь здесь». *Яхшы чы бу чагъымда булай тынч бир касбуну тапгъанман* (А.Салаватов) «Хорошо, что в таком возрасте нашел такую профессию». *Ишлер гьали шулай* «Дела у нас обстоят так».

Местоимения *шончакъы, шунчакъы, ончакъы, мунчакъы* соотносятся с именами числительными и в предложении функционируют подобно этой части речи. Например*: Шончакъы да разисиз, дюрмю*? (А.Салаватов) «Настолько вы

довольны, да же». *Не эте эдигиз мунчакъы затны магъа гелтирип* (А.Салаватов) «Зачем вам надо было принести столько мне».

Местоимения *муна, она (онагьана), гьоввуна* соотносятся и с наречиями, и с частицами. Например: *Гьоввуна агъачлыкъ*. «Вон лес». «*Муна етишдик*»,— *деди Солтаният* (З.Атаева) «Вот и доехали», - сказала Солтаният». *Атам, муна гелдим* (З.Атаева) «Отец, вот и я приехал».

Данный разряд местоимений используется как с опорой на экстралингвистическую ситуацию (дейктическое использование), так и с опорой на лингвистический контекст (так называемое анафорическое использование). Примеры собственно дейктического употребления: *Амма бир тилевюм бар шо гелеген художникге* (И.Ибрагьимов) «Однако у меня есть одна просьба к тому художнику, который идет». *Адамлар сийрек бола бара. Она бири гетди, экиси, уьчюсю…* (И.Ибрагьимов) «Людей становится все меньше. Вот ушел один, второй, третий….». Высказывание при собственно дейктическом использовании указательных местоимений сопровождается указательным жестом в сторону соответствующего предмета. Вот примеры анафорического употребления местоимений: *О сёзлер де шоссагъат етише Рашитге* (И.Ибрагьимов) «Те слова сразу же доходят до Рашида». *Асият чалт айланып къуймакъ этди. Ону булан бирче столгъа тузлангъан хыяр, помидор, емишлер салды* (З. Атаева) «Асият быстро приготовила яичницу. Вместе с ней положила на стол соленые огурцы, помидоры, фрукты». Указательные местоимения при анафорическом употреблении отсылают читателя или слушающего «назад» (в контекст или ситуацию речи).

В семантическом плане все указательные местоимения можно разделить на антонимические пары: *бу, шу* «это, эта, этот», *о, шо* «то, та, тот». Местоимения *бу, шу* указывают на предмет, находящийся в непосредственной близости, а их антонимические пары, наоборот, указывают на отдаленный или упоминавшийся ранее предмет.

Выступая без определяемых слов, указательные местоимения субстантивируются и в составе предложения выступают в функции подлежащего или дополнения: *Ол гьакъыллы ва ишлеп болагъан улан эди* (К. Абуков) «Он был парнем умным и умеющим работать»; *Шону хасиятында мен инг ушатагъан зат*

– *сююнюп болагъанлыкъ* (К. Абуков) «То, что уважал я в его характере – это умение радоваться».

Указательные местоимения в местном падеже указывают в основном на место совершения действия: *Язны гюн биз шунда болажакъбыз* (И. Къазиев) «В летний день мы будем здесь»; *Сен, Лайла, машинни ичинде къал. Мунда исси, мен буса къырда ятайым* (И. Къазиев) «Ты, Лейла, оставайся в машине. Здесь тепло, а я буду лежать на улице».

При склонении местоимение *о* имеет параллельную «акающую» основу, которая встречается в различных диалектах кумыкского языка: *аны* «его», *агъар* «ему», *анда* «там», *андан* «оттуда», *алар* «они» и т.п.

Иногда в эмоциональной речи, когда указывают на далекий предмет, встречаются сложные формы с долгим гласным: *Шо-о-в- адамны гёремисен*? «Видишь ли ты то-о-го человека?».

К указательным местоимениям относятся и *гьо, гьол, гьона, гьоввуна, анагьана*, которые указывают на более дальний предмет, *муна, мунагьана* – на более близкий предмет. Эти местоимения не выполняют функцию репрезентанта, не склоняются по падежам, не принимают аффиксов принадлежности или других морфологических показателей.

Кроме отмеченных указательных местоимений, в кумыкском языке употребляются и сложные формы рассматриваемых прономинативов: *Онагьана шо адат бары да ишни башы!* (И.Ибрагимов) «Вот тот обычай и является началом всего дела!» *Мунагьана сен айтагьан китап* (И. Ибрагимов) «Вот та книга, о которой ты говоришь».

В кумыкском языке могут употребляться одновременно два указательных местоимения: *Таш чыр да, агъач кёпюр де она шо саялы этилген, къурдаш* (И.Ибрагьимов) «И каменная стена, и деревянный мост вот для этого и сделаны, товарищ». *Биз шунда гьоввуна шовву ерге харбуз чачгъанбыз», - деп, къолун чарлакъгъа багъып узатды* (И.Къазиев) «Здесь мы вон на то место арбуз посадили», – сказал он и указал рукой на чердак».

Форма местного падежа указательных местоимений может принимать афф. *-гъы/-ги*, при помощи которого образуется относительное имя прилагательное: *бундагъы* «находящийся здесь», *шондагъы* «находящийся там» и т.д.

Основная оппозиция данного разряда местоимений заключается в том, что указательность имеет две субкатегории: близость и удаленность. Местоимения *бу* и *шу* нейтральны по отношению к категории указательности. В позиции нейтрализации *бу, шу* сохраняют значение указательности, но без противопоставления, в самой общей форме.

Указательные местоимения выступают в предложении в роли любого из членов предложения: а) подлежащего: *Бу мени къатыным Кумсият* (А.Аскеров) «Это моя жена Кумсият»; б) определения: *«Шо мюгьлетде йылан адамча сёйлеп йибере* (К. Абуков) «В этот момент змея заговорила человечьим языков»; в) дополнения: *Шону да айтып, ол ёлгъа тюшдю* (И.Керимов) «Сказав это, он отправился в путь».

Вопросительные местоимения

Местоимения этого разряда обладают семантикой «требование информации» в рамках данной ситуации речи (данного лингвистического контекста). В качестве примеров данного разряда можно привести: в классе существительных – *ким*? «кто?», *не*? «что?»; в классе прилагательных – *къайсы*? «какой?», «который?», *нечик*? «какой?»; в классе числительных – *нече*? «сколько? *неченчи*? «который?»; в классе наречий – *къайда*? «где?», *къайдан?* «откуда?» *къачан*? «когда» и т.п.

Местоимения *ким? не?* соотносятся с именами существительными и характеризуются всеми грамматическими признаками этой части речи - категориями падежа (*ким? кимни? кимге? кимден?*), числа (*ким? – кимлер? не? - нелер?*) и принадлежности (*кимим? киминг? кими?*).

Местоимение *къайсы?* соотносится с прилагательными: *нече? нечев? нечешер? неченчи? нечакъы?* - с числительными; *нечик? къайда? къачан?* - с наречиями и, как было указано выше, характеризуются признаками этих частей речи.

Вопросительные местоимения *ким*? *не*? указывают, относится ли вопрос к лицу или предмету. *Ким*? употребляется только по отношению к людям. «*Кимни буйругъудур*?» - *деди Уллубий, сабур кюйде огъар къарап* (М.Ягьияев) «Чье приказание? – спросил Уллубий, спокойно смотря на него»; «*Бу недир*?» (И.Къазиев) «Это что?» Во всех остальных случаях употребляются вопроси-

тельное местоимения *не?*

Рассматриваемый разряд местоимений употребляется в сочетании с послелогами: *не учун*? «зачем, для чего?», *ким учун?* «кому? для кого?», *не булан* «с чем?», *ким булан?* «с кем?», *къайсы булан*? «с которым?» Данный признак сближает их с именами существительными.

Местоимение *нече*? «сколько?» может сочетаться с афф. *-нчи*: *неченчи*? «который (по счету)?» Последняя основа в свою очередь может принимать падежные показатели: *неченчини*? «которого?», *неченчиге*? «которому?» и т.д.

Вопросительные местоимения *къайда*? «где?» *къайдан*? «откуда?» не принимают падежных показателей, однако могут оформляться аффиксами сказуемости и некоторыми другими морфологическими показателями: *Мен къайдаман*? «Я где (нахожусь)?»; *Сен къайдансан*? «Ты откуда?», *Къайдагъы булакъны айтасан сен*? «Ты о каком роднике говоришь?»

В кайтагском диалекте употребляется местоимение *гьари*? «где?», которое отсутствует в других диалектах кумыкского языка. В литературном языке ему соответствует местоимение *къайда*? *Гьари шо сен айтагъан китап*? (диалект) // *Къайда шо сен айтагъан китап?* (литературный язык) «Где та книга, о которой ты говоришь?»

Вопросительные местоимения принимают падежные аффиксы, аффиксы принадлежности, сказуемости, показатель множественности, аффикс модальности *-дыр*: *Дагъы кимлерден кёмек излейик биз*? (А.Къурбанов) «У кого же нам еще просить помощи?. *Гьей, кимсен*? (А.Салаватов) «Эй, ты кто?»; *Яхшы, булар кимлердир*? (А.Къурбанов) «Хорошо, а эти кто такие?». *Айт хари, ону себеби недир?* (А.Къурбанов) «Скажи-ка, в чем причина этого?». *Ненг бар*? (А.Салаватов) «Что у тебя есть?».

Среди вопросительных местоимений выделяется группа местоимений-наречий, выступающих в предложении в качестве обстоятельств. К ним относятся *къайда*? «где?», *къайдан*? «откуда?», *къачан*? «когда?», *къачандан берли*? «с каких пор?», *къачангъа ерли*? «до каких пор?»: *Къачандан берли хан къара халкъгъа тынглайгъан болгъан*? (А. Къурбанов) «С каких пор этот хан стал слушать бедного народа?». *Къачан болгъунча созуп турма ярай?* (И. Ибрагьимов) «До каких пор можно затягивать?» Все названные местоиме-

ния являются общетюркскими, и тюркологи возводят их к корню *къай*, который вступил в сочетание со старинным творительным падежом слова – *чакъ* «время» и прошел следующие этапы в своем фонетическом развитии: 1) *къай чагъын > къай чаын;* 2) *къай чаын > къай чаан > къай чан*; 3) *къай чан > къайчан*; 4) *къайчан > къачан*. Эти местоимения не принимают аффиксов притяжательности, показателя множественности –*лар.*

В кумыкском языке находит место парное и удвоенное употребление некоторых вопросительных местоимений: *ким-ким? кимни-кимни? кимден-кимге? къайдан-къайда? къайсы-къайсы? нени-нени? нече-нече?: Олар шагьаргъа ким-ким баралар?* «Они в город кто с кем едет?»

В сложноподчиненных предложениях данные местоимения функционируют и как относительные слова, связывающие придаточные предложения: *Ким хали яйса, оьзю олтурур* (посл.) «Кто постелит ковер, сам сядет на него».

Вопросительные местоимения довольно часто субстантивируются, при этом они изменяются по падежам, принимают форму принадлежности и показатель множественности -*лар.*

Относительные местоимения

Относительными называются вопросительные местоимения, используемые для связи частей сложного предложения, а также вне вопроса. Они выполняют функцию члена предложения в придаточной части сложноподчиненного предложения. Вопросительные и относительные местоимения имеют много общего в формах и в функционировании. Семантически они отличаются тем, что референт вопросительных местоимений неизвестен. *Нечакъы айтса да, гьар абатны ойлашып, мекенли сувукъ гьакъыл булан алып уьйренген* (И.Къазиев) «Как ни говори, привык делать каждый шаг обдуманно и хладнокровно». *Сенден яшырмагъа негер тарыкъ* (И.Къазиев). «Зачем скрывать от тебя».

Неопределенные местоимения

Местоимения данного разряда указывают на некий предмет или лицо, свойство или обстоятельство, не идентифицируя их. Неопределенные местоимения не имеют четкой структуры. Можно отметить следующие неопределенные местоимения: *бирев* «кто-то», *паланча* (*пеленче*) «некий», «кто-то», *ки-*

месе, кимесе бирев «кто-то», *бир зат* «что-то», *бириси* «кто-то», *къачан эсе* «когда-то», «давным-давно», *къачан буса да* «когда-нибудь, когда-то», *нече эсе* «сколько-то», «неизвестно сколько?», *неме* «что-то», *къайда буса да* «где-то, где-нибудь», *къайсы буса да* «какой-нибудь». Как видно, к системе неопределенных местоимений примыкают синтаксически неразложимые сочетания.

Бирев, кимесе бирев, кимесе – местоимения, которые замещают только лица. Прономинативы *бир нече, бир зат, нече эсе* замещают значение неопределенности референта с указанием на его число и количество.

Неопределенные местоимения *къайда буса да, къачан буса да, не ерде буса да* указывают на неопределенность различных обстоятельств, в которых протекает действие.

Местоименные слова *палан, паланча* (*пеленче*) употребляются тогда, когда говорящий хочет обобщенно сказать о ком-либо или о чем-либо.

В зависимости от того, какую часть речи заменяют, неопределенные местоимения могут принимать различные словоизменительные аффиксы: *биревлер* «кто-то», *биревню* «кого-то», *паланчаны* «такого-то», *кимесе биревден* «от кого-то» и др.

Биревлер бар, юрюп барсанг уьстюне,

Талчыкъгъанда, тарыгъынгны кютеген,

Биревлер бар, йыгъылгъанынг гёргенде,

«Ай сени! – деп, абатланып оьтеген (М.Атабаев)

«Есть одни, когда подойдешь к ним,

Когда ты в нужде, помогают тебе,

Есть некоторые, когда видят, что ты упал,

«Черт с тобой! – говорят и проходят мимо».

Парные прономинативы имеют более обобщенное значение: *Бир-биревлер шо законну буза* (И.Ибрагьимов) «Некоторые нарушают этот закон».

Заменяя различные части речи, неопределенные местоимения принимают словоизменительные аффиксы.

В современном кумыкском языке некоторые неопределенные местоимения образуются при помощи слова *бир* «один, некий, нечто»: *бир гиши* «какой-то человек», *бир иш* «какое-то дело», *бир китап* «какая-то книга» и др.

Определительные местоимения

В современном кумыкском языке к разряду определительных местоимений, выражающих значение обобщения, относятся *гьар, гьар ким, гьар бир* «каждый», *бары, бютюн* «весь», *оьз* «сам», *баягъы, алай* «так», *булай* «вот так». Их можно разделить на 2 группы: а) индифферентные – *гьар, гьар ким, гьар бир* – какой угодно, безразлично какой; б) совокупные - *бары, бютюн* «*всё, все*». К определительным местоимениям относятся также *не* в значении «какой», «что за». Данное местоимение в относительном употреблении выступает в функции относительных слов, обусловливающих значение придаточного предложения. *Не адамсан гёргенни айтмайгъан* «Ты, что за человек, не говоришь о том, что видел». *Гьей Абдурагьман, не ишинг бар сени сабанланы токътатмагъа!* (И.Ибрагьимов) «Эй, Абдурахман, какое ты имеешь право останавливать плуги!»

Местоимение *гьар* заимствовано из персидского языка и морфологически неизменяемо. Чаще всего определяет имя существительное, обозначающее лицо, слова с пространственно-временным значением: *гьар адам* «каждый человек», *гьар гиши* «каждый мужчина», *гьар гюн* «каждый день», *гьар гече* «каждую ночь», *гьар юрт* «каждое село» и т.п.

Прономинатив *гьар* оформляется аффиксами принадлежности: *Биз шонда ёлугъарбыз. Онда, гьарибиз айры вагонгъа да минип, Торкъалиге гетербиз* (М.Ягьияев) «Мы там встретимся. Там каждый из нас сядет в отдельный вагон и поедет в Торкали». *Гьариси оьзюню башыны гьайын этип айлана* (М.Ягьияев) «Каждый заботится о своей голове».

Местоимения *бары, бютюн, гьариси* часто выступают в предложении в роли обобщающего слова при однородных членах: *Оланы гьарисини аты бар*: *Галя, Оля, Кумсият, Тоня, Женя, Умгьани, Кавсарат ва Асият* (М.Ягьияев) «У каждого из них есть свое имя: Галя, Оля, Кумсият, Тоня, Женя, Умгьани, Кавсарат и Асият». *Гьармут, гьайва, шаптал, алма, юзюм, баъли – булар бары да бизин бавда оьсе* «Груша, айва, персик, яблоня, виноград, черешня – все они растут в нашем саду».

Своеобразны лексическое и грамматическое значения местоимения *оьз*.

Местоимение *оьз* чаще всего уточняет имя существительное или другое местоимение и ставится в постпозицию по отношению к ним, подчеркивая, что лицо или предмет лично производит действие или подвергается ему. И в том, и в другом случае местоимение оьз приобретает аффикс принадлежности, соответствующий лицу заменяемого или уточняемого слова: *мен оьзюм* «я сам», *сен оьзюнг* «ты сам»; *биз оьзюбюз* «мы сами», *сиз оьзюгюз* «(вы) сами». В сочетании с личными местоимениями при склонении сочетания уточняемое слово приобретает аффикс притяжательного падежа: *мени оьзюмню*, *сени оьзюнгню, ону оьзюню* т. д.

Определительное местоимение *оьз* «сам» получает свое конкретное содержание при помощи аффиксов принадлежности: *оьзюм* «я сам», *оьзюнг* «ты сам», *оьзю* «он сам», *оьзюбюз* «мы сами», *оьзюгюз* «вы сами», *оьзлер* «они сами».: *мен оьзюм* «я сам», *сен оьзюнг* «ты сам», *ол оьзю* «он сам», *биз оьзюбюз* «мы сами» и др.

Прономинативы *оьз, бар*, оформленные аффиксами принадлежности, изменяются по падежам, склоняются также местоимения *гьар ким, гьариси.*

Осн.	*оьзюм*	*оьзюнг,*	*бары да,*	*гьар ким,*	*гьариси*
Род.	*оьзюмню,*	*оьзюнгню,*	*барыны да,*	*гьар кимни*	*гьарисини*
Дат.	*оьзюме,*	*оьзюнге,*	*барына да,*	*гьар кимге,*	*гьарисине*
Вин.	*оьзюмню,*	*оьзюнгню,*	*барын да*	*гьар кимни,*	*гьарисин*
Местн.	*оьзюмде,*	*оьзюнгде,*	*барында да,*	*гьар кимде,*	*гьарисинде*
Исх.	*оьзюмден,*	*оьзюнгден,*	*барындан да,*	*гьар кимден*	*гьарисинден.*

Когда местоимение *бары* употребляется с аффиксами принадлежности, то к нему прибавляется еще частица *да*: *барыбыз да* «мы все», *барыгъыз да* «все вы», *барысы да* «они все». Данное местоимение не оформляется аффиксами притяжательности ед. числа: *Бары да уьлкелени пролетарлары*, *бирлешигиз*! «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Отрицательные местоимения

К отрицательным относятся местоимения *гьеч* «ничто, нисколько», *гьеч ким, гьеч бирев*, *бирев де, бир де* «никто», *гьеч не, гьеч бир зат, бир зат да* «ничто, ничего». В предложении они присоединяются к именам или глаголам и нередко употребляются с усилительной частицей (*да*) (*де*): *Гъуя, бу уьйде чи*

бирев де ёкъ! (А.Салаватов) «Ой, в этой комнате же никого нет!». *Оразлыны не аты, не фамилиясы бугъар гьеч бир затны да аян этмеди* (И.Ибрагьимов) «Ни фамилия, ни имя Оразлы ему ничего не разъяснили». *Тек мен сизин гелгенигизге гьеч бир зат айтып болмайман* (Р.Расулов) «Но я не могу ничего сказать по поводу вашего приезда».

Все отрицательные местоимения, кроме *гьеч*, принимают падежные аффиксы: *гьеч кимни, гьеч кимге, гьеч кимде, бир зат да, бир затны да, бир затдан да* и т.п. Они могут принимать и аффиксы принадлежности: *гьеч кимим, гьеч киминг, гьеч кими, бир затым да, бир затынг да, бир заты да* и т.п.

Отрицательные местоимения, как и вопросительные и неопределенные, соотносятся с различными частями речи и функционируют подобно им.

Количественные местоимения

Рассматриваемый разряд местоимений выступает заместителями числительных. Они указывают на количество, но не называют его. К количественным местоимениям относятся *мунча, шунча, онча, мунчакъы, шунчакъы, ончакъы* «столько, так много», *нече, нечесе* «сколько». Они представляют собой результат адвербиализации форм экватива от указательных местоимений *бу, шу.*

Кроме названных утвердительно-количественных местоимений, встречаются также неопределенно-количественные местоимения *бир нече, бир къыяма* «несколько, очень много» и вопросительные-количественные местоимения *нече*? *нечакъы*? «сколько?»: *Бир нече гюн алдын гётерилген алатопан, танг билинегенде бирден шып болуп къалгъанны постда токътагъанлардан къайры бирев де билмеди* (М.Ягьияев) «Прекращение бури, поднявшейся на рассвете несколько дней тому назад, никто не заметил, кроме тех, кто стояли на посту»; *Шончакъы да разисиз, дюрмю*? (А.Салаватов) «До того довольны, да?»

Все количественные местоимения принимают аффиксы склонения, множественности, принадлежности: *мунчакъысы, нечем, неченг, нечеси, бир нечеси, мунчакъылап, ончакъылар, нечелер, бир нечелер* и т.п.

Притяжательные местоимения

Данный разряд местоименных слов в современном кумыкском языке образуется путем присоединения афф. *-ны*, *-ын*, *-ныки* к личным и другим место-

имениям и в своей семантической сущности содержат некоторое местоименное значение, замещая притяжательные имена существительные. К притяжательным местоимениям относятся: *мени*//*меники* «мой», «принадлежащий мне», *сени*//*сеники* «твой, принадлежащий тебе», *ону*//*онуки* «его», «принадлежащий ему», *бизин*//*бизинки* «наш», «принадлежащий нам», *сизин*//*сизинки* «ваш», «принадлежащий вам», *оланы*//*оланыки* «их», «принадлежащий им», *муну*//*мунуки* «этого», «принадлежащий этому», *кимни*//*кимники* «чей?», «принадлежащий кому?», *не*//*неники*? «чей?», принадлежащий чему?».

Прилагательные, местоимения, оформленные афф. -*ны* (-*ын*), всегда находятся в препозитивном положении по отношению к существительному, обозначающему предмет обладания, а местоименные слова с афф. -*ныки* занимают постпозитивное положение: *мени китабым* «моя книга», *китап меники* «книга моя»; *Мени аягъым къатты, сеники йымышакъ болсун учун* (И.Ибрагьимов) «Чтобы моя нога была тверже, твоя была мягче».

Прономинативы с афф. -*ныки* изменяются по падежам, тогда как с афф. -*ны* (-*ын*) не имеют форм склонения.

Прономинализация

Прономинализация – лексическое или функционально-грамматическое сближение некоторых частей речи с местоимениями. Местоимения представляют собой закрытый лексический ряд, изменение которого происходит медленно. В кумыкском языке путем прономинализации формировались местоимения на базе числительного: *бир* «некий», *бир нече* «несколько». Различаются два способа прономинализации: лексический и морфолого-семантический. Лексический способ реализуется тогда, когда слово приобретает местоименную семантику в результате ослабления реального значения, присущего данному слову: *бир гиши* «один человек», *бир гиши* «некий человек», *бир гиши* «некто». Морфолого-синтаксический способ реализуется с помощью аффикса принадлежности 3-го л. и других аффиксов: *бар* «есть», *бар-ы* «все»; *не?* «что?», *нече?* «сколько?», *шо* «то», *шонча* «столько» и т.п.

Таким образом, параллельно основной системе частей речи существует еще относительно самостоятельная по отношению к ней – местоименная. Местоимения примыкают к соответствующим частям речи, не входя непосредст-

венно в их состав. Анализ фактического материала показывает, что местоименная лексика делится на несколько семантических разрядов. Деление это базируется на характере взаимодействия соответствующего местоименного слова с ситуацией или контекстом.

Основная функция местоимения – дейксис. Местоимения участвуют в номинации только косвенно, указывая на уже названный ранее предмет, однако они не передают новой содержательной информации. Это общее дейктическое значение служит основанием для объединения разнородных по морфологическим и синтаксическим свойствам разрядов в единую часть речи.

НАРЕЧИЕ

Грамматическая характеристика наречия

В морфологическом и синтаксическом плане наречия ближе всего стоят к прилагательным. Прилагательные и качественные наречия в кумыкском языке в синтаксическом плане не дифференцированы: те и другие могут выступать в предложении, как в функции определения, так и в функции обстоятельства, например, прилагательное *яхшы*: *яхшы яш* «хороший мальчик», *яхшы охуй* «хорошо учится», наречие *янгыз* «одиноко, один» // «одинокий»: *янгыз тура* «живет один», *янгыз адам* «одинокий человек». Вопрос о дифференциальных признаках прилагательных и качественных наречий остается открытым, и эти по существу грамматически единые разряды слов различаются по семантическому признаку, т.е. если отдельно взятое слово связано с признаком предмета, то оно относится к прилагательным (*яхшы* «хороший»), а если оно связано с признаком действия – к наречиям (*чалт* «быстро»). Н.К. Дмитриев в своих работах особо останавливается на этом вопросе и отмечает переходный характер категории наречия как части речи. Вопрос о дифференциальных признаках прилагательных и качественных наречий относится к более общему вопросу о роли синтаксического признака в разграничении частей речи в тюркских языках и может быть решен только на уровне теории частей речи.

В морфологическом плане основным признаком наречий является их неизменяемость. Однако в данном плане наречия не однородны. По морфологическому признаку все наречия можно разделить на две группы:

1. Неизменяемые наречия, которые не имеют частных грамматических

категорий. Сюда относятся изолированные формы наречий, наречия, образованные при помощи афф. *-дай, -дей, -лай, -лей, -лайын,* парные и парно-повторные наречия.

2. Наречия, которые имеют частные грамматические категории (падежные и реже посессивные формы). По падежам и по категории принадлежности изменяются:

а) некоторые качественные наречия, имеющие степени сравнения (например, *аста* «медленно», *чалт* «быстро», *янгыз* «одиноко, один») в субстантивированном виде: *Яман къатындан чабып, Ат озмагъан чалтындан* (Й.Къазакъ) «У неимущего и одинокого да будет сердце справедливо!»;

б) сложные наречия времени *бугюн* «сегодня», *тюнегюн* «вчера», *тангала* «завтра», *бирисигюн* «послезавтра», «позавчера» в субстантивированном виде и в сочетании с послелогами: *Бугюнню тангаласы да бар* «Утро вечера мудренее», *бугюнге ерли* «до сегодняшнего *дня», тангаладан башлап* «начиная с завтрашнего дня», *тюнегюнден бугюнге ерли* «со вчерашнего дня до сегодняшнего»;

в) наречия, образованные при помощи афф. *-ча, -че*: *Русчадан къумукъчагъа гёчюре* «Переводит с русского на кумыкский»; *Китапланы русчасын алды* «(Он) взял книгу, написанную по-русски».

От словоизменительных форм наречий следует отличить изолированные формы самих наречий, которые представляют самостоятельные лексические единицы: *тез* «рано», *тезден* «издавна», *тувра* «прямо», *туврадан* «напрямик», *кёп* «много», *кёпден* «давно».

Основной синтаксической функцией наречий является функция обстоятельства. Возможность употребления в функции обстоятельства является обязательным условием для выделения наречия как части речи. Подавляющее большинство наречий употребляется как обстоятельство, что и позволяет выделить наречия как лексико-грамматическую категорию.

По синтаксическому признаку все наречия делятся на две группы:

1. Наречия, выступающие только в функции обстоятельства. В эту группу входят наречия на *–лай, -лей, -лайын, -лейин* и сложные наречия (сложные, составные и парные).

2. Наречия, которые, наряду с функцией обстоятельства, выполняют также функцию приименного определения, а в субстантивированном виде – и других членов предложения. В эту группу входят качественные наречия, которые в роли определения употребляются редко, наречия с афф. *-ча, -че, -дай, -дей*: *чалт ат* «резвый конь», *къумукъча китап* «книга, написанная по-кумыкски». Наречия на *-дай, -дей* свободно употребляются и как приглагольные, и как приименные определения: *Анабыздай сют берген къыркъ тамурдан* (Б.Астемиров) «Она вскормила нас как наша мать»; *Биздей нече къазакъ да бар, къул да бар* (Й.Къазакъ) «Много таких батраков и рабов, как мы»; *Татавулну суву булакъ сувдай сюзюк* (У.Мантаева) «Вода в канале прозрачна как родниковая вода».

Разряды наречий

По значению различаются два типа наречий: количественные, куда входят наречия, имеющие степени сравнения, и обстоятельственные, которые обозначают место, время, причину, цель или следствие.

К количественным наречиям относятся:

1) наречия образа действия: *чалт* «быстро», *аста* «медленно», *яяв* «пешком», *рагьат* «спокойно», *тувра* «прямо», *сийрек* «редко», *къумукъча* «по-кумыкски», *янгыдан* «снова», *къурулай* «всухую», *чалт-чалт* «быстро-быстро», *тувра-туврадан* «напрямик», *туврадан-тувра* «прямо», «открыто»;

2) наречия меры и степени: *аз* «мало», *кёп* «много», *бираз* «немного», *кем* «меньше», *аз-аз* «мало-помалу», *дагъы да* «еще», *бирдагъы керен* «еще раз», *онча* «столько», *мунча* «вот столько»;

3) наречия уподобления и сравнения: *байрамча* «по-праздничному», *тавдай* «как гора», *сендей* «как ты», «подобно тебе», *итдей* «как собака».

Качественные наречия имеют степени сравнения, т.е. выражают количественную характеристику признака действия. Как и прилагательное, качественные наречия имеют положительную, сравнительную и превосходную степени.

Положительная степень обозначает нейтральный в количественном отношении признак и выражается исходной основой наречия: *аз* «мало», *бек* «крепко», *тюз* «прямо», *аста* «медленно».

Сравнительная степень наречия образуется при помощи аффиксов. По сравнению с прилагательными они встречаются редко: *астаракъ* «медленнее», *азгине* «очень мало», *чалтсув* «быстрее». Сложные наречия с компонентом *бираз* также выражают сравнительную ступень: *кёп* «много» - *бираз кёп* «больше», *чалт* «быстро» – *бираз чалт* «быстрее».

Превосходная степень наречий образуется двумя способами:

а) при помощи усилительных частиц *бек, кёп, бек кёп, лап: аста* «медленно» - *бек аста* «очень медленно», *чалт* «быстро» - *бек чалт* «очень быстро», *сийрек* «редко» - *лап сийрек* «очень редко»;

б) повторением основ (редупликацией): *чалт-чалт* «быстро-быстро», *кёп-кёп* «много-много», «очень много», *тез-тез* «очень рано».

Обстоятельственные наречия также имеют несколько разрядов:

а) наречия места: *онда* «там», *мунда* «здесь», *бу якъда* «на этой стороне», *ари* «туда», «подальше», *бери* «сюда», *алда* «впереди», *алгъа* «вперед», *ари-бери* «туда-сюда»;

б) наречия времени: *эрте* «рано», *геч* «поздно», *алдын* «раньше», *энни* «сейчас», *гьали* «теперь», *бугюн* «сегодня», *тангала* «завтра», *тюнегюн* «вчера», *гюндюз* «днем», *сонг* «потом», *тезден* «давно», «раньше», *энни* «теперь», *эрте* «рано», *къайда*? «где?», *къайдан*? «откуда?» и предположительно разложимые основы типа *янгыз* «одиноко», «один», *сийрек* «редко», *гьавайын* «даром», *яяв* «пешком», *тегин* «даром», *къачан*? «когда?».

ОБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

Аффиксация

Афф. -*ча,* -*че* образует наречия от существительных, реже от прилагательных, местоимений, числительных и от наречий. Наречия с афф. -*ча,* -*че* выражают способ, меру уподобления: *къумукъча* «по-кумыкски», *тюркче* «по-турецки», *тавча* «по-горски», *шонча* «столько», *къысгъача* «коротко», «короче», *онгача* «отдельно», *бирче* «вместе». Из личных местоимений в кумыкском языке наречия на -*ча,* -*че* образуют только местоимения *биз, сиз*; *бизинче* «по-нашему», *сизинче* «по-вашему».

В подавляющем большинстве говоров кумыкского языка употребляется только вариант -*ча*: *къумукъча* «по-кумыкски», *даргиче* «по-даргински», *сизин-*

че «по-вашему», и это позволяет предположить, что исходным, первоначальным вариантом является -*ча.* Данное предположение вполне согласуется с мнением тех тюркологов, которые афф. -*ча, -че* в историческом плане возводят к самостоятельному слову *чакъ* «момент», «пора», «мера» (Н.К.Дмитриев; А.Н.Кононов).

Афф. -*дай, -дей* образует наречия со значением подобия, сходства от существительных и местоимений: *атдай* «как конь», *итдей* «как собака», *тавдай* «как гора», *сендей* «как ты». Редко афф. -*дай, -дей* присоединяется к прилагательным на -*гъы* и -*лы: алдагъыдай* «как раньше», *тузлудай гёрюне* «кажется соленым».

В современном кумыкском языке заметно активизируются сочетания существительных, местоимений и прилагательных с послелогом *йимик*, который семантически соответствует афф. -*дай, -дей: тавдай* //*тав йимик* «как гора», *сендей* //*сени йимик* «как ты», *алдагъыдай* //*алдагъы йимик* «как раньше», в результате наречия на -*дай, -дей* приобретают архаичный оттенок.

Наречия на -*дай, -дей* от других наречий отличаются тем, что свободно употребляются и как приименное, и как приглагольное определения: *Совет уьлке, генг Ватанны сюейик, Анабыздай сют берген къыркъ тамурдан* (Б.Астемиров) «Полюбим Советскую страну, широкую Родину, вскормившие (нас) как наша мать»; *Биздей нече къазакъ да бар, къул да бар* (Й.Къазакъ) «Много таких же батраков и рабов, как мы».

В говорах буйнакского диалекта употребляется только вариант -*дей* (*сендей* «как ты», *тавдей* «как гора», который, вероятно, является исходным. Слова, с которыми тюркологи исторически связывают афф. -*дай, -дей* (*тий* «трогать», «касаться», *тенг* «равный», «одинаковый», также имеют гласный переднего ряда.

Аффикс -*лай, -лей* образует наречия образа действия от порядковых числительных, прилагательных, местоимений, причастий на -*гъан, -ген*: *биринчилей* «во-первых», *иссилей* «в теплом виде», «теплым», *тазалай* «в чистом виде», *яшлай* «молодым», «в молодом возрасте», *булай* «так», «сюда», *бютюнлей* «весь», «целиком», *савлай* «живым», «в живом виде», «целиком». От причастий на -*гъан, -ген* афф. -*лай, -лей* образует наречия с отсылочным значением:

Аталарабыз да айтгъанлай, давдан улан тувмас (фольк.) «Как говорили наши отцы, от войны сын не родится».

Афф. *-лай, -лей* исторически состоит из глаголообразующего афф. *-ла, -ле* и афф. деепричастия *-й.*

Аффикс *-лайын, -лейин* является сложным, состоит из афф. *-лай, -лей* и *-ын, -ин.* Данный аффикс образует наречия образа действия от причастий и существительных.

Процесс словообразования при помощи афф. *-лайын, -лейин* в современном языке завершен, и данный аффикс можно отнести к архаичным. Наречия с афф. *-лайын, -лейин* встречаются в произведениях фольклора и в старой литературе: *Айтгъанлайын болмаса, болгъанлайын этербиз* (Айтыв) «Если не получится так, как хочется, то сделаем так, как можется»; *Алмалайын башын гесип алды дей* (Халкъ йырдан) «Как яблоко голову ему (он) отрубил»; *Бийкем, неге къайгъымны этип алмадынг, Тюлкюлейин тюшген темир тузакъдан?* (Й.Къазакъ) «Бийке (моя), почему ты, позаботясь, не вызволила меня из капкана, в который я попал подобно лисе?»

В кумыкском языке употребляются также рудиментарные образования, содержащие архаичные наречные аффиксы.

1. Аффикс *-ын, -ин, -н, -йын*, исторически восходящий к аффиксу инструментального падежа: *алдын* «раньше», *бырын* «раньше», «в давние времена», *эртен* «утром», *тегин* «даром», *гьавайын* «даром», «напрасно».

2. Аффикс *-тын, -тин*, исторически восходящий к аффиксу исходного падежа: *ялгъантын*//*ялгъантындан* «ложно», «нарочно». В говорах употребляются еще наречия на *-тын, -тин*: *гертитин* «серьезно», «взаправду», *эртентин* «утром», «поутру», *ахшамтин* «к вечеру», «вечерком».

В народных песнях встречается архаичное наречие *сонгратын* «после»: *Бизин тапгъан аналар энни бизден сонгратын йылай-сыкътай кёр табар* (Халкъ йырдан) «Матери, родившие нас, теперь, после нас, плача и стеная, найдут могилу».

3. Аффикс *-гъары, -гъар, -гер, -гери*, исторически связанный с формой направительного падежа: *тышгъары* «наружу»: *Къачып тышгъары чыкъгъан* «Выбежал наружу»; *ичгери* «внутрь», «внутренний»: *ичгери уьй* «внутренняя

комната», а также в топонимических названиях: *Ичгери Мычыгъыш* «Внутренняя Чечня», *Ёгъар Къазаныш* «Верхнее Казанище», *Ёгъар Жюнгютей* «Верхний Дженгутай».

Словосложение

Словосложение является наиболее продуктивным способом образования наречий в кумыкском языке. Наречия, образованные способом словосложения и состоящие из двух и более компонентов, называются сложными. Сложные наречия не однородны ни по отношению компонентов друг к другу, ни по грамматической и семантической их спаянности. По указанным признакам можно выделить три типа сложных наречий.

Слитные наречия состоят из двух грамматически слившихся, семантически единых компонентов, первым из которых обычно являются местоимения *бу* «этот», *шо* «тот», *бириси* «другой»: *бугюн* «сегодня», *буссагьат* «сейчас», *шоссагьат* «тотчас». Приведенные слитные наречия восходят к определительным словосочетаниям. Разновидностью слитных наречий являются сложные наречия, между компонентами которых определительные отношения не выявляются: *бираз* «немного», *бирдагъы* «еще раз», *тангала* (*танг* «заря» + послелог *булан*) «завтра», *тюнегюн* (*тун* «ночь» + *гюн* «день») «вчера.

Составные наречия образуются путем сочетания двух и более компонентов, первым из которых обычно являются местоимения *бу, шу, шо, о, бир, гьар*, а вторым – существительные со значением времени или места. Составные наречия отличаются от слитных не только формально, но и по существу – первые, в отличие от вторых, ближе стоят к словосочетаниям. Тем не менее, они представляют собой единое целое, так как компоненты таких наречий не обладают грамматической самостоятельностью: *бу йыл* «в этом году», *шо гюн* «в тот день», *шо ерде* «на том месте», *шо заманда* «в то время», «тогда», *шо арада* «между тем», «тогда», *бир гюн* «однажды», *гюнлерден бир гюн* «в один из дней», *бир керен* «однажды», *кёп керен* «много раз», *гьар заман* «всегда», *гьар гюн* «каждый день».

Слово *бир*, которое активно участвует в образовании составных наречий, полифункционально. Кроме своей основной функции числительного, оно выполняет также функции неопределенного местоимения (*бир юртда* «в некото-

ром селе»), союза (*бир мен, бир ол* «то я, то он»), усилительной частицы (*бир яхшы* «очень хороший», «замечательный»). В составных наречиях *бир* обычно употребляется в функции неопределенного местоимения. Составное наречие *бир керен* в зависимости от контекста и функции *бир* может иметь разные значения: *бир керен* «однажды», «когда-то» (наречие времени) и *бир керен* «один раз» (наречие меры и степени).

Парные наречия образуются путем соположения двух слов, которые объединяются только семантически. Если слитные наречия в расчлененном виде представляют из себя в большинстве случаев подчинительные словосочетания с примыкающими компонентами, то парные наречия образуются по образцу свободных словосочетаний сочинительного типа. От простого повторения одного и того же наречия в составе предложения (например, в предупредительном значении) парные наречия отличаются интонационно – отсутствием паузы между компонентами, вследствие чего они произносятся как одно фонетическое слово. Сравните, например: *Аста-аста* (в произношении: *аст-аста*) *чакъ ачылды* «Постепенно погода прояснилась» и *Аста, аста, йыгъыласан!* «Тихо, тихо, упадешь!»

Парные наречия образуются из двух наречий: *эрте-геч* «рано или поздно», *ари-бери* «туда-сюда»; существительных: *къат-къат* «слоями», *ахшам-ахшам* «вечерами»; числительных: *бир-бирде* «иногда», *бирер-бирер* «по одному»; деепричастий: *бара-бара* «со временем», «постепенно», *чаба-чаба* «бегом», *къайтып-къайтып* «повторно», «неоднократно».

По семантическим отношениям компонентов встречаются антонимичные и редко синонимичные парные наречия: *бугюн-тангала* «сегодня-завтра», *эрте-геч* «рано или поздно», *эртен-ахшам* «по утрам и вечерам», *аз-кёп* «в некотором количестве», «немного», *ари-бери* «туда-сюда», *эсен-аман* «целым-невредимым», *сюрюне-йыгъыла* «спотыкаясь и падая», *арымай-талмай* «без устали», *сав-саламат* «жив-здоров».

Наиболее продуктивным типом парных наречий являются парно-повторные наречия, образующиеся путем редупликации, сдвоением одной и той же основы.

По структуре компонентов различаются три типа парно-повторных наре-

чий.

«Чистые» повторы, т. е наречия, образованные путем полной редупликации. Это сдвоенные наречия, оба компонента которых одинаковы по форме: *чалт-чалт* «быстро-быстро», *аста-аста* «медленно-медленно», «потихоньку», *тез-тез* «скорее», *геч-геч* «очень поздно», *эниш-эниш* «вниз», «вниз по склону», *бара-бара* «со временем», *гезик-гезик* «по порядку, «рядами», *тувра-тувра* «напрямик», «прямо».

Парно-повторные наречия с фонетическим изменением одного из компонентов: *аз-маз* «немного», «мало-помалу», *тюп-тюз* «прямо», «прямохонько». По сравнению с прилагательными и существительными, сложные слова указанного типа среди наречий встречаются редко.

Парно-повторные наречия, один из компонентов которых имеет аффиксы пространственных падежей (обычно дательного и исходного). Данный тип парно-повторных наречий в свою очередь делится на два вида:

1) парно-повторные наречия, один из компонентов (обычно первый, реже второй) которых содержит падежный аффикс: *бетге-бет* «очно», «лицом к лицу», *бирге-бир* «один на один», *туврадан-тувра* «прямо», *оьлмесден-къалмас* «еле-еле, с трудом», *гюнден-гюн* «изо дня в день», *бирден-бир* «еще больше», *ер-ерде* «местами», «в разных местах», *арт-артындан* «один за другим»;

2) парно-повторные наречия, оба компонента которых оформлены падежными аффиксами: *йылдан-йылгъа* «из года в год», *къолдан-къолгъа* «из рук в руки».

Адвербиализация

Переход других частей речи в наречия, или адвербиализация, является одним из продуктивных способов образования наречий в кумыкском языке. Адвербиализация осуществляется двумя способами: путем конверсии и изолирования падежных форм.

При конверсии существительные с временным значением, преимущественно существительные *гече* «ночь», *эртен* «утро», *ахшам* «вечер», и некоторые деепричастия в определенном контексте приобретают наречные значения: *Гече гелди* «(Он) пришел ночью»; *Эртен гетди* «(Он) ушел утром»; *Ахшам жыйылдылар* «(Они) собрались вечером»; *Мен оьзенден юзюп чыкъдым* «Я пе-

реправился через реку вплавь».

Изолирование падежных форм является самым продуктивным способом адвербиализации. В кумыкском языке изолируются формы дат., мест. и исх. падежей существительных, прилагательных, числительного *бир* «один», местоимений *бу, шу* «этот», *шо, о* «тот»: *ахшамгъа* «к вечеру», *масхарагъа* «в шутку», *мунда* «здесь», *башда* «вначале», *юрекден* «от сердца», *бирден* «вдруг».

ГЛАГОЛ

В системе частей речи глагол занимает особо важное место, которое определяется следующими основными факторами: 1) семантическим и категориальным богатством глагольных форм, позволяющим им составлять значительную часть морфологии вообще; 2) ролью глагола в структуре основной языковой единицы - предложения: глагол является специализированной формой выражения главного признака предложения – предикативности.

В морфологическом плане грамматические категории глагола по степени их универсальности делятся на две группы: 1) категории, свойственные только глаголу: переходность–непереходность, залог, аспектуальность, наклонение, время, отрицательная форма на *-ма, -ме.* Это собственно глагольные категории; 2) категории, свойственные глаголу и другим частям речи: категории лица, числа, склонения и принадлежности.

По степени охвата форм глагольные категории делятся также на две группы: 1) грамматические категории, охватывающие все глагольные формы: переходность–непереходность и залог. Залог среди других глагольных категорий занимает особое место, ибо является основным дифференциальным признаком глагола в системе частей речи. Переходность–непереходность и залог являются главными показателями семантического признака глагола – его процессуальности. Залог можно принять за признак, при помощи которого проверяется глагольность слова. Например, слово *асмакъ* в переходном значении *кимни, нени асмакъ*? «кого, что повесить» и в составе залоговой парадигмы *асмакъ* «повесить», *асылмакъ* «повеситься», *асдырмакъ* «заставить повесить», будет глаголом (именем действия), при отсутствии же указанных условий слово *асмакъ* является именем существительным в значении «виселица»; 2) грамматические категории, охватывающие только часть глагольных форм: накло-

нение, время, лицо, число (личные формы); отрицательная форма на *-ма, -ме*, склонение и принадлежность (причастия и имена действия).

По отношению к категории лица различаются два типа глагольных форм: 1) личные формы глагола, которые в свою очередь имеют два типа: а) формы, соотнесенные лишь с определенным лицом и числом (формы повелительного и желательного наклонений); б) формы, имеющие полную парадигму, т.е. спрягающиеся по всем трем лицам (формы условного, сослагательного и изъявительного наклонений); 2) к неличным формам глагола относятся глаголы, к которым не присоединяются форманты, показывающие субъект действия, т.е. личные аффиксы. Субъект действия неличных форм обозначается местоимениями-подлежащими или личной формой конечного глагольного или именного сказуемого, к которому относится неличная форма: *Мен гелгенде, о гетди* «Когда я пришел, он ушел»; *Гелген къонакъман* «(Я) (есть) прибывший гость». К неличным формам глагола относятся причастия, имена действия, деепричастия, инфинитивы.

Категория залога

С категорией залога тесно связано понятие переходности и непереходности. Переходные глаголы выражают действие, которое может быть направленным, переходящим на какой-либо прямой объект, выраженный формой вин. падежа и выделяются постановкой вопросов *кимни*? «кого?», *нени*? «чего?», *не*? «что?»: ал- «брать», *оху*- «читать».

Непереходные глаголы, в отличие от переходных, выражают действие, которое не может быть направленным, переходящим на прямой объект, т.е. действие, которое непосредственно соотнесено с субъектом, замкнуто в субъекте: *бар*- «идти», *ят*- «лежать», *юхла*- «спать», *тур*- «стоять», *олтур*- «садиться».

Существует группа глаголов, которые в современном языке утвердились в непереходном значении, но в определенных сочетаниях употребляются с прямым объектом, т.е. фактически не различают переходности-непереходности: *къарамакъ* «смотреть» – *китап къарамакъ* «читать книгу»; *урмакъ* «бить» (*кимге*? «кому?» *негер*? «чему?» непереходный глагол) – *къоян*

урмакъ «убить зайца»; *минмек* «садиться», «залезать» – *ат минмек* «сесть на коня»; *юрюмек* «идти» – *ёл юрюмек* «пройти путь».

Рассмотренные глаголы в переходном значении употребляются только с определенным кругом имен, в силу чего сочетания типа *китап къарамакъ, ат минмек, ёл юроюмек* носят характер устойчивых грамматикализованных сочетаний.

Залог в кумыкском языке является лексико-грамматической категорией, которая выражает отношение действия к грамматическому субъекту. В современном кумыкском языке пять залогов: основной (прямой, действительный), страдательный, возвратный, взаимно-совместный, понудительный.

Основной залог

Основной залог выражается основой глагола и охватывает как переходные, так и непереходные глаголы. Формально основной залог выделяется отсутствием залогового показателя и является базой для образования косвенных залогов. Основной залог охватывает значения переходности и непереходности.

Основная функция глагола как части речи – выражение действия как процесса, т.е. отношение действия к грамматическому субъекту осуществляется через категорию залога, поэтому залоговым значением обладают все глаголы. Потеря залогового значения глаголом ведет к его конверсии.

Возвратный залог

Возвратный залог образуется от основы переходных глаголов путем прибавления афф. *–ын, -ин, -ун, -юн, -н.* Варианты *–ын, -ин, -ун, -юн* присоединяются к основам с конечным согласным, вариант *–н* – к основам с конечным гласным: *якъ-* «мазать» – *ягъын-* «краситься», *гий-* «одеть» – *гийин-* «одеться», *жув-* «мыть» – *жувун-* «умываться», *гёр-* «видеть» - *гёрюн-* «показаться», *хашы-* «чесать» - *хашын-* «чесаться». Возвратный залог, как и другие залоги, образуется не от всех глаголов, что зависит от лексического значения глагольной основы.

Основным залоговым значением возвратного залога является обозначение действия, направленного на его производителя, замыкающегося в субъекте. Действие, обозначаемое глаголами возвратного залога, сосредоточено на самом

действующем лице. Это общее значение в языке проявляется в двух оттенках залоговых значений.

1. Собственно-возвратное значение, заключающееся в том, что действие субъекта направлено на него самого, возвращается к нему: *жувун-* «умываться», *ягъын-* «краситься», *гийин-* «одеваться», *хашын-* «чесаться».

2. Общевозвратное значение, которое в свою очередь имеет три оттенка значения: 1) выражение внутреннего состояния субъекта: *сююн-* «радоваться», *къоркъун-* «испугаться», *шатлан-* «веселиться», *тартын-* «бояться», «стесняться»; 2) выражение внешнего состояния субъекта: *такрарлан* «повторяться, *сёйлен-* «разговаривать сам с собой», «бурчать», *беклен-* «закрыться», *тамамлан-* «закончиться», *таян-* «опираться», *безен-* «украшать себя»; 3) выражение действия, совершаемого субъектом для себя, в свою пользу: *гьазирлен-* «готовиться», *пайдалан-* «использоваться», *сыйлан-* «почитаться, чтиться», *тилен-* «просить милостыню».

Следует отметить, что указанные оттенки залоговых значений не вытекают из содержания возвратного залога, а обусловлены лексическим значением первичной основы глагола. Общее значение возвратного залога во всех случаях одно и то же: обозначение действия, при котором субъект и объект совпадают в одном лице.

Группа глаголов в форме возвратного залога в семантическом плане отошла от значения первичной основы и аффикс возвратного залога в глагольных словоформах данной группы является по существу формантом лексического словообразования, например: *сюр-* «пахать» - *сюрюн-* «спотыкаться», *сюй-* «любить», «хотеть», – *сююн-* «радоваться», *тюш* «сходить», «слезать», «падать» – *тюшюн* «понимать».

Страдательный залог

Страдательный залог в кумыкском языке образуется от переходных и редко от непереходных глаголов путем присоединения к основе глагола афф. – *ыл, -ил, -ул, -юл, -л: ач-* «открывать» – *ачыл-* «быть открытым», *чеч-* «снимать», «решать» – *чечил-* «быть снятым», «быть решенным»; *къур-* «строить» - *къурул-* «быть построенным», *сюр-* «пахать» – *сюрюл* «быть вспаханным», *аша-*

«есть» – *ашал-* «быть съеденным», *таны-* «узнавать» – *таныл-* «быть узнанным».

От основ с конечным *л* страдательный залог образуется при помощи аффиксов возвратного залога *–ын, -ин, -ун, -юн.* Внешне залоговое значение таких образований устанавливается по контексту и по значению вторичной основы глагола*: ал-* «брать» - *алын-* «быть взятым», *бил-* «знать» – *билин-* «стать известным», *бёл* «делить» - *бёлюн-* «быть разделенным».

Таким образом, конечный *л* в первичных основах глаголов является формальным признаком различения возвратного и страдательного залогов и приобретает морфологический характер. Природа этого *л* не ясна, так как вопрос о том, почему именно после основ на *л* страдательный залог образуется при помощи афф. *–ын*, остается открытым.

Особо следует остановиться на залоговом значении отыменных глаголов, образованных при помощи афф. *-ла, -ле.* Глаголы с афф. *-ла, -ле*, как и глаголы с конечным *л*, не имеют страдательной формы на *–л*, к ним также присоединяется залоговый показатель *-н.* Однако не все глаголы с сочетанием афф. *–ла + н, -ле + н*, а также с неразложимым афф. *-лан, -лен*, имеют страдательное значение, например, глаголы *иш + ле + н* «бысть построенным (*уьй ишленген* «дом построен»), *харж + ла + н-* «быть израсходованным» (*акъча харжланды* «деньги израсходованы»), *таза + ла + н* «быть вычищенным» (*опуракъ тазалангъан* «одежда вычищена») имеют страдательное значение, а глаголы *пайда + ла + н-* «пользоваться», *уьй + лен-* «жениться», *яш + лан-* «слезиться», *борч + лан-* «быть в долгах» – возвратное. Интересно отметить, что сказанное распространяется и на некоторые глаголы, которые оканчиваются на слоги *ла, ле*, которые не являются словообразовательными формантами: *тиле-* «просить» – *тиле + н* «попрошайничать» (возвратное значение), *биле-* «точить» – *биле + н* «быть отточенным» (страдательное значение).

Если в предложении грамматический и логический субъекты совпадают в одном лице, то форма страдательного залога имеет возвратное значение: *Ол газетге язылгъан* «Он подписался на газету» (ср.: *кагъыз язылгъан* «письмо написано»); *къыйна-* «мучить» – *къыйна + л-* «мучиться», «страдать».

Общим значением страдательного залога является обозначение действия, совершаемого неопределенным или неуказанным субъектом, и направленного на логический объект, который в предложении является подлежащим.

Содержание страдательного залога реализуется через следующие конкретные значения: 1) собственно-страдательеное: *къагъыз язылгъан* «письмо написано», *терек гесилген* «дерево вырублено», *китап охулгъан* «книга прочитана»; 2) страдательно-медиальное: *языл-* «подписаться», «записаться»; *бёлюн-* «делиться», «быть поделенным», *сакълан-* «храниться», «быть хранимым», *гёмюл-* «закопать себя», «быть закопанным», *батыл-* «тонуть», «утопиться», *ярыл-* «расколоться», «быть расколотым»; 3) страдательно-безличное: *юртгъа барылмай* «в село не ездится», *эсги уьйлерде турулмай* «в старом доме не живется», *масъалагъа къаралмады* «вопрос не был рассмотрен». Указанное значение в кумыкском языке образуется от небольшого количества непереходных глаголов. Действие приведенных глаголов не только не имеет логического субъекта, но и не предполагает его.

Взаимно-совместный залог

Глаголы взаимно-совместного залога выражают действие, которое совершается взаимно или совместно несколькими действующими лицами. При употреблении в указанном прямом и основном значении во взаимно-совместном залоге действующие лица по отношению друг к другу одновременно являются и объектами.

Взаимно-совместный залог в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, образуется от переходных и непереходных глаголов путем прибавления к основе глагола афф. *-ыш, -иш, -уш, -юш, -ш: тарт-* «тянуть» – *тартыш-* «тягаться», «спорить», *гел-* «приходить» – *гелиш-* «подходить», «сходиться», «ладить», *ур-* «бить» – *уруш-* «биться», «ругаться», *гёр-* «видеть» – *гёрюш-* «видеться», *сёйле-* «говорить» – *сёйлеш-* «договариваться».

Афф. *-ыш* является омонимичным: он образует как форму взаимно-совместного залога, так и имена от глаголов: *таны-* «знать» – *таныш-* «знакомиться» – *таныш* «знакомый», «приятель», *ур-* «бить» – *уруш-* «биться», «спорить» – *уруш* «битва», «бой», *юрю* «ходить» – *юрюш* «ходьба», «походка», *къурул-* «быть построенным» – *къурулуш* «стройка».

При некоторых глаголах, вследствие утраты первичной основы своего лексического значения, афф. *–ш* слился с глаголообразующим афф. *–ла, -ле* (*-ла+ш > -лаш, -леш*): *кёмек* «помощь» – *кёмек* + *леш-* (нет основы «*кёмекле*») «помогать друг другу», *ювукъ* «близкий» – *ювукълаш-* «приближаться» (нет основы «*ювукъла-*»), *генг* «широкий» – *генглеш-* «расширяться» (нет основы «*генгле-*»).

Хотя основное содержание взаимно-совместного залога составляют значения взаимности и совместности, в зависимости от семантики глагольной основы и контекста взаимно совместный залог охватывает более широкий круг значений и их оттенков.

1. Значение взаимности. В этом значении действующие лица одновременно являются и объектами по отношению друг к другу: *оьбюш-* «целоваться», *сюзюш-* «бодаться», *гёрюш-* «видеться».

2. Значение совместности. Глаголы с этим значением выражают действие, которое совершается совместно, сообща несколькими субъектами. В зависимости от контекста эти глаголы могут иметь два оттенка значения: общей (совокупной) совместности и примыкающей совместности. При общей совместности действие распределяется равномерно между действующими лицами, при примыкающей совместности одно из действующих лиц является пассивным или даже объектом: 1) *Олар бир-бирине кёмеклеше* «Они помогают друг другу»; *Ол бизге кёмеклеше бола* «Он временами помогает нам»; 2) *Олар бир-бири булан гелише* «Они ладят друг с другом»; Ол *ёлдашлары булан гелише* «Он ладит со своими товарищами»; 3) *Олар бир-бири булан уруша* «Они ругаются друг с другом»; *Анасы къызына уруша* «Мать ругает дочь».

3. Взаимно-совместное значение: *атыш-* 1) стрелять друг в друга», 2) «стрелять сообща», «заниматься стрельбой», бросанием».

4. Совместно-возвратное значение: *талаш-* «быть в агонии», «хлопотать», «шалить», *бюрюш-* «сморщиться», «помяться». (Ср.: *бюре-* «округлять», «закручивать»); *ойлаш-* «думать», «задуматься».

5. По сравнению с другими тюркскими языками в кумыкском языке круг глаголов взаимно-совместного залога ограничен.

6. Часть глаголов в форме взаимно-совместного залога потеряла связь со значением первичной основы. Афф. *–ыш* при таких глаголах, сохраняя значение взаимно-совместного залога, выполняет также словообразовательную функцию: *яп-* «закрывать», «покрывать» – *ябуш-* «драться», «бороться», *бар-* «идти» – *барыш-* «быть общительным», «ладить», *яра-* «подходить», «годиться», «угождать» – *яраш* «мириться», *ур-* «бить» – *уруш-* «биться» и «ругаться», *ал-* «брать» – *алыш-* «припевать», «петь хором», *къайна-* «кипеть» – *къайнаш-* «нервничать», «разгневаться».

Понудительный залог

Понудительный залог свободно образуется как от переходных, так и от непереходных глаголов, сами же глаголы понудительного залога, в отличие от глаголов возвратного, страдательного и взаимно-совместного залогов, являются переходными.

Понудительный залог в кумыкском языке образуется при помощи ряда аффиксов, которые приводятся в порядке убывания активности употребления:

1) *–дыр, -дир, -дур, -дюр: яздыр-* «заставить писать», *билдир-* «заставить знать», «сообщить», *къойдур-* «заставить оставить»;

2) *–тыр, -тир, -тур, -тюр: гелтир-* «приводить», *толтур-* «наполнять», *оьлтюр-* «убивать»;

3) *–ыт, -ит, -ут, -ют, -т: къалкъыт-* «заставить плавать на поверхности, всплывать», *къоркъут-* «заставить бояться», «испугать», *уьркют-* «испугать», «вспугнуть», *башлат-* «заставить начинать»;

4) *–ыр, -ир, -ур, -юр, -р: къачыр-* «умыкать», «дать бежать», *ичир-* «заставить пить», *гёчюр-* «переводить»;

5) *–ар, -ер: къайтар-* «вернуть», *гетер-* «заставить уйти», «увести»;

6) *–ыз, -из: агъыз-* «течь», «лить», «проливаться», *эмиз-* «кормить грудью», «заставить сосать грудь»;

7) *–гъуз, -гиз: тургъуз-* «поднять», «заставить встать», *тиргиз-* «оживить//оживлять»;

8) *–гъар, -гер: оьтгер-* «пропускать», *къутгъар-* «спасать»;

9) *–сет*: *гёрсет-* «показать»;

10) *–дар: авдар-* «валить», «свалить», «перевернуть».

Употребление афф. *–тир, -тур, -тюр; -гъуз; -гъар, -гер, -сет, -дар* чрезвычайно ограничено, а формы с *-сет* и *–дар* единичны.

Разница в значениях аффиксов понудительного залога не улавливается, и в современном языке вряд ли можно объяснить их сочетаемость с определенным кругом глаголов. Исторически, возможно, употребление аффиксов понудительного залога зависело от переходности-непереходности и от лексического значения первичной основы. Как отмечает Н.К.Дмитриев, сфера употребления каждого из аффиксов понудительного залога в отдельных тюркских языках неодинакова (ср.: тат. *яткыз-* – кум. *ятдыр-* «уложить в постель», «заставить лечь»; тат. *житкез-* – кум. *етдир-* «довести»; к.- калп. *олтургъуз-* – кум. *олтурт-* «посадить»). То же самое, но в меньшей степени наблюдается и в диалектах кумыкского языка: лит. *ятдыр* – в диалектах *яткъыр*; *яткъир-* «уложить».

Содержание понудительного залога составляет следующие основные значения.

1. Понудительное (каузативное) значение. В этом значении глаголы обозначают действие, которое совершается логическим субъектом по принуждению, волеизъявлению другого субъекта. Волеизъявляющий субъект (вторичный субъект, если он в предложении указан, выражается формой им. падежа и является подлежащим, а субъект – непосредственный исполнитель действия (первичный субъект) – формой дат. падежа: *Ол устагъа чыр ишлетди* «Он заставил мастера построить стену»; *Учитель яшлагъа диктант яздыра* «Учитель заставляет учащихся писать диктант». Первичный субъект может быть не указан, тогда действие совершается неизвестным лицом: *Ол уланына кагъыз яздыргъан* «Он заставил (кого-то) написать письмо своему сыну».

Переводы со словом «заставить» не всегда точно отражают содержание залога. Главное для указанного значения понудительного залога заключается в том, что действие совершается в результате волеизъявления или вмешательства вторичного субъекта через посредство первичного.

К одной основе могут присоединяться два или даже три аффикса понудительного залога (*яздыр-яздырт-яздыртдыр*), и тогда количество субъектов может доходить до трех, однако, независимо от состава аффиксов обычно бы-

вает два, второй (или второй и третий) аффикс употребляется для усиления каузативного значения: *билдир-* «заставить узнать», «сообщить» - *билдирт-* (в том же значении, но с большей категоричностью).

Разновидностью понудительного значения является понудительно-страдательное значение, при котором субъект допускает действие: *Акъчамны алдырдым* «Я дал возможность украсть мои деньги»; *Малын талатды* «Он дал возможность (допустил) разграбить свое имущество».

Понудительное значение. Данное значение выражают формы, образованные от непереходных глаголов. Глаголы в этом значении не предполагают вторичного субъекта, т.е. не имеют собственно-понудительного значения, а залоговый аффикс служит для образования переходного глагола от непереходного: *гёр-* «видеть» - *гёрсет-* «показать», *тур-* «вставать» - *тургъуз-* «поднимать», *юхла-* «спать» - *юхлат-* «усыпить», *олтур-* «сидеть» - *олтурт-* «посадить». Для образования понудительного значения к побудителным глаголам присоединяется второй аффикс каузатива: *олтурт-* «посадить» - *олтуртдур* «заставить сидеть», *гёрсет-* «показать» - *гёрсетдир* «заставить показать», *тургъуз-* «поднимать» - *тургъуздур-* «заставить поднимать», *гелтир-* «приносить» - *гелтирт-* «заставить принести».

Сложные залоговые формы

В кумыкском языке одна залоговая форма может образоваться от другой, т.е. к одной глагольной основе могут присоединяться аффиксы двух разных залогов. Такие формы содержат два залоговых значения, однако значение второго залогового аффикса все же превалирует, ибо окончательную залоговую форму образует именно второй аффикс. Поэтому общую залоговую форму следует определять по второму аффиксу, например *жувундур* «заставить умыться» является формой понудительного залога с возвратно-понудительным значением. Как отмечает Н.А. Баскаков, в сложных залоговых формах «залоговая характеристика глагола и его взаимоотношение с субъектом и объектом действия определяется последним из залоговых аффиксов основы. В некоторых исследованиях каждая из сложных залоговых форм рассматривается как самостоятельный залог, вследствие чего общее число залогов значительно увеличивается.

Наиболее распространенным является сочетание аффиксов возвратного, страдательного и взаимно-совместного залогов с аффиксами понудительного залога, реже встречаются сочетания аффиксов страдательного и возвратного, страдательного и взаимно-совместного залогов.

Основные типы сложных залоговых форм:1) возвратно-понудительный: *сююндюр*- «заставить радоваться», *гийиндир*- «заставить одеваться», «одевать» (кого-то)»; 2) страдательно-понудительный: *билиндир*- «заставить быть узнанным», *басылт*- «заставить (дать) успокоиться»; 3) взаимно-понудительный: *гёрюшдюр*- «заставить (дать) видеться», *сюзюшдюр*- «заставить бодаться», *ябушдур*- «заставить бороться, драться»; 4) страдательно-возвратный: *язылын*- «быть написанным», *айтылын*- «быть сказанным»; 5) страдательно-взаимный: *жыйылыш*- «собираться», *къошулуш*- «соединяться»; 6) понудительно-страдательный: *гёрсетил*- «быть показанным», *билдирил*- «быть объявленным», *гелтирил*- «быть принесенным», *бошатыл*- «быть опустошенным, опорожненным»; 7) взаимно-страдательный: *сёйлешил*- «быть обговоренным»; 8) взаимно-понудительно-страдательный: *жыйышдырыл*- «быть собранным».

Застывшие залоговые формы

В кумыкском языке встречается значительное количество застывших залоговых форм, в которых аффикс залога, вследствие утраты корнем своего значения, не выделяется как самостоятельный элемент. Причины утраты глагольными основами самостоятельного значения не ясны, во всяком случае, значения большинства таких основ восстанавливаются на материале древних и современных тюркских языков. Ниже приводятся зафиксированные застывшие формы с залоговыми аффиксами.

1. Формы с аффиксом возвратного залога: *алда*- – *алдан*- «обмануться» (ср. *алдат*-), *белсе*- – *белсен*- «готовиться», *гьёк*- (или *гьёкю*- - *гьёкюн*- «передумать», «раздумать», *гюче* - – *гючен*- «тужиться», «напрягать силы» (ср. *гюч* «сила»), *жирге*- (*жирге*-) – *жирген*- «брезгать», *йыба*- – *йыбан*- «веселиться» (ср. *йыбат*-), *кир*- (*кири*-) – *кирин*- «купаться» (ср.: *кир* «грязь»), *къаб*- – *къабун*- «злиться», «разнервничаться» (ср.: *къабуз* «зажечь»), *къуван*- «радоваться» (ср.: *къувна*- «радоваться»), *сакъ*- – *сагъын*- «скучать по ком-либо» (ср.: *сагъын* «тоска»), *сесге*- – *сесген* «вздрогнуть», *уьйре*- – *уьйрен*- «учиться, научиться»

(ср.: *уьйрет*-), *уза*- – *узан*- «растянуться» (ср.: *узат*-), *уя*- – *уян*- «проснуться» (ср.: *уят*-), *харма*- – *харман*- «шарить», «ощупывать», *яш*- – *яшын* «спрятаться») (ср.: *яшыр*-), *ял*- – *ялын*- «льстить», «угождать».

2. Формы с аффиксом понудительного залога: *алдат*- «обмануть» (ср.: *алдан*-), *йыбат*- «веселить» (ср.: *йыбан*-), *къабуз*- «зажигать» (ср.: *къабун*-), *тир*- – *тиргиз*- «оживить», «воскресить» (ср.: *тири* «живой»), *уят*- «разбудить» (ср.: *уян*-), *узат*- «проводить» (ср.: *узан*-), *уьйрет*- «учить», «научить» (ср.: *уьйрен*-), *яшыр*- «спрятать» (ср.: *яшын*-).

3. Формы с аффиксом страдательного залога: *къут*- – *къутул*- «освободиться» (ср.: *къутгъар*- «освободить», *къутсуз* «несчастный», «жадный»), *тирил*- «воскреснуть» (ср.: *тиргиз*-), *уя*- – *уял*- «стесняться».

4. Формы с аффиксом взаимно-совместного залога: *йыл*- – *йылыш*- «подвинуться», «придвинуться», *къар*- – *къарыш*- «путаться», «приставать», *уьле*- – *уьлеш*- «делить», «распределять» (ср.: *уьлюш* «доля», «пай»), *чал*- – *чалыш*- «стараться», «трудиться».

Застывшие образования носят по существу фузионный характер, ибо первичные основы данных форм самостоятельно не употребляются, а их лексические значения выявляются только в залоговых формах.

Категория лица

Категория лица в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, является универсальной, она не различает частей речи, т.е. по лицам изменяются все слова, которые могут иметь при себе субъект, обозначенный определенным лицом. Аффиксы лица одновременно выражают число, предикат, а в косвенных наклонениях (повелительном и желательном) – наклонение. Лицо и число выражаются синкретически одним показателем не во всех случаях, например, 3 л. индикатива имеет нулевой показатель, а множественность 3 л. обозначается при помощи афф. *–лар: алды* «(он) взял» – *алдылар* «(они) взяли», афф. *–сын, -син, -сун, -сюн*, выражает только 3 л. ед. числа повелительного наклонения, множественность выражается при помощи *–лар, -лер: алсын* «пусть возьмет» – *алсынлар* «пусть возьмут».

В спряжении глаголов участвуют две группы аффиксов.

Личные аффиксы 1-й группы по форме совпадают с аффиксами лица

имен и называются также местоименными.

Ед. число	мн. число
1 л. *-ман, -мен*	*-быз, -биз, -буз, -бюз*
2 л. *-сан, -сен*	*-сыз, -сиз, -суз, -сюз*
3 л. –	*(-лар, -лер).*

Аффиксы 1-й группы присоединяются к формам настоящего, прошедшего перфективного и будущего времен индикатива.

Личные аффиксы I-й группы, которые называются также притяжательными, присоединяются к формам условного наклонения, прошедшего категорического времени, а исторически (аффиксы 1-го лица ед. и мн. числа) и к форме на *–гъай* (*-гей*) повелительно-желательного наклонения: *ал-гъай –ым* > *ал-айым* «возьму-ка я», *ал-гъай-ыкъ* > *ал-айыкъ* «возьмем-ка мы».

Ед. число	Мн. число
1 л. *-м*	*-къ, -к*
2 л. *–нг*	*-гъыз, -гиз, -гъуз, -гюз*
3 л. -	(*-лар, -лер*).

Аффиксы 2-й группы, кроме аффикса 1-го л. мн. числа, внешне совпадая с аффиксами принадлежности, отличаются от них функционально: личные аффиксы глагола выражают грамматический субъект (подлежащее), в то время как аффиксы принадлежности обозначают имя обладателя.

В парадигму категории принадлежности имен не вписывается личный аффикс 1-го л. мн. числа *-къ, -к*, ибо здесь вместо ожидаемого *алдыбыз* (в соответствии с *атабыз* «наш отец») мы имеем *алдыкъ* «(мы) взяли». Предположительно можно сказать, что афф. *-къ, -к* в семантическом плане исторически связан с аффиксами принадлежности. В современном кумыкском языке афф. *-ыбыз* и *–ыкъ* синонимичны в формах причастий настоящего и прошедшего времени и могут заменить друг друга в одной и той же словоформе: *алагъаныбыз* //*алагъаныкъ* «тот факт, что мы берем», *алгъаныбыз* // *алгъаныкъ* «тот факт, что мы взяли». Н.К. Дмитриев в своих работах подробно останавливается на афф. *-ыкъ, -къ* и считает его третьим показателем множественности наряду с *-лар* и *–ыз*.

Употребление ед. и мн. числа с аффиксами 1-го и 2-го л. является прави-

лом для глаголов, находящихся в позиции конечного сказуемого простых предложений, частей сложносочиненного предложения и главного предложения в сложноподчиненном предложении. Однако их употребление имеет свои особенности, которые в основном заключаются в опущении указанных аффиксов в личных формах, т.е. в нарушении согласования между подлежащим и сказуемым там, где теоретически такое согласование возможно. Такое нарушение согласования, вызванное отсутствием личных аффиксов 1-го, 2-го лица ед. и мн. числа у глаголов в указанных выше позициях, наблюдается в следующих случаях.

1. В сложносочиненном предложении перед частицами *не – не* глаголы-сказуемые, независимо от лица местоимения-подлежащего, стоят в форме 3 л. мн. числа: *Мен алды не, сен алды не – башгъа тюгюл* «Я взял или ты взял – разницы нет»; *Биз барды не, сиз барды не* «Мы пойдем, или вы пойдете, все равно».

2. В сложноподчиненных предложениях, части которых связаны союзами *деп* и *деген*, глагол-сказуемое перед указанными союзами независимо от лица местоимения-подлежащего стоит в форме 3-го л. ед. числа: *Мен гелгенмен, магъа тюшген намусну авурлугъун сен алар деп, сенден умут этип* (Аяв) «Я пришел в надежде, что ты возьмешь на себя тяжесть долга, который выпал на мою долю»; *Сен геле деп эшитсем, аврумай оьлер эдим* (Фолькл.) «Если бы я услышала, что ты приезжаешь, то, не болея, умерла бы».

Если личное местоимение в предложении опущено, то глагол-сказуемое перед союзами *деп* и *деген* оформляется аффиксами лица: *Къачан болгъанча, оьч аламан деп, ял алмай, мени артымдан юрюп турсун?* (М.Абуков) «До каких пор, не отдыхая, он будет ходить за мной с целью отомстить?»; *Девлетмурза, папирос къабуздураман деп, бармагъын биширме аз къалды* (У.Мантаева) «Девлетмурза, желая закурить папиросу, чуть не обжег себе палец».

В последнем случае и наличие личного местоимения (*Мен къайтаман деген хабары ёкъ*) не предполагает опущения личного местоимения. Возможно, что в данном случае 1-е и 2-е л. мыслятся говорящим как 3-е лицо. Следует отметить, что истинные причины опущения личных аффиксов в 1-м и 2-м л.

окончательно не выяснены и этот вопрос требует специального исследования.

3. В бессоюзных сложных предложениях, части которых обозначают быстро следующие друг за другом события, глагол-сказуемое, независимо от лица местоимения, употребляется в форме 2-го л. ед. числа повелительного наклонения: *Мен айт, ол айт – арты къавгъа болду* «Я говорил, он говорил – в результате получилась ссора»; *Мен тарт, ол тарт эте туруп, ахырда йыртып да къойдукъ* «Я тянул, он тянул, под конец даже разорвали».

Рассмотренные выше особенности употребления личных аффиксов 1-го, 2-го л. ед. и мн. числа отражают, возможно, один из этапов формирования категории лица в кумыкском языке.

3-е л. ед. и мн. числа не имеет своего показателя. Оно противопоставляется другим лицам по отсутствию личного аффикса, поэтому здесь можно говорить о нулевом показателе. Аффикс 3-го л. *–дыр, -дир, -дур, -дюр*, который присоединяется к вопросительным местоимениям (*кимдир*? «кто (он)?», *недир* «что (это)?, *къайсыдыр*? «который?, *нечикдир*? «какой?») и эпизодически к именам, с глаголами не употребляется. Формант *-дыр* при глаголах не выражает лица, может присоединяться к формам всех трех лиц и является поэтому не аффиксом лица, а частицей, выражающей предположительность и сомнительность совершения действия: *алгъанмандыр* «Я, возможно, брал», *алгъансандыр* «ты, возможно, брал», *алгъандыр* «он, возможно, брал», *алгъанбыздыр* «мы, возможно, брали», *алгъансыздыр* «вы, возможно, брали».

Материал тюркских языков показывает, что развитие форманта *-дыр* шло по следующей схеме: *дыр* < *ды* < *д(т)*.

3 л. мн. числа совпадает с третьим лицом ед. числа с той разницей, что во мн. числе эпизодически может употребляться афф. *–лар*. Употребление данного аффикса в 3 л. мн. числа глагола требует специального исследования. Здесь же можно отметить следующие общие особенности.

1. Если подлежащее обозначает одушевленный предмет, особенно людей, то употребление *–лар* не обязательно, но допустимо: *Яшлар ойнай – Яшлай ойнайлар* «Дети играют». При наличии двух вариантов один вариант должен отличаться оттенком значения, но уловить это отличие довольно трудно. Предположительно, учитывая общие функции *–лар* как аффикса множествен-

ности, можно отметить, что данный аффикс конкретизирует значение сказуемого и предложения в целом. В этом плане приведенные выше примеры можно комментировать: *Яшлар ойнай* «Дети играют» (общая констатация факта) – *Яшлар ойнайлар* «Дети играют» (конкретно, в отдельности, в данный момент).

2. Если подлежащее обозначает не людей, а другие одушевленные предметы, то употребление *–лар* в глаголе-сказуемом не подчиняется определенному правилу. Например, неясно, почему в предложении *Турналар учалар* «Журавли летят» афф. *–лар* допустим, а в предложении *Сыйырлар отлавдан геле* «Коровы возвращаются с пастбища» он не может быть употреблен.

3. Если подлежащее выражает неодушевленный предмет, то афф. *–лар* при глаголе-сказуемом не употребляется, например, в предложении *Шанжалны бутлары сынгъан* «Ножки стула сломаны» *-лар* не допустим.

4. При отсутствии в предложении подлежащего в форме мн. числа, глагол-сказуемое принимает афф. *–лар: Толкъунлары ягъалагъа тебине, гемирелер йибек басгъан ташланы* (Б. Астемиров) «Волны (его) стремятся к берегам, грызут (они) камни, покрытые лишайником»; *Чапдылар… Гъали биз чабабыз алгъа, къызыл къарчыгъагъа гент гелмес къаргъа!* (Къазияв Али) «Наступали (они), теперь мы бежим вперед, ворону не сравниться с красным соколом!»

Варьирование *–лар* нельзя объяснить его «выпадением», как это часто делается в учебных грамматиках кумыкского языка. А.М. Щербак по этому поводу пишет: «Относительная свобода в употреблении аффикса *–лар* в собственно глагольных и причастных формах, выполняющих функцию сказуемого, – изначальное явление, связанное с общетюркской тенденцией «экономного отношения к средствам передачи множественного числа».

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

В кумыкском языке выделяется семь наклонений: повелительное, желательное, условное, сослагательное, долженствовательное, уступительное и изъявительное.

Повелительное наклонение

Семантической основой повелительного наклонения является выражение грамматического значения повеления, приказания. Это основное значение повелительного наклонения может в письменном и устном контексте варьировать

от повеления и побуждения к действию до просьбы, сравните, например: *ал*! «бери!», *ал чы*! «бери!», *ал чы* «бери-ка», *а:л* «бери, пожалуйста».

Грамматической основой повелительного наклонения является нулевая форма, она же является формой 2 л. ед. числа. Форма 2 л. ед. числа повелительного наклонения совпадает с начальной формой глагола, от которой образуются все остальные глагольные формы.

1 л. ед. числа повелительного наклонения по логическим основаниям отсутствует. То же следует сказать и о форме 1 л. мн. числа.

Второе и третье лицо повелительного наклонения образуется по следующей схеме: 2 л. ед. числа не имеет своих показателей и совпадает с основой глагола: *ал* «бери», *бер* «отдай».

2 л. мн. числа образуется от начальной формы глагола при помощи личного афф. *–ыгъыз, -игиз, -угъуз, -югюз; -гъыз, -гиз, -гъуз, -гюз: алыгъыз* «берите», *беригиз* «отдайте», *къоюгъуз* «оставьте», *юрюгюз* «идите».

3 л. ед. и мн. числа образуется при помощи афф. *–сын, -син, -сун, -сюн,* который является нейтральным по отношению к числу. Во мн. числе после афф. *–сын* может быть присоединен аффикс мн. числа *–лар: Олар алсын//алсынлар* «Пусть они возьмут»; *Олар берсин//берсинлер* «Пусть они отдадут».

Аффиксы повелительного наклонения

Ед. число	Мн. число
1 л. –	
2 л. основа глагола	*–ыгъыз, -игиз, -угъуз, -югюз*;
3 л. *-сын, -син, -сун, -сюн сын(лар),*	*-син(лер), -сун(лар),-сюн(лер).*

Частица *чы, чи, чу, чю* в зависимости от контекста придает формам повелительного наклонения значение категорического повеления, побуждения: *Къайда къалдынг, гьей, бош баш. Къара чы бери*! (К.Абуков) «Куда ты пропал, эй, пустая голова. Смотри сюда!»; *Ананг сююнгюр, балам, ал чы къолунга къалам*! (Абусуфьян Акаев) «Да обрадуется твоя мать, бери-ка, дитя мое, ручку в руку!»

В устной речи указанные значения выражаются при помощи интонации.

3 л. с афф. *-сын, -син, -сун, -сюн* часто употребляется для выражения бла-

гожеланий или проклятий, т.е. по значению приближается к желательному наклонению: *Болсун исси гюнлер, явсун янгурлар*! (Н.Ханмурзаев) «Да будут теплые дни, да пойдут дожди!»; *Къоркъуп къайтса, сени уланынг къыз болсун*! («Къумукъланы йыр хазнасы») «Если вернется, испугавшись, пусть твой сын превратится в девушку!»; *Ач ичеги ач бёрюге аш болсун*! («Къумукъланы йыр хазнасы») «Тонкая его кишка да станет пищей для голодного волка!».

Желательное наклонение

Формы желательного наклонения выражают просьбу, желание, намерение, сожаление, благожелание, проклятие. По структуре формы желательного наклонения делятся на простые и сложные.

Простые формы желательного наклонения. 1 л. ед. и мн. числа исторически восходит к форме на *–гъай, -гей*, к которому присоединялись аффиксы лица, и имеет значение намерения совершить действие. Оно образуется при помощи афф. *–айым* (*-ейим, -йым, -юм, -юм*): *алайым* «возьму-ка», *барайым* «пойду-ка», *къарайым* «посмотрю-ка», *тилейим* «попрошу-ка», *охуюм* «прочту-ка», *юрююм* «пойду-ка», «тронусь-ка (с места)».

1 л. мн. числа образуется при помощи афф. *–айыкъ, -ейик, -йыкъ, -йик, -юкъ, -юкъ, -юк: алайыкъ* «возьмем-ка», *барайыкъ* «пойдем-ка», *къарайыкъ* «посмотрим-ка», *тилейик* «попросим-ка», *охуюкъ* «прочтем-ка», *юрююк* «пойдем-ка».

Для выражения обобщающего призыва к действию к форме 1 л. мн. числа присоединяется *-лар, -лер: Геч болуп тура, къайтайыкълар* «Уже поздно, вернемтесь-ка»; *Турайыкълар, гетме заман болду* «Встанем-ка, пора уходить».

Желательное наклонение образуется от форм повелительного наклонения при помощи аффикса-частицы *–сана, -сена*, которая нейтральна по отношению к категории лица. Аффикс-частица *–сана, -сене* присоединяется также к формам 1 л. на *айым* и *–айыкъ* и образует полную парадигму желательного наклонения во всех лицах ед. и мн. числа. Формы с аффиксом-частицей *–сана, -сене* имеют ярко выраженное значение просьбы:

Ед.ч.		Мн.ч.	
1 л.	*алайымсана*	1 л.	*алайыкъсана*
2 л.	*алсана*	2 л.	*алыгъызсана*

3 л. *алсынсана* 3 л. *алсынсана.*

3. Аффиксы *–гъын, -гин, -гъун, -гюн; -гъыр, -гир, -гъур, -гюр*, присоединяясь к начальной форме глагола, образуют 2 л. желательного наклонения. Формы на *–гъын* и *-гъыр* в современном языке малопродуктивны, они встречаются в старой литературе, фольклоре и устойчивых оборотах, выражающих благожелание или проклятие: *Оьсюп-оьсюп уллу болгъур*! «Чтобы ты вырос и стал взрослым!»; *Я, уьюнг йыгъылмагъыр, шо Дахадаевни къайдан чыгъарып гелдинг*? (И.Керимов) «Да не разрушится твой дом, откуда ты вытащил этого Дахадаева?»; *Къурчакъ йимик къуврулгъур, эки де бутунг суврулгъур*! (Ёмакъдан) «Чтоб ты высох, как кукла, чтоб оторвались обе твои ноги!»

Имея одинаковые значения, формы на *–гъын* и *гъыр* различаются по употреблению. Форма на *–гъыр*, в отличие от формы на *–гъын*, для обозначения множественности принимает афф. *–лар, -лер*, а также употребляется как неличная форма в роли причастия: *Оьсмегирлер*! «Чтоб вам не вырасти!»; *Узакъ яшагъырлар*! «Да прожить вам долгие годы!»; *Ачылмагъыр къапуларынг ачсана, ягъылмагъыр шам чырагъынг якъсана*! («Айгъазини йыры») «Открой-ка свои ворота, которые да не откроются, зажги-ка свою лампу, которая да не зажжется!»

Н.К. Дмитриев формы на *–гъыр* и *гъын* рассматривает как производные формы повелительного наклонения. Однако значения данных форм в современном кумыкском языке (желание, благожелание, проклятие) позволяют, сохраняя традиции школьных грамматик, отнести их к формам желательного наклонения.

Сложные формы желательного наклонения образуются от основ повелительного, желательного и условного наклонения, вспомогательного глагола *эди*, и частиц *дагъы*, *хари*.

1. Сложная форма желательного наклонения, образующаяся от основы повелительного наклонения и частиц *хари, дагъы: ал* «бери» – *ал хари* «бери, пожалуйста», *гел* «приходи» – *гел хари* «приходи, пожалуйста», *ал дагъы* «бери, пожалуйста, *гел дагъы* «приходи, пожалуйста». Формы *ал хари* и *ал дагъы,* которые первоначально различались диалектно, в современном литературном языке употребляются параллельно: *Сен де кёп авруп йиберме хари, Атакъ*!

(А.Сулейманов) «Ты тоже долго не болей, пожалуйста, Атак»; *Ёл уьстде бизге де гирип гетигиз хари* «По пути зайдите и к нам, пожалуйста»; *Битген буса, алып гел дагъы* (М.Абуков) «Если закончил, принеси, пожалуйста».

2. Сложная форма желательного наклонения, образующаяся от основы на *–гъай, -гей* и вспомогательного глагола *эди: алгъай эди* «взял бы (он), *гелгей эди* «пришел бы (он). Основа на *–гъай, -гей* самостоятельно, без вспомогательного глагола *эди,* в литературном языке не употребляется. Однако есть основания предполагать, что данная форма употреблялась самостоятельно и имела полную парадигму спряжения. В хасавюртовском диалекте форма на *–гъай, -гей* употребляется во 2 л. ед. числа в побудительно-предупредительном значении: *алгъа*: *йсан* «смотри, бери», *айтмагъа: йсан* «смотри, не говори», ср. еще: *Ашналаны анадашдай гёргейсен* (Й.Къазакъ) «На друзей смотри как на братьев». Причиной распада личной парадигмы форма на *–гъай, -гей* послужило стяжение формы 1 л. (*-гъайман* > *айым*, *геймен* > *ейим*), чему способствовало, вероятно, долгое произношение *а, е* в афф. *–гъай, -гей*. В свете сказанного происхождение формы 1 л. ед. числа желательного наклонения (*алайым* «возьмука») можно представить в таком уточненном виде: *алгъа: йман* > *алгъа: йым* > *алайым.*

Форма на *–гъай эди* имеет значение желания или благожелания: *янгур явгъай эди, къургъакълыкъ бола тура* «Пошел бы дождь, а то начинается засуха»; *Алим гелип къалмагъай эди* (Ш.Альбериев) «Хотя бы Алим не пришел»; *Яшагъай эдинг, Къагьир агъавубуз*! (И.Ибрагьимов) «Жить бы тебе, наш дедушка Кагир!».

3. Сложная форма желательного наклонения, образующаяся от формы условного наклонения на *–са, -се* и вспомогательного глагола *эди*: *алса эди* «хотя бы (он) взял», *гелсе эди* «хотя бы (он) пришел». Н.К.Дмитриев в «Грамматике кумыкского языка» формы на *–са эди* рассматривает как редко употребляющуюся форму условного наклонения со значением прошедшего времени. Однако ряд признаков позволяет включить указанную форму в активные формы желательного наклонения. Форма на *–са эди* (1) имеет ярко выраженное значение желания; (2) по временному значению относится к плоскости будущего времени; (3) в отличие от форм условного наклонения, может употреб-

ляться как самостоятельное конечное сказуемое. Примеры*: Болса эди, мени атайым болса эди*! «(«Къумукъланы йыр хазнасы») «Был бы, мой отец был бы!»; *Битмей буса эди шаирни сёзю!* (Ш.Альбериев) «Хотя бы слова поэта не кончались!»; *Гьай аман, тез сав болуп битсе эдим!* «Эх, если бы мне поскорее выздороветь!».

При спряжении форм *на –гъай эди* и *–са эди* личные аффиксы присоединяются к вспомогательному глаголу:

	Ед.число	Мн.число
1 л.	*алгъай эдим* «взял бы (я)»	*алгъай эдик* «взяли бы (мы)»
2 л.	*алгъай эдинг* «взял бы (ты)»	*алгъай эдигиз* «взяли бы (вы)»
3 л.	*алгъай эди* «взял бы (он)»	*алгъай эди(лер)* «взяли бы (они)»

1 л.	*алса эдим* «если бы взял (я)»	*алса эдик* «если бы взяли (мы)»
2 л.	*алса эдиг* «если бы взял (ты)»	*алса эдигиз* «если бы взяли (вы)»
3 л.	*алса эди* «если бы взял (он)»	*алса эди(лер)* «если бы взяли (они)».

В формах типа *алса эди* в устной речи и диалектах встречаются случаи спряжения основного глагола: *алсам эди, алсанг эди, алса эди.*

Формы на *–гъай эди* и *–са эди* семантически выражают действие, которое относится к плоскости будущего времени. Указанные формы образуют также формы настоящего, прошедшего и будущего времени по четко определившимся моделям.

Временные формы желательного наклонения на *–гъай эди* образуются от основ настоящего, прошедшего и будущего времени вспомогательного глагола *болгъай:* настоящее время: *ала болгъай эди* «хотя бы (он) брал»; прошедшее время: *алгъан болгъай эди* «хотя бы (он) взял».

Временные формы желательного наклонения на *–са эди* образуются от основ настоящего, прошедшего и будущего времени и частицы *буса*: настоящее время: *ала буса эди* «хотя бы (он) брал»; прошедшее время: *алгъан буса эди* «хотя бы (он) взял»; будущее время: *алажакъ буса эди* «хотя бы (он) взял».

Условное наклонение

Глаголы условного наклонения обозначают условие, при котором осуществляется или может быть осуществлено действие глагола, обычно стоящего

в позиции конечного сказуемого главного предложения. Само действие глагола в форме условного наклонения всегда предполагается. Поскольку действие глаголов условного наклонения предполагает другое действие, они образуют особые сложные синтаксические конструкции, так называемые условные периоды, первая часть которых выражает условие, а вторая часть «вывод из этого условия или следствие».

По образованию различаются простая (первичная) и сложные (вторичные) формы условного наклонения.

Простая форма условного наклонения образуется от основы глагола при помощи афф. *–са,* -се: *алса* «если возьмет», *гелсе* «если придет», *турса* «если встанет», *гёрсе* «если увидит».

При спряжении форма условного наклонения принимает личные аффиксы второй группы:

	Ед.число	Мн.число
1 л.	*алсам* «если (я) возьму»	*алсакъ* «если (мы) возьмем»
2 л.	*алсанг* «если (ты) возьмешь»	*алсагъыз* «если (вы) возьмете»
3 л.	*алса* «если (он) возьмет»	*алса* «если (они) возьмут».

Предполагаемость действия глаголов условного наклонения обуславливает их сочетаемость с определенными формами конечного сказуемого сложного предложения. Конечное сказуемое условного периода обычно выражается формами сослагательного наклонения на *–ар//-ыр эди; -ажакъ//-ежек эди;* формами будущего и настоящего времени изъявительного наклонения или формами повелительного и желательного наклонений: *Къойсагъыз, мен шу Андрей агъавну ягъындан айрылмажакъ эдим.* (Р.Расулов) «Если бы вы разрешили, то я не расстался бы с дядей Андреем»; *Эгер адамланы чагъы саялы абурлай буса, олар тез уллу болма сюер эди.* (М.Ягьияев) «Если бы людей уважали за возраст, то они захотели бы побыстрее стать взрослыми»; *Яманлар тувса, дав башлар*. (Айтыв) «Если плохие люди родятся, то (они) войну начнут»; *Шагьарда болса, Хизри тувра Османны ягъына бара*. (И.Керимов) «Если поедет в город, то Хизри идет прямо к Осману»; *Алтын чачагъан кюйню биле бусагъыз, хазна учун чачыгъыз! – дей хан* (А.Ибрагьимов) «Если вы знаете, как сеять золото, то сейте для казны! – говорит хан».

Форма условного наклонения от глагола *къара-* «смотреть» выражает неожиданность совершения действия и в этом значении выполняет функцию модальной частицы: *Къараса, уьйде бирев де ёкъ* «Смотрит – дома никого нет».

В устной речи с особой интонацией категоричности форма на *–са* выражает повеление, приказ и в этом значении употребляется в позиции конечного сказуемого простого предложения: *Ерингде олтуруп турсанг да!* «Сиди на месте!»; *Башымны инжитмесенг де!* «Не морочь мне голову!».

В позиции конечного сказуемого условное наклонение употребляется также в значениях совета, просьбы с оттенком вопроса: *Амай, оьлгюнче союп къойсанг? – деп чыкъды Маржанат. – Къыйнала чы* (М.Ягьияев) «Амай, может зарезать, пока не сдох (баран), – вмешалась Маржанат. – Ведь мучается».

В сочетании с частицей *да, де* форма на *–са* приобретает значение противительности. В этой функции форма на *–са* может сочетаться с глаголом прошедшего времени, что говорит об утрате данной формой условного значения: *Пашаев ону инандырмагъа болмаса да, Давудов болду* (И.Керимов) «Хотя Пашаев не сумел его убедить, Даудов смог»; *Магьач, душман гери тартылса да, дагъытылмагъанны англады* (И.Керимов) «Хотя враг и отступил, Махач понял, что он не побежден».

Форма на *–са* в сочетании с отрицательной частицей *тюгюл* «нет», «не» приобретает противительное значение: *Дайгьанат, Солтаниятларда турса тюгюл, уьйге барма сюймей эди* (М.Ягьияев) «Дайганат не хотела идти домой, лишь бы ей остаться у Солтаният»; *Заманны тас этсек тюгюл, дагъы этегенибиз болмады* «Мы ничего не сделали, кроме как потеряли время».

2. Сложные формы условного наклонения образуются от основ настоящего, прошедшего и будущего времени и условной частицы *буса: ала буса* «если он берет», *алгъан буса* «если (он) взял», *алажакъ буса* «если он возьмет». Частица *буса*, которая восходит к глаголу *болса* «если будет» (*болса > боса > буса*) потеряла все глагольные свойства, кроме способности принимать аффиксы лица:

	Ед.число	Мн.число
1 л.	*ала бусам* «если (я) беру»	*ала бусакъ* «если (мы) берем»
2 л.	*ала бусанг* «если (ты) берешь»	*ала бусагъыз* «если (вы) берёте»

3 л. *ала буса* «если (он) берет» *ала буса* «если (они) берут».

Подобную же парадигму имеют формы прошедшего и будущего времени. Простая и сложные формы условного наклонения составляют отдельные звенья единой системы. Простая форма, нейтральная по отношению к грамматической категории времени, противопоставлена сложным формам, которые являются временными формами условного наклонения. Каждой простой форме условного наклонения соответствуют три сложные временные формы. Форме *алса* «если возьмет», например, соответствует форма настоящего времени *ала буса* «если берет», прошедшего времени *алгъан буса* «если взял» и будущего времени *алажакъ буса* «если возьмет».

Наряду с формой прошедшего времени типа *алгъан буса* редко встречается и форма *алды буса*, в которой, в отличие от формы *алгъан буса*, личные аффиксы присоединяются к основному глаголу: *алдым буса, алдынг буса.*

Форма будущего времени *алажакъ буса* отличается своим значением от перифрастических форм типа *алажакъ болса*, сравните: *алажакъ буса* «если возьмет» – *алажакъ болса* «если решится взять», «если договорится взять».

Сочетания форм условного наклонения с формой повелительного наклонения от одной и той же основы образуют устойчивые обороты типа: *айтса айтсын* «пусть говорить», *барса барсын* «пусть идет», *гетсе гетсин* «пусть уходит».

Сослагательное наклонение

Глаголы сослагательного наклонения выражают действие возможное или предполагаемое. Совершение действия с точки зрения говорящего становится вероятным или возможным при определенном условии, в силу чего употребление формы сослагательного наклонения структурно ограничено: она употребляется обычно в составе условного периода в позиции конечного сказуемого.

Сослагательное наклонение образуется от основы будущего времени и вспомогательного глагола *эди.* Оно имеет две формы.

1. Первая форма образуется от основы на *–ар*//*-ыр* и вспомогательного глагола *эди: алар эди*//*алыр эди* «взял бы», *гелер эди*//*гелир эди* «пришел бы», *юрюр эди* «ходил бы», *къояр эди*//*къоюр эди* «оставил бы».

2. Вторая форма образуется от основы на *–ажакъ, -ежек* и вспомога-

тельного глагола *эди: алажакъ эди* «взял бы», *гележек эди* «пришел бы».

Обе формы имеют полные парадигмы спряжения:

Ед.число

Мн.число

1 л. *алар эдим* «взял бы (я)» *алар эдик* «взяли бы (мы)»

2 л. *алар эдинг* «взял бы (ты)»*алар эдигиз* «взяли бы (вы)»

3 л. *алар эди* «взял бы (он)» *алар эди(лер)* «взяли бы (они)»

1 л. *алажакъ эдим* «взял бы (я)»*алажакъ эдик* «взяли бы (мы)»

2 л. *алажакъ эдинг* «взял бы (ты)»*алажакъ эдигиз* «взяли бы (вы)»

3 л. *алажакъ эди* «взял бы (он)» *алажакъ эди(лер)* «взяли бы (они).

Обладая общим сослагательным значением, обе формы отличаются в контексте различными оттенками модальности. Вторая форма, в отличие от первой, выражает большую категоричность и определенность, т.е. в модальном плане между двумя формами сослагательного наклонения наблюдаются те же отношения, что и между формами будущего и будущего I изъявительного наклонения: *Гелсе, айтар эдим* «Если бы (он) пришел, то (я) сказал бы»; *Гелсе, айтажакъ эдим* «Если бы (он) пришел, то (я) (обязательно) сказал бы». Примеры: *Мен буса шолагъа гючюм чата буса, барына да мармар ташдан сынлар салар эдим.* (К.Абуков) «А я бы им, если бы у меня была возможность, всем поставил бы надгробные памятники из мрамора»; *Гёрген бусанг, огъар урушмажакъ эдинг.* (Аткъай) «Если бы увидел, (ты его бы) (определенно) не поругал бы».

Форма сослагательного наклонения может употребляться и вне условного периода, самостоятельно. Наблюдается несколько случаев такого употребления.

1. В повествовательном стиле, когда условие выражено в предыдущем предложении: *Сен кёмек этип болагъан иш бар буса не эди, къызым? Къатынымны гелтирип де этдирер эдим* (М.Хангишиев) «Разве было бы трудно, дочка, если бы было дело, в котором ты могла бы помочь? Даже, приведя жену, заставил бы сделать».

2. Сослагательное наклонение выражает желание с отттенком уверенности или намерения: *Гёз юмуп, гёз ачгъынча, шо исбайыны къачыражакъ эдим.* (У.Мантаева) «В мгновение ока я бы увез ту красавицу»; *Озокъда, о ишни биз къарт атабызгъа этмеге къоймажакъ эдик*. (М.Абуков) «Конечно, мы не допустили бы, чтобы то дело сделал наш старый отец».

3. Сослагательное наклонение выражает возможное, но нежелательное действие: *Гертиси чи, алты юз, етти юз грамдан пайламагъа да бажарылажакъ эди, тек тюпде зат къалмагъа герек*. (М.Хангишиев) «По правде говоря, можно было бы распределить и по шестьсот, семьсот граммов, но запас должен оставаться».

Во всех указанных случаях условие не выражено формально, но оно предполагается более или менее определенно.

В грамматиках кумыкского языка сослагательное наклонение не выделяется. В «Грамматике кумыкского языка» Н.К. Дмитриева форма на *–ар*//*-ыр эди* рассматривается как форма имперфекта II (прошедшего незаконченного II) изъявительного наклонения, а форма на *–ажакъ эди* – как будущее-прошедшее время.

Н.К. Дмитриев, хотя и не выделил особого сослагательного наклонения, но определенно указал на употребление форм на *-ар*//*-ыр эди* и *–ажакъ эди* в составе условного периода и на сослагательное значение формы на *–ажакъ эди*: «Иногда (особенно после придаточного условного) это время (будущее-прошедшее) соответствует русскому: «пошел бы, взял бы».

В современном кумыкском языке формы на *–ар*//*-ыр эди* и *–ажакъ, -ежек эди* выражают модальное значение возможности, а не действительности, т.е. указанные формы не имеют значения изъявительного наклонения, что и является главным основанием для их выделения как особых форм сослагательного наклонения. Формы на *–ар*//*-ыр эди* и *–ажакъ эди* не имеют абсолютного временного значения, выражают время относительно, в зависимости от временного значения предшествующей условной формы: *Гелсе, айтар эдим* «Если бы (он) пришел, то (я) сказал бы» – *Гелген буса, айтар эдим* «Если бы (он) пришел (в прошлом), то (я) сказал бы».

В тюркских языках форма на *–ар*//*-ыр эди* действительно употребляется

как прошедшее незаконченное время изъявительного наклонения: азерб. *јазыр идим*//*јазырдым*, тур. *Yazardim* «я писал», якут. *барар этим* «я уходил».

В кумыкском языке в старых письменных текстах и редко в языке современных писателей встречаются случаи употребления формы на *–ар*//*-ыр эди* в значении прошедшего незаконченного времени: *Бу шагьар, гьар-бир ишинде Гелбахгъа, Эндирейге таяныр эди. Муну адамы шонча багьатур, игит эди чи, эгер де къапусуну алдында юз гиши буса, минг гиши гелсе де, токъатар эди.* («Анжи-наме») «Этот город во всяком своем деле опирался на Гельбах, Эндирей. Люди его были так мужественны, что если перед воротами (города) будет сто человек, то они останавливали, если придут, тысячу людей»; *Тек бир де янгъыз ичмес эди. Бир табун оьзюню тенглилери булан ичер эди.* (Аткъай) «Но никогда не пил один. Пил с группой своих сверстников».

Употребление форм на *–ар*//*-ыр эди* в значении прошедшего незаконченного времени для современного кумыкского языка не характерно, а приведенные выше примеры можно объяснить влиянием традиций старого письменного литературного языка.

Уступительное наклонение

Исследуемое наклонение глагола в кумыкском языке формально представляет собою глагол в условном наклонении, соединенную с частицей *да*. Как частица она закреплена на определенном месте: занимает постпозицию после финитной формы глагола. Таким образом, форму уступительного наклонения в отличие от других наклонений формирует не просто та или иная чистая глагольная основа, а сочетание основы с частицей *да*. В этом заключается, на наш взгляд, еще одно проявление аналитизма кумыкского глагола.

Вот как выглядит парадигма спряжения одной из наиболее употребительных грамматических форм уступительного наклонения в кумыкском языке:

гелсем де "хотя я приду"	*гелсек де* "хотя мы и придем"
гелсенг де "хотя ты и придешь"	*гелсегиз де* "хотя вы и придете"
гелсе де "хотя он и придет	*гелсе де* "хотя они и придут".

В современном кумыкском языке нередко встречаются и аналитические формы уступительного наклонения, образованные с помощью "недостаточно-

го" глагола *эди*, а также вспомогательных глаголов *буса* (*болса*) и *тур-*. Это обычно те же формы условного или сослагательного наклонения, только осложненные модальным значением уступительности:

а) форма *-ды буса да*: *Ятгъан еринден хозгъалма къарады буса да, ол турма болмады* (Аткъай) "Хотя он и попытался подняться с постели, но не смог". *Тойда тамадалыкъны къойду буса да, шогъар гьеч ичим бушмай* (Аткъай) "Хотя он и оставил на свадьбах тамадынство, это меня нисколько не расстраивает";

б) форма на *-гъан буса да*: *Шолай болгъан буса да, о кёп теренге гетме кюй ёкъ* (И.Керимов) "Если даже так и случилось, так глубоко, наверное, не зашло". *Губденлилер бу хабарны нечесе гезиклер эшитген буса да, гьали де кюлеп йибердилер* (А.Абу-Бакар) "Хотя губденцы не раз слышали эту историю, и теперь они еще раз засмеялись";

в) форма *-а/-ып турса да*: *Къачайым деп атылып турсам да, хуржунларым гёрюнмей* (Къ.Шамсутдинов) "Хотя я и поднялся, чтобы убежать, но переметных сумок не было видно". *Гелир деп сав гюн къарап турсам да, гелмеди* (З.Атаева) "Хотя я целый день ждал в надежде, что он придет, он не пришел";

г) форма на *-а/-ып тургъан буса да*: *Гьали болгъунча янгылыш этип тургъан бусакъ да, энни тюзелтме герекбиз чи* (Аткъай) "Хотя до сих пор мы и ошибались, теперь же надо поправить положение". *Сен ону уьстюне бара тургъан бусанг да, ондан сагъа пайда тиймежек эди* (К.Абуков) "Сколько бы ты не ходил к нему, ты бы от этого все равно пользу не получил";

д) форма на *-а/-ып тура буса да*: *Къаш къаралып геле тура буса да, Хадижат Магьачны арекденокъ таныды* (И.Керимов) "Хотя и наступали сумерки, Хадижат издалека узнала Махача". *Гелеген машин гёрюнмей тура буса да, ону авазы яяв барагъан яшланы кепин хошландырды* (З.Атаева) "Хотя машины и не видно было, тем не менее ее звук обрадовал ребят, идущих пешком";

е) форма на *-ажакъ буса да*: *Эгер сени булан гетежек буса да, юрегиндеги шо тююн чечилип битмежек* (А.Къурбанов) "Хотя он и решит поехать с тобой, все равно камень с души не спадет". *Огъар къаршы сёйлежек буса да, жыйында Осман Вагьитни якълады* (Къ.Шамсутдинов) "Хотя он и думал выступить против него, на собрании Осман оказался на стороне Вагида";

ж) форма *-ар буса да: Тангала эртен тез гетер бусам да, ахшам геч къайтар бусам да, мен сагъа билдирермен* (А.Къурбанов) "Если я решу поехать завтра рано утром или поздно вечером, все равно я сообщу тебе";

з) форма на *-а/-ып туражакъ буса да*: *Эннидан сонг ишлеп туражакъ буса да, мен огъан инанмайман* (И.Ибрагьимов) "Хотя он и решил дальше работать, я все равно ему не верю";

и) форма на *-а/-ып турар буса да*: *Ишлеп турар бусам да, ятып турар бусам да, кимге не авара* (И.Ибрагьимов) "Буду ли я работать или просто лежать, кому какое дело";

к) форма *-а/ып буса да*: *Ит адамгъа оьзю оьлюп къала буса да, кёмек эте туруп гелген жан* (К.Абуков) "Собака - животное, которое всегда помогало человеку, хотя сама и умирала". *Гьужумчулагъа ошамай бусам да, иитни ювгъу тюгюлмен* (М.Абуков) "Хотя я и не похож на налетчиков, я не друг собаки";

л) форма на *-ма тура буса да*: *Тереклер чечек ачма тура буса да, язбашыбыз салкъын* (У.Мантаева) "Несмотря на то, что деревья вот-вот зацветут, весна холодная".

Грамматические формы уступительного наклонения не употребляются в независимой позиции. Они функционируют только в составе сложного предложения, главным образом в составе уступительного периода, вступая в различные закономерные связи и отношения с глагольными формами индикатива и императива. В таком своем сопряженном употреблении формы уступительного наклонения выражают отношения обратной стимулирующей обусловленности: глагольная форма в данном наклонении сообщает факт, вопреки которому совершается действие, обозначенное аподозисом: *Сен нечакъы сарнасанг да, мени кепиме гелмей (А.Къурбанов)* "Сколько бы ты ни пел, все равно мне не нравится". *Айтма къарасанг да, болмадынг* (А.Салаватов) "Хотя ты и попытался сказать, не смог".

В современном кумыкском языке отношение обратной стимулирующей обусловленности, обозначенное в уступительном периоде, может быть точечным (однократным, разовым) или длительным (многократным). Семантика длительной и кратной уступки обозначается аналитическими формами, образованными при помощи вспомогательного глагола *тур-*. Ср.: *Сен тувра магъа*

табулмасанг да, бизин колхозгъа кёп табулгъан адамсан (Аткъай) "Хотя ты лично мне и не помогал, колхозу нашему много помог". *Гъали болгъунча янгылыш этип тургъан бусакъ да, энни тюзелтме герекбиз чи* (Аткъай) "Если даже мы до сих пор ошибались, теперь-то должны поправить положение".

Грамматические формы уступительного наклонения имеют обычно фиксированное место в предложении: они употребляются придаточной части сложноподчиненных предложений, занимая препозитивное положение по отношению к глагольным формам главной части предложения: *Яшлар англаса да, бизин коллектив англамады* (Аткъай) "Хотя ребята и поняли, но коллектив наш не понял". Однако возможно и постпозитивное расположение придаточной части с уступительной формой глагола: в приведенном выше предложении возможна контаминация: *Бизин коллектив англамады, яшлар англаса да* "Наш коллектив не понял, хотя дети поняли".

Порядок расположения частей уступительного предложения связан с задачами актуального членения: постпозитивно располагается часть с функцией ремы. Поскольку сообщение о следствии обычно коммуникативно более значимо, нежели сообщение о факте, вопреки которому совершается действие, обозначенное в главной части, для уступительных предложений характерна, в первую очередь, постпозиция главной части.

Предложения, содержащие глагол в уступительном наклонении, являются по общей семантике противительными. Поэтому перед главной частью возможны противительные союзы *тек, амма* "но, однако". Если даже противительного союза в предложении нет, включение его в состав сложноподчиненного предложения не влияет на семантическую сущность сложного предложения. Ср.: *Сен къойсанг да, биз къоймасбыз* (А.Къурбанов) "Если даже ты оставишь, мы не оставим". *Сен къойсанг да, амма биз къоймасбыз* "Если даже ты оставишь, однако мы не оставим".

Как отмечалось выше, наиболее употребительной формой уступительного наклонения является *-са да*. Данная форма в сопряженном употреблении с другими глагольными формами выступает как универсальная форма уступительного наклонения. В зависимости от глагольной формы аподозиса *-са да* может обозначать действие: а) контактное с моментом речи: *Гъали нечакъы*

къычырып сёйлесем де, низам бузукъ (Аткъай) "Сколько бы я сейчас не кричал, все равно дисциплина плохая"; б) действие, находящееся в плоскости прошедшего: *Уллулар нечакъы тилесе де, яшлар тынгламадылар (И.Ибрагьимов)* "Взрослые сколько бы ни говорили, дети не послушались"; в) действие, ориентированное в плоскость будущего: *Атылса да, къагъып мени тутуп къояжакъ* (М. Абуков) "Если он даже прыгнет, уцепится за меня".

Значение уступительности глагольные формы выражают и в других тюркских языках, в которых в формировании уступительной модальности важную роль играет уступительная частица *да/де* в различных фонетических вариантах. Так. в гагаузском языке встречаются как синтетические, так и аналитические формы уступительной модальности: *Верселер де, гитмейжем. Ески йари беклейжем* "Если выдадут (замуж), не пойду. Старого дружка подожду".

Рассмотренные выше грамматические формы образуют морфологический ряд с точки зрения формального показателя. Всем формам свойственно общее грамматическое значение. Оно проявляется всегда и везде - это значение уступки.

Долженствовательное наклонение

Значение долженствования в тюркских языках выражается как синтетическими, так и аналитическими формами глагола. Поскольку аналитические формы более типичны для современного кумыкского языка, с них мы и начнем описание данного наклонения.

В большинстве тюркских языков долженствовательное наклонение выражается сочетанием инфинитива на *-ма, -ме (-магъа, -меге)* с модальными модификаторами *герек (керек)* или *тарыкъ* "надо, нужно, необходимо". В этом сочетании компоненты полностью сохраняют то значение, которое присуще им во всех других случаях употребления:

ишлеме герекмен	*ишлеме герекбиз*
"я должен работать"	"мы должны работать"
ишлеме герексен	*ишлеме герексиз*
"ты должен работать"	"вы должны работать"
ишлеме герек	*ишлеме герек (лер)*
"он должен работать"	"они должны работать".

Модальные предикативы *герек* и *тарыкъ* синонимичны и обычно следуют после основного глагола. Однако возможна и обратная позиция: *«Тамлар битип, уьйлени башы ябулгъан сонг да тарыкъ керпичлер аркъалыкъ аралагъа тизмеге»,- деди Расул* (З. Атаева) «Когда кончатся стены и закроем крышу, нужны кирпичи, чтобы прокладывать между балками», - сказал Расул». Модальный модификатор *тарыкъ* характерен для южного наречия кумыкского языка, а также для терского диалекта кумыкского языка.

Категориальная ситуация долженствовательности относится к разряду ситуаций потенциальных, а не фактических. Речь идет о таких объективных и субъективных факторах, которые с точки зрения субъекта модальной оценки требуют непременного превращения потенциального в актуальное. Поэтому долженствовательное действие, выражаемое рассматриваемыми формами, имеет перспективную ориентацию: *Тюзю бирдагъы бир жыйын этмеге тарыкъбыз, ата-аналар булан да* (З.Атаева) "Правда, мы должны провести еще одно собрание, с родителями"; *Кимге инанма герекбиз биз* (М. Ягьияев) "Кому мы должны верить?".

Аналогичное действие, но ориентированное на плоскость прошедшего, выражается сложновербальной конструкцией *-ма, -ме* (*-магъа, -меге*) + *герек* (или *тарыкъ*) *эди*. Рассмотрим примеры: *Мен школагъа бармагъа тарыкъ эдим* (З.Атаева) "Я должен был пойти в школу"; *Гюзге мени армиягъа алма герек эди (К.Абуков)* "К осени меня должны были призвать в армию".

Однако основное функциональное назначение исследуемой аналитической формы долженствования заключается не только в выражении темпоральных значений. В ее функциональной сущности немаловажным является представление нереализованных действий, фактов, ситуаций. Данное значение легко проверяется подстановкой отрицательного трансформа, присоединяемого противительным союзом. Если такая подстановка возможна, то действие (ситуация) является нереализованной. Ср.: *Мен школагъа бармагъа тарыкъ эдим* (З.Атаева) → *Мен школагъа бармагъа тарыкъ эдим, тек бармай къалдым* "Я должен был пойти в школу, но не пошел".

В безличных конструкциях *герек // тарыкъ* могут реализовать другой коннотативный оттенок - "сожаление говорящего по поводу того, что действие,

соответствующее его настоящему желанию, не совершено в свое время тем лицом, с которым оно соотнесено через посредство соответствующих показателей лица". *Нечик этип де Агьмат булан ёлукъма тарыкъ эди* (И.Ибрагьимов) "Как бы ни было, надо было встретиться с Ахмедом". *Уягъа муну булай ташлап гетген ессин гийирме герек эди", - деп, мен итге къарадым* (М.Абуков) "Надо было загнать в это гнездо хозяина, который бросил его", - сказав так, я посмотрел на собаку".

При перечислении нескольких действий, которые должны осуществиться в будущем, показатель долженствовательности *герек (тарыкъ)* присоединяется к последнему глаголу: *Гелген сонг, къарама, гёрме, танышма герек чи* (З.Атаева) "Раз пришел, надо же посмотреть, увидеть, познакомиться"; *Колхозну ишлери бузукъ деп айтып, иржаймай, кюлемей турма герек тюгюлдюр чю* (Ш.Альбериев) "Если дела колхоза плохи, то это не значит, что нельзя улыбаться, смеяться". В подобных случаях глагольные формы обозначают серию повторяющихся действий, которые представляют собой этап в поступательном движении повествуемых событий, действий, последовательных и совпадающих во времени.

Тюркским языкам свойственны и трехэлементные конструкции, выражающие семантику долженствования. В кумыкском языке аналитическая конструкция *-ып/-а турма герек (тарыкъ)* передает длительное и многократное действие, которое должно осуществиться в будущем: *Биз буса индемей къарап турмагъа тарыкъбыз. Болабыз чы* (З.Атаева) "А мы должны спокойно сидеть и смотреть. Можем же". *Индемей олтуруп турма герек* (М.Ягьияев) "Надо молча сидеть".

В кумыкском языке также можно обнаружить четырехкомпонентные гласгольно-именные структуры: *Шо заман сен бек сакъ болмагъа герек эдинг* (З.Атаева) "В это время ты должен был быть очень осторожным". Четырехэлементные структуры обнаруживаются в составных именных сказуемых и представляют нереализованные ситуации в давнопрошедшем времени.

Предложения, обозначающие долженствование, диктуемое обычаем, привычным укладом, сложившимся положением вещей, отличаются тем, что в них значение вынужденности смыкается со значением положенности ("так по-

лагается", "так следует", "так нужно", "так должно"): *Къатынланы юрегин англама герек* (К.Абуков) "Нужно понимать сердце женщины"; *Чагъанланы уясына тергевлю къарама тюше* (М.Абуков) "На нору шакалов следует смотреть внимательно". *Сёз берген сонг, барма герек* (М.Ягьияев) "Раз дал слово, надо идти". На значение обычаем предопределенного долженствования говорящим могут накладываться субъектно-модальные значения, например, недовольство по поводу несоблюдения диктуемого обычая, уклада ("надо, надо бы соблюдать то, что положено"): *Къой, яшым, юхла. Ял алма герек чи* (М.Абуков) "Оставь, сын мой, спи. Надо же и отдохнуть"; *Оьзю тутгъан ишни сюймеге, огъар къаны-жаны булан берилмеге герек* (З.Атаева) "Свою работу надо любить, ей надо отдать свое сердце, свою душу". Данные значения реализуются, главным образом, в безличных конструкциях.

Другой аналитической формой долженствования в тюркских языках является конструкция, представляющая собой сочетание инфинитных форм глагола с модификатором *тюше* "следует". Поскольку данная конструкция не имеет словоизменительных потенций, она в настоящей работе не рассматривается.

В отличие от модальных конструкций, в состав которых входит модальное слово *герек* // *тарыкъ*, данная модальная форма выступает в качестве сказуемого только в личных предложениях. Модальный модификатор *тюше* в отличие от модификаторов *герек* и *тарыкъ* в функции сказуемого самостоятельно не употребляется, а всегда входит в состав аналитических конструкций. Он не принимает личных аффиксов. Эти признаки обусловливают и функциональное назначение данного модального модификатора оформлять инфинитивные конструкции.

Однако рассматриваемый модальный модификатор принимает временные показатели: *Мамавгъа да тамлакъда бираз олтурмагъа тюшдю* (Ю. Гереев) "И Мамаву пришлось посидеть немного на завалинке, солнцесклоне". *Буса курслагъа биревню йиберме тюшежек* (Ш. Альбериев) "В таком случае придется кого-то отправить на курсы".

Как отмечалось выше, кроме аналитических форм в кумыкском языке представлена еще синтетическая форма долженствовательного наклонения.

Она менее употребительна в литературном языке. В семантическом отношении эта форма тождественна аналитической форме *-ма герек (или тарыкъ)*. Ср.: *Мен юртгъа бармалыман* и *Мен юртгъа барма герекмен* "Я должен поехать в село".

Данная форма широко распространена в огузских тюркских языках: азерб. *Мен алмалуйам;* туркм. *Мен алмалы*; гагауз. *Бен алмалы* "Я должен взять".

Спряжение форм долженствовательного наклонения осуществляется присоединением полных и усеченных аффиксов лица, которые в современных языках присоединяются непосредственно к спрягаемой основе:

алмалыман "я должен взять" *алмалыбыз* "мы должны взять"

алмалысан "ты должен взять" *алмалысыз* "вы должны взять"

алмалы "он должен взять *алмалы* (*лар*) "они должны взять".

Аналитическая форма *-малы эди* синонимична с формой *-ма герек эди (*или *-ма тарыкъ эди)*: Ср.: *Мен юртгъа бармалы эдим* и *Мен юртгъа барма герек эдим* "Я должен был съездить в село". Синтетическая форма *-малы* отличается от аналитической формы *-малы эди* временной локализацией нереализованного действия: первая форма реализует действие в его проекции, а вторая - в плане прошлого.

Действия, выраженные глагольными формами в долженствовательном наклонении, имеют проспективную или ретроспективную ориентацию. Даже наличие темпоральных актуализаторов типа *гьали, буссагьат* "сейчас" не влияет на временную ориентацию действия. Правда, в таких случаях, действие, планируемое как предстоящий факт, тесно связано с настоящим ("актуальность предшествования"), т.е. в момент речи предполагаются какие-нибудь изменения, связанные с подготовкой к предстоящей ситуации: *Гьали бир ойлашма герек* (М.Ягьияев) "Теперь надо что-нибудь придумать".

Формы долженствовательного наклонения употребляются с модальными модификаторами и частицами, которые придают им определенные дополнительные оттенки значения. Однако существуют определенные ограничения в употреблении модальных модификаторов. Синтетическая форма долженствования в сочетании с *бол-* употребляется в двух формах - в форме прошедшего

категорического и настоящего-будущего времени: *айтмалы бола* "следует говорить" и *айтмалы болду* "вынужден был говорить".

Бол- может употребляться и с аналитическими формами долженствовательного наклонения, в основном с глаголом в форме прошедшего перфективного времени: *Къардашы-къурдашы шагьардан гелтирген болма герек* (З.Атаева) "Должно быть, родственники, друзья привезли из города". При необходимости проспективной ориентации действия *бол-* имеет форму будущего категорического или некатегорического времени и присоединяется после модальных модификаторов *герек* и *тарыкъ*: *Шону толтурмагъа тарыкъ болажакъ* (З.Атаева) "Это надо будет заполнять". *Тангала эртен тез Темирханшурагъа бармагъа тарыкъ болажакъ* (М.Ягьияев) "Завтра рано утром придется отправиться в Темирханшуру".

В составе сложновербальных конструкций с *бол-* могут быть и формы прошедшего длительного времени: *Кюйге къарагъанда, ол Камилни гелме герегин де, неге гелме герегин де биле болма герек эди* (М.Хангишиев) "Видимо, она знала о том, что Камил придет и зачем придет". *Балики, гертилей де, айтма герек болгъанмандыр* М.Абуков) "Может быть, действительно, мне следовало бы сказать?" Действие, обозначенное сложновербальной конструкцией, имеет ретроспективную ориентацию.

Возможны аналитические пятикомпонентные формы долженствовательного наклонения: *Кюйге къарагъанда, олар Хайрутдинни къаравуллап, тойгъа гелмей тургъан болма герек эди* (М.Хангишиев) "Видимо, они ждали Хайрутдина и, должно быть, потому так долго не шли на свадьбу". Вспомогательный глагол *тур-* придает долженствовательному действию оттенок длительности или многократности.

Частица *-дыр* придает форме оттенок сомнительности: *...Казаны урулагъан кююне тергев этме герекбиздир?* (З.Атаева) "Нам, наверное, следует обратить внимание на качество прополки?"

Таким образом, в современном кумыкском языке представлены специальные формы для выражения долженствовательного действия: синтетическая форма *-малы, -мели* и аналитические формы, образуемые при помощи модаль-

ных модификаторов *герек и тарыкъ*. Модальный модификатор долженствования *тюше* не имеет словоизменительных потенций.

По признакам темпоральности и временной локализованности долженствовательное наклонение отличается от других наклонений тем, что оно имеет две временные плоскости - плоскость прошедшего и плоскость будущего. Долженствовательная модальность не может быть совмещена с моментом речи (это предполагается самой семантикой облигаторности), она либо предшествует ему, либо следует за ним.

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение является средством выражения одной из трех логических модальностей – действительности, оно служит для максимально объективной (с точки зрения рассказчика) передачи факта.

Главным признаком изъявительного наклонения является категория времени. Для определения времени в грамматике недостаточно наличия у какой-либо глагольной формы общего временного значения; грамматическое время является абсолютным, оно должно быть установлено по отношению к моменту речи: действие в момент, до и после момента речи. Игнорирование этого принципа ведет к противоречиям и неточностям при классификации временных форм.

Исторически лично-временные формы изъявительного наклонения образовались на базе неличных форм - причастий, деепричастий и имен действия. Основным источником образования лично-временных форм явились причастия.

Настоящее время

Настоящее время изъявительного наклонения образуется от основы глагола при помощи аффикса *–а, -е* (после согласных основ), *-й* (после гласных основ): *ала* «берет», *геле* «идет», *яшай* «живет», *ишлей* «работает», *гие* «одевает». При спряжении глаголы настоящего времени принимают аффиксы первой группы:

Ед. число		Мн. число	
1 л.	*аламан* «беру»	*алабыз* «берем»	
2 л.	*аласан* «берешь»	*аласыз* «берете»	

3 л. *ала* «берет» *ала(лар)* «берут»

1 л. *гелемен* «иду» *гелебиз* «идем»

2 л. *гелесен* «идешь» *гелесиз* «идете»

3 л. *геле* «идет» *геле(лер)* «идут»

1 л. *яшайман* «живу» *яшайбыз* «живем»

2 л. *яшайсан* «живешь» *яшайсыз* «живете»

3 л. *яшай* «живет» *яшай(лар)* «живут»

Основным значением настоящего времени является обозначение действия, протекающего в момент речи: *Тав-ташлар оькюре, еллер сызгъыра* (Аяв) «Горы и камни гудят, ветры воют»; *Гиччи уьй, ачылгъан терезеден язны салкъын гьавасы геле* (У.Мантаева) «Маленькая комната, из открытого окна идет прохладный воздух весны».

В контексте семантика настоящего времени охватывает круг значений, которые прямо или косвенно связаны с основным значением.

1. Постоянное, присущее предмету действие: *Гьар наслу булан бирче ону табиаты да гете.* (М.Ягьияев) «С каждым поколением уходит и его природа»; *Дюньядагъы бары да зат ананы къолу булан, гюнню шавласы булан ярала* (М.Ягьияев) «Все в мире создается руками матери, сиянием солнца».

2. Для оживления прошедшего действия, наглядного его представления настоящее время употребляется в значении прошедшего: *Бавда олтуруп тура эдим, янгызлыгьымдан ялкъып, къарайман, уьч къуш геле, Гьавадан учупсаркъып* (фольк.) «(Я) сидел в саду, скучая в одиночестве, смотрю, три птицы летят, паря в воздухе»; *Оьзю де сют ай ярыкъ гече эди. Къарайман, инибизни аты къапуну алдында токътагъан ва чюйленген тогъаслагъа телмире* (Ш.Альбериев) «Была лунная ночь. Смотрю, впереди стоит конь младшего брата и уставился на замкнутые засовы».

3. Для выражения уверенности говорящего в совершении действия настоящее время употребляется в значении будущего: *Ол командировкагъа гете, он гюнден къайтажакъ* (И.Керимов) «Он уезжает в командировку, вернется через десять дней»; *Къыз гелешинген, узакъ къалмай той бола* «Девушка засватана, скоро состоится свадьба».

4. Настоящее время употребляется для обозначения действия, которое происходит тотчас за моментом речи, при этом контекст имеет предупредительный, предостерегательный оттенок: *Мен чыгъаман, сиз олтуруп туругъуз* «Я выхожу, вы сидите»; *Пират, сен кёп къавгъалама. уьркютесен.* (М.Ягьияев) «Пират, ты много не шуми, отпугнешь».

5. Транспозитивное употребление формы настоящего времени может быть обусловлено семантикой глагольной основы. Ряд глаголов, особенно глаголов движения, обозначает действие, которое легко транспонирует в сферу будущего времени: *Гетемен* «Ухожу»; *Атыламан.* «Прыгаю»; *Учаман* «Летаю».

Употребление форм на *–а, -е, -й* в значении будущего времени является обычным явлением. Общее содержание данной формы составляет настоящее-будущее время, а конкретное ее временное значение выявляется в контексте. Характерно в этом отношении то, что в грамматиках тюркских языков для обозначения формы на *–а, -е, -й*, наряду с термином «настоящее время», употребляется также термин «настоящее-будущее время».

Кроме простой формы настоящего времени, употребляется еще сложные формы, которые служат для конкретизации временного значения или выражают дополнительные модальные или аспектуальные значения. Сложные формы настоящего времени образуются от основ деепричастий, инфинитива и вспомогательных глаголов *тура, бола*.

1. Форма на *–а тура* выражает следующие значения:

1) настоящее время данного момента: *Полковник Ламбуцкий, Къагьарман булан бирче бир бёлюкню де алып, Къойсолтангъа ювукъ болуп геле тура* (М.Абуков) «Полковник Ламбуцкий, взяв совместно с Кахарманом одну часть, приближается к Койсултану»;

2) начало действия данного момента: *Загьматчыланы эркинлигини янгы дюньясы тува тура.* (А.Къурбанов) «Рождается новый мир свободы трудящихся»; *Олар тура, биз де тербенейик*. (А.Къурбанов) «Они встают, давайте и мы двинемся»;

3) длительность действия, обозначаемая в устной речи эмфазой гласного первого компонента сложной формы: *айта*:*тура* «говорит (долго, постоянно)».

В данном значении, наряду с формами на *–а тура*, употребляются и формы на *–ып тура: айты:п тура* «говорит (постоянно)», *юрю:п тура* «ходит (постоянно)».

2. Формы на *–ып бара* обозначают интенсивное действие с оттенком неожиданности: *Амма масхараны арты гертиге айланып бара* (К.Шамсутдинов) «Однако шутка превращается (быстро, неожиданно) в правду»; *Къаркъарамдан от-ялын чыгъып барамы экен деп эсиме геле.* (И.Ибрагимов) «Думается мне: не выходит ли из моего тела огонь-пламя?»

В указанном значении для обозначения большей интенсивности действия употребляется сверхсложная форма на *–ып бара тура: Оьлюп бара тураман* (Фольк.) «Умираю».

3. Сложная форма настоящего времени, состоящая из инфинитива и вспомогательного глагола *тура*, обозначает ожидаемое действие, действие, которое вот-вот должно совершиться: *Явма тура* «Дождь собирается» («Вот-вот пойдет дождь»); *Харс къалада дав болгъан, алма тура къаланы* (Фолькл.) «В крепости Карс была битва, вот-вот возьмут крепость».

4. Форма на *–а бола* обозначает многократное, повторяющееся действие: *Хизири оьзюню хабарларын яшлагъа айта бола* (И.Керимов) «Свои истории Хизири (временами) рассказывает детям»; *Атабыз сиривге оьзю булан бизин де ала бола. (К.Абуков)* «Наш отец иногда и нас берет с собой пасти отару»; *Мустапа гьали Дайгьанатгъа жумада бир керен сама гёрюне бола.* (М.Ягьияев) «Мустафа теперь хотя бы раз в неделю показывается Дайганат».

Многократность действия обозначает и форма, образованная от непереходного деепричастия на *–ып* и вспомогательного глагола *бола*: *Ахшамлар къарт къабакъ алда олтуруп бола* «Вечерами старик сиживает у ворот».

Описанные выше сложные формы на *–а тура, -а бола, -ма тура* в указанных значениях грамматикализованы, «привязаны» только к одной временной форме, что и позволяет включить их в систему форм настоящего времени.

Вопросительная форма: *аламанмы*? «беру ли (я)», *аламысан* «берешь ли

(ты)?», *алабызмы?* «берем ли (мы)?», *аламысыз?* «берете ли (вы)?», *аламы?* «берет ли он?».

Отрицательная форма: *алмай* «не берет».

Форма возможности: *алып бола* «может взять».

Форма невозможности: *алып болмай* «не может взять».

Будущее время

Будущее время обозначает действие, которое совершится после момента речи. В кумыкском языке для выражения будущего времени употребляются две формы: будущее предположительное (будущее I) и будущее категорическое (будущее II).

Будущее предположительное время

Будущее предположительное время образуется от основы глагола при помощи следующих афиксов: 1) *–ар (-ер): алар* «возьмет», *гелер* «придет»; 2) *–ыр* (*-ир, -ур, -юр*): *алыр* «возьмет», *гелир* «придет», *болур* «будет», *гёрюр* (*гёрер*) «увидит»; 3) *–р* (после гласных основ): *яшар* «будет жить», *ишлер* «будет работать»; 4) *–с* образует будущее предположительное время от отрицательной формы глагола: *алмас* «не возьмет», *гелмес* «не придет».

Вариант *–с* возводится к *–р* через ступень *–з*: *р > з > б*. Форма на *–ыр* активна и широко распространена в тюркских языках и, видимо, является древнейшей из причастных форм.

При спряжении к основе будущего предположительного времени присоединяются личные аффиксы первой группы:

Ед.число		Мн.число	
1 л.	*аларман* «(я) возьму»		*аларбыз* «(мы) возьмем»
2 л.	*аларсан* «(ты) возьмешь»		*аларсыз* «(вы) возьмете»
3 л.	*алар* «(он) возьмет»		*алар(лар)* «(они) возьмут».
1 л.	*алмасман* «(я) не возьму»		*алмасбыз* «(мы) возьмем»
2 л.	*алмассан* «(ты) не возьмешь»		*алмассыз* «(вы) возьмете»
3 л.	*алмас* «(он) не возьмет»		*алмас(лар)* «(они) возьмут».

В варианте *–ыр*, в отличие от *–ар*, в устной речи при присоединении личных аффиксов сонорный [*р*] может выпасть: *алырман > алыман* «я возьму», *гелирсен> гелисен* «ты придешь». Варианты *–ар* и *–ыр* взаимозаменяемы в од-

ном и том же слове без ущерба для общего временного значения.

Афф. *–ар, -ыр* свободно варьируют особенно после сонорных [*р, л*]: *алар*//*алыр* «возьмет», *барар* //*барыр* «пойдет». Н.К.Двитриев привел список из 82 словоформ, которые допускают оба варианта, и указал на некоторые особенности употребления данных вариантов. Н.К.Дмитриев писал: «теоретически можно предположить, что при наличии двух параллельных форм типа *барып* имеет более конкретное и близкое значение (т.е. ближе к настоящему), а тип *барар* более неопределенное (т.е. к будущему)».

Выявить какие-илбо закономепрности в употреблении вариантов *–ар*//-*ыр* в современном кумыкском литературном языке не удается. Возможно, частота употребления указанных вариантов зависит от качества предыдущего согласного: после согласных [*т, ч*] и особенно после [*б, м*] преимущественно употребляется вариант *–ар*: *ачар*//*(ачыр)* «откроет», *битер*//*(битир)* «закончится», *табар*//*(табыр)* «найдет», *тамар*//*(тамыр)* «капнет, будет капать». На фонетическую обусловленность вариантов *–ар*//-*ыр* указывал У.Б.Алиев.

В диалектах кумыкского языка частота употребления варианта *–ар* уменьшается от юга к северу территории распространения кумыкского языка (т.е. от Дербента к Тереку), а в терском диалекте вариант *–ар* вовсе исчезает. В этой связи можно предположить, что вначале в определенных языках и диалектах употреблялся один из вариантов *–ар*//-*ыр,* варьирование указанных вариантов является следствием смешения языков и диалектов.

Основным значением будущего предположительного времени является обозначение действия предполагаемого или возможного. С точки зрения говорящего действие будущего предположительного времени мыслится как возможное в неопределенном будущем. Особо следует подчеркнуть, что при наличии двух форм будущего времени – предположительного и категорического – их значения выявляются только в сопоставлении друг с другом: *алар* «возьмет (возможно)» – *алажакъ* «возьмет». На неопределенность временного значения будущего предположительного времени указывает и то, что оно часто употребляется в предложениях с условным периодом и с модальными словами, обозначающими предположение, сомнение: *Бир гишиге суал берип турса, бирге-экиге жавап берир, бешге-онгъа берип турмас чы!* (Аткъай) «Если человеку

задавать много вопросов, (он) ответит на два-три, но не ответит же (он) на пять-десять!»; *Он алты яшында булай болгъан, муну арты не болар экен?* (Аткъай) «Если (он) в шестнадцать лет такой, что же с ним будет потом?»

Форма будущего предположительного времени многозначна. Кроме основного своего значения, она имеет ряд значений, которые не совпадают с основным ее значением (значением неопределенности).

1. Вневременное значение, которое проявляется в пословицах, поговорках, устойчивых выражениях: *Ит гьаплар, кериваен гечер* «Собака лает, а караван проходит»; *Яманлар тувса, дав башлар* «Если плохие родятся, войну начнут»; *Итге чарыкъ тиксенг, оьзю ашар* «Если собаке сошьешь чарыки, она сама же их съест».

2. Постоянное действие предмета: *Гелген къонакъланы уьй еси тёрде олтуртар, яш гелин иржайгъан юзю булан олагъа аш этер, тепси салар* («Ленин ёлу») «Пришедших гостей хозяин посадит на почетное место, молодая невестка с улыбающимся лицом приготовит им еду, накроет стол»; *Оьзлени оьзлер ол къызбайлар макътарлар, гюню гелисе, эшек йимик токътарлар.* (Й.Къазакъ) «Сами себя те трусы будут хвалить, ак огда придет день (испытаний), то остановятся подобно ослам».

3. Будущее с оттенком желания или увещевания*: Халкъ пачалыкъны бузар, янгы гьукумат къурар. Зулмусуз, эркин гьукумат болажакъ* (М.Ягьияев) «Народ нразрушит государство, организует новое правительство. Будет правительство без угнетения, свободное»; *Эгер англашылмай буса, бюгюн шо башны янгыдан охурсан* (И.Керимов) «Если не будет понятно, то всю ту главу прочтешь заново».

4. Повторение действия в определенные периоды: *От битген ерге от битер, сув акъгъан ерден сув агъар* (Аткъай) «Там, где росла трава, будет расти трава, там, где текла вода, будет течь вода»; *Гёзюн юмгъан таш ютар.* (Аяв) «Кто закроет глаз (моргнет), тот камень проглотит».

5. Отрицательная форма первого лица ед.числа с афф. *–ман. –мен,* которая считается сокращенной от полной формы на *–масман, -месмен (алмасман > алман*), выражает категорическое будущее время: *Мен чыкъман! Сен чыгъарсан!* (М.Ягьияев) «Я не выйду! Ты выйдешь!»; *Хынжалымдан къан таммай,*

къойман, аллагьакъына! «Пока не будет капать кровь от моего кинжала, не оставлю, ей-богу!»

Для отрицательной формы будущего предположительного времени выражение категоричности является превалирующей функцией: *Батыр эрге яман олжа тарыса, ол батыргъа ондан яман иш болмас!* (Й.Къазакъ) «Если батыру попадется плохая жена, то для этого батыра хуже того не может быть!»; *Язда ишлемеген къышда тишлемес* (Айтыв) «Кто летом не работал, тот зимой не будет есть».

Подводя итоги анализа значений формы на *–ар*, следует отметить, что данная форма в положительной и отрицательной формах часто указывает на обычность, определенность и даже категоричность действия, ввиду чего термин «будущее предположительное время» следует признать условным.

Вопросительная форма: *алярманмы?* «возьму ли я?», *алармысан*? «возьмешь ли ты?», *аларбызмы?* «возьмем ли мы?», *алармысыз?* «возьмете ли вы?», *алармы*? «возьмет ли он?».

Форма возможности: *алып болар* «сможет взять».

Форма невозможности: *алып болмас*//(*алма болмас*) «не сможет взять».

Будущее категорическое время

Будущее категорическое время образуется от основы глагола при помощи афф. *–ажакъ*, *-ажек* (после согласных основ), *-жакъ*, *-жек* (после гласных основ): *алажакъ* «возьмет», *гележек* «придет», *яшажакъ* «будет жить», *ишлежек* «будет работать».

Ед.число	Мн.число
1 л. *алажакъман* «(я) возьму»	*алажакъбыз* «(мы) возьмем»
2 л. *алажакъсан* «(ты) возьмешь»	*алажакъсыз «*(вы) возьмете»
3 л. *алажакъ* «(он) возьмет»	*алажакъ(лар)* «(они) возьмут»
1 л. *алмажакъман* «(я) возьму»	*алмажакъбыз* «(мы) не возьмем»
2 л. *алмажакъсан* «(ты) не возьмешь»	*алмажакъсыз* «(вы) не возьмете»
3 л. *алмажакъ* «(он) не возьмет»	*алмажакъ(лар)* «(они) не возьмут».

Основным значением будущего категорического времени, которым оно противопоставляется будущему I, является обозначение определенности и категоричности совершения действия. Данная форма употребляется, когда гово-

рящий уверен в совершении действия: *Сен табып болажакъсан, гелмеге сюйсенг, ёлун*. (М.Алибеков) «Ты обязательно найдешь дорогу, если захочешь прийти»; *Биз уьстюн болажакъбыз!* (М.Ягьияев) «Мы победим!».

Будущее категорическое время может обозначать ожидаемое в ближайшем будущем действие с оттенком предупреждения, предостережения: *Къарагъыз, къарагъыз! Вагьит гьали чатакъ уражакъ* (М.Гьюсейнов) «Смотрите, смотрите! Вахит сейчас подставит ножку»; *Шавхал бийден гелечилер гележек, ол аривню гелин этип элтежек.* (Халкъ йырындан) «От князя шавхала сваты придут, ту красавицу уведут как невесту».

Некоторые факты указывают на то, что форма на *–ажакъ* для кумыкского языка является сравнительно новым образованием. Данная форма редко встречается в произведениях фольклора, а в пословицах и поговорках употребляется только форма на *–ар*//*-ыр.*

Вопросительная форма: *алажакъманмы*? «возьму ли (я)?», *алажакъмысан*? «возьмешь ли (ты)?», *алажакъбызмы*? «возьмем ли (мы)», *алажакъмысыз*? «возьмете ли (вы)?», *алажакъмы* «возьмет ли (он)?».

Отрицательная форма: *алмажакъ* «не возьмет», *гелмежек* «не придет».

Форма возможности: *алып болажакъ* «сможет взять».

Форма невозможности: *алып болмажакъ* «не сможет взять».

Прошедшее время

Прошедшее время глагола в кумыкском языке отличается многообразием форм и значений. Для выражения отношения действия к моменту речи, т.е. собственно временного значения, достаточно было бы одной формы. Кроме собственно временного значения, формы прошедшего времени выражают также разнообразные модальные и аспектуальные значения. Противопоставленность форм по модальным и аспектуальным значениям образует систему прошедших времен, каждое из которых имеет свой контекст употребления.

По способу образования формы прошедшего времени делятся на простые и сложные. Простые формы образуются от основы глагола и аффиксов времени. Сложные формы времени образуются от причастий, деепричастий и вспомгательных глаголов *эди* и *болгъан.* Оппозиции по модальности и аспектуальности особенно ярко выражены в сложных формах прошедшего времени,

при этом оппозиция по модальности (очевидность – неочевидность) выражается вспомогательными глаголами *эди* и *болгъан*, т.е. указанные глаголы в плане модальности выполняют те же функции, что и аффиксы простых форм *–ды, -гъан.* Это вполне объяснимо, ибо сами вспомогательные глаголы являются формами на *–ды* и *гъан* от глаголов э- (< *эр-/, бол* «быть»). Простым формам на *–ды* по модальности соответствуют сложные формы на *эди*, а простым формам на *–гъан* – сложные формы на *болгъан.* В этом плане основной функцией сложных форм прошедшего времени является выражение различных аспектуальных и релятивных отношений.

Прошедшее категорическое время

Прошедшее категорическое время является наиболее употребительной и активной формой прошедшего времени. Данная форма употребляется во всех стилях литературного языка и во всех диалектах (в отличие от перфекта, который в некоторых говорах заменяется формой прошедшего времени на *–ип, -уп*). Прошедшее категорическое показывает время безотносительно к настоящему или будущему моментам, т.е. является собственно прошедшим временем, в котором «элемент прошедшего является окончательным и преобладающим».

Прошедшее категорическое время образуется от основы глагола путем присоединения афф. *–ды, -ди, -ду, -дю: алды* «(он) взял», *гелди* «(он) пришел», *тойду* «(он) наелся», *гёрдю* «(он) увидел». При спряжении к форме прошедшего времени присоединяются личные аффиксы второй группы.

ал- «брать»

Ед.число	Мн.число
1 л. *алдым* «(я) взял»	*алдыкъ* «(мы) взяли»
2 л.*алдынг* «(ты) взял»	*алдыгъыз* «(вы) взяли»
3 л.*алды* «(он) взял»	*алдылар* «(они) взяли».

гел- «приходить»

1 л. *гелдим* «(я) пришел»	*гелдик* «(мы) пришли»
2 л. *гелдинг* «(ты) пришел»	*гелдигиз* «(вы) пришли»
3 л. *гелди* «(он) пришел»	*гелди(лер)* «(они) пришли».

Основным значением прошедшего времени является обозначение законченного нерасчлененного и однократного действия, реальность которого не подлежит сомнению: *Яра тийип, ятды шонда ёлдашым, мен къарсалап барып гётердим башын* (И.Керимов) «Раненный, упал там мой товарищ, я, быстро подойдя, поднял его голову»; *Мен гетген гече бир тюш гёрдюм* (Аяв) «В прошлую ночь я увидел сон».

Значения длительности и многократности, которые иногда выражает прошедшее категорическое время, не вытекает из природы данной формы, а обусловлены контекстом: *Биз оларда узакъ олтурдукъ* «Мы у них долго сидели»; *Сёйледи, сёйледи, тек огъар тынгламай эдилер* «Он говорил, говорил, но его не слушали».

Во 2 и 3 л. прошедшее категорическое время обозначает действие, очевидцем которого является сам говорящий, т.е. имеет ситуативное употребление. Данное значение прошедшего категорического времени проявляется в сопоставлении с формой перфекта: *Мени китабымны сен алдынг* «Мою книгу взял ты»; *Мен билемен, мени китабымны сен алгъансан* «Я знаю, что мою книгу взял ты».

Транспозиция прошедшего категорического времени в сферу будущего сопровождается обозначением интенсивности, незамедлительности совершения действия: *Муну гишиге айтдынг – битди ишинг*. «Скажешь это другому – кончено твое дело»; *Заманында чачдынг – утдунг, чачмадынг – утдурдунг* (фольк.) «Вовремя посеял – выиграл, не посеял – проиграл».

Основные значения прошедшего категорического времени отражены в терминах, употребляющихся в тюркологии для его обозначения (недавнопрошедшее, прошедшее определенное).

Вопросительная форма: *алдыммы*? «взял ли (я)», *алдынгмы*? «взял ли (ты)?», *алдыкъмы*? (взяли ли (мы)?», *алдыгъызмы*? «(взяли ли (вы)?», *алдымы*? «взял ли (он)?»

Отрицательная форма: *алмадым* «(я) не взял», *алмадынг* «(ты) не взял», *алмадыкъ* «(мы) не взяли», *алмадыгъыз* «(вы) не взяли», *алмады* «(он) не взял».

Форма возможности: *алып болду* «он смог взять».

Форма невозможности: *алып болмады* «он не смог взять».

Прошедшее перфектное время

Прошедшее перфектное время образуется путем присоединения к основе глагола афф. *–гъан, -ген: алгъан* «(он) взял», *гелген* «(он) пришел», *гёрген* «(он) увидел», *тургъан* «(он) встал».

При спряжении к форме прошедшего перфектного времени присоединяются личные аффиксы первой группы:

Ед.число	Мн.число
1 л. *алгъанман* «(я) взял»	*алгъанбыз* «(мы) взяли»
2 л. *алгъансан* «(ты) взял»	*алгъансыз* «(вы) взяли»
3 л. *алгъан* «(он) взял»	*алгъан(лар) «(они) взяли».*
1 л. *гелгенмен* «(я) пришел»	*гелгенбиз* «(мы) пришли»
2 л. *гелгенсен* «(ты) пришел»	*гелгенсиз* «(вы) пришли»
3 л. *гелген* «(он) пришел»	*генлен(лер)* «(они) пришли»

Общее значение перфекта составляет синтез временного значения перфекта и модального значения неочевидности, «заглазности» действия. По Н.К.Дмитриеву, перфект «указывает на следствие какого-нибудь прошлого факта, причем по существу безразлично, известен ли этот факт говорящему из личного опыта или же только из вторых рук».

Основным значением прошедшего перфектного времени является собственно перфектное значение, т.е. обозначение результата прошлого действия, который наличествует, имеет продолжение и в настоящее время: *Улан, сен кеплик учун гелмегенсендир. Мен билемен, сен къызардашынг учун гелгенсен* (Аяв) «Парень, ты же не пришел для веселья. Я знаю, ты пришел ради своей сестры»; *Дюньяны шыплыкъ алгъан* (Ш.Альбериев) «Мир охватила тишина».

Общее временное значение прошедшего перфектного времени реализуется в следующих оттенках:

1) констатация факта совершения действия без уточнения времени (прошедшее неопределенное): *Мен Москвада болгъанман* «Я бывал в Москве»;

2) обозначение результата действия, вытекающего из опыта субъекта действия: *Мен гёргенмен хыйлы-хыйлы ерлени, гёрмегенмен биздей языкъ эрлени* (Й.Къазакъ) «Я видел много разных мест, но не видел таких несчастных мужчин, как мы»;

3) обозначение прошлого действия, результат которого наличествует в момент речи (прошедшее ситуативное): *Тизилип баралар, бирлери байракълар тутгъан, бирлери – суратлар* (И.Керимов) «Идут строем, одни держат знамена, другие – портреты»; *Билме къыйын: кёкню булут къаплагъан.* (И.Керимов) «Трудно определить: небо покрыто тучами».

При непереходных глаголах указанное выше значение усиливается и в этом случае форма прошедшего перфектного времени имеет значение настоящего времени: *Тюе, мени еримде неге ятгъансан?* (Аяв) «Верблюд, почему ты лежишь на моей земле?»; *Ол шанжалда олтургъан* «Он сидит на стуле»; *Ону юзю иржайгъан* «Его лицо улыбается».

Анализ оттенков перфектного значения позволяет сделать вывод о том, что временное значение разбираемой формы обусловлено, кроме всего прочего, также значением глагольной основы (переходность-непереходность, предельность-непредельность): *Ол китапны алгъан* «Он взял книгу»; *Яш юхлагъан*. «Ребенок уснул//спит»; *Байракъ тутгъан* «(Он) держал//держит знамя»; *Канавдан атылгъан.* «Прыгнул через канаву».

1. Во 2 и 3 л. прошедшее перфектное время выражает модальное значение неочевидности, «заглазности» действия и употребляется тогда, когда говорящий сам не является свидетелем его совершения. В 1 л. «заглазность» логически невозможна, поэтому здесь на первый план выступает значение неопределенности времени совершения действия. Употребление прошедшего перфектного времени в неочевидном значении наблюдается в следующих случаях:

а) когда говорящий судит о действии со слов других: *Магъа айтдылар*: *кагъызны сен язгъансан* «Мне сказали: письмо написал ты»;

б) когда говорящий судит о действии по его видимому результату или признаку: *Сени хатынг чы, кагъызны сен язгъансан* «Твой же почерк, письмо написал ты»;

в) когда говорящий судит о действии, исходя из своего предположения: *Къарагъанда, кагъызны сен язгъансан* «Судя по всему, письмо написл ты».

Не всегда форма на *–гъан* имеет значение «заглазности». Кроме 1 л., значение «заглазности» в форме на *–гъан* не проявляется еще в следующих случаях:

1) когда форма на *–гъан* употреблена в собственно перфектном значении (т.е. в значении прошедшего-настоящего времени): *Яш юхлагъан.* «Ребенок уснул//спит»; *Шанжалда олтургъан* «Сидит на стуле»;

2) когда контекст и ситуация исключают «заглазность»: *Сен негер гелгенсен?* «Зачем ты пришел?»; *Ол бек къызаргъан* «Он сильно покраснел».

Разные термины (перфект, прошедшее результативное, прошедшее неопределенное, прошедшее-настоящее, настоящее-прошедшее), употребляющиеся в тюркологии для обозначения прошедшего-перфектного времени, отражают его семантическую неоднородность. В кумыкском языке употребляются две модальные формы прошедшего перфектного времени.

1. Модальная форма со значениями сомнения, предположения образуется при помощи частицы *–дыр* (*-дир, -дур, -дюр*): *Уллу Ватан давну гьакъында инг де яхшы китаплар, балики, гьали де языльмагъандыр* (И.Керимов) «Самые хорошие книги о Великой Отечественной войне, возможно, еще не написаны»; *Сен айып да этгенсендир*. (М.Хангишиев) «Возможно, ты и упрекнул».

2. Форма с модальным словом *экен* имеет значение неожиданности и удивления: *Эшикни ачып къойгъан экен* «(Он), оказывается, оставил дверь открытой»; *Сен о хабарны менден алда эшитген экенсен.* «Ты, оказывается, услышал эту весть раньше меня».

Вопросительная форма прошедшего перфектного времени: *алгъанманмы?* «взял ли (я)?», *алгъанмысан?* «взял ли (ты)?», *алгъанбызмы?* «взяли ли (мы)?», *алгъанмысыз?* «взяли ли (вы)?», *алгъанмы?* «взял ли (он)?».

Вопросительная форма с модальным словом *экен* употребляется в значении предположения: *Къайтгъанмы экен* «Интересно, вернулся ли (он)?».

Отрицательная форма: *алмагъан* «(он) не взял», *гелмеген* «(он) не пришел».

Форма возможности: *алып болгъан* «он смог взять».

Форма невозможности: *алып болмагъан «(он) не смог взять».*

Сложные формы прошедшего времени

Сложные формы прошедшего времени образуются от основы причастия или деепричастия и вспомогательных глаголов *эди, болгъан.*

Прошедшее незаконченное время

Прошедшее незаконченное время, или имперфект, образуется от основы деепричастия на *–а, -е, -й* и вспомогательных глаголов *эди*, *болгъан*.

Оно имеет две формы, которые по модальному значению соответствуют простым формам прошедшего времени.

1. Определенный имперфект образуется от основы деепричастия на *–а, -е, -й* и вспомогательного глагола *эди: ала эди* «(он) брал», *яшай эди* «(он) жил».

При спряжении изменяется вспомогательный глагол *эди:*

Ед.число

Мн.число

1 л. *ала эдим* «(я) брал» *ала эдик* «(мы) брали»

2 л. *ала эдинг* «(ты) брал» *ала эдигиз* «(вы) брали»

3 л. *ала эди* «(он) брал» *ала эди(лер)* «(они) брали»

1 л. *яшай эдим* «(я) жил»
яшай эдик «(мы) жили»

2 л. *яшай эдинг* «(ты) жил»
яшай эдигиз «(вы) жили»

3 л. *яшай эди* «(он) жил»
яшай эди(лер) «(они) жили».

Определенный имперфект имеет очевидное значение и употребляется тогда, когда говорящий сам является свидетелем совершения действия, т.е. в модальном плане данная форма соответствует прошедшему категорическому времени, что обусловлено формой вспомогательного глагола *эди (э+ди): Камил шагьарда яшай эди* «Камиль жил в городе» (Говорящий сам является свидетелем того, что Камиль жил в городе).

Определенный имперфект употребляется в значении настоящего времени в сложносочиненных предложениях с противительными отношениями частей: *Алгъаным, сени де чи сюе эдим; амалым, сени йимик боламы!* (Фолькл.)

«Муж мой, и тебя я люблю, но брат мой, разве сравнить с тобой!»

Вопросительная форма: *аламы эди?* «брал ли (он)», *гелеми эди?* «приходил ли (он)?».

Отрицательная форма: *алмай эди* «(он) не брал», *билмей эди* «(он) не знал».

Форма возможности: *алып бола эди* «(он) мог брать», *гелип бола эди* «(он) мог приходить».

Форма невозможности: *алып болмай эди* «он не мог брать», *гелип болмай эди* «он не мог приходить».

2. Неопределенный имперфект образуется от основы деепричастия на *–а, -е, -й* и вспомогательного глагола *болгъан: ала болгъан* «(он) брал», *геле болгъан* «(он) приходил», *яшай болгъан* «(он) жил».

При спряжении изменяется вспомогательный глагол *болгъан:*

Ед.число	Мн.число
1 л. *ала болгъанман* «(я) брал»	*ала болгъанбыз* «(мы) брали»
2 л. *ала болгъансан* «(ты) брал»	*ала болгъансыз* «(вы) брали»
3 л. *ала болгъан* «(он) брал»	*ала болгъан(лар)* «(они) брали»
1 л. *яшай болгъанман* «(я) жил»	*яшай болгъанбыз* «(мы) жили»
2 л. *яшай болгъансан* «(ты) жил»	*яшай болгъансыз* «(вы) жили»
3 л. *яшай болгъан* «(он) жил»	*яшай болгъан(лар)* «(они) жили».

Неопределенный имперфект обозначает неочевидность, «заглазность» действия, соответствуя в этом плане прошедшему перфектному времени, что обусловлено формой вспомогательного глагола *болгъан (бол+гъан): Камил шагьарда яшай болгъан* «Камиль жил в городе» (Говорящий сам не является свидетелем того, что Камиль жил в городе, а знает об этом по другим источникам).

Вопросительная форма: *ала болгъанмы?* «брал ли (он)?», *геле болгъанмы*? «приходил ли (он)?»

Отрицательная форма: *алмай болгъан* «(он) не брал», *гелмей болгъан* «(он) не приходил».

Форма возможности: *алып бола болгъан* «(Он) мог брать», *гелип бола болгъан* «(он) мог приходить».

Форма невозможности: *алып болмай болгъан* «(он) не мог брать», *гелип болмай болгъан* «(он) не мог приходить».

Имея собственно временное значение – значение действия, совершенного до момента речи, имперфект отличается от других форм прошедшего времени аспектуальным значением незаконченности, незавершенности действия и в этом плане соответствует прошедшему времени несов. вида русского глагола: *Бары да бизин гьакъыбыздан сёйлей эдилер* (А.Курбанов) «Все (они) говорили о нас»; *Ону себеби де – биз башлап юртда яшай эдик* (М.Абуков) «А причина тому – мы вначале жили в селении»; *Сёйлейгенлер бары да Магьачны гьакъында айта эди* (И.Керимов) «Выступающие все говорили о Махаче».

Из основного значения незаконченности действия вытекают другие оттенки значения имперфекта, которые выявляются в контексте:

1) длительность: *Ол гьаман оьзюню эрини ва къызыны гьакъында сёйлей эди* (А.Дациев) «Она постоянно говорила о своем муже и дочери»;

2) повторяемость: *Гьар гюн сайын Зулайха магъа янгы-янгы хасиятларын билдире эди.* (А.Дациев) «С каждым днем Зулайха показывала мне всё новые и новые черты своего характера».

Для выражения повторяемости употребляется также особая форма имперфекта, образованная от формы настоящего многократного времени: *Бакюде бирче турагъанда Магьмут Абакаргъа о гьакъда хабарлай бола эди* (М.Ягьияев) «Когда жили вместе в Баку, Махмуд рассказывал об этом Абакару»; *Артда Гьарун Москвадагъы коммерческий институтда охуйгъанда, университетде охуйгъан Уллубий булан гьар гюн ёлугъа бола эди* (М.Ягьияев) «Позднее, когда Гарун учился в Московском коммерческом институте, он каждый день встречался с обучавшимся в университете с Уллубием».

3) Обычность, регулярность действия: *Самолет Магьачкъаладан тувра Москвагъа уча эди* (К.Абуков) «Самолет летал из Махачкалы прямо в Москву».

В определенном контексте значение основы на *–а, -е, -й* может превалировать над значением вспомогательной части *эди*, и тогда имперфект употребляется в значении настоящего времени: *Сизин дертлеригизни чи биле эдим…*

Къарайыкъ гьали, мен нечик сёйлермен (А.Къурбанов) «Я-то знаю ваши заботы… Посмотрим, как я буду разговаривать»; *Мен чи сени сюе эдим, сен магъа къарамайсан* (Фольк.) «Я-то тебя люблю, но ты не обращаешь на меня внимания».

Употребление глаголов прошедшего незаконченного времени контекстуально обусловлено: оно употребляется при описании для передачи фона, на котором развертывается другое действие; *Гьали атлар ерлеринден тербенгенде де Ажа сыр билдирмей эди* (М.Ягьияев) «Сейчас, когда лошади даже тронулись со своих мест, Ажа не показывала виду»; *Шо гюн атабызгъа ялгъан айтмагъан бусам, тюшмей эдим шу аварагъа* (Б.Атаев) «Если бы я в тот день не соврал отцу, то не попал бы в такое положение».

Давнопрошедшее время

Давнопрошедшее время образуется от причастия прошедшего времени на *–гъан, -ген* и вспомогательных глаголов *эди* и *болгъан*. Оно имеет две противопоставленные по модальности (очевидность - заглазность») формы: давнопрошедшее очевидное и давнопрошедшее неочевидное время. Соотношение между этими формами такое же, что между формами прошедшего перфектного и прошедшего категорического времени.

1. Давнопрошедшее очевидное время образуется от причастия на *-гъан, -ген* и вспомогательного глагола *эди*:

Ед.число	Мн.число
1 л. *алгъан эдим* «(я) брал»	*алгъан эдик* «(мы) брали»
2 л. *алгъан эдинг* «(ты) брал»	*алгъан эдигиз* «(вы) брали»
3 л. *алгъан эди* «(он) брал»	*алгъан эди(лер)* «(они) брали».

Вопросительная форма: *алгъанмы эдим?* «брал ли (я)?, *алгъанмы эдинг?* «брал ли (ты)?», *алгъанмы эди* «брал ли (он)?»

Отрицательная форма: *алмагъан эди* «(он) не брал», *гелмеген эди* «(он) не приходил».

Форма возможности: *алып болгъан эди* «(он) смог взять», *гелип болгъан эди* «(он) смог прийти».

Форма невозможности: *алып болмагъан эди* «(он) не смог взять», *гелип болмагъан эди* «(он) не смог прийти».

2. Давнопрошедшее неочевидное время образуется от причастия на *-гъан, -ген* и вспомогательного глагола *болгъан*:

Ед. число

1 л. *алгъан болгъанман* «(я) (оказывается) взял»

2 л. *алгъан болгъансан* «(ты) (оказывается) взял»

3 л. *алгъан болгъан* «(он) (оказывается) взял»

Мн. число

1 л. *алгъан болгъанбыз* «(мы) (оказывается) взяли»

2 л. *алгъан болгъансыз* «(вы) (оказывается) взяли»

3 л. *алгъан болгъан(лар)* «(они) (оказывается) взяли».

Вопросительная форма: *алгъан болгъанманмы*? «взял ли (я)?», *алгъан болгъанмысан?* «взял ли (ты)?, *алгъан болгъанмы?* «взял ли (он)?», *алгъан болгъанбызмы*? «взяли ли (мы)?», *алгъан болгъанмысыз?* «взяли ли (вы)?», *олар алгъан болнгъанмы?* «взяли ли они?».

Отрицательная форма: *алмагъан болгъан* «(он) (оказывается) не взял».

Форма возможности не употребляется.

Форма невозможности: *алып болмагъан болгъан* «(он) (оказывается) не смог взять», *гелип болмагъан болгъан* «(он) (оказывается) не смог прийти».

Основной функцией давнопрошедшего времени является указание на время действия в общем виде без уточнения момента его совершения.

Из данной функции вытекает возможность обозначения разбираемой формой действия, которое произошло давно, в отдаленное от настоящего времени: *Муса уланына велосипед алгъан эди* (М.Ягьияев) «Муса (когда-то) купил сыну велосипед»; *Шо йыл бизин будай Ленинни атындагъы колхозну сабанлыкълары булан янаша чачылгъан эди* (М.Абуков) «В тот год наша пшеница была посеяна рядом с посевными полями колхоза имени Ленина».

Указанное значение особенно ярко проявляется в форме давнопрошедшего неопределенного времени: *Ол анасына кёмек этмек учун огородгъа гетген болгъан* (М.Абуков) «Он ушел в огород помогать матери»; *Бу шёшге мен тувгъанда савгъатгъа берилген болгъан* (И.Керимов) «Эта сабля была подарена (мне) в день моего рождения».

Вероятно, значение давнопрошедшего времени для формы на *-гъан эди*

не является исконным. В зависимости от общего контекста и от значения обстоятельственных слов данная форма может обозначать и недавно прошедшее время: *Ашама гел. – Савбол, гьали ашагъан эдим* «Иди кушать. – Спасибо, я недавно ел»; *Буссагьат айтгъан эдинг чи, унутуп къалдынгмы?* «Ты же только что говорил, забыл, что ли?».

Н.К.Дмитриев отмечал, что форма на *–гъан эди* в кумыкском языке «может указывать на действие, предшествующее другому прошедшему и находящемуся с ним в логической, причинной и другой связи».

Форма на *–гъан эди* имеет преждепрошедшее значение, в следующих случаях: 1) если второе действие, выражено формой на *–гъанда, -генде: Биз баргъанда жыйын башлангъан эди* «Когда мы пришли, собрание уже началось»; 2) если форма на *–гъан эди* предшествует другой личной глагольной форме: *Мени хатиримни аяп, стаканны белинден чагъыр къуйгъан эди, аста булан шону уртлап турду* (М.Абуков) «Не желая обидеть меня, (он) не ответил».

В зависимости от значения второй глагольной формы давнопрошедшее время может обозначать также последующее или параллельное действие: *Атамны ожагъын къоюп, мунда гёчген эдим* (М.Абуков) «Оставив дом отца, я переселился сюда»; *Шонда айтылгъан сёзлер кёбюсю Камалгъа бакъгъан эди* (А.Къурбанов) «Сказанные там слова в большинстве своем были направлены на Камала».

В повествовательном контексте или в предложении, имеющем продолжение (фактическое или мысленное), давнопрошедшее время на *–гъан эди* употребляется в значении прошедшего перфектного времени, ср.:

1. *Мен сизден шону сорайман деп гелгенмен* «Я пришел спросить вас об этом»;

2. *Мен сизден шону сорайман деп гелген эдим, тек сиз жавап бермейсиз* «Я пришел спросить вас об этом, но вы не отвечаете».

Прошедшее многократное время

Прошедшее многократное время образуется от основы причастия настоящего времени на *–агъан, -еген, -йгъан, -йген* и вспомогательного глагола *эди: алагъан эди* «он (временами) брал», *гелеген эди* «(он) приходил», «хажи-

вал».

По значению данная форма обозначает многократность, повторяемость действия: *Оьзге йылларда гече явгъан къар эртенге ирип табулагъан эди* (М. Ягьияев) «В остальные годы снег, выпавший ночью, к утру таял»; *Масхара-кюлкю булан ону къолундан тутуп, уьйню ортасына тартагъан эди* (Гь.Давутов) «С шуткой и смехом схватив его за руку, тянул его на середину комнаты».

При спряжении, как и в других сложных формах прошедшего времени, изменяется вспомогательный глагол *эди.*

Прошедшее многократное время имеет еще вариант со вспомогательным глаголом *бол-*, где повторяемость действия выражена еще ярче: *алагъан эди – ала болагъан эди* «(он) брал», *гелеген эди – геле болагъан эди* «(он) приходил», «хаживал».

Отрицательная форма: *алмайгъан эди* «(он) не брал», *гелмейген эди* «(он) не приходил».

Второй вариант прошедшего многократного времени не имеет отрицательной формы. Вопросительная форма, формы возможности и невозможности прошедшего многократного времени не употребляются.

Прошедшее длительное время

Прошедшее длительное время образуется от изолированной формы местного падежа имени действия на *–макъ, (-мек)* и вспомогательного глагола *эди*: *ойламакъда эди* «(он) думал», *яшамакъда эди* «(он) жил».

Данная форма для современного кумыкского языка является пережиточной, она встречается редко в произведениях старого стиля: *Гьабийбат, орамгъа бакъгъан терезеден къарап, тюрлю хияллагъа минип, яягъына таянып, ойламакъда эди* (Н.Батырмурзаев) «Хабийбат, глядя в окно, которое смотрело на улицу, оседлав разные мечты, опершись о щеку, размышляла». *Кёп къыйын гьалда яшамакъда эди* «Он жил очень плохо».

Вопросительная, отрицательная формы, формы возможности и невозможности не зафиксированы.

Формы глагола, выражающие характер протекания действия

Количественная сторона действия, характер его протекания передается в

языке, как известно, категорией вида. Вопрос о выделении категории вида в тюркских языках является спорным. Не останавливаясь подробно на истории данного вопроса, отметим, что, несмотря на достаточную изученность самих форм, выражающих характер протекания действия, вопрос о выделении категории вида в грамматиках тюркских языков еще не решен. Сейчас проблема вида в тюркских языках является, вероятно, больше проблемой терминологической, чем грамматической, ибо установление целой системы форм, выражающих характер протекания действия, предполагает и наличие категории вида.

Термин «аналитические формы» не однозначен, он употребляется в тюркологической литературе как для обозначения форм с видовыми значениями, так и для обозначения всех сложных форм глагола, включая сложные формы изъявительного наклонения.

Видовые значения форм, выражающих характер протекания действия, особенно аналитических форм, состоящих из деепричастия и вспомогательного глагола, обычно осложнены модальными значениями, и в таких формах зачастую собственно видовое значение затемнено. Аналитические формы часто выражают не собственно видовые, а модально-видовые значения.

Вспомогательные глаголы

Вспомогательные глаголы – это грамматикализованные глагольные основы, выполняющие различные формо- и словообразовательные функции. Они широко представлены в кумыкском языке и имеют развитую систему грамматических значений. Находясь на разных ступенях развития по степени грамматикализации, вспомогательные глаголы не представляют единства также и в функциональном плане.

В функциональном плане они делятся на три группы.

1. Вспомогательные глаголы, выполняющие словообразовательную функцию: *эт-, бол-, къыл-*.

Эт- образует переходные глаголы, которые в зависимости от значения именной основы могут иметь каузативное значение: *къабул эт-* «принять», *рази эт-* «заставить согласиться».

Бол- образует непереходные глаголы со страдательно-возвратным зна-

чением: *рази бол-* «согласиться», *къарт бол-* «стареть».

Къыл-, как известно, входит в ряд тюркских глаголообразующих вспомогательных глаголов. Употребление данного глагола, характерного для языков карлукского типа, в кумыкском языке ограничено двумя случаями: *намаз къыл-//намаз эт* «молиться», *къаст къыл-//къаст эт-* «стараться». У Й.Казака встречаются еще две формы: *тамам къылды* «закончил» и *кар къылмас эди* «не могли воздействовать». В современном языке данные формы употребляются только как *тамам этди, кар этмес эди.*

2. Вспомогательные глаголы, образующие сложные формы прошедшего времени: *эди* и *бол-*.

Вспомогательные глаголы, образующие аналитические формы с модально-видовыми значениями: *тербе-, къал-, къой-, йибер-, тур-, гел-, чыкъ-, гет-, бит-, юрю-, токъта-, гёр-, ал-, башла-, къара-, бол-, бар-, урун-, къутул-, олтур-, сал-, гириш-, бер-*.

Глаголы *эди* и *тербе-* подверглись полной грамматикализации и употребляются только во вспомогательной функции. При этом *эди*, как отмечалось выше, в хасавюртовском диалекте подчиняется закону сингармонизма и фактически перешел в аффикс. Предположительно такой переход можно объяснить тем, что в хасавюртовском диалекте он произносится с начальным *и,* а не *э* (*ким идинг?* «кем ты был?» *студент иди* «был студентом», *яшайыды* «жил»).

3. Вспомогательные глаголы, образующие аналитические формы с модально-видовыми значениями, за исключением *тербе-*, употребляются также как полнозначные слова. Данные глаголы не одинаковы и по степени активности употребления.

В вспомогательной функции широко употребляются глаголы *къал-, къой-, йибер-, тур-*, которые и подвергаются большей грамматикализации. Об этом говорит тот факт, что аналитическая форма может образоваться от одной и той же основы, при этом первый компонент является полнозначным, а второй – вспомогательным: *къалып къал-* «остаться», *къоюп къой-* «оставить», *йиберип йибер-* «отпустить».

1. Къал- (полнозначный глагол – *къал-* «остаться»). Основной функцией вспомогательного глагола *къал-* является выражение законченности действия с

сопровождающим значением внезапности, неожиданности: *Агъачлыкъны ичи чув болуп къалды* (У.Мантаева) «В лесу вдруг стало тихо»; *Рашит атыны уьстюнде сынташдай къатып къалды* (М.Ягьияев) «Рашит застыл на своем коне подобно надгробному камню».

Основному значению вспомогательного глагола *къал-* (законченность и внезапность) часто сопутствует выражение состояния, в которое впадает субъект независимо от своей воли: *Авзумну ачып къалгъанман, не этегенимни билмей* (И.Хамав) «Не зная, что делать, (я) остался с раскрытым ртом».

С деепричастием на *–а, -е, -й* вспомогательный глагол *къал-* выражает неполноту действия или действие, которое чуть было не совершилось*: Йыгъыла къалдым* «Я чуть было не упал».

В зависимости от семантики деепричастия на *–а, -е, -й къал-* может обозначать также последующее определенным событием состояние субъекта: *Къойлагъа Магьаммат оьзю къарай къалды* (М.Абуков) «Магомед сам остался смотреть за овцами»; *Хияс олтургъан еринде ойлаша къалды* (М.Ягьияев) «Хияс остался сидеть, погруженный в думы».

2. *Къой-* (полнозначный глагол – *къой-* «оставить»). Вспомогательный глагол *къой-* в составе аналитических форм с деепричастием на *–ып* выражает те же значения, что и *къал-* (законченность и внезапность) с той разницей, что *къой-* выражает активное и энергичное действие. Сочетаясь с переходными деепричастиями, вспомогательный глагол *къой-* выражает активно-переходное значение, в то время, как *къал-* выражает пассивно-непереходное значение, т.е. различие между указанными глаголами относится скорее к области залогов или видов: *Камил, дагъы артыкъ къарап болмай, башын буруп къойду* (М.Хангишиев) «Камиль, не смея дальше смотреть, отвернулся»; *Мен гьавкъатым битип, башымны ястыкъгъа салып къояман* (К.Абуков) «Я, обессилев, опускаю голову на подушку».

Редко в сочетании с деепричастием на *–а, -е, -й къой-* выражает действие, которое совершается медленно, постепенно: *Аркъанны башын йибере къой* «Постепенно отпускай конец аркана».

3. *Йибер* – (полнозначный глагол – *йибер-* «отпускать», «посылать»).

В вспомогательной функции глагол *йибер-*, сочетаясь с деепричастиями

на *–ып,* придаёт всей форме общее значение интенсивности с временным оттенком энергичного начала действия или, по формулировке А.А.Юлдашева, «обозначает исчерпанность начального этапа непроизводительного действия, проявляющегося интенсивно». *Башларын да салландырып, ойгъа батгъан адамлар шатланып йибердилер* (М.Абуков) «Люди, которые, поникнув головами, погрузились в думы, вдруг развеселились»; *Хадижат чалт ойлашып йиберди* (И.Керимов) «Хадижат начала быстро думать».

Как видно из примеров, общее значение интенсивности вспомогательного глагола *йибер-* может сопровождаться оттенком внезапности, неожиданности действия.

4. *Тур-*. Полнозначный глагол *тур-* имеет несколько значений: «вставать», «жить», «остаться», «быть». Вспомогательная функция его основана на значениях «остаться», «быть».

Тур- является одним из самых активных вспомогательных глаголов и образует большое количество аналитических форм с богато представленными видовыми, модальными и временными значениями. Следует отметить предварительно, что общее значение аналитической формы с вспомогательным глаголом *тур-* зависит как от самого глагола *тур-*, так и от лексического значения предшествующей глагольной основы.

Вспомогательный глагол *тур-* образует аналитические формы от деепричастий на *–а, -е, -й* и *–ып*. В сложных конструкциях, где *тур-* стоит в форме настоящего времени, преобладают темпоральные отношения, и такие формы следует рассматривать как одну из сложных форм настоящего времени со значением настоящего времени данного момента: *яза тура* // *язып тура* «пишет в данный момент». В устной речи при долгом произношении в деепричастиях *а* и *ы* аналитические формы указанного типа приобретают видовое значение длительности: *яза: тура* // *язы:п тура* «пишет постоянно».

Аналитические формы с глаголом *тура* имеют еще следующие значения:

Тура в сочетании с деепричастием на *–а, -е, -й* обозначает начало действия: *Олагъа кюлкю, мени буса юрегим ярала тура чы* (И.Хамав) «Им смешно, а у меня сердце разрывается»; *Сёйлей тура, тынглагъыз* «Начинает говорить, слушайте».

Тура в сочетании с деепричастием на *–ып* обозначает действие, происходившее в прошлом в определенный отрезок времени: *Амма шо заман къызгъа йыл чакъы гёрюнюп тура* (Къ. Шамсудинов) «Однако это время показалось девушке целым годом».

Тура в сочетании с формой инфинитива обозначает намерение субъекта совершить действие: *Мен топ атма тураман* (Гь.Анвар) «Я собираюсь выстрелить из пушки».

В зависимости от семантики деепричастной основы и формы вспомогательного глагола аналитические формы с *тур-* выражают следующие видовые значения.

Длительность действия: *Олар бир бошавсуз отлап турагъан кюйню этмеге тарыкъ* (М.Абуков) «Надо сделать так, чтобы они непрерывно паслись».

Многократность действия: *Муна, он дёрт йыллар бола, тырнай-тырнай туруп, яра этип тура юрегимни* (М.Ягьияев) «Вот уже четырнадцать лет прошло, как он, многократно упрекая, изранил мое сердце».

Временность действия: *Бираз заман олар уьчевю де тынып турду* (М.Ягьияев) «Некоторое время они все трое молчали»; *Гьалиге чыдап тураман* (Б.Атаев) «Пока терплю».

Значение сопутствия: *Хабарлай туруп, Мавла биревю этигин де тазалады* (М.Абуков) «Рассказывая, Мавла почистил и другой сапог».

Характерные для аналитических форм с глаголом *тур-* значения длительности и многократности могут быть осложнены модальными оттенками упрёка, безразличности или пренебрежения: *Къой, иним, къой. Негер де эришип турамы?* (И.Ибрагьимов) «Оставь, брат (мой), оставь. Разве стоит спорить по пустякам?»; *Бара турсун, биз оларсыз да болабыз* «Пусть себе уходят, мы сможем обойтись и без них».

Гет- (полнозначный глдагол – *гет-* «уходить»).

Аналитические формы с вспомогательным глаголом *гет-* выражают внезапное, неожиданное, интенсивное действие, которое происходит обычно нечаянно, независимо от воли субъекта: *Гёкшылт кёкню гёргенде Гёк гезлеринг гелип гетди эсиме* (Ж.Керимова) «Когда (я) увидел голубоватое небо, (мне) вдруг вспомнились (твои) голубые глаза»; *Уллу ябушув болуп гетди* (М.Абуков) «Не-

ожиданно учинилась большая драка».

Гел- (полнозначный глагол – *гел-* «приходить»).

Аналитическая форма на *–ып гел-* выражает начало или зарождение, возникновение действия: *Гюн чыгъып геле* (Б.Атаев) «Солнце восходит»; *Кёкню юзю къараланып, къаш къаралып геле* «Небо темнеет, наступают сумерки».

Данная форма в зависимости от значения деепричастной основы может обозначать неожиданное действие: *Къарайман, бу магъа къолун гётерип геле!* «Смотрю, он поднимает на меня руку!» (с намерением ударить).

Аналитическая форма, состоящая из деепричастия на *–а, -е, -й* и вспомогательного глагола *гел-,* выражает последовательность, очередность действия: *Учитель охувчулагъа бир ягъадан сорай геле* «Учитель по порядку опрашивает учеников».

Чыкъ- (полнозначный глагол – *чыкъ-* «выходить»).

Аналитические формы на *–ып чыкъ-* выражают завершенное действие с оттенком «заглазности», которое совершается помимо воли субъекта: *Уллубий эртенге авруп чыкъды* (М.Ягьияев) «К утру Уллубий оказался больным»; *Лап она шолай болуп да чыкъды* (И.Хамав) «Именно так оно и вышло».

В зависимости от контекста и значения глагольной основы форма на *–ып чыкъ-* может выражать поверхностное, неосновательное действие: *Кагъызны биринчи сатырларын Айна гёзлери булан чалт охуп чыкъды* (Къ.Акгёзов) «Первые строки письма Айна быстро пробежала глазами».

Бит- (полнозначный глагол – *бит-* «кончать»).

Аналитические формы на *–ып бит-* выражают завершенность действия: *Ханымны къаркъарасындан къоркъувну белгилери тайып битмеген* (Къ. Шамсудинов) «С тела Ханым не исчезли признаки испуга».

Аналитическая форма на *–а, -е, -й бит-* выражает незавершенность действия с оттенком продолжительности: *Гирмеге сюебиз, тек адамлар чыгъа битмей* «Хотим войти, но люди долго не выходят».

Юрю- (полнозначный глагол – *юрю-* «ходить»).

Аналитическая форма на *–ып юрю-* выражает регулярное, постоянное действие с модальным оттенком неодобрения или презрения: *Ол школада болгъан затны язып юрюй* (Къ.Акъгёзов) «Он записывает все, что происходит в

школе».

Токъта- (полнозначный глагол – *токъта-* «остановиться»).

Аналитическая форма на *–ып токъта-* выражает завершенное статистическое состояние, иногда с оттенками неожиданности или неодобрения: *Бириси барып уьлкюге гирип токътагъан* (И.Хамав) «Один из них вошел в кусты».

Гёр- (полнозначный глагол – *гёр* «видеть»).

Вспомогательный глагол *гёр-* образует аналитическую форму с деепричастием на *–а, -е, -й*. Она выражает интенсивность действия с оттенком безразличия: *Биз сени тутмайбыз, бара гёр!* «Мы тебя не держим, иди себе!».

Ал- (полнозначный глагол – *ал-* «брать»).

С деепричастиями на *–ып ал-* образует аналитические формы и выражает интенсивное, быстро заканчивающееся действие: *Къызъяш, Камил эс табып битгенче, укол этип алды* (М.Хангишиев) «Не успел Камиль опомниться, как девушка сделала укол».

Башла- (полнозначный глагол – *башла-* «начинать»).

Аналитические формы на *–ып башла-* и *–а, -е, -й башла-* выражают начало действия: *Абакар ёлгъа онгарыла башлады* (М.Ягьияев) «Абакар начал готовиться в путь»; *Онда гьали партизан отрядлар къурулуп башлагъан* («Дослукъ») «Там сейчас начали организовываться партизанские отряды».

Вспомогательный глагол *башла-* образует аналитические формы также с инфинитивами: *Хош-беш этип, сорамагъа башлагъан* (Гь.Анвар) «Поздоровавшись, начал спрашивать».

Къара- (полнозначный глагол – *къара-* «смотреть»).

Вспомогательный глагол *къара-* в сочетании с деепричастием на *–ып* выражает действие, совершаемое субъектом как попытка, проба, проверка: *Гьали бу тизгинлени тартгъан гьалда атны башын бир якъгъа буруп къарады* (А.Къурбанов) «Теперь он, натянув узду, пробовал повернуть голову коня в сторону»; *Ол белиндеги хынжалын тергеп къарады* (Б.Атаев) «Он проверил (свой) кинжал, висевший на поясе».

Къара- образует аналитическую форму и в сочетании с инфинитивом, выражая при этом намерение субъекта совершить действие: *Артындан юзмеге къарады* (Он) попробовал поплыть».

Бол- (полнозначный глагол – *бол-* «быть», «мочь»).

Вспомогательный глагол *бол-* образует модальные формы возможности и невозможности. Кроме того, сочетание деепричастий на *–а, -е, -й* с формой настоящего времени вспомогательного глагола *бол-* образует аналитическую форму с видовым значением повторяемости действия: *геле бола* «временами приходит», *ала бола* «временами берёт». Указанные формы подверглись полной грамматикализации и в современном языке могут быть рассмотрены как одна из сложных форм настоящего времени изъявительного наклонения.

Бар- (полнозначный глагол – *бар-* «идти»).

Аналитические формы на *–ып бара* и *–ып барагъан* выражают развертывающееся действие с оттенками интенсивности, неожиданности, случайности: *Къара, къара! Биревню юлдузу учуп бара* (У.Мантаева) «Смотри, смотри! Чья-то звезда падает»; *Олагъа болгъан бир зат да болмады, оьзюм ирип бараман* (М.Хангишиев) «С ними ничего не случилось, а я таю».

Форма на *–а, -е, -й бар-* выражает действие, которое совершается последовательно, постепенно в определенном порядке: *Уколлар ярашып, Камилни кюю къолайлана бара* (М.Хангишиев) «Уколы подействовали, и состояние Камиля улучшается».

Олтур- - (полнозначный глагол – *олтур-* «сидеть»).

Форма на *–ып олтур* выражает неожиданное состояние с оттенком неодобрения: *Акъчасын харжлап олтура* «Сидит, израсходовав деньги».

Къутул- (полнозначный глагол – *къутул-* «освободиться»).

Формы на *–ып къутул-* выражают законченное действие с оттенком упрёка: *Ручкамны тас этип къутулдунг* «Ты все-таки потерял мою ручку».

Тербе-. Употребляется только в вспомогательной функции. Формы на *–ып тербе-* выражают интенсивное, продолжительное действие: *Къатын йылап тербеди* (М.Ягьияев) «Женщина долго плакала»; *Улан токътавсуз звонок этип тербей* (Къ. Шамсутдинов) «Парень продолжает беспрестанно звонить».

Гириш- (полнозначный глагол- *гириш* «начинать»).

Вспомогательный глагол *гириш-* образует аналитическую форму в сочетании с инфинитивом и выражает энергичное начало действия: *Поэманы табып, хырындан янтайды ва охумагъа гиришди* (М.Ягьияев) «Найдя поэму, он

лег на бок и начал читать».

Урун- (полнозначный глагол – *урун-* «столкнуться», «встретиться»).

Данный вспомогательный глагол также образует аналитическую форму в сочетании с инфинитивом и выражает попытку совершить действие или его начало: *Мурза сёйлеме урунду* (М.Ягьияев) «Мурза попытался заговорить»; *Петро Хайрулланы соравуна гьали жавап берме урунду* (М.Ягьияев) «Петро начал отвечать на вопрос Хайруллы теперь».

Сал- (полнозначный глагол – *сал-* «ставить», «поставить»).

Аналитические формы на *–ып сал-* выражают интенсивное законченное действие и обладают определенной идеоматичностью: *Гьинкалны уруп салды* «Быстро съел весь хинкал».

Бер- (полнозначный глагол – *бер-* «давать»).

Аналитическая форма *–ып бер-* выражает полноту, исчерпанность и интенсивность действия: *Айтып берди* «Сказал все». Для выражения интенсивности деепричастие употребляется два раза: *Айтып, айтып берди* «Быстро сказал все, что хотел».

В кумыкском языке употребляются аналитические формы, которые образуются от деепричастия на *–ып* и двух вспомогательных глаголов. Такие формы выражают сложные модально-видовые отношения, которые средствами русского языка можно передать, как это наблюдается и в других аналитических формах, только описательным путем. В образовании подобных форм участвуют наиболее активные вспомогательные глаголы *къой-, къал-, гет-, -тур-, бар-: Лап биябур этип бара тура эди* (М.Ягьияев) «(Он) уже окончательно его позорил»; *Охутуп боймайман. Къалып къала тура класында* (М.Абуков) «Не могу заставить учиться. Уже чуть ли не остается на второй год».

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

Глагольные основы представляют собой широко разветвленную систему словообразовательных моделей. Основными словообразовательными типами для глагола, как и для других знаменательных частей речи, являются аффиксация и словосложение.

Среди глагольных основ выделяются непроизводные (первообразные или корневые) основы, которые сами по себе представляют глагольные корни без

каких-либо признаков словообразования. Таких основ, которые в морфологическом плане совпадают с формами 2 л. ед. числа повелительного наклонения, в кумыкском языке довольно много: *ал* «бери», *гел* «приходи», *гет* «уходи», *бар* «иди», *тур* «вставай», *къой* «оставь». Есть предположение, что со временем удастся найти у этих основ их исходные словообразующие элементы.

Как и в других тюркских языках, в кумыкском языке имеются синкретические корневые основы, употребляющиеся как в значении глагола, так и в значении имени: *той* «насыщаться», «свадьба», *тик* «складывать», «строить», «отвесный», *сыкъ* «давить», «выжимать», «плотный». Часть бывших синкретичных основ стали однозначными, например, *уьй* «дом» (в других тюркских языках также «собирать»).

Расхождение глагольных и именных значений сопровождается в некоторых случаях фонетическими изменениями, например: *кёп* «много» – *гёп-* «взбухать», «пухнуть» (ср.: *гёпюр-* «пениться», «взбухать»), *тюз* «прямой» – *тиз* «строить» (ср.: в хасавюртовском диалекте: *тюз* «прямой» и «строить»).

Некоторые первообразные глагольные основы в современном языке отдельно не употребляются и сохранились только в производных основах: *ар-* (ср.: *арив* «красивый», *арыт-* «чистить»), *эр-* (ср.: *эриш-* «ссориться»), *тир-* (ср.: *тири* «живой», *тирил-* «ожить»), *уьйре-* (ср.: *уьйрен-* «научиться», *уьйрет-* «учить»).

Аффиксация

Аффиксация является наиболее распространенным с исторической точки зрения способом словообразования глагола. Глаголы от других частей речи образуются при помощи ряда аффиксов, самыми продуктивными из которых являются *–ла, -ле* и *–а, -е.*

Афф. *–ла, -ле* является наиболее продуктивным глаголообразующим аффиксом. Образует глаголы от имен (в основном от имен существительных), междометий со следующими значениями:

а) действие осуществляется с помощью предмета, обозначенного производящей основой: *къол* «рука» - *къолла-* «использовать», *бичакъ* «нож» – *бичакъла-* «ударять ножом», *къучакъ* «объятие», «обхват» – *къучакъла-* «обнимать»;

б) творить, делать, создавать то, что обозначено производящей основой: *къозу* «ягненок» – *къозла* (< *къозула*) «рожать детёныша» (о всех животных), *гьап* - *гьапла*- «лаять», *тюз* «прямой» – *тюзле*- «выпрямить», *хор* «позор» – *хорла* «позорить»;

в) приобретать признак, свойство, вид, обозначенный производящей основой: *буз* «лед» – *бузла*- «замерзнуть», *гьазир* «готовый» – *гьазирле*- «готовить», *увакъ* «мелкий» – *увакъла*- «измельчать»;

г) действие как процесс, результат, выведенный из значения производящей основы: *гьисап* «счет» – *гьисапла*- «считать», *къарыш* «пядь» – *къарышла*- «измерять пядями», *увуч* «горсть» - *увучла*- «брать пригоршнями», *от* «трава» – *отла*- «пастись»;

д) цель действия: *бар* «есть», «имеется» - *барла*- «искать», «проверять», *гьыз (из)* «след» – *изле*- «искать».

Некоторые производящие основы потеряли самостоятельное значение и в современном языке без афф. *–ла, -ле* не употребляются: *йыла*- «плакать», *ийле*- «мять», *сёйле*- «говорить», *къутла*- «поздравлять».

Путем слияния афф. *–ла, -ле* и залоговых афф. *–н, -ш, -т* образовались стяженные афф. *–лан, -лен; -лаш, -леш; -лат, -лет.* Указанные форманты как единые глаголообразующие аффиксы выделяются только в тех случаях, когда основы на *–ла, -ле* без залоговых аффиксов не употребляются, например, *уьйлен*- (нет основы *уьйле*-) «жениться».

Аффикс *–лан, -лен: пайда* «польза» – *пайдалан*- «пользоваться», *хурт* «червь» – *хуртлан*- «зачервиветь», *ачув* «зло» – *ачувлан*- «злиться»; *ат* «конь» – *атлан* «сесть на коня», «выехать на коне».

Аффикс *–лаш, -леш*: *ювукъ* «близкий» – *ювукълаш*- «приближаться», *тёбен* «нижний» – *тёбенлеш*- «снизиться», *кёмек* «помощь» – *кёмеклеш*- «помогать друг другу».

Интересно развитие слова *савболлаш* «прощаться». Сложный вначале глагол *сав бол*- «быть здоровым» субстантивировался (*савбол* «прощание», а также междометие в значении «прощай»), в дальнейшем образовался вторичный глагол *савболлаш*- от именной основы *савбол*.

Аффикс *–лат, -лет: ярма* «крупа», «сечка» – *ярмалат*- «делать что-либо

поспешно, плохо», *аста* «тихо», «медленно» – *асталат*- «сделать медленным», «уменьшить».

Аффикс *–та, -да*, встречающийся лишь в нескольких основах, таких, как *макъта*- «хвалить», *тапта*- «топтать», *токъта*- «остановиться», *гъайда*- «погонять», также является, вероятно, одним из вариантов *–ла, -ле.*

Продуктивный афф. *–ылла, -илле, -улла, -юлла,* генетически связанный с афф. *–ла, -ле*, образует глагол от имен: *такъылла*- «болтать», *вахылла*- «шуршать», *липилле*- «мерцать», *хорулла*- «храпеть», *гюрюлле*- «журчать».

Афф. *–а, -е*, активный в прошлом, в современном словопроизводстве не участвует. Глаголы, образованные при помощи данного аффикса от имен существительных и прилагательных, обозначает действие, выведенное из значения исходной основы: *аш* «еда», *аша*- «есть», *сан* «счет», «часть тела» – *сана*- «считать», *яш* «возраст», «ребенок» - *яша*- «жить», *къан* «кровь» – *къана*- «кровоточить».

Значения некоторых исходных основ глаголов на *–а, -е* затемнены: *сын* «примета», «надгробный памятник» – *сына*- «испытывать», *тон* «шуба» – *тона*- «грабить (человека)».

Ряд двусложных имен, имеющих во втором слоге узкий гласный, при прибавлении глаголообразующего афф. *–а, -е* теряет этот гласный: *сарын* «песня», «частушка» – *сарна*- «петь», *къыйын* «трудность», «трудный» – *къыйна*- «мучить», *оюн* «игра» – *ойна*- «играть», *орун* «место» – *орна-*, *орнат*- «установить», «посадить (дерево)».

Ряд пассивных глаголообразующих аффиксов выделяется в составе единичных основ.

Афф. *–ар, -ер* образует глаголы от прилагательных: *акъ* «белый» – *агъар*- «бледнеть», *гёк* «синий» – *гёгер*- «синеть», *янгы* «новый» – *янгыр*- «обновляться».

Афф. *–сын*: *языкъ* «бедный», «жалкий» – *языкъсын*- «жалеть», *бой* «рост» – «ряд» – *бойсын* «подчиняться», *сувукъ* «холод» - *сувукъсын*- «знобить», *авур* «тяжелый» – *авурсын*- «считать трудным, неудобным», *ят* «чужой» – *ятсын*- «считать чужим».

Афф. *–ы, -и: бек* «крепкий» – *беги* «укрепиться», *кем* «меньше» – *кеми-*

«уменьшаться», *къаш* (звукоподражание) – *къашы-* «чесать», *тар* «узкий» – *балагьгъа тары-* «попасть в беду», *бай* «богатый» – *байы* «разбогатеть».

Афф. *–сыра, -сире*, выражающий ослабленное действие, образовал глаголы от существительного *юху* «сон» (*юхусыра* «испытывать сонливость», «хотеть спать») и от утраченных ныне именных основ *кюлем* (*кюлемсире-* «улыбаться», «приулыбнуться») и *йылам* (*йыламсыра-* «расстроиться», «быть близким к тому, чтобы заплакать»).

Афф. *–гъар: сув* «вода» - *сугъар-* «поливать», *яш* «молодой» – *яшгъар-* «молодеть», «процветать», *яшыл* «зеленый» – *яшгъар-* «зеленеть».

Афф. *–ыкъ, -ик, -укъ, -юк: бир* «один» – *бирик-* «объединяться», *геч* «поздний» - *гечик-* «опаздывать», *ёл* «дорога» – *ёлукъ-* «встретиться», *ел* «ветер» – *елик-* «беситься», *ач* «голодный» - *ачыкъ-* «проголодаться».

Афф. *–ай: къарт* «старый» – *къартай-* «стареть», от мимем *къоп, хох* – *къопай-, хохай-* «принять гордый вид».

Афф. *–гъай: сари* «желтый» – *саргъай-* «желтеть».

Аффиксы, встречающиеся в единичных словах: *-пи: елпи-* «просеивать»; *-л: къарал-* «чернеть», *тирил-* «оживать»; *-ен: гючен-* «тужиться»; *-ел*: *тюзел-* «налаживаться»; *-са: сувса-* «испытывать жажду».

Словосложение

Синтаксический способ является основным в глаголообразовании современного кумыкского языка. Его активизации способствовало увеличение потока арабо-персидских и особенно русских заимствований, так как в периоды активного заимствования процесс образования глаголов морфологическим способом был в основном закончен. Характерно, что некоторые аффиксальные образования для современного языка выглядят архаичными. Например, такие производные основы как *сувса-* «испытывать жажду», *къартай-* «стареть», *улгъай-* «быть большим, «расти» отошли в пассивный фонд, и сейчас вместо них употребляются сложные глаголы *сувсап бол-, къарт бол-* с теми же значениями. Аффиксальное образование и сложный глагол употребляются параллельно, если между ними наблюдается семантическое расхождение, например: *дав эт-* «воевать», *давла-* «спорить», «оспаривать». Многим аффиксальным основам на *–ла, -ле* других тюркских языков, например, татарского, башкирского,

в кумыкском языке соответствуют сложные глаголы: тат. *квалификациялэ* «квалифицировать» – кум. *квалификация эт-*, тат. *дошманлаш* «стать врагом» – кум. *душман бол-*, тат. *ремонтла* «ремонтировать» – кум. *ремонт эт-,* тат. *кунакла* «гостевать», «быть в гостях» – кум. *къонакъ бол-*, башк. *брошюрала* «сброшюровать» – кум. *брошюра эт-, инсценировкала-* «инсценировать» – кум. *инсценировка эт-*.

Глаголы, образованные синтаксическим способом, по составу компонентов бывают двух типов.

Сложные глаголы, которые образуются от имен (чаще заимствованных) и отчасти наречий и имен и вспомогательных глаголов *эт-, -бол-: къабул эт-* «принять», *рази эт-* «заставить согласиться», *регистрация эт-* «регистрировать», *къуллукъ эт-* «служить».

Глаголы *бол-, эт-* в составе сложных глаголов сильно грамматикализовались и фактически выполняют функции аффиксов.

Составные глаголы, образованные сочетанием деепричастий и инфинитивов с полнозначными спрягаемыми глаголами, преимущественно с глаголами *гел-* «приходить», *гет-* «уходить», *сюй-* «хотеть», «любить».

Составные глаголы представляют собой семантическое единство, и их компоненты, несмотря на то, что второй компонент не является вспомогательным глаголом, лишены раздельного осмысления. Спрягаемые глаголы *гел-, гет-* образуют составные глаголы в сочетании с деепричастием *алып* и фактически имеют одноразовое употребление без системы форм: *алып гет-* «унести», «увести». Более активно в синтаксическом словообразовании глагола участвует глагол *сюй-* «хотеть», который образует сложные глаголы в сочетании с инфинитивом: *алмагъа сюй-* «хотеть взять», *бармагъа сюй-* «хотеть пойти», *язмагъа сюй-* «хотеть писать», *айтмагъа сюй-* «хотеть сказать».

Составные глаголы по структуре напоминают аналитические формы, но отличаются от них тем, что (1) не выражают модально-видовых значений, (2) их второй компонент не является вспомогательным глаголом.

ГЛАГОЛ	
Личные формы	Неличные формы

	Глаголы–имена		Адверби-ально-глаголь-ные фор-мы (дее-причас-тия)	Инфинитив
	Субстантивно-глагольные фор-мы (имена дейст-вия)	Адъективно-глагольные формы (причас-тия)		
Формы изъяви-тельного, пове-лительного, же-лательного, ус-ловного, сосла-гательного, дол-женствователь-ного наклонений	Первичные фор-мы: 1. -макъ. 2. -ыв, -в Вторичные фор-мы 1.-агъанлыкъ -йгъанлыкъ 2. -гъанлыкъ 3. -ажакълыкъ -жакълыкъ 4. -макълыкъ	Активные: 1. -агъан -йгъан 2. -гъан 3. -жакъ -ажакъ 4. -ар//-ыр -р -с Пассивные: -малы -асы	Первич-ные фор-мы: -ып, -п -а, -й Вторич-ные фор-мы: -гъанлы гъан-ча//гъынча майлы -гъандокъ -гъандай	Активная форма: -магъа//-ма Архаичная форма:- ыргъа -ргъа

Причастие

Причастия в кумыкском языке являются формами глагола, которые обладают как признаками глагола, так и признаками имени (существительного и прилагательного). Причастие – атрибутивная именная форма глагола. Атрибутивность является дифференциальным признаком, который отличает причастия от других глагольных форм, в том числе от имен действия, являющихся субстантивными именными формами глагола.

В свете сказанного к причастиям в кумыкском языке относятся формы на *–гъан, -агъан, -ажакъ, -ар* в функциях определения, подлежащего, дополнения и обстоятельства. Указанные формы (за исключением формы на

–*агъан*) в положении конечного сказуемого дифференцировались и образовали лично-временные формы изъявительного наклонения. В функции конечного сказуемого причастия могут употребляться только в субстантивированном виде, ср.: *Олар алгъанлар* «они взяли» – *Олар – алгъанлар* «Они – (суть) взявшие».

К глагольным признакам причастия относятся категории времени и залога, способность управлять падежами, выражать характер протекания действия и образовать отрицательную форму на –*ма, -ме*; к именным признакам относятся способность выражать признак предмета, употребляться с аффиксами принадлежности и падежа.

При опущении определяемого имени причастия субстантивируются и употребляются вместо этого опущенного имени, например: *айтгъан сёзюнг* «твое слово» – *айтгъанынг* «сказанное тобою», «то, что (ты) сказал». Но не все причастия, которые употреблены с аффиксами принадлежности и падежа, являются субстантивированными. Например, в предложениях *Гелгенинг яхшы болду* «Хорошо, что (ты) пришел»; *Гелгенингни арив гёрдюлер* «То, что ты пришел, им понравилось», *Сени гелгенингни олар арив гёрдюлер* «Они хорошо приняли твой приход» формы *гелгенинг, гелгенингни* не имеют признаков субстантивизации, являясь именными формами глагола, а также употребляясь в функции разных членов предложения, не субстантивируясь при этом.

Наконец, уточняя общее определение причастий в кумыкском языке, следует отметить, что формы на –*гъан, -агъан, -ажакъ, -ар* омонимичны в функциях причастия и личной формы глагола и едины в функциях причастия и имени действия.

Причастие настоящего времени

Причастие настоящего времени образуется от любой глагольной основы в положительной и отрицательной формах, от глаголов в формах различных залогов, а также от сложных и аналитических форм глагола при помощи афф. –*агъан, -еген, -йгъан, -йген*. Варианты –*агъан, -еген* присоединяются к основам на согласный, варианты –*йгъан, -йген* – к основам на *гласный: алагъан* «берущий», *гелеген* «идущий (сюда)», *юхлайгъан* «спящий», *тергейген* «проверяющий», *алмайгъан* «не берущий».

По некоторым своим свойствам причастие настоящего времени занимает особое место среди других причастных форм.

Форма на *–агъан* в кумыкском языке является единственной формой, которая употребляется только в функции причастия и не имеет омоничных по отношению к причастиям лично-временных форм. Отмечены единичные случаи употребления ее в качестве личной формы глагола в 3 л. со значением обычного или повторяющегося действия в сочетаниях типа устойчивых выражений: *Барлар салагъандыр, ёкълар алагъандыр* «Имущие (обычно) кладут (дают), неимущие (обычно) берут», *Шолай болагъандыр* «Так (обычно) бывает».

Из тюркских языков кумыкский – единственный, где причастие на *–агъан* является живой и широкоупотребительной во всех аспектах формой. Даже в близкородственных карачаево-балкарском, крымско-татарском и караимском языках данная форма как причастие настоящего времени не употребляется. В силу этого причастие на *–агъан* для кумыкского языка является одним из основных классификационных признаков.

В общеграмматическом плане причастие настоящего времени употребляется в следующих значениях.

Обозначает процессуальный признак предмета: *Амма сизин звенода гёрюнеген ва гёрюнмейген гелими ёкълар кёп бар* (М.Хангишиев) «Но в вашем звене много таких, которые не имеют никакого дохода».

Обозначает имя действия, протекающего в плоскости настоящего времени. В этом значении причастие настоящего времени употребляется обычно с аффиксами принадлежности или падежа: *Туварчылар, Марьямны къувнакъ гелегенин гёрюп, чапды ва бары да ону айланасына жыйылдылар* (М.Хангишиев) «Пастухи, увидев, что Марьям идет весело, побежали, и все собрались вокруг нее».

Субстантивированное причастие настоящего времени выражает действующее лицо: *Барма сюйген артына бир окъ атсын, бармайгъанлар авузларын токъатсын* («Къумукъланы йыр хазнасы») «Тот, кто хочет уехать, пусть отречется от всего, а те, которые не уезжают, пусть замолчат».

Основное временное значение причастия на *–агъан* – обозначение действия, которое протекает в момент речи: *Баш игитин мен язагъан романны сиз-*

ге таныш этейим чи буссагьат («Дослукъ») «Я сейчас познакомлю вас с героем романа, который пишу».

В контексте причастие настоящего времени может принять различные оттенки временного значения, которые обусловлены его основным значением.

Причастие настоящего времени обозначает действие, которое происходит обычно, постоянно: *Тувсам да мен гюн таймайгъан Каказда, не башгъадыр, буз тавларда Ватаным* (Б.Астемиров) «Хотя и родился я на Кавказе, где всегда светит солнце, но и ледниковые горы – моя Родина».

Присущую предмету черту характера, его отличительную особенность: *Бузулагъан къардашларым, къалыгъыз* («Къумукъланы йыр хазнасы») «Расстраивающиеся (склонные расстроиться) мои родственники, оставайтесь».

Действие, которое относится к плоскости будущего времени: *Сакъ бол, Татли Хасай, гьали де не болагъанны ким биле!* (И.Хамав) «Будь осторожен, Татли Хасай, кто знает, что может случиться в будущем».

В языке имеются некоторые устойчивые обороты, которые можно назвать устойчивыми грамматикализованными сочетаниями, первым компонентом которых являются причастия настоящего времени. Это характерные главным образом для устной речи сочетания типа *болагъан зат тюгюл* «этого не бывает», *болагъаны болду* «случилось то, что обычно случается // должно было случиться», *айтагъанын айтды* «сказал то, что обычно говорит // что должен был говорить», *этегенин этди* «сделал то, что делает // должен был сделать». Причастия в подобных сочетаниях имеют значение обычности или необходимости действия.

Характерным для причастий настоящего времени является употребление в составе сложных слов названий, где причастия обозначают постоянный признак предмета по назначению, занятию, играя активную роль в образовании неологизмов: *автобус токътайгъан ер* «автобусная остановка», *ярагъан доктор* «хирург», *тахта бичеген завод* «лесопильный завод», *бичен чалагъан машин* «сенокосилка», *юк ташыйгъан машин* «грузовик», *дарман урагъан машин* «опрыскиватель», *оьзюню токътайгъан багъасы* «себестоимость», *уьйлер къурагъан комбинат* «домостроительный комбинат».

В последние годы все эти сочетания в устной речи заменяются их рус-

скими соответствиями, т.е. наблюдается тенденция к архаизации недавних неологизмов.

Причастие прошедшего времени

Причастие прошедшего времени в современном кумыкском языке образуется от любой глагольной основы, от простых, сложных и аналитических форм глагола при помощи афф. *–гъан, -ген*: *алгъан* «взявший», *гелген* «пришедший», в отрицательной форме: *алмагъан* «не взявший», *гелмеген* «не пришедший».

Как одну из особенностей образования причастий на *–гъан* следует отметить парные причастия. Выделяются примерно такие же типы парных причастий, что и при парных именах существительных.

Компоненты парных сочетаний относятся друг к другу как синонимы: *оьтген-баргъан* «проходящие», «всякий проходящий» (букв. «прошедший-пошедший», *гетген-битген* «прошедший», «закончившийся» (букв. «ушедший-кончившийся»).

Парные сочетания, состоящие из антонимичных компонентов: *баргъан-гелген* «бывшие (где-нибудь)», «побывавшие» (букв.: «пошедший-пришедший»), *гелген-гетген* (в том же значении, букв. «пришедший-ушедший»).

Парные сочетания, где второй компонент представляет собой искаженный первый, «слово-эхо»: *къалгъан-къулгъан* «остатки».

Общим для всех парных сочетаний причастий являются значения собирательности и обобщения.

Отрицательная форма причастия прошедшего времени образуется при помощи афф. *–ма, -ме: Болмагъан уьлкюню тюбюнде тувмагъан къоян бар* (фольк.) «Под несуществующим кустом неродившийся заяц есть». В предложениях типа риторических вопросов, не требующих ответа, отрицательная форма причастий прошедшего времени, как и отрицательная форма имен, образуется при помощи частицы *тюгюл: Къойсана, Бектемирим, къойсана! Бир къоюнгну уру да алгъан тюгюлмю, бир къоюнгну бёрю де алгъан тюгюлмю*? («Къумукъланы йыр хазнасы») «Оставь, Бектемир мой, оставь! Разве не украл одну твою овцу вор, разве не унёс одну твою овцу волк?!».

Основным временным значением причастия на *–гъан* является обозначение действия, которое имело место в прошлом или началось в прошлом. Как и лично-временная форма на *–гъан*, причастие на *–гъан* имеет перфективное значение.

С перфективным значением причастий на *–агъан, -ажакъ* и *–ар* причастие на *–гъан* широко употребляется с послелогами. Функции и значения послелогов при причастиях прошедшего времени соответствуют функциям и значениям послелогов при именах. Однако употребление послелогов с причастием прошедшего времени имеет свои особенности, что объясняется двойственной природой причастий (глаголы-имена).

Причастие на *–гъан* с аффиксом принадлежности в сочетании с послелогом *булан* обозначает действие, за которым тотчас следует другое действие. В этом случае послелог *булан* передает значение предшествующего действия: *Танг билингени булан биз гьазирленмеге башладыкъ* «Как только занялась заря, мы начали готовиться»; *Тюбек атылгъаны булан йыгъылды* «Как только ружье выстрелило, (он) упал».

Послелоги *булан, учун, сонг* в сочетании с причастиями на *–гъан* без аффиксов принадлежности теряют свои прямые послеложные значения и приобретают модальные значения уступительности. В этом случае они, по существу, употребляются в значении частиц: *Уьлешген учун да дуллу дюньягъа, нече де битмейген илмусу болгъан* (Ш.Альбериев) «У него было много знаний, не иссякающих, хоть раздай их всему миру»; *Ойлашып сёз айтгъан сонг, къайда, сёзюнден къайтмас* (Й.Къазакъ) «Раз, обдумав, сказал слово, никогда от него не откажется».

Причастие будущего времени

Причастие будущего времени в современном кумыкском языке охватывает разные формы, имеющие одну общую особенность: обозначение действия, которое совершится после момента речи.

Причастие настоящего-будущего времени образуется от глагольных основ в положительной и отрицательной формах при помощи следующих аффиксов: 1) *–ар, -ер*//*-ыр, -ир, -ур, -юр,* которые присоединяются к основам на согласный и могут употребляться параллельно: *алар*//*алыр* «имеющий взять», *ге-*

лер//гелир «имеющий прийти», *болар//болур* «имеющий быть», *гёрер//гёрюр* «имеющий видеть»; 2) *–р*, который присоединяется к основам на гласный: *сорар* «имеющий спросить»; 3) *–с*, который присоединяется к отрицательной форме: *алар-алмас* «возьмет-не возьмет».

Форма на *–ар* в кумыкском языке широко употребляется как личная форма глагола. Причастие же на *–ар* имеет сравнительно ограниченное употребление. Такое положение отмечено и в других тюркских языках.

Причастие на *–ар* в современном кумыкском языке является единственной из активных причастных форм, которая употребляется преимущественно в роли определения. Поэтому только к этой форме применимо с некоторыми оговорками традиционное определение причастий как слов, которые употребляются только в роли определения.

Основным значением причастия на *–ар* в общеграмматическом плане является обозначение признака предмета по действию, относящемуся к плоскости настоящего-будущего времени. В значении имени действия причастие на *–ар* употребляется редко в формах некоторых падежей: *Болмасгъа бакъгъанда къакъаны авзун сакълады* (М.Хангишиев) «Когда уже ничего не оставалось делать, (он) стал охранять выход из ущелья»; *Яш этмесни аты ёкъ* (Айтыв) «То, чего не сможет сделать ребенок, не имеет названия».

Общее значение настоящего-будущего времени причастия на *–ар* конкретно может проявляться в различных оттенках значений.

Значение обычного, характерного свойства предмета: *Къаракъушну саркъар ери - бийик кёк, акъ шаршарны агъар ери - яр ара.* (Гь.Анвар) «Место, где (обычно) парит орёл – высокое небо, место, где (обычно) течет белый водопад – между скалами».

Значение настоящего времени: *Къылыкъ билмес гишиге къыйын болур бу дюнья* (Айтыв) «Человеку, не знающему правил морали, трудно на этом свете».

Действие по назначению предмета: *чарыкъ тигер биз* «шило для шитья чарыков».

Отрицательная форма причастия на *–ар*, в отличие от положительной формы, может выражать значение категоричности и неотвратимости действия: *Дазуда балта батмас, бычгъы гетмес эмен бар* (Гь.Анвар) «На границе есть

дуб, который ни топор не срубит, ни пила не спилит».

В языке имеется ряд устойчивых сочетаний, первый компонент которых, выраженный причастием на *–ар* в положительной и отрицательной формах, носит характер постоянного эпитета. Формы на *–ар* в подобных сочетаниях потеряли глагольные свойства и употребляются как прилагательные: *къайтмас сибир* «вечная ссылка», *оьлмес батыр* «бессмертный герой», *бюдюремес эр* «бесстрашный мужчина», *кюлер юз* «улыбчивое лицо», *онгмас ёл* «ошибочный путь», *оьлер яра* «смертельная рана», *оьлер ери* «уязвимое место», *янар от* «горящий огонь», *учар къуш* «летающая птица», *гёрер гёз* «видящий глаз». Приведенные устойчивые сочетания употребляются обычно в высоком поэтическом стиле.

Причастие будущего категорического времени образуется путем прибавления к основе глагола афф. *–жакъ* (*-жек*) (после основ на гласный) и *–ажакъ (-ежек)* (после основ на согласный): *соражакъ* «который спросит», *тилежек* «который попросит», *алажакъ* «который возьмет», *гележек* «который придет». В отрицательной форме: *алмажакъ, гелмежек.*

От аналитических форм глагола, обозначающих характер протекания действия, причастие на *–ажакъ*, как и причастие на *–ар*, образуется редко.

В форме возможности: *алып болажакъ адам* «человек, который сможет взять»; в форме невозможности: *алып болмажакъ адам* «человек, который не сможет взять».

Основными функциональными значениями причастия на *–ажакъ* являются: 1) значение имени действия, относящегося к плоскости будущего времени (в этом значении данная форма употребляется обычно с аффиксами принадлежности): *Гележеги белгили* «Известно, что (он) придет»; 2) значение признака по действию в позиции определения: *язылажакъ кагъыз* «письмо, которое будет написано», *айтылажакъ сёзлер* «слова, которые будут сказаны»; 3) значение имени деятеля при субстантивизации причастия: *Сейлежеклер язылсын* «Те, которые будут выступать, пусть записываются».

Различие во временном значении причастия на *–ажакъ* и причастия на *–ар* отличается обозначением категоричности совершения действия в будущем. В этом плане сочетание *яшавгъа чыгъажакъ планлар* обозначает «планы, кото-

рые (непременно) претворяться в жизнь».

В функции личных форм активно употребляются обе формы будущего времени, в значении причастия – преимущественно форма на *–ажакъ.*

ИМЯ ДЕЙСТВИЯ

Имена действия в кумыкском языке – это формы глагола, которые имеют как признаки глагола, так и признаки имени существительного.

К глагольным свойствам имен действия относятся выражение значения процесса, залогового значения, способность управлять падежами. К именным свойствам относятся изменяемость по падежам, по категории принадлежности, а в синтаксическом плане – выступать в функциях подлежащего, сказуемого, дополнения и обстоятельства.

В отличие от причастий, имена действия не употребляются в позиции определения.

Имя действия на *–макъ*

В полной мере указанными выше свойствами обладает только данное имя действия. Оно образуется присоединением к основе глагола афф. *–макъ, –мек*: *алмакъ* «взять», *билмек* «знать». Два варианта аффикса приняты в литературном языке. В большинстве же говоров употребляется только вариант *–макъ: алмакъ* «взять», *билмакъ* «знать».

Отрицательная форма имени действия на *–макъ* образуется при помощи отрицательной частицы *тюгюл: алмакъ* «взять» - *алмакъ тюгюл* «не взять»: *Мурадбыз урушмакъ тюгюл* «Наша цель – не ссориться».

В отличие от огузских языков, где широко употребляется отрицательные формы типа *алмамаг* «не брать», *билмэмэк* «не знать», имя действия на *–макъ* в современном кумыкском языке не образует отрицательной формы при помощи *–ма, -ме.* Поскольку способность образовывать отрицательную форму при помощи *–ма, -ме* является чисто глагольным свойством, надо полагать, что данное имя действия в кумыкском обладает глагольными качествами в меньшей степени, чем в других языках. Возможно, в старом стиле письменной литературы употреблялись и отрицательные формы типа *алмамакъ*, но ограниченность примеров не позволяет утверждать это с уверенностью: *Янгызлыкъда сёз къоймамакъ эрдендир* (Й.Къазакъ) «Не терпеть оскорбления, (даже) будучи одино-

ким – качество настоящего мужчины»; *Сёйлемемек алтындыр, сёйлемек гюмюш буса* (А.Салаватов) «Если разговоры (букв. «говорить») – серебро, то молчание (букв. «не говорить») – золото».

С точки зрения современного языка формы *къоймамакъ, сёйлемемек* являются искусственными образованиями.

По падежам имя действия на *–макъ* изменяется так же, как имя существительное.

Падежи	без афф. принадлежности	с афф. принадлежности 1 л. ед.ч. и 3 л.
Осн.	*алмакъ*	*алмагъым, алмагъы*
Род.	*алмакъны*	*алмагъымны, алмагъыны*
Дат.	*алмакъгъа*	*алмагъыма, алмагъына*
Вин.	*алмакъны*	*алмагъымны, алмагъын*
Мест.	*алмакъда*	*алмагъымда, алмагъында*
Исх.	*алмакъдан*	*алмагъымдан, алмагъындан*

Имя действия на *–ыв*

Данная форма имени действия образуется при помощи афф. *–ыв, -ив, -ув, -юв* (после основ на согласный), *-в* (после основ на гласный): *алыв* «взятие», *сёйлев* «говорение», «выступление», *билив* «знание», *гёчюв* «переселение». В отличие от некоторых других кыпчакских языков, описываемое имя действия в кумыкском языке не образует отрицательной формы на *–ма, -ме.*

К глагольным свойствам имени действия на *–ыв* относятся категория залога и сохранение падежного управления: *языв* «написание», «процесс письма» – *яздырыв, языльыв; охув* «процесс продажи» – *янгы малланы сатыв* «продажа новых товаров».

К именным свойствам формы на *–ыв* относится обозначение названия действия, «номинативное обозначение действия», способность употребляться с аффиксами принадлежности: *гелив* «приход» – *геливюм, геливюнг, геливю, геливюбюз, геливюгюз.* В формах косвенных падежей данное имя действия употребляется редко, оно не имеет полной и активной парадигмы склонения.

С формами на *–ыв* связан трудный вопрос о различении имен действия и

существительных на *–ыв*. Многие формы на *–ыв* омонимичны, они употребляются и как имена действия, и как имена существительные. Трудность усиливается еще и тем, что указанные формы обладают близкой семантикой. Например, форма на *–ыв* от *чач-* «сеять», «разбрасывать» употребляется и как имя действия и как имя существительное: *чачыв* «процесс засевания», *чачыв* «сев», «посев», *яшав* «проживание» и «жизнь», *ятыв* «лежание» и «постель», *айтыв* «говорение» и «пословица», *ябушув* «процесс борьбы» и «борьба».

В случаях типа *айтыв «*говорение» и «пословица», *язык* «написание» и «судьба», *ятыв* «лежание» и «постель» имена действия и имена существительные определяются по значению, так как указанные формы семантически дифференцировались. Более трудны случаи типа *чачыв* «засевание» *и* «сев»*, ябушув* «процесс борьбы» и «борьба». В таких случаях различительным признаком является категория залога и управление падежами. Например, слово *ябушув* в системе залоговых форм *ябушув – ябушдурув* является именем действия, в значении же «борьба» (*тутушуп ябушув* «вольная борьба») данное слово не имеет залогового значения; *чачыв* в сочетании *чачыв башланды* «начался сев» является именем существительным, а в сочетании *акъчаны чачыв* «разбрасывание денег» - именем действия.

Однако в языке существует и ряд однозначных форм на *–ыв*, которые употребляются только как имена действия. Глагольное значение таких имен действия проявляется при их сопоставлении с однокоренными именами существительными на *–ыв* и *–ыш: билив* «узнавание» (имя действия) – *билим* «знание» (имя существительное), *къурув* «процесс постройки», «процесс организации» – *къурум* «организация», *гелив* «приход» – *гелим* «доход». Парные слова от форм на *–ыв* употребляются как имена существительные: *сатыв-алыв* «купля-продажа», *гелив-гетив* «приход-уход», «хождение», *охув-язык* «грамота», *ятыв-ябыв* «постельные принадлежности».

Имя действия на *–лыкъ*

Причастия настоящего и прошедшего времени могут принимать аффикс именного словообразования *–лыкъ, –лик*. В результате образуются формы со сложными афф. *–агъанлыкъ, -гъанлыкъ*: *алагъанлыкъ* «тот факт, что берет», *алгъанлыкъ* «тот факт, что взял». Указанные формы теряют основное свойство

причастия – его атрибутивность (они не употребляются в функции определения) и приобретают номинативное значение. Сохранение основных глагольных признаков (категории залога, переходности и непереходности) позволяет отнести формы на *–агъанлыкъ, -гъанлыкъ* к категории имени действия. Данные формы отличаются от имен действия на *–макъ* и *–ыв* тем, что они, как и причастия, обладают временными значениями.

В кумыкском языке употребляются следующие имена действия на *–лыкъ*:

1. Имя действия на *–агъанлыкъ, -егенлик, -йгъанлыкъ, -йгенлик* с семантикой настоящего времени: *Олар оьзюню хабарын къаравуллайгъанлыкъны билип, Гиляний булай башлады* (Аткъай) «Зная, что они ждут его сообщения, Гиляний начал так». *Юртну къырыйындан таба ёл ишленегенликни гьакъында халкъ нече тюрлю кюйде де сёйлей* (Ш.Альбериев) «О том, что по окраине села строится дорога, народ говорит по-разному».

2. Имя действия на *–гъанлыкъ, -генлик* с семантикой прошедшего времени: *Атав алгъасагъанлыкъдан солувун гьаран баса эди* «Оттого, что спешил, Атав с трудом переводил дыхание». *Ону юртдан гетгенлиги биревню де тамашагъа къалдырмады* «То, что он уехал из села, никого не удивило».

3. Имя действия на *–жакълыкъ, -жеклик, -ажакълыкъ, -ежеклик* с семантикой будущего времени, теоретически возможное в системе имен действия на *–лыкъ*, употребляется крайне редко: *Агъамны институтгъа тюшежеклигине инана эдим* «Я верил в то, что старший брат поступит в институт».

Инфинитив

Инфинитив в кумыкском языке образуется при помощи афф. *–магъа, -меге: алмагъа* «брать», *бермеге «*давать», *гёрмеге* «видеть», *къурмагъа* «строить». Параллельно существует и стяженная форма инфинитива, которая образовалась в результате выпадения интервокальных [*гъ*] и [*г*]. Таким образом, существует два варианта аффикса инфинитива: *-магъа, -меге* и *–ма, -ме,* причем второй, стяженный вариант в современном языке является более употребительным. Аффикс инфинитива *–ма, -ме* является более употребительным. Аффикс инфинитива *–ма, -ме* является омоморфным с аффиксом отрицания *–ма, -ме.* В произношении эти формы отличаются тем, что аффикс инфинитива является ударным, а на аффикс отрицания ударение не падает: *алма* «не бери» –

алма «брать», *гелме* «не приходи» – *гелме* «приходить».

Грамматически инфинитив на *–магъа, -меге* кумыкского языка соответствует инфинитивам на *–ргъа* других кыпчакских языков, например, карачаево-балкарского, татарского и башкирского. Форма на *–ргъа* в качестве инфинитива встречается в фольклоре и в устойчивых оборотах, из чего можно заключить, что она употреблялась и в кумыкском языке, но была вытеснена, возможно, под влиянием языков огузского типа формами на *–магъа.*

Инфинитив в кумыкском языке не изменяется по лицам, не склоняется (поскольку сам является изолированной падежной формой), не принимает аффиксов принадлежности, не имеет отрицательной формы, т.е. является типичной неопределенной формой глагола. Из глагольных свойств инфинитив сохраняет переходность–непереходность и категорию залога, что позволяет включить его в систему глагола. По некоторым свойствам инфинитив в кумыкском языке сближается с деепричастиями. К таким свойствам относятся неизменяемость инфинитива, его соотнесенность с конечным сказуемым, выраженным личной формой глагола. Нередки случаи, когда инфинитив и деепричастие в аналитических формах взаимозаменяемы без ущерба для общей семантики предложения: *Халкъ жыйыла башлады* // *Халкъ жыйылмагъа башлады* «Народ начал собираться»; *Огъар бир зат да айтып болмадым* // *Огъар бир зат да айтмагъа болмадым* «Я ничего не смог ему сказать».

Неизменяемость инфинитива выражается также в том, что аффикс *–магъа* // *-ма* всегда замыкает словоформу. В редких случаях в диалогической речи в неполных предложениях инфинитив может иметь вопросительную форму: – *Бавгъа барман* «Иду в сад». – *Ишлемегеми яда ял алмагъа?* «Работать или отдыхать?» Однако формант *–мы* выполняет функцию частицы (во многих работах он и рассматривается в составе частиц) и формы с данным формантом не являются словоизменительными.

Инфинитив в кумыкском языке обладает определенной валентностью. Сочетаясь с личными формами глагола и с модальными словами *герек, тарыкъ, тийишли, тюше, ярай,* инфинитив грамматически зависит от них, не может употребляться в позиции конечного сказуемого, вследствие чего инфинитиву свойственна известная несамостоятельность в структуре предложения.

Это свойство инфинитива на *–магъа, -ма* отличает его от инфинитива на *–ргъа* других кыпчакских языков, который может употребляться в качестве независимого сказуемого в особых инфинитивных предложениях. Ср., например, тат. *Бишьеллыкны дурттэ утаргэ!* «Выполнить пятилетку в четыре года!; *Атлардан тэшэргэ!* «Спешиться!».

Синтаксические функции инфинитива обусловлены его валентностью и характером сочетаний, содержащих инфинитивную форму.

Инфинитив в сочетании с полнозначными личными глаголами употребляется в качестве самостоятельного обстоятельства цели: *Нина Хайруллагъа олтурмагъа шанжалны онгарып салды* (Аткъай) «Нина поправила стул, чтобы Хайрулла сел»; *Мен ону булан сёйлеме гелгенмен* (М.Ягьияев) «Я пришел с ним поговорить».

Наиболее характерным синтаксическим свойством инфинитива является его употребление в качестве первого компонента составного сказуемого. Основную смысловую нагрузку в составном сказуемом несет инфинитив, но он грамматически зависим от второго, вспомогательного компонента, который является носителем категориальных признаков составного сказуемого (вида, наклонения, времени, лица и числа).

По способу выражения компонентов составные сказуемые с инфинитивом можно разделить на 3 группы.

1. Составные сказуемые, выраженные инфинитивом и модальными словами *герек, тарыкъ* «надо», «необходимо», *тийишли* «стоит», «необходимо», *тюше* «стоит», *ярай* «можно», «возможно»: *Биз уьлгюлю колхоз болмагъа тарыкъбыз* (Аткъай) «Мы должны быть образцовым колхозом»; *Бир нече керен больницагъа барма тюшген эди* (М.Ягьияев) «Несколько раз пришлось сходить в больницу»; *Узун ярышда Жанатлы алгъа чыгъып гетме де ярай* (Аткъай) «В долгом соревновании Джанатлы может и выти вперед».

2. Составные сказуемые, образованные сочетанием инфинитива с модальными словами и инфинитива с прилагательными, являются основной формой выражения сказуемого безличного предложения: *Ону ахшам уьйге чакъырмагъа герек* (А.Сулейманов) «Надо его вечером пригласить домой»; *Сагъа затны англатма къыйын* (Аткъай) «Трудно тебе что-нибудь объяснить»;

Театргъа барма яхшы «Хорошо бы сходить в театр».

3. Составные сказуемые, выраженные аналитическими формами глагола, состоящими из инфинитива и вспомогательного глагола. Аналитические формы указанного типа в зависимости от вспомогательного глагола выражают различные аспектуальные и модальные значения. В качестве вспомогательной части в таких формах выступают обычно глаголы *башла-, бол-, тура-, урун-, гириш-, къара-, бажар-, сюй-: Тар сокъмакъ булан тавгъа оьрленмеге башладыкъ* (И.Керимов) «По узкой тропинке мы начали подниматься в гору»; *Ондагъы Мустапаны сюлдюрюн гьаран гёрме болду* (М.Ягьияев) «Он с трудом смог увидеть очертания Мустапы, который был там»; *Поэма табып, хырындан янтайды ва охума гиришди* (М.Ягьияев) «Найдя поэму, он лег на бок и начал читать».

Сочетание инфинитива с личной формой глагола от одной и той же основы образуют особый тип глагольного составного сказуемого. Данный тип сказуемого, где личная форма глагола несет основную смысловую нагрузку, содержит в своем составе усилительную частицу *да, де.* Инфинитив и частица *да, де* усиливают значение, выраженное личной формой глагола. *Барма да баргъан, гёрме де гёрген* «(Он) ходил и видел»; *Таныма да танымайман шо уланны* (М.Ягьияев) «(Я) и не знаю того парня вовсе».

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастие – наиболее разработанная область системы глагола кумыкского языка. Деепричастием называется неличная форма глагола, которая обозначает действие, соотнесенное с другим действием, и имеет признаки глагола и наречия. Употребление деепричастий синтаксически ограничено: они не употребляются в позиции конечного сказуемого, а обозначают признак действия, выраженного другой формой глагола. В этом плане деепричастие не обладает функцией сообщения (коммуникативностью), вследствие чего не может быть самостоятельным членом предикативной конструкции. Деепричастие может выполнять лишь полупредикативную функцию в тех случаях, когда имеет при себе субъект, выраженный именительным падежом: *Мен гетип, ол гелген* «Когда я ушел, он пришел».

Деепричастие является грамматически несамостоятельной соотнесенной

формой глагола, но это не значит, что оно выражает второстепенное, побочное действие. Ю.Д. Джанмавов убедительно доказал, что деепричастие может выражать такое же основное действие, как и личная форма глагола, а иногда даже более важное действие, чем действие основного глагола.

Деепричастия имеют следующие глагольные признаки: 1) обозначают действие предмета как признак основного действия; 2) имеют значение переходности и непереходности и залоговые формы; 3) управляют теми же падежами, что и глаголы, от которых образованы; 4) образуют отрицательную форму при помощи афф.*–ма,-ме* (кроме деепричастия на *–ып*).

Деепричастие, как глагольная форма, обозначает также время, но обозначает его по отношению к действию, выраженному основной глагольной формой. Данное определение временного значения деепричастий является общепринятым. Однако, вероятно, не следует категорически отрицать наличие у деепричастий самостоятельного временного значения. Время в деепричастиях становится несамостоятельным по его отношению к времени основного глагола, отдельно взятая же деепричастная форма обозначает действие в определенной временной плоскости. Например, деепричастие на *–ып* обозначает законченное действие, которое относится к плоскости прошедшего времени, а деепричастие на *–а, -е, -й* – незаконченное действие, относящееся к плоскости настоящего времени. Это хорошо видно в примерах, где обе указанные выше деепричастные формы относятся к основному глаголу в форме настоящего времени: *алып геле* «взяв идет», *ала геле* «беря идет». Образование в некоторых тюркских языках и диалектах на базе деепричастия на *–ып* прошедшего субъективного времени, а на базе деепричастия на *–а, -е, -й* – настоящего времени изъявительного наклонения также говорит о том, что указанные деепричастия имеют и самостоятельное временное значение.

К наречным признакам деепричастия относятся: 1) способность выражать признак действия, т.е. выступать в функции приглагольного определения; 2) неизменяемость деепричастий в позиции приглагольного определения.

По образованию деепричастия делятся на первичные и вторичные формы. Первичные формы образуются путем прибавления к основе глагола аффиксов деепричастий. К первичным формам относятся деепричастия на *–ып* и

–а, -е, -й. Вторичные формы исторически образовались путем прибавления к причастиям и деепричастиям аффиксов *лы -ли; -ча, -че; докъ;-дай, -дей.* Ко вторичным формам относятся деепричастия на *–майлы, -гъанлы, -гъанча*//*-гъынча, -докъ, (-гъандокъ), -дай (-гъандай).* Деепричастия на *–докъ* и *–дай* впервые выделены Ю.Д. Джанмавовым.

Деепричастие на *–ып*

Аффикс данного деепричастия, для обозначения которого в грамматиках тюркских языков употребляются также термины «соединительное деепричастие», «деепричастие прошедшего времени», имеет пять вариантов: *-ып, -ип, -уп, -юп* (после согласных основ), *-п* (после гласных основ): *алып* «взяв», *гелип* «придя», *къуруп* «построив», *гёрюп* «увидев», *къарап* «посмотрев».

Деепричастие на *–ып* является самой активной из всех деепричастных форм и образуется от любой глагольной основы. Образование данного деепричастия ограничено только в аналитических формах, где первым компонентом также является деепричастие на *–ып*. Оно не образуется: 1) от аналитических форм, состоящих из двух одинаковых глагольных основ: *къалып къал-* «остаться», 2) от аналитических форм, где вспомогательным компонентом являются глаголы *бар-, гел-* типа *битип бар-* «кончаться», *ачылып гел-* «проясняться» (о погоде).

Значения деепричастия на *–ып* проявляются в двух аспектах: по относительному временному значению и по выражению адвербиальных признаков основного глагола.

Относительное временное значение деепричастия на *–ып* представлено следующими основными оттенками.

1. Действие, предшествующее другому действию. Данное значение является характерным, ибо обусловлено общим временным значением деепричастия на *–ып*: *Сонг юлюнюп, жувунуп, гийинип, чыкъма айландыгъыз* (М.Абуков) «Потом, побрившись, умывшись, одевшись, вы приготовились выйти»; *Шынжырын чечип къайышына белбавумну да байлап, къабакъгъа багъып юрюдюм* (М.Абуков) «Сняв цепь, привязав к ошейнику свой ремень, я пошел к воротам».

2. Действие, происходящее одновременно с действием основного глаго-

ла: *Уллу къаркъарасын да гётерип, бир-бир басып, яшны ягъына гелди* (М.Абуков) «Подняв свое грузное тело, медленно ступая, он подошел к ребенку»; *Мен шолай ойлаша туруп, лап ювукъ етип геле бу* (И.Ибрагьимов) «Пока я так думал, он подошел ко мне очень близко».

По адвербиальному признаку деепричастия на *–ып* употребляются в следующих значениях.

Признак действия основного глагола: *Уллубий атланып ёлгъа чыкъды* (М.Ягьияев) «Уллубий вышел в путь верхом на коне»; *Часовой, астаракъ гёнгюрев эте туруп, сарайны дёрт де ягъындан айлана эди* «Часовой, негромко напевая, ходил вокруг сарая». Выражение образа действия является основным значением деепричастия на *–ып*.

Причина действия: *Кёк кёкюреп, яшмын яшнап, палатаны ичин яп-ярыкъ этип йибере* (К.Абуков) «Гром гремит, сверкание молнии делает палату светлым-светлым»; *«Мен гетдим», – деди ва, машин авазны эшитип, къурулушну алдына чыкъды* (Р.Расулов) «Я пошел», – сказал он и, услышав шум машины, вышел к стройке».

Время действия основного глагола: *Гюн батып, юртгъа гирдик* «Когда солнце зашло, мы вошли в селение».

Цель основного действия: *Бизин барлап гелген алай къызбайлар Баягъылар бал иче деп гетсинлер* (фольк.) «Трусы, которые пришли искать нас, пусть уйдут, говоря, что те пьют мёд»; *Къыз къарап юрюй* «Ходит с целью поискать девушку».

В языке активно употребляются парные и парно-повторные (редуплицированные) деепричастия, которые обозначают многократность или интенсивность действия основного глагола: *Солтан ва ону ёлдашы, терлеп-бишип, динамитни кёпюр тюпде дёрт ерге яшырды* (Ш.Альбериев) «Солтан и его товарищ, вспотев и запарившись, спрятали динамит под мостом в четырех местах»; *Чыгъып-чыгъып, къаршылардан къарасам, Гёрюнмейсен, яв юрегим ярасан* (фольк.) «Если, выходя временами, посмотрю издалека, тебя не видно, ты разрываешь мое сердце».

Деепричастие на *–ып* не имеет отрицательной формы. Для отрицания действия, выраженного деепричастием на *–ып*, изредка употребляется частица

тюгюл: Биз айтып тюгюл, оьзюнг эт «Не по нашему указанию, а сам сделай». Иногда частица *тюгюл* придает деепричастию на *–ып* значение исключительности, категоричности: *Къычырып тюгюл охумай* «(Он) читает только вслух».

Деепричастие на *–ып* активно употребляется в образовании аналитических форм, в составе которых является главным компонентом.

Деепричастие на *–а, -е, -й*

При образовании деепричастия варианты *–а, -е* присоединяются к согласным основам, а вариант *–й* – к гласным основам: *йыгъыла геле* «идет падая», *сюрюне геле* «идет спотыкаясь», *кюлей геле* «идет смеясь».

По сравнению с деепричастиями на *–ып*, деепричастия на *–а, -е, -й* в относительном временном аспекте является обозначение действия, одновременного или параллельного действию основного глагола: *Минг бурлугъуп къарай гетдим артыма* (Й.Къазакъ) «Тысячу раз оглянувшись и поглядывая (я) ушел»; *Сени гёрме сюйгенде Къуш йимик уча гелдим* (фольк.) «Когда (мне) захотелось увидеть тебя, (я) прибыл, летая, как птица».

Основным значением деепричастия на *–а, -е, -й* в плане выражения адвербиальных признаков основного глагола является значение образа действия. В этом значении часто употребляются парные и парно-повторные деепричастия, которые имеют дополнительные оттенки длительности, повторяемости и чередования: *кюлей геле* «идет смеясь», *сёйлей геле* «идет разговаривая»; *Бурлугъуп-бурлугъуп, къарай-къарай гет* (Гь.Анвар) «Иди, оглядываясь и поглядывая»; *Юрюй-юрюй, ахырда булар бир къартгъа къаршы болалар* (фольк.).

Реже деепричастие на *–а, -е, -й* выражает значение цели и неполноты действия.

Значение причины: *Олай буса, мен тангала излей барайым* (Аяв) «Если так, то я завтра пойду искать»; *Мен сенден бир батыр сорай гелгенмен, Шону гьакъындан билегенинг айтсана* (Гь.Анвар) «Я пришел спросить тебя об одном батыре, расскажи-ка о нем то, что знаешь».

Значение неполноты действия выражают парные деепричастия, состоящие из положительной и отрицательной формы одного и того же слова: *Ерге ярыкъ тюше-тюшмей, биз гетмеге онгарылдыкъ* «Когда чуть рассвело, мы приготовились выехать».

В указанном значении употребляются, хотя чрезвычайно редко, и парные деепричастия, состоящие из деепричастия на *–ып* и отрицательной формы деепричастия на *–а, -е, -й*. Отрицательная форма образуется обычным способом при помощи *–ма, -ме: сёйлей геле* «идет, разговаривая» - *сёйлемей геле* «идет, не разговаривая». В отрицательной форме данная форма заменяет также деепричастие на *–ып*: *алып геле* «идет, взяв» – *алмай геле* «идет, не взяв».

Деепричастие на *-гъанча//-гъынча*

Афф. *–гъанча//-гъынча* является сложным, он образовался в результате слияния афф. причастия *–гъан, -гъын* и наречного афф. *–ча*. Афф. *–гъанча* и *–гъынча* в литературном языке равноправны и могут заменить друг друга в одном и том же слове. Диалектные различия в их употреблении отметил Ю.Д.Джанмавов.

Полные варианты аффикса: *-гъанча, -генге, -гъынча, -гинче, -гъунча, -гюнче*: *-алгъанча//алгъынча* «прежде, чем взять», *гелгенче//гелгинче* «прежде, чем прийти», *тургъанча//тургъунча* «прежде, чем встать».

В устной речи афф. *–гъанча, -гъынча* употребляется также с наращением *–гъа, -ге: алгъанчагъа, гелгинчеге*.

Основным значением деепричастия на *–гъанча//-гъынча* является выражение действия, раньше которого происходит другое действие: *Юртгъа баргъанча, къурдашлар тюкенлеге къарама шагьаргъа чыкъдылар* (Я.Бийдуллаев) «До отъезда в село, друзья вышли в город, чтобы посмотреть магазины»; *Абзар алгъанча, хоншу ал* (фольк.) «Прежде чем купить дом, купи соседа». *Мен оьзюм оьлгюнче, сизге къатынлар алмагъа сюемен* (С.Гьажиева) «Прежде, чем я умру, хочу вас женить».

Кроме указанного основного значения, деепричастие на *–гъанча//гъынча* в контексте может иметь еще следующие значения:

1. Предел во времени совершения основного действия: *Шакъысы битгенче, язып турду* «Он писал до тех пор, пока не кончились чернила»; *Къонакъ уьйге чакъыргъынча, лакъыр этип туралар* (И.Хамав) «Они беседуют до тех пор, пока гость не позовет домой».

2. Сравнительное значение: *Бу чюпюреклени алып гелгинче, акъчангны жыйсанг!* (К.Абуков) «Чем принести эти тряпки, ты бы лучше копила свои

деньги». *«Коммунизм» колхозгъа председатель болуп баргъанча, аркъам булан таш ташыма да къабулман* (Ш.Альбериев) «Чем пойти председателем в колхоз «Коммунизм», я готов таскать камни на своем горбу».

3. Значение меры и степени: *Тойгъунча ашадыкъ* «Поели досыта»; *Къангъынча кюледик* «Посмеялись до упаду».

4. Деепричастие на *–гъанча*//*-гъынча* в сочетании со словом *заман* «время» употребляется как определение: *Сен тувгъанча заманда* «До того времени, когда ты родился» (До того, когда ты родился). *О гьакъда атабыз оьзюню къурдашына айтгъан болгъан мен эсли болгъунча заманда, о да гечинип къалды* (А.Аскерханов) «Об этом наш отец говорил своему другу еще до того, как я стал взрослым, но он скончался».

Отрицательная форма деепричастия на *–гъанча*//*-гъынча* образуется при помощи *–ма, -ме: алгъанча* «до того, как взял» – *алмагъанча* «до того, как не взял».

Деепричастие на *–гъанлы*

Афф. *–гъанлы, -генли* является сложным (*гъан+лы, -ген+ли).* Основой для образования деепричастия на *–гъанлы, -генли* послужило причастие прошедшего времени на *–гъан, -ген,* само деепричастие на *–гъанлы* также имеет ясно выраженное значение прошедшего времени. По отношению к основному глаголу деепричастие на *–гъанлы* обозначает предшествующее действие с оттенком исходного момента, после которого начинается другое действие: *Катядан кагъыз гелгенли, Завур атасына да бираз оьпкеледи* (Ш.Альбериев) «С тех пор, как пришло письмо от Кати, Заур немножко обиделся и на отца». *Сен ишден тайгъанлы, он беш гюнден де артыкъ бола* (М.Хангишиев) «С тех пор как ты ушел с работы, прошло свыше пятнадцати дней».

Деепричастия на *-а* и *–гъанлы* образуют парные сочетания, которые обозначают непрерывность действия основного глагола: *Мен биле-билегенли, бир кюйде тура* «С тех пор как я его знаю, он не изменился».

Отрицательная форма: *алгъанлы* «с тех пор, как взял» – *алмагъанлы* «с тех пор, как не брал»; *гёргенли* «с тех пор, как видел» – *гёрмегенли* «с тех пор, как не видел».

Деепричастие на *–агъанлы*

Основой для образования деепричастия на *–агъанлы* послужило причастие настоящего времени на *–агъан, -еген, -йгъан, -йген: алагъанлы* «с тех пор, как берет», *гелегенли* «с тех пор, как идет», *къарайгъанлы* «с тех пор, как смотрит», *яшайгъанлы* «с тех пор, как живет». В отрицательной форме: *алмайгъанлы* «с тех пор, как не берет».

Деепричастие на *–агъанлы* имеет ясно выраженное значение настоящего времени, ср., например: *алгъанлы* «с тех пор, как взял» – *алагъанлы* «с тех пор, как брал» – *алагъанлы* «с тех пор, как берет». По отношению к действию основного глагола, деепричастие на *–агъанлы* обозначает параллельное действие: *Адил секретарь болуп ишлейгенли, уьч-дёр айлар тюгюл болмай* (Ш.Альбериев) «С тех пор, как Адиль работает секретарем, прошло всего три-четыре месяца». *Мавла шо ёл булан юрюйгенли, къыркъ йылгъа ювукъ бола* (М.Абуков) «С тех пор, как Мавла идет по этому пути, прошло около сорока лет».

Деепричастие на *–майлы*

Афф. *–майлы, -мейли* также является сложным и состоит из афф. отрицания *–ма, -ме*, афф. деепричастия *–а, -е, -й* и афф. *–лы, -ли.*

Поскольку афф. *–лы, -ли* входит в состав ряда сложных афф. деепричастий (*-гъанлы, -агъанлы, -майлы*), следует остановиться на его роли в их образовании. Как известно, афф. *–лы, -ли, -лу, -лю* образует прилагательные со значениями наличия, обладания, отнесения. В диалектах данный аффикс употребляется и с временным значением: *мен барлы*//*мен барда* «пока я здесь». Участие афф. *–лы* в образовании деепричастий стало возможным, по всей вероятности, именно благодаря указанному значению.

Деепричастие на *–майлы* употребляется только в отрицательном значении и обозначает действие, до совершения которого не может совершиться действие основного глагола: *Мен къайтмайлы, бири къайтмай уьюне* (З.Хиясов) «Пока я не вернусь, никто не возвращается домой»; *Март чыкъмайлы, дерт чыкъмас* (Фольк.) «До тех пор, пока март не пройдет, беспокойство не пройдет».

Часто деепричастие на *–майлы* имеет то же значение, что и отрицательная форма деепричастия на *–а, -е, -й: Гечени узагъы булан, бирев-биревге гьеч сёйлемейли, гетип барабыз* (Ч.Айтматов) «Идем, не говоря друг другу ни сло-

ва, всю ночь»; *Къурбан-ака гетип, арадан бир сагъат да гетмейли, къурулушгъа ювукъда той аваз эшитилди (Р.Расулов)* «Не прошло и часа после ухода Курбан-аки, как вблизи стройки послышался шум свадьбы».

В приведенных примерах деепричастия на *–майли* могут быть заменены деепричастиями на *–й.* Разница заключается в том, что афф. *–майлы* более категорически выражает значение отрицания.

Деепричастие на *–гъандокъ*

Афф. *–гъандокъ, -гендокъ* является сложным, состоит из афф. причастия *–гъан, -ген*, афф. местного падежа *–да, -де* и усилительной частицы *–окъ* (*гъан+да+окъ < гъандокъ, ген+де+окъ < гендокъ*). Стяжение гласных при их стечении в результате соединения основ или морфем с начальными гласными для кумыкского языка является обычным явлением: *алгъанда + окъ > алгъандокъ* «как только взял», *гелгенде+окъ > гелгендокъ* «как только пришел», *гёргенде + окъ > гёргендокъ* «как только увидел»; ср. также: *къара ат > къарат* «вороной конь», *ана айтды > анайтды «*мать сказала».

Деепричастие на *–гъандокъ* выражает действие, вслед за которым происходит или начинается действие, выраженное другой формой глагола: *Ашап битгендокъ, олар школагъа алгъасадылар* (М.Хангишиев) «Как только покушали, они поспешили в школу». *Уьйге гиргендокъ, сукараны башын ачды* (М.Абуков) «Как только он вошел в комнату, открыл крышку чашки”. *Мен чи хари гёргендокъ да таныдым* (М.Ягьияев) «Я-то узнал сразу, как только увидел».

Временное значение деепричастия на *–гъандокъ* полностью зависит от временного значения основного глагола: *Арт бергендокъ, унута* (Ш.Альбериев) «Забывают, как только расстанутся». *Абзаргъа гиргендокъ, адамлар подвалгъа чапды* (М.Абуков) «Как только вошли во двор, люди побежали в подвал».

Отрицательная фрорма деепричастия на *–гъандокъ* употребляется редко.

Деепричастие на *–гъандай*

Основой для образования данного деепричастия послужило причастие прошедшего времени. Афф. *–гъандай, -гендей* также является сложным и состоит из аффикса причастия прошедшего времени *–гъан, -ген* и наречного аф-

фикса *–дай, -дей: алгъандай* «как будто взял», *гёргендей* «как будто видел».

Деепричастие на *–гъандай* обозначает действие, с которым сравнивается другое действие: *Шо зат языкъ Камилге онлар булан хынжаллар чанчылгъандай таъсир этди* (М.Хангишиев) «И это повлияло на бедного Камиля так, как будто в него вонзились десятки кинжалов». *Хайрулла, бирев ургъандай, уянып гетди* (Аткъай) «Хайрулла внезапно проснулся, как будто кто-то его ударил».

Деепричастия на *–гъандай* в сочетании с вспомогательным глаголом *бол-* «быть», «стать» выражают значения неполноты действия, притворства, желания, намерения: *Къалакъайлы инженер иржайгъандай болду* (И.Керимов) «Инженер в фуражке как будто улыбнулся»; *Шо хазнаны тез гёрмеге алгъасайгъандай болду, биз де ону тыгъыс къуршавгъа алдыкъ* (М.Абуков) «Тот сделал вид, что хочет скорее увидеть казну, и мы взяли его в тесное окружение».

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Союзы

Союзы – неизменяемые служебные слова, выполняющие связывающую роль между компонентами словосочетаний и сложных предложений. По значению союзы, частицы и модальные слова взаимосвязаны. Слова *да, де; чы, чи, чу, чю; не* употребляются в омонимичных функциях союзов и частиц:

а) *да, де* в функции союза и частицы: *О атылып турду да, чалт сёйлеп йиберди* «Он встал и начал быстро говорить»; *Мен де гелемен* «И я иду»;

б) *чы, чи, чу, чю* в функции частицы и союза: *Ал чы къолунга къалам*! «Бери-ка в руку ручку!»; *Авузларына сувлугъун олай сакъ тийдире чи, янгыз бир ютмагъа къоя* (М.Хангишиев) «Он так осторожно подносит к их ртам свою флягу, что дает лишь один раз глотнуть»;

в) *не* в роли частицы и союза: *Не арив гюндюр*! «Какой хороший день!»; *О уьйлеге не гюнню ярыгъы гирмей, не таза гьава гирмей, неге десе шоланы терезелери ёкъ* (М. Ягьияев) «В эти дома не проникает ни солнечный свет, ни свежий воздух, потому что у них нет окон».

Союзы кумыкского языка по составу, происхождению и функции делятся на несколько групп.

По составу различаются:

Простые союзы: *ва* «и», *амма* «но», *тек* «но», «а», *буса* «но», «а», *да, де* «и», *я* «или», *булан* «и», *чы, чи, чу, чю* «так… что», *эгер* «если», *сайки* «подобно», *деп* «что», «чтобы», *деген* «который», архаичный союз *гьам* «и»;

Составные союзы:

1) *слитно-составные: яда (я+да)* «или», *неде (не+де*) «или», *ёгъесе* (*ёкъ+эсе*) «иначе»;

2) *союзные речения: ва амма* «но», «однако», *ва да* «или», *шо саялы, шону учун, шогьар гёре, шо себепден* «поэтому», *неге десе* «потому что», *неде буса* «или», *буса да* «несмотря на»;

3) *парные союзы*, т.е. простые союзы, повторяющиеся в каждом из связывающихся компонентов: *да-да, де-де* «и-и», *я-я, яда-яда* «или-или», *бир-бир* «то-то», *не-не* «ни-ни», архаичный союз *гагь-гагь* «то-то».

По происхождению различаются:

1. Заимствованные союзы: *ва, амма, эгер*, архаичные союзы *гьам, гагь-гагь* (все – арабо-персидского происхождения), они стилистически окрашены и характерны главным образом для письменной речи.

2. Исконные союзы и союзные речения, образованные на почве кумыкского языка от частиц: *да, чы, я, не*; от послелогов: *булан*; от сочетаний местоимений с послелогами: *шо саялы, шогъар гёре, шо себепден, шону учун и* от глагольных форм: *буса, деп, деген.*

По функции союзы делятся на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы служат для связи равноправных единиц речи: однородных членов и частей сложносочиненного предложения. В семантическом плане сочинительные союзы делятся на три группы.

Соединительные союзы: *ва, да, де, да-да, де-де, булан, гьам, гьам да*.

Союз *ва* употребляется для связи однородных членов предложения: «*Дав ва ярашывлукъ*» «Война и мир». *Бир тенгли яшлар Жамаш ва Зайнап* (Гь.Анвар) «Ровесники Джамаш и Зайнап». *Йырладым мен Баймурзаны, Юнусну ва Къазакъны* (А.Дадав) «Спел я о Баймурзе, Юнусе и Казаке».

При однородных сказуемых и в сложносочиненных предложениях *ва* выражает одновременность или следование событий: *Уллубий Аня гетгенде*

Татув оьзюне гьалекли къарайгъанны эследи ва, оьзюн гунагьлы гёрегендей, ойгъа батды (М.Ягьияев) «Уллубий после ухода Ани почувствовал, что Татув смотрит тревожно, и, как будто чувствуя себя виновным, задумался». *Ол турду ва сёйлемеге башлады* «Он встал и начал говорить».

В старом стиле в функции союза *ва* изредка встречается союз *гьам*: *Кавказны гьам Россияны гьалы* (Н.Батырмурзаев) «Положение Кавказа и России». *Чечек ачма гьам сююнме, къуванма Муна етишди чи бугюн гюнлери* (Э.Гьажиева) «Вот и наступили сегодня дни цветения и радости, веселья».

Союз булан, больше характерный для устной речи, употребляется для связи однородных подлежащих, дополнений и в изафетных конструкциях в функции союза *ва*: *Камил булан Камиля бир курсда охуйлар* «Камиль и Камиля учатся на одном курсе». *Къашынг булан гёзюнгню хыйлы бардыр арасы*! (фольк.) «Между твоими бровями и глазами имеется большое расстояние!».

Союз да, де употребляется: а) в сложносочиненных предложениях для выражения быстрого следования одного действия за другим: *Турду да гетди* «Он встал и ушел»; *Айтдым да битдим!* «Я сказал и кончил на этом!»; б) для выражения одновременности действий с оттенком интенсивности: *Йырлайыкъ да кюлейик*! (Гь.Анвар) «Споемте и посмеёмся!»; *Ашайыкъ да ичейик, Бугюн бизден гетмесин*! (фольк.) «Покушаем и выпьем, пусть этот день не уходит от нас!»

Парный союз *да-да, де-де* употребляется для связи между однородными членами при каждом из этих членов: *Уллубийге аш да, сув да бермейгени дёрт гюн бола* (И.Керимов) «Уже четыре дня Уллубию не дают ни еды, ни воды»; *Магьач да, Написат да уьйге гирди* (И.Керимов) «Махач и Написат зашли в дом»; *Сен де, мен де бир эдик, Бавгъа битген гюл эдик* (фольк.) «Ты и я были одно, мы были розой в саду».

Союз *да-да, де-де* часто употребляется в устойчивых грамматикализованных сочетаниях, которые имеют два типа.

1. Глагольные сочетания, состоящие из инфинитивной и личной формы одного и того же глагола: *Гелме де гелди, айтма да айтды* «И пришел, и сказал». *Барма да бар, алма да ал!* «И пойди, и возьми!»; *Къайтма да къайтар, гёрме де гёрерсен* «И вернется, и увидишь». *Барма да барайым, гёрме де гёрей-*

им «И пойду-ка, и увижу-ка».

2. Именные сочетания, состоящие из двух повторяющихся прилагательных, наречий, существительных, числительных и местоимений: *Уллу да уллу, бийик де бийик* «И велик и высок». *Арив де арив, яхшы да яхшы* «И красивая, и хорошая». *Къардаш да къардаш, къурдаш да къурдаш* «И родственник, и друг».

Первый тип выражает интенсивное действие, второй – интенсивный признак, т.е. союз в данных случаях сохраняет явную связь с частицей.

Противительные союзы: *амма, тек, ва амма, буса, буса да, ёгъесе.*

Союзы *амма, тек* «но» синонимичны с той разницей, что *амма* носит книжный оттенок.

Союз *ва амма* употребляется для усиления противительного значения: *Бир чаба, ва амма бир чаба* (Аяв) «Один раз бьет (саблей), но как бьет». *Отбаш яхшы зат, ва амма бир-бирде уьй тютюнден толуп къала* (М.Ягьияев) «Камин – хорошая вещь, однако иногда комната наполняется дымом».

Союз *буса* также выражает противительные отношения, однако, в отличие от других противительных союзов, ставится не между частями сложного предложения, а после первого члена второй части: *Ол, айлана туруп, Сувсарны ягъына бара, Сувсар буса баягъы терекни тюбюнде иш этип тура* (Аяв) «Он, гуляя, идет к Сувсар, а Сувсар под тем деревом шьет». *Биз къарсалап айланабыз, сен буса гьеч бир затны гьакъында ойлашмайсан* «Мы нервничаем, а ты ни о чем не думаешь».

Союз *буса да* выражает противительные отношения с оттенком уступки, допускания: *Сюйсенг, алып да боларсан, буса да къойсанг яхшы* «Если захочешь, то сможешь и взять, но лучше все-таки оставить».

Союз *ёгъесе* выражает противительные отношения с оттенком предостережения: *Сен шо юзюкню къайтарып бер, ёгъесе туснакъда боларсан* (М.Ягьияев) «Ты верни это кольцо, иначе окажешься в тюрьме».

Разделительные союзы: *я, я-я, яда, яда-яда, я-яда, не-не, бир-бир, ва да, яда буса, неде буса, неде, гагь-гагь.*

Союзы *я, я-я, яда, я-яда, яда-яда, не-не, ва да, неде, буса, яда буса, неде* выражают осуществление одного из перечисленных явлений или действий, а

при отрицательной форме – отсутствие перечисленных явлений или действий: *Къарангы болгъунча Магьачны оьзюн яда ону асгерин тапмагъа герек* (И.Керимов) «Пока не стемнело, надо найти самого Махача или его войско»; *Броневик я ярыкъсыз, я гудоксуз бирден тербенди* (И.Керимов) «Броневик без света и гудка неожиданно тронулся».

Союзы *бир-бир, бир-бир де* и архаичный союз *гагь-гагь* выражают чередование действий или событий: *Адагъан кюйде бир анасына, бир де йылай туруп гёзлери шишген Умуятгъа къарады* (М.Ягьияев) «Он растерянно смотрел то на мать, то на Умуят, у которой от слез опухли глаза». *Бир ява, бир ачыла* «То дождь идет, то проясняется».

Подчинительные союзы

Подчинительные союзы выражают зависимость одной синтаксической единицы от другой и служат для связи частей сложноподчинительного предложения. По значению выделяются следующие группы подчинительных союзов.

Условный союз *эгер* «если» в синтаксической связи играет второстепенную роль и служит для усиления условных отношений. Об этом говорит и то, что *эгер* ставится в начале придаточного предложения, а не между соединяемыми частями. Непосредственная связь условных придаточных предложений с главным осуществляется условной формой: *Мен сагъа бир зат айтайым: эгер ол магъа рази болса, мен ону бу гече алып гетемен* (А.Къалсынов) «Я скажу тебе одну вещь: если ей понравлюсь, то я уведу ее в эту ночь». *Эгер кагъыз гелгенде Жамиля уьйде болса, огъар да охумагъа бере эдилер* (Ч.Айтматов) «Если по приходу письма Джамиля оказывалась дома, то и ей давали прочитать».

Изъяснительный союз *чы, чи, чу, чю* выражает изъяснительные отношения между частями сложноподчиненного предложения: *Машин буланы къырыйындан олай чалт гете чи, арбачылар, бир затны да гёрюп болмай, янгыз чанг булан саламлашып къоялар* (Э.Капиев) «Машина проносится мимо них так быстро, что извозчики, ничего не видя, здороваются лишь с пылью»; *Авузларына сувлугъун олай сакъ тийдире чи, янгъыз бир ютмагъа къоя* (М.Хангишиев) «Он так осторожно подносит свою флягу к их ртам, что дает лишь один раз глотнуть».

Союз *чы, чи, чу, чю* соответствует союзу *ки, ким* в некоторых тюркских языках и в современном кумыкском языке носит явно книжный характер.

Причинные союзы *шону учун, ону учун, шогъар гёре, шо саялы, шо себенден, неге тюгюл, неге десе* синонимичны и могут заменить друг друга: *Садагъа излеп, къолун узатмакълыкъ огъар кем тие, шо саялы да ол, шо осал ишни этгенден эсе оьлген де къолайдыр деп, загьмат тёге* (Ш.Альбериев) «Протягивать руку, прося милостыню, он считает для себя позором, поэтому трудится, думая, что лучше умереть, чем заниматься таким недостойным делом». *Мен шо гертиден де оьлтюрюп де къояр деп къоркъа эдим, шо салы ондан гетермен деп ойлашма да ойлашмай эдим* (М.Ягьияев) «Я боялся, что он действительно убьет, поэтому и не думал, что оттуда уйду».

Союзы *неге тюгюл, неге десе* отличаются от других причинных союзов тем, что употребляются не в составе главного, а в составе придаточного предложения, при них главное предложение предшествует придаточному: *Уьйде олтургъанбыз, неге тюгюл янгур ява* «Сидим дома, потому что дождь идет».

Синтаксическими синонимами союзных сложноподчиненных предложений, выражающих причинные отношения, являются бессоюзные предложения, где связывающим элементом между частями является форма дат. падежа причастий: *Янгур ява, шо саялы уьйде олтургъанбыз – Уьйде олтургъанбыз, неге тюгюл янгур ява – Янгур явангъангъа уьйде олтургъанбыз* «(Мы) сидим дома, потому что дождь идет».

Третий тип предложений является исторически первичным и более предпочтительным в употреблении, особенно в устной речи.

Сравнительный союз *сайки* выражает сравнительно-изъяснительные отношения с оттенком иронии, насмешки или презрения: *Трибунада туз къап йимик ораласан, Сайки магъа Пушкин, Лермонтов боласан!* (Гь.Анвар) «На трибуне позируешь подобно большому мешку, ставишь из себя Пушкина, Лермонтова!». *Билегенде йимик еллер тынышмай, Сайки къызгъа булай айтып шыбышлай* (Гь.Анвар) «Как будто зная, ветры беспрестанно как бы шепчут вот так девушке».

Союз цели *деп* исторически является деепричастием от глагола *де-* «говорить». Союзной функции слова *деп* предшествовало его частое употребление

в качестве связывающего элемента между чужой и авторской речью*: «Къайдан да эсиме тюшдю»,- деп, ол гёнгюлсюз кюйде увакъ тер басгъан мангалайын сибирди де, терезеден къыргъа, авлакъгъа къарады* (К.Абуков) «И откуда я это вспомнил», - сказав, он нехотя вытер лоб, покрытый мелким потом, и посмотрел в окно, на поле».

Деп употребляется также внутри чужой речи для связи его отдельных частей: *«Эй солдатлар! Неге бизге тюбек гёзлеген деп биз сизге айып этмейбиз»* (И.Керимов) «Эй солдаты! Мы не упрекаем вас за то, что (вы) наставили на нас ружья».

Союз *деп* является полифункциональным и поэтому выделяется в группу союзов цели условно.

Союз *деп* выражает:

1. Целевые отношения: *Кагъыз ёкъму экен деп, къыз шоссагьат ачып къарады* (И.Керимов) «Подумав, нет ли письма, девушка тут же открыла и посмотрела»». *Айтдырмагъа яхшы адам эди деп, Адамланы гьакъгъа тута болгъанлар* (А.Жачаев) «Нанимали за плату людей, чтобы (те) говорили, что (он) был хорошим человеком»;

2. Причинные отношения: *Девлетмурза, папирос къабуздураман деп, бармагъын биширме аз къалды* (У.Мантаева) «Девлетмурза чуть не обжег свой палец из-за того, что хотел прикурить». *Тек, эливаш, дин яратмай деп, о заман биз сурат чыгъармай эдик* (М.Абуков) «Только, черт побери, из-за того, что религия не разрешала, мы в те времена не фотографировались».

3. Изъяснительные отношения: *Сен де шолай ойлайдыр деп эсиме геле* (М.Ягьияев) «Мне кажется, что и ты так думаешь». *Аймесейни бетин бирдагъы керен гёрюп: «Менден геч, айыплы бусам», - деп айтма сюйдюм* (Гь.Давутов) «Увидев еще раз лицо Аймесей, (я) захотел сказать: «Если (я) виноват, то прости меня».

4. Противительные отношения: *Токъ ятгъанда: «Токъта, бираз юхла», - деп, ач ятгъанда аччы аяздан уятдынг* (Б.Магьамматов) «Если (я) ложился сытым, то говорила: «Подожди, поспи еще немного», а если (я) ложился голодным, то будила рано утром».

5. Отношения между приложением и определяемым, являясь связующим

элементом между ними: *Бизин юртда Терлемес деп бирев бар, герти аты буса – Вагьап* «В нашем селе есть человек по прозвищу Терлемес, а настоящее его имя – Вагап».

Союз *деп* часто употребляется для введения междометий в состав членов предложения: *Къакъ деп къычырар къаргъа* «Кар» кричит ворона»; *Яхшы чы бар къазакъ эр, гьайт дегенде, вайт деп жавап айтагъан* (фольк.) «Хорош мужчина – казак, который, когда говорят «хайт», отвечает «вайт».

Определительный союз *деген* исторически является причастием от глагола *де*- «говорить».

Союз *деген* выражает:

1. Определительные отношения между частями сложноподчиненного предложения, в том числе в прямой речи: *Магьач геле деген хабар, авуздан-авузгъа тюше туруп, фронтну бою булан яйылды* (И.Керимов) «Весть о том, что Махач идет, переходя из уст в уста, распространилась по линии фронта». *«Атышывну башлагъыз!» – деген команда берилди* (А.Калсынов) «Раздалась команда: «Начинайте стрелять!».

2. Определительные отношения между приложением и определяемым словом: *Мен таныйман Хадижат деген арив, сюйкюмлю къызны* (И.Керимов) «Я знаю красивую, симпатичную девушку по имени Хадижат». *Мен де «Янгыгент» деген совхозгъа ишге бакъдырылгъанман* (Гь.Давутов) «И я направлен на работу в совхоз «Янгикентский».

Во второй функции, которая для союза *деген* является основной, употребляется также вариант *дейген: Али деген яш – Али дейген яш* «Мальчик по имени Али»; *«Яхсай деген юрт – Яхсай дейген юрт* «Село Аксай».

ПОСЛЕЛОГИ

Послелоги кумыкского языка – это служебные слова, выражающие различные объектные и обстоятельственные отношения между членами предложения. В лексическом плане послелоги не имеют самостоятельного значения, в синтаксическом плане составляют интонационное и грамматическое единство с предыдущим именем.

Послелоги относятся к неизменяемым частям речи, однако наиболее употребительные послелоги *булан* “с”, *йимик* “как”, “какой” в составе конечно-

го сказуемого принимают личные аффиксы 1, 2 л. ед. и мн. числа, образуя форму сказуемости: *Мен сизин буланман* “Я с вами”; *Сен бизин йимиксен* “Ты такой же, как и мы”.

Практически все послелоги в составе конечного сказуемого могут принимать вопросительную частицу-аффикс *–мы*: *О бизин буланмы?* “Он с нами?” – *О да бизин йимикми?* “Поэтому ты к нам не приходишь?”. *Ону да бою сеники чакъымы?* “И у него рост такой же, как и у тебя?”

Послелоги *булан, берли*, принимая афф. *–гъы, -ги,* образуют совместно с управляемыми именами составные приглагольные: *сени булангъы адам* “человек, который с тобой”, *тезден берлиги танышым* “мой давний знакомый”.

В современном кумыкском языке употребляются следующие послелоги: *булан, учун, йимик, чакъы, саялы, сайын, берли, къайры, таба, гёре, себепли, ерли, башгъа, оьзге, ювукъ, къаршы, гьакъында, алда, узагъында, сонг, кюйде, къарагъанда, къарамайлы, етгинче, башлап, тутуп, уруп, къарап, бойлап, багъып.*

Все послелоги, кроме *булан, учун, йимик*, потерявших вследствие семантических и фонетических изменений связь с исходными основами, имеют прозрачную этимологию и восходят к самостоятельным именам (*чакъы, саялы, сайын, берли, гьакъында, себепли, ерли, къайры*, *узагъында*), наречиям (*сонг*), глаголам-причастиям (*къарагъанда*) и деепричастиям (*таба, гёре, башлап, тутуп, къарап, багъып, бойлап*).

Функционально послелоги делятся на два разряда: собственно послелоги и послелоги-изолированные формы имен, глаголов и наречий.

Разряд собственно послелогов составляют слова, которые употребляются только как послелоги: *булан* “с”, *учун* “для”, *йимик* “как”, “какой”, *чакъы* “столько”, *саялы* “из-за”, *сайын* “с”, *берли* “с”, *къайры* “кроме”, *гъакъында* “о, об”.

Разряд послелогов-изолированных форм составляет ряд имен, глаголов и наречий, которые в определенных условиях выполняют функции послелогов. Послеложными признаками для указанного разряда слов является потеря самостоятельного лексического значения, постпозиция по отношению к управляемому слову, сочетаемость с определенной падежной формой, фонетико-

интонационная несамостоятельность по отношению к предыдущему имени.

Послелоги-имена прилагательные: *ерли* “до”, *себепли* “из-за”, “по причине”, *башгъа* “кроме”, *ювукъ* “к”, “до”, *къаршы* “против”: *ерли мал* “местная порода овец” - *шагъаргъа ерли* “до города”, *себепли къол* “исцеляющая рука” – *сен себепли* “из-за тебя”. *Башгъа адамны гёрдюм* “Я увидел другого человека” – *Сенден башгъа биревню де гёрмеймен* “Кроме тебя, никого не вижу”; *ювукъ къардаш* “близкий родственник” – *юзге ювукъ адам* “около ста человек”; *Мен къаршыман!* “Я против!” – *Магъа къаршы сёйлей* “Говорит против меня, критикует меня”.

Послелоги-причастия: *къарагъанда* “по”, “смотря по”: *Къарагъанда гёрмеймен* “Когда смотрю, не вижу” – *Метеоцентр береген маълуматлагъа къарагъанда, бу ай исси болажакъ* “Судя по сводке метеоцентра, этот месяц будет теплым”.

Послелоги-деепричастия: *башлап* “с”, “от”, *тутуп* “с”, “от”, *уруп* “с”, “от”, *къарап* “смотря”, *къарамайлы* “несмотря”, *багъып* “в”, *бойлап* “по”, *етгинче* “до”.

Слова *башлап* (*башла-* “начинать”), *тутуп* (*тут-* “держать”), *уруп* (*ур-* “бить”) в функции послелога синонимичны и соответствуют русским предлогам “с”, “от”. Выбор конкретного послелога обусловливается стилистическими и семантическими условиями: *тутуп, уруп* употребляются преимущественно в разговорной речи в предложениях с интенсивным действием.

Къарап (къара- “смотреть”): *Киногъа къарап гелдик* “(Мы) пришли, посмотрев кинофильм” – *Таш гёзюне къарап тийген* “Камень попал (прямо) в (его) глаз”.

Къарамайлы: Къарамайлы барасан “Идешь, не оглядываясь” – *Сувукъ экенге де къарамайлы* “Несмотря на холод”.

Багъып (*бакъ-* “повернуться”, “смотреть”): *Гюлайлан гюнге багъып тура* “Подсолнух смотрит на солнце” – *Сагъа багъып гелемен* “Иду к тебе”.

Бойлап (*бойла-* “идти вдоль”, “измерять глубину реки, водоема своим ростом”): *Сувгъа гирип, бойлап чыкъдым* “Я вошел в воду и измерил глубину” – *Оьзен бойлап бара* “Идет вдоль (по берегу) реки”.

Етгинче (*ет-* “достигать”, “дойти”): *Юртгъа етгинче, гиччирек оьзенден*

оьтесен “Не доходя до села, переходишь небольшую речку”. *Башындан башлап ахырына етгинче* “От начала до конца».

Послелоги-наречия*: сонг* “после”, *алда* “, “раньше»: *Сен бар, мен сонг гелермен* “Ты иди, я приду потом” – *Ондан сонг мени ёлум генглешди ва тюзелди* (А.Гъафуров) “После этого мой путь стал шире и лучше”. *Алда сен булай тюгюл эдинг* “Раньше ты не был таким” – *Менден алда мунда бирев де болмагъан* “До меня здесь никто не побывал”.

Значения и употребление послелогов

Послелоги, являясь служебными словами, выражают грамматические значения объекта, пространства и времени, т.е. выполняют те же функции, что и падежные аффиксы.

Отдельные послелоги или группы послелогов выражают определенные грамматические значения, поэтому семантическая классификация послелогов оказывается более последовательной, чем синтаксическая. Часть послелогов в зависимости от контекста может выражать несколько грамматических значений, однако основным, первоначальным является то значение, которое обусловлено значением исходной полнозначной основы. К примеру, для послелога *булан* основным является комитативность, которая обусловлена лексическим значением исходной основы *бир* “один” (*булан* < *бир* + *ле* + *н*).

Комитативный послелог *булан* управляет им. падежом имен и род. падежом личных и указательных местоимений: *ёлдашы булан* “с товарищем”, *мени булан* “со мной”, *сени булан* “с тобой”, *ону булан* “с ним”, *бизин булан* “с нами”, *сизин булан* “с вами”, *муну булан* “с этим”, *шуну булан* “с этим”.

Личное местоимений 3 л. мн. числа *олар* с послелогом *булан* употребляется в им. падеже: *ону булан* “с ним” – *олар булан* “с ними”. Взаимность, совместность, которые выражает послелог *булан*, восходят к идее “единение”, “солидарность”: *Къазияв Али, мен де сизин буланман!* (Къ. Али) “И я, Казияв Али, с вами!”. *Беклигим – халкъымны бирлиги булан* (Ш.Альбериев) “(Моя) сила (букв. “моя крепость”) – в единстве моего народа”.

Все другие грамматические значения и оттенки значений послелога *булан* развились из его основного значения комитативности:

1. Орудийное значение: *Шо мюгьлетде Баташ ону къолларына таягъы*

булан гючю-гючю бар чакъы урду (И.Керимов) “В этот момент Баташ что есть силы ударил своей палкой по его рукам”.

2. Комитативное значение сопровождения, совместности послелога *булан* проявляется при его употреблении с личными местоимениями и именами, обозначающими людей: *Ону булан бирче бир тиштайпа да бар* (Аяв) “С ним была еще одна женщина”. *Шмидт батырны Кренкель батыр булан бир-бирине сейлейгенин эшите* (Аяв) “Слышит, как Шмидт батыр с Кренкель батыром разговаривают друг с другом”. *Ёлдаш булан гетген* “Ушел с товарищем”.

3. Значение пассивного сопровождения: *Портфели де булан гетип бара* “Идет с портфелем”. *Белинде балтасы да булан агъачлыкъгъа багъып гете* “С топором за поясом уходит в сторону леса”.

4. Пространственное значение с обозначением места, по поверхности которого происходит действие: *Йибиген арба ёлну бою булан гетген ёлавчуну аякъ гьызлары эс этиле* (Ч.Айтматов) “Виднеются белые следы путника, который ушел по размокшей аробной дороге”. *Макар агъавдан айрылгъан сонг бавлар булан гелип, уллу ёлгъа чыкъмагъа герек эди* (И.Керимов) “После расставания с дедушкой Макаром надо было, идя садами, выйти на большую дорогу”.

5. Временное значение непосредственного следования действия в сочетании с причастием прошедшего времени на *–гъан, -ген* и именами действия на *–макъ, -мек* в форме принадлежности: *Тюбек атылгъаны булан йыгъылды* “Упал, как только ружьё выстрелило”. *Тургъаны булан сёйлеп йиберди* “Как только встал (он), начал говорить”.

6. Временные и пространственные значения не являются собственными значениями послелога *булан*; они обусловлены его основным значением комитативности и зависят от лексического значения управляемого им имени или глагола: *айтгъаны булан* “как только (он) сказал”, *гелмеги булан* “как только (он) пришел”, *эртен булан* “рано утром”, “с наступлением утра”, *тюш булан* “в полдень”, “как только наступил полдень”.

7. Значение обстоятельственной характеристики действия: *Олар гьар тюрлю къайдалар булан бузну увата эдилер* (М.Мамакаев) “Они разными способами крошили лёд”. *Иштагьы булан ашадылар* “(Они) поели с аппетитом”; *Аста булан йылышды* “(Он) потихоньку придвинулся”.

8. Значение приблизительного подсчета *булан* имеет в сочетании с количественными числительными в форме множественного числа: *онлар булан* “десятки”, “десятками”, *юзлер булан* “сотни”, “сотнями”, *минглер булан* “тысячи”, “тысячами”.

Послелог *булан* в современном кумыкском языке является полифункциональным. Наиболее частым является конверсия *булан* в союз и частицу.

Булан в функции соединительного союза, связывающего однородные члены предложения (обычно подлежащие, обозначающие людей): *Али булан Агьмат бир партада олтуралар* “Али и Ахмед сидят за одной партой”. В названиях произведений кумыкских писателей: *Сотав булан Рашия* (Аткъай) “Сотав и Рашия”, *“Давуд булан Лайла”* (Н.Батырмурзаев) “Дауд и Лайла”.

В функции союза *булан* эквивалентен соединительному союзу *ва*, заимствованному из арабского языка. В названиях произведений, восходящих к общемусульманским сюжетам, употребляется только *ва*: *“Лайла ва Мажнун”* “Лейла и Меджнун”, *“Дагьир ва Зугьра”* “Тагир и Зухра”. Другой отличительной особенностью *булан* в функции союза сравнительно с *ва* является то, что он не употребляется в качестве средства связи между частями сложного предложения.

В сочетании с причастием прошедшего времени на *–гъан, -ген булан* употребляется в функции противительной частицы: *Ургъан булан савут оьтмей гюбеден* (Й.Къазакъ) “Хотя и ударишь, но оружие не пробивает кольчугу”; *Чакъыргъан булан ол гелмеди* “Хотя и пригласили, он не пришел”.

Употребление послелога *булан* в значении противительной частицы обусловлено отсутствием у причастий на *–гъан, -ген* значения предметности.

Обе указанные функции послелога *булан* являются вторичными и исходят из его основных значений комитативности и орудийности.

Послелог *учун* управляет именительным падежом имени существительного и родительным падежом личных и указательных местоимений: *яшав учун* “ради жизни”, *сени учун* ”ради тебя”, *шуну учун* “ради этого”, “из-за этого”. Данный послелог выражает целевые (в сочетании с именем действия на *–макъ, -мек*), причинные отношения и отношения назначения.

Целевые отношения: *Бугюнгю жыйынны биз шо гьакъда ойлашмакъ учун*

чакъыргъанбыз (Ш.Альбериев) “Сегодняшнее собрание мы созвали с целью подумать об этом”. *Мен де гьали оланы эсине шону салмакъ учун айтгъан эдим бу сёзлени* (А.Сулейманов) “И я сейчас сказал эти слова с целью напоминать им об этом”.

Причинные отношения *учун* выражает в сочетании с причастием прошедшего времени на *–гъан, -ген* в форме принадлежности: *Ихтиярсыз гетгенинг учун такъсырланажакъсан* “Будешь наказан за то, что ушел без разрешения”.

Отношения назначения: *Ватан учун жанын берген уланлар* (К.Султанов) “За Родину жизни свои отдали парни”. *Сени учун юрегимни сюювюн аз гёремен* (А.Сулейманов) “Любовь моего сердца к тебе (я) считаю недостаточной”.

В сочетании с причастием прошедшего времени без аффиксов принадлежности *учун*, как и послелог *булан*, выражает противительное значение и выполняет роль частицы: *Тилеген учун да ол бермес* “Хотя и попросишь, он не отдаст”. *Сюйген учун не пайда, аллагь язык язмаса* (фольк.) “Что оттого, что полюбишь, если не судьба”.

Послелог *йимик* управляет всеми падежами и выражает компаративные (сравнительные, сопоставительные, уподобительные) отношения: *Мен де сизин йимик бир адамман* Аяв) “И я такой же человек, как и вы”; *Гьар батып барагъан гишиге йимик, бугъар да илинмеге бир зат тарыкъ эди* (И.Хамав) “Как всякому утопающему человеку, и ему нужно было нечто такое, за что можно было бы зацепиться”.

В сочетании с причастиями и прилагательными *йимик* выражает недостаточность действия, признака или притворство. Данное значение послелога является вторичным и обусловлено основным его значением и контекстом: *Сюер йимик гьалынг ёкъ* (фольк.) “В тебе нет ничего такого, чтобы можно было полюбить”. *Тойгъанда йимик болдукъ* “(Мы) как будто наелись”. *Юхлайгъанда йимик бола, тек бары затны эшитип тура* (И.Керимов) “Делает вид, что спит, но все слышит”.

Сравнительно-уподобительные отношения выражаются также послелогом *кюйде.* В отличие от *йимик*, который выражает как определительно-компаративные, так и обстоятельственно-компаративные отношения, послелог

кюйде, сочетаясь с причастиями, выражает только обстоятельственно-компаративные отношения: *Айтгъан кюйде болмаса, болгъан кюйде этербиз* (фольк.) “Если не получится так, как хочется, то сделаем так, как можется”.

Послелог *сайын* управляет им. падежом и выражает регулярно повторяющиеся промежутки времени (при именах с временным значением) и регулярно повторяющиеся действия (при причастиях): *Халкъны яшаву гюн сайын яхшылаша* (“Ленин ёлу”) “Жизнь народа с каждым днем улучшается”. *Тав башда булакъ ата, алгъан сайын суву арта.* (Гь.Анвар) “На вершине горы ключ бьет, с каждым разом, как берешь, вода его прибывает”.

При непереходных причастиях послелог *сайын* выражает постепенное развертывание действия: *Чиракъ ярыкълар баргъан сайын сийрек бола* (М.Ягьияев) “Огни ламп постепенно редеют”.

В старом стиле, обычно в фольклорных произведениях, встречаются случаи, когда послелог *сайын*, сочетаясь с именами в форме принадлежности, выражает количественные отношения: *Тигивлери сайын алай окъ тийсин, Тюймелери сайын алай топ тийсин!* “Пусть попадет стрела в каждый шов, пусть попадет ядро в каждую пуговицу!”

Каузативные послелоги *саялы, гёре, сёбепли* выражают причинные отношения.

Послелог *саялы* управляет им. падежом: *Сен саялы тюгюлмю мени шулай азгъаным?* (фольк.) “Не из-за тебя ли я так похудел?”. *Бары да шу макъ-тавлу ишлери саялы Тимур Темтековну институтну битдирген сонг алим этмек учун кафедрада къоймакъ гёз алгъа тутулгъан* (И.Хамав) “За все эти славные дела предполагается Тимура Темтекова после окончания института оставить на кафедре с целью сделать из него ученого”.

Послелог *гёре* управляет дат. падежом. Дат. падеж и без послелога *гёре* может выражать каузативные отношения, послелог усиливает и подчеркивает эти отношения: *Юреги парахат болгъангъа гёре, бу гече татли кюйде юхлап, эртен сагьат сегизге турду* (А.Къурбано) “Благодаря тому, что на сердце было спокойно, эту ночь, сладко поспав, он встал в восемь часов утра”.

Каузативные отношения данный послелог выражает в сочетании с причастиями. В сочетании с именами существительными *гёре* имеет отсылочное

значение, выражает источник информации: *Ахшам берилген буйрукъгъа гёре сав гюн къавшалгъан асгерлер уьйлеге, сарайлагъа гирип сыйынгъан* (М.Ягьияев) “Согласно приказу, отданному вечером, уставшие за день марша войска приютились в домах, сараях*”. Юртлардан гелеген маълуматлагъа гёре, чачыв бары да хозяйстволарда башланып битген* “По сведениям, поступающим из сел, сев начался во всех хозяйствах”.

В функции выражения источника информации синонимом *гёре* является послелог *къарагъанда: Метеоцентр береген маълуматлагъа къарагъанда, сувукъ болажакъ* (“Ленин ёлу”) “Судя по сводкам метеоцентра, будет холодно”.

Синонимичные послелоги *башгъа, оьзге, къайры* управляют исходным падежом и выражают значения изоляции и исключения: *Колхозну, будайларындан башгъа, оьзге культуралар да аз тюгюл* (А.Къурбанов) “У колхоза, кроме пшеницы, еще немало и других культур”; *Менден башгъа неме де ёкъ, денгиз уьстде геме де ёкъ.* (фольк.) “Не существует ничего, кроме меня, нет даже кораблей на море!”.

Послелоги *башгъа, оьзге,* которые являются изолированными формами дат. падежа существительного *баш* “голова” и местоимения *оьз* “свой”, употребляются и с падежными аффиксами, в том числе с аффиксом дат. падежа: *Менден оьзгеге барсанг, ун тёкмегин сюнкюге!* (фольк.) “Если выйдешь замуж за другого, да не насыпать тебе муки в корыто!”. *Гьеч гёзюм къарамай сенден башгъагъа* (фольк.) “(Я) никак не обращаю внимания на другую”.

Послелог *ювукъ* (< прилагательное *ювукъ* “близкий”) управляет дат. падежом и выражает приблизительный подсчет: *онгъа ювукъ* “около десяти”, *юзге ювукъ* “около ста”, *эллиге ювукъ охувчу* “около пятидесяти учеников”.

Послелоги *къаршы, къарамайлы*, управляющие дат. падежом, выражают противительные отношения: *Магъа къаршы турмагъа Бармы сени гьюнеринг?* “Состязаться со мной есть ли у тебя умение?”. *Акъсакълыгъына къарамайлы, ол бизден артда къалмай юрюй эди* “Несмотря на свою хромоту, он шел, не отставал от нас”.

Послелог *гьакъында*, управляющий род. падежом, обозначает предмет речи: *Мен сенден бир батыр сорай гелгенмен, шону гьакъында билегенинг айтсана.* (Гь.Анвар) “Я пришел спросить тебя об одном батыре, скажи-ка о нем то,

что знаешь”.

Послелоги *сонг, берли*, управляющие исх. падежом, и послелог *узагъында*, управляющий род. падежом, выражают временные отношения.

Служебные имена

Служебные имена – имена с различными пространственными значениями, которые в определенных условиях выступают в функции послелогов.

В функции служебных употребляются следующие имена: *уьст* “верх”, “верхняя часть”, *тюп* “низ”, “нижняя часть”, *баш* “голова”, “начало”, “вершина”, *ич* “нутро”, “внутренняя часть”, *ал* “перед”, “передняя часть”, *арт* “зад”, “задняя часть”, *якъ//ян* “сторона”, *ягъа* “берег”, “край”, *къырый* “край”, *тувра* “прямой”, “прямо”, *къаршы* “протиположный”, *ювукъ* “близкий”, *бой* “рост”, “протяжение”, *ара* “промежуток”, *айлана* “окружение”, *орун* “место”.

Наиболее активные в роли служебных имен слова *уьст, тюп, ич, ал, арт* в форме им. падежа без аффиксов принадлежности употребляются обычно в сочетании с именами *якъ//ян, бет: уьст ягъы* “верхняя сторона”, *тюп ягъы* “нижняя сторона”, *ал ягъы, ал бети* “передняя сторона”, *арт ягъы* “задняя сторона”. Вне таких сочетаний указанным именам сопутствует форма принадлежности 3 л.: *Уьстю – кюлкю, тюбю – гёзьяш* (Н.Ханмурзаев) “Верх – смех, низ – слёзы”. *Уьстю - яшыл япыракъ, ичи - къызыл опуракъ* (фольк.) “Верх – зеленые листья, нутро – красная одежда”. *Алды – тав, арты – денгиз* “Передняя сторона – гора, задняя сторона – море”.

Обязательными условиями служебного употребления для всех указанных выше имен являются: управление род. падежом, наличие формы принадлежности, наличие формы одного из пространственно-временных падежей: дательного, местного и исходного. Таким образом, употребление служебных имен синтаксически ограничено формой изафета III и, реже изафета II, если первый компонент выражает дефинитивность*: тавну башында, тав башында* “на горе”, “на вершине горы”, *столну уьстюнде* “на столе”, *столну уьстюне* “на стол”, *столну уьстюнден* “со стола”, *столну тюбюне* “под стол”, *столну тюбюнде* “под столом”, *столну тюбюнден* “из-под стола”, *яшикни ичине* “в ящик”, *яшикни ичинде* “в ящике”, *яшикни ичинден* “из ящика” и т. д. все служебные имена, за исключением *бой*, который в функции служебного имени употребля-

ется в изафетном сочетании (*йылны боюнда* “в течение года”), вне этих условий являются самостоятельными словами:

Простыми именами в им. падеже в форме принадлежности: *уьстю* “верх”, *тюбю* “низ”, *ягъасы* “край”, “берег”, *башы* “вершина”, “начало”.

Составными именами в сочетании друг с другом: *тюп ягъы* “нижняя сторона”, *уьст ягъы* “верхняя сторона”, *ал ягъы* “передняя сторона”, *ич ягъы* “внутренняя сторона”.

Частью составных имен в форме изафета I: *тав баш* “вершина горы”, *тав башда* “на вершине горы”, *тав тюп* “подножье горы”, *тав тюпде* “у подножья горы”, *юрт ягъа* “околица”, *юрт ягъагъа* “на околицу”, *юрт ягъада* “на околице”.

Изолированными наречиями места или места и времени: *башда* “сначала”, “раньше”, “впереди”, *алда* “раньше”, “впереди”, *артда* “потом”, “сзади”, *ювукъда* “скоро”, “вблизи”; в формах местно-временных падежей вне изафетных конструкций: *тюпде* “внизу”, *уьстде* “наверху (чего-то)”, *ягъасында* “на берегу, сбоку”.

Служебные имена, употребленные без первого компонента изафета III, приобретают лексическую и синтаксическую самостоятельность и выполняют функцию наречий: *Алдындан барсанг, къучакълай, артындан барсанг, бичакълай* (фольк.) “Спереди пойдешь – обнимет, сзади пойдешь – ножом режет (говорит о тебе плохое)”; *Уьстюнден йыртыллай, ичинден къартыллай* (фольк.) “Сверху блестит, внутри дрожит”.

В семантическом плане служебные имена выражают разные пространственные отношения, соотнесенные с различными частями, плоскостями определенного объекта (*наверху, внизу, около, вокруг, сзади, спереди, внутри, напротив*). Н. К. Дмитриев отмечает имена горизонтального плана: *ич, тыш, ал, арт, ян* и имена вертикального плана: *уьст, тюп.*

Общее пространственное значение у всех служебных слов одинаково, а обусловлено это значениями дат., мест. и исх. падежей. Различия между значениями отдельных служебных слов заключается в указании каждым из них на конкретную часть или плоскость предмета.

ЧАСТИЦЫ

Частицы – неизменяемые служебные слова, которые придают отдельным словам или целым предложениям различные логико-смысловые и модальные значения и оттенки. В синтаксическом плане частицы примыкают к тому слову, значение которого они дополняют или видоизменяют. Частицы в кумыкском языке являются чрезвычайно широкоупотребительной и богатой в смысловом отношении частью речи. Ниже частицы кумыкского языка описываются по следующим классификационным признакам: по степени грамматикализации, по позиции, по отношению к другим частям речи, по функции и по значению. Последний признак является главным для установления функционально-грамматической природы частиц.

I. По степени грамматикализации в плане морфологического развития различаются:

а) частицы-аффиксы, имеющие сингармонические варианты в зависимости от фонетической структуры предыдущего слова: *чы, чи, чу, чю; да, де; -сана, -сене, -гине; -мы, -ми, -му, -мю; -дыр, -дир, -дур, -дюр;*

б) частицы-слова: *инг, чинк, лап, тап, оьтесиз (оьте), не, бир, бек, эпсиз, залим, гьатта, сама, янгыз, гьеч, тюгюл, ёкъ, дюр, хари, дагъы, гьали, гьона, муна, эсе; айрокъда, хасокъда, ажайып, гьайран, яман, яманокъ, чыт, зыр, къап, шолай да, къой, гел (гелигиз), ал, гёр.*

II. По позиции, занимаемой частицами по отношению к основному слову, различаются три группы частиц:

а) препозитивные частицы: *инг, чик, чинкде, лап, тап, не, бир, оьтесиз (оьте), эпсиз, гьеч, янгъыз, ажайып, алай, гьайран, яман, яманокъ, чыт, зыр, къап, айрокъда, бек.*

б) постпозитивные частицы: *чы, да, сама, -окъ, гине, -мы, тюгюл, хари, дагъы, -сана, гьали, -дыр, эсе.*

в) обособленные частицы: *ёкъ, дюр, она, муна, къой, гел, ал, гёр.* Данные частицы, относясь ко всему предложению, интонационно обособляются: *Ёкъ, таш тюгюл юрегим* (Ж.Керимов) «Нет, не камень мое сердце». *Дюр, мен гесемен, сен де гесесен* (Гь.Анвар) «Да, я режу, и ты режешь». *Муна, тура эки де жан къыйылма* (У.Ибрагьимова) «Вот, вот-вот оборвутся две жизни». *Ал, бу хабар къадиге етише* (Аяв) «Так (возьмись), эта весть доходит до кадия». *Гел,*

биз онда бармайыкъ «Давай, мы не пойдем туда». *Къой, йырларым яшмынлардай яшнасын* (У.Ибрагьимова) «Пусть песни мои сверкают как молнии».

Препозитивные частицы выделяются не во всех грамматиках тюркских языков. В «Грамматике современного якутского литературного языка» даже особо подчеркивается, что частицы могут быть только постпозитивными, ибо агглютинативный строй определяет постпозитивное употребление служебных слов. Не оспаривая данное мнение в отношении якутского языка, следует, возможно, подходить к выделению препозитивных частиц дифференцированно. В таких языках, как кумыкский, татарский, азербайджанский и др., где имеется значительная группа экспрессивных приименных служебных слов, служащих для усиления значения (обычно для усиления признака), выделение препозитивных частиц вполне оправдано. Тот факт, что экспрессивно-усилительный элемент, образующий превосходную степень, предшествует самому признаку, не противоречит, по нашему мнению, агглютинативному строю тюркских языков.

В некоторых случаях позиция является тем признаком, по которому определяется употребление знаменательных слов в функции частицы. Например, *гьали* в препозиции – наречие: *гьали къой* «сейчас оставь», в постпозиции – частица: *къой гьали*! «оставь-ка».

III. По отношению к другим частям речи различаются две группы частиц:

Собственно частицы. Сюда относятся слова, которые употребляются только в роли частиц. Среди собственно частиц выделяются: 1) первообразные, к которым относятся частицы, происхождение которых не устанавливается по морфемному составу: *гьатта, инг, чинк, тап, лап, сама, -гине, -окъ, -мы, гьеч, -дюр, -сана, хари, -дыр, чыт, зыр, къап;* 2) частицы-изолированные формы прилагательных: *эпсиз, оьтесиз, яманокъ, айрокъда,* местоимений: *гьона, муна,* наречий: *алай, шолай да*, глаголов: *эсе (< эр+се;* ср.: *эди < эр+ди, экен < эр+кен).* Эти прилагательные, местоимения, наречия и глаголы полностью перешли в разряд частиц и в современном языке самостоятельно не употребляются.

Изолированные формы имен прилагательных: *ажайып* «удивительный», *яман* «плохой», числительных: *бир* «один», местоимений: *не* «что», наречий:

бек «крепко», *янгыз* «один», «одиноко», *дагъы* «больше», *дагъы да* «еще», *гьали* «сейчас», глаголов: *ал* «бери», *къой* «оставь», *гел* «приходи», *гёр* «посмотри», модальных слов: *ёкъ* «нет», «отсутствует», которые, наряду с функциями знаменательных слов, выполняют также функции частиц. Слова *ажайып, яман, бир, не, бек, янгыз, дагъы да* в функции частиц выражают экспрессивно-усилительные значения и произносятся также с экспрессивной интонацией: *ажайып адам* «удивительный человек» – *ажайып яхшы адам* «удивительно хороший человек»; *яман хасият* «плохой характер» – *яман чалт сёйлей* «Слишком быстро говорит»; *бир китап* «одна книга», «какая-то книга» – *Бир тизив китап дагъы!* «Очень хорошая книга»; *Не китапдыр?* «Что за книга?» – *Не яхшы китапдыр!* «Какая хорошая книга!». *Бек байла!* «Крепко привяжи» – *Бек яхшы»* «Очень хорошо!». *Янгыз тура* «Живет один» – *Бу уьйде янгыз ол тура* «В этой комнате живет только он». *Дагъы да гел* «Приходи еще» – *Дагъы да яхшы!* «Тем лучше!»

Удвоение согласного в слове *яман (ямман)* и перенос ударения в слове *янгыз* на начальный слог (*янгыз*) также являются признаками частиц.

Семантические группы частиц

Классификация частиц по семантическому признаку является наиболее плодотворной при их функционально-грамматической характеристике. Вместе с тем, такая классификация представляет определенные трудности вследствие, во-первых, полисемантичности многих частиц и, во-вторых, расплывчатости понятий модальности-немодальности в применении к частицам.

В грамматиках тюркских языков обычно различают две семантические группы частиц: логико-смысловые и модальные. Сохраняя для кумыкского языка данную классификацию, мы считаем целесообразным ограничить круг модальных частиц частицами, выражающими собственно модальные значения повеления, просьбы, предположительности, побуждения и сожаления.

Логико-смысловые частицы

Группу логико-смысловых частиц составляют частицы, выражающие усилительные, ограничительные, выделительные, уточнительные, сравнительные, указательные, присоединительные отношения. Сюда же мы относим вопросительные и отрицательные частицы, считая, что они в своей прямой функ-

ции не выражают собственно модальных значений. Логико-смысловые частицы по оттенкам значений делятся на несколько групп.

Усилительные частицы

Частицы *инг, чинк, чинк де, лап, оьтесиз (оьте), бек, эпсиз, ажайып, гьайран* образуют превосходную степень прилагательных: *яхшы* «хороший» – *инг яхшы, чинк яхшы* «самый хороший», *чинк де яхшысы* «самый хороший из всех», *лап яхшы* «очень хороший»; *къуймур* «кокетливая» – *оьте (оьтесиз) къуймур* «очень кокетливая»; *арив* «красивый» – *бек арив, эпсиз арив, ажайып арив* «очень красивый»; *тюз* «правильный» - *гьайран тюз* «очень правильный», «очень правильно». Все усилительные частицы синонимичны, различаются же они частотой употребления. Наиболее часто употребляются частицы *инг, лап, чинк, чинк де, бек.*

Употребление частиц *яман, чыт, зыр, къап* ограничено.

Яман усиливает значение наречий *бек* «крепко», «сильно» и *кёп* «много»: *яман бек тайгъакъ* «сильно скользко», *яман кёп сёйлей* «слишком много говорит».

Постпозитивная чатица -*окъ* выражает усиление при местоимении *оьзюм* «я сам»: *оьзюмокъ* «я и сам», при существительных со значением времени; *эртен* «утро» – *эртенокъ* «рано утром», «еще утром», *ахшам* «вечер» - *ахшамокъ* «ранним вечером», «еще вечером», *май айданокъ* «еще с мая месяца». Для усиления значения –*окъ* употребляется также и с деепричастиями на –*ып*: *Гетибокъ да къалды* «Совсем ушел»; «Неожиданно ушел».

Наиболее характерной функцией для частицы –*окъ* является выражение непосредственного следования одного действия за другим при причастиях на –*гъанда*, -*генде*: *алгъандокъ (< алгъанда+окъ) гетди* «он ушел, как только взял», *гелгендокъ (<гелгенде+окъ) айтды* «сказал, как только пришел». В современном языке формы типа *алгъандокъ* рассматриваются как деепричастия со стяженным аффиксом – *гъандокъ, гендокъ* (по Ю.Д.Джанмавову – *докъ)* в данных случаях –*окъ* (как частица не выделяется).

Ограничительно-выделительные частицы

Постпозитивная частица-аффикс –*гине* выражает уменьшение признака или ограничение количества и употребляется со словами *бир* «один»: *биргине,*

обычно в сочетании *биргине бир* «только лишь один», *аз* «мало» – *азгине* «самая малость», *гьали* теперь», «сейчас» – *гьалигине* «вот-вот», «вот скоро».

Частица *сама* выражает ограничение и выделение с оттенком уступительности, сочетается с именами, местоимениями, наречиями, деепричастиями на –*ып* и инфинитивами: *Алтын сама тюгюлмю?* «Не золото ли это?». *Сен сама тюгюлмюсен бизин къонакъ Гьажияв?* (фольк.) «Не ты ли будешь наш гость Гаджияв?». *Бир сама гелип къара «*Приходи и посмотри хоть один раз». *Сувукъ сама тюгюлмю*? «Не холодно ли?». *Къалып болмай бусанг, гетмеге сама гет* «Если не можешь оставаться, то хотя бы уходи (что ли)».

Ограничительно-выделительная частица *янгыз* употребляется перед именами и местоимениями: *Мунда янгыз ишчилер яшай* «Здесь живут только рабочие». *Шону янгыз мен билемен* «Это знаю только я».

Частица *айрокъда* выражает выделение при вводных словах и предложениях: *Дагъыстанда, айрокъда Дербент районда, юзюмчюлюк – аслу тармакълардан бириси* «В Дагестане, особенно в дербентском районе, виноградарство – одна из основных отраслей».

Айрокъда перед прилагательными выражает усиление: *Бугюн эртен чи айрокъда аяз* (К.Абуков) «Сегодня утром особенно морозно».

Частица *хасокъда* употребляется в той же функции, но реже.

Сравнительная частица *эсе* употребляется постпозитивно с именами, местоимениями, именными формами глагола в исходном падеже: *Тюзден эсе тавларда салкъын* «В горах прохладнее, чем на низменности». *Сенден эсе мен уллуман* «Я старше тебя». *Баргъандан эсе къалгъан къолай* «Чем пойти, лучше остаться».

Форма исх. падежа сама по себе, без *эсе*, выражает сравнение, частица употребляется при необходимости усиления сравнительного значения.

Условная частица *буса* является универсальной по отношению к частям речи, она употребляется со всеми знаменательными частями речи,

а также с послелогами и некоторыми модальными словами: *о учитель буса* «если он учитель», *исси буса* «если тепло», *олар экев буса* «если их двое», *сен бусанг* «если (это) ты», *мен бусам* «если (это) я», *ол яяв буса* «если он пеший», *ол да сени йимик буса* «если он такой же, каким являешься ты», *тарыкъ буса* «если нужно».

В сочетании с временными формами частица *буса* образует сложные формы условного наклонения: *ала буса* «если (он) берет», *алгъан буса* «если (он) взял», *алажакъ буса* «если он возьмет».

Об употреблении *буса* в роли союза было сказано выше. Частица *буса*, в отличие от союза *буса*, изменяется по лицам: *ала бусам* «если (я) беру», *ала бусанг* «если (ты) берешь», *ала буса* «если (он) берет».

Утвердительная частица *дюр* выполняет следующие функции:

а) употребленная обособленно в начале предложения, выражает утверждение по отношению ко всему высказыванию: *Дюр, иш шолай* «Да, дело обстоит именно так»;

б) употребленная после частиц *да, де: чы, чи, чу, чю,* выполняет функцию аффикса сказуемости *–дыр, -дир, -дур, -дюр: Къыз да дюр, юлдуз да дюр, Гюн йимик къувлуп яна* (Аяв) «Она и девушка, она же и звезда, сверкая, горит как солнце». *Сувукъ чу дюр, тек чыдамагъа ярай* «Холодно-то холодно, но можно терпеть».

Отрицательные *частицы ёкъ, тюгюл, гьеч.*

Слово *ёкъ* в функции частицы употребляется обособленно в начале предложения: *Ёкъ, мен бу ишни булай къойман!* «Нет, это дело я так не оставлю!»

В указанной функции слово *ёкъ* антонимично частице *дюр*.

При самостоятельном употреблении в функции сказуемого *ёкъ* является модальным словом: *Китабы ёкъ* «У него нет книги».

Частица *тюгюл* образует отрицательную форму имен, местоимений и модальных слов: *учитель – учитель тюгюл* «не учитель», *яхшы* «хороший//хорошо» - *яхшы тюгюл* «не хорошо», *менмен* «это я» – *мен тюгюл-*

мен «это не я», *герек* «надо», «нужно» - *герек тюгюл* «не надо», «не нужно».

При личных местоимениях в позиции сказуемого *тюгюл* принимает аффиксы сказуемости: *мен тюгюлмен* «не я», *сен тюгюлсен* «не ты».

Частица *тюгюл* в сочетании с модальным словом *ёкъ* «нет» отрицает отрицание, и все сочетание *ёкъ тюгюл* выражает значение *бар* «есть»: *Акъчасы ёкъ тюгюл, харжламагъа сюймей* «Деньги у него есть, но не хочет расходовать».

Частица *гьеч* употребляется как отрицание при местоимениях *ким* «кто», *не* «что», *бирев* «кто-то», «некто»: *гьеч ким* «никто», *гьеч не* «ничто», *гьеч бирев* «никто», «никого». При глаголах-сказуемых в отрицательной форме *гьеч* служит для усиления отрицания: *Гьеч билмеймен, неге булай ойдасан* (фольк.) «И вовсе не знаю, почему ты так задумчива».

Вопросительная частица-аффикс *–мы, -ми, -му, -мю* в смысле сочетаемости является универсальной. Она употребляется при всех частях речи, в том числе при вспомогательных: *охувчуму?* «ученик ли (он)?», *яхшымы*? «хорошо ли?», *сенмисен?* «ты ли?», *гетебизми?* «уходим ли?», *бизин буланмы?* «с нами ли?»

Во всех случаях, кроме форм 2 л. ед. и мн. числа, *-мы, -ми, -му, -мю* является постпозитивной. В форме 2 л. ед. и мн. числа *–мы, -ми, -му, -мю* ставится перед личным аффиксом: *студентмисен*? «студент ли (ты)?», *аламысан* «берешь ли (ты)?», *аламысыз?* «берете ли (вы)?»

Модальные частицы

В эту группу мы включаем частицы, выражающие собственно модальные значения просьбы, волеизъявления, предположительности и сомнительности.

Частицы *хари, дагъы, гьали,* частица-аффикс *–сана, -сене* выражают просьбу. В этой функции указанные частицы употребляются с глаголами повелительного наклонения, при этом *хари, дагъы* образуют сложные формы желательного наклонения: *ал* «бери» – *ал хари* «бери-ка», *гел*

«приди» – *гел хари* «приди-ка», *къой* «оставь» – *къой дагъы* «оставь-ка», *тай* «отойди» – *тай гьали* «отойди-ка».

Частица *дагъы* в устной речи часто произносится сокращенно в виде *да* (*гел да*) с долгим [*а*].

Частица *дагъы* в диалогической речи в сочетании с глаголами повелительного наклонения выражает дозволение, допустимость: *Мен гетейимми?* «Мне уйти?» – *Гет дагъы* «Ну иди».

Для усиления просьбы частицы *дагъы, хари* употребляются совместно: *Гел дагъы хари* «Приходи, пожалуйста».

Частицы *дагъы, хари* выражают *просьбу* в сочетании с глаголами повелительного наклонения. В сочетании с другими формами глагола и другими частями речи, в том числе частицами, они многозначны.

Частица *дагъы* выражает: 1) вопрос: *Сен гелмейсен дагъы?* «Разве ты не идешь?»; 2) удивление: *Нени сорайсан дагъы!* (И.Керимов) «О чем же ты спрашиваешь!»; *Шо адам сенсен дагъы?* «Значит, тот человек – это ты?»; 3) сожаление: *Огь, арба гетип бара дагъы!* (И.Хамав) «Эх, арба уходит!»; *Гетип къалды чы дагъы* «(Он), ушел же ведь»; *Олар кёп чю дагъы* «Их же много ведь»; 4) безразличие*: Гетигиз дагъы. Мен сизин тутуп тураманмы?* (И.Хамав) «Ну и идите. Разве я вас держу?»

Частица хари выражает: 1) удивление*: Гъуя, айтмагъандыр хари!* (А.Сулейманов) «Боже мой, неужели (он) это говорил!»; 2) недовольство: *Шу хараба танышлыкъ бизде гьали де нече де гючлю хари* (А.Сулейманов) «Этот проклятый протекционизм у нас еще очень силен»; 3) удовлетворение, радость: *Бизин бир-бир яхшы адатларыбыз бар хари* (М.Абуков) «Есть у нас некоторые хорошие обычаи»; *Йыгъылгъан ябушувдан тоймас деп, тюз айтылгъан хари* (А.Сулейманов) «Как верно сказано, что побежденный не насытится борьбой».

Частица гьали может выражать не только просьбу, но и модально-волевое значение побуждения: *Айтыгъыз гьали, айт!* (И.Хамав) «Говорите же, говорите!».

Модально-волевая частица *чы, чи, чу, чю* служит для усиления или, наоборот, смягчения приказания при глаголах повелительного наклонения: *Ананг сююнгюр балам, Ал чы къолунга къалам!* (Абусуфьян Акаев) «Да возрадуется твоя мать, дитя мое, бери-ка в руку ручку!»; *Гел чи мунда, гюлюм-чечегим!* (И.Казиев) «Иди-ка сюда, роза мая!»; *Тай чы, къарайым!* (И.Казиев) «Уйди-ка, посмотрю!»

При других формах глагола и других частях речи частица *чы* выражает следующие собственно модальные значения: 1) очевидность*: Сен сюйгенге бермеге шартыбыз бар чы* (М.Абуков) «Мы же условились выдать тебя за любимого»; 2) уступительность*: Телефон булан чы сёйлей, тек гелмеге бети ёкъ энни* (Б.Атаев) «По телефону-то разговаривает, но прийти не смеет»; 3) вопрос*: Охув да, англав да, билим де ахыры бар затлар тюгюл чю? – Тюгюл* (М.Абуков) «И учеба, и понимание, и знание – это ведь вещи, не имеющие предела? – Да».

Частица-аффикс *–дыр, -дир, -дур, -дюр* выражает неопределенность, неуверенность, предположительность: *Бёрклерин де, балики, бизге къойгъандыр?* (А.Гьамитов) «Может быть, и шапки свои они нам оставили». *Къызынга гьали янгы плащлардан алмагъа сюесендир* (М.Абуков) «Наверное, (ты) хочешь купить (своей) дочери из новых плащей».

Глаголы *къой* «оставь», *ал* «бери», *гел* «иди сюда» в форме 2 л. ед.ч. повелительного наклонения могут выполнять в предложении функцию модально-волевых частиц. В таком случае указанные слова употребляются в начале предложения и обособляются, приближаясь к вводным словам.

Къой в функции частицы употребляется в побудительных предложениях для выражения модально-эмоционального значения допущения*: Къой, йырларым яшмынлардай яшнасын* (У.Ибрагьимова) «Пусть мои песни сверкают, как молнии».

Гел, гёр служат для выражения призыва, побуждения к действию:

Мунда яхшы тюгюл. Гел, биз гетейик «Здесь плохо. Давай-ка мы уйдем».

Деепричастия *салып* (*сал-* «класть»), *алып* (*ал-* «брать»), *уруп* (*ур-* «бить»), *басып* (*бас-* «давить»), *гелип* (*гел- «приходить»)* и парное сочетание *гелип-, -салып* могут употребляться в функции частиц. Указанные слова в функции частиц выражают интенсивное усиление действия с модальными оттенками изумления, восхищения: *Булар охувгъа машгъул болалар; зурнайчы, межитге гирип, салып бувун-бувунун ойнатып согъуп йибере* (Аяв) «Они занимаются чтением, а зурначи, войдя в мечеть, как начнет играть!». *Агь, шонда муну алып къысып йибермесинмилер!* (М.Абуков) «Ах, как прижали его тогда!». *Басып йылап йиберди* «Вдруг начал плакать!». *Уруп гючлю янгур явуп йиберди* «Вдруг как начал идти сильный дождь».

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Модальные слова служат для выражения волеизъявления или отношения говорящего к объективной действительности. Модальные слова являются лексическим средством выражения субъективно–объективных отношений.

По своим синтаксическим функциям модальные слова в кумыкском языке делятся на три группы.

1. Модальные слова *балики* “возможно”, *озокъда* “конечно”, *гертилей де//гертилей* “на самом деле”, *айгьай//айгьай да* “разумеется”, “несомненно”, *тюзю* “правда”, “по правде говоря”, *къарагъанда* “судя по всему”.

2. Модальные слова *бар* “есть”, *ёкъ* “нет”, могут выполнять функции всех членов предложения, однако преимущественной их функцией является функция сказуемого.

Подлежащее и сказуемое: *Барым бар, ёгъум ёкъ* (фольк.) “Что имею, то имею, чего не имею, того не имею”; *Байлыгъы бар, намусу ёкъ* (фольк.) “У него богатство есть, совести нет”.

Определение: *Емиши бар терек алаша герек, Гьаман оьрге багъар емишсиз терек* (А. Акаев) “Дерево с плодами должно быть низким, дерево без

плодов все время тянется вверх”. *Ёкъ ундан этген чапелек йимик* (фольк.) “Как лепешка, испеченная из кончающейся муки”.

Дополнение: *Барын берген байгъа санлыкъ.* (фольк.) “Отдавший то, что имеет, все равно что богач”. *Ёкъну герек тапдырыр* (фольк.) “Нужда заставит найти то, чего нет”.

Обстоятельство: *Барда башын чюер, ёкъда къашын тюер* (фольк.) “Когда есть, высоко поднимает голову, когда нет, хмурит бровь”.

Иногда *бар* грамматикализуется и употребляется в качестве вспомогательной части составного сказуемого. В таких случаях *бар* выполняет ту же функцию, что и аффикс сказуемости *дыр*: *Мени йимик бир талайсыз сен де бар!* (фольк.) “И ты такой же несчастный, каким являюсь я!”; *Языкъланы яшлай башын тас этип, йибермеге шавхал бийим уста бар* (Й. Къазакъ) “Шавхал бий – мастер губить обездоленных еще в юности”. Для терского диалекта указанная функция *бар* является обычной: *Яхшы бар* “хорошо”, *яман бар* “плохо”.

Модальные слова *болма ярай, буса ярай* “может быть”, *бугъай, ошай* “кажется”, *экен* “оказывается” употребляются в составе именного или глагольного сказуемого в качестве его спрягаемой части: *Ол къайтгъан болма ярай* “Он, вероятно, возвратился”; *Ол сагъа айтгъан бугъай* “Он, кажется, тебе сказал”; *Сен гечикгенге ошайсан* “Похоже, ты опоздал”; *Мунда яхшы бугъай* “Кажется, здесь лучше”; *Охугъан экенсен* “Оказывается, ты уже прочитал”; *Сиз экенсиз* “Это, оказывается, вы”.

Синонимичные в лексическом и синтаксическом плане модальные слова *герек, тарыкъ* в сочетании с инфинитивом образуют долженствовательное наклонение: *алмагъа герек, алмагъа тарыкъ* “надо взять”, *гетмеге герек, гетмеге тарыкъ* “надо уйти”.

Герек, тарыкъ, тийишли в сочетании с именами выполняют роль самостоятельного сказуемого: *Бизге парахатлыкъ герек* “Нам нужен мир”. *Магъа гёзеллер тарыкъ тюгюл, магъа игитлер герек* (Р. Расулов) “Мне не нужны красавицы, мне нужны герои”.

Модальные слова *тарыкъ, герек, тийишли* могут субстантивироваться, что говорит об их исторической связи с именами. В субстантивированном виде указанные слова могут выполнять функции подлежащего и второстепенных

членов предложения: *Герегинг гелмес бу янгъа, Халбат тюшмес аянгъа* (Й. Къазакъ) “ Твой любимый не придет сюда, тайна не станет явью”; *Тарыгъынг–герегингни ала бар* “По дороге покупай нужные тебе вещи”; *Тийишлисин алды* “Получил по заслугам”.

Следует отметить, что для употребления *тарыкъ, герек* в роли подлежащего и второстепенного членов субстантивация не является обязательным условием. Например, в приводимых ниже предложениях нет признаков субстантивации *тарыкъ* и *герек*: *Обоз не ерге ва не заман етишмеге герекни мен билемен* (Р. Расулов) “До какого места и когда должен дойти обоз, я знаю”; *Биз сизге ёлдаш тарыкъгъа гелгенбиз* “ Мы пришли потому, что вам нужен товарищ”.

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометие – неизменяемая часть речи, выражающая различные чувства и волевые побуждения субъекта, его ощущения, вызванные объективной действительностью.

Среди других частей речи междометия занимают особое положение. Во–первых, они, в отличие от знаменательных слов, не обладают номинативной функцией, лишены понятийного содержания, и, во–вторых, в отличие от служебных слов, не связаны с особыми грамматическими функциями.

Неизменяемость в морфологическом отношении и изолированность по отношению к членам предложения в синтаксическом плане являются характерными признаками междометий. Однако данное утверждение для кумыкского языка не является категорическим. При определенных условиях междометия приобретают признаки знаменательных слов и становятся структурным элементом предложения в качестве его члена.

1. При помощи аффикса *–лар, -лер* междометие может субстантивироваться и употребляться как существительное: *агь–вай* “ох-ах” – *агьвайлар* “охи - вздохи”, *аллелей* – междометие удивления – *Аллелейлер эшитиле* “Слышатся возгласы аллелей”; *Аллелейлени кёп айта* “ Часто говорит аллелей”.

2. Междометия вводятся в структуру предложения при помощи вспомогательного глагола *де* – “говорить”: *Яхшы чы бир къазакъ эр, Гьайт дегенде вайт деп жавап айтагъан* (фольк.) “Хорош мужчина–казак, который когда го-

ворят «хайт», отвечает «вайт»”; *Авуртмакълыкъдан вай деп къычырды* “(Он) от боли крикнул «вай»”.

3. В сочетании со словами *аваз* “звук”, *тавуш* “голос” междометия выполняют функцию определения: *Гьайт тавушлар эшитиле* “Слышатся голоса «хайт»”.

От междометий, но реже, чем от подражательных слов, образуются глаголы при помощи афф. – *ылла* и вспомогательного глагола: *агьылла - агь эт* ”стонать”.

По происхождению междометия делят на первичные и производные.

Первичные междометия или собственно междометия, возникли из непроизвольных выкриков: *агь, вай, огь, гьай, уьх, эй, ту, магь, ягь, я, ой*.

Производные междометия возникли из знаменательных слов путем переосмысления: *савбол* “спасибо”, “до свидания”, *къоччагъым*! “молодец”, *хошгелди* “добро пожаловать”. К производным междометиям относятся также некоторые заимствованные из арабского языка слова: *машалла* – междометия одобрения, *баракалла* «спасибо», *ялла (я Аллагь)* - междометие призыва к началу действия, салам алейкум, алейкум ассалам (формулы приветствия).

К производным междометиям можно отнести и некоторые благопожелания и проклятия, в том числе отдельные слова, словосочетания и целые предложения, фактически выполняющие функцию междометий: *Оьсмегир!* “Чтобы ты не вырос!”; *Къаралгъыр!* “Чтобы ты почернел!”, *Къалмагъыр!* “Чтобы ты умер!”, *Муна сагъа!* “Вот тебе!”, *Уьюнг йыгъылмагъыр!* “Да не разрушится твой дом!”.

По составу различаются следующие типы междометий: одинарные: *агь, огь, вай, гьайт, бах, ой, гьей, уьх;* парные: *агь – вай, гьайт – гьуйт, агь – угь, вая – вая*; парно – повторные: *огь – огь, вай – вай, ай – ай, уьх – уьх, вёв – вёв, гьуя – гьуя, гьа – гьа, гьы – гьы*; составные: *гьай Аман!, Аман аллагь я!, гьей залим!, вёв адаршай! Тфу машалла! Бий оьлеген ажжал!*

Отсутствие номинативной функции, близость к непроизвольным выкрикам, эмоциональная насыщенность обусловили богатство и разнообразие интонации и мелодического рисунка междометий. Одно и то же междометие в зависимости от интонации и мелодического рисунка может выражать разные чув-

ства. Например, междометие *огь*, произнесенное резко и с повышенной интонацией (*огь!*) выражает испуг или удивление. То же междометие, произнесённое спокойным тоном, с долгим гласным (*о–о-огь*) выражает удовлетворение или сожаление. Сказанным выше объясняются и некоторые фонетические особенности междометий, не характерные для кумыкского языка в целом, например, долгое произношение гласных и спирантов (*о-о-о, э-э-эгь, вай–й–й, гье–з–з-за*).

Интересным явлением в кумыкском языке является наличие «мужских» и «женских» междометий. Например, междометие–отклик *вай* употребляют только мужчины, а междометие–отклик *гьай* – только женщины. “Мужскими” междометиями удивления или сожаления являются *бах, багь, биш, ваяя*, женскими – *гьуя, вёв*.

Семантические функции междометий богаты и разнообразны, при этом некоторые междометия многозначны.

По значению междометия делятся на эмоциональные, выражающие различные чувства и переживания говорящего, и императивные, выражающие волеизъявления и побуждения.

Эмоциональные междометия выражают следующие значения.

1. Радость, восхищение, восторг: *Вая Азатхан, не яхшы иш этип къойгъансан* (А. Къалсынов). “Ух Азатхан, какое ты сделал хорошее дело!”; *Огьо–гьой, табиат да мени яным болду* (Аяв). “И природа перешла на мою сторону”; *Гьо–гьо–гьо, би оьзюню девюрюнде нече де кюр яшав сюрюлген ер бардыр* (И. Хамав) “ Это такое место, где в свое время протекала бурная жизнь”; *Гьурра! Бизинкилер уьст болду*. “ Ура! Наши победили”.

Междометие *огь* многозначно, кроме восторга, оно выражает: 1) боль: *Огь, тишим бек авруй*. “Ох, зуб сильно болит”; 2) сожаление: *Огь, яман этгенсен*. “Ох, ты плохо поступил”; 3) желание: *Огь, бир къолума тюшгей эдинг!* “Эх, попался бы ты мне в руки!”.

2. Удивление, удивление с оттенком восхищения: *Гье–гьей–за! Не арив кюлеп – ойнап йиберди хари эки яныбызда чабып айланагъан яшлар* (И. Хамав) “ Ох здорово! Как заиграли – засмеялись бегущие вокруг нас дети”. *Багь, Изгиядан къалгъан улан сама тюгюлмюсен?* (Б. Атаев) “Ба, а не сын ли ты покой-

ного Изгии?” *Огьай–огьай! Сиз дагъыстанлы къумукълармысыз?* (Р. Расулов). “Ого–ого! Вы дагестанские кумыки?” *Вай–й–ав–вая болуп гетди шонда эки яныбызда* (И. Хамав) “ Вокруг нас раздались голоса удивления «вай–й–ав-вая»”.

3. Сожаление, горе, сокрушение, сострадание: *Вёв, вёв адаршай, - деп, тёшюне къакъды* (Ш. Альбериев) “Она стукнула себя по груди: «Горе, горе мне»”. *Эгьей! Гьавада фашистлени самолетлары!* (Р. Расулов). “Э–гей! На небе фашистские самолеты!” *Вай, къазакълар яллатды Бизин рагьат ожакъны.* (Т. Бийболатов). “Ох, казаки сожгли наши мирные очаги”.

4. Удовлетворение, согласие: *Вёв–в, неге болмадынг, осал, бир зат да этип!* (Аяв). “Э–эх, не смог же ты, малодушный, ничего сделать!”; *Ой, кёп баракалла сизге, рагьмулу адамлар!* “Ой, большое вам спасибо, добрые люди!”; *Тьфу машалла, эпсиз арив яраша* (Ш. Альбериев). “Тьфу, чтобы не сглазить, очень подходит”.

5. Призыв, клич: *Гьурра! Уругъуз душмангъа!* (Р. Расулов). “Ура! Бейте врага!”.

6. Презрение, ненависть, брезгливость: *Тьфу, ягь, намус тас болгъан Магьаммат–апенди!* (Й. Къазакъ). “Тьфу, совесть и честь потеряны, Магомед–эфенди!” *Тьфу, аллагьны налаты болсун сагъа!* “Тьфу, будь ты проклят!”.

7. Надежду: *Бизин орамда да болар байрам, иншалла*. “И на нашей улице будет праздник, дай бог”; *Иншалла, бары да яхшы болар*. “Дай бог, все будет хорошо”.

8. Утверждение с оттенком удовлетворения или сожаления: *Воллагь, Салавну оьлтюрюп къойгъан*. (И. Хамав). “Ей богу, Салава убили”. *Воллагь, тюз* (Ш. Альбериев) “Ей–богу, правильно”.

9. Упрек: *Ай–яй-яй, сиз нечик оьктем болуп къалгъансыз*. “Ай–яй–яй, как вы возгордились”; *Яхари, къатын башынг булан уьйде сёнюп турмаймысан*! (Б. Атаев). “Ты ведь женщина, сидела бы дома!”.

10. Успокоение: *Яхари, сен къарсалама* (А. Къалсынов). “Да ты не нервничай”.

11. Недоумение, сомнение с оттенком упрека: *Э–э–э, Къагьир агъав, бираз гёндюрдюнг бугъай* (И. Хамав). “Э–э–э, дядя Кагир, кажется, ты немножко преувеличиваешь”.

12. Безразличие, согласие, констатация: *Гьай, нечик де оьтюп бара заманлар* (фольк.). “Кое–как проходит время”; *Ай, болгъаны болар!* “Ах, будь что будет!”.

13. Утверждение, согласие, констатация: *Агьа, сен мундасан*. “Ага, ты здесь”; *Гьы, тап шолай этежекмен*. “Да, сделаю именно так”.

Императивные междометия делятся на несколько групп:

1. Междометия, выражающие призыв, обращение: *гьей, эй* «эй», *гьейлер* «эй вы», *гьайт!* «эй!», *яхари* «слышь». Эти междометия, за исключением *гьейлер*, обычно употребляются в сочетании с обращениями: *гьей ёлдаш* “эй товарищ”, *яхари, Агьмат* “слышь, Ахмед”.

2. Междометия, выражающие отклик, отзыв: *вай, вайт, гьай, гьы* “я”, “да”, “ну”.

3. Междометия, выражающие различные волеизъявления: *ма* “на”, *гьайда!* “айда”, “пошли!”, *гьы* “ ну”, *ялла* “давай!”, “начали”, *вёре!* “берегись!”.

4. Подзывные и отгонные слова по отношению к животным и птицам: *магь–магь* – подзывное междометие, относящееся к животным; *жип – жип, жибив–жибив* “ цып -цып”, *къалав–къалав* – междометие для подзыва гусей, *гьирт* – для отгона собак, *кюш* – для отгона кур, *гьей!* “но!”, *вогьа* – для остановки быков, *дыр – р* – для остановки лошадей, *балив–балив* – для подзыва буйволов, *гьежт* – для отгона коров.

Особое место в семантическом плане занимают комитативные междометия и междометные сочетания, обслуживающие сферу этикета: *саламалейкум, алейкумсалам, салам*! “привет!”, *савбол* “прощай”, “до свидания”, *хошгелди, хошгелдигиз* “добро пожаловать”, *танг яхшы болсун* “доброе утро”, *геч яхшы болсун* “добрый вечер”, *уьюгюзге яхшылыкъ* “мир вашему дому”, *аш татли болсун* “да будет вкусной еда”.

ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Подражательные слова охватывают звукоподражательные слова, которые являются словесным воспроизведением различных звуковых явлений, и

образоподражательные слова, которые выражают различные зрительно-образные представления человека.

Значение подражательных слов отличает конкретность: они показывают природные звуки и представления, не называя их, например, *вар–вар* – подражание болтовне и *варыллав* “болтовня”. Эта особенность отличает подражательные слова от имен и сближает их с междометиями. Отсутствие в подражательных словах функций выражения чувств и волеизъявлений человека позволяет выделить их в особый, отличный от междометий, разряд слов.

Практически от любого подражательного слова при помощи афф. *=ылла, =илле, =улла, =юлле* образуется глагол, а от него и имя: *гюр* - подражание и журчание воды – *гюрюлле* “журчать” – *гюрюллев*, “журчание”; *къакъ – къакъ* – подражание кудахтанию - *къакъылла*, “кудахтать” – *къакъыллав* “кудахтание”.

От подражательных слов образуются также сложные глаголы при помощи *эт*= “делать”, *бол*= «быть»: *танкъ эт*= «стучать», *занг эт*= «звенеть», *хах бол*= «заснуть».

Подражательные слова могут быть введены в нить повествования как член предложения при помощи вспомогательного деепричастия *деп*. *Деп* заменяет кавычки и устраняет дефект прерывистости в ритмике высказывания: *Тах деп тюбек атылды* “Тах – выстрелило ружьё»; *Къакъ деп къычырар къаргъа* (фольк.) «“Кар” кричит ворона». *Гъав=гьав деп итлер гьаплады*. “Гав-гав” – залаяли собаки».

Подражательные слова могут субстантивироваться и в этом случае употребляются в предложении как знаменательные слова: *Гьей, къурдашлар, бу не шыбыр=гюбюрдюр?* (И. Хамав). “Эй, друзья, что это за перешептывание!”. *Гьапгъа дап* (фольк.) На “гав” - “дап”«, т.е., если будешь ругаться (буквально “лаять”), то получишь (оплеуху). *Тах-тухлар эшитилди*. “Послышались выстрелы”.

По составу подражательные слова, как и междометия, бывают одинарными (*тах, танкъ, мав, гьав*), парные (*тах–тух, танкъ-тункъ, шатыр-шутур, шыбыр-гюбюр, тамп-тумп*), парно–повторные: *гьап–гьап, тах–тах, гьав–гьав, мав–мав, вав–вав, лип–лип, зув–зув*.

Звукоподражательные слова делятся на несколько семантических групп:

1. Подражания действиям человека: *гьа-гьа-гьай* “ха-ха-ха”, *агьи-агьи* – подражание плачу, *къагь-къагь* – подражание кашлю, *танкъ-танкъ* – подражание стуку, *тапур-тупур* – подражание бегу, *шибир-гюбюр* – подражание шепоту.

2. Подражание звукам, издаваемым животными и птицами: *мав-мав* “мяу-мяу”, *гьав-гьав* “гав-гав”, *ав-ав, кюккюрю-кю* “ кукареку”, *игьа-игьа* – подражание ржанью, *бакъ-бакъ* «ква-ква», *къакъ-къакъ* – подражание кудахтанью, *къаркъ* – подражание карканью, *ба-а-а* – подражание блеянью, *му-у-у* – подражание мычанью.

3. Подражание звукам природных явлений или различных предметов: *дабур-дубур* – подражание грому, *тах–тух* - подражание выстрелу, *шар–шур* – подражание звуку проливаемой или стекаемой воды, *гюр-гюр* – подражание шуму ручья или всякой текущей воды, *тыр-тыр* – подражание скрипу, *вув-в, вав-в* – подражание свисту или стрелы, пули, камня, *шах-шух* – подражание шуршанью, *чарт-чурт* – подражание треску, *харт-хурт* – подражание звукам трения.

ПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОВА

Предикативные слова—это немногочисленный класс слов, которые не могут быть включены в состав ни одной из названных выше частей речи и которые обозначают “недейственное состояние”. Они используются в языке преимущественно в функции предикативного члена (самостоятельно или в сочетании с другими словами) или эквивалента предложения и обнаруживающих как именные, так и глагольные свойства.

По значению предикативные слова можно разделить на группы: 1) экзистенциальные (бытийные): *бар* «есть», «имеется»; *ёкъ* «нет», «не имеется»; 2) модальные: *тийишли* «должен», «обязан»; *герек* «нужен», «надо», «необходимо»; *тарыкъ* «нужен», «надо», «необходимо», *мумкин* «возможно», *ярай* «можно»; 3) утвердительные: *дюр* «да»; *шолай* «(именно) так»; *ярай* «ладно», «пусть будет так»; 4) отрицательные: *тюгюл* «не так», «нет».

Предикативное слово *бар* выражает наличие, существование чего-либо; оно выступает в роли самостоятельного сказуемого подлежащного предложе-

ния: *Халкъым бар ябушувда сырты ерге тиймейген* (Гь. Анвар). «У меня есть народ, которого не сломить».

В ответных репликах диалогической речи слово *бар* широко потребляется в качестве неполного бесподлежащного предложения: [Ажий]: *Бармы бары да*? [Татув]: *Бар* (А.Салаватов) «[Ажий]: Есть ли все? [Татув]: Есть».

Предикативное слово *ёкъ* выражает отсутствие, несуществование: *Телден юрюй буту ёкъ, ярыкъ бере, оту ёкъ* (загадка) «Без ног, но ходит по проволоке, без огня, но светит».

В зависимости от контекста слово *ёкъ* может выражать также и ряд более частных значений:

1) отказ: [Хан]: *Къараваш*! *Сувукъ сув ал ичмеге*! *Алыгъыз, ичигиз, Къади*! [Къади]: *Ёкъ, ёкъ, хан. Башлапгъы аякъ ханныкидир!* (А.Салаватов) «Нет, нет, хан, первый бакал хана!»;

2) протест, возражение, несогласие: [Хан]: *Шуланы шу еринде уруп ишин битдирсек, къызланы да алып гетсек, онглу болмасмы?* (А.Салаватов) «Если мы покончим с ними здесь же и заберем девушек, разве не будет справедливо?» [Вазир]: *Ёкъ, ярайгъан затмы!* «Нет, это невозможно!»

Слово *ёкъ* в связной речи может выступать в роли:

1) самостоятельного сказуемого двусоставного предложения: *Мени къаршылыгъым ёкъ* (Салаватов) «Я не имею ничего против»;

2) эквивалента предложения (только при ответе на вопрос): [Къасым]: *Билмеймен. Ким болур экен? Ёкъму мени къутгъарма бир кюй?* [Татув]: *Ёкъ*. «[Касым]: Не знаю. Кто может быть? Нет ли выхода спасти меня?»

3) отрицательной частицы: [Вазир]: *Ёкъ, ярайгъан затмы! Къызардашым ёкъ мени. Дюньяда тилден татли де, тилден аччы да зат ёкъдур, ханым. Ёкъ, ёкъ* (А.Салаватов) «[Вазир]: «Нет, разве можно! У меня нет сестры. В мире нет ничего слаще и горьче языка, госпожа. Нет, нет».

Предикативные слова *бар* или *ёкъ* в сочетании с причастием на *–гъан*/*-ген* образуют особую форму прошедшего времени (ее положит. и отрицат. аспекты): *Мени чи гьеч гёргеним ёкъ* «Я-то ничего не видел». *Мени сагъа айтгъаным ёкъ* «Я тебе ничего не говорил»; *татар. Кет äсärlären uqığanığız бар?* (Ş.

Kamal) «—Вы чьи произведения читали?» *Qırım matur dilär, Barğanım ёкъ* (H. Taqtaş) «Говорят, Крым красив, не бывал (ни разу) я там».

Предикативные слова *бар* или *ёкъ* употребляются и в сочетании с причастием настоящего времени на *–агъан/-еген* образуют особую форму прошедшего времени (ее положит. и отрицат. аспекты): *Шо гьакъда мени билегеним ёкъ* «Об этом я ничего не знаю». *Сен айтагъан затлардан мени англайгъаным ёкъ* «О тех вещах, о которых ты говоришь, я понятия не имею», *Мунда гел, сагъа айтагъаным бар* «Иди сюда, у меня есть, что тебе говорить».

Предикативные слова *бар* или *ёкъ* широко используются в пословицах и поговорках как средство создания антитезы: *Бар гишине тарлыкъ ёкъ* «Имущий человек, стеснения не знает»; *тамар*. *Därt бар, därman ёкъ* «Желание есть, силы нет»; *Saqalı бар, aqılı ёкъ* «Борода есть, ума нет».

Оба слова образуют устойчивые обороты речи: *ёкъ ерден* «ни за что, ни про что; без всякой причины»; *ёкъ бол шундан* «убирайся отсюда»; *бары-ёгъу шу* «вот всё», *ёкъ этмек* «уничтожать, ликвидировать; искоренять», *ёкъгъа чыгъармакъ* «сводить на нет».

Предикативное слово *тийишли* употребляется в значении «должен», «обязан» (в отрицат. форме — «не должен», «не обязан»): *Ону хасиятын яхши билеген эри, къавгъаны къалын этме тийишли гёрмеди* (А.Мамаев) «Муж, который знал ее привычки, не захотел, чтобы разговор был глубоким».

Слово *тийишли* в сочетании с инфинитивом образует сложное сказуемое, согласующееся с подлежащим в лице и числе: *Сагъа жаваб язмагъа тийишли гёрмей эдим* (Н.Батырмурзаев) «Я не считал обязательным писать тебе письмо». *Олагъа олай тийишли эди* (А.Салаватов) «Им следовало так».

Предикативное слово *герек* выражает нужность, необходимость (отрицат. форма *герекмей*, *герек тюгюл* — ненужность чего-л. или совершения действия); оно активно употребляется как в роли самостоятельного сказуемого подлежащного предложения (1), так и в составе сложного сказуемого бесподлежащного предложения (в сочетании с именем действия или с инфинитивом, (2):

1) *Олагъа гьали къучакълар, оьбюшювлер, жан тоюмлукъ герек эди.* (М.Абуков) «Им нужны сейчас обнимания, поцелуи, чтобы душа была полна».

Магъа сёз тийгенни сюймей — гьаким еримде къалгъаным герек (М.Абуков) «Мне надо, чтобы мне не упрекали, и я оставался на должности»;

2) *Гъали нечик этежекни ойлашмагъа герек* (А.Салаватов) «Сейчас надо думать о том, как нам быть». *Озокъда, ону абурлу къартлагъа тапшурма герек эди* (М.Абуков) «Конечно, это надо было поручить уважаемым старикам».

Слово *герек* обнаруживает как именные, так и глагольные свойства. Подобно именам оно, в частности, может:

1) присоединять к себе словообразующие аффиксы *-ли*, *-сыз*: *Башлап айтма герекли адамым анам* (М.Абуков) «Человек, которому я должен в первую очередь говорить – это моя мама»;

2) сочетаться с отрицательной частицей *тюгюл*: *Пайдасыз затлар бизге герек тюгюл* «Бесполезные вещи нам не нужны»;

3) употребляться в атрибутивной функции: *Гелинни тургьандокъ чувулдурукъгъа гирме герекли эртени* (М.Абуков).

В то же время у слова *герек* четко выступают и некоторые глагольные признаки, такие как способность принимать аффиксы:

1) отрицания *–ма/ме*; *герекмес* «не будет нужен», *герекмей* «не нужно, не нужен», *герекмей эди* «не нужно было»;

2) условного наклонения *-са* и его личных форм: ед. ч. *мен (сен, ол) герексем (-сенг, -се…)* «Если я (ты, он) буду (-ешь, -ет) нужен»;

3) временных и личных форм изъявительного наклонения: настоящего времени ед. ч. *герекмеймен (-сен…)* «я (ты, он) нужен»; мн. ч. *Биз герекбиз* «мы (вы, они) нужны»;

4) будущего времени ед. ч.: *мен (сен, ол) герек болажакъман (-сан, -сен)* «я (ты, он) буду (-ешь, -ет) нужен»; мн. ч. *биз (сиз, олар) герек болажакъбыз (-сыз, -лар)* «мы (вы, они) будем (-ете, -ут) нужны»; *Къыдыртма герекли болур, мекенли кюйде тапшуруп, барын да онгарма герекли болур* (А.Салаватов) «Придется погулять, все как следует подготовить»;

5) прошедшего времени ед. ч.: *герек эди* «я (ты, он) был нужен»; мн. ч. *биз (сиз, олар) герек эдик (-игиз, -лер)* «мы (вы, они) были нужны».

Герек очень часто субстантивируется, принимая аффиксы принадлежности и множественного числа, а также показатели падежей.

Предикативное слово *мумкин* используется в кумыкском языке редко и выражает возможность (отрицательная форма *мумкин тюгюл* — невозможность) совершения действия; сочетаясь с именем действия или с инфинитивом оно образует сложное сказуемое: *гелме мумкин* «возможно он придет», *ёлукъма мумкин* «возможно встретится».

Предикативные слова *тийишли*, *герек* и *мумкин* имеют формы времени и наклонения, которые образуются посредством присоединения вспомогательных глаголов *эди* и *бол*: *бармагъа тийишли эди* «Он должен был идти», *бармагъа мумкин болду* «стало возможно идти», *бармагъа герек болса* «если надо (можно) идти» и т.д. *Шо саялы да Къайырбек ону булан сёйлеме герек эди* (З.Атаева) «Поэтому Кайырбек должен был с ними поговорить».

Предикатив *шолай* «так» имеет формы времени и наклонения, выражает значение утверждения: *шолай эди* «было так», *шолай болажакъ* «будет так», *шолай буса* «если будет так» и т.д. *Бары махлукъ да шолай, Айханым* (А.Салаватов). *Али! Ёлавчу ёлда яхшы, шолай тюгюлмю? — деген Узаир Жалганны тербетди* (Р.Расулов).

Предикатив *ярай* в сочетании с инфинитивом выражает реальную возможность совершения определенного действия: *Гертиден де булар къачакълар болма ярай* (А.Салаватов). «Эти, действительно, могут быть дезертирами». *Мен мунда 2-3 гюн турар деп эсине гелген буса ярай* (Конакбиев) «Может быть, он подумал, что я остаюсь здесь на два-три дня».

Употребляясь самостоятельно, *ярай* выражает разрешение совершить определенное действие: *Узаир Бабаев жавап берсин. Ярай!* (Р.Расулов) «Пусть отвечает Узаир Бабаев. Можно».

Отрицательная форма этой конструкции выражает значение невозможности совершения действий и запрещения.

Предикатив *дюр* выражает уверенность говорящего в реальности и достоверности событий и действий, о которых идет речь в предложении. Имеет формы настоящего и прошедшего времени: [Айшат]: *Дюр, гелген зди Татув. Дюр эди* (А.Салаватов) [Айшат]: «Да, приходила Татув. Было». *Арив экенинден къайры, арив сакълангъан къатын да дюр* (М.Абуков) «Кроме как красивая, она еще и хорошо сохранившаяся женщина».

Предикатив *тюгюл* употребляется для отрицания всего содержания предложения. Поэтому оно в основном встречается либо в составе глагольного, либо именного сказуемого. Чаще всего употребляется в составе глагольного сказуемого, выраженного причастием или именем действия на *–макъ*: *Сайлавну уллусуна къоягьан адат тюгюлмю?* (А.Салаватов) «Разве выбор не оставляют за старшим?»

Тюгюл часто употребляется для оформления именного сказуемого с отрицательным значением: *О чу уллу иш тюгюл эди. Ол, олай гьайгев, осал хасиятлы, намарт юрекли улан тюгюл* (А.Салаватов) «Это было не такое важное дело. Он не такой дурной, не такой слабохарактерный, с черствым сердцем человек».

В диалогической речи часто употребляется самостоятельно в функции слова-предложения: [Ажий] *Билезик, сагъа савгъат этилген билезик тюгюлмю*? [Татув] *Тюгюл* (А.Салаватов) «Браслет, разве это не браслет, подаренный тебе?»

Тюгюл образует отрицательную форму от предикативов *бар, ёкъ, герек, тарыкъ, тийишли*: *Магьа тарыкъ тюгюл эди, биригизни бир затыгъыз да, къоя бусагъыз* (А.Салаватов) «Мне ничего не нужно было, ни от кого и ничего, если бы вы оставили меня».

СИНТАКСИС

Вводные замечания

Анализ синтаксических единиц — важнейшее средство познания механизма формирования и функционирования языка в его речевых проявлениях. Предлагаемый анализ основных синтаксических единиц позволяет систематизировать их наиболее существенные свойства в кумыкском языке.

Уровнево-системная организация языка, где каждую из единиц системы языка характеризуют различительные (дифференциальные) признаки, дает возможность выявить многоаспектность единиц, раскрыть их связи и показать явления переходности в области синтаксиса.

Отдельные характерные черты тюркского синтаксиса неоднократно описывались в научных грамматиках конкретных тюркских языков. Разными ис-

следователями установлены с помощью различных методов примерно одни и те же основные исконные черты синтаксиса тюркских языков, которые приняты нами за основу при исследовании специфики синтаксиса кумыкского языка.

ВИДЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

В составе словосочетания и предложения слова находятся в смысловой и грамматической связи, причем способы связи могут быть различными. Словосочетания как речевые образования и как лежащие в их основе единицы языка по характеру синтаксической связи делятся на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные словосочетания представляют собой соединения однофункциональных форм слов на основе сочинительной связи. Их общая формула —«форма слова + однофункциональная ей и соединенная с ней сочинительной связью форма другого слова (формы других слов)».

Сочинительные словосочетания различаются на основе трех дифференциальных признаков: 1) по виду сочинительной связи (открытая ~ закрытая); 2) по синтаксическим отношениям, выявляемым связью; 3) по средствам связи.

В соответствии с видами сочинительной связи словосочетание может быть открытым или закрытым.

В открытых сочинительных словосочетаниях одним актом связи соединяется неопределенное количество компонентов (два и более): *не мен, не сен, не иним, не агъам* «или я, или ты, или (мой) старший брат»*; мен де, сен де, къызардашым да* «и я, и ты, и (моя) сестра». В открытых сочинительных словосочетаниях выражаются соединительные или разделителъные отношения. Соединительные отношения могут выражаться соединительными союзами *(ва, да, де)* или бессоюзно; возможны и комбинации этих средств в пределах словосочетания: *уллулар, къартлар ва жагьиллер* «люди постарше, старики и молодые». Соответственно соединительные словосочетания могут быть союзными и бессоюзными. Разделительные отношения выражаются союзами *(я, я-я, яда, яда-яда, не-не, бир-бир, яда буса, неде буса, не де, гагь-гагь): Не иним, не агъам, не де узукъарилерибиз шо ишге рази болмады* (И.Керимов) «Ни (мой)

младший брат, ни (мой) старший брат, ни (мои) двоюродные братья с этим не согласились».

При выделении каждого однородного члена особой интонацией употребляются союзы *да/де, я-я, яда-яда, не-не, бир-бир, не де-не де, гагь-гагь*: *Келмет де, Мурат да, Агьмат да институтда охуйгъанда жан айырмас къурдашлар эди* (М.Ягьияев) «Келемет, Мурад и Ахмед, когда учились в институте, были неразлучными друзьями».

При закрытой сочинительной связи одним актом связи соединяются только два компонента: *ойнадым, тек утдурдум* «сыграл, но проиграл», *гёрдюм, амма сёйлемедим* «(я) видел, но не разговаривал». *Кёп ойлашдым, тек гёрсетме гиши тапмадым* (А.Салаватов) «Много думал, однако не нашел человека, которому можно было показать»

Противительные отношения выражаются союзами *амма, тек, ва амма, буса, буса да, ёгъесе.* С помощью этих союзов выражаются противительные, сопоставительные, сопоставительно-соединительные, градационные и пояснительные отношения; их выразители — союзы. *Яшавда не зат да бола, тек барын да язып турма гьажатлыкъ ёкъ* (Р.Расулов) «В жизни, что только не случается, однако не обязательно обо всем писать»

При сочинительной связи две и более синтаксических единицы находятся в равных отношениях друг к другу. Способом сочинения связываются все разряды знаменательных слов, однотипные члены предложения, словосочетания, а также части сложносочиненного предложения.

Сочинительной связью выражаются перечислительные отношения, представленные открытым рядом функционально тождественных (равноправных) синтаксических единиц с соответствующей интонацией перечисления и разделительные отношения, представленные союзами, союзными словами и соответствующей интонацией.

Подчинительные словосочетания представляют собой основанные на подчинительной связи соединения слова (главный компонент) с определенной формой другого слова (зависимый компонент). Общая формула подчинительных словосочетаний — «слово + соединенная с ним подчинительной связью форма другого слова».

Подчинительные словосочетания делят на классы по двум взаимосвязанным признакам: 1) по тому, к какой части речи относятся главный и зависимый компоненты; 2) по тому, какой синтаксической связью соединены компоненты.

Различные виды подчинительной связи могут комбинироваться и в рамках одного сложного словосочетания: *уьйге геч къайтмакъ* «вернуться домой поздно» (управление и примыкание); *мени алтын сагьатым* «мои золотые часы» (согласование и примыкание) и т. п.

Перечисленные отношения и формальные показатели сочинительной связи могут комбинироваться в пределах одной синтаксической конструкции. Естественно наличие при такой связи подчиняющего (главного) и подчиненного или подчиненных (зависимых) членов. Зависимая связь подчиняющего и подчиненного элементов сохраняется в любом контексте, хотя при более сложной организации речи этот же подчиняющий член может оказаться в роли зависимого по отношению к другим членам данного синтаксического ряда.

В тюркологической литературе существуют разные принципы классификации подчинительных отношений. Почти во всех грамматиках стало традиционным выделение по характеру и средствам связи трех основных разновидностей подчинительного отношения — управления, согласования и примыкания. Дальнейшее дробление типов связи основывается уже на морфологическом принципе, исходным моментом для которого является принадлежность главного и зависимого слова к определенной части речи.

В синтаксисе тюркских языков наиболее широко используются управление и примыкание. Согласование на материале тюркских языков имеет свою специфику. Оно значительно отличается от согласования слов в русском языке.

УПРАВЛЕНИЕ

Управление — вид подчинительной связи, при котором грамматически подчиненные слова (как правило, существительные или субстантивированные части речи) ставятся в той или иной форме косвенных падежей в зависимости от синтаксических потенций управляющего слова (глагола, имени и др.), заложенных в его лексическом значении или вытекающих из его грамматических характеристик. По категориальной принадлежности управляющего слова и

формальному выражению связи выделяются различные виды управления: глагольное, именное, наречное, послеложное, беспослеложное и др.

Глагольное управление

В словосочетаниях наиболее разнообразными формами управления обладают глаголы. Падежные формы зависимых слов определяются, прежде всего, семантикой глагола и его залоговыми значениями.

Форму винительного падежа именных частей речи требуют глаголы сильного управления, при этом управляемые слова обозначают прямой объект: *ватанын сюймеге* «любить родину», *емиш бермеге* «давать плоды», *терек орнатмагъа* «посадить дерево». *Шо йыл язбашда яшлар школаны бавуна терек орнатдылар* (И.Керимов) «Весной того года дети посадили деревья в школьном саду». *Иши ёкъ иш чыгъарыр* (погов.) «У кого нет работы, тот придумает работу».

Обязательна постановка зависимого слова в форме винительного падежа при каузативных глаголах: *охувчуну уьйретме* «научить ученика», *яшны ашатма* «кормить ребенка». *Есси ёкъну бёрю ашар* (фолькл.) «Что не имеет хозяина, то волк съест».

В других же случаях оформленность или неоформленность зависимого слова аффиксами винительного падежа обуславливается не только семантикой управляющего глагола, но и его охарактеризованностью по категории определенности/ неопределенности. Такое управление можно назвать вариативным. Им обладают глаголы целенаправленного действия: *университетде охума* «учиться в университете», но *китап охума* «читать книгу», *атын излеме* «искать свою лошадь», но *ат излеме* «искать лошадь». *Асият атасына кагъыз яза* «Асият пишет письмо отцу», но *Асият бу кагъызны уьч керен охуду* «Асият три раза прочитала это письмо».

Глаголы зрительного и слухового восприятия, речи и мышления также управляют винительным падежом: *дарсны билме* «знать урок», *танышларын чакъырма* «пригласить знакомых». *Атасын оьлтюргенни уланы унутмас* (погов.) «Сын не забывает того, кто убил отца».

Одной из широко распространенных форм связи глаголов с существительными и субстантивированными частями речи в кумыкском языке является

управление дательным падежом, обозначающим косвенный объект. Данная форма управления обуславливается, прежде всего, характером лексического значения глагола. Дательным падежом управляют глаголы движения, воздействия, указывающие направленность действия к адресату или объекту, цель и назначение действия: *шагьаргъа гетме* «уехать в город», *ишге алма* «принять на работу», *орамгъа чыкъма* «выйти на улицу» и т. д. *Бугюнлерде Торкъалиге бараман* (М.Ягьияев) «В эти дни собираюсь в Торкали». *Салибий Яхсайгъа алгьамгъа гетген* (Ш.Альбериев) «Салибий уехал в Аксай на соболезнование».

Глаголы управляют и местным падежом. Это, прежде всего глаголы, обозначающие действия, совершающиеся в определенных пространственных или временных пределах, а также выражающие состояние: *орманда яшама* «жить в лесу», *къырда къалма* «остаться на улице», *гюзде ёлукъма* «встретиться осенью». *Зарипат школада ишлей эди* (З.Атаева) «Зарипат работала в школе». *Шо вакътиде тюпден яман къычырыкълар эшитилди* (И.Керимов) «В это время снизу раздались страшные крики».

Управление исходным падежом зависимых слов обуславливается характером лексического значения управляющего глагола. При этом выражаются объектные и обстоятельственные отношения. Исходным падежом управляют:

1) глаголы движения, предполагающие уточнение исходного пункта действия: *тавдан тюшме* «спуститься с горы», *школадан къайтма* «возвращаться из школы», *терезеден къарама* «смотреть из окна» и т. п. *Москвадан гелгени бираз бола* (М.Ягьияев) «Прошло немного времени, как он вернулся из Москвы»;

2) глаголы чувственного восприятия и познания, предполагающие наличие источника объекта: *бёрюден къоркъма* «бояться волка», *гьакъ юрекден сюйме* «любить от чистого сердца», *китапдан охума* «вычитать из книги» и др. *Ярадан къоркъгъан къошгъа гирмес* (погов.) «Тот, кто боится раны, в бой не пойдет»;

3) глаголы созидания, предполагающие материал изделия: *агъачдан этме* «делать из дерева», *ташдан ишлеме* «строить из камня». *Бу варенье чумдан этилген* (М.Ягьияев) «Это варенье изготовлено из кизила»;

4) глаголы движения, требующие указания места приложения действия:

бойнундан тутма «хватать за шею», *аякъларындан тутма* «хватать за ноги», *енгинден тутма* «держать за рукав» и т. п. *Къарсалап къолундан тутдум* (И.Керимов) «Волнуясь, я взял его за руку».

Описанные выше формы управления являются одиночными, когда глагол управляет лишь одной формой косвенного падежа зависимого слова. Двойным управлением обладает ограниченный круг глаголов.

Форм винительного и дательного падежей требуют переходные глаголы, обозначающие действия человека, имеющие отношения к другому лицу: *гишиге яхшылыкъ этмеге* «делать человеку добро», *сюйгенине шиъру багъышламагъа* «посвятить стихи любимой».

Управление дательным падежом осуществляется:

1) когда управляемое слово обозначает адресат, т. е. название лица, кому предназначен конкретный предмет: *танышына кагъыз яза* «он пишет письмо (своему) знакомому», *къызардашына савгъат берди* «он приподнес подарок (своей) сестре», *малгъа бичен гьазирлеме* «подготовить сено скоту» и т. п.;

2) когда управляемое слово имеет целевое значение, указывает назначение объекта по отношению к управляющему имени: *ишге чыкъдым* «я вышел на работу», *сувгъа бара* «идет за водой», *жыйынгъа гелген* «пришел на собрание».

Управляемое слово оформляется исходным падежом, когда управляющее слово предполагает указание на исходный пункт, момент, источник, материал или лицо, от которого должен исходить другой предмет: *Агьматдан салам айт* «передай привет от Ахмеда», *менден савгъат бер* «передай подарок от меня», *ташдан этилген уьй* «дом, построенный из камня» и т.п.

Неглагольное управление

Управление существительных

Существительные, выступающие в роли главного компонента словосочетания, управляют различными формами косвенных падежей зависимого слова. По разнообразию и степени употребительности данного типа связи существительные уступают глаголам. Тем не менее, управление существительных в кумыкском и в других тюркских языках широко распространено.

Существительные управляют формой родительного падежа местоимений: *мени уьюм* «мой дом», *ону китабы* «его книга», *сени яшынг* «твой сын». *Мени халкъым тура мунда кюр яшап* (А.Акаев) «Мой народ живет здесь очень плохо».

Одной из наиболее распространенных именных конструкций, построенных по способу управления, являются сочетание двух имен, одно из которых имеет форму родительного или основного падежа (управляемое), другое — аффикс принадлежности 3-го лица (иногда — безаффиксальную форму). Эти именные конструкции в тюркских языках получили название второго или третьего изафета. Относительно способа связи в этих конструкциях имеются различные точки зрения.

В кумыкском языке границы между II и III типами изафета довольно подвижны, что затрудняет определение способа связи слов в конкретных случаях. В оформлении данных конструкций большую роль играют семантические и речевые факторы, которые и определяют, в сущности, способ и форму связи компонентов словосочетаний. Поэтому, прежде всего, следует выделить II тип изафета, имеющий внешне единую структуру «существительное в основном падеже + существительное с аффиксом принадлежности», но функционирует по-разному.

Основной падеж управляемого слова заменяет родительный падеж в следующих условиях:

1) если определение указывает назначение определяемого: *къой бишлакъ* «овечий сыр», *къан тамур* «кровеносный сосуд», *гьайван къабакъ* «кормовая тыква». *Къумукъ театр геле деген хабар юртгъа яйылгъаны эки гюн бола* (М.Ягьияев) «Вот уже второй день как по селу распространилась весть о том, что приезжает кумыкский театр»;

2) если определяющее слово указывает время, а определяемое его приблизительность или предел: *май ай* «месяц май», *арт заман* «в последнее время», *апрель айы* «месяц апрель» и т. д.;

3) если определяемое слово выражает обобщенное родовое понятие, а определяющее — видовое: *алма терек* «яблоневое дерево», *темир къапулар* «железные ворота», *юзюм бав* «виноградный сад»и т. п.

В указанных случаях постановка определяющего члена в форме родительного падежа вообще невозможна, ибо он в лексико-синтаксическом отношении больше тяготеет к адъективации, нежели к субстантивации.

Наряду со II типом изафета в современном кумыкском языке функционируют словосочетания, где обязательна структура III изафета, т. е. с определяющим членом в форме родительного падежа и определяемым, имеющим аффикс принадлежности 3-го лица. Данная конструкция соотносится с категорией определенности/неопределенности, поэтому наличие аффикса родительного падежа в зависимом компоненте определяется не только семантическими факторами, но и контекстуально. Ср. *булакъ сув* и *булакъны суву* «родниковая вода», *тав баш* и *тавну башы* «вершина горы».

2. Определяемое слово управляет формой определяющего, в то же время синтаксические отношения дополняются согласованием в лице.

Стержневой компонент обязательно требует форму родительного падежа зависимого слова в следующих случаях:

а) когда между компонентами словосочетания устанавливаются выделительные отношения, при этом определяемое указывает часть, а определяющее — дробное или выделительное множество: *учителлени бириси* «один из учителей», *яшланы бириси* «кто-то из детей», *яшланы тириси* «смелый из мальчиков» и т. п.;

б) когда между определяемым словом и определяющим имеется еще и другое определение: *студентлени къышлыкъ каникуллары* «зимние каникулы студентов», *язывчуну янгы асары* «новое произведение писателя», *къышны сувукъ гюнлери* «холодные дни зимы» и т.п.;

в) когда определяющим компонентом является личное или указательное местоимение: *мени ишим* «мое дело», *сени къызынг* «твоя дочь», *бизин дослугъубуз* «наша дружба» и т. п.

Взаимозаменяемость II и III типа изафета определяется контекстуальными условиями. Она невозможна, когда имя обладателя имеет форму принадлежности. В этом случае определяющее слово употребляется только в родительном падеже: *атамны тюбеги* «ружье моего отца», *инимни машини* «машина (моего) младшего брата». Ср. также словосочетания, в которых синтаксиче-

ски недопустима взаимозаменяемость и, там, где определяющее существительное четко охарактеризовано с помощью контекста по категории определенности / неопределенности, в частности, при наличии у него своего определения: *терек бутагъы* «сук дерева» — *шо терекни бутагъы* «сук того дерева», *китап жылты* «книжная страница» — *баягъы китапны жылты* «страница той книги», *булакъ суву* «родниковая вода» – *бизин булакъны суву* «наша родниковая вода».

Если управляющее слово выступает без аффикса принадлежности, то постановка управляемого слова в форме родительного падежа обязательна, иначе вся конструкция потеряла бы отношения принадлежности и приобрела бы принципиально другой тип связи: *уьйню ачгъычы* «ключ от дома», *яшавну маржанлары* «кораллы жизни».

Управление прилагательных

Прилагательные могут подчинять имена существительные, управляя формами дательного, исходного и других падежей. Данная группа словосочетаний по сравнению с глагольными и именными словосочетаниями, построенными способом управления, занимает более скромное место.

Свойством управлять обладают качественные прилагательные, обозначающие внешние признаки лиц, предметов, явлений. Наиболее распространенными являются словосочетания, построенные на управлении дательным падежом: *магъа аявлу* «дорогое мне», *бизге таныш* «знакомый нам», *сёзге уста* «мастер на слово».

Сравнительно менее употребительны словосочетания, где прилагательное управляет формой исходного падежа субстантивированных слов. Такие словосочетания имеют сравнительное значение: *эменден къатты* «тверже дуба», *менден гючлю* «сильнее меня»; *сенден гьакъыллы* «умнее тебя».

Управление числительных

В современном кумыкском языке сравнительно реже встречаются словосочетания, где роль управляющего слова выполняют числительные, в частности, количественные, порядковые и собирательные.

Числительные управляют исходным падежом имен в словосочетаниях, выражающих выделение предмета, лица и т. п. из общего ряда количества:

бешден бир «одна пятая», *уьчден бир* «одна треть», *бешден эки* «одна пятая» и т.п.

Количественные, собирательные и дробные числительные управляют местным падежом названий меры (количества и времени): *айда бир* «раз в месяц», *йылда эки* «два раза в год», *гюнде беш керен* «пять раз в день», *уьчде бир* «одна треть».

Порядковые и собирательные, а иногда и количественные числительные управляют местным падежом: *районда биринчи* «первый в районе», *ярышда экинчи* «второй в соревновании», *охувда биринчи* «первый в учебе».

Управление наречий

Наречия управляют падежными формами существительных и субстантивированных слов, выполняя либо предикативную функцию, либо обстоятельственную.

Формой дательного падежа существительных, местоимений и субстантивированных частей речи управляют наречия, выражая меру или состояние: *юрекге авур* «тяжело на душе», *магъа яхшы* «мне хорошо», *сагъа къыйын* «тебе трудно» и т. п.

Наречия с временным и пространственным значением управляют формой исходного падежа именных частей речи: *юртдан йыракъда* «далеко от деревни», *шондан аз* «меньше того», *сенден чалт* «быстрее тебя».

Управление модальных слов и предикативов

Способностью управлять падежными формами субстантивированных частей речи обладают модальные слова в предикативном употреблении, в частности: *ярай* «можно», *тийишли* «положено», *герек* «нужно», *мумкин* «возможно» и предикативы *бар* «есть», *ёкъ* «нет», которые требуют формы дательного падежа управляемого слова: *бизге ярай* «нам можно», *атайыма герек* «отцу нужно», *сизге тийишли* «вам положено», *сагъа бар, магъа буса ёкъ* «тебе есть, а мне нет» и т. п.

Предикативы могут управлять также и местным падежом: *менде бар* «у меня есть», *ерде ёкъ* «на земле нет», *эсимде ёкъ* «не помню».

Таким образом, управление в кумыкском языке характерно для ряда частей речи, особенно для глагола и имен. Оно занимает одно из центральных

мест в синтаксической организации словосочетаний. Наиболее широко распространено управление дательным, исходным и местным падежами.

Согласование

Согласование — это вид подчинительной связи, при котором оба компонента словосочетания имеют одинаковые морфологические показатели, в частности, аффиксы лица и числа: *охувчулар гелсинлер* «пусть ученики приходят», *барыбыз да барайыкъ* «пойдемте вместе», *оьзюгюз гелигиз* «приходите сами». Такое согласование бывает только между подлежащим и сказуемым.

Кроме того, с известными основаниями согласование можно усмотреть в определительном словосочетании, первый компонент которого выражен местоимением в родительном падеже, а второй именем в соответствующей форме принадлежности: *мени охувчум* «мой ученик», *сени уланынг* «твой сын», *ону китабы* «его книга» и т. п.

ПРИМЫКАНИЕ

Примыкание — вид подчинительной связи, при котором зависимость одного слова от другого основывается на семантических отношениях, выражается исключительно их местоположением и синтаксической интонацией. Перемена места компонента словосочетания невозможна, — иначе будет меняться характер семантико-синтаксических отношений.

Именное примыкание

Словосочетания, образованные при помощи именного примыкания, выражают атрибутивные, обстоятельственные и другие отношения и делятся на следующие подгруппы.

1. Два имени существительных, одно из которых является определением: а) определяющее слово обозначает материал: *агъач къашыкъ* «деревянная ложка», *алтын юзюк* «золотое кольцо», *таш кёпюр* «каменный мост»; б) определяющее слово характеризует определяемое через сравнение: *оймакъ авзу* «маленький рот» (букв. «наперсток рот»), *къабакъ баш* «большеголовый» (букв. «тыква голова»); в) определяющее

слово обозначает профессию, должность, звание и т. п., определяемое — личное имя: *генерал Омаров, профессор Алиев*, *шаир Бадрутдин* «поэт Бадрутдин».

2. Существительные в форме основного падежа с соответствующими: а) послелогами: *чечек йимик къыз* «девушка как цветок», *къар йимик акъ* «белый как снег»; б) прилагательными: *таш йимик къатты* «твердый, как камень», *такъта йимик тюз* «ровный, как доска»; в) глаголами: *ат йимик чапма* «бегать как лошадь», *къуш йимик учма* «летать как птица», *къалам булан язма* «писать карандашом».

3. Существительные в форме дательного падежа с послелогом, примыкающие к глаголам: *душмангъа къаршы ябушма* «бороться против врага», *ормангъа таба юрюме* «шагать к лесу».

4. Существительные в форме исходного падежа, примыкающие к глаголам с помощью некоторых послелогов: *гюзден берли авруй* «с осени болеет», *агъачлыкъдан таба гетдилер* «(они) прошли через лес» и др.

5. Прилагательное с определяемым существительным, при этом опредедение может состоять из одного слова или быть развернутым: *бийик уьй* «высокий дом», *тав башындагъы таш* «камень, находящийся на вершине горы».

6. Прилагательное с определяющим прилагательным: *ачыкъ гёк* «светло-синий», *къан къызыл* «бордовый».

7. Числительное, определяющее существительное: *биринчи клас* «первый класс», *эки къурдаш* «два друга», *уьч гюн* «три дня». Перед существительным может стоять прилагательное: *дёрт яшыл шар* «четыре зеленых шара».

Числительное может примыкать и к глаголам: *эки керен гелме* «приходить дважды», *бир керен айтма* «сказать один раз».

8. Местоимения в форме родительного падежа с некоторыми послелогами, примыкающие и определяющие существительные (*сени йимик*

адам «человек, как ты») и прилагательные (*сени йимик гьакъыллы* «умный, как ты»).

Глагольное примыкание

Глаголы определенных лексико-грамматических разрядов выступают в роли определителей и примыкают к различным группам слов. При этом возникают обстоятельственные и пояснительно-конкретизирующие отношения.

Глагол в форме инфинитива на *-ма, -ме/-магъа, -меге* примыкает: 1) к существительным: *токътамагъа ер* «место для стоянки», *ашамагъа ем* «корм для еды», *ичмеге сув* «воды для питья»; 2) к наречиям: *геч къайтма* «возвращаться (уже) поздно»; *тез турма* «вставать рано», итдей болма «измучиться как собака»; 3) к спрягаемым глаголам: *бармагъа сюе* «хочет идти», *къурума ил* «повесить сушиться»; 4) к модальным словам: *гёрме тийишли* «должен видеть», *ашама бар* «есть (что) покушать».

Причастия различных форм связываются с определяемыми существительными также способом примыкания, выражая атрибутивные отношения: *барар ер* «место, куда необходимо пойти», *тувгъан ер* «место, где родился», *эшитген хабар* «услышанная весть», *баражакъ гиши* «человек, который должен пойти» и т. п.

Деепричастия примыкают к глаголам в форме инфинитива, при этом возникают обстоятельственные отношения: *къычырып сёйлеме* «громко говорить», *къачып къутулма* «спастись бегством», *юрюп барма* «пойти пешком».

Наречное примыкание

Наречия соединяются с другими словами также способом примыкания. При сочетании их с глаголами возникают обстоятельственные и обстоятельственно-характеризующие отношения: *аякъгъа турма* «встать на ноги», *айрыча яшама* «жить отдельно», *узакъ сёйлеме* «долго разговаривать», *кёп билме* «много знать».

Примыкая к прилагательным и другим наречиям, наречия выражают уточнительно-характеризующие и сравнительные отношения: *артыкъ кёп* «очень много», *эртен тез* «рано утром», *гече геч* «поздно ночью», *сендей чал* «быстро как ты»

Примыкание, как способ связи слов, широко используется и для выражения некоторых морфологических категорий и для образования сложных единиц: *жие къызыл* «вишнево-красный», *алтын сари* «золотисто-желтый»; *гележек заман* (лингв.) «будущее время».

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

Словосочетание — самостоятельная синтаксическая единица, лишенная коммуникативной значимости, предикативности и модальности, т. е. основных признаков предложения. В качестве коммуникативной единицы словосочетание может быть реализовано только в зависимости от речевой ситуации. Вне предложения некоторые разряды словосочетаний могут выполнять и номинативную функцию, характерную для отдельного слова.

Словосочетание состоит из двух и более знаменательных слов, соединенных на основе подчинительной связи (управления, согласования, примыкания). В нем обязательно наличие грамматически главенствующего и зависимого компонентов, между которыми устанавливаются различного рода смысловые отношения.

Словосочетания классифицируются с различных точек зрения. По степени семантической спаянности компонентов словосочетания подразделяются на свободные и несвободные. Последние представляют принципиально иной уровень семантического развития и являются предметом описания в разделе лексикологии и фразеологии.

Значительные затруднения вызывает отнесение некоторых типов словосочетаний к свободным или несвободным, в особенности словосочетаний терминологического порядка, имеющих характер цельной номинации. Наиболее надежным критерием при их

разграничении следует считать связанность значений компонентов словосочетания с исходным значением, если даже словосочетание в целом приобрело несколько видоизмененное значение и стало номинативной единицей. Например, в словосочетаниях типа *агъач къаравулчу* «лесник» оба компонента сохраняют связь с исходным значением: *агъач* «лес», *къаравулчу* «тот, кто присматривается, ухаживает». Хотя в сочетании они обозначают единое понятие, их компоненты в том же значении используются и отдельно.

По составу и соотношению компонентов словосочетания принято делить на простые и сложные, хотя под этими терминами понимаются весьма различные конструкции, что свидетельствует об отсутствии единства в определении границ словосочетания.

Простым следует считать словосочетание, состоящее из двух знаменательных слов. Соответственно сложным можно назвать такое словосочетание, которое включает в себя три и более членов. Однако понятие сложных словосочетаний требует некоторых уточнений. В этот круг иногда вовлекаются словосочетания, распадающиеся на простые, но не представляющие собой единое целое. Среди сложных словосочетаний различаются четыре вида.

1. Словосочетания, построенные по дихотомическому принципу с последовательным подчинением и отличающиеся от простого словосочетания главным образом тем, что здесь подчиненное слово, непосредственно соотнесенное с грамматически главенствующим словом, имеет при себе зависимый член: *сувукъ гюн* «холодный день» – *оьтесиз сувукъ гюн* «очень холодный день», *яхшы адам* «хороший человек – *бек яхшы адам* «очень хороший человек» и т.п.

2. Словосочетания с замкнутой группой подчиненных слов, ни одно из которых не может самостоятельно соотноситься с главным словом в отрыве друг от друга, хотя само словосочетание и строится по дихотомическому принципу с последовательным подчинением: *уьч гюн-*

люк ёл «трехдневная дорога», *халкъдан толгъан зал* «зал полный народа», *терен маъналы макъала* «глубоко содержательная статья» и т. п.

3. Словосочетания с двумя или более соподчиненными зависимыми членами, каждый из которых порознь и непосредственно подчинен одному и тому же грамматически главенствующему члену: *ашгъа туз салма* «положить соль в еду», *хамургъа май къошма* «добавить масло в тесто», *ювугъун арив къаршылама* «хорошо встретить друга».

4. Словосочетания, в которых один из перечисленных принципов их построения сочетается с другим: *гелеген жума ишге чыкъма* «на следующей неделе выйти на работу», *бизге юртдан гелген адамлар* «люди, которые пришли к нам из села».

По грамматически главенствующему члену словосочетания делятся на две большие группы — именные и глагольные. Дальнейшее дробление словосочетаний проводится по лексико-грамматическим признакам главного и зависимого (или зависимых) слова, а также по грамматической структуре зависимых компонентов.

Именные словосочетания

По характеру отношений между компонентами именные словосочетания подразделяются на атрибутивные с качественным или количественным определением, притяжательные и объектные словосочетания.

В атрибутивных словосочетаниях с качественным или количественным определением связь между компонентами осуществляется путем их соположения. В зависимости от характера определяющего члена простые именные словосочетания имеют следующие структурные разновидности.

1) «Существительное в значении прилагательного + существительное». Оба компонента выступают в форме основного падежа. Такая структура является наиболее распространенной и в зависимости от лексического значения обоих компонентов, их местоположения членится еще на несколько подгрупп:

а) определяющий член может иметь самую различную семантику (обозначать материал, профессию, пол, возраст, форму, время,

пространственное положение определяемого предмета): *алтын сагьат* «золотые часы», *къарт къатын* «старуха», *байрам гюн* «праздничный день», *уьй жан* «домашнее животное», *яз емиш* «весенние фрукты» и т. д.

Этот тип словосочетаний не допускает перестановки определяемого и определяющего, так как при перестановке меняется характер отношения между ними и интонация, словосочетание превращается в предложение.

2) Определяющий член обозначает должность, звание, прозвище, формулу обращения, определяемый член — личное имя или фамилию: *композитор Батыргишиев, ёлдаш Алиев* «товарищ Алиев», *профессор Магьамматов, шаир Бадрутдин Магьамматов* «поэт Бадрутдин Магомедов» и др.

Такая структура возникла скорее всего под влиянием русского языка. Наиболее характерной была постановка определяющего члена после личного имени: *Агьмат агъав* «дядя Ахмед», *Бике апай* «сестра Бике», *Магьаммат агъай* «брат Магомед» и др.

2. «Прилагательное + существительное». Определяющий член может быть производным и непроизводным, перестановка компонентов не допускается. Определение характеризует различные свойства предметов, внешний вид, положение в пространстве и т. д.: *аявлу ана* «дорогая мама», *гёк гёзлер* «синие глаза», *бийик тав* «высокая гора» и др.

В качестве определяющего члена выступает и производное наречие с аффиксом уподобления: *мармардай сув* «мраморная вода», *сендей арив* «красивая как ты», *айдай арив* «красивый(ая) как луна».

3. «Причастие + существительное». В качестве определения могут выступать все формы причастий: а) простые: *гетген гече* «прошлая ночь», *ишлейген адам* «работающий человек», *болажакъ инженер* «будущий инженер», *гёрюшер гюн* «день встречи»; б) аналитические: *тынглап турагъан адам* «человек, который слушает», *яза турагъан къыз* «девушка, которая пишет», *гирип барагъан адам* «человек, который заходит» и др.

Практически все субстантивированные части речи могут быть приименными определениями и образовать двухчленные словосочетания, связываясь с определяемым словом способом примыкания в форме основного падежа.

В качестве определяющего члена непритяжательных словосочетаний выступают существительные в форме косвенных падежей, при этом способом связи является управление.

Средством связи двух существительных в форме основного падежа выступают послелоги *булан, чакъы, йимик, учун*: *Рашит булан Разият* «Рашит и Разият», *ер учун дав* «спор за землю», *юмурукъ чакъы таш* «камень с кулак», *уллулар йимик гиччилер* «как взрослые дети» и т. п.

В конструкциях с двумя существительными послелог *йимик «*как, равно, с» может быть заменен аффиксом уподобления *дай/дей: буз йимик сув // буздай сув* «вода, холодная как лед», *къар йимик акъ чечеклер // къардай акъ чечеклер* «цветы белые, как снег».

Конструкция «существительное в форме исходного падежа + существительное в форме именительного падежа» является достаточно типичной для синтаксиса современного кумыкского языка: *романдан гесек* «отрывок из романа», *юртдан хабар* «весть из села», *анангдан салам* «привет от матери», *териден тон* «шуба из шкуры». Определяющее слово здесь характеризует определяемое как обозначающее исходный пункт, материал, меру и т. д.

Притяжательные именные словосочетания подразделяются на два вида:

1. «Существительное в форме основного падежа + существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица». Это весьма распространенный тип словосочетаний, где первый компонент может вступать со вторым в самые различные семантические отношения: *бет келпети* «черты (его) лица», *яш юреги* «молодое сердце (его)», *маданият къаласы* «культурный центр», *Дагъыстан пачалыкъ университети* «Дагестанский государственный университет» и т.п..

2. «Существительное в форме родительного падежа + существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица. В данную группу условно объединяются все словосочетания, определяющая часть которых выражается именными частями речи, а определение является только существительным: *Бурлиятны тою* «свадьба Бурлият», *къызардашымны сураты* «фотография моей сестры», *инимни къабуру* «могила моего (младшего) брата», *денгизни ягъасы* «берег моря».

Определяемое обозначает субъект действия (производное существительное), определяющее — объект действия: *ватанын якълавчу* «защитник отечества», *юзюм сатывчу* «продавец винограда», *уьйлер къурувчулар* «строители домов», *дарс беривчюлер* «учителя» и др.

Сложные именные словосочетания

Комбинации слов в языке очень многообразны, но обычно описываются их наиболее типичные сочетания. В современном кумыкском языке функционируют словосочетания, весьма различные как по количеству, так и по форме.

1. В качестве первого компонента подобных многочленных словосочетаний могут выступать имена собственные и нарицательные, прилагательные, числительные, а второй член, с которым объединяется первый в качестве единого определения третьего члена, всегда является производным прилагательным (чаще на *-лы,* обозначающим наличие, обладание качеством, или прилагательным вторичной репрезентации *дагъы/деги* и др.), например: *беш къатлы уьй* «пятиэтажное здание», *къара къашлы къыз* «чернобровая девушка», *А.Салаватовну атындагъы театр* «театр имени А.Салаватова», *ата юртумдагъы школа* «школа в (моем) родном селе».

Данная конструкция может осложняться постановкой к определяемому слову дополнительного параллельного определения, выраженного числительным, прилагательным, местоимением, и соотнесенного непосредственно с ним наряду с первым определением, составляющим по существу самостоятельное определительное словосочетание: *къара гёзлю бир къыз* «черноглазая какая-то девушка», *оьтесиз гьакъыллы гиши* «очень умный человек», *къагьрулу сувукъ къыш* «суровая холодная зима».

В словосочетаниях такой же структуры, но с корневым прилагательным, обозначающим цвет, распространение определительной части не допускается. В данном случае достигается концентрированное выражение цветового признака предмета: *къан къызыл байракъ* «кровавокрасный флаг», *къара тор тюс* «темно-бурый цвет», и т. п.

2. Первый компонент выражается существительным с аффиксом принадлежности 3-го лица, а второй, объединяющийся с первым в единое

определение, — прилагательным, обозначающим качественный признак. Фактически этот тип словосочетаний является синонимичным с предыдущим и в ряде случаев выступает структурным вариантом определенных групп словосочетаний типа *къара чачлы къыз* «черноволосая девушка», *юреги ачыкъ адам* «человек с открытой душой», *акъ сакъаллы къарт* «старик с белой бородой» и др.

3. Определительная группа, состоящая тоже из двух слов, обозначает меру определяемого предмета, поддающегося подсчету, измерению и т. п.: *йигирма беш градуслукъ иссилик* «двадцатипятиградусная жара», *эки къат уьй* «двухэтажный дом», *уьч сагьатлыкъ ёл* «трехчасовая дорога» и др. Первый компонент в некоторых случаях может быть выражен и прилагательным: *уллу къоллу гиши* ««человек с большой рукой», *акъ сакъаллы къарт* «старик с белой бородой», *къара юрекли адам* «злонамеренный человек» и др.

Допускается осложнение определительной группы новыми определениями: *эки кило къатты шекер* «два килограмма комкового сахара», *ташдан ишленген эки къат уьйлер* «каменный двухэтажный дом».

4. Довольно распространенный тип словосочетаний, первый компонент которых, состоящий из двух слов, обозначает 1) материал: *ташдан ишленген уьйлер* «дома, построенные из камня», *темирден этилген къапулар* «ворота, изготовленные из железа», 2) исходную точку, направление: *Москвадан гелген поезд* «поезд, прибывший из Москвы», *шималдан гелген язбаш* «весна, пришедшая с севера», 3) составную часть: *яшлардан къурулгъан команда* «команда, состоящая из молодежи».

Определительная часть, составленная из двух слов, в свою очередь, может осложняться введением новых определителей: *къалын жылтлы китапдагъы суратлар* «рисунки в книге с толстой обложкой», *япыракълары саргъайгъан бавдагъы тереклер* «деревья с пожелтевшими листьями в саду».

6. Первым компонентом определительной группы данного типа словосочетания может быть существительное и любая субстантивированная часть речи (прилагательное, местоимение, числительное, имя действия): *агъач саплы бичакъ* «нож с деревянной ручкой», *денгизге бакъгъан уьй* «дом с видом на море», *инкъылапдан алдагъы девюр* «дореволюционный период», *сагъа та-*

ныш адам «знакомый тебе человек» и др. Субстантивированная часть словосочетания может расширяться за счет новых определений: *савлай районгъа белгили адам* «человек, известный во всем районе», *сав дюньягъа аты айтылгъан адам* «человек, известный всему миру».

7. Определительная группа состоит из двух или трех прилагательных, первое из которых характеризует второе, но в целом оба определения неотделимы в составе словосочетания*: акъ сакъаллы къарт* «старик с белой бородой», *ачыкъ юрекли къыз* «девушка с открытым сердцем», *бурма чачлы къыз* «девушка с кучерявыми волосами».

8. Первый член определительной группы является количественным числительным, второй - существительным на *–лыкъ: алты йыллыкъ яш* «шестилетний ребенок», *эки йыллыкъ бузав* «двугодовалый теленок», *эки айлыкъ курслар* «двухмесячные курсы». Причастие может быть заменено производным именем на *-лыкъ: алтмыш йыл болагъан гиши* - *алтмыш йыллыкъ гиши* «шестидесятилетний мужчина» и т. п.

Во всех указанных разновидностях словосочетаний порядок следования членов строго определен, перемена их местоположения не допускается — иначе меняется характер отношения между ними и синтаксическая природа всей конструкции.

Своеобразную по структуре группу составляют сложные притяжательные словосочетания. Комбинация способов синтаксических связей образует различные структурные типы словосочетаний.

1. Сущ. в им. п. + сущ. в род.п. + притяжательное имя существительное: *филология илмуланы кандидаты* «кандидат филологических наук», *тарихи илмуланы доктору* «дортор исторических наук», *педагогика университетни профессору* «профессор педагогического университета».

2. В составе определительной группы второй член может быть выражен прилагательным и числительным: *айны ахырынчы гюню* «последний день месяца», *студентлени къышлыкъ каникуллары* «зимние каникулы студентов». Данная модель может осложняться введением определений к первому компоненту: *экинчи асруну уьчюнчю йылы* «третий год второго века», *биринчи дюнья давуну башлапгъы гюнлери* «первые дни первой мировой войны».

В наименованиях учреждений, должностей и т. п. число членов словосочетаний доходит до пяти — шести и более: *район советини исполкому-ну культура бёлюгю* «отдел культуры исполнительного комитета районного совета», *студентлер учун къумукъ тилден охув китап* «учебник по кумыкскому языку для студентов». В то же время общая структура словосочетания сохраняется, поэтому оно может быть расщеплено на несколько самостоятельных частей.

3. Определяемое является собственным именем или фамилией, а определяющая часть обозначает его занятие, профессию и т. п.: *Россияны ат къазангъан артисти Бурлият Элмурзаева* «Заслуженная артистка России Бурлият Эльмурзаева», *школаны директору Гъажигерей* «директор школы Гаджигерей», *Ватан давну игити Залибек Къазибеков* «герой отечественной войны Залибек Казибеков» и т. п.

Словосочетания с управляющими прилагательными

В роли определяющей части в названном типе словосочетаний функционируют существительные в различных падежных формах, прилагательные, местоимения, неличные формы глаголов. Словосочетания с прилагательными занимают весьма значительное место в синтаксисе кумыкского языка. Они делятся на несколько групп.

1. В качестве определяемого члена выступают сущ. в форме дат. п. или исх.п.: *юрекге ювукъ* «близкий к сердцу», *менден гиччи* «моложе меня», *сувукъ-гъа чыдамлы* «стойкий к холоду».

2. В роли определяющей группы выступает сочетание существительного с уподобительной формой имени: *къыш гюнюдей сувукъ* «холодный как зимний день», *жымчыкъ баладай гиччи* «маленький, как воробышек».

3. Определяющий член указывает причину, исходный момент в отношении определяемого или объект сравнения: *башдан белгили* «известный с начала», *ташдан къатты* «тверже камня», *тавлардан бийик* «выше гор».

4. В качестве определяемых членов выступают относительные прилагательные, а определение — качественное прилагательное: *къара чачлы* «черноволосый», *къара гёзлю* «черноглазая», *къара къашлы* «чернобровая» и т. д.

5. Определяющее слово показывает местонахождение, сферу распространения: *районда белгили* «известный по району», *юртда айтылгъан* «известный в селе», дюньяда белгили «известный во всем мире».

6. В роли определяющего члена употребляются личные местоимения в дательном падеже: *бизге аявлу* «дорогой нам», *сагъа ювукъ* «близкий тебе», *сагъа таныш* «знакомый тебе» и т. п.

С помощью соответствующих послелогов определяемое прилагательное с определяющим существительным образует сравнительную конструкцию: *къар йимик акъ* «белый, как снег», *таш йимик къатты* «твердый как камень». В качестве первого компонента выступают и местоимения *сени йимик гьакъыллы* «умный, как ты» и др.

Прилагательное в качестве первого, зависимого члена словосочетания может иметь инфинитив или имя действия: *сёйлеме уста* «говорить мастер», *охувгъа муштар* «старательный в учебе».

Сложные словосочетания, образованные управляющими прилагательными, не получили широкого распространения.

Наречные словосочетания

Наречия в роли главного слова образуют словосочетания с существительными, прилагательными, местоимениями и неличными формами глагола. Они управляют формами дательного, исходного и местного падежа имени существительного и субстантивированных слов.

1. В качестве первого компонента выступают существительные в дательном, местном и исходном падежах: *ишге ювукъ* «близко на работу», *юртдан йыракъ* «далеко от села», *магъа аз* «мне мало», *сагъа кёп* «тебе много», *къырда къыйын* «на стороне трудно».

5. В роли зависимого члена выступают корневые и производные наречия, которые могут выполнять функцию а) усиления: *артыкъ кёп* «излишне много», *бек учуз* «очень дешево»; б) уточнения, конкретизации: *бугюн ахшам* «сегодня вечером», *тюнегюн эртен* «вчера утром».

6. В роли зависимого члена выступают причастие и инфинитив, а управляют ими обычно наречия с временным значением: *геч гелди* «пришел поздно», *ахшам къайтды* «вернулся вечером и т. п.

Словосочетания с числительным в роли главного слова

По численности и разнообразию моделей таких словосочетаний сравнительно немного. Количественные, порядковые и собирательные числительные в роли главного члена образуют сочетания с существительными в различных падежных формах.

Наиболее характерна конструкция «субстантивированное слово в форме дательного, исходного и местного падежа + числительное»: *гюнде бир* «раз в день», *чабывда биринчи* «первый в беге», *бирев экевге къаршы* «один против двоих» и т. п.

Сложные словосочетания с числительными образуются очень редко. Их структура не зависит от управляющего числительного, новыми словами обычно осложняются члены определительной части в зависимости только от ее синтаксических потенций.

Глагольные словосочетания

Наиболее распространенными, бесспорно, являются словосочетания с глаголами в роли главенствующего слова. С ними сочетаются управляемые и примыкающие имена в различных падежных формах, наречия, числительные, звукоподражательные слова, междометия, деепричастия, имена действия. В контексте глагольный компонент может выступать в личной и неличной форме. По составу глагольные словосочетания также делятся на простые, сложные и комбинированные. При этом между компонентами устанавливаются объектные и обстоятельственные отношения.

Простые глагольные словосочетания с управляемыми именами

Порядок следования компонентов в таких словосочетаниях строго не регламентируется, в речи возможно и такое их расположение, когда управляющий глагол находится впереди управляемых слов.

1. Глагольный компонент указывает направленность движения, переход действия на объект, выраженный существительным или субстантивированными частями речи в дательном падеже: *университетге тюшме* «поступить в университет», *шагьаргъа гетме* «уехать в город», *машинге минме* «сесть в машину».

2. В зависимости от характера управления глагола именной компонент может быть в форме винительного или основного падежа: *агъач гесме* «рубить дрова», *къурдашын къутлама* «поздравить друга», *будай тазалама // будайны тазалама* «чистить пшеницу».

Существительные и субстантивированные слова в форме основного падежа с послелогом *булан* «с» выступают в определительной части глагольных словосочетаний: *атай булан барма* «пойти вместе с отцом», *иштагь булан этелер* «делают с радостью» и т. д.

3. Существительное в форме исх. п. + глагол: *тангдан турма* «вставать на заре», *яшдан сорама* «спросить у ребенка».

4. Глагольные словосочетания с именами в местн. п. обозначают место, время и способ действия: *авлакъда къалма* «остаться в поле», *къамавгъа тюшме* «попасть в окружение», *шагьарда яшай* «живет в городе».

Глагольные словосочетания с примыкающими членами

1. Примыкающие наречия показывают образ действия, время, причину и т. п.: *гече-гюн ишлеме* «работать день и ночь», *узакъ яшама* «жить долго», *чалт сёйлеме* «говорить быстро».

2. Прилагательное, выполняя функцию обстоятельства, примыкает к глаголу и образует один из структурных типов словосочетаний. Не могут сочетаться с глаголами качественные прилагательные, обозначающие цвет. Чаще всего употребляются относительные прилагательные: *къушдай уьчме* «лететь как птица», *пашман къарама* «печально смотреть», *яхшы охуй* «хорошо учится», *арив яза* «пишет красиво».

3. Примыкают к глаголам количественные и некоторые другие разряды числительных при их субстантивации. Такие словосочетания выражают обстоятельственные отношения. Порядок следования компонентов здесь более строгий, т. е. числительное ставится только впереди глагола: *бир айт, эки айт* «сказать один раз, сказать два раза», *дёртюнчю болма* «быть четвертым», *экевге айтды* «сказал двоим».

4. Из местоимений с глаголами сочетаются только вопросительные местоимения: *нечик яшай?* «как живет?» *къачан гелесен?* «когда придешь?», *не деди*? «что сказал?» и т. д.

5. Своеобразную группу составляют сочетания глаголов с звукоподражательными словами, обозначающими способ действия. К ним относятся только конструкции, образованные от полнозначных глаголов и звукоподражаний, ибо в результате сочетания последних со вспомогательными глаголами, как правило, образуются сложные глаголы или устойчивые образные выражения. В определительной части могут выступать некоторые одиночные звукоподражания типа: *танкъ этме* «стучать», *зенг урма* «звонить».

Глаголы могут сочетаться с отдельными глагольными формами также способом примыкания. В роли определительной части употребляются:

1) Инфинитив на *ма* + глагол: *бийиме чыкъма* «выйти танцевать», *охума башлама* «начинать учиться», *къарама гетди* «пошел смотреть»;

2) Деепричастие + глагол. Наиболее распространенными являются словосочетания с деепричастиями на *-п: айтып гел* «скажи и приди», *къарай-къарай гетмеге* «уйти, оглядываясь».

Деепричастие на *гъынча* + глагол: *гелгинче къарадым* «ждал до тех пор, пока не пришел», *билдиргинче гетди* «ушел пока сообщили», *къангъынча аша-дыкъ* «мы ели до отвалу» и т. п.

Деепричастие на *а/э, й* + глагол: *къартаймай яша* «жить, не старея», *айтмай гетди* «он ушел, не сказав», *савболлашмай гетди* «ушел не попрощавшись».

Возможно и парно-повторное деепричастие на *–й*: *къарай-къарай гетмеге* «уйти с оглядкой». Возможно противопоставление положительной и отрицательной форм: *биле-билмей сёйлей* «зная, не зная говорит».

Деепричастие на *гъандай* + *бол* «быть»: *гёргендей болмагъа* «будто бы видеть», *эшитгендей болмагъа* «будто бы слышать».

Сложные глагольные словосочетания

Глаголы обладают наиболее разнообразными формами сочетаемости с другими словами, в них могут совмещаться разные типы синтаксической связи. Состав определительной части зависит от семантики и грамматической формы глагольного члена.

Словосочетания с глаголами, обладающими двойным управлением:

1) винительным и дательным падежами существительных: *китапны къурдашына берме* «отдать книгу другу», *дёртню экиге пайлама* «разделить четыре на два», *къурдашына кагъыз язма* «писать письмо другу»;

2) дательным и винительным падежами: *тавукълагъа ем берме* «дать корм курам», *ювугъуна савгъат берме* «подарить подарок другу»;

3) исходным и винительным падежами: *бешден экини чыгъарма* «отнять от пяти три», *ондан бешни тайдырма* «от десяти убрать пять»;

4) винительным и исходным падежами: *яманны яхшыдан айырма* «отличать хорошее от плохого», *яшланы классдан чыгъарма* «вывести детей из класса»;

5) местным и дательным падежами: *ишде уьстюнлюкге етишме* «достичь успеха в работе», *яшавда мурадына етишме* «достичь цели в жизни» и т. п.

Связь между компонентами глагольных словосочетаний может осуществляться и с помощью вспомогательных глаголов, которые являются необходимым структурным элементом словосочетания в целом: *учитель болуп ишлеме* «работать учителем», *инженер этип йиберме* «послать инженером».

Глагольные словосочетания, управляемый компонент которых имеет свое определение:

1) существительное или любая субстантивированная часть речи в основном падеже с определением, выраженным прилагательным или числительным: *йыракъ ёл юрюме* «пройти долгий путь», *къысгъа опуракъ гийме* «одеть короткое платье», *арив сёз айтма* «сказать доброе слово»;

2) существительное в дательном и исходном падежах с количественным определением: *он манатгъа сатма* «продать за десять рублей», *элли манатдан алма* «купить за пятьдесят рублей», *беш-алты манатгъа берме* «отдать за пять-шесть рублей».

Определительная часть может сочетаться с глаголом и с помощью послелогов: *итти бичакъ булан гесме* «резать острым ножом», *яхшы адам булан сёйлемеге* «говорить с хорошим человеком», *белгили язывчу булан лакъырлашма* «беседовать с известным писателем» и т. п.

Распространенными типами сложных глагольных словосочетаний являются структурные модели, где на первое место ставится управляемое существительное, а на второе - наречие.

1. Существительное в дательном падеже + наречие + глагол: *дарсгъа геч гелмеге* «прийти на урок поздно», *уьйге геч къайтмагъа* «вернуться домой поздно», *уьйге эсен-аман къайтмагъа* «возвращаться домой в здравии».

2. Существительное в винительном падеже + прилагательное + глагол: *китапны янгыдан охумагъа* «читать книгу заново», *машинни чалт гьайдамагъа* «вести машину быстро», *шиъруну янгыдан охумакъ* «прочитать стихотворение заново».

3. Существительное в исходном падеже + наречие + глагол: *еринден тез турмагъа* «быстро встать с места», *ишден геч къайтмагъа* «вернуться с работы поздно», *тавдан яяв къайтмагъа* «возвращаться с гор пешком и т. п.

Глагольное словосочетание может быть представлено наречием, имеющим свое зависимое слово (наречие). В данном случае каждый из наречных компонентов может самостоятельно составить словосочетание с глаголом, а вместе они уточняют и конкретизируют значение глагола: *орусча яхшы сёйлеме* «говорить по-русски хорошо», *бизинче яхшы билмей* «(он) не знает хорошо по-нашему», *оьтесиз яхшы биле* «(он) очень хорошо знает».

Глаголы сочетаются и с изафетными конструкциями, особенно с II и III изафетом, сопровождаемым послелогами. Определительная часть обозначает место, путь движения: *орман ёл булан барма* «пойти по лесной дороге», *иниси булан сёйлеме* «говорить с младшим братом», *оьзен бой булан юрюме* «идти вдоль реки».

В определительной части словосочетаний выступает инфинитив на *–ма/магъа* в сочетании с различными частями речи.

1. Существительное в именительном падеже + глагол + глагол: *бичен чалма онгарылгъан* «приготовился косить сено», *юзюм жыйма гетди* «ушел собирать виноград», *топ ойнама бара* «идет играть в мяч».

2. Существительное в дательном падеже + глагол + глагол: *муаллимге айтма сюемен* «хочу сказать учителю», *анасына айтма сюймей* «не хочет сказать матери», *къызардашыма билдирме сюемен* «хочу сообщить своей сестре».

3. Существительное в винительном падеже + глагол + глагол: *ишни битдирме сюе* «хочет завершить работу», *яшны язма уьйрете* «учит ребенка писать», *студентлени практикагъа элтме* «вести студентов на практику».

4. Наречие + глагол + глагол: *эртен ишлеме гетди* «утром ушел на работу», *яхшы охума сюе* «хочет учиться хорошо», *янгыз барма сюймей* «не хочет идти один».

Комбинированные глагольные словосочетания

Возможности комбинирования многочисленных словосочетаний с управляющими глаголами весьма обширны. По составу комбинированные словосочетания могут состоять из четырех и более членов, совмещая в своей структуре различные способы синтаксической связи.

1. Словосочетания с определениями у управляемого именного члена, которые употребляются в различных падежных формах: *агъачлыкъда адашгъан яшланы излеме* «искать детей, заблудившихся в лесу», *юртгъа гетген къызардашын сагъынма* «скучать по сестре, уехавшей в село», *охума гетген инисин къаршылама* «встречать младшего брата, который уехал учиться».

2. Словосочетания с управляемыми именами и несколькими примыкающими членами при глаголе: *уьйге нечик янгыдан гирейим* «как мне снова войти в дом», *сувукъ гече авлакъда къалды* «(он) в холодную ночь остался в поле», *булай гюнлер уьйде турамы* «в такие дни разве дома сидят».

3. Два управляемых имени со своими определениями при глаголе: *янгы хабарны яхсайлы къызгъа билдирме* «сообщить новость девушке из Аксая», *белгили язывчугъа багьалы савгъат тапшурма* «вручить известному писателю дорогой подарок», *янгурлу гюн бийик тавгъа гётерилме* «подняться в дождливый день на высокую гору»

4. В зависимой части словосочетания - целевой инфинитив и управляемые имена с определениями: *къарт анасын гёрме гелмеге* «приехать навестить старую мать», *мунглу хабарны билдирме сюе* «хочет сообщить печальную весть», *ачыкъ юзюнгню гёрме сюемен* «хочу видеть твое радушное лицо».

5. Сочетание сложных глаголов, деепричастных форм и существительных, наречий в определительной части: *шиъруну бек чалт охуп*

йиберди «прочитал стихотворение очень быстро», *шагьардан гелген къонакъланы кёп сююп къаршылай* «встречает гостей, приехавших из города с большой радостью».

Как видно из описанных комбинированных словосочетаний, в них может быть не один стержневой компонент, а два и более, но и в этом случае глагольный компонент остается централизующим компонентом данной конструкции. При этом получается не механическое слияние двух самостоятельных словосочетаний, а качественно новое сложное словосочетание.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

По своей грамматической структуре простое предложение в кумыкском языке бывает односоставным и двусоставным. В двусоставном предложении представлены оба главных члена предложения с относящимися к ним словами или без них, в односоставном же предложении отсутствует состав одного из главных членов. И односоставное, и двусоставное предложение может быть распространенным и нераспространенным. Двусоставное предложение, состоящее только из главных членов и односоставное предложение, состоящее только из одного главного члена, называются нераспространенными. Простое предложение, – двусоставное и односоставное, – имеющее второстепенные члены, называется распространенным.

ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Подлежащее

С точки зрения формально-семантической организации подлежащее обозначает предмет, выступающий как непосредственный носитель признака, выраженного сказуемым. С грамматической точки зрения между подлежащим и сказуемым существует предикативная связь. Особенностью кумыкского языка является то, что между главными членами согласование в числе проводится не последовательно (*олар гелди* «они пришли», *гюнлер сувукълашды* «дни похолодали»).

Подлежащее обычно выражается всеми знаменательными частями речи.

Подлежащее может быть выражено именем существительным в именительном падеже. Это наиболее употребительная форма подлежащего: *Терек*

яшыллангъан «Дерево зазеленело». *Агьмат биринчи ерни алды* «Ахмед занял первое место».

Подлежащее может быть выражено субстантированным именем прилагательным: *Къызыллар узакъ къалмай тав араны душманлардан азат этдилер* (М. Ягьиева) «Красные вскоре освободили горные ущелья от врагов».

Замена существительного в роли подлежащего субстантивированным прилагательным возможна только тогда, когда речь идет о людях, если же речь идет о неодушевленных предметах или же об одушевленных, но не о людях, то такие прилагательные могут выступать в роли подлежащего только тогда, когда в предложении рядом имеются и сами существительные. При этом обычно существительное стоит в род. падеже, и прилагательное принимает аффикс принадлежности 3 л.: *Абзарда яшланы эслилери бир янда, гиччилери бир янда тизилген эди* («Къарчыгъа») «Во дворе построены были дети маленькие на одной стороне, постарше на другой стороне».

Встречаются случаи, особенно в произведениях фольклора, когда прилагательное, выступающее в роли подлежащего, не имеет афф. *-лар* – формального признака субстантивированности: *Яман яхшылыкъ этмес* (фольк.) «Плохой не сделает добра». Такое прилагательное может иметь свое пояснительное слово: *Тили яман тилсиз къалсын* (фольк.) «Тот, у кого плохой язык, да останется без языка».

Подлежащее выражается местоимениями: *Мен башлап сиз башгъа Адам деп тура эдим* (М.Ягьияев) «Я сначала думал, что вы другой человек». *Не чачсанг, шону орарсан* (погов.) «Что посеешь, то и пожнешь».

В роли подлежащего могут выступать субстантивированные числительные, кроме разделительных: *Беш экиге тюз кюйде уьлешинмей* «Пять не делится на два без остатка». *Жыйында уьчев чыгъып сейледи* «На собрании выступили трое».

Подлежащее может быть выражено и именем действия: *Охувлар башланды* «Начались занятия».

Подлежащее может быть выражено сочетанием слов: *Сёйлеп билегенлер бир ягъадан чыгъып бары да сёйледи* (Къ.Шамсутдинов) «Кто мог выступить, поочереди выступили все».

В повелительном и желательном наклонениях применительно к 1-му и 2-му лицу подлежащее употребляется крайне редко. С точки зрения чисто формальной в данном случае можно говорить о преимущественно односоставном характере предложения.

Сказуемое

По своему морфологическому выражению сказуемое может быть глагольным и именным, по своей структуре — простым, составным и сложным.

ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ

Простое глагольное сказуемое

Сказуемое, выраженное синтетической формой глагола, обладающей самостоятельным лексическим значением, называется простым глагольным сказуемым. Простое глагольное сказуемое выражается личными формами глагола в любом наклонении (кроме сослагательного). Примеры:

а) глаголом в изъявительном наклонении: *Терезелени шишалары сынгъан* (М.Ягьияев) «Разбиты стекла окон». *Гелемен, сибирип уьйлени де гетемен* (И.Керимов) «Прихожу, подметаю комнаты и ухожу»;

б) глаголом в повелительном наклонении: *Уллубий, мин чи бу арбагъа* М.Ягьияев) «Уллубий, садись-ка на эту арбу»;

в) глаголом в желательном наклонении (в современном языке употребляется редко): *Ашналаны анадашдай гёргейсен* (И.Казак) «Чтоб на друзей смотрел как на родных»;

г) глаголом в уступительном наклонении: *Не гереклер этсенг де, ондан сагъа пайда ёкъ* (И.Ибрагьимов) «Что бы ты не делал, от него тебе пользы нет»;

д) глаголом в условном наклонении: *Неге гьей, бу улангъа савгъат этсек* (А.Салаватов) «А что если подарить этому парню»;

е) глаголом в сослагательном наклонении: *Амма арба гелген буса, уьюне арымай сама барар эдилер* (М.Хангишиев) «Если бы подъехала подвода, они-безустали дошли бы домой»

е) глаголом в долженствовательном наклонении: *Мен тангала юртгъа бармалыман* «Завтра я должен идти в село»;

ж) именем действия: *Бизин мурадыбыз - яхшы охумакъ* «Наша цель - хорошо учиться». *Колхозчу яшёрюмлени аслу борчу, озокъда, яхшы иши булан оьзгелеге уьлгю гёрсетмек* (Къ.Шамсутдинов) «Главная задача молодежи колхоза, конечно, своей хорошей работой показать пример другим».

Составное глагольное сказуемое

Составное глагольное сказуемое состоит из двух компонентов. Первый из них выражает характеристику действия (в модальном и аспектуально-временном аспектах), а второй называет само действие.

Составное глагольное сказуемое, выражает различные аспектуально-временные значения.

В кумыкском языке глаголы путем наслоения образуют связанные группы, состоящие из двух и более самостоятельных и вспомогательных глаголов. Например: *Рашит газетлер охума гиришди* (М.Хангишиев) «Рашит принялся читать газеты». *Шончакъы арив суратланы йыртып токътадынг* (З.Атаева). Такие красивые картинки ты взял да порвал». *Тавушлар астаракъ узакълаша бара* (Аткъай) «Голоса постепенно удаляются».

Составные сказуемые состоят из двух, трех, четырех и из пяти глаголов, связанных между собой деепричастными аффиксами. Носителем вещественного значения у таких составных сказуемых всегда является первый из глаголов, обычно имеющий деепричастную форму. Остальные вспомогательные глаголы выполняют различные грамматические функции, причем каждый вспомогательный глагол при одном основном глаголе придает предыдущим глаголам (и глагольным группам) какой-нибудь оттенок. *Бары да бизин гьакъыбыздан сёйлей эдилер* (А.Къурбанов) «Все говорили о нас». *Яшлар оьзенге не ташласа, Барбос шоланы шоссагьат алып геле болгъан* (М.Абуков) «Все, что дети бросали в речку, Барбос тут же все это приносил». *Кюйге къарагъанда, олар Хайрутдинни къаравуллап, тойгъа гелмей тургъан болма герек эди* (М.Хангишиев) «Видимо, она знала, что Камил придет и зачем придет».

В кумыкском языке изменяемая часть сказуемых, выраженных сложными глагольными формами, выражает не только различные грамматические значения, но и содержит в себе характеристику действия в различных аспектах: в отношении временных способов протекания (начало, конец) действия, в отно-

шении характера его протекания (непрерывность, длительность и т. д.). Поэтому основные значения таких сказуемых сводятся к выражению степени совершения действия с указанием различных этапов и темпов движения во времени.

Составное глагольное сказуемое может состоять из инфинитива и вспомогательного глагола: *Ол менден ялгъан берип герти алма сюйдю* «Он захотел меня обмануть».

Составное глагольное сказуемое выражается сочетанием глаголов в спрягаемой и неспрягаемой формах, модальных слов и частиц. Сказуемое здесь выражает внутреннюю и внешнюю динамику действия, процесса, явления и события: *Гюзге мени армиягъа алма герек эди* (К.Абуков) «К осени меня должны были призвать в армию». *Мен школагъа бармагъа тарыкъ эдим* (З.Атаева) «Я должен был пойти в школу».

Осложненные формы глагольного сказуемого

Глагольное сказуемое нередко может выражаться повторением одного и того же глагола. При этом оно осложняется и по своей структуре отличается от простых и становится ближе к составным глагольным сказуемым.

В кумыкском языке выделяются следующие основные конструктивные разновидности таких сказуемых.

1. Осложненное сказуемое может выражаться повторением простого глагола, где первый компонент употребляется с аффиксом условного наклонения -*са/-се,* а второй — с аффиксом повелительного (во 2-м и 3-м л.) и желательного (в 1-м л.) наклонений. При этом оно выражает действие или состояние, с оттенком безразличия к его совершению: *Йыгъылсам, йыгъылайым* «Пусть падаю». *Айтса, айтсын* «Пусть скажет». *Гелсенг, гел* «Если хочешь приходи». *Алмаса, алмасын* «Если не хочет, пусть не берет».

2. Повелительная форма одной и той же глагольной основы может повторяться два и более раза и образовать осложненную форму сказуемого, выражающую действие с оттенком просьбы, повеления, согласия и т. д.: *Тур, турсана, мени Абдуллам, турсана* (из нар. песни) «Вставай же, мой Абдулла, вставай».

3. Осложненная форма глагольного сказуемого может образоваться повторением формы глагола прошедшего категорического времени. Такое ска-

зуемое выражает поспешность в протекании или завершении действия: *Айтдым, айтдым, алмадынг, бирдагъы айтсам, оьлейим* (из песни) «Говорил, говорил тебе, ты не поняла, чтоб я умер, если еще раз скажу».

ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ

Простое именное сказуемое

Сказуемое, выраженное простым, производным или сложным именем, компоненты которого пишутся слитно, называется простым именным сказуемым. Простое именное сказуемое выражается:

1) существительным в основном падеже: *Шо яш - сени уланынг Баташ* (И.Керимов) «Тот мальчик – твой сын Баташ». *Хоншумну уллу уланы – айтылгъан инженер, гиччиси буса гьали де школада охуй* (Къ.Шамсутдинов) «Старший сын моего соседа – известный инженер, а младший еще учится в школе»;

2) изафетом с замыкающим именем: а) в основном падеже: *Культура женнети бизин юртдур* (Т.Бийболатов) «Культурный рай - наше село»; б) в местном падеже: *Сени насибинг – мени къолумда* «Твое счастье в моих руках;

3) именем прилагательным и наречием: *Бугюн чакъ эпсиз арив* (М.Ягьияев) «Сегодня погода очень хорошая». *Механизаторлагъа савгъатланы тапшурагъан гюн – муна бугюн* (М.Абуков) «День вручения наград механизаторам – сегодня»;

4) именем числительным: *Дёрт керен беш – йигирма* «Четырежды пять – двадцать»;

5) местоимением: *Шо ишни бажарагъанлар бизбиз* (Р.Расулов) «Те, которые могут делать эту работу, - мы»;

6) притяжательной формой на *-ныки* имен существительных и местоимений: *Терек тюпде ятгъан къара къозу Жансуратныки эди* (Къ. Шамсутдинов) «Чёрная коза, лежавшая под деревом, принадлежала Жансурату»;

7) предикативным словом: *Сени яшларынг бармы*? «У тебя есть дети?

Именные сказуемые, как и простые глагольные сказуемые, имеют синтетическую форму сказуемости, однако, в отличие от них, употребляются только в предложениях, относящихся к настоящему времени.

Составное именное сказуемое

Сказуемые, состоящие из неразложимого по функции сочетания двух или более слов, называются составными. Такие сказуемые условно можно разделить на две большие группы: 1) сказуемые, состоящие из сочетания двух или более знаменательных слов, 2) сказуемые, состоящие из сочетания одного знаменательного и служебного слова или из сочетания двух или более знаменательных слов со служебным словом.

Составные именные сказуемые очень часто выражаются сочетанием имени с вспомогательным глаголом и связкой. Вещественное значение такого сказуемого всегда передается именем. Вспомогательные же слова, которые делают его составным, являются носителями формантов предикативности. Вспомогательные глаголы в составе именного сказуемого имеют временное и модальное значение.

В качестве вспомогательных и модально-вспомогательных глаголов, связок и частиц чаще всего употребляются слова *эди, бол-, эт-, тюгюл, гёр-, экен* и т. д.

Слово *эди* в составе именного, а также глагольного сказуемого может занимать постпозицию. В этом случае особенно ярко проявляется основная синтаксическая функция слова *эди*, заключающаяся в образовании прошедшего времени сказуемого: *О заман уллу атабыз къарт болгъан эди* «Тогда наш дед был уже старый».

Наиболее характерной связкой являются глаголы *эди* или *бол-* «быть», «стать», «становиться», «делаться». Примеры: *О заман мен гиччи яш эдим* (Къ. Шамсутдинов) «В то время я был маленьким ребенком». *Институтну битдирген сонг ол директор болду* «После окончания института он стал директором».

Глагол *бол-* употребляется не только в функции связки, но и как самостоятельное сказуемое, например: *Авшам болду* «Наступил вечер», а также в словообразовательной функции (как компонент составных глаголов), например: *Мен огъар рази болмадым* «Я не согласился с ним».

Составное именное сказуемое выражается именем прилагательным или наречием в сочетании со служебным глаголом-связкой или служебными глаголами, представленными в одной из спрягаемых форм: *Эгер сен бираз артыкъ*

культуралы болгъан эдинг буса, ингилисли булан сёйлеп болажакъ эдинг (Р.Гьамзатов) «Если бы ты был более культурным, ты бы смог говорить с англичанином». В роли связки употребляются и другие глаголы.

Составное именное сказуемое, неизменяемой частью которого выступает имя, а изменяемой — глагол, имеет две разновидности.

Средством выражения первой разновидности такого сказуемого являются глаголы аналитического типа, представляющие собой идиоматические или фразеологические обороты типа: *Уьлкюлени артындан къулакъ асдым* (Р.Расулов) «За кустами я прислушался». *Директор бизин исси кюйде къабул этди* (И.Ибрагьимов) «Директор нас встретил тепло».

Вторая разновидность составных именных сказуемых представлена членами предложения, выраженными сложносоставными глаголами типа: *Мен ону булан рази болдум* (И.Ибрагьимов) «Я согласился с ним». *Муну гёрген гиши герти юрекден шат болажакъ* (Аяв) «Тот, кто увидел это, от души обрадуется» и т. д.

Именные составные сказуемые, наряду с сообщением о каком-нибудь явлении, процессе и т. д., выражают и отношение говорящего к высказыванию. Такое отношение выражается и простым глагольным сказуемым. В отличие от простого сказуемого, в структуре составного сказуемого для этого часто употребляются модально-вспомогательные глаголы и слова в различных производных формах: *бол-, сюй-, герек, тарыкъ* и т. д., которые сочетаются с причастными и деепричастными глагольными формами, а также личными формами глагола и образуют составные сказуемые. Они часто употребляются и в структуре любой разновидности составных сказуемых. *Ол инженер болмагъа герек эди* «Он должен был стать инженером».

Согласование подлежащего и сказуемого в лице во многом обусловлено спецификой личного оформления сказуемого в тюркских языках.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Дополнение

По содержанию и грамматическому оформлению различаются прямое и косвенное дополнение.

Прямое дополнение

Прямое дополнение выражается обычно именем существительным в основном или винительном падеже. Оно может быть выражено также другими частями речи — местоимениями, числительными, прилагательными, причастиями в винительном падеже. Кроме того, прямое дополнение может быть выражено фразеологическим сочетанием.

1. Прямое дополнение — имя существительное в основном падеже. По нашим наблюдениям, функционировать в качестве прямого дополнения может в основном падеже только имя существительное. Чаще всего такое дополнение не снабжено никакими определениями и тесно связано семантико-синтаксическими связями с глаголом-сказуемым, которое оно дополняет. Примеры: *Уллубий Смирнов булан янаша пайтонда олтургъан* (М.Ягьияев «Уллубий сидит рядом со Смирновым в фаэтоне». *Я Хайрутдин булан болма герексен, я бизин булан* (М.Хангишиев) «Ты должен быть или с Хайрутдином, или с нами».

Прямое дополнение (имя существительное в основном падеже) может иметь перед собой определение, но обязательно снабженное числительным *бир* «один» или наречиями неопределенного количества *кёп* «много», *аз* «мало», например: *Агъачлыкъда магъа бир аюв ёлукъду* (М.Абуков) «В лесу я встретил одного медведя». *Шо гече ол магъа кёп хабарлар айтды* «В тот вечер он мне рассказал много разных историй».

2. Прямое дополнение — имя существительное и другие имена в винительном падеже. Употребление основного или винительного падежа существительного в функции прямого дополнения обычно связывают в тюркских языках с категорией определенности — неопределенности. Однако эта категория не получила достаточно четкого выражения в тюркских языках (ни лексического, ни грамматического) и поэтому далеко не все случаи выбора основного или винительного падежа для существительного в функции прямого дополнения поддаются объяснению с этой точки зрения.

Выше было показано, что основной падеж употребляется, когда существительное в функции прямого дополнения либо не имеет определений (т. е. выражает объект в какой-то степени неопределенный), либо снабжено показателями неопределенности *бир, кёп, аз, бираз*. Однако встречаются и отступле-

ния от этой схемы. Так, определенность или неопределенность объекта может, по-видимому, зависеть лишь от контекста, и в соответствии с этим прямое дополнение оформляется основным или винительным падежом, например: *Ол къолтугъуна бир китапланы къысдырып айлана* (З.Атаева) «Он ходит держа под мышкой какие-то книги». *Халкъ да бар ерде ол бир тарыкъсыз затлар сёйлей эди* (М.Ягьияев) «При людях он говорил какие-то неприличные вещи».

Примеры на различные случаи выражения прямого дополнения именами в форме винительного падежа:

а) имя существительное без определений: *Шо йыл язбашда яшлар школаны бавуна терек орнатдылар, уьч йылдан олар емиш бермеге башлады* (И.Керимов) Весной того года в школьном сваду дети посадили деревья, через три года они начали давать урожай»;

б) имя существительное с аффиксом принадлежности (компо нент изафета): *Шо йыл Чапаевни атындагъы колхозну председателин партияны область конференциясына делегат этип сайладылар* (И.Керимов) «В тот год председателя колхоза им. Чапаева избрали делегатом областной партийной конференции»;

в) имя существительное с определением-прилагательным: *Яшавунда ол кёп авур къуллукъланы кютюп гелген* (М.Абуков) «В своей жизни он видел много тяжелых случаев»;

г) местоимение (с определением или без него): *Шо заман сен мени тюз англамадынг* (И.Ибрагьимов) «В то время ты меня неправильно понял»;

д) субстантивированное числительное: *…Бирни мен гьазирине гёрдюм, шоссагьат ол да экини эс этди* (Къ.Шамсутдинов) «Одного я увидел сраву, тут же и он увидел второго»;

е) субстантивированное прилагательное: *Къызылланы тав халкъ къуванч булан къаршылады* (И.Керимов) «Красных горцы встретили радушно»;

ж) субстантивированное причастие: *Колхозда яхшы ишлейгенлени председатель, озокъда, ушата* (М.Хангишиев) «Председателю, конечно, понравятся люди, которые полностью отдают себя колхозу».

з) имена действия: *Мен, бу айтагъанны яшырмай, магъа гёчюрмекни тиледим* (Аткъай) «Я, не скрывая того, что он говорит, попросил, чтобы разговор перевели на меня».

Косвенное дополнение

Косвенное дополнение выражается чаще всего именем существительным, реже — местоимением, количественным числительным, стоящими в так называемых пространственных падежах — дательном, местном, исходном или в сочетании с послелогами, служебными именами. Косвенное дополнение связано в предложении со сказуемым. Выбор падежной формы косвенного дополнения зависит прежде всего от его смысловых связей со сказуемым, а также от специфики управления данного сказуемого.

1. Косвенное дополнение — имя в дательном падеже: *Генг столгъа тепси булан арив ийис гелеген чишлик сала* (М.Ягьияев) «На широкий стол кладет шашлык с приятным запахом».

2. Косвенное дополнение — имя в местном падеже: *Талада гьабижай чачгъан эдим* (К.Абуков) «Я посеял кукрузу на поляне».

3. Косвенное дополнение — имя в исходном падеже: *Юртдан чыкъды, кёпюрлерден оьтдю (*И.Ибрагьимов) «Он вышел из села, прошел через мосты».

4. Косвенное дополнение — имя существительное в основном падеже или местоимение в родительном падеже с послелогами *булан, учун,* передающими связь косвенного объекта действия со сказуемым. Примеры: *Биринчиликни алгъаны учун савгъатланажакъ* «За то, что занял первое место, он будет награжден». *Лагерде мен кёп яшлар булан таныш болдум* «В лагере я познакомился со многими ребятами».

5. Косвенное дополнение — имя существительное в сочетании со служебными именами (изафетное словосочетание). При этом служебное имя стоит в одном из пространственных падежей: *Ону гьакъында мен повесть язажакъман* «Про него я напишу повесть».

6. Косвенное дополнение может быть выражено именем действия: *Арив хабарны билдиргенге савгъат берилди* «Тому, кто сообщил приятную новость, был вручен подарок».

Определение

Определение относится обычно к имени существительному, реже — к имени прилагательному. Поэтому оно может относиться к любому члену предложения, выраженному этими частями речи. Определение выражается всеми именными частями речи.

Функция определения наиболее характерна для прилагательных и причастий, так как они выражают признак. *Ол юртда къалгъан досун, къурдашларын, клупда юрюлеген чебер кружокланы сагъынып, кёп ойлай эди* (Къ. Шамсутдинов) «Он много думал о подруге, оставшейся в селении, о друзьях, художественных кружках, которые проходили в клубе».

Наречия, выражающие количественный или качественный признак, также могут выступать в роли определения при существительном: *Сендей адам тувмагъандыр дюньягъа* «Такой человек как ты, наверное, еще не родился».

Имена существительные, местоимения, порядковые числительные в роли определения могут выступать как в своей основной форме, так и в форме родительного падежа (в составе изафета) или пространственных падежей (с послелогами или без них). *Къумукъ театр геле деген хабар юртгъа яйылгъаны эки гюн бола* (М.Ягьияев) «Вот уже второй день как по селу распространилась весть о том, что приезжает кумыкский театр».

Имена действия в роли определения: *Сёйлемек пагьму менде ёкъ, тилеймен шо ишни магъа тапшурмагъыз* (И.Керимов).

Определение выражается адъективированным существительным в местном падеже с определительным аффиксом *–гъы, -ги,* обозначающим местонахождение: *Мосевке Эндирейни этегиндеги къапусундан чыгъа* (Фольк.) «Мосевке выходит из ворот, находящихся у подножия Эндирея.

Приложение

Приложение — своеобразная разновидность определения, не только поясняющего предмет, но и дающего ему новое дополнительное наименование. Если определение может выражаться различными частями речи, то в роли приложения выступают только имя существительное и субстантивированные слова. В отличие от определения, приложение употребляется после определяемого слова.

Приложение может быть выражено:

1. Собственными именами: *Полкну командири – полковник Сулимов – мени оьзюню ягъына чакъырды* (И.Керимов) «Командир полка – полковник Сулимов – пригласил меня к себе».

Если приложение и определяемое слово выражаются именем существительным, то между ними ставится тире.

Иногда приложение образуется путем простого повторения определяемого слова, но перед ним употребляются поясняющие определения. В подобных случаях приложение со своими определениями выделяется запятыми, при этом основная смысловая нагрузка предложения падает на поясняющие слова приложения: *Онагьана Асият, мени аявлу Асиятым, бизин оьктемлигибиз* «Вон Асият, моя дорогая Асият, гордость наша».

2. Изафетной конструкцией: *Фольклор – халкъны авуз яратывчулугъу –, гертилей де, чебер адабиятны анасы йимик зат* (М.Абуков) «Фольклор – устное народное творчество, - действительно, как мать художественной литературы».

3. Определительным местоимением: *Биз оьзюбюз бойнубузгъа алып айланмасакъ, иш мекенли болурму?* (М.Абуков) «Если мы сами на собственном горбу не будем таскать, разве у нас что-нибудь получится».

В подобных случаях приложение от определяемого слова знаками препинания не отделяется.

Характерно, что в зависимости от контекста определяемое слово приложения может выступать в качестве сказуемого предложения.

Приложение имеет следующие семантико-функциональные особенности:

а) обозначает профессию, звание, должность, квалификацию, специальность: *Садрутдинни, колхозну башлапгъы профсоюз къурумуну башчысын, районгъа чакъырып гетди* (Ш.Альбериев) «Садрутдина, председателя первичной профсоюзной организации колхоза, пригласили в район»;

б) выражает возрастные особенности и родственные отношения: *Али агъав Дагъыстанны халкъ шаири эди* (Аткъай) «Дядя Али был народным поэтом Дагестана»;

в) лексикализуясь, приложение обозначает предназначение предмета: *Халкъара ярышларда россиялы студентлер-физкультурниклер уллу уьстюнлюклер къазангъан* (из газеты) «На международных соревнованиях российские студенты-физкультурники достигли больших успехов»;

г) обозначает географическое понятие, служит условным названием предметов: *Къумукъланы журналы «Тангчолпан» яш язывчулагъа яхшы кёмек этеген болгъан* (из газеты) «Кумыкский журнал «Тангчолпан» стал помогать молодым писателям».

Обстоятельство

В современном кумыкском языке выделяются обстоятельства времени, места и направления, причины, цели, образа действия, сравнения, меры и степени, условия, уступки, обстановки (ситуации).

Они разнообразны по составу их структурных элементов, по их лексико-грамматической выраженности. По строению в каждом типе обстоятельства различаются простые и составные, реже сложные обстоятельства.

Обстоятельство времени

Обстоятельства времени обозначают время совершения действия, выраженного глаголом. Они могут употребляться препозитивно, постпозитивно (в поэзии) и в середине синтаксической конструкции.

Простое обстоятельство времени преимущественно выражается:

1) наречием времени: *Я тюнегюн, я бирисигюн къазакълар дав баинамады* (М.Ягьияев) «Ни вчера, ни позавчера казаки не начали войну». *Бираз алда мен де оъмюрюмде биринчилей Магъачкъалагъа баргъан эдим* (Ш. Альбериев) «Недавно я впервые в своей жизни побыл в Махачкале»;

2) именем в дательном падеже со значением наречия: *Тюшге биз Астрахангъа етишдик* (М.Ягъияев) «К обеду мы доехали до Астрахани». *Геч заман, танггъа аз къалгъан* (М.Ягьияев) «Время позднее, до рассвета осталось мало»;

3) существительным, числительным, причастием, именем действия в местном падеже: *Язда Гъасан талада бичен чалып тура болгъан* (К.Абуков) «Летом Гасан косил сено на сенокосной поляне. *Сагьат бешде биз уъйде болажакъбыз* (У.Мантаева) «К пяти часам мы будем дома». *Мен*

оъзюм сюйгенде баражакъман (Б.Атаев) «Когда захочу, тогда и пойду»; *Савусгъанны бурнуну учу чыкъмакълыкъда вазирлерине ишара эте* (Ибрагьимов-Къызларлы) «Как только появляется нос сороки, он дает знак своим везирам»;

4) существительным в исходном падеже: *Ону биз кёпден гёзлейбиз* (Х.Арсланбеков) «Его мы давно ждем»;

5) деепричастием: *Къызыл отрядлар гечелетип гери тартылды* (И.Керимов) «Ночью красные отряды отступили». *Мен де шо топда кьангъынча бийидим* (А.Акавов) «Я тоже на той свадьбе танцевал столько, сколько хотел».

Составное обстоятельство времени выражается:

1) основным падежом имени с послелогом *булан: Танг булан къурувчулар ишге гиришдилер* (З.Атаева) «С рассвета строители приступили к работе»; *...Гъар ёлукъгъанда шо гъакъда сагьатлар булан эрише эдик* (И.Керимов) «При каждой встрече об этом мы спорили часами»;

2) родительным падежом с послелогами *узагъында, алдында, алда: Байрамны алдында ол бизин булан бирче курортда ял* алды (З.Атаева) «Перед праздником он с нами отдыхал в курорте». *Биз онда сав айны узагъында ишледик* «Мы там работали в течение месяца»;

3) существительным в дательном падеже с послелогом *таба: Тюшге таба ел токътады* «К обеду ветер перестал». *Эртенге таба отрядлар Темирхан-шурагъа багъып тербедилер* (М.Ягьияев) «К утру отряды тронулись в сторону Темирхан-шуры»;

4) существительным в исходном падеже с послелогами *сонг, берли, тутуп, башлап: Сен болмагъан гюнден сонг сабанлыгъынг сари яр болсун* (фольклор) «После того как тебя не станет, чтобы твои посевы превратились в желтую скалу». *Лап яш заманымдан берли сурат этмеге муштарлы эдим* (Ч.Айтматов) «С самого раннего возраста я любил рисовать». *Тангаладан башлап чачывгъа чыгъабыз* (З.Атаева) «С завтрашнего дня начинаем посевы»;

5) исходным падежом существительного с послелогом *берли* «с тех

пор, начиная с»: *Ондан берли де бола уъч йыл* (М.Ягьияев) «С тех пор тоже прошло три года»; *Экзаменлеге охувну биринчи гюнюнден берли гъазирлене гелебиз* (И.Керимов) «С первых дней учебы готовим к экзаменам»;

6) существительным с послелогом *сайын: Бюрону ортакъчыларыны санаву гюн сайын арта бара* (М.Ягьияев) «С каждым днем растет количество членов бюро».

Если обстоятельство времени употребляется препозитивно или перед глаголом-сказуемым, то оно, как правило, актуализируется.

Обстоятельство места и направления

Обстоятельство места обозначает место действия, направление и путь движения.

Простое обстоятельство места выражается следующими словоформами:

1) существительным в дательном падеже: *Бугюнлерде Торкъалиге бараман (М.Ягъияев) «В эти дни я собираюсь в Торкали». Чечеклер онча да кёп, гъатта вазалагъа, чайниклеге де салынгъан* (У.Мантаева) «Цветов так много, что их поставили и в вазы, и в чайники»;

2) существительным в исходном падеже: *Москвадан гелгени бираз бола* (М.Ягьияев) «Прошло немного времени как он приехал из Москвы». *Юртдан чыкъды, кёпюрлерден оътдю* (И.Ибрагьимов) «Он вышел из села, прошел через мосты»;

3) существительным в местном падеже: *Талада гъабиждай чачгъан эдим* (К.Абуков) «Я посеял кукурузу на поляне». *Шо уьйлерде он эки адам яшай* (З.Атаева) «В этих домах живет двенадцать семей».

Составное обстоятельство места выражается изафетной конструкцией с замыкающим компонентом в дательном, местном и исходном падежах: *Тав башында яшайсан, аллагь сакъласын сени* (Анвар) «Ты живешь на вершине горы, пускай бог бережет тебя». *Оьзен бойда янгыз оьсген тал терек* (А.Устарханов) «На берегу реки одиноко росла сосна».

Обстоятельство причины

Обстоятельство причины обозначает причину совершения действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство причины выражается следующими словоформами:

1) существительным, прилагательным или причастием в дательном падеже: *Гюн салкъынгъа от оъсмей* «Из-за холода трава не растет». *Балики, олардан чагъы гиччиге болма ярай* (М.Ягьияев) «Возможно, потому, что она моложе их». *Бирче ишлейгенге бир зат да айтмай къойгъан эдим* (З.Атаева) «Так как работаем вместе, я ничего не сказал»;

2) именем действия в исходном падеже: *Татув сююнмекден къычырып йиберди* (М.Ягьияев) «Татув заплакала от радости». *Къабунмакъдан Абуш олтуруп йылады* (И.Керимов) «От возбуждения Абуш сел и заплакал»;

3) деепричастием на *-п: Кавланып бары затны унутуп къалгъан бусам ярай* (К.Абуков) «Ободрившись, видимо, я забыл про все». *Йыгьылып аягъын авуртдургъан* «Упав, навредил себе ногу».

Составное обстоятельство причины может быть выражено:

1) именем действия, местоимением или причастием прошедшего времени с послелогами *саялы, себепли: Гечикгени саялы Алиге уялма тюшдю* (И.Керимов) «Али засмущался за то, что опаздал». *Звонок болгъанны билмеген себепли ол биринчи дарсгъа етишип болмады* (И.Керимов) «За то, что он не знал о том, что был звонок, он не успел на первый урок». *Сен саялы тюгюлмю мени шулай азгъаным* (из песни) «Разве не из-за тебя я так сильно похудел»;

2) деепричастным оборотом: *Гюнню иссисине чыдамай, гьавчу терекни тюбюне гирди* (М.Абуков) «Будучи не в состоянии выдержать жару на солнце, охотник стал в тени дерева». *Сёзюнге тынгламай, айтгъанынг этмей, нечелер намусгъа къурбан гетгенлер* (А.Сулейманов) «Не слушаясь тебя, не делая то, что ты говоришь, сколько людей стало жертвой совести»;

3) причастием прошедшего времени с послелогом *сайын: ...Къыз тюгюл, юлдуз, гёрген сайын гёрме сюемен (из песни)* «Не девушка, а звезда, сколько бы ни видел, все больше хочу видеть». *Чакъ буса баргъан сайын бузукълаша* (С.Токъболатов) «А погода с каждым днем ухудшалась»;

4) именем действия в направительном падеже с послелогом *гёре: Синоптиклер билдирегенге гёре, чакъ тангала ачыкъ болажакъ* («Ёлдаш») «По

прогнозам синоптиков завтра будет ясная погода»; *Боран башланып къалгъангъа гёре, олар Уланхолда къалгъан эдилер* (М.Абуков) «Поскольку начался ураган, они остались в Уланхоле».

Обстоятельство причины является очень подвижным второстепенным членом предложения: оно может употребляться препозитивно перед подлежащим и перед сказуемым. Его местоположение всецело зависит от характера контекста и коммуникативного назначения синтаксической конструкции.

Обстоятельство цели

Обстоятельство цели обозначает цель совершения действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство цели в кумыкском языке не получило морфологического выражения. Оно выражается лишь различными формами целевого инфинитива и деепричастия на *–п*: *Биз мунда охумагъа гелгенбиз* «Мы приехали сюда учиться». *Мен сенден бир батыр сорай гелгенмен, шопу гьакъында билегенинг айтсана* (Анвар) *«*Я приехал спросить об одном герое, скажи, пожалуйста, что ты знаешь о нем». *Айран тилей гелгенсен, яшырма челегингни* (Из песни) «Ты пришла просить айран (кислое молоко с водой), не прячь свое ведро».

Существительное в форме дательного падежа также выступает в роли обстоятельства цели: *Давутну оьзюню тюкенине приказчиликге алгъан эди* (Н.Батырмурзаев) «Он принял Давуда в свой магазин приказчиком». *Бизин юртдагьы авчулар тавлагьа къабангъа юрюй болгъан деп эшитгенмен* (К.Абуков) «Я слышал, что наши сельчане охотились в горах на кабанов».

Составное обстоятельство цели, получившее довольно широкое распространение в художественных произведениях, выражается преимущественно следующими конструкциями:

1) именем действия на *-макъ* с послелогом *учун*: *Олагъа къаршы турмакъ учун савутлу асгер герек* (М.Ягьияев) «Чтобы противостоять им, нужна вооруженная армия». *Хайрулла орталыкъда олтургъан Нинаны бетине къарамакъ учун бираз ари йылышды* (Аткъай) «Хайрулла, чтобы посмотреть в лицо Нине, отодвинулся подальше»;

2) глаголами изъявительного, повелительного или желательного (в 1-м

лице) наклонений с послелогом *деп: Ол бек алгъасап, агъайымны гёрейим деп гетди* (З.Атаева) «Он вспешке ушел навестить старшего брата». *Мен ону шагъарда гёрермен деп гетди* «Он ушел, сказав, что его увидит в городе. *Тамурлу гюл бердим сагъа язбашда, Чечеклерин пурхагъызгъа тартсын деп* (А.Татамов) «Я подарил тебе живые цветы весной, чтобы украшали они вашу веранду»;

3) именами существительными и местоимениями в дательном падеже с послелогом *деп: Анама деп шагъардан жораплар гелтирдим* «Я привез из города для матери чулки»; *Сагъа деп ишърулар язгъан эдим мен, Сагъа деп чечеклер жыйгъан эдим мен* «Тебе я посвятил свои стихи, тебе я собирал эти цветы»;

4) именем существительным или местоимением с послелогом *учун: Халкъым учун темир ёллар, вокзаллар, кёпюрлер къурар эдим...* (И.Керимов) «Ради моего народа я построил бы железные дороги, вокзалы, мосты». *Ватан учун жаным берме къабулман* «Ради Родины готов отдать свою жизнь». *Мен оьлейим сени учун* (из песни) «Чтобы я умер ради тебя».

В зависимости от характера контекста и коммуникативного задания обстоятельство цели может выступать и в качестве основного, организующего компонента деепричастных оборотов.

Обстоятельство образа действия

Обстоятельство образа действия обозначает прием, способ, метод совершения действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство образа действия выражается следующими словоформами:

1) наречием и прилагательным: *Гъали инг де аслу масъала - бизин адамларыбызны аман сакъламакъ* (М.Ягьияев) «Теперь главная задача - сберечь своих людей». *Айкъыз, гертиден де оьзюню къардашын сувукь къаршылады* (Ш.Рашидов) «Айкъыз встретила свою родственницу, действительно, холодно»;

2) деепричастием: *Яллав яйда яланаякъ юрюймен акъ гёбюклю ягъанг булан, чапмайлы* (Гь.Багьавдин) «В летнюю жару босиком и спокойно иду я по белому твоему берегу». *Олар оьзлер сююп фронтгъа гетдилер* (Б.Атаев) «Они сами добровольно ушли на фронт». *Уллубий атланып ёлгъа*

чыкъды (М.Ягьияев) «Уллубий сел на коня и отправился в путь». *Юрюп уьстюне баргъан* (И.Къазакъ) «Пешком он пошел прямо к нему»;

3) существительным в исходном падеже: *Эришивлер бизин теренден ойлашдыра* (М.Абуков) «Споры заставляют нас глубоко задуматься». *Ону ахырынчы сёзлери гьакь юрекден айтылгъан сёзлер эди* (М.Ягьияев) «Его последние слова были сказаны от чистого сердца»;

4) редуплицированной формой деепричастия на *-а-э, -й* и на *-п:*

а) полной редупликацией: *Яшлар анасыны ягъына чаба-чаба гелдилер* «Дети бегом прибежали к матери». *Чыгъып-чыгъып къаршылардан къарасам, Гёрюнмейсен, яв юрегим ярасан* (Из народной песни) «Выхожу, выхожу напротив и смотрю, тебя не вижу я, разрывается сердце моё»;

б) частичной редупликацией: *Азизлеге акъсай-токъсай етейик* (И.Къазакъ) «Чтобы дошли к близким, хромая». *Йыгъыла-сюрюне гелип тюшдюк тузакъгъа* (Й.Къазакъ) «Падая, спотыкаясь, попали в капкан»;

5) существительным в местном падеже: *Чувлукъда ва сакълыкъда экиуъч гюн гетди* (Р.Расулов) «Два-три дня прошли в тишине и в осторожности». *Къарангылыкъда гечени эртен этдик* «В темноте мы провели всю ночь».

Составное обстоятельство образа действия может быть выражено:

1) существительным или именем действия в именительном падеже с послелогами *булан, йимик: Къыз гьакимге герти юреги булан гъашыкъ* (З.Атаева) «Девушка серьезно влюблена в руководителя». *Гъакимни тапшурувларын агитбригаданы ортакъчылары иштагьлыкъ булан кютелер* (З.Атаева) «Поручения руководителя участники агитбригады выполняют с радостью». *Артист къыз бюлбюл йимик йырлай эди* «Артистка пела как соловей»;

2) изафетным сочетанием с послелогом *таба* «через, по»: *Уллубий пенснелерини тюбюнден таба алда олтургъан къызлагъа къарады* (М.Ягьияев) «Уллубий из-под пенсне посмотрел на девушек, сидящих впереди»;

3) аналитической формой деепричастия *-а туруп: Офицерлер хабарлай туруп баралар* (Р.Расулов) «Офицеры идут разговаривая». *Юрюп туруп гелтиремен эсиме, Ярты къалгъан йырымны, сёз тапмайлы*

(Гъ.Багъавдин) «Иду и вспоминаю песню свою, которую не написал, не находя слов».

Обстоятельство сравнения

Обстоятельство сравнения обозначает сопоставление, сравнение действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство сравнения выражается следующими словоформами:

1) существительным, субстантивированными именами в сравнительной форме на *-дай/-дей*: *Мармардай таш чоргъадан гюмюшдей сув тёгюле* (Б.Астемиров) «Из каменного жернова, твердого как мрамор, словно серебро, течет вода». *Алгъасайман гёрмеге айдай арив юзюнгню* (Из песни) «Спешу видеть луноликое лицо твое»;

2) существительным и местоимением в исходном падеже в сочетании с прилагательными: *Нажмутдин барысындан да алаша, тек мазаллы ва семиз* (Х.Арсланбеков) «Нажмутдин ниже всех, но здоровее и полнее»;

3) прилагательным с аффиксом принадлежности третьего лица *-сы*: *Сайит яшланы арасында абурлусу* (М.Ягьияев) «Сайит более уважаемый из детей». *Къызланы уллусу Катя уянды* (И.Керимов) «Проснулась старшая из девочек Катя». *Бир къайгъыны уьстюне бирдагъысы, лап гючлюсю* (Б.Атаев) «На одно горе другое - еще тяжелее».

Составное обстоятельство сравнения выражается следующими конструкциями:

1) существительным или местоимением в основном или родительном падеже с послелогом *йимик: Ишчилер арсланны йимик дав эте эди* (Р.Расулов) «Рабочие воевали как львы». *Мен де сизин йимик бир адамман* (Аяв) «Я тоже такой же человек как вы». *Къаз йимик къычыраман деп, къаргъаны къурсагъы ярылгъан* (поговорка) «Ворона хотела крикнуть как гусь и порвала себе брюхо»;

2) существительным или местоимением в сочетании с послелогом *чакъы: Айтыв чакъы да иш болмас, аюв чакъы баш да болмас* (поговорка) «Как в пословице работы не бывает, размером с медведя головы не бывает».

Мен чакъы да билмейсен «Даже столько, сколько я, не знаешь».

Обстоятельство меры и степени

Данное обстоятельство обозначает объем, размер, меру и степень совершения действия, выраженного глаголом.

Обстоятельство меры и степени преимущественно выражается следующими словоформами:

1) числительным в сочетании с существительными в дательном или исходном падежах: *Магъыз, юз манатгъа берейим* (И.Керимов) «Нате, возьмите за сто рублей». *Абдурагьман манатдан кем бермеген* (Из народной песни) «Абдурахман не дал меньше рубля»;

2) числительным и нумеративами со словами *керен, къабат, къат: Мен ону булан эки керен ёлукъдум* «Я встретился с ним дважды». *Эки къабат артыкъ этип къайтардым* (А.Устарханов) «Дважды больше я ему вернул»;

5) наречием: *Абакар штабгъа йиберилгенлерден хабар ёкъгъа бек къыйналды* (М.Ягьияев) «Абакар сильно переживал за то, что нет вестей от тех, кто был отправлен в штаб». *Бир-бирде янгы дарсны англама эпсиз къыйын бола* (И.Керимов) «Иногда бывает весьма трудно понять новый урок»;

6) сочетанием числительного, полнозначного существительного и служебного имени *бою: Он йыл бою гёрмегенмен къурдашым* (Р.Расулов) «В течение десяти лет не видел я своего друга». *Йырла дейсиз, гьейлер нечик йырлайым, йыллар бою йылай буса юрегим* (М.Атабаев) «Вы говорите: спой, как мне петь, когда годами плачет сердце мое»;

7) формой деепричастия на *-гъыича, -гинче: Мен де шо тойда къангъынча тобукъ уруп бийимеге де бийип, гьали буссагъат къайтып гелеген вакътим (Аяв)* «Я тоже на той свадьбе от души потанцевал и сейчас возвращаюсь обратно». *Ари-бери талпынабыз талгъынча, этден тайып, сюегибиз къалгъынча* (Й.Къазакъ) «Туда-сюда бегаем до устали, пока не останутся одни кости»;

9) идиоматической единицей или фразеологическим сочетанием слов: *Ашамайман,* ***хырданыма ерли тойгъанман*** *«Не буду есть, я сыт до горла».*

Таким образом, в отличие от определения обстоятельство меры и степени относится к глаголу и раскрывает его содержание.

Обстоятельство условия

Обстоятельства условия обозначают условие, при котором возможно действие или состояние. Обстоятельства условия обычно выделяются на основе лексической семантики предложения. О значении условия в простом предложении сигнализируют словоформы с аффиксом *-сыз. Янгурсуз ашлыкъ болмас* (посл.) «Если нет дождя, не будет урожая». *Янгурсуз ашлыкълар болмас* «Без дождя посевы не вырастут».

В современном кумыкском языке в живой разговорной речи в составе простого предложения обстоятельства условия встречаются редко.

Обстоятельство уступки

Обстоятельство уступки обозначает факт, вопреки которому свершается действие.

Оно выражается именем существительным или именем действия в дательном падеже с послелогом *къарамайлы, къарамай: Къаттыгюн экепге де къарамайлы, школада яшлар кёп эди* (И.Керимов) «Несмотря на то, что было воскресенье в школе было много детей».

ПРОСТОЕ ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Обособленные второстепенные члены предложения

Чтобы придать высказыванию дополнительные оттенки значений, обычно по смыслу и интонации выделяют второстепенные члены, которые и называются обособленными второстепенными членами. Не являясь особой синтаксической единицей, обособленные второстепенные члены, однако, пользуются определенной интонационно-смысловой самостоятельностью в составе предложения. Обособляться может любой из второстепенных членов.

Обособленное определение

В кумыкском языке часто обособляется особый вид определения – при-

ложение.

Обособляется приложение, стоящее после личного местоимения, относящееся к нему и поясняющее его: *Сиз, онунчу классны охувчулары, айрокъда яхшы охумагъа тарыкъсыз* (И.Керимов) «Вы, учащиеся десятого класса, должны особенно хорошо учиться».

Обособляется приложение, относящееся к собственному существительному: *Магьамматны агъасы Атай, профессор, юртну клубунда яхшы лекция охуду* (И.Керимов) «Брат Магомеда Атай, профессор, в сельском клубе прочитал хорошую лекцию»; *Максим Горький – уллу совет язывчу – 1868-нчи йылда тувгъан* («Ленин ёлу») «Максим Горький – великий советский писатель – родился в 1868 году».

Обособляется приложение, относящееся и к нарицательному существительному, если оно при себе имеет зависимые слова: *Яхшы ашлыкъны, топуракъны берекетин, индыргъа жыйдылар* (И.Керимов) «Новый урожай, дар земли, собрали на токе». *Шатман чечеклени, язны биринчи белгилерин, байлам этип алдыкъ* (Аткъай) «В букет собрали (мы) ромашки, первые признаки весны».

Кроме приложения, обособляются еще определения, выраженные прилагательными и наречиями и стоящие после определяемого слова. Обычно такие прилагательные и наречия бывают парными.

Обособляются определения-прилагательные, употребленные после определяемого слова: *Жыйынгъа яшлар, уллусу-гиччиси, бары да гелмеге гереклер* (И.Керимов) «На собрание дети, малы-велики, все должны прийти»; *Кавказ тавлар, бийиги-алашасы, бары да бир йимик арив* (И.Керимов) «Кавказские горы, высокие-низкие, все одинаково красивы».

Иногда между обособленными определениями-прилагательными употребляются соединительные союзы *ва* «и», *да* (*де*) «и»: *Китаплар – эсгилери де, янгылары да – бек аявлап сакълама тюшеген затлар* («Къарчыгъа») «Книги – и старые, и новые – вещи, которые нужно очень беречь».

Обособляются наречия, стоящие после определяемого слова и употребленные со словами *болду* «был», *болсун* «да будь»: *Этеген ишингни – уллу болсун, гиччи болсун – мекенли кюйде этмеге герексен* (И.Керимов) «Свое дело –

будь большое, будь маленькое – надо делать основательно». *Этген затынгны – яхшы болду, яман болду – уллулагъа яшырмай айтмагъа тюше* (И.Керимов) «То, что (ты) сделал – будь хорошее, будь плохое – не скрывая, следует говорить старшим».

Обособляются существительные, числительные, местоимения, предикативы *бар* «есть», *ёкъ* «нет», употребленные с глаголами *бол* «будь», *болду* «был», *болсун* «да будь» и находящиеся после определяемого слова: *Бизин отряд – вожатыйыбыз болсун, пионерлер болсун – охувда биринчи ерни алмакъ учун бек яхшы чалыша* (И.Керимов) «Наш отряд – будь вожатый, будь пионеры – очень стараются занять первое место в учебе». *Бары да халкъ – сен бол, мен бол – субботникде яхшы ортакъчылыкъ этмеге герек* (И.Керимов) «Весь народ – будь ты, будь я – должен принимать хорошее участие в субботнике».

Обособленное обстоятельство

Обособляются обстоятельства образа действия, выраженные одиночными деепричастиями или деепричастными оборотами: *Ариги уьйге чыгъып, милиционер шагьатланы чакъырып гетди* («Дослукъ») «Выйдя в другую комнату, милиционер позвал свидетелей». *Алавну анасы, яман къазапланып, сонг сабур болуп къалды* (И.Керимов) «Мать Алава, сильно возмутившись, потом успокоилась».

Деепричастия не обособляются в следующих двух случаях.

Не обособляются деепричастия, употребленные непосредственно перед сказуемым и отвечающие на вопросы *нечик?* «как?», *не кюйде?* «каким образом?»: *Яш китапны къычырып охуй* («Къарчыгъа») «Мальчик читает книгу громко». *Биз тавну башына алгъасап чыкъдыкъ* (М.Абуков) «На вершину горы мы торопливо вышли».

Такое деепричастие иногда имеет свое зависимое слово, которое может быть даже деепричастием. Такой деепричастный оборот, стоящий непосредственно перед сказуемым и отвечающий на вопросы *нечик?* «как?», *не кюйде?* «каким образом?» также не обособляется: *Тавну башына биз алгъасап чабып чыкъдыкъ* («Дослукъ») «На вершину горы мы очень быстро поднялись». *Тавну башына биз бирден чабып чыкъдыкъ* (И.Керимов) «На вершину горы мы вдруг побежали и вышли».

Обособленные уточняющие члены предложения

Среди обособленных членов предложения особое место занимают слова, которые уточняют предыдущее слово, придавая ему добавочное значение.

Обособляются обстоятельства места и времени, которые уточняют значение предыдущего слова. Такие обстоятельства выражаются существительными и могут иметь свои зависимые слова: *Буйнакский районда, Агъачкъаланы ягъында, янгы пионер лагерь ачылгъан* («Ленин ёлу») «В Буйнакском районе, вблизи Агачкалы, открылся новый пионерский лагерь».

Обособленные уточняющие обстоятельства места и времени иногда употребляются со словами *демек* «сказать», *яни* «то есть», *масала* «например», *гьатта* «даже», *айрокъда* «особенно». В роли уточняющих обособленных членов с этими словами, кроме существительных, встречаются и наречия: *Савлай охув йылны боюнда, гьатта каникулланы заманында да, пионер дружинаны иши бир йимик яхшы юрюлдю* (И.Керимов) «В течение всего учебного года, даже во время каникул, работа пионерской дружины шла одинаково хорошо».

Обособляются дополнения, уточняющие значения слов, к которым они относятся. Такие допролнения употребляются с послелогами *башгъа* «кроме», *оьзге* «кроме», *къайры* «кроме», *еринде* «вместо», *орнунда* «вместо» и могут иметь свои пояснительные слова: *Алтын ва гюмюш медаллар алгъан алты гишиден къайры, бу йыл школаны битдиргенлени арасында дагъы да кёп отличник бар эди* (И.Керимов) «Кроме шести человек, получивших золотые и серебряные медали, среди окончивших в этом году школу было еще много отличников».

Обособляются уточняющие приложения, употребленные со словами *демек* «сказать», *яни* «то есть», *яда* «или», *масала* «например», *гьатта* «даже», *айрокъда* «особенно»: *Студентлер, айрокъда комсомоллар, охувну отличниклери болма гереклер* (И.Керимов) «Студенты, особенно комсомольцы, должны быть отличниками учебы». *Киров колхозгъа, яни бизге, районну гёчювчю къызыл байрагъы берилди* («Ленин ёлу») «Кировскому колхозу, то есть нам, было вручено переходящее Красное знамя района».

Однородные члены предложения

Однородные члены предложения отвечают на один и тот же вопрос, от-

носятся к одному и тому же члену предложения и определяют его с одной и той же стороны, по одному и тому же признаку.

Однородные члены предложения грамматически независимы, равноправны, не подчиняются друг другу, не поясняют и не определяют друг друга. Они выражаются, как правило, одной и той же частью речи.

Отличие однородных и неоднородных определений в кумыкском языке в основном сводятся к следующему.

Если однородные члены предложения определяют предмет с одной стороны, по одному его признаку, то неоднородные члены определяют его с разных сторон, по нескольким его признакам: *Авлакъда къызыл, акъ, мелевше чечеклер оьсе* «В поле растут красные, белые, синие цветы» (однородные члены определяют предмет с одной стороны, по одному его качеству – цвету); *Бизин шагьарда он эки къабат янгы таш уьйлер ишлене* («Ленин ёлу») «В нашем городе строятся двенадцатиэтажные новые каменные дома» (неоднородные определения, т.к. определяют предмет с разных сторон, по нескольким его качествам – по высоте, времени, материалу).

Между однородными членами предложения могут быть использованы сочинительные союзы *амма* «но», *ва* «и», *да (де)* «и», *тек* «но», *не* «ни», *я* «или», *не де* «или», *яда* «или», между неоднородными же членами употреблять их невозможно.

При однородных членах предложения могут быть употреблены зависимые от них слова.

Однородные подлежащие в предложении занимают независимое положение: *Клубгъа жыйылгъанланы арасында яшлар да, уллулар да бар эди* (М.Абуков) «Среди собравшихся в клубе были и дети, и старшие». *Бизин бавда алма, гьармут, кокан тереклер оьсе* («Къарчыгъа») «В нашем саду растут яблони, груши, сливы».

Однородные сказуемые как равноправные согласуются с подлежащим: *Яшлар экскурсияда къушланы тергеди, олагъа уялар этди, ем тёкдю* («Къарчыгъа») «Дети на экскурсии наблюдали за птицами, сделали им гнезда, насыпали корм». *Ярыкъ билинди, астаракъ яйылма башлады, айлана якъны гёрюнеген этди* (М.Хангишиев) «Свет показался, постепенно стал распространяться,

озарил кругом».

Однородные дополнения как равноправные относятся к сказуемому: *Тюкенден шекер де, конфет де, хурма да алдыкъ* «В магазине купили (мы) и сахар, и конфеты, и хурму». *Школаны бавуна гюллер ва тюрлю-тюрлю чечеклер орнатдылар* (М.Хангишиев) «В школьном саду (дети) посадили розы и разные цветы».

Однородные определения как равноправные относятся к подлежащему или дополнению: *Тюкенде къызыл, гёк, яшыл сыр сатыла эди* «В магазине продавали красную, синюю, зеленую краску». *Авлакъгъа баргъанда, сари, къызыл, акъ чечеклер жыйдыкъ* («Къарчыгъа») «Когда ходили в поле, собрали красные, желтые, белые цветы».

Однородные обстоятельства как равноправные относятся к сказуемому: *Республиканы шагьарларындан, юртларындан байрамгъа жыйылдылар* («Ленин ёлу») «Из городов, сёл республики собрались на праздник». *Айлар бою, йыллар бою термирип тургъан ана уланын гёргенде сююнмекден къычырып йылап йиберди* (И.Керимов) «В течение месяцев, в течение годов ожидавшая мать, увидев сына, от радости громко заплакала».

Обобщающие слова при однородных членах предложения

При однородных членах иногда употребляются обобщающие слова. В роли обобщающих слов в кумыкском языке часто выступают следующие слова и словосочетания: *бары да* «все», *бирев де* «никто», *бир зат да* «ничто», *гьар заман* «все время», *гьаман да* «всегда», *бир заманда да* «никогда», *гьеч бирев* «никто», *бири де* «никто из них», *гьар ерде* «везде», *къайсы да* «каждый из них», *шулар* «вот эти», *булар* «вот эти», *шулай* «вот так», *булай* «вот так».

Иногда в роли обобщающих слов выступают и вводные слова и словосочетания: *гьасили* «словом», *гьасили калам* «одним словом», *узун сёзню къысгъасы* «короче говоря», *къысгъача айтгъанда* «короче говоря», *къысгъасы* «короче».

Обобщающие слова встречаются перед однородными членами предложения: *Тюкенден мен алгъан затлар шулар: юз тетрадь, эки ручка, он каран-*

даш «В магазине я купил следующее: сто тетрадей, две ручки, десять карандашей». *Бизин планыбыз булай: башлап киринмек, сонг футбол ойнамакъ, ондан сонг жиелек чёплемек* (И.Керимов) «Наш план вот такой: вначале купаться, потом играть в футбол, а потом собирать землянику».

Обобщающие слова встречаются после однородных членов предложения: *Янгы киногъа яшлар да, уллулар да – бары да бир йимик сююп къарады* (М.Абуков) «Новый фильм и дети, и старшие – все смотрели с одинаковым интересом». *Я атасы, я анасы, я оьзю Умар – бири де бир зат да айтып болмай къалды* (И.Керимов) «Ни отец, ни мать, ни сам Умар – никто из них ничего не мог сказать».

Обобщающие слова иногда встречаются и перед, и после однородных членов предложения. В таких случаях перед однородными членами предложения в качестве обобщающего слова обычно употребляются существительные или субстантивированные части речи во мн. числе, а после однородных членов – второе обобщающее слово, обычно какое-либо из названных выше слов и словосочетаний: *Мен гюзде орнатгъан тереклер: алма, гьармут, шаптал, кокан – бары да болду* (У.Мантаева) «Посаженные мною осенью деревья: яблоки, груши, персики, сливы – все принялись».

Очень важно грамматическое согласование обобщающего слова и однородных членов предложения.

Обобщающее слово согласуется с однородными членами в лице и падеже, согласование же в числе не является обязательным. Обобщающее слово и однородные члены предложения отвечают на один и тот же вопрос: *Клубгъа жыйылгъанлар: охувчулар, учителлер, совхозну ишчилери, ёлбашчылары* («Ленин ёлу») «В клубе собравшиеся: учащиеся, учителя, рабочие, руководители совхоза». *Яшлар да, уллулар да – бары да бир йимик арив гийинген* (У.Мантаева) «И дети, и взрослые – все одеты одинаково красиво».

Если среди однородных членов предложения имеется личное местоимение 1-го и 2-го л., то обобщающее слово в лице согласуется с этим местоимением и обязательно ставится во мн. числе: *Агьмат да, Осман да, сен де – барыгъыз да гелигиз* (И.Керимов) «И Ахмед, и Осман, и ты – (вы) все приходите». *Я агъам, я иним, я мен – бирибиз де эс тапмадыкъ* (И.Керимов) «Ни стар-

ший брат, ни младший брат, ни я – никто из нас не догадался».

Предложения, осложненные обращениями

Обращение — это слово (или сочетание слов), называющее того, к кому (чему) обращаются с речью. Оно имеет форму именительного падежа и произносится с особой, звательной интонацией.

Основная функция обращения — побудить собеседника слушать, привлечь внимание к сообщению, поэтому в качестве обращения часто употребляются имена, фамилии, названия лиц по родству и т. д.

Обращение может стоять в начале, середине и конце предложения.

Предложения, осложненные обращениями, часто бывают побудительными и вопросительными, так как в предложениях этих разновидностей лицо или предмет, названные обращением, побуждаются к действию или к ответу на вопрос.

В современном кумыкском языке обращение совпадает с подлежащим, не только по форме, но частично и по значению. Подлежащее тоже называет лицо, но это лицо является названием деятеля или носителя признака. Чтобы отграничить обращение от подлежащего, важно увидеть грамматическую связь подлежащего с другими членами предложения, в частности, со сказуемым. Обращение не связано с другими словами в предложении ни подчинительной, ни сочинительной связью, не входит в состав предикативной основы. Ср.: *Марьям бешге охума герек* «Марьям должна учиться на «отлично». *Марьям, сен бешге охума герексен* «Марьям, ты должна учиться на «отлично»

Обращениями обычно бывают существительные, а также другие субстантивированные части речи.

В кумыкском языке обращения могут быть простыми, осложненными, сложными и составными.

Простое обращение состоит из одного слова: *Болат, сен бир де къарамай юрю* (И.Керимов) «Болат, ты немедленно иди!». *Яшлар, тангала агъачлыкъгъа барабыз* (У.Мантаева) «Ребята, завтра идем в лес».

Осложненным можно назвать повторяющееся обращение: *Уланым, уланым, сагъа не деп айтайым* (М.Ягьияев) «Сынок, сынок, что мне сказать тебе!». *Яшлар, яшлар, сиз гьали де тюшюнюп битмейсиз* («Къарчыгъа») «Дети,

дети, вы еще не понимаете».

При повторении иногда перед вторым обращением употребляются вокативные междометия, которые не имеют самостоятельного значения и используются лишь для усиления обращения: *Атай, ва Атай! Тез мунда гел!* «Атай, эй Атай! Быстро иди сюда!». *Арслан, гьей Арслан! Сен не деме сюесен*? «Арслан, эй Арслан! Что ты хочешь сказать?»

Для выражения отрицательной эмоции между повторяющимися обращениями употребляется модальное слово *болмаса* «ну и», «ну же»: *Ит болмаса ит! Айтагъан затына къара* («Дослукъ») «Ну собака же ты! Смотри, что говорит!». *Копеёгъулу болмаса, копеёгъулу! Неге сен шу затны этдинг?* (И.Керимов) «Ну сукин же сын! Почему ты это сделал?»

К сложным относятся обращения, имеющие свои зависимые члены, свои определения: *Охувну отличниклери! Мен сизге айтаман!* (У. Мантаева) «Отличники учебы! Я обращаюсь к вам!». *Давда уьстюнлюк алып къайтгъан ёлдашлар! Биз бугюн сизин булан оьктем болабыз* (И.Керимов) «Товарищи, вернувшиеся с войны победой! Мы сегодня гордимся вами». *Аявлу охувчум, гел биз бу романны игитини яшавуна арив къарайыкъ* (И.Керимов) *«Дорогой читатель, давай-ка мы хорошенько посмотрим на жизнь героя этого романа».*

Составными являются два и более обращения, объединенные по смыслу. Чаще они объединяются соединительными союзами, послелогом *булан* «с», реже – интонацией: *Сотав булан Рашия! Шу поэма сизин гьакъыгъыздан языгъан* (И.Керимов) «Сотав да Рашия! Эта поэма написана о вас». *Яшларуллулар! Денгизде киринегенде сакъ болугъуз* («Ленин ёлу») «Дети и взрослые! Будьте осторожны, когда купаетесь в море!».

В поэзии встречается обращение и к неодушевленным предметам: *Асхартав, сенден бийик тав болмас, Ана Дол, сенден уллу сув болмас* (Й.Къазак) «Гора Асхар, выше тебя гора быть не может, Анна Дол, больше тебя воды быть не может».

Вводные слова, словосочетания и предложения

Значения «вводности» могут быть выражены единицами разных уровней: словом, словосочетанием и предложением. Они имеют общие дифференциальные признаки, из которых наиболее важными являются следующие: 1)

общее значение вводных единиц — отношение говорящего к сообщаемому; 2) из способов выражения доминантой является категория модальных слов; 3) вводные единицы в устной речи выделяются интонацией (паузами и сравнительно быстрым произнесением).

Из указанных признаков наиболее ярким является семантический, обусловливающий способ выражения, поэтому естественно, что определения вводных единиц или учитывают самое общее значение «вводности», или перечисляют с разной степенью полноты функционально-семантические группы вводных единиц.

В основном значении вводных слов обобщаются более частные (типовые) значения, выражаемые определенными группами слов, словосочетаний и т. д., которые можно назвать типизированными.

Семантика осложненных предложений включает в качестве одного из компонентов значение осложняющих единиц, при этом играют роль как типизированные значения вводных компонентов («значение элементов»), так и «значение отношений» — связей вводных компонентов с основной частью предложения. Поэтому перечень типовых значений и типизированных групп слов проиллюстрируем примерами осложненных предложений.

Основные типовые значения вводных компонентов следующие:

Вводные слова, выражающие утверждение и усиление: *озокъда* «конечно», *айгъайда* «конечно», *сёзсюз* «безусловно», *шексиз* «несомненно», *герти* «право», *гертилей* «правда», *гертилей де* «на самом деле», *гертилейин де* «на самом деле», *ялгъансыз* «без обмана»: *Озокъда, сен айтагъан герти* (У.Мантаева) «Конечно, то, что ты говоришь, - правда». *Бизин команда, шексиз, биринчи ерни алажакъ* («Къарчыгъа») «Наша команда, несомненно, займет первое место».

Вводные слова, выражающие сомнение: *балики* «может быть», *болма ярай»* «может быть», *ким биле* «кто знает», *олай бил* «как будто»: *Балики, мен янгылашамандыр* (М.Абуков) «Быть может, я ошибаюсь». *Бугюн явуп йиберсе де, ким биле* (Аткъай) «Кто знает, не пойдет ли сегодня дождь».

Вводные слова, выражающие пренебрежительное отношение: *сайки* «как будто», *башгъа* «подумаешь», *нете* «что же»: *Сайки бизге англатагъан заманы*

(К.Абуков) «Как будто (он) объясняет нам». *Сен, башгъа, оьзгелерден бек билемисен?* (И.Керимов) «Подумаешь, ты разве больше остальных знаешь?».

Вводные слова, выражающие чувство радости или сожаления: *насипге* «к счастью», *гьай аман* «что делать», *къоччагъым сени я* «эх, молодец» (фразеологический оборот, дословно обозначает: «молодец же (мой) ты»): *Насипге, поезд гетмей табулду* (М.Ягьияев) «К счастью, поезд еще стоял». *Къоччагъым сени я, гьаракат эт чи* (И.Керимов) «Эх, молодец, постарайся же».

Вводные слова, выражающие очередность высказываемых мыслей: *ахырда* «наконец», *биринчилей* «во-первых», *биринчиси* «во-первых», *экинчилей* «во-вторых», *экинчиси* «во-вторых»: *Биринчилей, бир йылдан бизин фермабыз савлай районгъа айтылажакъ, экинчилей, экибиз де бир болажакъбыз* (И.Керимов) «Во-первых, через год наша ферма прославится на весь район, во-вторых, мы оба будем вместе». *Ахырда, нечик де звонок берилди* («Къарчыгъа») «Наконец-то, всё же дали звонок».

Вводные слова, выражающие итог, резюме ранее сказанного или связь высказываемой мысли с ранее высказанным: *гьасили* «словом», *гьасили калам* «одним словом», *иллагьи* «в итоге», *терсине* «наоборот», *къысгъасы* «короче», *уьзюн сёзню къысгъасы* «короче говоря», *къысгъача айтгъанда* «короче говоря», *масала* «например», *шоллукъда* «таким образом», *шулайлыкъда* «таким образом», *шулайлыкъ булан* «таким образом», *илледе-билле* «ни в коем случае», *не башынгны аврутайым* «зачем заставить тебя ломать голову», «зачем тебе голову скрутить»: *Къысгъасы, биз бармасакъ бажарылмады* («Дослукъ») «Короче говоря, нам пригшлось идти». *Гьасили калам, яш шо жыйындан сонг лап яхшы охумагъа башлай* («Къарчыгъа») «Словом, после этого собрания ребенок начинает очень хорошо учиться».

Вводные слова, указывающие на источник высказывания: *сен айтгъанлай* «как ты говорил», *ону пикрусуна гёре* «по его мнению», *мен ойлашагъан кюйде* «как я думаю»: *Сен айтагъангъа гёре, ол армиядан къайтып геле тура* (Аткъай) «По твоим словам, он возвращается из армии».

Вводные слова – косвенные обращения: *гелигиз* «давайте», *гёресен* «видишь ли», *оьзюнг билесен* «сам знаешь», *инанмассан* «не поверишь», *къаравун* «помилуй», *гюнгъакъчун* «ради солнца», «клянусь солнцем», *аллагьакъчун* «ра-

ди бога», «клянусь богом»: *Гёресен, ишлер не ерге чыгъып бара* (Аткъай) «Видишь, до чего дошли дела».

Вводные предложения выполняют те же функции, что и вводные слова и словосочетания. В кумыкском языке употребляются в основном вводные предложения, указывающие на источник высказывания или выражающие итог ранее высказанного, связь высказываемой мысли с ранее высказанной: *Там газетни масъаласын (ону гьакъында нече керенлер айтылып тура) гелигиз шу жыйында арагъа салып чечейик* (И.Керимов) «Вопрос стенной газеты (об этом несколько раз гогворилось) давайте решим на этом собрании». *Юртубузну орамларын (мен о гьакъда кёп ойлашаман) генглешдирмесек, бир де ярамай* (И.Керимов) «Улицы нашего села (об этом я много думал) нам необходимо расширить».

К вводным предложениям по своей функции близки так называемые вставные предложения, которые употребляются для выражения добавочных сообщений в отношении к высказываемой мысли: *Бир керен (бу иш гетген йыл болду) агъач ягъа булан геле эдим* (М.Абуков) «Однажды (это случилось в прошлом году) я шел по опушке леса». *Янгы романларда (мен арт вакътилерде кёп охуйман) яшёрюмлени гьакъында кёп языла* (И. Керимов) «В новых романах (я в последнее время много читаю) много пишется о молодежи».

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

По цели высказывания и по характеру высказываемой мысли предложения в кумыкском языке делятся на повествовательные, вопросительные и побудительные.

Повествовательные предложения заключают в себе сообщение о каком-либо утверждаемом или отрицаемом факте, явлении, событии и т.д. или описание их: *Гечеги разведка яхшы натижалы болду* (И.Керимов) «Ночная разведка оказалась достаточно результативной». *1970-нчи йылны май айыны он дёртюнде Дагъыстанда ер тербенди* («Ленин ёлу») «Четырнадцатого мая 1970-го года в Дагестане произошло землетрясение».

Вопросительные предложения заключают в себе вопрос: *Сизде чакъ нечикдир?* «Какова у вас погода?»; *Походгъа гетгенлер барысы да заманында къайтып гелдими?* (И.Керимов) «Ушедшие в поход все вернулись вовремя?»

В вопросительных предложениях вопрос грамматически выражается с помощью вопросительных местоимений *ким*? «кто?», *не*? «что?», *къайсы*? «который?», *нечик*? «какой?», *нече*? «сколько?», *нечешер*? «по скольку?», *нечелеп*? «по скольку?», *нечакъы*? «сколько?», *нечев*? «сколько (сколько человек)?», *неге*? «почему?», *кимники*? «у кого? чей? (чья?, чье?)», *неники*? «у чего? чей? (чья?, чье?)» или вопросительного афф. –*мы*? (-*ми*?, -*му*?, -*мю*?).

Из форм вопросительного аффикса более универсальной является –*му*? В литературном языке, а также в хасавюртовском и терском диалектах употребляются все четыре варианта. В буйнакском, подгорном и кайтагском диалектах встречается только вариант –*му*?

Побудительные предложения выражают различные оттенки волеизъявления (побуждения к действию): приказ, просьбу, совет, разрешение, призыв, пожелания, мольбу и т.д. *Дарсларыгъызны заманында гьазирлеп уьйренигиз* («Къарчыгъа») «Учитесь вовремя готовить уроки (свои)». *Сен ерингде индемей олтуруп тур* («Дослукъ») «Ты сиди спокойно на (своем) месте».

В побудительных предложениях иногда употребляются повелительно-побудительные частицы *гьы* «ну», *гьали* «ну-ка», *сана,* «-ка», *дагъы* «-ка», -*чы (-чи, -чу, -чю),* которые вносят в значение глагола различные оттенки побудительности: *Язып къара гьали* (И.Керимов) «Попробуй-ка писать». *Тарыкъсыз сёзню къойсана* (М.Абуков) «Оставь-ка ненужный разговор».

В кайтагском диалекте и доргелинском говоре подгорного диалекта существует особая частица –*гъа*, а в подгорном диалекте еще сложная частица –*чила*, которые придают повелению оттенок вежливости: *Урпакъ магъа алмайлин, сагъа алгъа* «Мне не купи одежду, купи-ка себе». *Берген затны ашагъа* «Ешь-ка то, что дали». *Берчила магъа* «Дай-ка мне». *Ишлачила ерингде* «Работай-ка на (своем) месте».

В восклицательном предложении говорящий обычно выражает свое сильное чувство (восторг, восхищение, удивление и др.) в отношении к высказываемой мысли. Поэтому оно всегда эмоционально окрашено, что передается восклицательной интонацией. Эмоциональную окраску могут иметь и повествовательное, и вопросительное, и тем более - побудительное предложения. В оформлении восклицательного предложения основную роль играет интонация,

при этом особо выделяется слово, выражающее эмоцию говорящего. Первым элементом таких предложений обычно выступают усилительные частицы: *Не арив чакъдыр!* «Какая хорошая погода!». *Алим, сен чи дарсларынгны гьазирлемеген экенсен!* (М.Абуков) «Алим, ты же, оказывается, не приготовил уроки!»

Выражая различные чувства говорящего, междометия обычно становятся необходимым элементом восклицательного предложения: *Огь, не гёзел къыздыр!* (М.Абуков) «Ох, какая красивая девушка!»; *Вай, сагъа не болуп къалды!* (М.Абуков) «Ой, что случилось с тобой!»

К восклицательным обычно относятся и так называемые предложения-призывы: *Бюртюгю тас болмасын авлакъдагъы ашлыкъны* (Къ. Шамсудинов) «Пусть не пропадает ни зёрнышка хлеба, выращенного на полях!»

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Кумыкскому языку свойствен следующий порядок слов: определение употребляется препозитивно, затем располагаются подлежащее, обстоятельство, дополнение, а сказуемое занимает место в конце предложения. Определение всегда предшествует своему определяемому слову. Порядок слов в предложении может выполнять следующие функции: коммуникативную, синтаксическую и стилистическую.

В коммуникативном плане порядок слов способствует выявлению компонентов высказывания – темы и ремы. В стилистически нейтральной речи тема всегда предшествует реме, а фразовое ударение находится в конце предложения.

Синтаксическое значение порядка слов выражается в том, что служит одним из средств выражения синтаксических отношений между словами в предложении. Например, при перестановке слов в предложении *Денгиздеги сувукъ сув* (*Денгиздеги сув сувукъ*) синтаксическая функция первого существительного переходит ко второму, и наоборот.

Стилистическое значение порядка слов заключается в том, что с их перестановкой создаются добавочные смысловые оттенки, усиливается или ослабляется смысловая нагрузска члена предложения. *Бирев оьле тав учун, бирев тюз учун оьле* (Акаев) «Кто-то умирает из-за гор, а кто-то из-за низменности».

Усиливается смысловая роль обстоятельства. *Сув да сюймей сёкгенни, сёкгенни сюймей аш да, Татавулда турса да, таптаса сюймей таш да…* (Акаев) «Вода тоже не любит критики, не любит критики и еда, Если даже в канаве лежит, не любит, когда его топчут и камень». В данном предложении усиливается смысловая роль дополнения.

На первом месте в предложении стоит подлежащее. Сказуемое стоит или после подлежащего, или в конце предложения. Такое расположение главных членов предложения характеризует стилистически нейтральное повествование: *Ямансувну ягъасында гиччи юрт ерлешген. Шо юртгъа гиреген ерде, бийик къарагъай тереклени салкъынында бир нече яш ойнай. Орамлардан къызгъан топуракъны, чангны ийиси геле. Адамлар гёрюнмей. Олар гюнден къачып салкъынлыкъгъа яшынгъанлар* (А.Сулейманов) «Возле реки Ямансув расположено небольшое село. У въезда в село в тени высоких сосновых деревьев играют дети. С улиц несутся запахи нагревшейся земли и пыли. Людей не видно. Они убежали от солнца и спрятались в тени».

Подлежащее стоит на последнем месте в предложении и несет на себе логическое (фразовое) ударение. Сказуемое находится перед подлежащим, а в начале предложения стоят обстоятельства (времени, места и др.) или дополнения. Такой порядок слов является описательным и используется при констатации каких-либо фактов, при утверждениях: *Муна шулай гьали ишлер* (И.Ибрагьимов) «Вот так теперь обстоят дела». *Ачылып, ачылып йиберди терезелер. Чыгъып йиберди къатынлар, эренлер* (Ибрагьимов) «Распахнулись окна. Выбежали женщины, мужчины».

В авторских словах, стоящих в середине или после прямой речи, обычным является порядок слов, при котором сказуемое предшествует подлежащему, например: *«Кирпиклерин чи боясын, къалгъан ерин де бояп не эте экен», - деп ойлады Агьмат* «Пусть красит ресницы, а остальное зачем красить», - подумал Ахмед».

Подлежащее часто постпозитивно в побудительных предложениях: *Арасында инг де яманы сен экенсен* (М.Ягьияев) «Из них самый плохой оказывается это ты».

Сказуемое стоит на первом месте в предложении. Подлежащее стоит сразу после сказуемого или отделено от него второстепенным членом предложения. Вынесение сказуемого на первое место в предложении используется:

1) для логического его выделения: *Охуп бажаражакъмысан мени къолъязывларымны?* (Атаев) «Сможешь ли ты прочитать мои рукописи?»;

2) при повествовании (в предложениях с однородными сказуемыми). *Ял алмагъа, бираз зарядка этмеге яшлар къыргъа чыкъдылар* (Ибрагьимов) «Чтобы немного отдохнуть, сделать физзарядку, дети вышли на улицу».

Определение обычно стоит перед определяемым — любым членом предложения: *Февральны арт гюнлеринден бири. Гече дагъы да гючлю къар явуп чыкъгъан* (А.Сулейманов) «Один из последних дней февраля. Ночью еще сильнее пошел снег».

Обратный порядок встречается в поэзии, а также в заимствованных сакральных формулах типа *Али мисгин* «бедный Али».

Инверсия определения возможно при использовании слова *бир* «один», «какой-то» между определением и определяемым: *Биз бийик бир тавгъа миндик* «Мы поднялись на какую-то высокую гору».

Прямое дополнение, стоящее в основном или винительном падеже, находится перед сказуемым-глаголом: *Магъа бёрюню сокъмагъын тапмагъа тарыкъ* (М.Абуков) «Мне надо найти след волка». *Мен Супуйну гиччи заманындан таныйман* (А.Сулейманов) «Я с детства знаю Супуя».

Косвенное дополнение может находиться и перед сказуемым, и после него. Препозиция или постпозиция косвенного дополнения зависит от общего расположения слов в данном предложении, от стиля повествования, от постановки логического ударения, т. е. от актуального членения предложения. *Янгы уьйрене тура ишге* (И.Ибрагьимов) «Он вот-вот научился работе». *Сенден тилеймен, рагьму эт ону яралы юрегине* (А.Сулейманов) «Прошу тебя, благослави его раненое сердце».

По общему правилу обстоятельство стоит перед сказуемым: *Язда дангиз ягъадагъы лагерде яшлар кёп арив ял алдылар* (Къ.Шамсутдинов) «Летом в лагере на берегу моря дети хорошо отдохнули».

Если в предложении имеется одновременно несколько обстоятельств, то они располагаются в таком порядке: в препозиции используется обстоятельство более общего характера, а за ним – обстоятельства, конкретизирующие время, место и т.д. (Н.К.Дмитриев). Примеры: *Къойчулар булан гече геч болгъунча сёйлеп, кёп масъалаланы чечдилер* (А.Сулейманов) «Беседуя с чабанами до поздней ночи, они решили много проблем».

ТИПЫ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СОСТАВУ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ

Односоставное предложение

Традиционно простые предложения делятся на односоставные и двусоставные. Односоставные предложения противопоставляются двусоставным по структуре предикативного центра: односоставное предложение состоит только из одного главного члена, который характеризуется предикативной самодостаточностью. Типы и разновидности односоставных предложений выделяются на основе способов морфологического выражения их главного члена. различаются два типа односоставных предложений: 1) односоставные предложения глагольного типа (главный член в них выражен глаголом), 2) односоставные предложения именного типа (главный член выражен именем существительным).

По совокупности семантических и структурных свойств среди глагольных односоставных предложений выделяются следующие типы: определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и инфинитивно-модальные предложения. Номинативные предложения противопоставляются односоставным предложениям глагольного строя по способу выражения главного члена: он выражается именем существительным в именительном падеже

Определенно-личное предложение

Определенно-личные предложения являются наиболее распространенным типом односоставных предложений в кумыкском языке. Это объясняется тем, что для кумыкского языка, как языка тюркской семьи, характерно выражение в глагольном и именном сказуемом категории лица: для 1-го и 2-го лица ед. и мн.числа – специальными личными аффиксами, для 3-го лица – нулевым

показателем. Поэтому наличие в предложении подлежащего, выраженного местоимением 1-го или 2-го лица, является необязательным, так как категория лица уже выражена в сказуемом.

Определенно-личные предложения в кумыкском языке делятся на 2 типа:

Определенно-личное предложение с глагольным сказуемым: *Оьтесиз арыгъан эдик* (М.Абуков) «Мы были сильно уставшие»; *Станциядан юртгъа юрюп бараман* (И.Керимов) «Иду от станции в село пешком».

Определенно-личное предложение с именным сказуемым: *Жыйым командада лап да гиччибиз* («Дагъыстанлы къатын») «(Мы) в сборной команде самые младшие». *«Гъали чи гиччиневсен», - деди ол* (З.Атаева) «Сейчас ты слишком маленький», - сказал он».

Употребление определенно-личных односоставных предложений сообщает повествованию большую динамичность, делает его более лаконичным, помогает избежать излишнее повторение.

Неопределенно-личное предложение

В неопределенно-личных предложениях действующее лицо мыслится как неопределенное. Внимание говорящего (пишущего) и адресата речи сосредоточено на действии, действующее лицо остается в тени, так как оно неизвестно, или не важно для сообщения.

Сказуемое неопределенно-личного предложения выражается глаголами 3-го лица изъявительного наклонения (чаще множественного числа): *Школаларда уьчюнчю классдан башлап русча охуталар* («Ленин ёлу») «В школах, начиная с третьего класса, обучают на русском языке»; *Газетлени эртенлер тез гелтире* («Ленин ёлу») «Газеты доставляют рано утром».

Обычно в неопределенно-личных предложениях актуализируются действие и конкретизирующие его дополнения и обстоятельства, а неопределенный деятель может быть соотнесен с одним или несколькими лицами как известными, так и неизвестными говорящему: Эсде ёкъ ерден гелип къалгъан экен (И.Керимов) «Оказывается, неожиданно, приехал»

Обобщенно-личное предложение

Этот тип предложений выражает действие, адресованное всем лицам, хотя формально и соотнесено со вторым лицом. Основное назначение обобщен-

но-личных предложений — образное выражение общих суждений, больших обобщений, поэтому они так широко представлены в народных пословицах.

Чаще всего обобщенно-личные предложения выражаются глаголами второго лица единственного числа условного, сослагательного и уступительного наклонений: *Къоркъа бусанг, къошда тур* (погов.) «Если боишься, сиди в шалаше».

Довольно распространены обобщенно-личные предложения с глаголом в форме повелительного наклонения: *Юз сугъарма, гюз сугъар* (погов.) «Сто раз не поливай, осенью поливай».

Редко сказуемым обобщенно-личного предложения выступает глагол 1-го л. мн. числа: *Барда аявламайбыз, тас этгенде йылайбыз* (фольк.) «Когда есть, не бережем, когда теряем плачем». *Айтмаса – этмейбиз, айтса – сюймейбиз* (И.Керимов) «Не скажут – не делаем, скажут – обижаемся».

Обобщенно-личные предложения особенно часто встречаются в произведениях устного народного творчества: *Не чачсанг, шону орарсан* (фольк.) «Что посеешь, то и пожнешь». *Бийге инанма, сувгъа таянма* (фольк.). «Князю не верь, на воду не опирайся».

Безличное предложение

Безличные предложения — это такие односоставные предложения, в которых выражается действие или состояние (признак), возникающие и существующие независимо от производителя действия и носителя признака.

В значительном количестве случаев специфика безличности создается не тем, что в предложение нельзя вставить подлежащее (часто синтаксическая позиция подлежащего сохраняется!), а тем, что надо изобразить действие в отрыве от деятеля, как стихийный процесс, как состояние, а признак — в отрыве от носителя признака, как состояние, как общую оценку предмета речи (мысли).

Грамматического подлежащего в таких предложениях не может быть по самому их строению, поскольку в форме сказуемого не заключено значение лица, выраженного формой именительного падежа, его нельзя установить и по связям с другими членами предложения.

Если в неопределенно-личном или обобщенно-личном предложении подлежащее не обозначено, но мыслится (неопределенно или обобщенно), то в безличном предложении его вообще нет.

Безличные предложения образуются следующими способами:

Сказуемым безличного предложения выступает глагол 2 л. ед.ч.: *Къыз-дыра* «Палит», «жарит» (о малярии). *Къартыллата* «Лихорадит». *Силкиндире* «Заставляет дрожать». *Боралай* «Метет».

Сказуемое безличного предложения выражается прилагательными, обозначающими состояние: *Ялкъывлу* «Скучно»; *Инживлю* «Хлопотно»*; Къарангы* «Темно»; *Къоркъунчлу* «Страшно».

Сказуемое безличного предложения выражается сочетанием инфинитива в дат. падеже с модальными словами *герек* «надо», *тарыкъ* «нужно», *тюше* «следует», *ярай* «можно»: *Тангала шагьаргъа бармагъа тарыкъ* (М.Ягьияев) «Завтра нужно ехать в город»; *Этеген ишин яхшы билмеге тюше* (М.Абуков) «Следует хорошо знать свою работу».

Инфинитив часто употребляется без падежного афф. *–гъа, -ге: Эртенокъ иш башлама ярай* (И.Керимов) «Рано утром можно начать работу».

Сказуемое безличного предложения выражается глаголом страдательного залога: *Сени ишинге судда къаралажакъ* (М.Ягьияев) «Твое дело будет рассматриваться в суде».

Многочисленные виды безличных предложений русского языка на кумыкский язык переводятся двусоставными предложениями: *Мне не спится* «Юхум гелмей» (Сон (мой) не идет»); *Рассветает* «Танг къата».

Инфинитивно-модальное предложение

Инфинитивно-модальное предложение выражает необходимость или ненужность, допустимость или недопустимость совершения действия.

Сказуемое инфинитивно-модального предложения выражается:

1. Именем действия *–макъ*, выступающим в значении безапелляционного императива: *Илмуда етишген уьстюнлюклер саялы алтын медаль тапшурмакъ* «За достигнутые успехи в области науки наградить золотой медалью».

2. Инфинитивом в сочетании с модальными словами *ярай* «можно», *ярамай* «нельзя», *тюше* «следует», *герек*/*тарыкъ* «нужно» и т.д.: *Агьмат булан*

ёлукъма тарыкъ эди (И.Ибрагьимов) «Надо было встретиться с Ахмедом». *Магъа гёзеллер тарыкъ тюгюл, магъа игитлер герек* (Р.Расулов) «Мне красивые (люди) не нужны, мне герои нужны».

Модальный модификатор *тюше* «следует» принимает временные показатели: *Мамавгъа да тамлакъда бираз олтурмагъа тюшдю* (Ю.Гереев) «И Мамаву пришлось посидеть немного на завалинке, солнцесклоне». *Буса курслагъа биревню йиберме тюшежек* (Ш.Альбериев) «В таком случае придется кого-то отправить на курсы».

2. Глаголом в форме долженствовательного наклонения *-малы*: *Тангала юртгъа бармалыман* «Завтра (я) должен поехать в село».

3. Долженствовательным глаголом на *–малы* и вспомогательным глаголом *бол-*: *Огъар къолунда къалгъан хола гесек булан урмалы болду* (С.Солтанбеков) «Он вынужден был ударить его комком, который держал в руке»; *Атылып турмалы болдум* (З.Акавов) «Я вынужден был резко встать».

Номинативное предложение

Номинативными называются такие односоставные предложения, главный член которых выражен именем существительным или субстантивированной частью речи в именительном падеже. Главный член может быть выражен и словосочетанием, но господствующее слово в нем должно иметь обязательно форму именительного падежа. В номинативных предложениях утверждается наличие, существование явления или предмета, называемого главным членом.

Номинативные предложения, обозначая наличие явления в настоящем, бывают только утвердительными; они не могут употребляться в значении будущего или прошедшего времени. Предикативные значения выражаются особой интонацией.

Номинативные предложения имеют немного разновидностей. Наиболее распространенную группу составляют бытийные предложения, которые выражают бытие, наличие называемого предмета, явления, состояния. Они характерны для описания, которое не осложнено указанием на процессы. В них перечисляются наличные предметы обстановки или пейзажа: *Он бешинчи июль. Итнигюн. Трасса. Траншея. Штаб.* (И.Ибрагьимов) «Пятнадцатое июля. Понедельник. Трасса. Траншея. Штаб».

Другую группу составляют указательные предложения, посредством которых говорящий указывает на имеющиеся предметы; в них обычно употребляются указательные частицы *муна* «вот» и *онагьана* «вон»: *Муна мени хабарым* «Вот и моя сказка». *Онагьана бизин къоччакълар да* (И.Ибрагьимов) «Вон и наши герои».

Среди назывных предложений выделяется группа эмоционально окрашенных, восклицательных предложений: *Февраль ай. Не арив юлдузлу гечедир*! «Февраль. Какая красивая звездная ночь!».

Номинативные предложения могут быть нераспространенными или распространенными. Нераспространенные номинативные предложения состоят только из главного члена. Главный член может быть выражен именительным падежом имени существительного. Имя существительное может употребляться в сочетании с частицами.

В современном кумыкском литературном языке номинативные предложения употребляются в самых различных жанрах художественной литературы. Особенно характерны они для драматических произведений, где обычно выступают в роли ремарок. Довольно широко распространены и в лирике. Номинативные предложения позволяют представить отдельные детали описываемой обстановки в виде ярких штрихов, или сосредотачивают внимание на этих деталях.

Неполное предложение

Неполные предложения – это предложения с неполной реализацией структурных схем предложений и словосочетаний высказывания с незамещенными позициями членов предложения, необходимость которых обусловлена информативной семантикой и связью с теми членами, которые в предложении есть. Чаще встречаются неполные предложения в диалогической речи, где пропущенный член предложения легко подразумевается из содержания разговора. Неполные предложения встречаются и в монологической речи, когда слушающие понимают ее по обстоятельствам или обстановке действия.

В кумыкском языке известны следующие структурные типы неполных предложений.

С пропущенным подлежащим: - *Бажувунг гелдими*? «Тетя (твоя) при-

шла?» - *Гелди* «Пришла». – *Атанг гелмедими*? «Отец не пришел?» - *Гелмеди* «Не пришел».

С пропущенным сказуемым: - *Ким къычырды?* «Кто крикнул?» – *Мен* «Я». – *Алдагъы гезик ким къычыргъан эди*? «Кто крикнул в прошлый раз?». – *Агьмат* «Ахмед».

Пропущены оба главных члена предложения: - *Нечакъыдыр?* «Сколько?» – *Нечакъы берип боласан?* «Сколько можешь дать?» – *Он манат* «Десять рублей».

Пропущено дополнение: - *Китабынгны кимге бердинг?* «Кому ты дал свою книгу?» - *Батыргъа* «Батыру». – *Дагъы зат бермедингми огъар?* «Больше ты ничего не дал ему?» – *Бермедим* «Не дал».

Пропущено обстоятельство: - *Театргъа бардыгъызмы?* «В театр ходили?». *Бардыкъ* «Ходили». – *Яхшымы эди?* «Хорошо было?». – *Яхшы эди* «Было хорошо».

Поскольку определение без определяемого слова не употребляется и может быть пропущено только вместе с ним, то не встречаются неполные предложения с пропущенным определением.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Общие сведения

Сложное предложение является одной из сложных проблем грамматики не только кумыкского языка, но и тюркологии в целом, поэтому в лингвистической литературе нет единства взглядов в понимании и истолковании природы сложного предложения.

По сравнению с простым предложением сложное предложение является синтаксической единицей высшего уровня и характеризуется более сложным строением. Оно состоит из двух и более предикативных единиц органически связанных между собой по смыслу, структуре и интонации. Соответственно сложное предложение определяется как смысловое, структурное и интонационное единство двух и более предикативных единиц. Части сложного предложения, подобно простым предложениям обладают предикативностью. В отличие от простого предложения, они характеризуются несамостоятельностью: у

них нет ни смысловой, ни структурной, ни интонационной завершенности, поскольку являются лишь частями единого грамматического и смыслового целого.

Виды сложных предложений выделяются по характеру используемых средств синтаксической связи. По наличию союзных средств связи союзные предложения противопоставляются бессоюзным. В составе союзных конструкций выделяются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, противопоставляемые по степени автономности частей и характеру основной синтаксической связи. В сложносочиненных предложениях компоненты равноправны. А в сложноподчиненных предложениях один из компонентов (главное предложение) занимает грамматически ведущую позицию, а другой (придаточное) бывает зависимым от него. Если компоненты сложносочиненного предложения связываются сочинительными союзами, то компоненты сложноподчиненного связываются, как правило, подчинительными союзами. Кроме того, для связи компонентов сложноподчиненного предложения используются еще и союзные слова (*ким, не, нече, къачан, къайсы* и т. д.), которые как средство соединения частей сложносочиненного предложения не употребляются.

На основе комбинации разных синтаксических связей и объединения синтаксических структур различных типов строятся многочленные сложные предложения с разными видами связи.

По сравнению с простым предложением сложное предложение – это коммуникативная единица высшего порядка. Сложное предложение характеризуется наличием двух и более предикативных центров, сопровождаемых единой интонационно-смысловой законченностью и выражающих определенную цельную мысль. Каждый из таких предикативных центров подобен простому предложению, но лишен смысловой и интонационной законченности, лишен коммуникативной самостоятельности.

Сложные предложения, состоящие из двух предикативных частей, принято называть двучленными: 1) *Бары да зат арив бара эди, тек гиччи шагьарланы биринде булар бар купеге бир къарт гиши де, къатын да минди* (К.Абуков) «Все шло хорошо, но в одном из небольших городов к ним в купе сели один старик и старуха». 2) *Жыйын геч башлангъан эди, шогъар гёре ол кёп*

узатылды (Ю.Гереев) «Собрание началось поздно, поэтому оно затянулось надолго».

Многочленными называются предложения, состоящие из трех и более предикативных частей: *Бир нече йыл савлай республиканы халкъы жыйылып сынавун уыйренеген гьабижай звенолар гьали де бар, алдынгъы маяклар да сав, тек агъачы битген от йимик олар кесевленип-сёнюп бара* (К.Абуков) «До сих пор имеются кукурузоводческие звенья, где в течение нескольких лет люди со всей республики собирались для изучения опыта их работы, живы и прежние маяки, но они идут к угасанию, подобно огню, в котором уже не горят дрова». *Уыйге къайтса, юреги больницада, больницагъа барса, уыйге гелмеге, абзар-уыйдеги ишлени этмеге алгъасай* (З.Атаева) «Если возвратится домой – сердце в больнице, если пойдет в больницу, то торопится вернуться домой, прибраться».

Компоненты сложного предложения взаимосвязаны. Средством связи отдельных частей служат союзы, частицы, местоимения, интонация, а также структурное соотношение этих частей. В зависимости от характера перечисленных средств связи производится разделение всех сложных предложений на сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные и предложения с разными видами синтаксической связи. Основные различия между ними сводятся к следующему.

В сложносочиненном предложении конструирующие его части соединяются на равных правах, т.е. не подчиняются друг другу. В сложноподчиненном предложении одна из частей (главная) является грамматически ведущей, а другая (придаточная) - зависимой от нее: *Промышленность уьстюнлю кюйде оьсе, гьар тюрлю продукция чыгъарагъан янгы заводлар къурула* (М.-С.Умаханов) «Успешно растет промышленность, строятся новые заводы, выпускающие различную продукцию». *Кимни йырына халкъ инанса, шо йырчы насипли* (Аткъай) «В чью песню народ поверит, тот певец счастлив».

Части сложносочиненного предложения связываются сочинительными союзами, части сложноподчиненного – подчинительными: *Бизин гёргенде Хасайны сыпаты алышынып гетди, тек ол сыр билдирмей уыйге чакъырды* (К.Абуков) «При виде нас лицо Хасая внезапно изменилось, но он, не подавая

вида, пригласил в комнату». *Сагъа олай айтмагъа тынч, неге тюгюл сен оьзюнг де большевиксен* (И.Керимов) «Тебе легко так говорить, потому что ты и сам большевик».

Взаимосвязь частей сложносочиненного предложения осуществляется употреблением во второй части местоимений, указывающих на уже высказанное сообщение в первой части. В связи с этим в подобных предложениях местоимение не нуждается в раскрытии своего содержания: *Къызны тувра алдында бир эргиши токътагъан, ону сыпатын Сатыбал гёрмей* («Дослукъ») «Прямо напротив девушки стоит какой-то мужчина, Сатыбал не видит его лица».

В сложноподчиненном же предложении функции местоимений существенно отличаются (их обычно именуют союзными или относительными словами). В большинстве случаев при наличии союзных слов в придаточной части в главном предложении появляются указательные, соотносительные слова или местоименные наречия. Придаточная часть, присоединяясь к главной, конкретизирует значения этих местоимений: *Къайда не жамият чара оьтгериле буса, ол шонда болар (*М.Ражабов) «Он бывает там, где проводятся те или иные общественные мероприятия». *Кимни арбасына минсенг, шону йырын йырла* (фольк.) «На чью арбу сядешь, того (и) песню пой».

В бессоюзных сложных предложениях части связаны между собой при помощи интонации. В многочленных предложениях с разными видами синтаксической связи части связаны разными средствами: союзами, союзными словами, при помощи интонации.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение, предикативные части которого равноправны и связываются сочинительными союзами, называется сложносочиненным. Связь по способу сочинения не является простым, механическим соединением произвольно взятых двух или нескольких предикативных единиц: части сложного целого, внешне имеющие строение предложения (простого или сложного), лишены коммуникативной самостоятельности. В основе сложносочиненного предложения лежит их внутренняя смысловая объединенность, органическая

взаимозависимость.

Взаимосвязь частей сложносочиненного предложения подчеркивается различными способами:

а) пропуском в одной из частей главных или второстепенных членов предложения: *Къачагъан акъланы бир бёлюгю Владикавказхгъа, бирдагъысы буса Порт-Петровскиге багъып онгарыла* («Дослукъ») «Одна группа обратившихся в бегство белых во Владикавказ, другая же направляется в сторону Порт-Петровска» (в первом компоненте опущено сказуемое *онгарыла*) «направляется», во втором – целое определительное сочетание *къачагъан акъланы бёлюгю* «обратившихся в бегство белых»;

б) употреблением в компонентах противоположных по значению лексических элементов: *Тюнегюн ол бары да яшлар булан уьйге гетди, бугюн дарсгъа буса ол къызардашы булан гелди* («Дослукъ») «Вчера он вместе со всеми детьми ушел домой, сегодня же на урок пришел с сестрой»;

в) наличием общего члена (или общих членов) предложения, общих частиц или вводных слов: *Бир жумадан буса огъар сегиз сагъат дарс къошулду ва алапасы шайлы артды* («Дослукъ») «Через неделю же ему прибавалось восемь часов занятий и зарплата намного возросла».

Структура частей сложносочиненного предложения повторяет структуру обычного простого предложения: как простые предложения, они могут быть нераспространенными и распространенными, полными и неполными, двусоставными и односоставными.

Части сложносочиненного предложения могут представлять однотипные структуры, например, в предложении *Душман кёп, мен буса янгызман* (К.Абуков) «Враг не один, я же одинок» каждая часть является простым двусоставным нераспространенным предложением.

Возможны сложносочиненные предложения с разнотипными структурными частями. Это могут быть предложения: 1) односоставное назывное и двусоставное *Гече геч вакъти, амма яралыланы кёбюсю юхламай* (М.Ягьияев) «Поздняя ночь, но многие из раненых не спят»; 2) двусоставное и односоставное безличное: *Мен сени ташлап къойман, Сакинат, тек не этмеге герек?* («Дослукъ») «Я тебя не брошу, Сакинат, но что делать?».

В зависимости от характера союзов, связывающих предикативные части, все сложносочиненные предложения делятся на следующие типы: 1) сложносочиненные предложения с соединительными союзами; 2) сложносочиненные предложения с противительными союзами; 3) сложносочиненные предложения с разделительными союзами; 4) сложносочиненные предложения с присоединительными отношениями.

Сложносочиненные предложения с соединительными союзами

Наиболее обычным и широко распространенным типом сложносочиненных предложений являются предложения, в которых выражаются соединительные отношения. В зависимости от средств, выражающих эти отношения, соединительные сложносочиненные предложения делятся на: 1) сложносочиненные предложения с союзом *ва*; 2) сложносочиненные предложения с союзом *да* (*де*); 3) сложносочиненные предложения с союзом *не… не.*

Сложносочиненные предложения с союзом *ва*

Рассматриваемая группа сложносочиненных предложений может состоять из двух, трех и более предикативных частей. Части соединительных сложносочиненных предложений выражают разные смысловые отношения.

Сложносочиненные предложения с союзом *ва*, выражают два типа временных отношений: а) одновременность действий, состояний, ситуаций или б) их следование.

В предложениях одновременности части объединены общностью модально-временного значения: *Бизин душманларыбыз кёп ва олар бизден гьалиге гючлю* (М.Ягьияев) «У нас много врагов, и они пока сильнее нас».

В предложениях следования сообщается о нескольких следующих друг за другом событиях, явлениях: *Къарт къатын гёзелдириклерин узатды ва яшлар барысы да Арипни гёзелдириклерин таныды* («Дослукъ») «Старуха протянула (свои) очки, и все ренбята узнали очки Арипа».

Сложносочиненные предложения с союзом *ва* могут выражать причинно-следственные отношения. Такие сложносочиненные предложения состоят только из двух компонентов. При этом в первом из них сообщается о действии или событии, являющемся причиной или основанием другого действия или со-

бытия, обозначенного во втором: *Петроградда заманлыкъ гьукумат къурулгъан ва учредительный жыйын болгъунча биз огъар таби болма герекбиз* (М.Ягьияев) «В Петрограде организовано Временное правительство, и до учредительного собрания мы должны ему подчиняться».

В некоторых сложносочиненных предложениях с союзом *ва* соединительные отношения выражаются одновременно с оттенком присоединительного значения. Вторая соединяемая часть содержит пояснение, уточнение или добавление к тому, о чем говорится в первой части: *Акъчаны яртысын шону учун мунда къоябыз ва шо иш Дадавгъа, Абакаргъа ва Ивангъа тапшурула* (М.Ягьияев) «Половину денег для этой цели оставляем здесь, и это дело поручается Дадаву, Абакару и Ивану».

Подобную функцию союза *ва* иногда выполняет усилительная частица *я: Биз сизин чакъырмагъанбыз, я чакъырма хыялыбыз да ёкъ* (М.Ягьияев) «Мы вас не приглашали, и нет намерения приглашать».

Сложносочиненные предложения с союзом *да* (*де*)

В кумыкском языке не менее распространенным союзом, выражающим соединительные отношения, является союз *да* (*де*).

Компоненты подобных сложносочиненных предложений указывают на одновременность перечисляемых фактов: *Мен ону сюе эдим, ол да мени сюе эди* (К.Абуков) «Я любил ее, и она меня любила». *Ел де тынгъан, сувугъу да аз* (М.Ягьияев) «И ветер утих, и холод меньше»

Одновременность действий, состояний, признаков обычно определяется наличием в составе первого компонента сложносочиненного предложения общего второстепенного члена: *Шо мюгьлетде Юсуп огъар атылды, мен де чабуп ёлгъа чыкъдым* (К.Абуков) «В это мгновение Юсуп прыгнул на него и я выбежал на дорогу».

Одновременность перечисляемых фактов особенно ярко проявляется в тех случаях, когда сказуемые обеих предикативных частей выражаются одним и тем же словом (глаголом или именем): *Ону тюгю де къара, къашлары да къара* (И.Керимов) «И волосы у него черные, и брови черные». *Улан да учитель, къыз да учитель* (И.Керимов) «И парень учитель, и девушка учительница».

Сложносочиненные предложения с союзом *да (де)* могут выражать и последовательность действий, событий или состояний. Последовательность показывает, что перечисляемые факты в компонентах сложносочиненных предложений протекают по принципу последовательности во времени. В связи с тем, что последовательность эта наблюдается в течение одного и того же промежутка времени, временные формы глагола, которыми выражены сказуемые компонентов, совпадают, ср.: *Убарс адатгъа гёре салам берди, о да честь берип сонг къол алып сорашды* («Дослукъ») «По обычаю Убарс поприветствовал, и он, отдав честь, поздоровался за руку». *Ишни англап битмей, мен иржайдым, ол да иржайды* (К.Абуков) «Не поняв, в чем дело, я улыбнулся, улыбнулась и она».

В сложносочиненных предложениях с союзом *да* (*де*), построенных на основе причинно-следственной связи предикативных частей, действие или событие, происходящее в первой части, является причиной, а вторая часть содержит следствие, результат. Сказуемые компонентов рассматриваемых сложносочиненных предложений зачастую выражаются одинаковыми временными формами*: Юрт да алышынгъан, биз де алышынгъанбыз* (К.Абуков) «Изменилось и село, и мы изменились».

Причинно-следственные отношения могут выражаться в сложносочиненных предложениях с союзом *да (де)* с разнотипными сказуемыми: *Шону менден талап этеген адам да ёкъ, оьзюм де тергев бермей къойгъанман* («Ленин ёлу») «Этого от меня никто и не требует, и я сам не придаю особого значения».

Сложносочиненные предложения с союзом *не… не*

Соединительный повторяющийся союз *не…не* очень близок союзу *да* (*де*). Ср.: *Не эшикге къагъагъан болмады, не ит гьаплап эшитилмеди* («Дослукъ») – *Эшикге къагъагъан да болмады, ит гьаплап да эшитилмеди* «Ни в дверь никто не постучался, ни собачьего лая не послышалось».

Для усиления отрицания нередко ко второй части повторяющегося союза присоединяется частица *да, де: Гюнню узагъына шагьарны тешик-телигине ерли айланып турасан, тек не ялкъгъанынг языльмай, не де гюнню битдирип болмайсан* (М.Абуков) «Целый день ходишь, чуть ли не во все концы города,

но ни скука не проходит, и ни дня не можешь завершить». *Не ашап болайман, не де юхлап болмайман* (М.Абуков) «Ни есть не могу, и ни спать не могу».

Сложносочиненные предложения с соединительным союзом *не…не*, выражающие отношение отрицательного перечисления, могут состоять и из трех компонентов: *Не арыйман деп кант этмес, не сув тилемес, не ачман деп бизин талчыкъдырмас* (К.Абуков) «Ни на усталость не жалуется, ни воды не попросит, и не побеспокоит нас, что голоден».

Сложносочиненные предложения с противительными союзами

Сложносочиненные предложения с противительными отношениями состоят только из двух компонентов, которые в свою очередь могут быть как простыми, так и сложными предложениями. Общее значение противопоставления (с различными добавочными оттенками) осуществляется с помощью противительных союзов *тек, амма, буса, ёгъесе.*

Сложносочиненные предложения с союзом *тек* «но» могут выражать:

а) противительные отношения. В них вторая предикативная часть по своему содержанию противостоит первой: *Гече учурум ел чыкъгъан, тек ол аз заман тюгюл болмагъан* (И.Керимов) «Ночью поднялся штормовой ветер, но он был недолгое время»;

б) уступительно-противительные отношения. Во второй части таких предложений указывается на противопоставление вопреки условиям, имеющимся в содержании первой части: *Бары да бир терекни япырагъы, тек гьарисини оьмюрю башгъа* (М.Ягьияев) «Все они листья одного дерева, но жизнь каждого иная».

Частица *буса да* во второй части сложного предложения может употребляться и без союза *тек: Юрт юхлай, буса да бир-биревлер юхламай* (И.Керимов) «Село спит, все же некоторые не спят».

Для сложносочиненных предложений с союзом *тек* характерен четко выраженный оттенок разговорного стиля. Они получили широкое распространение главным образом в устной речи.

В сложносочиненных предложениях с союзом *амма* «но» выражаются те же отношения, что и в предложениях с союзом *тек:*

а) противительные: *Сен бек яхшы ойлашгъансан, амма шо иш залим*

къоркъунчлу (И.Керимов) «Ты очень хорошо придумал, но это дело очень опасное»;

б) уступительно-противительные: *Гече геч вакъти, амма яралыланы кёбюсю юхламай* (М.Ягьияев) «Поздняя ночь, но большинство раненых не спит».

Сложносочиненные предложения с союзом *амма* характерны книжной речи.

Союз *буса* «же» в сложносочиненных предложениях одновременно выполняет функции противительного союза и выделительно-усилительной частицы. Он, как правило, располагается во второй части предложения вслед за тем словом, значение которого усиливается.

По значению союз *буса* близок к союзу *амма*. Им в предложении выражаются следующие отношения:

а) противительные: *Ашлыкъны оьсдюрмек, ону сакъламакъ - авлакъланы загьматчыларыны аслу борчу, ону аяп пайдаландырмакъ буса бизин, аш биширивчюлени, борчубуз* («Дагъыстанлы къатын») «Вырастить хлеб, сберечь его – основная задача тружеников полей, бережное использование же его – наша задача, задача пекарей»;

б) сопоставительные: *Душман кёп, мен буса янгызман* (К.Абуков) «Враг многочислен, я же одинок»;

в) противительно-присоединительные: *Ав да бир спорт чу, спорт буса адамны оьмюрюн узата* (М.Абуков) «Охота ведь тоже спорт, спорт же продлевает жизнь человека».

В сложносочиненных предложениях с союзом *ёгъесе* «иначе», «не то», «а то», «в противном случае» выражаются условно-противительные отношения. Вторая часть подобных предложений указывает на возможные последствия несоблюдения условий, о которых повествуется в первой части: *Къаравчулар сагьнада гючлю ва терен гьислер къайнагъанны сюе, ёгъесе олар ялкъмагъа башлай* (М.Гьусейнов) «Зрители хотят, чтобы на сцене горели сильные и глубокие чувства, а иначе они начинают скучать»

Сложносочиненные предложения с разделительными союзами

Для связи частей сложносочиненного предложения употребляются разделительные союзы *я, яда* «или», «или же», «либо», *бир, не* «то». В таких

сложносочиненных предложениях выражаются попеременно чередующиеся события или отношения взаимоисключения.

Союзы *я, яда* выражают отношения взаимоисключения. Союз *яда* повторяется в начале каждой части сложносочиненного предложения гораздо редко, чаще располагается в абсолютном начале второй части: *Сиз айтагъан инкъылап битдими, яда ону дагъы да арты бармы!* (М.Ягьияев) «Так называемая ваша революция завершилась, или у нее есть еще и продолжение!».

Союз *я*, как правило, повторяется в начале каждой части сложносочиненного предложения, причем в I части он может находиться и не в абсолютном начале. Наблюдается и одновременное сочетание рассматриваемых союзов, например: *Я тереклени, бёлеклени артына айлана, я бурлугъуп-бурлугъуп адашдырып къача* (М.Абуков) «Или свернет за деревья, кустарники, или бежит с оглядкой, путая следы».

Необходимо различать простые предложения, в которых повторяющийся союз *я* выступает в значении соединительного с добавочным оттенком усиления: *Я авлагъы бермей гелим, я гъайванчылыгъы* («Дослукъ») «Ни (их) поля не дают прибыли, ни (их) животноводство».

Союзы *бир, не* всегда употребляются как повторяющиеся и указывают на последовательную смену событий. Они повторяются в начале каждой части сложносочиненного предложения: *Бир уллусу оза, бир гиччиси оза* («Дослукъ») «То старший обгоняет, то младший обгоняет»; *Бир онгдагъы ярлагъа къарай, бир солдагъы къакъалагъа къарай* (М.Абуков) «То бросит взгляд на скалы, что находятся правее, то посмотрит на ущелья, расположенные левее»..

Следует различать случаи, когда разделительный союз *не* употребляется в значении соединительного с оттенком усиления: *Не жибин инжитмей, не боран чюмлемей* (М.Абуков) «Ни мухи не беспокоят, ни буран не щиплет».

Сложносочиненные предложения с присоединительными отношениями

В сложносочиненных предложениях присоединительные отношения возникают в тех случаях, когда содержание I-й части является добавочным сообщением, дополнением к тому, о чем говорилось в I-й части. Это осуществляется с помощью интонации и паузы, а также союзов *шо да* (*о да*), *ва шо* «и это»,

«а это», *да* (*де)* «и», *шону булан да* «и этим».

Союзы *шо да* (о *да), ва шо, шону булан да* в присоединительных предложениях обычно располагаются в самом начале: *Бир эркъардашым бар, о да къайда экенни билмеймен* («Дослукъ») «Одного брата имею, и не знаю, где он».

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

С учетом внутреннего единства компонентов и их структурных признаков в кумыкском языке различаются следующие виды придаточных предложений: придаточное подлежащное, придаточное сказуемостное, придаточное дополнительное, придаточное определительное, придаточное обстоятельственное и придаточное присоединительное.

Придаточное подлежащное предложение

Придаточное подлежащное, представляя грамматически оформленное зависимое предложение, поясняет и раскрывает содержание подлежащего в главной части. Придаточное подлежащное предложение отвечает на вопрос подлежащего главного предложения *ким?* «кто?» или *не?* «что?».

По характеру связи придаточного с главным, порядку следования компонентов в сложноподчиненном предложении встречаются три типа придаточного подлежащного предложения.

Придаточное подлежащное раскрывает содержание подлежащего главного предложения, выраженного местоимениями *о (ол)* «он», *шо* «тот» и предшествует главному предложению. Связь с главным предложением осуществляется посредством относительных местоимений *ким?* «кто?», *не?* «что?», а также формой сказуемого в условном наклонении: *Аналардан батыр улан ким тувса, ол явлагъа тувра чабар* (М.Ягьияев) «Кто от матерей родится храбрецом, тот в битвы бросится прямо». *Ким утдурса, шо Нина Сергеевнагъа савгъат алыр* (Аткъай) «Кто проиграет, тот купит Нине Сергеевне подарок».

Соотносительное слово главного предложения, легко подразумеваясь, часто может и опускаться: *Ким бузав урласа, сонг оьгюз де урлар* (поговорка) «Кто украдет теленка, (тот) потом и вола украдет».

При рассмотрении придаточных подлежащных важно учитывать сле-

дующее обстоятельство. Местоимение главной части, выполняющее функцию подлежащего, должно обязательно стоять в основном падеже, употребление его в одном из косвенных падежей ведет соответственно к изменению типа придаточного: 1) *Ону сыйырларын ким сюйсе, шо сава* («Ленин ёлу») «Ее коров доит тот, кто захочет» (придаточное подлежащное предложение); 2) *Сонг да ким кёп жыйса, ону колхозну там газетине сала, школада да макътай* (М.Ягьияев) «И потом, кто больше соберет, того помещают в колхозную стен-газету и в школе хвалят» (придаточное дополнительное предложение).

Придаточное подлежащное предложение заменяет подлежащее, отсутствующее в главном предложении. Связь придаточного предложения с главным осуществляется с помощью союза *деп*. Семантическая особенность этих придаточных подлежащных состоит в том, что они представляют собой прямую или косвенную речь. Форма передачи прямой (чужой) речи проявляется здесь двояко. В одних случаях это непосредственный акт речи: *Сени эсинге гелеми, мен адамлыгъымны, намусну тас этген деп?* (У.Мантаева) «Тебе кажется, что я потеряла человечность, совесть?» В других – прямая речь является формой выражения мысли: «*Насип деген зат шулай бола буса ярай», - деп эсиме гелди* (М.Ягьияев) «Это, должно быть, и есть то, что называется счастьем», - подумал я». В структурном отношении главное представляет собой безличное предложение в большинстве своем с составным глаголом-сказуемым *эсине гелмек* «казаться». Возможны и глаголы страдательного залога, например, *къаравулланмакъ* «ожидаться», *токъташдырылмакъ* «утверждаться», *гьисап этилмек* «считаться» и др.

Придаточное сказуемостное предложение

Придаточное сказуемостное предложение относится к сказуемому главного предложения, выраженному указательным местоимением, и конкретизирует его содержание. Придаточные предложения образуются при помощи местоименно-соотносительных слов. В составе главного сказуемое выражается соотносительным словом, в придаточное включается относительное местоимение. Сказуемое главного предложения выражается местоимениями (соотносительными словами) *шо* «тот, та, то»; *шолай, олай* «так, такой, таков». В качестве относительных слов в придаточном используются местоименные слова *ким*

«кто», *не* «что» во всех прямых и косвенных формах: *нечик* «как, какой, какое».

Связь компонентов осуществляет также условный афф. *–са* (*-се*) при сказуемом придаточного предложения: *Коллектив нечик буса, ону ишлери де шолай болур* («Дагъыстанлы къатын») «Каков коллектив, таковы будут и его дела». *Ким мени ана топурагъыма къылыч сувуруп гелсе, шодур мени душманым* (М.Ягьияев) «Кто придет на мою землю, обнажив меч, тот мой враг».

Придаточное дополнительное предложение

Придаточные дополнительные предложения или распространяют сказуемое главного предложения, нуждающееся в объектном разъяснении, или же уточняют значение дополнений, выраженных соотносительными местоимениями. В первом случае придаточная часть распространяет глаголы речи: *айтмакъ* «говорить», *сорамакъ* «спрашивать», *тилемек* «просить», *буюрмакъ* «приказывать», *инандырмакъ* «уверять» и др. Сюда же относятся глаголы, связанные с процессом мышления, рассуждения, восприятия, чувствования: *ойлашмакъ* «думать», *англамакъ* «понимать», *билмек* «знать», «ведать», *унутмакъ* «забывать», *гёрмек* «видеть», *къарамакъ* «смотреть», *умут этмек* «надеяться» и др.; глаголы, обозначающие внутреннее психическое состояние человека: *сююнмек* «радоваться», *тамаша болмакъ* (*тамашалыкъ этмек*) «удивляться», *сюймек* «хотеть», *къоркъмакъ* «бояться», *шек болмакъ* (*шекленмек*) «догадываться», «сомневаться» и др.

Все эти глаголы лишь называют в главной части те или иные процессы, состояния, а содержание этих процессов, мотивы состояний и другие объекты раскрываются в придаточной части: *Мен герти кююнде билемен сиз душманлар болгъанны* (М.Ягьияев) «Я действительно знаю, что вы стали врагами».

Связь придаточного предложения с главным осуществляется формой условного наклонения сказуемого и относительными местоимениями: *Уясында не гёрсе, учгъанда шону этер* (фольк.) «Что увидит в гнезде, то и сделает в полете».

В организации дополнительных придаточных предложений, участвуют относительные местоимения: *Бизин Дагъыстанны топрагъына ким гьужум этсе, шону булан ябушажакъман* (М.Ягьияев) «Кто посягнет на нашу дагестанскую землю, с тем буду драться»; *Олардан къайсы уьст болса, шогъар бе-*

рирсиз мени (А.Сулейманов) «Кто из них победит, за того меня выдадите».

Придаточное предложение следует за главным и раскрывает содержание дополнения, выраженного указательными местоимениями. При этом уже само наличие указательного слова лишает главное предложение его смысловой независимости, заставляет ждать продолжения – соответствующего придаточного предложения.

Придаточное определительное предложение

Придаточное определительное предложение относится к одному из главных или второстепенных именных членов главного предложения как определение к определяемому. Чаще всего придаточное определительное выступает опосредствованным определением именных членов главного предложения, т.е. определяется с помощью местоименно-соотносительных слов: *Ким ант этип сёйлей буса, ону герти сёзю аз болур* (фольк.) «Кто говорит, давая клятву, у того меньше правды в словах» (досл. «его правдивых слов мало будет»).

Придаточное предложение с относительным местоимением наполняет своим содержанием соотносительное слово главного предложения. Установлению зависимых отношений компонентов способствует также условная форма сказуемого придаточного предложения. В зависимости от форм выражения относительно-соотносительных слов можно разграничить варианты данного типа:

а) в придаточной части относительное слово *ким?* «кто?» (в любой падежной форме), в главной – соотносительные слова *шо, о* «тот» в сочетании с именем: *Кимни йырына халкъ инанса, шо йырчы насипли* (Аткъай) «В чью песню народ поверит, тот певец счастлив»;

б) относительное слово придаточной части *не* «что?» (в любой падежной форме) соотносится с местоимением *шо* «тот, та, то, те» в сочетании с именем главной части: *Уьйдегилер не ат булан къычырса, къырдагъылар да шо ат булан къычырар* (фольк.) «Каким именем обращаются находящиеся дома, таким именем обращаются и вне его».

Относительное слово придаточного предложения *къайсы?* «какой?», «который» соотносится с *шо, о* «тот, та, то, те» в сочетании с именем главной части: *Байланы-бийлени къайсы тайпасы гючлю буса, шо тайпа округгъа баш*

болуп токъатай эди («Ленин ёлу») «Который из княжеского рода силен, тот род становился главой округа»;

в) относительное слово придаточного предложения *нечик?* «какой?» соотносится с местоимениями *шолай, олай* «какой» + именной член главного предложения: *Эренлер нечик жамият борчланы кюте буса, дагъыстанлы къатынланы уьстюне де шолай борчланы, шолай жавапчылыкъны салыгъыз* («Ленин ёлу») «Какие общественные обязанности выполняют мужчины, такие обязанности, такую ответственность возложите и на плечи дагестанских женщин».

При относительно-соотносительном подчинении компонентов сложноподчиненного предложения следует учитывать одно важное обстоятельство. Относительные местоимения *ким* «кто», *не* «что» (в разных падежных формах), как было рассмотрено выше, кроме придаточных определительных, формируют придаточные подлежащные, сказуемостные и дополнительные предложения. В качестве критерия разграничения подобных придаточных является форма выражения соотносительного слова главного предложения: каким членом предложения выступает оно, таковым будет и тип придаточного предложения.

Придаточное определительное предложение связывается с главным с помощью союза *деп* «что», занимая при этом препозицию или вклиниваясь в главное предложение: *Охувумну узатарман деп хыялым бар* (Ш.Альбериев) «Думаю, что продолжу свою учебу».

Придаточные обстоятельственные

По характеру смысловых отношений между частями различаются следующие типы придаточных обстоятельственных: придаточные времени, места, причины, следствия, цели, условия, уступки, образа действия, меры и степени, сопоставительные, присоединительные.

Придаточное времени

Придаточными времени называются части сложноподчиненных предложений, содержащие указание на время совершения действия, выраженного в главной части. Придаточные времени относятся к сказуемому главной части, либо уточняют содержание обстоятельства времени главной части и отвечают на вопросы *къачан? не заман? не вакътиде*? «когда?» «в какое время?», *къачандан (не замандан) берли*? «с каких пор?» «с какого времени?».

Существует один основной тип сложноподчиненных предложений с придаточным времени. Он связан с подчинением придаточного при помощи союзных слов. Самыми употребительными являются союзные слова *не заман, къачан* «в какое время?», «когда?». В главной части обычно употребляется соотносительное слово *шо заман* «тогда».

Для разговорной же речи характерно отсутствие соотносительного слова: *Не заман батырлыкъ болгъан, шо заман йыр да чыкъгъан* (Аткъай) «Когда была отвага, тогда и родилась песня». *Не заман менден адам гелсе, чыкъма гьазир турургъуз* (М.Ягьияев) «Когда от меня явится человек, будьте готовы отправляться».

Придаточное места

Придаточное предложение места указывает, где происходит, куда или откуда направляется действие, выраженное сказуемым главной части сложноподчиненного предложения.

Придаточные места чаще всего раскрывают содержание местоименных наречий *шонда* (*онда*) *багъып* «туда (в том направлении)», *шондан таба* «оттуда», *шо ерде* «там (в том месте)», *шо ерден* «оттуда (с того места)» и т.д., являющихся соотносительными словами в главной части, и отвечают на вопросы *къайда?* «где?» «куда?» *къайдан?* «откуда?» *не ерде?* «где?» «в каком месте?» *не ерге багъып, не якъгъа багъып?* «куда?, «в каком направлении?» и др.: *Къайда биз барсакъ, сен де шонда болурсан* (М.Ягьияев) «Куда мы пойдем, там и ты будешь». *Ал дёгерчик къайдан юрюсе, арт дёгерчик де шондан юрюр* (фольк.) «Откуда пройдет переднее колесо, оттуда пройдет и заднее колесо».

Характерная особенность придаточных предложений места состоит в том, что функцию сказуемого обычно выполняют глаголы условного или изъявительного наклонения, а сами придаточные поясняют указательные местоимения *онда/шонда, шунда, ондан/шондан, шундан. Къайда сююв бар, онда сарын да бар* (Аткъай) «Где любовь, там и песня». *Ол не ерге чапса, шондан акълар ёюлюп гете* (Б.Атаев) «Куда он наступает, оттуда исчезают белые».

Придаточные места связываются с главной частью союзными словами *къайда, не ерде* «где», «в каком месте»; *къайда, къайсылай (багъып)* «куда», «в каком направлении» и др., которые при наличии в главной части соотноси-

тельных наречий образуют с ними местоименно-соотносительные пары: *къайда - шонда (онда), къайда багъып - шонда багъып, къайсылай багъып - шолай багъып, къайдан таба - шондан таба, не ерге - шонда* и т.п.

Связующую функцию в сложноподчиненных предложениях с придаточным места выполняет также условный глагол на *=са//=се* при сказуемом придаточной части и подчинительная интонация: *Къайда болгъан бусам, шонда уьйрендим, Амин* (М.Аминов) «Где бывал, там научился, Амин». *Къайда сююв бар, онда сарын да бар* (Аткъай) «Где любовь, там и песня». *Ол не ерге чапса, шондан акълар ёюлуп гете* (Б.Атаев) «Куда он наступает, оттуда исчезают белые».

Придаточное места может включаться в главную часть: *Совхозда чалтик къайтарыв ерли шартлагъа гёре, къайда оьсюмлюк буса, шонда алдын оьтгериле* («Ленин ёлу») «Уборка риса в совхозе, согласно местным условиям сначала производится там, где растение раньше созрело». *Ол, къайда иш кёп буса, онда бола* (Н.Гьажиев) «0на бывает там, где много работы».

От придаточных места с союзным словом *къайда* «где», «куда» следует отличать другие типы придаточных с тем же союзным словом. Придаточное места содержит указание на место действия, раскрывая обычно обобщающий смысл обстоятельств места главной части. Ср.: *Къайда йиберсе, шонда барма герекбиз* «Куда направят, туда должны поехать». *Къайда йиберсе, шогъар рази эдим* «Куда направят, с тем был согласен». *Къайда йиберсе, шо ерни мен ушатарман* «Куда направят, то место мне понравится» (соответственно: придаточное места, придаточное дополнительное, придаточное определительное).

Придаточное причины

Придаточные причины указывают причину того действия, явления и события, о которых говорится в главном предложении и отвечают на вопросы *неге?, не учун?* «почему?» *не саялы?, не себепли?* «по какой причине?»: *Абакар бу хабаргъа бирден-бир сююндю, неге тюгюл онда Аминат да болажакъ* (М.Ягьияев) «Абакар обрадовался этой вести, потому что там будет и Аминат».

В современном кумыкском языке различаются три типа сложноподчиненных предложений с придаточным причины.

Первый тип представляют сложноподчиненные предложения, в которых

придаточная часть следует за главной и указывает на причину того, о чем сообщается в ней. Придаточное причины присоединяется к главной части союзными сочетаниями *неге тюгюл, неге десе//не учун десе, неге десенг//не учун десенг, неге десек//не учун десек, неге десегиз//не учун десегиз* «потому что»: *Биревлени душманы болма ярай Мугьажир, неге десенг колхоз къурагъан йылларда юртдагъы кулаклар ону нече керен оьлтюрмеге къаст этди* (И.Керимов) «Мухажир, должно быть, чей-то враг, потому что в годы организации колхозов сельские кулаки несколько раз пытались убить его».

Когда подчеркивается важность причины, вытекающей из содержания главной части, при союзных сочетаниях употребляется усилительная частица *де* (с логическим ударением на второй части сочетания): *Ёкъ, Егоров оьлмеген, неге тюгюл де ону музыкасы адамлагъа шатлыкъ гелтире* («Дагъыстанлы къатын») «Нет, Егоров не умер, потому что его музыка приносит людям радость».

Второй тип представляют сложноподчиненные предложения, придаточная часть которых, предшествуя главной, соединяется с ней с помощью союза *деп* «что»: *Агитация ишлерде осал ортакъчылыкъ эте деп, ону докладда сёкген эдилер* (М.Абуков) «Из-за того, что (она) принимает слабое участие в агитационной работе, ее покритиковали на собрании».

При выдвижении причины на первый план придаточная часть размещается внутри главной: *Олар гьали, биз тас болуп къалды деп, къарсалап турадыр* (И.Керимов) «Они сейчас, полагая, что мы пропали, вероятно, волнуются».

Третий тип представляют сложноподчиненные предложения причины, в которых в качестве сказуемого придаточной части выступают причастие прошедшего времени с послелогом *саялы*: *Мен дарслагъа гечикген саялы, учитель мени директорну ягъына чакъырды* (З.Атаева) «За что я опоздал на занятия, учитель попросил меня зайти к директору».

Придаточное следствия

Придаточное предложение следствия заключает в себе следствие или вывод, вытекающий из содержания главной части в целом. В сложных предложениях с придаточными следствия устанавливаются причинно-следственные отношения, причем причина выражается в главной части, а следствие в придаточной. Возникают отношения, обратные тем, что наблюдаются в сложных

предложениях с придаточной причины, где следствие заключено в главной части, а причина – в придаточной: *Ол алгъасай, шогъар гёре огъар машинни булай чалт барыву да аста юрюйгенде йимик эди* (И.Керимов) «Он торопится, поэтому такая высокая скорость машины казалась ему медленной».

Придаточные следствия всегда относятся ко всей главной части и следуют за ней.

Придаточная часть присоединяется к главной с помощью союзов *шо (шону, о) саялы, шону (ону) учун, шогъар (огъар) гёре* «поэтому» («так что»): *шо себепден, шо себепге гёре, шо себепли* «по той причине» («так что»), сопровождаемых часто усилительной частицей *да//де: Биз рагьатсыз дюнъяда яшайбыз, шо себепден эсгерилген масъаланг агьамиятлы масъалалардан бириси болгъан кююнде къала!* («Ленин ёлу») «Мы живем в тревожном мире, поэтому затронутый вопрос остается быть одним из важнейших вопросов».

Характерная особенность придаточного предложения следствия состоит в том, что оно, как правило употребляется после главного предложения.

Придаточное цели

Придаточное цели указывает на цель действия, о котором говорится в главной части сложноподчиненного предложения

Глагольное сказуемое придаточного цели чаще выражается формами повелительного или условного наклонения глагола, так как семантически эти формы, как и содержание самого придаточного, относятся к плану будущего. С этим связано и употребление сказуемого придаточного цели с глаголами будущего времени. В придаточном возможно и настоящее время изъявительного наклонения, употребленное в значении будущего; редко встречаются глаголы в желательном наклонении: *Темирчини уллу чёкючюню танкъ-танкъ тавушуна бирев гелип къалмасын деп, экев эки якъда къаравул да эте эди* (И.Альбериев) «Чтобы на стук огромного кузнечного молота вдруг кто-нибудь не появился, двое еще и караулили с двух сторон».

Придаточные цели представлены одной структурной разновидностью. Наиболее употребительной является придаточная часть, присоединяемая к главной с помощью союза *деп*. Поясняя содержание главной части в целом или только ее сказуемое, придаточное цели обычно занимает препозицию: *Атымны*

ашатайым деп, янтайгъан эдим (М.Ягьияев) «Чтобы накормить (моего) коня, я прилег». *Ерли халкъны хозгъалывчулардан айырабыз деп, шо колониячылар парахат турагъан халкълагъа да этмейген зулму ёкъ* («Ленин ёлу») «Какому только насилию ни подвергают мирный народ эти колонизаторы, чтобы оградить местное население от восставших».

Для подчеркивания важности цели, обоснования мысли, выраженной в главной части, когда нужно обратить на это внимание, придаточное цели занимает интерпозицию: *Къайда буса да бир ерде йип уьзюлюп къалмасын деп, даим гьар урчукъгъа тергев этип тура* (А.Гьусейнов) «Чтобы в каком бы то ни было месте нить не оборвалась, постоянно следит за каждым веретеном». *Гиши-миши гёрюп къалмасын деп, дёрт де ягъын тергей эди* («Дослукъ») «Чтобы никто не заметил, смотрел вокруг».

Средством подчинительной связи обычно являются не союзы, а послелог *учун*, выполняющий функцию союза цели: *Нинаны бетине къарамакъ учун, ол бираз ари йылышды* (Аткъай) «Чтобы смотреть в лицо Нины, он онемного отодвинулся».

Придаточное предложение условия

Придаточными условиям называются части сложноподчиненных предложений, указывающие на условие совершения действия или проявления признака, о которых говорится в главной части: *Аз сёйлесенг, кёп эшитерсен* (фольк.) «Если будешь меньше говорить, больше услышишь». *Иш этилеген ер таза ва онгайлы болса, загьматны авурлугъу гёзге гёрюнмей* (Р.Расулов) «Если рабочее место чисто и удобно, тяжесть труда ни по чем».

Придаточные условия, поясняя главную часть, могут занимать по отношению к ней разные позиции. Они присоединяются с помощью условного аффикса сказуемого *=са//=се*, вспомогательными формами условного наклонения *буса, болса, десе*. Всем этим формам могут быть присоединены притяжательные аффиксы 1-го, 2-го л. ед, и мн. числа. Глагол *болма* «быть», «являться», наполненный основным лексическим содержанием и наделенный условным аффиксом, может выступать и в качестве самостоятельного сказуемого придаточной части. Употребление союза *эгер, эгердим, эгер де* «если» является формальным: *Ана топракъ, сени гьакъынгда языльгъан йырланы, китапланы*

жыйып тёбе этсе, бийик тавлагъа ошар эди (М.Ягьияев) «Родная земля, если бы собрать в кучу стихи, книги, написанные о тебе, (она) была бы подобна высоким горам». *Кёкден тюшсенг чи, сени гесеклеринг де къалмас* (А.-П.Салаватов) ««Если уж с неба упадешь, и кусков твоих не останется». *Мени улаными, сав къалсам, зурнайчы чакъырма сюемен* (М.Ягьияев) «Моему сыну, если останусь в живых, хочу пригласить играющего на зурне».

Необходимо принять во внимание, что появление в главной части местоименного наречия *шо (о) заман* «тогда» не ведет к изменению типа придаточной части, а лишь вносит дополнительный смысловой оттенок временной обусловленности: *Эгер къонагъы да оьзю булан гелмеге разилешсе, шо заман барма ярай* (М.Ягьияев) «Если же и (его) гость согласится прийти с ним, тогда можно пойти».

Надо, однако, иметь в виду, что не всякая условная форма глагола выступает сказуемым придаточного условного. Так, данная глагольная форма может входить в состав фразеологических единиц, рассматриваемых как одно цельное неразложимое сочетание в составе сказуемого: *Тангаладан башлап гёрерсен, не буюрсанг, этежекмен* (З.Атаева) «Посмотришь с завтрашнего дня, выполню все, что ни прикажешь». *Таш атсанг, ерге тюшмежек* (И.Керимов) «Если кинешь камень, (он) не упадет на землю».

Условная форма глагола может входить в состав вводных словосочетаний и предложений: *Эгер янгылышмай бусам, шо чапгъын 8-нчи яда 9-нчу декабрде юрютюлдю бугъай* («Ленин ёлу») «Если не ошбаюсь, эта атака проведена, кажется, 8 или 9 декабря».

Придаточные условные, помимо своего основного значения, могут одновременно выражать дополнительные оттенки смысловых отношений: времени, сопоставления, пожелания, распределительное и другие значения: *Мен аш эте, опуракъ жува яда тиге бусам, яшланы лап гиччисин алып къыдыра бара* («Дагъыстанлы къатын») «Если я готовлю, стираю или шью, (он), взяв самого младшего из детей, идет гулять». *Къышда къырда бусанг, язбашда уьйде бол* (фольк.) «Если зимой в отъезде был, весной будь дома». *Бириси онда ишлей буса, биревюсю менде ишлежек* (Ш.Альбериев) «Если один работает там, (то) другой будет работать у меня».

Придаточное уступительное предложение

Придаточными уступительными называются части сложноподчиненных предложений, в которых сообщаемые факты и действия происходят вопреки тем, которые выражены в главной части: *Янгурдай явмасанг да, кёкюрединг кёк йимик* (Й.Къазакъ) «Хотя и не лил подобно дождю, (но) прогремел подобно грому». *Ноябрь ай буса да, чакъ сувукъ тюгюл эди* (М.Ягьияев) «Хотя и был ноябрь месяц, погода стояла нехолодная».

Сложные предложения с придаточными уступительными по своим отношениям логически сближаются со сложносочиненными предложениями с противительными союзами, поэтому нередко главная часть начинается с противительного союза *амма, тек* «но»: *Бутсуз-къолсуз къалсам да, амма революциягъа толу кюйде берилген юрегим къайпанмады* (Р.Расулов) «Хотя (я) остался без рук, без ног, но сердце (мое), полностью отданное революции, было упорно».

Придаточное уступительное присоединяется к главной части с помощью условного аффикса глагола-сказуемого и усилительной частицы *да//де*, выполняющей функцию союза *хотя*.

Предложения с придаточной частью, присоединяемой местоимениями и наречиями с усилительной частицей *да//де*, приобретают обобщенно-уступительное значение. Сами местоимения и наречия *ким* «кто», *не* «что», *гьар не* «что ни», *нечакъы не* «сколько ни», *не къадар* «насколько», *къайда* «где», *къайсылай* «куда» и др. подчеркивают крайнюю степень обстоятельств, вопреки которым совершается действие в главной части. Обобщенность может быть связана с местом и признаком совершения действия, мерой и степенью его, с лицом и предметом, совершающим действие: *Гьар адам, къайда ва не къуллукъда ишлей буса да, башгъа тюгюл, коллективни алдында токътагъан аслу борчланы кютювде оьзюню ерин тюз белгилемеге бюрчлу* («Ленин ёлу») «Каждый человек, где и какую бы работу бы он ни выполнял, все равно, обязан верно определить свое место в выполнении основных задач, стоящих перед коллективом». *Умар не айтса да, мен сёйлемедим* (У.Мантаева) «Что бы ни говорил Умар, я молчала».

Уступительную придаточную часть не следует смешивать с вводными конструкциями, выражающими отношение говорящего к содержанию высказываемого: *Мен, нечакъы айтса да, сенден уллуман* (М.Ягьияев) «Я, как ни говори, старше тебя».

Обобщенно-уступительное значение получает придаточная часть и без усилительной частицы *да//де*. В таких предложениях сказуемым придаточной части выступает условная форма глагола + глагол *болмакъ* «быть» в повелительном наклонении (редко одним глаголом прошедшего категорического времени изъявительного наклонения). Иногда при сказуемом условный глагол опускается: *Сюйсе къышны къагьрулу гюню, сюйсе гюзню явунлары, яйны яллаву болсун, Бурлият, концертлер булан юртлагъа, къойчуланы янына тавлагъа, колхоз-совхоз авлакълагъа къонакълай баражакъ* («Ленин ёлу») «Будь то суровый день зимы, будь то осенние дожди иль летний зной, Бурлият с концертами отправляется в гости в селения, в горы к чабанам, на кол-хозно-совхозные поля». *Юртда нече ерде аврув болсун, оланы янына гюнде бир-эки керен етишип, гьалын билип кёмек гёрсете* («Ленин ёлу») «Сколько бы ни было в селе больных, (он) один-два раза в день спешит к ним справиться о здоровье и оказать необходимую помощь».

Придаточное образа действия

Придаточное предложение образа действия указывает на характер и способ действия или признака, обозначенных в главной части, и отвечает на вопросы *нечик*? «как?», *не кюйде*? «каким образом?». В большинстве случаев придаточное образа действия раскрывает смысл соотносительных слов *булай*, *шолай*, *бир* (в значении *шолай*), *олай* (*олай да*), *алай* (*алай да*), *олай бир* (*алай бир*) «этак», *шо кюйде* «этаким образом». При отсутствии соотносительного слова придаточная часть выражает характер и способ действия сказуемого главной части: *Ол сокъгъан халилер адамланы нечик къувандыра буса, Назлуханум да халкъны шолай къувандыра* («Ленин ёлу») «Как радуют людей ковры, сотканные ею, так и Назлуханум радует людей». *Бир ёл молла мени къолумда карандашны гёрюп, бир урду дагъы чубукъ булан, лап кьолум шишип гетди* (И.Керимов) «Как-то раз мулла, увидев в моей руке карандаш, так ударил прутом, (что) рука (моя) совсем опухла».

Характерной особенностью этого типа предложений является:

1. Наличие в составе придаточной части союзных слов *нечик* «как», *не кюйде* «каким образом». Главная часть, содержащая соотносительные слова *шолай* «так», *шо кюйде* «таким образом», органически нуждается в придаточной, которая восполняет смысл этих слов. Связующую функцию выполняет также сказуемое придаточной части - глагол условного наклонения (возможен и глагол изъявительного наклонения): *Йигирманчы йылларда А-П.Салаватов къумукъ поэзия оьсежекге нечик инангъан буса, къумукъ поэзия оьсежекге нечик инангъан буса, къумукъ критиканы гележекдеги оьсювюне де биз гьали шолай инанма герекбиз* (К.Султанов) «Как в двадцатые годы А.-П.Салаватов верил в расцвет кумыкской поэзии, так мы теперь должны верить и в предстоящий расцвет кумыкской критики». *Бавдан нечик чыкъдыкъ бусакъ, шо кюйде тавушсуз барып ятып къалма да герек* (М.Хангишиев) «Как мы выбрались из сада, таким же путем надо бесшумно пойти и лечь».

Возможна и интерпозиция придаточной части, но обязательным условием при этом является расположение ее перед теми соотносительными словами, содержание которых ею раскрывается: *Бизин борчубуз: Къазакъ оьзюню асарларын нечик язгъан буса, - шолай англамакъ ва уьйренмекдир* (К.Султанов) «Наша задача: как написал Казак свои произведения, так воспринимать и изучать (их)».

2. Придаточная часть следует за главной, раскрывая смысл слов, употребленных в роли обстоятельства образа действия. Функцию последнего в главной части могут выполнять местоимения *олай (олай да), алай (алай да), олай бир, бир* (в значении *олай*) «так». При этом возможна в главной части частица *чы*, а в придаточной - *гьатта* (в значении союза): *Онда сагъа муна шо йырны алай да йырлар чы, сен тынглама рази болгъанынга гьёкюнмежексен* (И.Керимов) «Там тебе вот эту песню споют так, (что) не пожалеешь о том, что согласился послушать (ее)». *Четенни ичи олай бир оькюрюп йиберди чи, бир де башгъа тюгюл эди шо вакътиде кёкден айроплан учгъандан* (М.Ягьияев) «Внутри большой корзины вдруг так загудело, (что) этот момент ничем не отличишь от полета в небе аэроплана».

3. Сложноподчиненные предложения с придаточным образа действия, присоединяемым к главной части с помощью *деп*. Придаточная часть выражает характер и способ действия, представленного сказуемым. Подобные придаточные имеют целевой оттенок значения. Именно это значение подчеркивает Ю.Д. Джанмавов, говоря о функциях *деп* (Джанмавов 1967: 315). Круг глаголов, требующих после себя вопроса обстоятельства образа действия (с целевым оттенком значения) очень ограничен. Это в основном глаголы *токъташмакъ* «решаться» и *ойлашмакъ* «думать»: «*Къоюп гьёкюнгюнче, алып гьёкюнейим», - деп токъташа улан* («Дослукъ») «Чем каяться, не взявши, лучше возьму и раскаюсь», - так решает юноша». *«Гел шо гьакъда айрыча лакъырлашыв оьтгерейик», - деп ойлашдым* (А.Атаев) «Дай-ка об этом проведу отдельную беседу», -так подумал (я)».

Необходимо разграничивать данный тип придаточных образа действия от придаточных дополнительных (изъяснительных). При этом следует учесть, что глагол *токъташмакъ* без целевого оттенка значения, а также в значении «устанавливаться», «констатироваться», требует после себя вопроса дополнения и, следовательно, при нем возможно придаточное дополнительное предложение. Ср.: *Мен де Къайырбек уьюне гетгендир деп токъташдым* (М.Ягьияев) «И я решил, что Каирбек, должно быть ушел домой». *Пленге тюшген немец офицерлер, бу уьйню совет батальон якълай деп токъташдыра эдилер* («Ленин ёлу») «Попавшие в плен немецкие офицеры констатировали, что этот дом защищает советский батальон»

Придаточное сравнительное

Придаточное сравнительное содержит сравнение с действием или признаком, о которых сообщается в главном предложении. Здесь содержание главного компонента рассматривается с точки зрения образного, художественного сравнения или обыкновенного сопоставления его с тем, о чем говорится в придаточном предложении.

Когда придаточное сравнительное содержит сравнение с признаком, о котором сообщается в главном предложении, к имени прибавляется послелог *йимик* «как, подобно»: *Ер акъ йимик, кёк де акъ* (Аткъай) «Небо белое так же, как бела земля».

В качестве сказуемого придаточного предложения сравнения аналитического типа выступают обстоятельственно-временные формы глагола с послелогом *йимик*: *Къаракъуш уяны темири болагъанда йимик, яхшы ожакъны да игити бола* (Аткъай) «Как орел является железой своего гнезда, так у каждого очага бывает свой герой». *О заман Къарабудакъ айрылгъанда йимик, биз де Губденден айрылып, Къурбуки топуракъгъа башлап юрт салгъанбыз* (Аткъай) «Как тогда отделился Карабудак, мы тоже, отделившись от Губдена, на территории Гурбуки построили село».

Роль сказуемого придаточного сравнения аналитико-синтетического типа выполняют глаголы условного или изъявительного наклонения. Кроме того, в составе придаточной части употребляются союзы *эгер, эгер де* или соотносительное слово *нечик*, которому в главном предложении соответствует наречие *шолай*: *Олар авлакъ ишлерин нечик юрюте буса, сен де шолай юрют* «Как они проводят свои сельскохозяйственные работы, ты тоже организуй таким же образом». *Башында сен оьзюнгню нечик гёрсетсенг, ишни къалгъан ягъы да шолай оьтежек* «Как ты покажешь себя в начале, дальше тоже так же будет».

Придаточное меры и степени

Придаточное меры и степени указывает на меру и степень проявления признака или действия, раскрывая смысл соотносительных слов *шонча* (*шончакъы*) «столько», *шонча керен* «столько раз», *онча да* (*онча да олай*), *шонча да* (*шонча да шолай*), *ончакъы да* (*ончакъы да олай*); (*шо*) *даражада*, о (*шо*) *къадар*, *о* (*шо*) *къадарда* «в такой степени, настолько», *олай*, *шолай* «так, в такой степени», *о* (*шо*) *даражагъа ерли* «до такой степени»: *Дюньяда нечакъы адам бар буса, шонча тюрлю къылыкъ, хасият да бар* (М.Ягьияев) «Сколько на свете существует людей, столько и нравов и характеров!». *Ватан гючлю болса, ону душманларына къаршы оьжетлик де шончакъы гючлю бола* («Ленин ёлу») «Насколько сильна любовь к Родине, настолько бывает сильна и ненависть к ее врагам». *Бу затлар бары да онча да аз заманны ичинде болду чу, гьатта ювукъ арадагъы адамлар сама кёмекге етишме болмадылар* (И.Керимов) «Все это произошло настолько быстро, что даже находящиеся поблизости люди не смогли подоспеть на помощь».

При относительно-соотносительном подчинении придаточная часть стоит перед главной или занимает интерпозицию, но обязательно перед тем соотносительным словом, содержание которого ею раскрывается. Грамматической связи способствует также условная форма сказуемого придаточной части. При этом все сложное предложение выражает количественный признак, указывает на меру действия или качества: *Оланы мен нечакъы сюе бусам, шончакъы къызгъанма да къызгъана эдим* (К.Абуков) «Насколько я их любил, настолько и жалел». *Москвада килисалар, къыркъны къыркъгъа артдыргьанда нечакъы бола буса, муна шончакъы бар* (И.Керимов) «В Москве столько церквей, сколько получается при умножении сорока на сорок».

В тех случаях, когда придаточная часть следует за главной, она приобретает дополнительно следственный оттенок значения. Грамматическая связь придаточного чаще осуществляется и с помощью частицы *гьатта* «даже», выполняющей функцию союза.

От собственно придаточных предложений следствия придаточные меры и степени с дополнительным следственным оттенком значения отличаются тем, что последние не заключают в себе следствия, вытекающего из содержания главной части в целом. Они раскрывают смысл соотносительных слов главной части, относящихся к прилагательным, наречиям и словам категории состояния: *Янгур шонча да гючлю эди чи, гьатта ону къулакълары оькюре эди* (А.Къабардиев) «Дождь был настолько сильным, что у нее в ушах звенело». *Вагон адамгъа онча да бек толгъан чы, гьатта юрюме ер ёкъ* (М.Ягьияев) «Вагон переполнен людьми настолько, что негде пройти». *Гюнню гючю онча да кёп чю, гьатта шо гюч бир сагьатны ичинде 5 миллион кубометр бузну иритип, къайнатмагъа да бола* («Ленин ёлу») «Энергия Солнца настолько велика, что она в течение часа может растопить 5 миллиона кубометров льда, вскипятить его».

Придаточное сопоставительное предложение

Придаточными сопоставительными называются части сложноподчиненных предложений, выряжающие значение временного или количественного сопоставления с содержанием главной части: *Эгер революциягъа ерли Дагъыстанда беш тюгюл агроном болмагъан буса, гьали юрт хозяйствода дёрт*

минге ювукъ специалист бар («Ленин ёлу») «Ёсли до революции в Дагестане было только пять агрономов, то теперь в сельском хозяйстве насчитывается около четырех тысяч специалистов». *Мусаева ёлбашчылыкъ этеген госпитальны башлап етти санитар машини болгъан буса, давну ахырына таба шоланы санаву 4-ге етишген* («Ленин ёлу») «Если в госпитале, возглавляемом Мусаевой, вначале было семь санитарных машин, (то) к концу войны их число возросло до сорока семи».

Сложные предложения с придаточными сопоставительными по форме связи представляют собой подчинительную конструкцию, а по характеру смысловых отношений близки к сочинительной. Грамматическая связь придаточного предложения сопоставительного с главным осуществляется с помощью условной формы глагола-сказуемого, но эта форма лишена условного значения: *Уьч гюнден битмесенг, дёрт гюнден битербиз* (М.Абуков) «Если в три дня не закончим - завершим в четыре дня». *Бугюн бар бусакъ, тангала ёкъбуз* (А.Дациев) «Если сегодня (мы) живы, завтра (нас) уже нет». Ср. со сложными предложениями с придаточной условной частью, где налицо условие: *Гюч бола буса, артгъа тайсын* (М.Ягьияев) «Если тяжело, пусть отступит».

Сопоставление частей сложноподчиненного предложения связано с проявлением дополнительных оттенков отношений между ними, например, противительных, сравнительных, распределительных, условных: *Сёйлемек гюмюш буса, сёйлемей турмакъ - алтын* (фольк.) «Если молвить слово - серебро, (то) молчание – золото». *Бирлер бальшевиклеге ян буса, бирлери Гоцинскийлеге ян* (М.Ягьияев) Если одни на стороне большевиков, (то) другие поддерживают сторону Гоцинских».

Структурной особенностью сложных предложений с придаточными сопоставительными является однотипное построение частей. Часто наблюдается также одинаковое количество членов каждой части при одинаковом порядке их расположения: *Сен тюлкю бусанг, мен къуйругъуман* (фольк.) «Если ты лиса, (то) я хвост (ее)». *Халкъ норманы толтурса, бу эки норманы толтура* (Б.Атаев) «Если люди выполняют одну норму, этот выполняет две нормы».

Придаточное пояснительно-присоединительное

Придаточными присоединительными называются части сложноподчиненных предложений, вносящие дополнительные сведения к содержанию всей главной части: *Душманлар алдын къоркъмагъан биргине-бир ёл бар буса, о да Ладога кёл булан сувну уьстюнден таба гелеген тар сызакъ эди* («Ленин ёлу») «Если и была единственная дорога, не отрезанная врагом, (то) и это была узкая полоса, протянувшаяся по водной поверхности Ладожского озера».

Особенностью придаточного присоединительного предложения является то, что главная часть органически в нем нуждается. Логически главная часть характеризуется полнотой своего содержания, грамматически же она представляется незавершенной, поскольку в главной части имеется лексико-грамматический показатель, предупреждающий следование за ней придаточной части. Этим показателем является сказуемое главной части, выраженное в большинстве случаев словом *бар* «есть» и вспомогательным глаголом условного наклонения *буса* «если» (для прошедшего времени - *эди буса* «если было»). Сказуемое может быть представлено также глаголом *болмакъ* «быть» в прошедшем категорическом времени + вспомогательный глагол условного наклонения *буса*.

Придаточная часть начинается со слов *о да (ол да), шо да*: *Оьрде олтургъанланы арасында бу гьалгъа сабур къарайгъан, сёйлемейген бирев бар эди буса - ол да Нугьбек Тарковский эди* (М.Ягьияев) «Если кто и был среди сидящих выше молчащий, терпеливо взирающий на это обстоятельство, - то это был Нухбек Тарковский». *Огъар биргине-бир кёмеклешген адам болгъан буса, о да хоншусу Шарабутдинни къатыны Пахай болгъан* («Ленин ёлу») «Если и был единственный человек, оказавший ей поддержку, - то это была Пахай - жена соседа Шарабутдина».

Иногда слово *бар* в составе сказуемого главного предложения опускается (в целях экономии): *Эсингде къалгъан бир зат буса, шо да люк ачылгъан сонг атылмагъа команда берилгенлик эди* («Ленин ёлу») «Если и есть что-то запомнившееся, - то это была команда к прыжку после открытия люка».

Придаточные пояснительно-присоединительные характерны в основном для письменной речи.

Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными

В кумыкском языке часто встречаются и многочленные сложноподчиненные предложения - предложения с несколькими придаточными. Они характерны для различных стилей письменной речи, а также для языка художественной литературы. В многочленных сложноподчиненных предложениях наблюдается не только структурное, но и семантическое усложнение, поскольку увеличивается количество сообщаемой информации, появляются новые связи и отношения между компонентами. Большинство многочленных сложноподчиненных предложений по сравнению с двучленными не представляет особо отличных конструкций. Компоненты в них связываются так же, как в двучленных предложениях, и имеют те же значения.

В зависимости от того, к чему относятся придаточные части и как они взаимосвязаны, выделяются два типа многочленных сложноподчиненных предложений: с соподчинением и последовательным подчинением придаточных.

При соподчинении к одной части непосредственно относятся две или несколько придаточных. Такие придаточные называются соподчиненными. Здесь возможны различные значения и отношения их к главной части и друг к другу. На этой основе различаются две разновидности указанных предложений.

1. Предложения, в которых отнотипные (т.е. с одинаковым отношением) придаточные относятся к одному и тому же общему для них члену главной части или ко всей главной части в целом. Такие придаточные называются однородными и соподчиненными, а сама связь - однородным соподчинением: *Душманланы не планы бар, нечакъы асгери бар, Шурагъа яшыртгъын йиберген адамы сама ёкъму - буланы барысын да билме яхшы эди* (И.Керимов) «Каковы планы противников, какова численность их армии, нет ли у них в Шуре своего тайного агента, - хорошо было бы узнать обо всем этом». Все три придаточные части данного пред-

ложения одинаково поясняют сказуемое главной части *билме яхшы эди* «хорошо было бы узнать», отвечая на один и тот же вопрос *нени?* «что?».

Иная позиция главной части в следующем сложноподчиненном предложении с однородным соподчинением: *Синоптиклер, чакъ сувукъ болажакъ, къар яважакъ, булут басажакъ, деп билдире* («Дослукъ») «Синоптики сообщают, что будет похолодание, выпадет снег, будет облачно». Главная часть *Синоптиклер билдире* «Синоптики сообщают» прерывается тремя однотипными придаточными, относящимися к ее сказуемому *билдире* «сообщают».

Возможна и препозиция главной части: *Гъы, айт чы, ишинг недир, къайсы якъларда боласан, адамлагъа не яхшылыкъ этгенсен»* (И.Хамав) «Ну, скажи-ка, чем занимаешься, в каких краях бываешь, что хорошего сделал для людей».

Придаточные предложения могут одинаково пояснять и всю главную часть:

1) *Кимни пьесасын гёчюрсе де, къайсы классикни асарын салса да, театрни коллективи даим де халкъны тергевюн тартмагъа ва халкъгъа янгы идеялар сингдирмеге къаст эте* («Дослукъ» «Какую бы пьесу ни переводил, произведение какого бы классика ни ставил, коллектив театра постоянно стремится к привлечению народного внимания и ускоренению в народе новых идей». Препозитивно расположены придаточные уступительные предложения.

2) *Хоншу ютлар туснакъгъа гьужум этсе, бизинкилер де пулеметлар булан уруп йиберсе, уллу къалмагъал башланажакъ* (М.Ягьияев) «Если соседние села атакуют тюрьму и наши начнут бить пулеметами, поднимется большой переполох» (препозиция придаточных условных предложений).

2. Предложения, в которых разные по своему значению придаточные относятся к разным членам главной части или ко всей главной части называются многочленными сложноподчиненными с неоднородным со-

подчинением. Здесь возможны различные комбинации придаточных частей:

1) Предложения, в которых разные по значению придаточные поразному поясняют главную часть: *Къоркъунчлукъну бек гючлю гьис этсе де, ол бу къыйынлы гьалдан къутулмакъны ёлун табарман деп умут эте эди* (И.Керимов) «Как бы сильно ни испытывал страх, он надеялся, что найдет выход из этого тяжелого положения». Придаточное уступительное относится ко всей главной части, придаточное изъяснительное - к сказуемому главной части.

2) Предложения, в которых разные по значению придаточные относятся ко всей главной части. Такие придаточные также являются неоднородными: *Биз машинлени нечакъы генг кюйде къолласакъ да, агротехника чараланы тийишли кюйде оьтгермесек, тёгюлген загьматны кёп хайыры болмас* («Ленин ёлу») «Как бы широко мы ни использовали машины, если не проведем необходимым образом агротехнические мероприятия, от вложенного труда не будет большой пользы».

При наличии трех и более придаточных частей однородные и неоднородные придаточные часто присутствуют в сложноподчиненном предложении одновременно: *Кёп охугъан кёп билмес, кёпню гёрген кёп билер деп билмей айтмагъан халкъ, неге десенг халкъны арасында кёп айлангъан сайын, ону теренден таныйсан, яшавун, умутларын билесен* («Дослукъ») «Не зря в народе говорят, что не тот много знает, кто много учился, а тот много знает, кто много видел, потому что, чем больше вращаешься среди людей, тем глубже их узнаешь, познаешь их жизнь, помыслы». *Алдынлылар кимлер экен деп белгилейген заманда биз, авлакъдан ашлыкъны ким кёп алгъан экен, тюшюмню ким кёп аяп сакълагъан экен, шо кюй булан хозяйствогъа инг де артыкъ пайда гелтиргени къайсы экен_деп къарайбыз* («Ленин ёлу») «Когда определяем, кто же передовики, мы смотрим, кто с поля собрал больше хлеба, кто очень бережно хра-

нил урожай, который из них этим (путем) принес хозяйству самую большую пользу».

При последовательном подчинении главная часть является главной лишь для одной придаточной части, которая в свою очередь является главной для другой из придаточных частей и т.д. Зависимость частей напоминает цепочку. Одна из придаточных частей, непосредственно относящаяся к главной, носит название придаточной первой степени, другая, относящаяся к первой, носит название придаточной второй степени, та же часть, которая относится ко второй придаточной, - третьей степени и т.д.

В современном кумыкском языке последовательность придаточных частей первой, второй, третьей и т.д. степени зачастую не соответствует их последовательному расположению в сложноподчиненном предложении в целом. Так, придаточное первой степени может занимать последнее место по отношению к главной части и, наоборот, придаточное второй степени может находиться рядом с главной частью: *Наби Ханмурзаевни яратывчулугъуна Е.Сабир этген таъсирни эсгермек улан биз, Сабир нечик язгъанбуса, Наби де шолай язгьан деп айтмагъа сюймейбиз* («Къумукъланы йыр хазнасы») «Говоря о влиянии творчества Е.Сабира на Наби Ханмурзаева, мы не хотим сказать: как писал Сабир, так писал и Наби». *Ол сагъа ончакъы ювукъ гёрюне чи, тавну башына чыкъсам, узатылып тутар эдим деп эсиме геле* (М.Хангишиев) «0но кажется тебе настолько близким, что, если взобраться на вершину горы, кажется, что остался бы протянутой рукой».

Оба вида связи - соподчинение и последовательное подчинение - могут сочетаться в пределах одного предложения. Комбинации здесь возможны самые разнообразные.

Однородное соподчинение с последовательным подчинением: *Къайсы ута буса, шону ягьына чыргъарман, утдургъанын сатарман деп токъташа* («Дослукъ») «Перейду на сторону того, кто выигрывает, проигравшего продам, - решает он».

Неоднородное соподчинение с последовательным подчинением: *Идрисни алгъасап уруп къойгъанына урушма сюйсе де, Уллубий сёз айтмады, неге тюгюл урмагъан буса, къачакъ дорбаланы тергежек эди* (М.Ягьияев) «Хотя хотелось поругать Идриса за поспешный выстрел, Уллубий не сказал ни слова, потому что, если бы (тот) не выстрелил, бандит проверил бы мешки».

Последовательное подчинение с однородным и неоднородным соподчинением: *Напны ийисине башынг да айланмаса, шундагъы насдан да жиргенмесенг, ахшам болгъанча къояжакъман», - деди ол* (М.Абуков) «Если не будет кружиться голова (твоя) от запаха керосина, если не вызовет отвращения (у тебя) здешняя грязь, оставлю до вечера» - сказал он».

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Бессоюзным сложным называется такое предложение, в котором отдельные его части объединены в одно целое только по смыслу и интонацией. Семантические отношения частей бессоюзного сложного предложения могут выражаться также при помощи порядка следования частей, видо-временного соотношения глаголов-сказуемых, семантической неполнотой первой части и др.

Некоторые бессоюзные сложные предложения по своему значению и строению приближаются к сложносочиненным предложениям: *Кёбюсю ёлланы ремонт этив ишлер камиллешдирилежек, язлыкъ отлавлагъа барагъан ёллар онгарылажакъ* (“Ленин ёлу”) “Будет усовершенствован ремонт многих дорог, будут приведены в порядок дороги, ведущие на летние пастбища” – *Кёбюсю ёлланы ремонт этив ишлер камиллешдирилежек ва язлыкъ отлавлагъа барагъан ёллар онгарылажакъ* “Будет усовершенствован ремонт многих дорог и приведены в порядок дороги, ведущие на летние пастбища”. В подобных случаях части бессоюзных слож-

ных предложений однотипны, имеют значение перечисления или сопоставления. Они выражают одновременность или временную последовательность, противопоставление явлений и событий или соотношение двух явлений как действия и его результата.

Другие бессоюзные сложные предложения близки к сложноподчиненным предложениям: *Бу ишине Сабир айрокъда бек талчыкъды: тюш ашгъа Алланы чакъырарбыз деген план йырылды* (К.Абуков) “Это дело вызвало особенно сильное беспокойство Сабира: сорвался план, связанный с приглашением Аллы на обед” – *Бу ишге Сабир айрокъда бек талчыкъды, неге тюгюл тюш ашгъа Алланы чакъырарбыз деген план йырылды* “Это дело вызвало особенно сильное беспокойство Сабира, так как сорвался план, связанный с приглашением Аллы на обед”. По характеру взаимоотношений части здесь разнотипны. Первая часть такого бессоюзного предложения может передавать, кроме причины, условие, при котором возможно то, о чем говорится во второй части; вторая часть может раскрывать значение того, о чем сообщается в первой части и т.д.

Отсутствие сочинительных и подчинительных союзов, что приводит к неопределенной, размытой семантике, невозможность точного разграничения интонации сочинительного и подчинительного характера, недостаточно четкая дифференциация грамматических значений многих сложных бессоюзных предложений – все это обусловливает выделение сложных бессоюзных предложений в особую структурно-семантическую группу.

Бессоюзные сложные предложения с однотипными частями

Бессоюзные сложные предложения с однотипными частями характеризуются ясно выраженной перечислительной интонацией и одинаковыми паузами между ними. В них сообщается о явлениях и событиях, происходящих одновременно или совместно. Такие предложения состоят из двух и более предикативных частей.

Грамматическим показателем отношений одновременности и со-

вместности является совпадение видо-временных форм глаголов-сказуемых: *От баргъан сыйын гючлене, ялын гетериле* (К.Абуков) «Огонь все усиливается, пламя поднимается». *Къоргъашындай авур бутларым къувдай енгил болду, къавшалгъан къаркъарам къушдай алгъа талпынды* (К.Абуков) «Мои тяжелые, словно свинцовые, ноги стали легкими, подобно пуху, усталое тело устремилось вперед, словно птица».

Бессоюзные сложные предложения, состоящие из двух и более однотипных частей, могут выражать значение временной последовательности событий, явлений, фактов. *Баргъан сайын ярыкъ бола, шагьар арекден гёрюнеген бола* (М.Ягьияев) “Постепенно светает, издалека начинает виднеться город”.

Бессоюзные сложные предложения рассматриваемого типа могут иметь значение сопоставления: *Саламатлыкъ сакълагъан абур алыр, авлия сёйлеген кьабур алыр* (фольк.) «Хранящий скромность получит уважение, говоривший глупости получит могилу». *Тюшге ювукъ болуп бара – кёмек гелмей* (М.Ягьияев) «Приближается полдень – помощь не идет».

Бессоюзные сложные предложения с разнотипными частями

Бессоюзные сложные предложения с разнотипными частями представляют собой закрытую структуру. По характеру отношений между первой и второй частью здесь можно выделить две группы: предложения пояснительного типа и предложения присоединительного типа.

Одночленная или многочленная вторая часть раскрывает содержание всей первой части или отдельных ее членов. *Абдулбековгъа ахырда къысмат иржая: ол Россияны жыйым командасы булан Болгариягъа бара* («Ленин ёлу») «Наконец, судьба улыбнулась Абдулбекову: он в составе сборной команды СССР едет в Болгарию».

Бессоюзные сложные предложения со значением причины и следствия характеризуются двучленным строением. Одна из частей содержит указание на причину того, о чем говорится в другой. *Бил дагъы муну, мен Аривзатны сюеми эдим!* (М.Маликов) «Знай же это, разве я полюбил бы

Аривзат!». *Янгур болду – ашлыкъ бите* («Ленин ёлу») «(Раз) был дождь – (значит) быть урожаю». *Гечикдигиз – пайда ёкъ* («Ленин ёлу») «(Если) запоздали – (значит) бесполезно».

В бессоюзных сложных предложениях присоединительного типа вторая часть представляет собой добавочное сообщение, пояснение к одному из членов первой части или же выражает отношение говорящего к содержанию всей первой части. Характерной особенностью подобных бессоюзных сложных предложений является употребление во второй части анафорических местоимений, указывающих на соответствующие члены или на все содержание первой части: *Бары да емлер алданокъ яхшы кюйде онгарыла, шоланы гьайванлар бек ушата* («Ленин ёлу») «Все корма заведомо тщательно подготавливаются, животные их очень любят». *Шолардан нечик пайдаланмагъа гереклигин журналист коллективлер оьзлер яхшы биле, мунда гьазир рецептлер ёкъ* («Ленин ёлу») «Сами коллективы журналистов хорошо знают, как можно воспользоваться ими, здесь нет готовых рецептов».

Многочленные бессоюзные сложные предложения

Как и сложноподчиненные, бессоюзные сложные предложения могут быть многочленными. В зависимости от структуры и выражаемых в них отношений подобные предложения делятся на две группы.

Предложения, состоящие из однотипных частей, равноправных по отношению друг к другу и выражающих перечислительные отношения: *Сакъалы бирден-бир оьсген, бети агъаргъан, гёзлери жансыз* (М.Ягьияев) «Борода его выросла еще больше, лицо бледно, глаза безжизненны». *Топуракъ бизин ашата, топуракъда яшайбыз, топуракъда тыныш алабыз* («Дагъыстанлы къатын») «Земля нас кормит, на земле живем, на земле дышим».

Предложения с разнотипными частями (или хотя бы одной из них), в которых выражается та или иная взаимозависимость явлений, фактов. Здесь возможны различные комбинации частей.

Чаще всего вторая, третья и последующая части, связанные по смыслу и интонационно, раскрывают содержание первой части: *Мундагъыланы кёбюсю бийлер йимик гийинген: башларында сюр бёрклери, чачакълы къызыл песлер, уьстюнде исхарла опуракъ* (М.Ягьияев) «Большинство из здешних одеты подобно богачам: на головах светло-коричневые каракулевые шапки, фески с красной бахромой, одеты в суконную одежду». *Грипп аврув гючлю башлана: иссилиги арта, бурну жымырлай, къычыта, авруйгъан адам бек эсней, башы айрокъда бек авруй, бувунлары авурта, ашамагъа сюймей* («Ленин ёлу») «Болезнь гриппа начинается интенсивно: поднимается температура, в носу щекочет, чешется, больной часто зевает, в особенности сильно болит голова, суставы ломят, есть не хочется».

Возможна и такая комбинация многочленных бессоюзных сложных предложений: вторая, третья и последующая части связаны перечислением; в свою очередь, все вместе они связаны с первой частью пояснительными отношениями. *Мен колхозда тезден берли ишлеймен: башлап къойчу болуп ишлей эдим, гьали одаман болуп ишлеймен* («Ленин ёлу») «Я давно работаю в колхозе, сначала работал чабаном, теперь работаю бригадиром чабанов». *Мен оьзюмю онгума гёре юрюдюм: сени хыялларынгны яшавгьа чыгъарма кёмек этмедим, оланы таптама, янчма ёл бердим* (К.Абуков) «Я поступил как мне удобно, (я) не помогал претворению в жизнь твоих замыслов, (а) давал возможность растоптать их». В этих примерах вторая и третья части связаны между собой противительными отношениями; вместе взятые, они связаны с первой пояснительными отношениями.

Первая и вторая части связаны между собой изъяснительными отношениями, третья связана с двумя первыми присоединительными отношениями, она представляет собой добавочное замечание с оттенком следствия. *Мен чалт-чалт машинни къайгъысын этейим, сен чап, тийишли чарасын гёрсюнлер, билдир* (М.Абуков) «Я очень быстро побеспо-

коюсь о машине, ты бегом сообщи, пусть предпримут соответствующие меры»

Вторая и третья части связаны между собой изъяснительно-объектными отношениями. *Айт амалыма, юртда къувун салып айланмасын, не этип де бир амал этербиз* («Дослукъ») «Скажи (моему) брату, пусть не бьет тревогу на селе, во что бы то ни стало что-нибудь предпримем».

Многочленные сложные предложения с разными видами связи

В языке прессы и в языке художественной литературы особенно широкое распространение получили многочленные предложения с разными типами синтаксической связи. Отношения между частями в них не представляют собой принципиально нового по сравнению с рассмотренными выше сложносочиненными, сложноподчиненными и бессоюзными предложениями. Учитывая соотношения между предикативными частями, входящими в состав многочленных комбинированных сложных предложений, можно выделить следующие их группы:

1. С бессоюзной и союзной сочинительной связью однородного состава: *Бирлери атлы, бирлери яяв, тек барыны да савутлары бар* (М.Ягьияев) “Одни конные, другие пешие, но у всех есть оружие”. *Шо гюнден берли бир жума да гетди, эки жума да гетди, гьатта гюз де гетди, къыш да оьтдю, амма агъач буса гелмеди* («Дагъыстанлы къатын») «С того дня и одна неделя прошла, и две недели прошли, даже и осень прошла, и зима миновала, а дров так и не было».

Гораздо реже встречаются различные сочетания частей неоднородного состава с союзной сочинительной связью: *Биз Петровскини сизге давсуз беребиз, тек билигиз, кёп аз замангъа!* (М.Ягьияев) «Мы отдаем вам Петровск без боя, но знайте, на очень короткое время!». *Алдынгмы бойнунга – сав эт, дагъы ёгъесе сагъа бир аврув да инанмас* (М.Абуков) «Взял на себя – вылечи, а иначе тебе ни один больной не поверит». *Къызгъа жавап бергенде йимик, арслан да иржайды, тек ол шолай кёп*

заман къалмады: гьали ону башына тюшген намус залим уллу эди (И.Керимов) «Словно в ответ девушке, Арслан тоже улыбнулся, но это длилось недолго: слишком велика была забота, павшая на его голову».

Многочленное предложение с бессоюзной и союзной подчинительной связью: *Бу ёлугъув кёбюсю гьалда шо ябушувну уьстюнлюгюне кёмек эте, эгер ер юзюню яш оьрюмлери бирликде йырлай буса, шо уллу гюч болуп токътай* («Дагъыстанлы къатын») «Подобная встреча в большинстве случаев помогает успеху этой борьбы, если молодежь всей планеты поет в единстве, это становится великой силой». *Ким уллу буса, къалачны бирин шо ашар, бирисин яшырып къоярбыз* («Чечеклер») «Один из калачей достанется тому, кто постарше, другой спрячем».

Многочлен с сочинением, подчинением и бессоюзной связью: *Заман, озокъда, яшлыкъда эшитгенингни-гёргенингни барын да башынгда къалмай, тек кёп зат къала, балики, инг де яхшы, инг де таъсирли затлар къаладыр, неге тюгюл шоланы гьар эсинге салгьан сайын къаркъаранга ругь къошула гетегендей бола* (И.Керимов) «Время, безусловно, не оставляет в (твоей) голове все услышанное-увиденное, но многое остается, возможно, остается самое хорошее, самое впечатлительное, потому что с каждым воспоминанием о них в тебя будто вливается воодушевление».

ПЕРИОДЫ

В языке художественной литературы и в публицистическом стиле литературного языка распространена особая форма организации сложных и, реже, простых, в значительной степени распространенных предложений, которая называется периодом. Для этой формы характерно, во-первых, четкое ритмико-интонационное и смысловое членение всего предложения на две части: 1) «повышение» и 2) «понижение». Первая из них произносится с постепенным повышением тона и с ускорением темпа до паузы, отделяющей ее от второй части, вторая часть — с понижением,

причем обычно меняется и тембр голоса и темп произнесения (замедляется). Во-вторых, первая часть, обычно зависимая от второй (подчиненная ей), является большей по объему и в свою очередь чаще всего четко членится на однотипные части (члены периода); вторая часть членится реже. В-третьих, обычно члены периода строятся симметрично, представляют собой предложения (или обороты) одной структуры, с одним порядком слов, с однотипными по форме сказуемыми; при этом широко используются анафора и другие лексические повторы, синонимическая и антонимическая лексика. Например: *Ахырда паша чыр башдан тюше, сайламлы акъ аргъумагъына мине, къынгыр къылычын сувура, бары да акъсюек эмирлерин оьзюню артына да иертип къазаватгъа чаба* (Б.Атаев) «Наконец, паша слезает со стены, садится на своего избранного коня, вытаскивает свою шашку, строит всех своих белоручек-эмиров за собой и отправляется на газават».

Ср. стихотворный период с бессоюзной связью частей и членов:

Къара агъачлар къата къарны уьстюнде,

Къара шыплыкъ къуршап алгъан орманны.

Къара къаргъа сама «къакъ» деп сес бермей,

Я бир терек, я бир бутакъ тербенмей,-

Агъагъаны токътап къалгъан заманны. (Атав).

«Черные дрова лежат на снегу,

Чёрная тишина окутала лес.

Даже черная ворона не дает о себе знать,

Ни одно дерево, ни одна ветка не шелохнется, -

Замерло течение времени».

Период как риторическая (или поэтическая) фигура речи обладает особой торжественностью, выражает взволнованность, эмоциональную приподнятость.

Период может охватывать отрезок речи не меньше, но и не больше, предложения, причем предложение-период не обязательно должен быть сложным, он может быть и простым.

Период имеет особый вид интонации. Отличительными свойствами его интонации служат повышение и понижение голоса, ускорение или замедление темпа и характер паузы. В периоде пауза, ограничивающая одну его часть от другой более продолжительна, чем в сложном предложении. Она следует обычно за теми словами, которые лишены логического, т. е. наиболее сильного ударения.

Период, как своеобразная синтаксическая конструкция, может состоять из одного простого распространенного предложения, в котором преобладают однородные главные или второстепенные члены, разделенные паузой и распадающиеся на отдельные синтагмы — ритмико-мелодические единицы. Некоторые периоды образуются путем присоединения однотипных бессоюзных предложений, которые выражают определительные, временные, пространственные, условные и уступительные отношения. Периоды, представляются как сложносочиненными, так и сложноподчиненными предложениями.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение периода: периодом называется своеобразная ритмико-мелодическая и синтаксическая конструкция, состоящая из одного простого предложения с однородными членами или из сложного предложения и раскрывающая одну целую тему.

В кумыкском языке различаются следующие виды периодов.

1. Утверждающий и констатирующий период, состоящий из простого предложения, в котором преобладают однородные подлежащие. Естественно, что в составе таких периодов кроме главных членов имеются и второстепенные члены предложения:

Яхсайланы яйнап чыкъгъан булагъы,

Ярлыланы ярыкъ берген чырагъы,

Ачыкъгъанланы уьнем азыгъы,

Сувсагъанланы сувукъ булагъы,

Дертленген юреклени таркъаны,

Девлетлилени пыркъаны. (Й.Къазакъ).

«Аксая бурный, пенистый родник,

Ты ночью светишь бедным, как ночник,

Голодных ты питаешь постоянно,

Прохожих жажду утоляешь вмиг.

Отрада озабоченным сердцам,

Ни в чем не уступал ты богачам» (пер. К.Ханмурзаева).

В таких периодах однородные подлежащие произносятся с особой интонацией, после них делается значительная пауза.

2. Предикативный период, состоящий из простой синтаксической конструкции, в которой преобладают однородные сказуемые:

Шагьарны сюедим – сюйдюм юрт якъны,

Очарны сюедим – сюйдюм булакъны,

Бай гюзню сюедим – сюйдюм язбашны,

Гюндюзню сюедим – сюйдюм геч чакъны… (Гь.Анвар.).

«Любил я город – полюбил село,

Любил я годекан – полюбил родник,

Любил богатую осень – полюбил весну,

День любил – полюбил и поздное время»

3. Предикативный период, состоящий из сложной синтаксической конструкции, в которой преобладают именные сказуемые:

Къумукълу Будайчыны къызы эдим,

Ичгер уьйге сайлап салгъан назы эдим,

Тойлагъа тоюп барсам – тёш эдим,

Яслагъа сарнай барсам – къуш эдим,

Бавланы балкъып чыкъгъан бюрю эдим,

Сабанлыкъгъа явуп тюшген къар эдим,

Салкъынына бишип тюшген нар эдим. (Й.Къазакъ).

«Капир-кумухца Будайчи я дочерью была,

В отцовском доме я жеманницей жила,

На свадьбах в танце лебедем плыла,

В дни скорби, плача, волосы рвала.

Я, как цветок, в глуши своей росла,

Садов весенним цветом я была,

Как снег на пашне, я лицом бела,

Гранатом алым тихо я цвела». (Пер. К. Ханмурзаева).

4. Сравнительный период, состоящий из сложной синтаксической конструкции, в которой преодладают сравнительные конструкции:

Кёкюредим, мен талайсыз, кёк йимик,

Кёклеге бир тувра гетген окъ йимик.

Яшнадым мен яшыл ала от йимик,

Сонг тас болдум бу дюньяда ёкъ йимик.

Къозу йимик ювукъларым гелгенде,

Къарчыгъадай эки гёзюм къаратдым,

Къарлыгъачдай бюлбюл тилим сарнатдым (Й.Къазакъ)

«Прогремел я, словно в небе гром,

Молнией сверкнул, блеснул огнем

И стрелой, ушедшей ввысь, звеня,

Сгинул, будто не было меня.

Был с друзьями бережно учтив,

Взглядом ясным каждого встречал

И, папаху лихо заломив,

Ласточкой пред ними щебетал.

В доме скучном гостем не бывал» (Пер. К.Ханмурзаева).

3. Период, выражающий определительные отношения и состоящий из простого распространенного предложения, в котором преобладают од-

нородные определения, поясняющие существительное, в значении субъекта суждения:

Къысгъа къызыл къапталлы,
Къысып салгъан тюймели,
Къулакъ арты чергес шолай тулумлу,
Оьзю тенгли уланлагъа сююмлю,
Къазанында къаз балалар ойнайгъан,
Отбашында бий уланлар ойнайгъан,
Киселери кусмен таракълы,
Беллери алтынлардан ярыкълы,
Гёгюрчюнлер къонгъан сарайлы,
Зух башында тай байлангъан дарайлы… (фолькл.)
«Одетый в короткий красный кафтан
С пуговицами, которые стягивают твой стан,
Задняя стенка уха которого похожа на черкесское,
Любимый среди своих сверстников,
В кострюле которого играют гусята,
В доме у которого князья играют,
Карманы которых торчат как весла,
Поясы которых светлы злата.
Коль сядут дворцовые голуби,
На нише у которого тюк из тафты…

4. Период, обозначающий объекты действия и состоящий из простой распространенной синтаксической конструкции, в которой преобладают однородные дополнения.

Сырым айтдым еллеге,
Ер толгъан акъ гюллеге,
Яз булутгъа оьрдеги,
Янгъан отгъа ердеги,
Ятгъан къушгъа уявда,

Яхшы досгъа дюньяда. (Гь.Анвар)

«Тайну свою я раскрыл ветрам,

Белым цветам, заполонившим поля,

Весенним облакам на небе,

Костру, горящему на земле,

Птице, лежащей в гнезде,

Хорошему другу на Земле».

Здесь однотипные дополнения произносятся с особой интонацией, а после них идет значительная пауза.

5. Период образа действия, представляющий простое распространенное предложение с обстоятельственными (деепричастными) оборотами, замыкающий, организующий компонент которых выражается формой деепричастия на *-п.* Они часто употребляются в кумыкском устном народном творчестве, а также в современной кумыкской поэзии:

Къазанлайын ичибизни къайнатып,

Къатыкъсыз къара сухар чайнатып,

Къунанлайын къозалакъгъа екдирип,

Дюньяланы тюрлю азабын чекдирип,

Чинк артында чырмап-гюрмеп йибердинг (Й.Къазакъ).

«Только ты виноват, только ты виноват

В том, что, словно котел, наши души кипят,

В том, что, словно быки, мы телегу везем,

В том, что черный сухарь мы в неволе грызем,

В том, что слезы мы льем, в том, что мы под ярмом».

Данный период является одной из древнейших синтаксических конструкций. Она получила довольно широкое распространение и в современном кумыкском литературном языке. Об этом, в частности, убедительно говорят факты кумыкской поэзии, например, поэтические произведения И.Казака и народных поэтов. В таких периодах обычно каждый обстоятельственный оборот представляет одну ритмико-мелодическую

единицу-синтагму, которая отличается от любого предложения отсутствием главных членов — подлежащего и сказуемого.

6. Период, выражающий временные отношения и состоящий из однотипных придаточных предложений времени. Если приведенные выше периоды представляют простое распространенное предложение, то этот период передается в форме сложной синтаксической конструкции с несколькими предикативными центрами:

Умсалимат, гюл ачмагъан бюр эдинг,

Яшлыгъынг булан чы сен кюр эдинг,

Авулларда къызъяшланы гёре эдинг,

Сен олагъа гьар гюн де айып бере эдинг,

Уланлагъа сёйлей, гёзю къарай деп,

Сыры къыргъа неге чыкъма ярай деп. (фольк.).

«Умсалимат, не раскрывшимся цветком,

В детстве ты была радостна,

На улицах встречала девушек,

Каждый день ты стыдила их за то,

Что они общаются с мальчиками, смотрят на них,

Говоря им, разве можно тайну выносить наружу».

7. Период цели, состоящий из однородных придаточных предложений. Он употреблен в современном кумыкском литературном языке:

Яш олжама къара хабар йибер чи,

Мен есирни пайтонун бир ексин деп,

Мен есирни тёбелерден элтсин деп… (фольк.)

«Молодой моей жене отправь-ка ты весть,

Чтобы запрягла мой – пленника – фаэтон,

Чтобы везла меня – пленника – по холмам».

В данном отрывке придаточные предложения цели читаются с особой интонацией, после них делается значительная пауза, логическое уда-

рение падает на подлежащее и сказуемое зависимого компонента. Период читается с глубоким чувством и вдохновением.

8. Период, выражающий условные отношения и являющийся сложной синтаксической конструкцией с несколькими придаточными предложениями открытой структуры. Сказуемые этих придаточных предложений, как правило, выражаются глаголом условного наклонения, например:

Къыйын десе, ондан къыйын не болур,

Уьй башындан солдат энни бер десе,

Ягъындан ян савутну алгъан сонг,

Къатын-къыздай тюймелене тур десе,

Уьч бутакълы хачлар энни такъ десе… (фольк.)

«Если говорить о трудностях, что может быть тяжелее этого:

Если от хозяина дома солдат требует,

После того, как взял свое оружие,

Скажет: «Теперь оставайся как женщина,

И вешай себе кресты…»

Первая часть данного периода произносится в замедлительном темпе, с повышением голоса, а вторая часть — главное предложение произносится ускоренно, но понижением голоса. Многократно повторяющиеся глаголы условного наклонения придают периоду особую музыкальность и мелодичность.

9. Паратаксический период, состоящий из однородных предложений, соединенных между собою бессоюзной связью.

Такой период употребляется для констатации фактов, явлений, событий реальной действительности и довольно часто носит пояснительно-изъяснительный характер. При чтении между компонентами сложносочиненной синтаксической конструкции делается длительная пауза. В зависимости от контекста в составе данного периода могут быть придаточные предложения, но не они обуславливают характер периода. Например:

Дагъыстанны агьвалындан сёйлеймен,

Бу дюньяны гьар-бир ишин англайман,

Бу дюньялар чыр-чырындан айлангъан,

Бусурманны буту-къолу байлангъан,

Бу дюньягъа ахыр заман айлангъан! (фольк.)

«Речь веду я о положении в Дагестане,

Все дела в этом мире понимаю,

Мир этот перевернулся верх дном,

У мусульманина ноги, руки перевязаны,

Пришел конец этому миру».

10. Паратаксический период, состоящий из однородных предложений, соединенных между собою подчинительной связью. В составе данного периода могут быть побудительные формы, которые и обуславливают эмоционально-экспрессивный характер данного периода.

Баш эркечинг багъанагъа байлансын,

Ирк сиривюнг шагьалайгъа айлансын,

Ямучунг бир отав болуп тизилсин,

Къамучунг бир олжа болуп тююлсюн,

Къайда сени сюймегенлер бар буса,

Къарап сени шу гюнюнгден сююнсюн,

Шол душманынг оьз башына тююнсюн! (фольк.)

Ялынмайлы, сен янгызым, нетерсен,

Отлагъан отлавунга от салса,

Ичеген шербетинге къан къошса,

Тюбюнгдеги тарлан бозунг тас болса,

Къолунгдагъы ез къамучунг чорт сынса,

Артынгдан гёбек итлер иерсе? (фольк.)

«Пусть ведущего твоего козла к столбу привяжут,

Пусть стадо баранов твоих оплакивают тебя.

Пусть твоя бурка домом станет,

Пусть твой кнут превращается в жену,

Пусть радуются этому твою дню,

Пусть тот твой враг сам избивает себя.

Не лебезя, что же ты сделаешь, мой одинокий,

Если подожгут луга, где ты пасся.

Если в твой шербет подольют крови,

Если ты потеряешь своего серого коня,

Если твой бронзовый кнут в твоей руке сломается,

Если за тобой устремятся злые псы

10. Паратаксический период, состоящий из однородных предложений, соединенных между собою сочинительной связью:

Мени булан гьали Адил де яв, эл де яв,

Мени булан гьали къардаш да яв, дос да яв,

Мени булан эртен тувгъан гюн де яв,

Ахшамлатгъан мени булан ай да яв (фольк.).

Со мною сейчас в ссоре и Адил, и весь народ,

Сейчас со мною в ссоре и родственники, и друзья,

Сейчас со мною в ссоре и солнце, взошедшее утром,

Сейчас со мною в ссоре и луна, с которой провел вечер».

10. Период осложненного типа, представляющий смешанную сложную синтаксическую конструкцию. В кумыкском литературном языке он занимает значительное место. В таких периодах представлена и сочинительная, и подчинительная связь между компонентами сложного предложения:

Отлайгъан отавума от салса,

Тюбюндеги гёшылт отун отларман;

Ичеген шербетиме къан къошса,

Тюбюндеги сув шербетин ичермен;

Тюбюмдеги тарлан бозум тас болса,

Талалардан тарлан тутуп минермен;

Къолумдагъы ез къамучум чорт сынса,

Аркъалардан сариеклер сермермен… (фольк.)

«Если же подожгут мои луга,

Я буду есть зеленую траву, растущую снизу.

Если подольют кровь в мой шербет,

Я стану пить воду, что останется на донышке.

Если я потеряю своего серого коня,

То я оседлаю сокола, поймав в поляне.

Если бронзовый кнут в руке сломается,

То я поймаю гадюк на холмах…».

Периоды осложненного типа встречаются в художественных и фольклорных произведениях.

Из приведенных выше примеров видно, что периоды отличаются от других синтаксических конструкций своей стройностью, гармоничностью и мелодичностью. Они представляют собой одну из характерных особенностей синтаксиса кумыкского языка, особенно поэтического фольклора.

Данная здесь классификация периодов является весьма условной и приблизительной. Кроме указанных видов могут быть и иные разновидности и рубрикации периодов.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Прямая речь характеризуется следующими признаками: 1) точно воспроизводит чужое высказывание; 2) сопровождается авторскими словами. Назначение авторских слов — установление самого факта чужой речи и указание, кому она принадлежит. Авторские слова могут также пояснять, при каких условиях была произнесена чужая речь, к кому она обращена, могут давать ей оценку и т.д.

Авторские слова и прямая речь образуют особую синтаксическую конструкцию, состоящую из самостоятельных частей, связанных по смыслу и интонационно. Связь между обеими частями конструкции может быть более тесной или менее тесной, что зависит от их взаимного расположения, лексического значения глагола-сказуемого в авторских словах, вводящих прямую речь и т.д.

Чужая речь в ее прямой передаче увязывается с авторской речью двумя способами: 1) с помощью слова *деп* и 2) асиндетически (бессоюзно). Асиндетическое соединение чужой речи и авторской речи встречается: а) при сказуемом авторской речи, выраженном глаголом *демек* «говорить»; б) при постановке авторской речи перед чужой.

Авторская речь в отношении чужой речи занимает различные положения, что может быть представлено следующей схемой:

1. Подлежащее + второстепенные члены авторской речи (двоеточие) + чужая речь (заключается в кавычки) + *деп* + сказуемое авторской речи: *Ол сувукъ тавуш булан: «Сизге ким тарыкъ?» - деп сорады* (И.Керимов) «Он холодным голосом спросил: «Кто вам нужен?».

Данная конструкция является характерной и широко распространенной формой в кумыкском языке. Соответственно она довольно часто встречается в художественной прозе.

2. Чужая речь (запятая) + *деп* + сказуемое + второстепенные члены + подлежащее авторской речи (или реже: сказуемое + подлежащее + второстепенные члены авторской речи): *«Бир жумадан сонг биз гетме герекбиз», - деди Исрапил* (Р.Расулов) «Через одну неделю нам надо уехать», - сказал Исрапил.

В препозитивном употреблении прямой речи логическое ударение падает на нее.

3. Слова автора (выделяются запятыми и тире) стоят в середине прямой речи: *«Къоркъма, ювугъум, къоркъма, - дедим мен, -*

ювукъланы арасында не де болуп къала» (М.Абуков) «Не бойся друг мой, не бойся, -сказал я,- среди друзей чего только не бывает».

Эта конструкция получила распространение в кумыкском под влиянием русского языка.

4. Авторская речь (двоеточие) + прямая речь: *Адил Мурзаевич булай деп башлады: «Сиз айтагъан арив гьакъыл, Мадина, тек сизин йимик осал колхозлар районда дагъы да бар».* (Ш.Альбериев) «Адил Мурзаевич начал так: «Вы говорите умно, Мадина, однако, в районе имеется еще такие же слабые колхозы, как ваш».

Постпозитивное употребление прямой речи типично для русского языка и через переводы входит в синтаксис кумыкского языка.

С точки зрения лексической прямая речь, как правило, представляет собой дословную передачу чужого высказывания, тогда как в косвенной речи, обычно воспроизводящей только содержание чужого высказывания, подлинные слова и выражения говорящего лица претерпевают те или иные изменения.

С точки зрения синтаксической прямая речь представляет собой самостоятельное предложение (или ряд предложений), связанное с авторскими словами только по смыслу и интонационно, а косвенная речь образует придаточную часть в составе сложноподчиненного предложения, в котором роль главной части играют авторские слова. Это синтаксическое различие является основным признаком отграничения косвенной речи от прямой. Что же касается лексического различия, то оно менее обязательно.

Прямая речь может передавать:

а) высказывание другого лица, например: *«Не арив йырлай дагъы», - деди кимесе бирев* (М.Абуков) «Как красиво поет», - сказал кто-то;

б) слова самого автора, произнесенные им ранее, например: *«Ёлгъа къачан чыгъабыз?» - деп сорадым мен* (Р.Расулов) «Мы когда отправляемся в путь?» - спросил я;

в) невысказанные мысли, например: *Ойлашаман: «Халкъ негер пашман, къайдан гелген бу ерге бу таш»* (М.Атабаев) «(Я) думаю: «Почему люди печальны, откуда же здесь этот камень».

Авторские слова обычно содержат в своем составе глагол высказывания или мысли (*демек* «сказать», *сорамакъ* «спросить», *жаваб бермек* «ответить», *ойлашмакъ* «подумать» и др.).

КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

Косвенная речь не имеет своего формального выражения — она дает чужую речь в обычном изложении лексико-семантическими средствами, структурно организованными по одной из схем сложного или простого предложения. Ср.:

Прямая речь	Косвенная речь
Асиятны токъатып: «Къайда барасан?» - къайда деп сорадым	*Асиятны токъатып, барагъанын сорадым*

Косвенная речь в своем построении имеет следующие особенности:

1. Подлежащее (+ второстепенные члены) авторской речи выдвигается вперед, сказуемое ставится в абсолютном конце предложения;

таким образом, авторская речь обрамляет чужую в ее косвенной передаче.

2. В чужой речи происходит смена личных местоимений, аффиксов принадлежности и форм глагола.

3. Сказуемое авторской речи, выраженное формами глагола *де* «сказать»:

а) заменяется глаголом *айтмакъ* «сказать»: *Анасы уланына: «Тез гелерсен», - деди. – Анасы уланына тез гелме герекни айтды.*

б) в вопросительной речи — глаголом *сорамакъ* «спросить»: *Анасы уланына: «Школагъа бардынгму?» - деди. – Анасы уланына школагъа баргъанын сорады.*

Прямая речь может занимать любое место по отношению к авторским словам, а косвенная речь всегда следует за ними.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Абуков К. Мен айыплыман, Мариям. Магьачкъала, 1964.

Абуков К. Очакъда от сёнгенче. Магьачкъала, 1974.

Абуков К. Сюйсе де – сюймесе де. Магьачкъала, 1973.

Абуков М. Яшавну ахыры ёкъ. Магьачкъала, 1969.
Абуков М. Рагьмулу тюбек. Магьачкъала, 1981.
Акавов З. Биринчилер. Магьачкъала, 1982.
Акъгёзов Къ. Жагьил юреклер. Магьачкъала, 1980.
Альбериев Ш. Яшыртгъын яра. Магьачкъала, 1978.
Аскерханов А. Тав оьзенни тавушу. Магьачкъала, 1978.
Арсланбеков Х. Мамагьажи. Магьачкъала, 1969.
Астемиров Б. Къылыч ва къалам. Магьачкъала, 1979.
Атаев Басир. Эсге геле. Магьачкъала, 1969.
Атаев Баммат. Азатлыкъны ёлу булан. Магьачкъала, 1983.
Аткъай. Къумукъ тюзде. Магьачкъала, 1953.
Аяв. Зурнайчыны хабары. Магьачкъала, 1959.
Гереев Ю. Молла Насрутдинни сапар ёлдашы. Магьачкъала, 1962.
Жачаев А. Атланаман. Магьачкъала, 1977.
Залимханов А. Юлдузум. Магьачкъала, 1971.
Ибрагьимов А.-Гь. Аманхор. Магьачкъала, 1976.
Керимов И. Магьач. Магьачкъала, 1960.
Керимов И. Къанатлы къыз. Магьачкъала, 1972.
Керимов И. Уллу Уран. Магьачкъала, 1953.
Керимов И. Разведкада. Магьачкъала, 1970.
Керимов И. Юртлу къызлар. Магьачкъала, 1958.
Керимов И. Терен булакъ. Магьачкъала, 1972.
Керимов И. Гечеги къувун. Магьачкъала, 1966.
Керимова Ж. Насибим мени. Магьачкъала, 1978.
Къазиев И. Мени алтын чабагъым. Магьачкъала, 1977.
Къалсынов А. Гюлзар. Магьачкъала, 1978.
Къурбанов Амир. Тавтюпдеги юрт. Магьачкъала, 1971.
Мантаева У. Гьёкюнч. Магьачкъала, 1971.
Мантаева У. Алгъасавлу чакъырыв. Магьачкъала, 1967.
Мантаева У. Биринчи язбаш. Магьачкъала, 1976.

Расулов Р. Ант. Магьачкъала, 1978.
Расулов Р. Операция “Дагъыстан”. Магьачкъала, 1973.
Расулов Р. Бекенез. Магьачкъала, 1958.
Сулейманов А.-В. Сёйлейген япыракълар. Магьачкъала, 1966.
Хамав И. Кюленмей къалгъан кюлкю. Магьачкъала, 1966.
Хамав И. Дагъыстан намус. Магьачкъала, 1966.
Хамав И. Арагъызда не къалгъан. Магьачкъала, 1981.
Хангишиев М. Чубурув бойларда. Магьачкъала, 1953.
Хангишиев М. Эки хабар. Магьачкъала, 1953.
Хангишиев М. Рашит булан Разият. Магьачкъала, 1976.
Хиясов З. Язбашымны бюлбюлю. Магьачкъала, 1974.
Ягьияев М. Оьлюмден уьст болгъанлар. Магьачкъала, 1974.
Ягьияев М. Бизге оьлме чола ёкъ. Магьачкъала, 1977.
Ягьияев М. Хынжаллар сувурулгъан. Магьачкъала, 1969.
Ягьияев М. Чечилмеген сырлар. Магьачкъала, 1964.
Адабият Дагъыстан. (Журнал). Магьачкъала
Дагъыстанлы къатын. (Журнал). Магьачкъала
Дослукъ. (Альманах). Магьачкъала
Къарчыгъа (Журнал). Магьачкъала
Къумукъланы йыр хазнасы. (Антология). Магьачкъала
Ленин ёлу. (Газета). Магьачкъала

Список условных сокращений

Языки:

Аз. - азербайджанский

алт. - алтайский

башк. - башкирский

булг. - булгарский

гагауз. - гагаузский

др.-тюрк. - древнетюркский

казах. - казахский

караим. - караимский

к.-балк. - карачаево-балкарский

к.-калп. - каракалпакский

кирг. - киргизский

кум. - кумыкский

ног. - ногайский

огуз. - огузский

ойрот. - ойротский

русск. - русский

салар. - саларский

татар. - татарский

тоф. - тофаларский

тув. - тувинский

тур. - турецкий

туркм. - туркменский

уйг. - уйгурский

узб. - узбекский

хак. - хакасский

чув. - чувашский

шор. - шорский

якут. - якутский

Прочие сокращения:

Автореф. - автореферат

в кн. - в книге

вин. - винительный падеж

род. – родительный падеж

им. –именительный падеж

дат. – дательный падеж

вып. - выпуск

дис. - диссертация

ед.ч. - единственное число

и др. - и другие

и т.д. - и так далее

исх. - исходный

канд. - кандидат

л. - лицо

лит. - литературный

местн. - местный

мн.ч. - множественное число

см. - смотреть

филол. - филологический

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ……..…..11

ВВЕДЕНИЕ

К характеристике современного кумыкского языка……..…….14
К вопросу о происхождении кумыкского языка……..…20

Историография изучения кумыкского языка…….….22

Фонетика

Вводные замечания……..…….…....33
СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ……....…34
Гласные переднего ряда……38
Гласные заднего ряда……40
Состав согласных фонем……..…….43
Общая характеристика согласных……...……43
Губные……...…….45
Переднеязычные……50
Среднеязычные…….59
Заднеязычные……62
Гортанные……..……66
СИНГАРМОНИЗМ……..….68
Гармония звуков в односложных словах (корнях) и слогах……...….71
Гармония звуков в двусложных структурах…….……73
Гармония звуков в трех- и многосложных словах……74
Гармония гласных……76
Гармония гласных и согласных……..……79
Изменение согласных в потоке речи……...……81
Ассимиляция…….….....81
Прогрессивная ассимиляция……81
Регрессивная ассимиляция согласных……83
Диссимиляция……85
Удвоенные согласные (геминаты)……86
Фонетическое чередование согласных……87
Выпадение гласных……...……88
Выпадение согласных……...…89
Метатеза…….……89
Протеза, эпентеза, эпитеза, апокопа……90
СЛОГ И СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА……..91
Виды слогов……96
Слоговой состав слова и сочетаемость слогов…….……97
УДАРЕНИЕ……...…….99
КУМЫКСКИЙ АЛФАВИТ И ОРФОГРАФИЯ
Особенности кумыкского алфавита…….…..105
Характер и основные принципы письма…….……..109
Лексикология
Исконная лексика…….……119
Общетюркско-межтюркская лексика…….…119

Кыпчакская лексика кумыкского языка……121
Собственно кумыкская лексика……123
Заимствованная лексика……..124
Экспрессивно-стилистические пласты лексики……129
Активный и пассивный состав лексики……130
Полисемия……131
Омонимы……132
Синонимы……134
Антонимы……136
Фразеология……138
Сведения по фономорфологии
Морфонологические явления при словоизменении……139
Морфонологические изменения при словосложении и редупликации……148
МОРФОЛОГИЯ
Вводные замечания……..158
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ……164
Значение и грамматические признаки существительного……164
Грамматические категории существительного……168
Категория множественности……168
Категория принадлежности……186
Категория падежа (склонения)……197
Общая характеристика склонения……197
Основной падеж……200
Родительный падеж……205
Винительный падеж……208
Дательный падеж……209
Исходный падеж……213
Местный падеж……218
Именная категория сказуемости……221
Словообразование существительных……230
Аффиксация……230
Аффиксы отыменного словообразования……231
Аффиксы отглагольного словообразования……233
Словосложение……236
Парные имена……236
Собственно сложные имена существительные……238
Субстантивация……240
прилагательное……242
Качественные прилагательные……242
Степени качества прилагательных……243
Относительные прилагательные……247
Словообразование прилагательных……248

Морфологический способ……..248
Синтаксический способ…….252
Морфолого-синтаксический способ…….....255
Адъективация частей речи……..…..256
Субстантивация прилагательных……..257
Числительное……..…258
Количественные числительные…….……266
Порядковые числительные……268
Собирательные числительные……...269
Приблизительные числительные……...270
Дробные числительные……...271
Разделительные числительные……..272
МЕСТОИМЕНИЕ……272
Формально-грамматическая классификация местоимений…….273
Семантическая классификация местоимений……...277
Личные местоимения…….……277
Указательные местоимения……281
Вопросительные местоимения……...285
Относительные местоимения……287
Неопределенные местоимения……...287
Определительные местоимения……289
Отрицательные местоимения……291
Количественные местоимения……...291
Притяжательные местоимения……..292
Прономинализация……..293
НАРЕЧИЕ……293
Грамматическая характеристика наречия……..293
Разряды наречий……..296
Образование наречий……..297
Аффиксация……...297
Словосложение……..300
Адвербиализация……...302
ГЛАГОЛ……303
Категория залога……..304
Основной залог……..305
Возвратный залог……..306
Страдательный залог……307
Взаимно-совместный залог……..309
Понудительный залог……310
Сложные залоговые формы……313
Застывшие залоговые формы……314
Категория лица……315

Категория наклонения……320
Повелительное наклонение……..320
Желательное наклонение……..321
Условное наклонение……326
Сослагательное наклонение……329
Уступительное наклонение……..332
Долженствовательное наклонение……336
Изъявительное наклонение……..342
Настоящее время……343
Будущее время……346
Будущее предположительное время……347
Будущее категорическое время……350
Прошедшее время……351
Прошедшее категорическое время……..352
Прошедшее перфектное время……353
Сложные формы прошедшего времени……..357
Прошедшее незаконченное время……...357
Давнопрошедшее время……361
Прошедшее многократное время……363
Прошедшее длительное время……364
Формы глагола, выражающие характер протекания действия……364
Вспомогательные глаголы……..365
Словообразование глагола……374
Аффиксация……375
Словосложение……..……378
Причастие……380
Причастие настоящего времени……381
Причастие прошедшего времени……...384
Причастие будущего времени……386
Имя действия……388
Имя действия на *–макъ*……389
Имя действия на *–ыв*……390
Имя действия на *–лыкъ*……391
Инфинитив……...392
Деепричастие……..….395
Деепричастие на *–ып*……397
Деепричастие на *–а, -е, -й*……399
Деепричастие на *-гъанча//-гъынча*……400
Деепричастие на *–гъанлы*……402
Деепричастие на *–агъанлы*……..…402
Деепричастие на *–майлы*……..…403
Деепричастие на *–гъандокъ*……404

Деепричастие на *–гъандай*……..404
Служебные части речи……..405
Союзы……..406
Сочинительные союзы……..…406
Подчинительные союзы…….…..…409
Послелоги……....413
Значения и употребление послелогов……..…416
Служебные имена…….……..422
Частицы……..….424
Семантические группы частиц……427
Логико-смысловые частицы……427
Усилительные частицы…… .427
Ограничительно-выделительные частицы……428
Модальные частицы.....431
Модальные слова……434
Междометия……436
Подражательные слова……..…441
Предикативные слова……..442

СИНТАКСИС

Вводные замечания…….……448
Виды синтаксической связи……..……448
Управление…….…..451
Глагольное управление…….……452
Неглагольное управление…….…455
Управление существительных……..455
Управление прилагательных……458
Управление числительных……458
Управление наречий……..459
Управление модальных слов и предикативов…….…459
Согласование……....459
Примыкание……460
Именное примыкание……...460
Глагольное примыкание……461
Наречное примыкание…….…462
Словосочетание……463
Именные словосочетания……....465
Сложные именные словосочетания……....468
Словосочетания с управляющими прилагательными…….....471
Словосочетания с числительными в роли главного слова……..…..473
Наречные словосочетания……473

Глагольные словосочетания…….474
Глагольные словосочетания с примыкающими членами…….....475
Простые глагольные словосочетания……..476
Сложные глагольные словосочетания…….476
Комбинированные глагольные словосочетания…….479
ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ…….480
Главные члены двусоставного предложения ……..….480
Подлежащее…….....480
Сказуемое……482
Глагольное сказуемое…….482
Простое глагольное сказуемое……482
Составное глагольное сказуемое…….483
Осложненные формы глагольного сказуемого……...…485
Именное сказуемое…….485
Простое именное сказуемое……485
Составное именное сказуемое…….486
Второстепенные члены предложения……488
Дополнение……488
Прямое дополнение……488
Косвенное дополнение……...491
Определение…….…492
Приложение……..…493
Обстоятельство……...494
Обстоятельство времени……..…494
Обстоятельство места и направления…….496
Обстоятельство причины…….497
Обстоятельство цели…….498
Обстоятельство образа действия……..500
Обстоятельство сравнения……502
Обстоятельство меры и степени……..503
Обстоятельство условия……504
Обстоятельство уступки……..….504
Простое осложненное предложение……..504
Обособленные второстепенные члены предложения……..504
Обособленное определение……..…505
Обособленное обстоятельство…….506
Обособленные уточняющие члены предложения…….507
Однородные члены предложения……..508
Обобщающие слова при однородных членах предложения……510
Предложения, осложненные обращениями……511
Вводные слова, словосочетания и предложения……513
Типы предложений по цели высказывания……..516

Порядок слов в предложении…….518
Типы предложений по составу главных членов……...…521
Односоставное предложение……...521
Определенно-личное предложение……..…522
Неопределенно-личное предложение……523
Обобщенно-личное предложение……..523
Безличное предложение……..…524
Инфинитивно-модальное предложение……525
Номинативное предложение……..526
Неполное предложение……...…527
Сложное предложение……528
Общие сведения……...…528
Сложносочиненное предложение……..…532
Сложносочиненные предложения с соединительными союзами……...533
Сложносочиненные предложения с союзом ва……533
Сложносочиненные предложения с союзом да (де)…….535
Сложносочиненные предложения с союзом не… не……...536
Сложносочиненные предложения с противительными союзами...536
Сложносочиненные предложения с разделительными союзами…538
Сложносочиненные предложения с присоединительными отношения-
ми……..539
Сложноподчиненное предложение……540
Придаточное подлежащное предложение……..…540
Придаточное сказуемостное предложение……..…541
Придаточное дополнительное предложение……..……542
Придаточное определительное предложение……..…543
Придаточные обстоятельственные предложения……...…545
Придаточное времени……545
Придаточное места…….545
Придаточное причины……547
Придаточное следствия……..548
Придаточное цели……549
Придаточное предложение условия……..…550
Придаточное уступительное предложение…….....552
Придаточное образа действия……..553
Придаточное сравнительное…….556
Придаточное меры и степени……557
Придаточное сопоставительное предложение……558
Придаточное пояснительно-присоединительное……559
Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными……..560
Бессоюзное сложное предложение……565
Бессоюзные сложные предложения с однотипными частями…….566

Бессоюзные сложные предложения с разнотипными частями…….....567
Многочленные бессоюзные сложные предложения…….....568
Многочленные сложные предложения с разными видами связи……569
Периоды……..570
Прямая речь……581
Косвенная речь……584
Источники иллюстративного материала…….....586
Принятые сокращения……...……588

Научное издание

Абдуллаева Айшат Заирхановна,
Гаджиахмедов Нурмагомед Эльдерханович,
Кадыраджиев Калсын Салахович,

Керимов Ибрагим Абдулкеримович,
Ольмесов Нураммат Хайруллаевич,
[Хангишиев Джангиши Магомедович

СОВРЕМЕННЫЙ КУМЫКСКИЙ ЯЗЫК

Редакторы:
кандидат педагогических наук **А.М. Саидов, А.К. Алиев**

Формат 60х84 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Тир. 300 экз.
Размножено ИИ «Бисултанова П.Ш.», Махачкала, ул. М.Гаджиева, 34.*